

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

Е.И.СУИМЕНКО

**КАПИТАЛИЗМ В НАШЕМ ДОМЕ
Взгляд сквозь призму
теории и социальной эмпирии**

Киев
2007

ББК 60.5

С 89

С 89 Суименко Е.И. Капитализм в нашем доме. Взгляд сквозь призму теории и социальной эмпирии. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2007. — 512 с.

Suimenko Ye.I. Capitalism in Our House. Looking through the Prism of Theory and Social Empirics. — К.: Institute of Sociology, NAS of Ukraine, 2007. — 512 p.

ISBN 978-966-02-4393-4

Монография представляет собой итог многолетних поисков и раздумий автора о складывающемся общественном строе в современной Украине и возможных перспективах ее исторической судьбы. Решению этого сложного вопроса в монографии предпослано теоретико-методологическое переосмысление существующих в науке понятий и категорий, введение в ее аппарат тех «недостающих звеньев» историко-материалистической трактовки общественного процесса, которые поименованы автором как «энергия и логика истории», «деятельностный механизм» актуализации исторических закономерностей с его дихотомическими составляющими, а также целого ряда других понятий, вскрывающих синтетический характер взаимодействия социалистических (коллективистских) и капиталистических (индивидуалистических) начал человеческой истории. Привязка нового видения исторического процесса к анализу эмпирического материала позволила автору представить, — разумеется, небесспорную, — картину состояния и предполагаемых вариантов социально-экономического развития Украины.

The book is a result of author's long research and reflection about social system in modern Ukraine and possible prospects in its historical destiny. Discussion of this complex issue is based on theoretical and methodological analysis of scientific notions and categories, introduction of such 'missing links' of historical and materialistic understanding of social processes, as 'energy and logics of history', an 'activity mechanism' for actualization of historical laws and its dichotomy components, as well as many other notions describing the synthetic nature of relations between socialist (collective) and capitalist (individual) principles in the mankind history.

The empirical data processed with the help of that new vision of history processes made it possible to present the current condition of social and economic system in Ukraine and prospects of its development as they are seen and understood by the author.

ББК 60.5

Научные рецензенты:

Н.А.Шульга, доктор социологических наук

Д.П.Богиня, доктор экономических наук

Утверждено к печати Ученым советом Института социологии НАН Украины. Протокол № 4 от 30.05.2006 года.

ISBN 978-966-02-4393-4

© Е.И.Суименко, 2007

© Институт социологии НАНУ, 2007

Содержание

<i>Предисловие, или почему пришлось «отращивать бороду»</i>	5
--	---

<i>Глава 1. Общественно-исторический процесс: методологические и теоретические основания нового видения</i>	8
--	---

1.1. Логика и энергия истории	13
-------------------------------------	----

1.2. Человеческий субстрат социально- экономических отношений	51
--	----

1.3. Индивидуативный и социативный способы материально-производственной жизнедеятельности людей	70
---	----

1.4. Недосказанный Маркс: тайна органического строения капитала	94
--	----

<i>Глава 2. Капитализм: начало и конец истории</i>	125
---	-----

2.1. Капитализм в современной концептуальной картине общественно-исторического процесса	125
--	-----

2.2. Глобализм. Антиглобализм. Альтерглобализм	162
--	-----

2.3. Эсхатология экологического кризиса	211
---	-----

2.4. Социализм как дивергенция и самоотрицание капитализма	244
---	-----

<i>Àÿàà 3. Модели и реалии</i>	
---------------------------------------	--

«постсоциалистического» общества	297
3.1. Судьба конвергентных теорий и поиски нового синтеза	299
3.2. Модели преуспевающего Запада для обанкротившегося Востока	322
3.3. Опыт трансформационных попыток: инволюционная конвергенция и «хредный эффект»	353
<i>Глава 4. Украина в постсоветском пространстве и времени</i>	402
4.1. Эффект идеологического отката и метаморфозы рыночной политики	402
4.2. Панацея предпринимательской активности	425
4.3. «Реформирование» отношений собственности	448
4.4. Социально-классовая структура: миражи субъективного самочувствия и объективные реалии	469
<i>Заключение</i>	489
<i>Литература</i>	499

ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ПРИШЛОСЬ «ОТРАЩИВАТЬ БОРОДУ»

Положение о том, что одной из специфических функций интеллигенции является социальная критика, в свое время было воспринято мной как обычная научная абстракция, адресованная некой наиндивидуальной интеллигенции и менее всего касающаяся меня как ее представителя. Но спустя какое-то время я обнаружил, что соприкасаюсь с этой абстрактной тезой самым непосредственным образом: пока существовал Советский Союз, я был в оппозиции к его замалчиваемым порокам, которые изредка отваживался изобличать и о которых писал «в ящик» (свидетельство тому — шесть общих тетрадей «Философских россыпей»), а вот когда Союз рухнул и на его месте образовались «независимые» постсоветские острова, я снова оказался оппозиционером, но на сей раз противоположного толка, то есть стал защищать социализм и резко критиковать ценности «рыночной экономики». Что это? Неужели возвышающаяся надо мной неотвратимая функция социальной критики уготовила мне судьбу вечного оппозиционера? Размышляя над этим вопросом, я вдруг обнаружил, что позиции многих моих коллег весьма сходны с моими, только с противоположным арифметическим знаком. Когда существовал Союз, они пели ему осанну и предавали анафеме «проклятый капитализм»; когда же времена поменялись, они стали петь осанну «рыночной экономике» (ведь как-то неудобно было сразу называть ее «капитализмом»!) и предавать анафеме «советский тоталитаризм». Как же это называется? Прямое соглашательство? В пору поставить под сомнение существование социальной критики в качестве неперменного атрибута интеллигенции. И бог с ней, с этой социальной критикой. Важнее другое: беспристрастные поиски социологических истин в обход идеологических пристрастий и оценочных суждений.

Картезианский принцип *de omnibus dubitantur*, принцип сомнения, этот внутренний механизм и мотив научного творчества, предполагает не только «бой со стороны», но и спор-диалог с самим собой, со своим *alter ego*, то есть требует самокритичности. Убеденность должна быть выверенной тысячекратным опровержением собственных сомнений — только после этого она становится научной убежденностью. Сомнения же в правомерности собственной оппозиции по отношению к «рыночной экономике» пришли не сразу, как и не сразу появились их веские опровержения. Первой реакцией на «перестройку» и «рынок» был бурный и запальчивый протест, несогласие с их необходимостью и ожидаемым благим исходом. После ряда опубликованных мной статей антирыночного содержания я вознамерился с одним из моих коллег-единомышленников в конце 1990-х годов написать книгу о капитализме в нашем доме, поводом для чего послужила статья швейцарской журналистки Мэри Браун в одной из газет, где в эмоциональном запале говорилось о вторжении в социалистический дом непрошенных гостей с Запада, которые начали вести себя в этом доме как хозяева, нахраписто и нагло, «так, как будто этот дом принадлежит им» [1]. Однако по целому ряду причин личного характера работа над книгой затянулась (к тому же мой коллега со временем отказался от соавторства). Затянулась она и впоследствии, когда на глаза мне неожиданно попались строки из конспекта лекций по истории Средневековья известного в XIX веке российского историка Тимофея Николаевича Грановского: «Человек нетерпелив; он думает, что с падением одного тотчас начинается лучшее, но история не торопится. Разрушая один порядок вещей, она дает время сгнить его развалинам, и разрушители прежнего порядка никогда не видят своими глазами той цели, к которой шли они» [2, с. 9].

Не считая себя «разрушителем прежнего порядка» и вместе с тем видя в нем многие из сторон, достойные разрушения, я понял, что торопиться не следует и что придется очень многое перевернуть, воспринять, увидеть, проследить за новым, появившимся, все это осмыслить, чтобы затем со знанием дела попытаться вникнуть в смысл и суть происшедших изменений. В итоге на замысел и написание этой книги ушло без малого 10 лет.

Был период, когда вопреки первоначальному замыслу я хотел изменить название книги — «Постсоциализм: дорога в никуда или к диалектическому синтезу?». Но, подумав, оставил прежнее. Оно показалось мне более *спокойным*, уравновешенным, без намека на предрешения. К этому меня подтолкнуло превосходное «Слово к читателям» главного редактора газеты «Коммунист», журналиста Александра Голуба, в частности такие его слова: «Свершилось то страшное, нелепое, бесчеловечное дело, когда миллионы, казалось бы, разумных людей, подобно китам, по необъяснимым до сих пор причинам выбрасывающимся на берег, своими руками уничтожили свой собственный дом, не построив взамен ничего нового, кроме тюрем для себя и своих детей. И к тому же — роскошных дворцов для вороватых и жестоких надзирателей» [3].

Политический смысл этих слов, разумеется, не предопределил ход моих мыслей, не снабдил их определенной идеологической тоналностью, но имеющая глубокий смысл метафора «дом» не могла не затронуть гражданских чувств равнодушного к судьбам страны человека. Тем не менее чувства — будь они даже гражданского свойства — приходится урезонивать перед императивами строгой теории. Как и воля, они должны согласовывать свою субъективную энергию с разумом, иначе, став слепой силой, разбиваются о неминуемые преграды или разрушают то, что не входило в намерения рефлектирующего их человека.

ГЛАВА 1

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НОВОГО ВИДЕНИЯ

Особенностью социального познания, в отличие от естественнонаучного, является релятивный характер его предмета, то есть пребывание человеческого общества в постоянном, эмпирически фиксируемом движении и изменении. Социологии каждый раз приходится поспевать за смыслом и сущностью происходящих перемен и «на ходу» вносить поправки в свой теоретико-методологический аппарат, достраивая, перестраивая, а нередко даже изменяя его. Такова судьба большинства социальных научных систем. К счастью, не всех. Те научные направления, которые не гонятся за уходящим днем и не довольствуются чувственной данностью, помимо релятивности исторического процесса видят и нечто другое – его целостный и устойчивый теоретический образ. Видят *диалектику процесса*, раздвигающую горизонты схваченного мыслью мира в его долговременных, простирающихся в далекое прошлое и не менее далекое будущее исторических коллизиях. Такие научные направления, может быть, не совсем справедливо пренебрегают грубыми эмпириями повседневности, но тем они героичней и величественней, чем больше дистанцируются от концепций сиюминутности, хотя нередко бывают посрамленными не всегда подвластной им практикой. И поэтому, когда зряшные критики пытаются раз и навсегда покончить с марксизмом, находя основания для этого в его «холизме», падении или отступлении социализма как «не подтвердившей марк-

систских прогнозов» исторической реальности, они изобличают только себя — свою грубо позитивистскую методологию мышления, свои мелкокомасштабные критерии оценки грандиозных событий истории. Перефразируя известные слова Ленина об «исчезновении материи», можно сказать: *социализм исчез — это значит исчез тот предел, до которого мы знали социализм*. Социализм в его советском варианте — это всего лишь эпизод всемирной истории, «исчезновение» которого не дает оснований для окончательных похорон его как такового вкупе с марксизмом, как не дает оснований долголетие капитализма для приобщения его к сонму бессмертных. Истинность или ложность формационной концепции Маркса не верифицируется отдельными фрагментами человеческой истории.

Марксизм — не икона и не догма, чтобы можно было его разрушать. Да и разрушить его невозможно. Необходимо только вытряхнуть из него мусор и пыль всевозможных привнесений и омертвевшие ветки тех оказавшихся несостоятельными частностей, которые не выражают его доктринальной сущности. Теоретико-методологический его ствол, сбрасывая пожелтевшие листья и сухие ветки, способен зеленеть, как и само воспетое немецким мудрецом «древо жизни». Всякое ниспровержение марксизма только воспламеняет в нем новую жизнь. В этом конструктивность его диалектики. Речь не может идти о замене его чем-то другим. Но, по большому счету, речь не может и не должна идти о «дальнейшем развитии марксизма». Правомернее говорить о *развитии, движении общественной науки, содержащейся в учении Маркса, его сторонников и последователей, к новому знанию, заключающемуся не только в «отражении» новых исторических реалий, но и в новом, генерализированном системно-категориальном способе их постижения*. С таким пониманием сложившейся ситуации можно рассчитывать на адекватное решение кардинальных теоретических проблем и вопросов социологической науки.

Одним из «вечных» вопросов этой науки, обычно возникающих в периоды крутых поворотов в развитии общественной мыс-

ли, является вопрос о том, что представляет собой человеческая история: хаотичное нагромождение движущихся уникальностей или нечто упорядоченное в пространстве и времени? Упорядоченность в данном случае предполагает объективную законо-мерность общественно-исторического процесса, научный статус которой в современной социологии, как правило, ставится под сомнение. Пожалуй, только марксистская версия сущности и направленности этого процесса эксплицирует их через понятия «закон», «закономерность», «тенденция», большинство же остальных версий предпочитают обходить эти понятия, довольствуясь конструктами типа «модель», «тип поведения», «функция», «вызов времени», «выбор пути» и т.д. Неприятие детерминистской социологии марксизма основано по большей части на неправомерном приписывании ей, во-первых, одномерного и линейного *экономического детерминизма*, и, во-вторых, динамической (нестатистической) трактовки понятия объективного закона*.

В опровержение этих наветов можно сказать следующее. Во-первых, материалистическое понимание детерминации общественной жизни и исторического процесса не сводится к признанию определяющей роли экономики для познания всего многообразия системы человеческого общества. Научные абстракции «способ производства», «производственные отношения», «экономический базис» имеют предметом своего отвлечения не «чисто»

* Синергетический подход, столь популярный в современных общественных науках, является, по большому счету, реинтегрированным положением о диалектической связи динамических и статистических закономерностей развития (в том числе общественного), ибо в этом подходе четко просматривается диалектика взаимосвязи известных категорий необходимости и случайности с той лишь существенной поправкой, что взаимосвязь подобного рода в трактовках большинства советских философов выглядела всего лишь как элементарная редукция случайного явления к необходимому («форме проявления необходимости»), а определение Ф.Энгельса случайного явления как «формы *дополнения* необходимости» предавалось забвению. Последнее («дополнение») и представляют собой «точки бифуркации», каждая из которых потенциально закладывает начало новым закономерностям.

экономические феномены, не составные звенья технологии хозяйственного процесса, а *материальную данность* человеческого общества как взаимодействия людей и вещей (непосредственное производство) и как взаимодействия людей, индивидов друг с другом (опосредованное производство, отношения). Иными словами, понятие *материального* намного шире понятия *экономического*, которое в классическом его толковании предстает всего лишь как «движение вещей», овеществленных сгустков человеческого *прошлого* труда. К тому же в марксистской социологии понятие экономики нерасторжимо связано с понятием *социальной* экономики (политэкономии), когда речь идет не о технологиях хозяйственного процесса, а о *социально-экономических отношениях*. И нет большей глупости или вульгаризации, как навязывать марксизму признание линейной зависимости всех проявлений социальной жизни людей от способа хозяйствования, или тем более от «экономикс». Нельзя не отметить при этом, что в официальном общественведении человеческие взаимодействия рассматривались в качестве субъективно-идеального, «надстроечного», а не материального образования. Тем самым и имманентные этим взаимодействиям определенные состояния, обусловленные их содержательной стороной и объясняющие причины и природу стабилизации или изменения, покоя или движения (развития) общественных систем, были изъяты из контекста «движущих сил», ибо — так казалось — они не обладали «материальной природой». Короче говоря, *материальное* в социальном процессе, опять же, редуцировалось в *экономическое*.

Во-вторых, из марксистского принципа материалистического монизма следует, что человеческое общество, будучи органической частью материального мира, при всей своей специфичности не может выпасть из материально-уровневой иерархии причинно-следственных связей, что наблюдается и в природе. Иными словами, оно подчинено действию определенных объективных закономерностей. Социальная философия марксизма 1960–1980-х годов в лице лучших ее представителей много поработала над тем, чтобы увидеть специфику социального детерминизма в: а) стати-

стическом (ансамблевом), синергетическом характере общественных закономерностей, б) их иерархической многоуровневости и многоплановости, в) значительном стохастическом разбросе социальных явлений (существенно важной роли «случайного фактора» и векторном характере закономерностей); г) преобладании тенденций (вероятно-возможных направлений развития) над жесткой детерминированностью; д) опосредованности их действия (протекания) субъективным фактором (совпадении изменения обстоятельств с человеческой деятельностью); е) повышении роли субъективного фактора (самодерминации) в социокультурной эволюции человечества. Вряд ли состоятельны противопоставления этой трактовке специфики социального детерминизма различного рода индетерминистских идей, равно как и неуклюжие попытки ее опровержения расхожими остротами типа «создания общества по содействию солнечному затмению».

Заострив внимание на необходимости адекватной трактовки *материальной основы* существования и развития общества (как *не только экономических условий, но и реального, непосредственного и опосредованного взаимодействия индивидов в качестве социальной материи*) и на *стохастическом характере* объективных закономерностей и тенденций, автор в данном разделе ставит своей целью, во-первых, охарактеризовать механизменную (деятельностную) сторону протекания этих закономерностей и, во-вторых, определить, в частности, место человеческого фактора в разрешении тех макрообщественных противоречий, которые в марксистской литературе характеризуются как противоречия между новыми производительными силами и изжившими себя старыми производственными отношениями. Достижению этой цели, хотя бы в приближенном варианте, посвящен настоящий раздел книги.

1.1. Логика и энергия истории

Диалектико-материалистическая теория общественного развития имеет то преимущество перед всеми другими, что, будучи открытой научной системой, вследствие самого методологического ее основания (диалектики), она, во-первых, имманентно содержит в себе неограниченные возможности саморазвития, предметного и содержательного раздвижения своих границ и, во-вторых, способна включать в себя путем «снятия» научно плодотворные идеи и положения любых, в том числе, казалось бы, не согласующихся с ней концепций. «Вечно живое учение», ставшее сегодня предметом снисходительных или высокомерных насмешек и порицаний со стороны не приемлющих или не понимающих его ученых, чаще всего трактуется в духе Раймона Арона как «сумма неопределенностей», как свод спекулятивных силлогизмов на все случаи жизни. Однако, когда тот же Раймон Арон признает, что «идея о противоречии между производительными силами и производственными отношениями может служить руководящей нитью в любых исторических исследованиях безотносительно к философским и политическим взглядам» [1, с. 364], весьма странным в данном случае выглядит исключение им этой идеи из контекста марксистской диалектико-материалистической методологии, благодаря которой она, эта идея, появилась на свет.

Снятие запретов на вхождение в контакт и взаимодействие марксистской теории с «буржуазными» концепциями общественного развития в середине 1980-х годов предоставило широкие возможности для распространения диалектической методологии на ранее чуждые или недоступные для нее области знания и предметы исследования*. Но отступление социализма, его поражение в «холодной войне» автоматически повлекло за собой и «поражение» марксистской теории, от которой отшатнулось большинство ученых (у нас, в Украине, в меньшей мере – в России, но не на Западе, который в 1990-е годы обратился к «переосмыслению марксизма» – *Rethinking Marxism***). Откат от теории и методологии марксизма, тем не менее, не может длиться долго: императивы

* Здесь я вынужден прибегнуть к небольшой ремарке: головотяпство советских чиновников от науки, заключающееся в различного рода ненужных «запретах», не имело ничего общего с императивами и, тем более, сущностью марксизма.

науки рано или поздно дадут о себе знать, преодолев идеологические предрассудки. И «возвращение» к марксизму, или его «переосмысление» будет происходить (и уже происходит) прежде всего в направлении его самокритики и обрращения теоретико-методологической классики новыми привнесениями-дополнениями в качестве саморазвития диалектики познания.

Уже сегодня стучатся в двери диалектической методологии или наполовину вошли в нее такие недостающие ей составляющие, как системный подход, функционализм, синергетика. Близки к диалектической трансметодологии общественного познания теория социального действия, интеракционизм, теория социального обмена, акционизм (социология действия), социобиология, фрейдомарксизм, эксплуатирующие предметное пространство «индивид-социум» и страдающие от недостатка методологической способности сомкнуться в стройный ансамбль социологической нау-

** В аннотации к журналу под этим названием его редакторы в 1995 году писали: «Убеждение редакторов состоит именно в том, что марксистские подходы к социальной теории являются важными для развития стратегий радикального социального изменения, особенно для прекращения классовой эксплуатации и различных форм политического, культурного и психологического угнетения» (History of Political Economy. Summer, 1995). Энтони Брюэр, профессор Бристольского университета, на одном из международных симпозиумов (1994) отметил: «Экономические идеи Маркса заслуживают изучения хотя бы потому, что они являются интегральной частью мировоззрения, которое оказало огромное влияние за пределами экономики» [2, р. 141]. Профессор Торонтского университета Сэмюэль Холландер предупредительно заявил: «...Снятие портрета Маркса с Красной площади не является основанием для того, чтобы историки марксистской экономической мысли вносили изменения в свои исследовательские программы... Опровергнутый или нет — как логически, так и эмпирически — Маркс остается, в соответствии со старой традицией, достаточной фигурой для продолжительного научного исследования» [3, р. 169–170].

С конца 1990-х годов в ряде научных центров Москвы (прежде всего ИФ РАН, МГУ им. Ломоносова) возникли секции и платформы марксистского обществоведения, объединившие вокруг себя большое количество ученых не только Российской Федерации, но и других стран, в том числе Украины, Беларуси, Латвии, Молдовы, Узбекистана, Туркмении, КНР, КНДР, Вьетнама, Кубы и др. С 1998-го по 2003 год ИФ РАН провел 6 международных конференций и круглых столов по различным аспектам современного состояния и развития марксистской науки, в том числе во Львове («Карл Маркс в контексте мировой культуры XX столетия», 1998 год).

ки, соединяющей воедино знания о социальных закономерностях со знаниями механизма их действия.

Обращая внимание на актуальную методологическую роль понятия механизма социального процесса, призванного восполнить недостаток («недостроенность») научно-инструментального содержания диалектики общественного познания, можно полагать, что в основу объяснения этой роли должна быть положена соотносительность двух широко известных, но до сих пор так и не состыковавшихся категорий материалистической диалектики — категорий *связи* и *движения*. Поскольку эта связка может показаться неожиданной и лишенной смысла, следует основательно разобраться в ней.

Категория связи означает противоречивое единство гетерогенного и гомогенного состояний мира. Связь «чего-то» с «чем-то» в общественной жизни только и может существовать при гетерогенности социума, его качественной разнородности, но чтобы «что-то» *связывалось* с «чем-то», необходимо их единство-тождество по ряду однопорядковых признаков, то есть необходима дополняющая абсолютную гетерогенность та гомогенность, которая превращает первую из абсолютной в относительную. Существование связей между предметами или их свойствами, признаками вскрывает их внутреннюю природу, сущность, то есть закономерный характер, характер объективной *логики*. Понимание логики связей, логики причинно-следственных зависимостей дает нам возможность предполагать и предвидеть ход событий. Однако, как сплошь и рядом показывает практика, и особенно социально-историческая, одного знания «логики процесса» (закономерности) еще недостаточно для основательности прогноза, для эмпирической «реализации» этой логики. Чего же не хватает? Учета того обстоятельства, что объективная логика связей как эмпирическая реальность в историческом процессе может стать таковой только *при самодвижении* взаимосвязанных объектов или их свойств в направлении (и в содержательном изменении), задаваемом этой логикой. Без такого движения, без реального взаимодействия объектов и их свойств логика мертва и бездыханна. Без логики связи движение хаотично, беспорядочно и разрушительно. Лишь единство связи и движения составляет реальный закономерный

процесс. В функционировании и развитии общества социальные связи как субстрат объективной логики (закономерности и тенденции) приобретают характер реального процесса исключительно благодаря *человеческой деятельности*, выступающей *механизмом* «реализации» этих связей.

Прежде чем говорить о соотносительности деятельностного механизма с «реализуемой» им закономерностью, очевидно, есть смысл хотя бы кратко определить то понятие, которое названо мной *энергией истории*. Это понятие, корреспондируя с иными, такими, как «деятельность», «трудовая деятельность» («труд»), «общественное движение», «социальные (или политические) силы», «творчество народных масс», «социальная активность», «социальное действие», «социальная (экономическая и др.) деятельность», наконец, «пассионарность» и «акционализм», вместе с тем отличается от них, поскольку семантически обращено на источник деятельности и генерирующего ее субъекта. С естественно-материалистических позиций энергия истории есть вся та совокупность физических движений составляющих систему общества ее человеческих и вещественных элементов, которая при помощи вербальных и знаково-символических форм полицентрической социетальной психики (социального интеллекта и политический или спонтанной воли) в конечном счете приводит к определенному целезаданному или непредвиденному социальному результату (изменениям). Социально структурируемое *физическое движение* во всех случаях является таковым, хотя по мере социокультурной эволюции человечества предметная и временная дистанция между вызывающим его импульсом (целью, решением, планом) и им самим все более увеличивается за счет прирастаемых опосредований: одно дело — борьба врукопашную между враждующими племенами или восстание рабов, и совершенно другое дело — современные технически и информационно оснащенные войны, все менее связанные с физической активностью их участников. Мускульная энергия уступает место энергии искусственных, экзотерических «органов» общественного тела, которая вместе с тем остается физическим движением, наполненным социальным смыслом (действием). Такова эмпирика энергии истории. Она обнаруживается в самых различных процессах — в трудовой деятельности, в воспроизводстве и изменении общественной жизни во всех

ее сферах, и прежде всего в хозяйственной, в созидании и разрушении, интеграции и дезинтеграции, ускорении роста или развития, экспансии и т.д. — с разной степенью интенсивности. Однако главной составляющей энергии истории является деятельность, человеческий труд. Это живая деятельность в соединении с прошлой, овеществленной как в материальных предметах, так и в самих человеческих отношениях, — в смыслонесущих образах, звуках, словах и предметах. Энергия этой деятельности не только предполагает органическую связь с логикой, но и превращение первой во вторую, ибо подобно тому, как «труд угасает в товаре», по Марксу, целеполагающее действие угасает в логике. Именно в этом четко просматривается единство закона (объективной логики исторического процесса) и механизма его действия (энергии)*. Это единство — не спекулятивная, «диалектическая» декларация. Оно доказано всем ходом развития общества, в котором человеческая трудо-вая деятельность обнаружила удивительное свойство

* Смысл этого диалектического единства либо не захотел понять, либо намеренно проигнорировал А.Турен, из факта возросших в своих масштабах свободы и суверенности «человека действующего» сделавший вывод о его «выходе» за пределы исторического детерминизма: «Разрыв с классической социологией возможен только в том случае, если мы сегодня перестанем отождествлять действующее лицо с его творениями, субъекта с историей, если мы покидаем эпическую точку зрения удушающих нас политических идеологий и занимаем более романтическую позицию, стремясь вновь отыскать действующее лицо в его заключении или, скорее, в его изоляции, а не среди триумфа его творений» [4, с. 193]. А.Турен далее утверждает: «Социология, как и история, изменяется вместе с самой общественной реальностью и мало-помалу освобождается от обращения к природе или к сущности вещей по мере того, как оказывается, что наша общественная жизнь все более осуществляется и изменяется нашим трудом, нашими социальными конфликтами, культурными творениями и политическими дебатами» [4, с. 195]. Опять же недialeктичность мышления делает суждения автора противоречащими друг другу, ибо «обращение к сущности вещей», от которого якобы освобождается социология (и история), есть не что иное как «культурные творения», как «осуществление» общественной жизни посредством труда, что, по мнению А.Турена, составляет предмет исследования современной социологии. Ученый с мировым именем воспринимает единство логики и энергии, закона и его механизма как дихотомию с обязательным предпочтением абсолюта первого или второго, не желая признавать их единства, хотя в других своих высказываниях (см. ниже!) признает это единство.

превращения в предметы, символы и знаки «второй» (социкультурной) природы. Энергия живого человеческого труда всегда угасает в его предметном результате; и если этот результат значим для социума, он, сохраняясь уже в качестве объективной реальности, выполняет важную продуктивную функцию – направляет, регулирует, усиливает или ограничивает действие живого труда, то есть придает ему закономерность и логику протекания. Хотим мы того или нет, но прошлый, овеществленный труд становится для нас таким же внешним фактором, как вещество или предметы естественной среды обитания, и поскольку он является уже независимым от нас, то диктуемые им императивы по отношению к живому труду имеют характер *объективной логики*. Можно с недоверием коснуться на диалектику Гегеля–Маркса, но кто станет оспаривать диалектику, воплощенную в мудрой народной пословице: «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь». Да, произнесенное слово уже не принадлежит нам, жалеем мы об этом или нет. Субъективное становится объективным. Логически регулируемая энергия сама становится логикой, которая, в свою очередь, регулирует новые потоки энергии.

Поскольку социальная энергия генерируется внутренней активностью личности, взаимодействием индивидов, групп при помощи катализирующих ее выделение условий и ситуаций, то во всей их совокупности, то есть деятельностном механизме имеют место свои собственные автономные закономерности *иного* уровня и порядка (субзакономерности), принципиально отличающиеся от законов и тенденций общественного развития. Речь идет об устойчивых внутренних связях человеческой личности, ее взаимодействиях с другими личностями, ее психологии, поведении, стереотипах и архетипах деятельности, способных привносить в вектор общественного процесса различного рода колебания, искривления и деформации, нередко таким образом, что от «чистой логики» процесса мало что остается*. В этом отношении перед наукой встают *задачи нахождения различных вариантов соотношения закона и механизма его дейст-*

вия: между ними может существовать полное соответствие (адекватность механизма закону), частичное соответствие и несоответствие. Очевидно, что основательность исторического процесса («оптимальность» его протекания) может наблюдаться только в первом случае и менее всего — в последнем.

Соотносительность связи и движения на уровне их абстрактной всеобщности выступает, таким образом, как соотносительность логики (закономерности) и механизма ее реального проявления, действия. На уровне общества, социума эта соотносительность означает реализацию объективных общественных закономерностей или тенденций посредством человеческой деятельности в качестве ее (реализации) социального механизма.

Положение о логике и энергии истории не является чем-то новым в науке. Оно известно со времен Маркса, писавшего о том, что люди сами творят свою историю сообразно условиям, определяющим смысл, направленность и ограниченность их действий. В ином варианте сегодня эту мысль высказывает А.Турен: «Надо <...> отказаться от иллюзорных попыток анализировать действующие лица вне всякого отношения к общественной системе или, наоборот, от описания системы без действующих лиц» [4, с. 7]. В развитие этого высказывания есть смысл сослаться на ряд заслуживающих внимания суждений П.Штомпки о своеобразии проявления действия социального механизма (человеческой деятельности) на различных иерархических уровнях социума. Согласно его суждениям, исторический материализм является многомерной теорией, разработанной на трех различных уровнях: все-

* О роли антропологических механизмов в действии социальных законов говорится в книге известного в 1980—1990-е годы российского политического деятеля и ученого Б.П.Курашвили, включившего в марксистское понятие базиса такой ранее игнорируемый его элемент, как «природа человека», и осуществившего по разным основаниям классификацию личностей («человеко-природных» классов). Указав на присутствие в структуре базиса «природы человека», Б.П.Курашвили ограничился при этом констатацией «параллельности» социально-психологических феноменов социально-классовой структуре общества. Первая, по его мнению, «играет в общем и целом подчиненную, хотя и существенную роль» [5, с. 46—58].

мирно-историческом, социально-структурном и индивидуальном [6, с. 206]. По сути, продолжает автор, исторический материализм включает три взаимосвязанных теории: теорию общественно-экономических формаций на высшем уровне; теорию классовой борьбы на среднем уровне и теорию человеческого индивидуальности («человеческого бытия», если использовать выражение Маркса) на нижнем уровне. Эти теории, составляющие прочно сложенное, иерархическое здание, связаны отношениями интерпретации (сверху вниз) и отношениями агрегации (снизу вверх). Если опускаться по ступенькам этого здания, можно обнаружить, что теории нижнего уровня объясняют механизмы процессов, протекающих на верхних уровнях, — они дают более конкретную эмпирическую интерпретацию требований, выдвигаемых там, то есть на верхних уровнях. Поднимаясь по ступенькам, можно заметить, что теории верхнего уровня описывают объединяющие эффекты процессов, происходящих на нижних уровнях, обобщая их ненамеренные и зачастую неосознаваемые результаты [6, с. 206–207].

Итак, действие объективных законов функционирования и развития (изменения) общества как системного образования, его различных подсистем и уровней осуществляется через деятельность взаимодействующих индивидов. Чем ограниченнее пространство социума, чем в большей степени оно эмпирически доступно каждому из этих индивидов, тем большую роль в нем играет субъективный фактор и тем больше оснований для того, чтобы связывать происходящие изменения с сознательной и целенаправленной деятельностью людей. Чем шире это пространство, чем меньше оно эмпирически доступно для индивида, тем больше действие законов его движения имеет индивидуально-аннигилированный, деперсонализированный характер и тем в меньшей степени прослеживается связь между объективной закономерностью и субъективным механизмом ее действия. На макроуровне общественных систем векторальный характер совокупного действия всей массы индивидов настолько отличен от сознания, целеполаганий и мотивов деятельности отдельных людей или малых, контактных групп, что говорить о «личностном» или «чело-

веческом» содержании этого совокупного действия не приходится и речь может идти только о действии объективных законов или тенденций движения («деятельности») больших систем. Можно даже сказать, что отдельный человек или массы людей чаще всего отчуждены от действия этих объективных законов и тенденций, субъективных по форме проявления и объективных по своей направленности, смыслу и содержанию.

Констатируя онтологию связей верхнего и нижнего уровней социума (и тем самым признавая органическое единство закономерности и механизма ее осуществления), мы вместе с тем не можем уйти от вопроса о том, представляют ли закономерности функционирования и развития социума агрегированный эффект (некое новое качество) реально взаимодействующих индивидов и групп в их автономной эмпирической данности или, наоборот, латентная логика поведения, движения, развития макросоциума как определенного исторического качества изначально, вследствие возникшей в нем «общественной потребности», задает этим индивидам и группам сообразно их месту и роли в нем вполне определенные алгоритмы их деятельности и поведения, то есть предопределяет эту деятельность и это поведение. Не находя надлежащего решения данного вопроса, можно только предположить, что в периоды становления, формирования определенной системы или социума решающую роль в этих процессах играет стохастика гетерогенных состояний индивидов и групп, каждое из которых (состояний) способно оттеснить на периферию истории все другие и проложить ведущую линию формирования системы или развития социума. Иными словами, процесс становления сопряжен с теми неопределенностями и случайностями, которые преодолеваются их взаимной «борьбой» и наиболее высоким энергетическим потенциалом одной из них и когда *субъективный фактор* в точках бифуркации создает ту или иную вероятность предстоящей закономерности, алгоритма функционирования и развития общества. Но как только определена *ведущая линия* процесса, последний обретает функциональную жесткость, определенность и устойчивость, сужается пространство стохастического разброса, а индивиды и группы, их деятельность и взаимодействие на

определенное историческое время подчиняются закономерностям целостного общественного процесса.

Таким образом, можно предположить, что в фазе становления какой-либо системы (подсистемы) общества человеческая энергия поисков и решений, субъективная сторона социального процесса и его микроуровневые факторы (личности, контактные группы) играют определяющую роль и что вхождение системы (подсистемы) в фазу стабилизации, сформированность закономерностей ее функционирования означают определяющую роль в жизнедеятельности того или иного общества имманентной ему логики самодвижения – функционального алгоритма.

Высказанное предположение не устраняет, однако, сомнения в том, что инварианты истории, ее всеобщие законы суть всего лишь продукты агрегирования действий отдельных индивидов и групп и что они не могут быть подчинены объективной *системной логике* развития человеческого общества как целостного образования, суть, смысл, родовое качество которого простираются за пределы эмпирической данности и не способны *в конечном счете* определять и предопределять эти действия, несмотря на их случайно-вероятностный характер. Нахождение сущности поведения и деятельности отдельных личностей, отдельных социальных фактов за их эмпирическими границами подтверждается массой исторических или чисто житейских примеров, свидетельствующих о том, что логика истории подчиняет себе логику поведения личности. Последняя в самой себе, также как и ее постулаты, не находят рационального объяснения. Так, если объяснять известные факты строительства гигантских пирамид или громаднейших дворцов и храмов в Древнем Египте гипер-трофией монаршеского честолюбия, то есть причинами чисто морального или личного характера, мы ни на шаг не продвинемся к нахождению социально-исторической сущности этих феноменов. Но если мы соотнесем эти явления с логикой поведения больших систем, с сущностью их исторических алгоритмов, в пределах и на основе которых они появились и призваны были выполнять определенные, рационально объяснимые роли, то их смысл сразу же раскрывается перед взором ученого: строительство этих грандиоз-

ных сооружений, независимо от того, с какой субъективной целью оно осуществлялось и какими мотивами при этом руководствовались императоры-деспоты, призвано было служить символом всеподавляющей власти, способной без кнута и палки принуждать рабов или крепостных к покорному труду и послушанию. Оставленные Тамерланом после опустошительных походов горы отрубленных голов или устроенный сатрапами Чингиз-хана после победы на Калке «пир на костях» русских князей поражают бессмысленной, иррациональной жестокостью. Но иррациональность подобного рода сразу же исчезает, если мы начнем рассматривать ее под иным углом зрения — как одно из проявлений «азиатского способа производства». И тогда эта жестокость и бессмысленная кровожадность сразу же обретают рациональный смысл, ибо они вписывались в механизм действия этого способа производства, основанного на системе внеэкономического принуждения как необходимой для своего времени антагонистической формы общественного прогресса. Алчность Гобсека, сущность которой так и не была до конца понята Бальзаком, или ростовщическая беспощадность Ротшильда, с точки зрения элементарной человеческой морали и психологии, не поддаются никакому оправданию. Они видимы, эмпиричны и несомненны. Но, опять же, включенные в контекст истории первоначального накопления капитала, в контекст действия «невидимой руки» рынка, они воспринимаются как соответствующий рациональности общественного прогресса необходимый тип социально-экономического поведения. На вопрос М.Горького: зачем «один из королей республики» делает деньги, тот ответил: «Чтобы делать ими еще деньги», показавшись тем самым сумасшедшим в глазах писателя. Но такое «сумасшествие», как нетрудно заметить любому грамотному экономисту, было всего лишь скрытой опосредованно-необходимой формой развития производства на основе частнособственнического инвестирования. Примеры подобного рода можно было бы продолжить. Однако сущность их не может быть обнаружена на феноменологическом уровне: для этого необходима теория, объясняющая «провиденциальный» характер макропроцесса при всех его случайностях и отклонениях.

«Провиденциальность» подобного рода наводит, тем не менее, на мысль о фатальной обреченности человечества на блуждание в потемках иррациональности и на то, чтобы быть при этом марионеткой исторической или системной рациональности. Человеку при такой коллизии безразлично, кто или что им управляет – вездесущий Бог или объективный логос (закон). Разрешение этой коллизии в пользу признания важности, необходимости или нужности человеческого разума и человеческой деятельности для общественного блага и исторического прогресса видится в том, что, во-первых, закономерность и ее деятельностный механизм нерасчленимо едины и, во-вторых, человек как **о б ъ е к т и в н ы й** «создатель» и «исполнитель» исторических закономерностей единодвойственен в этой своей роли: выступая в качестве отдельного суверенного, ориентированного на свои нужды и интересы существа, он одновременно является – по своей объективной, далеко не всегда адекватно осмысливаемой им роли – субъектом, репрезентирующим некое целое (жизнедеятельность нации, класса, государства, общества). *Чем в большей мере в действии человеческого механизма исторического процесса обнаруживается репрезентирующая его законы роль составляющих этот механизм индивидов, тем меньше дистанция между закономерностями микро- и макроуровня общественного развития, тем в меньшей степени рациональность исторического процесса принимает форму повседневной, эмпирической иррациональности.* И как здесь не вспомнить известное положение о том, что в каждом *отдельном* есть частица *общего* и что *общее* существует через *отдельные* явления, посредством отдельных явлений. Жаль, что это положение не было в свое время дополнено иным: *отдельное передает свою энергию общему, придает ему жизненные силы, а общее сообщает отдельному логику его движения и поведения. Но поскольку энергия единичного имеет свою, специфическую логику, то именно в периоды развития, изменений единичное, которое, как мы помним, всегда «богаче общего», способно положить начало новому будущему, из малой случайности стать большой закономерностью.* Отсюда следует и основной вывод из проделанного анализа: предвосхищающий зако-

номерность истории деятельностный механизм, с одной стороны, и инерция действия этого механизма в изменяющихся условиях — с другой, создают стохастику проявления единства логики и энергии истории. В первом случае детерминационный приоритет принадлежит личности (самодетерминация), во втором — общественным связям и отношениям (внешней детерминации). Осмысливая содержание и дух различных периодов человеческой истории, можно предполагать, что энергия и логика исторического процесса как две его противоположные составляющие, существуя в единстве, одновременно находятся по отношению друг к другу в обратно пропорциональной зависимости: *чем меньше логики (формальной определенности) в общественной жизни, тем больше в ней энергии ее субъектов-индивидов, и, наоборот, чем больше логики, тем меньше энергии (и тем больше эта «малая» энергия является оптимальной и упорядоченной)*. Таков в предельно абстрактном выражении один из законов общественного развития.

Невидимый характер «технологической цепочки» превращения индивидно-групповых действий в историческую закономерность, чувственно воспринимаемого микроуровня — в абстрактно конструируемый макроуровень общественной жизни проистекает из известного в теории познания «прерыва постепенности», скачка из сферы эмпирического в сферу логического. Однако увеличение, сумма таких скачков, как известно, приводит к движению человеческого познания от конкретно-чувственного к абстрактному и от абстрактного к конкретному в познании. Развитие социологии не выпадает из этой схемы. Вначале социальная мысль, пользуясь наиболее доступной ей эмпирией в виде человека, его сознания, стремлений, мотивов и действий, исследовала в форме научных абстракций «человеческую природу», стереотипы и архетипы индивидуально-групповой жизни, выдавая внутренние связи «человеческой эмпирии» за общественно-исторические закономерности (антропоцентризм), тогда как на самом деле речь шла всего лишь о действии их механизмов. Что же касается макроуровня познания общества, происходящих в нем процессов и изменений, то этот макроуровень был отдан на откуп спекулятивным абстракциям, теологическим схемам и социальным уто-

пням. Это не было, конечно, произволом или случайностью. Во-первых, частные общественные науки еще не накопили тех эмпирических, «позитивных» знаний о различных сторонах и сегментах социальной действительности, которые бы позволяли на место абстрактно-логических спекуляций поставить подлинно научные обобщения. Во-вторых, сама система общества еще не возвысилась до реальных взаимосвязей ее подсистем и элементов, способных фиксироваться на эмпирически наблюдаемом уровне. Общественно-научная мысль вынуждена была «дождаться» своего часа. И только тогда она обнаружила продукты исторических закономерностей в сложных системных связях жизнедеятельности общества.

Марксизм был первым прорывом в надиндивидуальный, бес- субъектный мир системной социальности, ибо попытки такого прорыва сторонников «органических» теорий не выходили за рамки гиперантропоморфных представлений об обществе («тощих абстракций», по выражению Энгельса). Поиски закономерностей общественного развития за пределами человеческой мотивации привели Маркса к исследованию первичной причинно-следственной зависимости всего многообразия материальной и духовной жизни общества, групп и личности от способа производства, структуры экономических связей. Анализируя эти последние, он прежде всего занялся поиском закономерностей «движения вещей», этих бессубъектных, отчужденных сгустков объективированной человеческой (общественной) субъективности, абстрагируясь от всех прочих ее проявлений и скидывая их в разряд «вторичного», «производного», «надстроечного». Короткой жизни Маркса и Энгельса не хватило, чтобы, осуществив первый акт подлинно научного движения от конкретно-чувственного к односторонне-абстрактному, то есть выявив *логику* истории, продвинуться дальше к конкретно-понятийному, то есть перейти к выявлению *энергии истории*, деятельностных механизмов закономерных процессов. Сами родоначальники исторического материализма, особенно Энгельс, отдавали себе отчет в незавершенности и половинчатости выявленной ими логики бессубъектных экономических связей, в необходимости глубокого и обстоятельного

анализа «производных явлений», однако перевод категории «надстройка» в категорию деятельностного социального механизма исторического процесса так и не был ими осуществлен. В итоге обнаружилось, что основным недостатком богатой своим научным (прежде всего методологическим) потенциалом марксистской социологии явилось отсутствие в ней теории *социального механизма* действия (протекания) объективных общественных закономерностей — теории *взаимодействия индивидов* в качестве материальных субъектов деятельности и отношений. Вместе с тем классики марксизма, и прежде всего К.Маркс, никогда не игнорировали наличия в закономерностях развития (движения) человеческого общества их деятельностного механизма. Достаточно вспомнить известный закон соответствия производственных отношений состоянию производительных сил общества, когда за этими сложными философскими категориями четко просматривалась конечная (векторная) законосообразная *деятельность* совокупных субъектов производительных сил и производственных отношений. В первом случае совокупный субъект выступает как производитель материальных и духовных ценностей, во втором — как социальное существо, как субъект «деятельности общения». Видя в этих субъектах не только и не просто «носителей» производительных сил и производственных отношений, не только существа, «наполненные» классовым содержанием, но и общечеловеческое, родовое их содержание (достаточно вспомнить положение К.Маркса о том, что любая мораль покоится на «суверенитете человеческого духа»), К.Маркс и Ф.Энгельс, тем не менее, не оставили после себя пространных и теоретически упорядоченных положений о различных типах взаимодействия субъектов—производителей и субъектов—социальных личностей в их «суверенном», родовом качестве.

Этот недостаток, частично восполненный в свое время М.Вебером и все более обнаруживаемый сегодня в свете научных приобретений различных социологических школ, течений, а также самой мировой практики, может быть устранен только при условии учета *многомерной* природы индивида в качестве структурирующей основы социального механизма общественно-историчес-

кого процесса. В марксистской социологии советского периода эта многомерность игнорировалась, и социальный механизм действия исторических закономерностей сводился к активности субъекта социального процесса, к роли «реализатора», исполнителя его «объективных законов». Иными словами, этот субъект играл роль гомогенной приставки к действию объективного закона, совокупного персонификатора массовых движений («народные массы», «рабочий класс» и т.д.), а личностная роль определялась лишь степенью и характером влияния отдельного индивида (руководителя, вождя) на исторический процесс («ускорение» или «замедление»). Из поля зрения выпадали смысл, характер, эффект различных устойчивых типов или видов взаимодействия индивидов, определяемых не только его условиями или ситуациями, но и — главным образом — теми внутренними природно-социальными качествами и свойствами индивидов, которые доминировали в процессе каждого из видов этого взаимодействия.

Многое из того, чего «не учел» (или «не успел») довершить марксизм, многоаспектно предстало в исследованиях человеческого фактора неотрейдиизмом, функционализмом, феноменологией, персонализмом, символическим интеракционизмом, социальной антропологией, рефлексивной социологией, различными направлениями социальной психологии и социобиологии. Обобщая научные приобретения этих и других современных социологических направлений, можно констатировать ряд оснований для нового видения социальной жизни общества, главным стержнем которого по-прежнему остается научный марксизм, дополняемый теорией социального механизма (теорией типов социально-личностных взаимодействий и их эффектов).

Но не слишком ли много берет на себя марксизм, претендуя на стержневую роль в социальном познании среди многих других школ и течений современной социологической науки? Уверен, что нет, ибо его преимущество перед другими заключается в диалектической методологии — мышлении по принципу «и-и», а не по принципу «или-или», что в свое время было подчеркнуто Энгельсом. В данном случае речь идет о том, что объективная логика истории не только не отрицает как несостоятельную роль субъективного фактора в ее (истории) поступательном процессе,

но полагает необходимость этого фактора в качестве механизма собственной реализации. «Вместительность» теории и методологии марксизма (характер открытой научной системы) позволяет ему, во-первых, не враждовать с другими научными подходами и воззрениями, примирять их между собой путем определения их предметных компетенций и сведения к ансамблю взаимодополняющих познавательных односторонностей и, во-вторых, создавать *внутри себя* широкое пространство для критического и полемического диалога. Не принимая всерьез жалких поделок эпигонов марксизма недалекого прошлого (как и современных воинствующих), умудрившихся самое диалектику превратить в догму, считаю, что одним из конкретных и настоятельно важных направлений «переосмысления» марксизма является втягивание им в свою орбиту научных наработок, касающихся различных форм и типов взаимодействий индивидов в «реальном жизненном процессе» (Ф.Энгельс). Взаимодействия подобного рода являются объективными по своему характеру и многоплановыми по содержанию, что обусловлено многообразием *единодвойственной* природы человеческого индивидуума и его жизни. Эти единодвойственные начала (или устойчивые контрпарные признаки) индивидуальной жизни человека суть прежде всего:

– природно-биологическое и социально-культурное начала (в этом аспекте человек является как бы вместилищем двух природ – первозданной, естественной и «второй», искусственной);

– социально-типические признаки, репрезентирующие *общее* (определенный социум, общество, класс, группу), и индивидуальные признаки, выражающие уникальное человеческое *единичное*; функционально-ролевые и индивидуально-личностные стороны человеческой жизнедеятельности;

– внутреннее (духовное, психологическое) и внешнее (предметное, овеществленное); эндогенное, интровертивное и экзогенное, экстравертивное;

– существование *для себя* (самоосуществление) и существование *для других* (служение); человек как *самоцель* и человек как *средство* для самоосуществления других людей (близких или дальних);

- человек как *субъект* (актор, деятель) и человек как *объект* (формируемый, воспитуемый, управляемый);
- активность (деяние) и пассивность (претерпевание);
- обособление (индивидуация) и единение (социация); индивидуализм и коллективизм.

Очевидно есть необходимость кратко прокомментировать обозначенные единой двойственные признаки (начала) индивида и его жизнедеятельности.

Природно-биологические и социально-культурные начала. Биологические атрибуты человеческого индивида (соматическая морфология, физиологические функции и физиологические потребности, психика, половая жизнь, рекреация и фенотипическая деятельность), несмотря на их «осоциальный», и, в конечном счете, «снятый» социализированный характер, лежат в основе производительной деятельности и деятельности потребления, а значит, в своей деятельностной форме представляют собой механизм протекания закономерностей и тенденций, присущих прежде всего сфере экономики и производства. Одновременно, обитая в созданном обществом искусственном, преобразованном, социокультурном материальном и духовном мире, человек подчиняется ему, живет по его «правилам» и приобретает те социокультурные, духовные потребности, которые создают принципиальную грань между ним и животным. Поскольку, во-первых, удовлетворение его природно-биологических потребностей осуществляется посредством и за счет «второй природы» и, во-вторых, эта последняя формирует и сама же удовлетворяет принципиально новые, социокультурные потребности, социальные атрибуты человеческого индивида (личности) в своей деятельностной форме представляют собой механизм протекания закономерностей, выходящих за пределы удовлетворения биологических потребностей и распространяющихся на все сферы жизнедеятельности общества. Социальное в человеке поглощает и модифицирует его биологическое. Но поглощает двояким образом. Во-первых, подчиняясь этому биологическому, делая его своей сердцевинной, – и тогда «осоциальное» биологическое начало как самодостаточное представляет собой самоцель человеческой жизни. И, во-вторых, освобождаясь от господства этого биологического, – и тогда оно ста-

новится самоценностью, заставляя служить себе, своей духовной сущности биологию человека. Грубый материально-биологический субстрат человека в качестве механизма функционирования закономерностей не может присутствовать в духовно-практическом, социокультурном пространстве общества, точно также как доминанта духовности и утонченная subtilность культурных людей не способны «работать» исключительно на плотоядность и грубую материальность биологического.

Поскольку в ходе естественно-исторической эволюции человека *биологическое* все более уступает место *социальному*, последнее представляет собой высшую ступень этой эволюции. По одной этой причине коммунизм как концентрация *социального качества*, его высшего предметного и духовного воплощения и выражения должен возвыситься над капитализмом как осоциальной, но не подчиненной по существу формой биологического*. В эмпирическом плане это выражается в процессе преодоления инструментальных (биогенных) ценностей ценностями терминальными

* Человек отличается от животного тем, что он актуализирован в прошлом, настоящем и будущем, в отличие от животного, для которого нет *вчера, сегодня, завтра, здесь и там*. Актуальность последнего сиюминутна и локализована. Осоциальное биологическое, подобно животному, также существует в грубой, ограниченной данностью реальности. Вот суждения по этому поводу Э.Тоффлера: «Американцы мыслят короткими временными рамками, поэтому им трудно представить себе, что станет с корпорацией через 10 или через 20 лет». И далее: «Пойдите в книжный магазин Японии, и Вы найдете там книги о будущем транспорта, будущем экономики, техники. И посмотрите на США: у американцев нет ни прошлого, ни будущего. Они воплощают лозунг «Пепсикола» – «Поколение сегодняшнего дня». Понимая трагизм и пагубность такого положения, Э.Тоффлер усматривает причину подобного «оскотинивания» в порожденном Второй волной человеческой цивилизации состоянии одиночества, в утрате человеком своей личности, издержках чрезмерной индивидуализации: «Миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность <...>. Сегодня мало кто испытывает чувство принадлежности к чему-то большему и лучшему, чем он сам <...>. Разъединяя общество, подчеркивая различия, а не сходство, мы помогаем людям индивидуализироваться, создаем возможности для каждого реализовать свой потенциал. Но мы также затрудняем человеческие контакты» [7, с. 579, 583]. Таков частнособственный мир! И пытаться, не разрушая его оснований, возратить человека в лоно социальной личности институциональными средствами бессмысленно.

— смысложизненными, социокультурными (цинизм преодолевается святостью, прагматизм и эгоизм — нравственностью, секс — любовью, физиология — духовностью, комфортность — катарсисом и т.д.). Одно неотделимо от другого — это верно. Но происходит процесс снятия, преобразования, модификации. Приоритет биологического — это господство в системе человеческих отношений экономической материи. Процесс снятия означает устранение господства экономических отношений в обществе, приход на их смену социальных, человеческих отношений. «Зоологический» капитализм преодолевается «социальным» коммунизмом. Но преодолевается лишь тогда, когда в сумме человеческих личностей, способной выполнять роль механизма этого закономерного исторического процесса, проявляется приоритет социального, духовного, когда физиологическое уступает место культурному, а стадность — коллективизму, что, разумеется, не означает игнорирования материальной основы человеческой жизни.

Сказанным не ограничивается механизмообразующая роль взаимодействия биологических (природных) и социальных (социокультурных) факторов человека и человеческого общества. Эта роль многообразна и разнопланова. Она состоит прежде всего в том, что:

— общеродовые биологические признаки человека (человечества) создают основу единства общества, в то время как социальные его атрибуты являются основой его дифференциации или классовой поляризации; одновременно индивидуально-групповые биологические свойства человека вызывают расовые и этнические различия и трения; а социально-культурные свойства, по мере их накопления и приобретения зрелых форм, стирают эти различия и способствуют единению общества;

— биологический (витальный, генотипический) фактор в качестве материального субстрата человеческой личности оказывает большое влияние на социальную селекцию людей, а социальные условия жизни, тот или иной устойчивый ее образ могут укреплять или подрывать генетические начала различных социальных групп (классов, сословий);

— многовековое разделение общественного труда и связанный с ним аскриптивный статус человека культивируют различные со-

матические и психофизиологические типы людей, которые, в свою очередь, предрасполагают их (людей) к разным видам физической и умственной деятельности и в определенных исторических условиях или ситуациях преопределяют их социальный статус;

– ограниченность жизненных ресурсов трансформирует биологический, естественный отбор в социальный, представляющий собой в крайних его выражениях модификацию биологического, тогда как социокультурные начала человека препятствуют этому, направлены на преодоление его крайних форм;

– в процессе закономерной интеллектуализации человеческой деятельности нарушается гармония между физическим и умственным трудом, что создает угрозу соматической деградации и вызывает необходимость перенесения физической деятельности людей за пределы общественно необходимого труда в сферу свободной деятельности, невозможной в условиях разделения труда и частнособственнических отношений.

Из отмеченных ролей связки биологического и социального резонно рассмотреть, пожалуй, только первую, заключающуюся в придании социуму его *многообразия* или *единообразия*. Со-циобиоценоз и мезо/микросреда создают многообразие антропобиологических и фенологических (расовых, этнических) типов людей, что в итоге приводит к «пестрой мозаике культур» (Жан Фурастье). Но прогресс социальности в том и состоит, что человечество все более отдаляется от биологического, возвышается над ним, «осоциализует» его, а значит, уходит и от биоценозного, расового многообразия – от приоритета ментальности в человеческой культуре. Означает ли это тотальную унификацию, гомогенизацию человеческого общества? Не является ли прогресс подобного рода утратой уникальных витальных ценностей? Нет, не означает, поскольку человечество движется *от внешнего многообразия к внутреннему многообразию* – *от многообразия этносов* (общностей, групп, социумов) *к многообразию индивида*, его идентичностей, его внутреннего мира, поглощающего культуру не только «своего» окружения, но и культурные ценности «других». Более того, многообразие, спектральное богатство этносов, общностей, групп, взятое само по себе и вне контекста взаимодействия культур, обнаруживает удручающее единообразие человеческих

индивидов внутри каждого из этносов, что заметно и сегодня, когда в кризисные периоды распада социумов, индустриально-вещистской цивилизации, нет-нет да и дают о себе знать атавизмы биотопической, расовой центробежности. Следует учесть и ту особенность внутренней гетерогенизации человеческой личности, что она представляет собой не некий универсальный синтез культур в онтогенезе, а скорее — мозаичность, такое сочленение ментальностей в мироощущении и мироотношении, когда человек в различных ситуациях способен быть *другим, третьим, четвертым*, всякий раз возвращаясь к себе, к своей саморефлектирующей уникальности. Таким образом, речь не идет ни о сохранении многообразия одномерных и содержательно ограниченных культур, ни об их растворении в единой «общечеловеческой» культуре, что в перспективе чревато более страшной одномерностью. Речь может идти лишь о таком этнокультурном многообразии социумов и групп, которые в условиях открытости и взаимодействия способны создавать личностное и внутриличностное богатство, многообразие всех без исключения входящих в них индивидов. Поскольку состояние подобного рода мыслимо лишь в идеале и противоречие между биологическим и социальным, очевидно, будет сохраняться еще очень долго, важно иметь в виду, что центробежные тенденции в общественном процессе осуществляются и будут осуществляться с помощью биогенных механизмов как наиболее консервативных и рутинных составляющих природы человека, а центростремительные, интеграционные тенденции — с помощью его социальных механизмов*.

Уход от биологического к социальному, кроме приоритета духовности и смены биотопа внутриличностным многообразием, означает также расширение жизненного континуума человека. Гру-

* Сегодня можно оплевывать ценности «пролетарского интернационализма», но именно он впервые в истории человечества произвел на свет того советского человека, лучшими и ценными качествами которого стали интернационализм и богатые общечеловеческим, гуманистическим и социокультурным содержанием идентичности. Это не декларативное утверждение. Это конкретный результат научных исследований Института генетики РАН, ученые которого зафиксировали в генах советских людей явление, названное ими «этнофорой».

бый эмпиризм сиюминутности и сиюданности, примитивность актуализма и локализма животногоподобного существования, какие бы окультуренные и осоциаленные формы они ни принимали, не способны вывести человечество из игры стихийных сил и слепого подчинения «объективным процессам» в подлинно человеческий, универсальный, целостный, широко обозримый и свободный мир социума. Попытки биологизации человека и общества, пароксизмы социал-дарвинизма – последние конвульсии того общественного строя, в основу которого заложен алгоритм модифицированного животного образа жизни. И попытки эти направлены именно на то, чтобы сохранить прежний, изживший себя механизм воспроизводства и поддержания этого образа жизни.

Репрезентативные и личные качества человека. Двойственная роль человека (человеческой деятельности) в качестве социального механизма функционирования системы общества заключается в том, что человек выступает, с одной стороны, *представителем* определенной социальной группы (класса), определенной организации, то есть является частью целого, его персонификатором, олицетворяет какую-либо из социальных сил, составляющих жизнедеятельность общества, а с другой – является конкретным индивидом с определенным набором физических, демографических, этнических, психологических, характерологических и других уникальных качеств, присущих только ему и позволяющих быть обособленным от всех других существом.

Человек как таковой представляется обыденному уму в виде эмпирической реальности единства души и тела. Научное же понимание человека выходит за рамки подобных представлений. Согласно ему человек есть прежде всего исторический субъект развертывания, развития и проявления социально-родовой, общественной сущности, которая подчиняет себе не только его эмпирическую данность («единство души и тела»), но и единство человека с природным и социальным миром, который он в той или иной степени репрезентирует.

Двуединство общего и единичного, персонификатора и личности делает возможной абсолютизацию одной из этих сторон человека в определении его места и роли в жизнедеятельности

общества и социально-историческом процессе. В одном случае имеет место перенесение сугубо личностных, индивидуальных характеристик человека на понимание системных общественных явлений (макросоциума), редуцируемых в личностные поведенческие феномены. В другом случае наблюдается попытка сугубо личностные, индивидуальные явления трактовать под углом зрения безличностных (надличностных) макропроцессов. Согласно этой последней версии, людей и личностей как суверенных образований вообще нет, а есть только «представители» тех или иных классов и групп: социокультурные, идеологические, социальные характеристики социума автоматически переносятся на конкретную личность. От доминирования тех или иных мировоззренческих установок людей зависит и их роль в качестве «исполнителей» тех или иных закономерных процессов в обществе. Человек как «типичный представитель» и выразитель четкой социальной позиции более всего вписывается в те механизмы действия определенных закономерностей и тенденций, которые присущи стабильным общественным порядкам со сложившимися в них институтами, формально-бюрократическими структурами и жесткой нормативной регламентацией существующих видов деятельности. Человек как эмпирическая данность, как живая обособленная личность без приписанного ей социального статуса, наоборот, более всего соответствует функциям механизма закономерностей и тенденций, присущим периодам общественной нестабильности, переходности или ломки. Жесткость ролей и статусов в деятельности социальной структуры социальных механизмов в последнем случае нетерпимы и нецелесообразны, они подвергаются критике и ревизии, ибо «живое творчество» личностей тут играет решающую роль. В свою очередь свобода и спонтанность самовывдвижения, выбора и подвижничества менее всего допустимы и возможны в условиях формально-бюрократической регламентации всех видов деятельности, поведения и отношений. В тоталитарных обществах не столько в периоды их стабильности, сколько в ситуациях вызревшей острой необходимости изменений репрезентативный и обезличенный характер человека становится тормозом социального творчества людей, умерщвляет та-

ланты и способности, ставя во главу угла «роль масс», «народные массы», «производственный коллектив» и культивируя пси-хологию нивелирования и «невывывания». Наоборот, в демократических, но чаще всего псевдодемократических обществах активно-созидательная роль человеческой личности до-вольно часто гипертрофируется до таких размеров, что объективные законы функционирования и развития общества (а вместе с тем и репрезентативная роль человека, его роль «частицы») либо вообще игнорируются, не признаются, либо рассматриваются как продукт воли, силы, разума или мудрости выдающихся личностей или своеволия облаченных властью людей, человеческой субъективности в целом.

Внутренние (духовные) и внешние (предметные) атрибуты человеческой деятельности. Человеческая деятельность по своей сущности является предметной – и по способу ее осуществления (орудия деятельности, предметные «посредники»), и по результату (продукт деятельности), и по условиям рекреации (материальное потребление). Однако то, что присуще человеку как «абстракту» (человеческой сущности), вовсе не означает, что деятельность каждого отдельного индивида обязательно имеет предметно-преобразующий характер. В обществе всегда существуют группы людей, одни из которых в большей мере или всецело связаны с деятельностью опредмечивания, подчинены движению вещей, а другие – с психологической рефлексией, свободной от вещей духовной деятельностью. При этом речь идет не о банальных понятиях физического и умственного труда, а о *типах жизнедеятельности* в целом, в определенном смысле стереотипах, накладывающих заметный отпечаток на проявление общественных закономерностей. Физический труд, сопряженный с движением и преобразованием вещей (вещества), характеризует человеческую деятельность со стороны средства ее осуществления и предметного (вещественного) результата. Умственный труд непосредственно не связан со средствами производства, орудийной деятельностью, но сопряжен с ней и включен в нее опосредованно (через связи и взаимодействия с непосредственными производителями) и столь же опосредованно участвует в производстве ма-

териального продукта. В отличие от этого *духовный (внутренний) тип* деятельности, как и *предметный* (внешний) ее *тип*, с одной стороны, охватывает все стороны и все сферы человеческой деятельности, а с другой — имеет более глубинный (исторически устойчивый) характер, большую независимость от форм или видов трудовой деятельности, так что физический труд тех или иных групп людей (классов, наций, этносов) вполне может осуществляться и в рамках духовного типа человека, а умственный труд — в рамках предметного типа, не обнаруживая при этом никаких диссонансов или внутренних несоответствий. Эндогенный и интровертивный характер духовного типа проявляется в явно выраженном доминировании религиозно-этической рефлексии, аскетизма, благоговения перед природой, художественно-эстетической созерцательности, отстраненности от вещиизма и предметно-преобразующей, прагматичной активности. Экзогенный и экстравертивный характер предметного типа деятельности проявляется в концентрации человеческой активности на преобразовании природного мира с целью удовлетворения прежде всего материальных потребностей, их роста и возвышения, на научном познании действительности и инженерном использовании полученных знаний, их прагматизации. В первом случае духовность человека как непреобразующая, «сохраняющая» мир и лишь рефлектирующая его деятельность означает *положительное*, покоящееся состояние социума. Во втором — предметно-преобразующая активность выступает как *отрицательное*, движущееся, изменяющееся его состояние. Эти противоречивые типы, необходимым образом дополняя и обогащая друг друга, одновременно выступают как антагонисты и в мировом историческом процессе, в зависимости от характера формирующихся на общественном макроуровне связей тенденций, будучи востребованными ими, обнаруживаются — либо тот, либо другой — в качестве механизмов действия этих последних.

В завершение рассмотрения этой связки важно подчеркнуть еще одно обстоятельство. Предметность как экзогенная сторона человеческой деятельности не выпала из поля зрения лишь в социологии марксизма и по существу проигнорирована остальными ее школами и направлениями, за исключением, пожалуй, не-

которых технократических концепций. Изъятие из социологической теории фактора *овеществленной* человеческой сущности (овеществленного прошлого, труда) делает несостоятельными всякие теоретические построения, основанные на абсолютизации значения и роли одной лишь субъектной, интересубъектной или «акторской» деятельности. «Чистая» социотворящая деятельность субъекта постоянно спотыкается (и будет спотыкаться!) о те ограничения и поправки, которые вносит в нее фактор прошлого, овеществленного труда. Он-то и является *объективной* основой развития общества, задавая, соответственно своему содержанию или характеру, алгоритм его развития.

Самоосуществление (существование человека для себя) и служение (существование для других). Эти две стороны человеческой жизнедеятельности характеризуют противоречия социальной формы индивидуальной жизнедеятельности человека, когда, с одной стороны, естественным для его состояния является необходимость самопроизводства и саморазвития, нацеленность всего его существа на удовлетворение личных физических и духовных потребностей, а с другой, — в силу социального образа жизни, его самоосуществление столь же необходимым образом опосредуется личным участием в воспроизводстве и развитии того социума, которому он обязан своим существованием. Самоосуществление — неперенное свойство всего живого. «Все организмы обладают врожденной склонностью сохранять свое существование, — писал по этому поводу Э.Фромм. — Первая «обязанность» организма — быть живым. *Существование и развертывание специфических сил организма* — это одно и то же. Все организмы обладают врожденной склонностью актуализировать свои потенциальные свойства. *Поэтому целью человеческой жизни следует считать развертывание сил человека согласно законам его природы*» [8, с. 26–27]. «Обязанность» быть живым — это то же, что обязанность стать самим собой, развивать то, что в индивидуе заложено потенциально. В подтверждение этой мысли Э.Фромм ссылается на Спинозу, писавшего в «Этике», что «каждая вещь, поскольку это в ее природе, стремится пребывать в своем существовании» [8, с. 33]. Одновременно человек как социальное существо спосо-

бен к самоактуализации только тогда, когда его стремление к полноте своей жизни опосредуется обязанностью служения другим, когда его терминальные ценности дополняются инструментальными. Поэтому вечным спутником принципа *для себя* является принцип *для других*. На необходимости существования *для других* как условия достижения высшего уровня социальной интеграции труда и производства в свое время заострил внимание известный венгерский социолог и философ Дердь Маркуш: «Когда индивиды начнут производить *друг для друга*, их работа станет интегральным компонентом общественной совокупной работы. Вместо маленьких, замкнутых объединений, где работают *совместно, сообща*, появляются все более расширяющиеся, значительные общественные формации, члены которых будут работать *друг для друга* тем или иным способом» [цит. по: 9, s. 83–84]. Здесь подчеркнут тот важный аспект, что усиливающаяся в ходе исторического прогресса социальная интеграция общества означает неизбежное усиление на личностном уровне феномена *служения, существования для других*.

Самоосуществление и служение дополняют друг друга, но одновременно являются антиподами. Преобладание самоосуществления над служением способно привести социум к распаду на самоценные островки эгоизма. Преобладание служения над самоосуществлением превращает социум в гомогенную целостность, делает его формальным и бессодержательным (лишенным мозаичности, личностного и смысловжизненного содержания). Та и другая крайности в качестве механизма закономерного общественного развития могут иметь место в историческом процессе, в определенных его периоды: первая — когда социуму угрожает распад, дробление, анархия; вторая — когда возникает возможность его застоя или омертвления.

Связь двух отмеченных сторон индивидуальной жизнедеятельности человека, однако, намного богаче и сложнее. В тех ситуациях, когда объективные тенденции возносят человечество на крутые ступени его общественного прогресса, крайности сходятся, сливаются, взаимопревращаются. Самоценностью индивидуальной жизни становится служение другим. Существование для других обретает смысл и значимость, когда оно удовлетворяет

самые возвышенные личные потребности человека. Когда существование человека *для себя* наполняется служением *для других*, наступает, очевидно, пора его социальной зрелости, социального совершенства, что в общественном плане может означать эквивалентность и сбалансированность всеобщего социального обмена. Таким образом, разведение сторон этого двуединства далеко не всегда имеет смысл и является возможным.

Все сказанное относится не только к действию механизмов общественных закономерностей, но и к жизненному пути личности. В период ее становления, а также полноты самоосуществления, то есть в период отрочества и юности, личность существует прежде всего *для себя*: ее самость является целью. В зрелом возрасте, и особенно в старости, когда теряется острота естественных («эгоистических») потребностей, повышается общественная значимость личности, ее потребности все более становятся «альтруистическими», существование для себя уступает место существованию *для других*. Дети *берут*, отцы *отдают*. Самоосуществление и служение имеют, таким образом, не только социально-историческое, но и естественно-циклическое, демографическое значение.

Человек как субъект и объект деятельности

В процессе взаимодействия индивидов каждый из них выступает, с одной стороны, как активный субъект, воздействующий на других положительным (жизнеобеспечивающим) или отрицательным (жизнеущемляющим) образом, а с другой — как объект, испытывающий на себе аналогичные воздействия со стороны других. Иными словами, каждый человек пребывает в двойственном состоянии *субъекта—объекта*.

Я как субъект являюсь объектом по отношению к другому субъекту, который, в свою очередь, является для меня *объектом*. В этой интеракции происходит объективация субъектных (субъективных) отношений, благодаря чему преодолевается известная дихотомия «первичного» и «вторичного» (*бытия и сознания*) в онтологии человека.

В реальной практике эти противоположности предстают и в ином свете: одним личностям, социальным группам, этносам, народам историческая судьба предначертала позицию активно действующего и достигающего своих целей субъекта, другим — на-

оборот, позицию хронически претерпевающих на себе воздействия со стороны более сильных и дееспособных субъектов, то есть позицию страдательного объекта. Обе эти позиции приближают нас к иной контрпаре понятий – активности и страдательности.

Активность и пассивность (действие и претерпевание). Будучи интериоризованными, позиции субъекта и объекта выступают такими характеристиками человека, как активность и пассивность (страдательность). Свойства активности и страдательности могут быть присущи как различным типам личности, так и отдельным социальным группам. В известном смысле они совпадают, так как страдательность является, по сути, превращенной – внутренней, рефлексированной – формой активности. Иначе говоря, активность, в широком смысле слова, может быть направлена либо на удовлетворение материальных потребностей, на труд и производство, либо на подавление, ограничение этих потребностей и, тем самым, либо на изменение окружающего мира, либо на его сохранение. В узком и специальном смысле слова активность и пассивность выступают как антиподы.

Свойство активности, измеряемое уровнем развития производительных сил и материальной культуры, может рассматриваться как биосоциальный стереотип или архетип, сложившийся в определенном народе (этноте, нации, расе) под влиянием внешних, фенотипических факторов (человеческого социобиоценоза), способных обеспечить относительный баланс между производительно-трудовым потенциалом этого народа и «сопротивлением» вещества окружающей его природы, и внутренних, психофизиологических факторов, также способствующих поддержанию этого баланса.

Свойство страдательности (претерпевания) является тем стереотипом или архетипом, который сформировался в условиях явного подавления окружающей средой человеческих возможностей ее преобразования, подчинения своим потребностям, то есть в условиях дисбаланса в пользу природы, что приводит к усилению рефлексивной и саморефлексивной деятельности человеческого сознания и, в конечном счете, к удвоению социального мира – к созданию, наряду с внешним, материально-предметным миром, параллельного ему внутреннего, духовного мира, рефлексированного в виде мифов, утопий, фантазий. «Пассивная

покорность указывает на внутреннюю работу», — очень тонко подметил генетические основы этого ментального свойства человека А.И.Герцен [10, с. 249]. Еще в большей степени это относится к страдательности, которая, в отличие от покорности, смирения означает отсроченное действие, «задержанную» реакцию, внутренний протест, стимулирующий деятельность воли и мышления в направлении выработки тех моделей, проектов или программ, которые в перспективе способны осуществиться, решив тем самым актуальные жизненные проблемы нуждающихся людей. Состояние страдательности (как покоящееся или инерционное состояние) означает не только пассивное претерпевание, отсутствие ответных действий и тем более экспансии, но и внутреннюю прочность, устойчивость, что составляет достоинство и ценность пребывающих в них социальных систем, подсистем и индивидов. Внутренняя сила постоянства (интеллект и вера, или убежденность), умение, претерпев удары извне, сохранить в неизменности свое социальное качество, свои особые свойства, свою специфическую структуру, заметно контрастируют с релятивностью психики, приспособляемостью за счет постоянных метаморфоз социальной активности, беспринципной «протеевской множественности», коими характеризуется «деловой мир» индивидуалистических обществ. Состояние претерпевания означает, таким образом, *самостабилизацию* социума, нереагирование, «неделание», отсутствие реакций на внешние воздействия, что, с одной стороны, означает раскрепощенность, свободу от внешнего мира, а с другой, — постоянные страдания, которые причиняет ему этот мир. Внутренним содержанием этого состояния является человеческая духовность, а механизмом его поддержания — абстрактное или образное мышление.

Одновременно состояние страдательности обнаруживает свои слабые негативные стороны как в отношении человеческой личности, так и в отношении социума. Во-первых, страдательность, усиливая механизмы мыслительной деятельности и саморефлексии и тем самым создавая основу продуктивно-творческого интеллекта, способна вместе с тем усиливать пассивность и иррациональность человеческой духовности, обращать их в русло мистики и деструктивной, пессимистической мифологии. Именно со

страдательностью этого рода связаны такие социальные явления, как маргинальность, сектантство, наркомания, алкоголизм, некоторые формы социального поведения («неделания»), о которых в свое время писали П.Сорокин и Н.Кондратьев [11, с. 52–53; 12, с. 44–45], или такой тип поведения, как «астеническое терпение», по терминологии Ю.Левады [13, с. 9]. Во-вторых, принимая устойчивый характер стереотипа, страдательность переживает породившие ее исторические условия, перестает соответствовать требованиям новых условий и превращается в реакционную силу там, где давно уже вызрели предпосылки для социально-активного способа жизнедеятельности.

Активность, как и страдательность, также двойственна по своей роли в социально-историческом процессе. Будучи атрибутом этого процесса, его механизма, она соответствует, или должна соответствовать ему в той мере, которая востребована каждым конкретным его периодом. Нарушение этой меры приводит общество к застою, если она оказывается недостаточной, или к самоистощению, агрессивной экспансии, деструкции природы и культуры, если становится чрезмерно высокой и неспособной подчиниться умиряющей ее духовности. Во всех случаях роль сложившихся стереотипов активности и страдательности как механизмов тех или иных закономерностей видна невооруженным взглядом и должна адекватным образом учитываться политическими силами в разного рода трансформационных процессах.

Обособление (индивидуация) и единение (социация) — полярные характеристики общества, которое, будучи гетерогенным, прерывным, дискретным состоянием, одновременно представляет собой «социальную связность»*, единое, неразрывное пространство или континуальное состояние. Механизменная роль в жизнедеятельности развития общества таких его социальных признаков, как *индивидуация* и *социация*, является предметом особого рассмотрения, о чем речь пойдет в одном из последующих параграфов на-

* Этот термин в качестве антипода социальной атомизации употреблен А.Ципко [14, с. 160; 167–168].

стоящей главы. Здесь же ограничусь обобщенной характеристикой состояний обособления и единения, когда свойство дискретности выступает как индивидуализм (эгоизм), а свойство континуальности – как коллективизм. Дискретность означает множественность, дифференцированность социума на «атомы» (индивиды) и на «молекулы» (группы), *многообразие* его составляющих, создающее предмет для дискурсивного мышления, возможность выбора и предпочтений. Континуальными являются коммуникативные по своей природе атрибуты или элементы человеческой жизни. Речь идет о коллективе, роде, семье, о социально-психологическом поле, о явлениях заражения, подражания, конформности, коллективной рефлексологии или социетальной психике. Континуальны искусство, религия, идеология, человеческая духовность*. Дискретны физические ощущения, направление физиологических функций, мышление.

Механизмы дискретности и континуальности востребуются в зависимости от состояния общества: чем более оно дифференцировано, раздроблено, тем больше в качестве механизма его закономерного развития необходим экономический эгоизм, и чем более оно монолитно, тем сильнее нуждается в коллективистских механизмах своего функционирования и развития. Согласно Спенсеру, структурная дифференциация вызывается необходимостью в лучшей приспособляемости в борьбе за выживание. Это верно. Но отсюда может последовать и вывод о том, что как только отпадает необходимость в «борьбе за выживаемость», «войны всех против всех», структурная дифференциация перестает быть столь дробной и членистой, а общественный организм от доминирующего в нем дискретного состояния переходит к коллективистским отношениям.

* Под духовностью автор понимает сознание принадлежности к роду, постоянное ощущение, чувство, осознание своей связи с другими людьми – так, что твоя жизнь воспринимается и переживается тобой как частицы жизни других, а жизнь других – как вторая собственная жизнь, данная через массу опосредований в знаках и символах. Духовность есть психологическое внутрисубъектное содержание социальных связей, социальности как таковой.

Поскольку названные полярные свойства предельно абстрактны и при их анализе оказываются смыслоемкими в такой степени, что почти все другие двойственные признаки как бы агрегируются в них, они будут проанализированы отдельно — применительно к капитализму и социализму, механизмами жизнедеятельности которых прежде всего являются.

Рассмотрев последовательно единодвойственные характеристики человеческой жизнедеятельности, остановимся на анализе их места и роли в общественно-историческом процессе в качестве его конкретных механизмов. Этот анализ позволяет выявить три важных момента, касающихся роли и значения единодвойственных признаков. Во-первых, каждый из противоположных признаков, составляющих ту или иную их контрпару, может быть востребован в одну историческую эпоху и не востребован в другую, в одной исторической полосе времени играть прогрессивную роль, а в другой — регрессивную. Во-вторых, в силу системной связи, системного единства всех перечисленных контрпар человеческих качеств нетрудно заметить, что одни из них обнаруживают единый, объединяющий их смысловой стержень, внутреннее родство, точно также как другие, противоположные первым по каждой из контрпар, выстраиваются в единую сквозную линию однородных признаков. В *первую* линию вписываются: *биологические начала человека, существование для себя, адаптивная активность, экстравертный тип поведения, дискретность (обособленность)*. Во *вторую* линию выстраиваются противоположные первым качества: *социокультурные начала человека, существование для других, страдательная устойчивость отношения к миру, интровертный тип поведения, континуальность (коллективность) человеческих связей*. Последняя из названных контрпар (дискретность—континуальность) является, очевидно, стержневой, главной, так что все остальные контрпары родовых признаков являются по существу производными от нее и, более того, эта главная контрпара лежит в основе структурирования всего материального мира, начиная с физического (корпускулярно-волновой дуализм микрочастиц) и кончая более высокими и сложными «формами движения материи». В-третьих, противоположность признаков

(начал) нельзя рассматривать в качестве дихотомии, ибо эти противоположности как в функциональном, так и в регулятивном отношении являются взаимообуславливающими и взаимодополняющими при доминирующей роли одного из них (их конкретная роль *взаимодополняющего единства* или *взаимного исключения* зависит от каждой конкретной ситуации в жизни и развитии общества).

Итак, обобщая, можно повторить основные, узловые положения, характеризующие общественное развитие в единстве его существенных оснований и эмпирического многообразия. Любой общественный процесс имеет две стороны – *социальную* и *антропологическую*. Если первая из этих сторон служит воплощением объективных законов или тенденций, то вторая выступает механизмом их реализации. В последнюю входят: субстрат деятельности и отношений, то есть сами люди; совокупность всех действий и связей индивидов; внутренние побудительные и регулирующие силы человеческой – индивидуальной и социетальной – психики; разнокачественные эффекты взаимодействия различных единодвойственных качеств, свойств, начал и сторон человеческих индивидов. При всем единстве общественных закономерностей и человеческой активности обе стороны процесса имеют разноуровневый характер своего проявления: закон (тенденция) прослеживается на макроуровне, действие механизма – на мезо- и микроуровнях. Чем ограниченной пространство социума, чем в большей степени оно эмпирически доступно каждому из взаимодействующих индивидов, тем большую роль в нем играет субъективный фактор и тем больше оснований для того, чтобы связывать происходящие изменения с сознательной и целенаправленной деятельностью людей. Чем шире это пространство, чем меньше оно эмпирически доступно индивиду, тем больше действие законов (тенденций) его движения имеет индивидуально-аннигилированный, деперсонализированный характер и тем в меньшей степени прослеживается связь между объективной закономерностью и действиями отдельных индивидов. На макроуровне общественных систем вектор совокупного действия всей массы индивидов настолько отличен от поведенческих установок отдель-

ных лиц или малых, контактных групп, что говорить о «личностном» или «человеческом» содержании этого совокупно-го действия не приходится и речь может идти лишь о действии обезличенных объективных законов или тенденций движения (жизнедеятельности) систем. Можно даже сказать, что отдельный человек или массы людей чаще всего отчуждены от действия этих объективных законов, являясь одновременно их субъектами-исполнителями. Объективные результаты сознательных действий и взаимодействий людей могут иметь и чаще всего имеют несообразный их намерениям и непредвиденный характер, понимание которого приходит лишь впоследствии (если приходит вообще).

Деятельностный механизм может быть адекватным или неадекватным объективным императивам истории. Адекватным новым общественным закономерностям может быть лишь тот деятельностный механизм, который является продуктом исчерпанности прежнего общественного строя, присущих ему закономерностей и тенденций, объективно направлен на его разрушение и поиски тех алгоритмов жизнедеятельности, признаки которых уже обозначились в историческом процессе. И если такой механизм еще не сложился в системе прежнего общественного строя, то действие законов и тенденций формирования нового будут иметь рассеянный, турбулентный характер с постоянной угрозой инволюций и попятных движений.

Человеческая деятельность в качестве адекватного механизма общественных закономерностей может выступать либо в форме «слепого орудия», то есть в спонтанной и латентной форме исторической целесообразности, либо в сознательно-целенаправленном, адекватно мотивированном виде.

Неадекватность этого механизма появившейся закономерности (тенденции) усиливает стохастический разброс в ее действии, создает различного рода дисгармонии, приводит к умножению точек бифуркаций и замедлению исторического процесса. В данном случае речь может идти не столько о «запаздывании» формирования нового субъекта исторического действия, сколько о *сознательном* сдерживании, блокировании этого формирования силами прежнего общественного строя благодаря появлению

новейших технологий манипулирования массовым сознанием и интеллектуальной индустрии реакционных сил общества. Прогресс разумности человека в условиях неразумных общественных отношений парализует действие социального механизма и, не оставляя места разумной спонтанности, оборачивается страшной разрушительной силой для всего человечества.

Таким образом, действие механизмов закономерностей «реализует» эти последние и одновременно модифицирует их, создавая вокруг определенных инвариантов стохастический разброс различной величины и различного характера, так что «реализация» этих закономерностей никогда не осуществляется в однозначном, динамическом виде и сами эти законы нередко «растворяются» в нагромождении случайностей.

От меры адекватности социальных механизмов закономерностям функционирования и развития определенных обществ, способов производства зависит и основательность действия этих закономерностей. Определенному типу общественных (макроуровневых) отношений соответствует определенный тип социально-личностных механизмов их функционирования. Социальные механизмы могут нарабатываться в ходе исторической эволюции конкретных обществ в одних случаях как бы «параллельно» формированию необходимости (закономерности) определенных изменений, в других могут «опережать» необходимость изменений, провоцируя их преждевременные всплески, в третьих — «запаздывать», топтаться на месте, создавая почву для героического бунтарства одиночек или политических манипуляций. В конечном итоге действующие в обществе объективные законы и их механизмы едины: социальная необходимость пробивает себе дорогу посредством имманентно затребованных ею свойств или качеств взаимодействующих субъектов, а эти последние, представляя собой «человеческое», эмпирически очевидное содержание «невидимой» всеобщности закона, способны нести в себе прообраз результатов его действия или то, что может со временем стать поправкой к нему или даже альтернативой. Отсутствие такого единства ставит на место закона лишь формальную возможность.

Асинхронный характер вызревания социально-исторических закономерностей и претворяющих их в реальность действий социальных механизмов («опережение» или «отставание»; несущественные «поправки» или существенные «исправления») – один из моментов взаимосвязи объективных и субъективных факторов общественного прогресса. Взаимосвязь логики и энергии этого процесса предполагает множество других составляющих ее моментов, а именно:

– востребованность единойдвойственных человеческих свойств и качеств либо в их взаимодополняющей связке, либо какого-то одного из них, которое более всего адекватно специфике формирующегося общественного порядка (строя), его закономерностям;

– разноуровневость и разнокачественность существенных свойств и элементов макро-, мезо- и микросистем, нередуцируемость первых двух в последнюю и неагрегируемость последней в первую или вторую, вследствие чего действие социального механизма чаще всего имеет кажущийся иррациональным скрытый, невидимый рациональный смысл, точно также как проявление «разумных» объективных законов довольно часто воспринимается как нечто иррациональное и происходит вопреки воле и желаниям их субъектов;

– рассогласованность свойств, атрибутов, составляющих социального взаимодействия субъектов как в силу его гетерогенного характера (системной целостности человека), так и в силу невостребованности многих из этих свойств и атрибутов при формировании и действии определенного социального механизма; выпадая из действующей закономерности, нередко противодействуя ей, некоторые из этих составляющих либо прокладывают дорогу новым закономерностям (тенденциям), либо создают пеструю стохастику вокруг действующей статистической закономерности;

– по мере усиления роли субъективного фактора в историческом процессе преобладание «логической» энергии (политического интеллекта) над «энергичной» логикой (спонтанным действием объективной закономерности) чревато деструктивными послед-

ствиями и застойными явлениями вследствие ремиссии вызревших глубинных противоречий общественного строя.

Учет деятельностных механизмов в научном познании означает множество поправок к детерминистским формулам зависимости надстройки от базиса, производственных отношений от характера и уровня развития производительных сил, а также их циклического движения от «соответствия» к разрешению противоречий путем «сбрасывания старой формы». Учет же отдельных *конкретных* свойств и признаков этих механизмов означает адекватный выбор их при анализе социальных процессов в рамках определенного типа производственных отношений или специфических (переходных и других) состояний общества.

1.2. Человеческий субстрат социально-экономических отношений

Законы функционирования и развития общества, с одной стороны, и человеческие взаимодействия (совокупная человеческая деятельность) – с другой находятся как бы в одной связке, при которой «невидимые» сущностно данные законы или тенденции обретают «видимую» эмпирическую данность в виде механизма их проявления, осуществления. Соответствие закона механизму его проявления заставляет нас считаться не только с императивами объективной необходимости всеобщего процесса, его «чистой» логикой, но и с тем, как эта последняя соотносится с логикой поведения ее деятельного субъекта. Эта соотносительность заключается прежде всего в том, что применительно к конкретным историческим условиям (обстоятельствам) в изначально заданных человеческому существу его многогранных качествах и свойствах оживают, выходят на передний план (а нередко и гипертрофируются) востребованные этими условиями и обстоятельствами *отдельные* из них, тогда как другие замирают и пребывают, по выражению К.Маркса, в «дремлющем состоянии». Но одного этого мало. Востребованные объективными законами свойства и качества (начала) человеческой личности, которая по мере развития общества все более и более впитывает его социо-

культурные приобретения и становится все более чувствительной и восприимчивой к императивам исторической необходимости, должны в определенной степени «быть готовыми» к требованиям этих объективных законов, без чего эти последние начинают «лихорадить» и нередко заносить в стохастику случайных или даже катастрофических процессов. Если закономерности охватывают всю совокупность реальных и вероятных общественных изменений во всей их сложной стохастике, то реализующие их механизмы появляются постепенно, неравномерно, в результате длительных эволюционных изменений. Отсутствие этой «подготовительной» эволюции делает макрообщественные изменения неустойчивыми и преходящими, даже если в самой системе общества уже четко обозначились контуры закономерных процессов. Можно предположить, что существует социологический закон адекватного разрешения противоречия, суть которого состоит в том, что оно может стать разрешимым не столько тогда, когда реально существующие связи и отношения перестают соответствовать вызревшим общественным потребностям в новых формах социальной жизни людей, сколько тогда, когда оно способно разрешиться в самом механизме действия новой общественной закономерности — в самих людях, их сознательной и целенаправленной деятельности и взаимодействиях, структуре самой личности, — в таком механизме, который перестает «слепо» действовать, а действует адекватно логике условий и обстоятельств.

По этой причине обществоведам, в первую очередь, надлежит знать, какие глубинные человеческие качества соответствуют или должны соответствовать тому или иному типу социально-экономических отношений и в достаточной ли мере присутствуют они в человеческих взаимодействиях (деятельностном механизме), чтобы обеспечить надлежащее осуществление той или иной уловленной научной мыслью наметившейся закономерности.

Применительно к капитализму социальные механизмы действия его специфических законов функционирования и развития, с одной стороны, структурируются на основе всех многомерных единойдвойственных качеств (начал) индивидуальной жизни человека, с другой — имеют явно доминирующие качества, како-

выми являются: взаимная обособленность, примат «осоциального» биологического, индивидуальная активность и экзогенная ее направленность. Доминирующие качества при этом не суть нечто рядоположенное. Логика их связи такова, что они неизбежно предполагают, дополняют и продолжают друг друга.

Понять социальную природу капитализма, сопутствующие ему состояния, как и природу его общественных антиподов – социалистических и прокоммунистических обществ, невозможно без осмысления фундаментальных начал, которые конституируются из органических свойств взаимодействия индивидов – обособления и единения, дискретности и континуальности. Именно эти свойства, в самом общем виде рассмотренные ранее, позволяют вскрыть механизмы функционирования законов общественно-экономических формаций и, прежде всего, капиталистической формации. Единство прерывного и непрерывного состояний социального мира наполнено глубоким и многоплановым его содержанием, которое выражается в следующих основных характеристиках.

1. *Социальная дискретность означает взаимообособленный характер жизнедеятельности людей*, то есть отношения частной собственности, экономические (товарно-рыночные) способы регулирования хозяйственного процесса, плюрализм общественных связей, индивидоцентристский стиль жизни и поведения, ориентацию на вещное потребление и физиологическую комфортность, прагматизм и рационализм. Выигрывая экономически, индивидуалистические общества вместе с тем проигрывают в социальном отношении. В противоположность этому *социальная континуальность предполагает единосвязанный характер жизни людей* – отношения общественной (коллективной) собственности, внеэкономические (социальные) формы хозяйственной жизни, коллективистский характер общественных отношений, социоцентризм, высокий уровень централизации управления общественными связями, безвозмездный (безэквивалентный) характер экономических и социальных отношений, идеократию, гуманизм, полагание духовности человека в качестве высшей ценности. Одновременно коллективистские начала, заложенные в фундамент общества,

обуславливают его инерционность, неповоротливость, экстенсивные способы хозяйствования, невосприимчивость к переменам, прежде всего в научно-техническом базисе. *Социальная дискретность означает плюралистичное и гетерогенное состояние общества, континуальность тяготеет к монизму и гомогенному его состоянию.*

2. *Дискретное состояние человеческого общества выступает субстратом его материальной (экономической) жизни, тогда как континуальное состояние — субстратом духовной (социальной) жизни.* Субстрат экономической жизнедеятельности — это биология человека, популяция индивидов как отдельных живых организмов. Субстрат социальной жизнедеятельности — это коммуникативно-знаковые системы, знаково-символические реальности, кодирующие внутреннее содержание и смысловые значения духовной природы человека как социального существа.

3. *Дискретность означает существование единичных уникальностей — отдельных индивидов, обладающих единичными органами и единичными физическими потребностями.* Биология человека предполагает в нем эгоизм (индивидуализм), ибо материальная, естественная потребность организма может быть удовлетворена только индивидуальным способом. Когда я хочу есть, никто другой посредством своих органов пищеварения не способен удовлетворить эту *мою* потребность, как я не в состоянии удовлетворить физические потребности других, самых близких мне людей, посредством удовлетворения своих потребностей. Иными словами, эгоизм предписан нам нашей биологической природой. Можно поделиться радостной новостью, веселым настроением, но невозможно поделиться ощущением сытости или половой удовлетворенности; можно разделить горе близкого тебе человека, страдать, сопереживать физическую боль, но нельзя *соощущать* эту боль как собственную. Поэтому в сфере экономической жизни действует диктат биологической индивидуальности, а значит — и социальная дискретность.

В отличие от нее социальная континуальность выступает проявлением общности и связности людей как рода, сообщества, системы, когда человек как составляющая этой связности концент-

рирует свое внимание и усилия на поддержании и укреплении единства себя с другими. *Эгоизм есть функция биологического организма, коллективизм — функция социального образа жизни.* Экономика эгоистична, как эгоистичен желудок. Социальность в высшей форме своего проявления альтруистична. Подобно тому, как в филогенезе естественно-биологические качества человека на ранних его фазах доминируют над социальными, в онтогенезе биологические, гоминидные начала правят человеком в пору его детства, отрочества, юности (не в этом ли состоит причина тяготения молодежи к эгоистичному, «биологическому» капитализму, а старшее поколение — к альтруистичному, «социальному» коммунизму?). Если реальность эгоизма всегда налицо, эмпирически очевидна, то реальность коллективизма и, тем более, альтруизма, лишенная вещественного содержания, всегда ставится под сомнение и нередко трактуется как миф или утопия (как и в физике, где «материальность», «вещественность» молекулы или атома вне сомнений, а природа поля до сих пор вызывает споры в силу своей невещественности). Именно по этой причине индивидуалистические общества обозначены четкой печатью «реальности», а коммунизм, социализм чаще всего представляются проблематичными или эфемерными.

В характеристике капитализма как биологической доминанты человека есть один чрезвычайно важный момент. Речь идет о том, что осоциаленная форма биологического означает в условиях капитализма уродливый и гипертрофированный характер человеческой биологии. Степень извращения биологической природы столь велика, что возникают проекты замены естественно-биологической морфологии людей синтетической морфологией (идеи «двойника», киборга, клонированной особи и т.д.). Венец капиталистической экзотеризации естественного человека комичен и парадоксален: научно-техническая цивилизация приводит его к тому, что человек должен или вынужден заменить ... самое себя!

4. *Социальная дискретность, чтобы оставаться таковой, предполагает отношения взаимного отталкивания, противодействия или соперничества, взаимной вражды и борьбы, тогда как социальная континуальность — отношения взаимного притяжения, консолида-*

ции, взаимоподдержки. Проистекающий из социальной дискретности эгоизм ориентирован на самовыживание (довольно часто за счет других) и активность. Культивируемая им конкурентная среда призвана возбуждать в человеке силу воли, упорство, предприимчивость, развивать и совершенствовать ум, но наряду с этим порождает цинизм, безжалостность и жестокость. Проистекающий из социальной континуальности коллективизм ориентирован на взаимопомощь, взаимоподдержку и милосердие. Коллективистская среда культивирует всеобщую социальную защищенность, нравственность, человеколюбие, но при этом снижает (притупляет) в людях самостоятельность, самодостаточность, экономическую инициативу, активность, дух соревновательности и потенциал практического интеллекта. В свое время Л.Фейербах очень удачно охарактеризовал единодвойственность эгоизма (обособления) и коллективизма (консолидации): «Без эгоизма у тебя не будет головы, без коммунизма – сердца» [15, с. 267].

5. Если исходить из посылки, что в человеке и человечестве определяющую роль играют социальные начала их жизни, а биологическое выступает в подчиненной и «осоциальной» форме, то следует признать, что такие атрибуты социальной дискретности (индивидуализма), как экономика, производство, политика, право, наука призваны играть инструментальную роль и представлять собой инструментальные ценности, а такие атрибуты социальной континуальности, как духовная культура, общение, игровые занятия, нравственность, искусство выступают как терминальные ценности. Иными словами, *социальность (социальный способ жизни людей) выполняет в обществе смысложизненную роль, а экономически продуктивный индивидуализм – вспомогательную, инструментальную.*

6. Существенные особенности каждого из противоположных состояний заключаются в том, что *дискретность сообщает общественному организму релятивный, текучий, динамичный характер, в то время как континуальность означает покоящееся состояние, инертность, направленность консолидирующих связей на консервацию, устойчивость существующего порядка вещей, возобновляемый характер общественных изменений («круговращение»).* Это – как

вода и лед. Агрегатное состояние пластичности и текучести позволяет обществу «течь» — эффективно двигаться в среде, находить нужное русло, заполнять отверстия и ниши, просачиваться, подобно воде, в щели и поры встающих перед ним преград (предпринимательство и рынок), тогда как консолидированное общество, подобно льду, неподвижно. Состояние инерционности, покоя переносит жизненные интересы людей с природообразующей, производственной, экстериторной деятельности на рефлектирующую и природосберегающую деятельность, на сферу общения, духовной культуры, интериоризации. *Дискретность чувствительна к ценностям изменений, континуальность — к ценностям постоянства (покоя)*. Индивидуализм исповедует принцип *развития*, коллективизм — принцип *существования* [16, с. 31–34].

7. Из сказанного вытекает еще одна особенность рассматриваемых социальных состояний общества, заключающаяся в порождении ими *двух типов человеческого мироотношения — утилитарно-практического и рефлективно-духовного*. Первый тип присущ индивидуалистическим обществам, второй — коллективистским. Релятивизму и беспокойству социальной дискретности соответствует динамика изменений (преобразований) природы и общества в многообразной и расширяющейся деятельности вещного потребления, для чего обязательны позитивные знания, наука. Застывшести и покою социального монолита соответствует «задержание» преходящего мира в его нравственно-эстетическом и религиозном созерцании: «неделание» (от Лао-Цзе до Льва Толстого), кантовская «незаинтересованность» художественного мышления и морального поведения, принцип «благоговения перед жизнью» (Альберт Швейцер). Классическое противостояние Востока Западу характеризует антагонизм двух типов мироотношения. Очень метко выразил различие этих типов российский журналист Юрий Савенков: «Европеец срывает восхитивший его цветок, японец любит его» [17]. Господство (доминанта) утилитарно-практического мироотношения означает «потребление вещества природы» (К.Маркс) и, стало быть, ориентацию на товарное производство, что, по Гегелю, является «негацией», то

есть уничтожением окружающей среды путем ее потребления через производство. Преобладание духовно-созерцательного мироотношения в обществе или социуме означает вещную непритязательность, ограничение материального потребления или его разумную меру, преобладание духовных потребностей, бережное отношение к природе. *Социальная дискретность посредством гипертрофии физического потребления разрушает среду, социальная континуальность благодаря ограничению вещистских потребностей и доминанте духовности сохраняет ее.*

Многоплановая характеристика социальной дискретности и континуальности, как она представлена выше, в качестве важнейшей конституирующей основы социального механизма общественно-исторического процесса позволяет определить этот процесс, и в частности функционирование и развитие капитализма, не в тяжеловесных социальных, социально-экономических категориях, а в «человеческом» измерении. С этой точки зрения *капитализм есть социально-исторический способ жизнедеятельности людей, основанный на приоритетной роли в ней активного индивидуализма и конкуренции; интенсификации и экспансии природопреобразующей деятельности; гипертрофии материальных потребностей и физиологического комфорта; инструментальных ценностей и превращенных (вещистско-потребительских) целей и смысла жизни.* Как способ человеческого существования капитализм держится на трех китах — *прагматизме* (вещизме), напряженной *активности* (релятивизме, динамике изменений, конкуренции, эксплуатации) и *рационализме* (науке, экономии и инновациях).

Дискретность и континуальность, многопланово охарактеризованные выше, — лишь «чистые» абстракции тех реальных состояний человека и общества, которые существуют в единстве, взаимодополняют друг друга и каждое из которых, наполняясь конкретным социально-историческим и социально-этническим содержанием, способно функционировать в качестве деятельностного механизма функционирования и развития общества. Конкретное их соотношение, взаимодействие, содержание и результат этого взаимодействия в различных общественных системах и, прежде всего, в капиталистическом обществе состоят в следующем.

Во-первых, каждое из противоположных состояний обладает как положительными, так и отрицательными по своей социальной результативности и значимости качествами. Поэтому ставить вопрос о том, что «лучше» или предпочтительнее — предприимчивый индивидуализм или социальная защищенность (коллективизм), столь же нелепо, как и вопрос: что «лучше» — интеллект или нравственность, «голова» или «сердце»? Преимущества в одном отношении сопровождаются (оборачиваются) недостатками в другом. Социальная консолидация людей, будучи неэффективной в качестве механизма экономического развития, оказывается эффективной в качестве механизма формирования духовной культуры, моральных ценностей, *социальной* жизни как таковой. Предпринимательский индивидуализм, беспомощный и карикатурно смешной в своих широковещательных благодеяниях и милосердии, является механизмом продуктивной хозяйственной деятельности.

Во-вторых, каждое из этих состояний выполняет вполне определенные, имманентные только ему социальные функции, обладает определенными «прерогативами», вследствие чего роли и значение одной не могут быть заменены ролями и значением другой. Требовать от коллективизма экономической инновационной активности так же нелепо, как от индивидуализма — гуманности. Было бы неразумно и бесперспективно пытаться инъецировать коллективизму динамизм, предприимчивость, конкурентность, инициативу, а предпринимательскому индивидуализму — благостный покой, заботу о ближнем и нравственное «благоговение перед жизнью». Нельзя заставить черепаху бегать со скоростью гепарда, как и нельзя придать организму гепарда такие анатомо-физиологические признаки, которые заставили бы его передвигаться спокойным черепашиным шагом. Каждому свое. Поэтому коллективизм, ввергнутый в процесс непрерывных изменений, превращается в саморазрушающееся общество, а капитализм, останавливаясь в беге, избавляясь от гонки и эскалации изменений, не обретает стабильность и циклическую возобновляемость, а терпит неминуемый крах от застоя и «болота».

В-третьих, принципиальная взаимозаменяемость ролей и функций противоположных социальных состояний не означает

отсутствия всякой возможности их взаимодополнения и «сотрудничества» в рамках определенных обществ. Более того, эти начала неразрывно связаны между собой: континуальность соткана из дискретных состояний (коллективизм существует через обособленных индивидуумов), а дискретность, в свою очередь, составляет определенное социальное пространство как некую целостность, в которой индивидуумы только и могут существовать во взаимной связи. Вопрос о единстве и взаимодополнении индивидуализма и коллективизма наиболее важный и сложный в понимании механизма действия социально-исторических законов. Здесь многое еще предстоит осознать и осмыслить. Индивидуализм как детерминанта интеллекта, активности и воли еще не означает, что все эти качества непосредственно формируются в его субъекте-носителе. Вряд ли научные абстракции и логика чистого мышления приходят в голову активным прагматикам, но создаваемая «деловыми людьми» атмосфера в обществе способствует появлению этих качеств в головах тех, кто более склонен к рефлексии, «незаинтересованному» мироотношению как функции коллективизма. В свою очередь, социальная связность, каждый раз вознося теоретико-методологическое мышление на новый, более высокий уровень духовности, создает почву для экономических инноваций и провоцирует активный индивидуализм. Вот одно из подтверждений сказанного. В то время как непродуктивный в экономике коллективизм в СССР оказался весьма продуктивным в развитии фундаментальных наук и подготовке специалистов, предприимчивый американский индивидуализм занимался по большей части «перекачкой мозгов», не заложив у себя дома прочной основы для фундаментальных наук и высокоэффективного образования. Одновременно непродуктивный по части генерирования новых научных технических идей и моделей «у себя дома» капитализм оказался более восприимчивым к ним, нежели собственное производство Советского Союза, вынужденного в 1960–1970-х годах продавать эти идеи и разработки за границу.

Каждый общественный строй, как свидетельствует исторический опыт, конституируется на одном из социальных состояний таким образом, что другое в модифицированном (преобразован-

ном, подчиненном) виде входит в систему этого строя на определенной фазе его развития в качестве состояния, дополняющего первое и придающего ему (как и всей системе) динамическую устойчивость. *Подчиненное состояние «работает» на господствующий в обществе тип социальных связей — будь то индивидуалистические или коллективистские связи, — хоть и не подменяя их, но вместе с тем создавая в них определенную напряженность и жизненную (для системы) активность.* В той мере, в какой дискретным, частнособственническим отношениям присущи различные формы коллективности (включая ее суррогаты), социальной взаимоподдержки и безвозмездности, отношениям коллективизма присущи индивидуалистичность, взаимная обособленность, нонконформизм, деловое соперничество и т.д.

В-четвертых, взаимодополнение и «сотрудничество» противоположных социальных начал происходит в условиях их взаимного антагонизма, исключающего гармонию, устойчивое динамическое равновесие индивидуалистических и коллективистских связей. «Мирное сосуществование» противоположных социальных связей возможно лишь в двух отношениях: когда речь идет о расширении или сокращении, то есть варьировании подчиненных связей в рамках господствующих, или когда подчиненная связь в ходе эволюции системы перерастает в главенствующую, но все еще продолжает «терпеть» формальное господство прежней конституирующей связи.

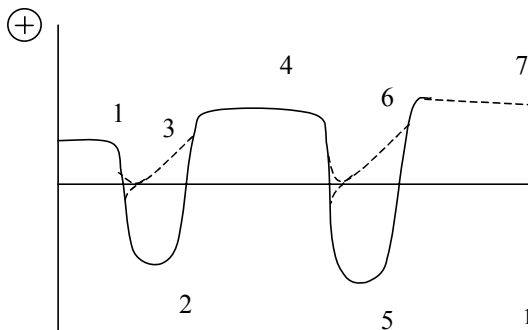
В-пятых, попытки *искусственно, произвольно* соединить «достоинства» (абстрактно положительные стороны) противоположных механизмов или систем в неподходящих для этого условиях способны лишь уродливо деформировать структурирующие их начала — индивидуализм и коллективизм. Синтез или конвергенция подобного рода, о чем мы подробно поговорим ниже, засвидетельствовали на практике, сколь губительны они для любого общества. Индивидуализм, «соединяясь» с невостребованным им коллективизмом, перестает быть экономически продуктивным и принимает форму разбойничьего беспредела. Сопутствующая ему конкуренция не стимулирует никаких «прогрессов», вырождаясь в кровавые разборки и междоусобицы. В свою очередь коллекти-

визм, если только он вооружается чуждыми ему прагматическими целями и расчетами, деградирует либо в патерналистскую стадность, либо в корпоративистскую, олигархическую клановость.

В-шестых, подобно тому, как каждая из систем обретает динамическую устойчивость за счет соединения в себе противоположных движущих ее механизмов, так и в ходе мировой истории наблюдается своеобразный ее «гомеостазис» в виде чередующихся доминантных состояний: коллективистские (общинные, государственно-общинные) общества, наработав определенный духовный потенциал, переводят его затем в русло практической (*прагматической*) реализации, уступая место индивидуалистическим обществам; индивидуалистические общества, укрепив свою материальную базу и создав высокопроизводительные технологии, позволяют затем человечеству (элитной, «господствующей» его части) расслабиться в деятельности общения и саморефлексии. Волнообразная, или «пульсирующая» модель исторического процесса в качестве «функций» двух его противоположных социальных оснований (механизмов) и в качестве взаимоперехода исчерпавших себя на определенных фазах или этапах обществ-антиподов может быть представлена такой схемой (см. рис. 1.1).

Согласно логике «волнообразности», или «пульсации» исторического процесса, происходит последовательная смена коллективистских обществ с *социальной* (внеэкономической) регуляцией производственно-хозяйственной деятельности и *устойчиво-консервативного* ее уклада [1; 4; 7] индивидуалистическими обществами [2; 5] с *экономической* регуляцией (если учесть, что раб одновременно был «говорящим орудием» и живым товаром) и *динамизирующим типом хозяйствования*. Основная волнообразная (непрерывная) линия развития сопровождается при этом вторичным «волнообразованием» (пунктирная линия) — возникновением «промежуточных», *дивергентных* обществ [3; 6]. Вторичные образования являются продуктом дивергенции коллективистских обществ (очевидно, в периоды их кризиса), продолжением или модификацией этих обществ в их новом историческом качестве или же результатом противодействия нарождающимся индивидуалистическим обществам. Дивергентная ветвь развития в ко-

Континуальность
(коллективизм как
«положительное» =
покоящееся состояние)

Дискретность
(индивидуализм как
«отрицательное» =
активное состояние)

1. Общинно-родовой строй
2. Рабовладельческий строй («античный капитализм»)
3. Государственно-общинное образование как дивергентная ветвь развития («азиатский способ производства»)
4. Феодално-крепостнический строй
5. Капиталистический строй
6. Раннесоциалистическое образование как дивергентная ветвь развития
7. Социалистический (коммунистический, «постэкономический») строй

Рис. 1.1

нечном счете завершается конвергенцией, схождением с «главной линией» развития. Естественно, что «точка» схождения, смыкания двух линий служит условным центром тех стохастических отклонений, которые более адекватно представляют картину реального исторического процесса. Примечательно и характерно, что «положительная» ветвь дивергенции коллективистских обществ представляет собой лишь частичное «отклонение», поскольку

принципиально не порывает связи с прежним историческим качеством, что обусловлено, очевидно, самой природой «социальной связности» — ее непрерывностью (циркулятивно-воспроизводственным характером движения). Не это ли последнее обстоятельство заставляло Л.-Г.Моргана, М.Ковалевского, А.Герцена и К.Маркса восхищаться «поразительной устойчивостью» и долговременностью существования общинного строя? По логике вещей процесс перехода индивидуалистических обществ в коллективистские также должен сопровождаться возникновением вторичных «волн», но дискретный характер первых не способствует их образованию. Очевидно, вместо них происходит прерывный диффузный процесс (внутри коллективистских обществ) в виде трансисторических дискретных формообразований, не приводящий к структурированию промежуточных индивидуалистических формаций в заметных общественных масштабах (тем не менее такие образования известны — Венецианская и Генуэзская Республики XIII—XV веков, Новгородская и Псковская Республики XII—XIV веков). Похоже, что именно эта особенность «дискретности» (трансисторичность, диффузный характер) породила точку зрения на капитализм как на «кочующее», перманентно возникающее и исчезающее состояние в отдельных регионах и анклавах общества (М.Вебер, Ф.Бродель, П.Бергер, Г.Шахназаров, А.Гальчинский). Наличие вторичных «волн» только в континуальной плоскости истории может объясняться также тем немаловажным, а, возможно, и главным обстоятельством, что именно в этой плоскости имеют место генетические основы терминальных, смысложизненных ценностей общества, тогда как в дискретной плоскости исторического процесса зарождаются и главным образом пребывают инструментальные ценности.

Рассмотренная схема с определенными поправками или вариациями может вписываться как в известную *формационную* модель исторического процесса (пяти «формаций» по критикуемой ныне, как, впрочем, и в прежние времена, модели «пятичленки», или трех формаций по современной их типологизации), так и в *организменную* модель общества как единой адаптивной системы с ее гомеостатическими колебаниями в сторону «положительного»

(континуальность) или «отрицательного заряда» (дискретность) и, наконец, — в *цивилизационную* модель (индивидуалистический Запад и коллективистский Восток) как динамический вариант организменной модели. В этой схеме, как нетрудно заметить, непротиворечивым образом соединяются системологические, социально-экономические и цивилизационные аспекты периодизации человеческой истории. Исторический монизм первой модели предписывает капитализму неизбежный крах — диалектическое превращение в коммунистическую формацию. Эта гипотеза основывается на той методологической посылке, что гомеостатический характер исторического процесса, предполагающий волнообразные колебания относительно его оси (вектора), дает все основания ожидать «откатной волны» — движения системы общества от доминанты дискретно-активного (гиперактивного) ее состояния к континуально-инерционному («спокойному») состоянию. Вторая, то есть организменная модель общества, по самой методологии своего построения оставляет в стороне вопрос об общественно-историческом развитии как таковом, довольствуясь признанием функционально-адаптивного состояния системы общества. Но даже в рамках ее парадигмы «адаптивно—адаптирующего» процесса, во-первых, неизбежно всплывает вопрос о гомеостатизирующей роли «социализации» общества (своеобразном вкраплении социализма в капитализм, предупреждающем резкие и опасные социально-классовые дисбалансы) и, во-вторых, фиксируется момент последовательного чередования состояний напряженности (социально-конфликтных отношений) и расслабления (социализации отношений). Биполярность мирового исторического процесса согласно третьей модели означает только то, что происходящая смена доминант, их последовательное чередование оставляют по существу в неизменном виде типы культур (обществ), обрекая их поочередно то на возвышение, то на упадок и что вслед за господством «западной» цивилизации должно придти господство «восточной». Так или иначе, но во всех случаях по логике предложенной нами схемы ожидаемый спад индивидуалистической «волны» наверняка свидетельствует не в пользу капитализма как долговременного общественного строя.

Понятие деятельностного механизма как определенных состояний взаимодействующих индивидов дает возможность по-новому

осмыслить марксистские системно-социетальные категории базиса, надстройки, способа производства, производительных сил, производственных отношений, диалектики их функционирования и развития, социальной структуры общества и т.д. С одной стороны, оно позволяет разобраться в том, как те или иные общественные организмы, макросистемы, типы общества «работают» на человека — на имманентные ему законы саморазвития, какие стороны, качества, свойства последовательно развивают в нем сообразно объективным требованиям этих законов. С другой стороны, понятие социального механизма позволяет вникнуть в суть реального действия исторических макрозакономерностей, которые, будучи определены лишь на социетальном, общественном уровне, приобретают абстрактную односторонность их теоретической рефлексии, не позволяющей адекватно оценивать время и пространство действия этих макрозакономерностей, их «расширение» или «сжатие», различного рода модификации и формы и, наконец, саму их возможность при кажущемся наличии всех основных макропредпосылок. Можно полагать, что если закономерности охватывают всю совокупность реальных общественных изменений во всей их сложной стохастике, то реализующие их механизмы появляются в результате длительных эволюционных изменений. Отсутствие этой «подготовительной» эволюции делает макрообщественные изменения неустойчивыми и преходящими. Так, скажем, «общественный характер развития производительных сил», определяемый целым рядом статистических показателей централизации и концентрации капитала, будучи абстрагированным от действия социального механизма их функционирования и развития (соотношения индивидуалистических и коллективистских начал), не может служить основанием для вывода об исчерпанности исторического потенциала капиталистического способа производства. Практика показала, что логически «исчерпавший» себя капитализм продолжает удерживать свои позиции благодаря тому, что вопреки своей «классовой роли» человеческий фактор в сфере труда и производства (рабочий класс), аккумулировавший индивидуалистический прагматизм и инструментальные ценности буржуазного общества, оказался неадекват-

ным необходимости (или возможности) структурирования социального механизма смены капиталистического способа производства социалистическим. Более того, благодаря доминанте активного индивидуализма «закон смены» трансформировался в ряд тенденций, не разрушающих, а лишь видоизменяющих существующий общественный порядок. То, что по логике марксизма должно было подорвать основу основ буржуазного общества — капиталистическую частную собственность, на практике модифицировало ее в массово-акционерную, корпоративную собственность, которая стала возможной (как и диверсификация риска) не в последнюю очередь именно благодаря господствующему в социальных связях людей прагматическому индивидуализму.

Другой пример диффузии исторических закономерностей в случайностях и «уводящих» тенденциях — формирование социалистических производственных отношений в их советском варианте. Формирование этих отношений, долженствующих соответствовать характеру и уровню сложившихся к началу XX столетия производительных сил, натолкнулось на две разнопорядковые преграды (известная «двойственность» экономического положения и психологии мелкого и среднего крестьянства). С одной стороны, *общественно-коллективистская ментальность* подпитывалась пролетарским и полупролетарским положением значительной части массы трудящихся — и это, естественно, усиливало социальную базу социализма. Усиливало тем, что общность деструктивных («задушить контру!») и конструктивных («Мы наш, мы новый мир построим») целей трудящихся классов в соединении с мощным пролетарским коллективизмом обеспечивала эффективность действия централизованно-политических механизмов построения социалистической экономики. Исполнительность, послушание, массивность трудовых усилий (социоцентризм) позволяли не только решать крупномасштабные производственные проблемы, но и оперативно маневрировать «рабочим фронтом», что дало возможность в короткие сроки построить экономическую базу социализма и усилить его позиции. Такое «усиление», однако, изначально несло в себе большую слабость, ибо коллективистская стихия часто была лишена рационализма, предприимчивос-

ти, маневренности, практического умения, профессионализма и, наконец, должного уровня культуры, что способствовало конформистскому исполнительству, а затем патерналистским установкам. Советский коллективизм оказался союзом *экономически незрелых* людей, а потому и малопродуктивным в обычных (не экстремальных!) условиях. В результате коллективистский колосс, лишенный экономической мотивации и предприимчивости, при всей своей великаньей силе не смог преодолеть инертности и неповоротливости, что в конце концов подточило его силы изнутри и погубило его*.

С другой стороны, *мелкобуржуазный индивидуализм* крестьянской массы как официально неодобряемое явление, не находя адекватных способов самореализации, вынужден был в пору мобилизационных успехов коллективизма приспосабливаться к нему (в том числе теневым способом), а впоследствии, с нарастанием социально-энтропийных и застойных явлений в коллективистской среде, дал широкую возможность самовозгоранию грубых фетишистских начал, собственнических вожделений и пошел в активное наступление на социализм. Таким образом, явная незрелость («справа» и «слева»), крайне слабая структурированность деятельностного механизма формирования и функционирования социалистического производства в его советском варианте засвидетельствовали как негативный на практике факт решающего значения этого механизма в основательности исторических закономерностей.

В заключение следует подчеркнуть, что новое видение общественно-исторического процесса, научный эскиз которого (процесса) в свое время был сделан марксизмом, состоит в детализации, а в некоторых отношениях — в уточнении его теоретической картины, суть которой заключается, во-первых, в определении, раскрытии содержания единодвойственных признаков деятельностных механизмов его (процесса) закономерного развертывания и протекания, во-вторых, в признании зависимости общест-

* Подробнее об этом см.: [16, с. 114–127, 193–198, 233–235].

венных закономерностей, их объективной логики от воздействия на них энергии этих деятельностных механизмов не только в плане «ускорения» или «замедления», но и в содержательном (структурном и векторном) отношении и, в-третьих, в характеристике общественно-исторического процесса как волнообразного (с возникновением вторичных волн), как его колебания в пределах двух полярных состояний – континуального (положительного, покоящегося) и дискретного (отрицательного, релятивного). Во всех случаях речь идет о целостном организме общества, *логический* скелет которого, определяющий алгоритм и пределы его (организма) скоординированных действий, обростает *энергетической* телесной, мускульной массой («человеческим субстратом»), приводящей его в движение в различных возможных вариациях и в различном режиме этого совокупного движения. Кроме этого, надлежит отметить, что если в общественном процессе существуют устойчивые инварианты (качества) объективного по своему характеру и материального по своей природе человеческого поведения и межиндивидуального взаимодействия, то они, безусловно, должны сказываться на действии макросистемных законов (тенденций) функционирования и развития общества. Структурирование в объективных исторических процессах их деятельностных механизмов на началах континуальности или дискретности позволяет решать телеономические проблемы (проблемы «цели истории») и одновременно объяснять многие из тех ее загадок, которые оказались не под силу формационной концепции. Ведь именно континуальным характером коллективистских обществ объясняется «удивительная живучесть», «жизнеспособность первобытных общин», а затем их «вторичных, третичных и т.д.» образований (К.Маркс), а также феномена «азиатского способа производства», благодаря которым, даже в грубых авторитарно-деспотических формах, осуществлялась непрерывность исторического процесса. Более того, континуальность как социальный способ существования людей, в силу своей самоценности, смысложизненности только и может быть ведущей, стержневой и «сквозной» линией человеческой истории, тогда как инструментальность буржуазного индивидуализма при всей его экономической про-

дуктивности и позитивном влиянии на социальную жизнь людей не может быть таковой, ибо как только биологизм самоутверждается и надолго выходит из-под социального контроля (перестает подчиняться социальной целесообразности), он тут же уродливо деформируется и превращается в страшную разрушительную силу. Капитализм XX века, сыграв свою важнейшую инструментальную роль в жизни общества, стал такой разрушительной силой.

1.3. Индивидуативный и социативный способы материально-производственной жизнедеятельности людей

Поскольку важнейшими механизмообразующими признаками закономерных процессов производства и воспроизводства жизни людей являются способности их взаимного обособления и единения, названные выше *индивидуацией* и *социацией*, их роль и функции в этих процессах заслуживают специального рассмотрения.

Общественное производство, составляющее основу всех иных сфер человеческой жизнедеятельности, осуществляется субъектами двоякого рода – либо отдельными, обособленными индивидами, либо их сочленениями (группами, коллективами, кооперациями). Это столь же очевидно, как и банальная истина относительно того, что целое состоит из отдельных частей и имеет различные уровни их субординации. В соотнесении понятий «индивидуальное – социальное», «индивидуалистское – коллективистское» неясностей не существует: при всех смысловых нюансах и вариациях они однозначно фиксируют различие конечных эффектов нерасчлененного целого и совокупного дробного, отдельных суверенных частей. Люди всегда трудились и трудятся сообща, вследствие чего их труд в конечном счете имеет общественный характер. Это марксистское положение бесспорно. Но бесспорным является и иное, признаваемое тем же марксизмом положение, что общественный характер труда и производства может быть непосредственным и опосредованным. Применительно к производственному процессу это означает, что либо одну и ту же деятельность люди выполняют сообща, объединяя свои трудовые уси-

лия – и тогда этот процесс имеет *непосредственно* общественный характер, либо выполняя ее индивидуально, обособленно, они обмениваются своим трудом и его результатами – и тогда этот процесс имеет *опосредованно* общественный характер.

В приведенных положениях, хотя и присутствуют понятия общественного, совместного, коллективного труда и труда индивидуального, обособленного, единичного, тем не менее все человечески-личностное богатство содержания того и другого аннигилировано, кроме его экономической составляющей – труда как субстанции стоимости и его вещественного результата, что сегодня никак не может удовлетворять ни эконом-социолога, ни социального экономиста. «Закрытый» ранее для науки вопрос о том, какие психологические, личностные и, наконец, моральные свойства востребуются в процессе совместной, коллективной деятельности и какие из этих свойств являются необходимыми (и почему) для выполнения индивидуальной, обособленной деятельности, сегодня становится «открытым». Открытым для поисков и решений, вследствие чего появилась надобность в некоторых новых терминах, или понятиях, – таких как *социация* и *индивидуация**. Эти понятия, на целесообразности введения которых в аппарат науки автор не настаивает, в определенной мере призваны компенсировать отсутствие личностного (деятельностного) механизма материально-производственного процесса в социологическом его (процесса) анализе. Социация и индивидуация, *социативный* и *индивидуативный* (а еще ближе и понятней, социальный и индивидуальный или экономический) способы материально-производственной деятельности людей различаются по соотно-

* Насколько мне известно, термин «социация» был впервые употреблен Г. Зиммелем, который вкладывал в него смысл сплочения, консолидации в качестве одной из сторон или форм взаимодействия индивидов [18, с. 23]. В 1988 году этому термину мной был предложен его антонимический аналог – «индивидуация» [16, с. 25]. З. Бауман приписывает авторство этого неологизма Ульриху Беку, в трактовке которого он означает «практическую способность самоутверждения» [цит. по: 19, с. 60]. Таким образом, различие значений одного и того же слова свидетельствует о его понятийной несформированности или, по крайней мере, многозначности.

шению личностного и вещественного содержания всей совокупности операций и приемов организации и выполнения этой деятельности как общественно необходимого труда. Внутренний, человечески-субъективный и вещно-инструментальный смысл этих понятий может быть прояснен на таком простом примере.

Представьте себе ситуацию. Некто во времена оны на узкой горной тропе встретил преградивший ему путь сорвавшийся с высоты громадный камень. Путник шел по важному делу и возвращаться назад ему никак было нельзя. Что делать? Было два выхода, два способа решения проблемы: либо призвать на помощь сородичей, либо придумать выход самому. Выбор из этих двух способов решения проблемы определялся как ситуативным фактором (временем на дорогу и на поиски готовых помочь сородичей), так и внутренним, субъективным фактором (установкой на самостоятельность, собственные силы и сообразительность: скажем, применение рычага — плотной и прочной палки — или подкол под камень со стороны пропасти).

Проанализируем каждый из двух возможных способов решения проблемы под *социальным* и *экономическим* углом зрения, уже отвлекаясь от ситуации «горной тропы». Но предварительно отметим, что наличие этих двух, в определенном смысле противоположных способов материально-производственной деятельности, не означает, что каждый из них присущ в «классической» форме тем или иным обществам, группам или индивидам. Они ситуативно доминируют в любой человеческой деятельности и способны возмещать те или иные недостатки друг друга, как и придавать совершенство один другому, о чем речь пойдет несколько позже.

Первый способ, конечно же, является социальным, или *социативным*. Он элементарно прост и предполагает сложение индивидуальных физических усилий, кооперативное действие, не требующее, как говорится, большого ума. Понятие этого способа не сводится к понятию кооперации. Оно значительно шире, ибо акцент в нем смещен на мотивацию, движущие силы коллективных действий и социальную психологию людей. Но применение этого способа для осуществления какой-либо индивидуальной цели

становится возможным лишь тогда, когда прибегающий к нему индивид уверен, что другие придут ему на помощь. Для этого необходимо, во-первых, чтобы эти другие были в наличии (и в необходимом количестве) и, во-вторых, чтобы в их среде существовал институт взаимного доверия и взаимопомощи. Иными словами, социативный способ наиболее применим тогда, когда люди готовы помогать друг другу и когда в сообществах людей сложились нормы коллективистских отношений. Институт взаимного доверия и взаимопомощи может быть результатом культурных традиций, но в генезисе сообществ отношения взаимопомощи продиктованы отнюдь не альтруистскими настроениями или моралью, а личной материальной зависимостью от других («Если я помогу ему сегодня, то он поможет мне завтра; и если я не буду помогать другим, то другие не помогут мне в случае необходимости»).

Второй способ, определенный мной как индивидуальный, экономический, или *индивидуативный*, является по своей технологии и строению более сложным, ибо в решение жизненно важных материальных проблем вовлекает ту орудийную деятельность, которая требует «хитрости разума» (Гегель), то есть осмысленных в человеческой голове операций по эффектообразующему столкновению одних веществ и предметов природы (орудий труда) с другими (предметами труда). Этот способ проистекает либо из ситуации «обрубленных концов», невозможности получения помощи со стороны других, либо из самодостаточности, волевой и интеллектуальной силы индивида*. Последние, интросубъектные качества проходят в своей истории длительную эволюцию, начиная с физически слабых гоминидов или первобытных людей и кончая практическим разумом и предпринимательской целеустремленностью современных индивидуалов.

* Этот последний случай часто имеет место не только в сфере материального производства, но и в сфере воспитания, когда один ребенок постоянно нуждается в опеке и заботе со стороны родителей, нянек, учителей, а другой сердито и упорно заявляет или требует: «Я сам!»

Каждый из двух кратко охарактеризованных способов обладает как несомненными преимуществами, так и заметными недостатками или даже пороками. В чем выигрывает один способ, проигрывает другой. И в чем проигрывает первый, выигрывает второй. Причем предметное пространство этих выигрышей и проигрышей необозримо. Можно лишь охарактеризовать его некоторые горячие точки.

Итак, если социативный способ решения жизненных проблем людей направлен на их самовыживание, или, точнее, на *элементарное обеспечение их материального существования*, то индивидуативный способ — на *экономическое преуспевание, максимум достижений*. В отношении первого способа это объясняется тем, что постоянная обращенность определенных категорий людей к обществу и коллективности как к надежному средству обеспечения их существования заставляет их, в конце концов, переводить стрелку с материально-производственной деятельности на «деятельность общения» (К.Маркс) — на самооценку человеческих отношений и обрамляющие эти отношения духовность и нравственно-художественные ценности, оставляя где-то на задворках стремление к приобретению материальных благ в качестве инструментальных ценностей. В отношении же второго способа можно утверждать, что обращенность индивидов к внешним, предметным ресурсам отвращает их от единения с другими людьми и замыкает их интересы на этих ресурсах, на себе и своих близких, на таких сугубо «земных» вещах, как собственность, власть денег и богатства, свобода и независимость, выражающих индивидуальное всемогущество человека, которое чаще всего оказывается призрачным. Генетически это связано с тем, что именно внутренняя природная слабость предчеловека призвала в свое время на помощь орудия труда в качестве экзотерических органов тела индивида (индивидоморфные орудия), а затем — и сообществ (социоморфные орудия). Этот фактор, очевидно, усиливаемый действием своеобразных законов форсирования социокультурного развития человечества, и привел к появлению той крайности или той определенности, которая может быть названа индивидуаци-

ей, а ее субъект-носитель – экономическим индивидуалистом. Глубокие мысли по этому поводу высказал в свое время Б.Спиноза: «По слабости своей природы мы необходимо должны что-либо любить и соединяться с ним, чтобы существовать... Всегда несчастен тот, кто соединяется с какими-либо преходящими вещами. Разум учит нас удаляться от таких вещей» [20, с. 121–122]. Более строгий и конкретный смысл индивидуативного образа жизни можно найти в словах Э.Фромма: «Создавая новые и лучшие средства для овладения природой, человек оказался пойманным в сети этих средств и потерял в виду цель, которая одна только и дает этим средствам смысл, – самого человека. Завоевывая природу, человек стал рабом машины, которую сделал собственными руками» [8, с. 12]. Соглашаясь со сказанным, вместе с тем можно его и оспаривать, ибо то, что написал Э.Фромм, – лишь часть правды. Другая же часть состоит в том, что человек без машины – жалкая и смешная смысложизненная идиллия. Но и не это главное. Главное в том, в руках (и в голове!) *каких* людей находится машина: если она становится самоцелью (чтобы делать при ее помощи все новые и новые машины для получения прибыли), – то это, разумеется, плохо; если же она мыслится и воспринимается только как средство, то человек из отчужденного состояния возвращается к самому себе, обретает самооценку. Все зависит от общественных отношений, в пределах которых производятся и используются машины.

Все сказанное означает, что социативный способ решения жизненных проблем выигрывает в социальном отношении и проигрывает в экономическом, в то время как индивидуативный – выигрывает в экономическом и проигрывает в социальном.

Социативный способ материально-производственной деятельности, апеллирующий к человеческой коллективности – к душам, симпатиям и привязанностям людей, прокладывает прямые и всем понятные пути к достижению материально непротивительных целей. Достижение успеха экономическим путем, индивидуативным способом, наоборот, обязательно предполагает сложность и предельную рациональность действий – максимум успе-

ха при минимуме затрат, а также неизбежное при этом соперничество с другими. Здесь не может быть простоты и прямолинейности эффектообразующего действия. Апелляция к собственному разуму и волевым усилиям означает в этом случае построение таких сложных технологий, составляющими и фазами которых являются знание свойств преобразуемых предметов труда, адекватный им выбор имеющихся или проектируемых орудий труда и, наконец, знание ситуаций, при которых предмет и орудие надлежащим образом могут вступить в такое взаимодействие, чтобы был получен ожидаемый результат. Схематика и принципы построения этих сложных технологий, касающихся вещества природы, неизбежно экстраполируются на человеческие отношения в условиях присущего индивидуализированным обществам всеобщего соперничества: хитрость, имитационные игры и социальная мимикрия становятся неизменными составляющими этих технологий. Во всех случаях для индивида важен ожидаемый результат. Что же касается физической деятельности индивида – «самого труда», по Марксу, – то она в силу своей ограниченности и заведомой несоразмерности с этим ожидаемым результатом является рационально организованной, то есть минимальной. Основные затраты ложатся на человеческий разум, потенциальная *производительная мощь которого не знает границ*. Этот особо важный момент следует подчеркнуть при сравнительной характеристике социативного и индивидуативного способов производственной деятельности: если кооперация элементарных (моторных, физических) усилий людей *имеет свой очевидный пространственный и технологический предел*, то комбинации веществ и сил природы, осуществляемые с помощью «хитрости разума» [21, с. 397], такого *предела не имеют*. Отсюда – установка коллективности на ограниченность и постоянство, а индивидуальности – на устремленность в бесконечность.

Таким образом, социативный способ решения материально-производственных проблем предполагает наличие нравственных устоев, душевную непосредственность и прямолинейность этики*, одновременно стимулируя и поддерживая их простотой сложения физических усилий взаимно солидарных людей, в то вре-

мя как индивидуативный, или экономический способ обязательно предполагает естественнонаучные, технико-технологические и организационные знания и развитие познавательных способностей человека. *Социативный способ эксплуатирует человеческую мораль, индивидуативный — человеческий разум.* Не этот ли смысл заложен в античной мифологии, где открытой, нравственной и физической, силе титанов противостоят коварство и хитрость умных богов?

Но почему же все-таки без индивидуализма (эгоизма) «у человека не будет головы», не разовьются его умственные задатки? По той причине, что *социативный способ решения проблем не нуждается в экономическом поведении людей, а значит, и в стимулировании умственных усилий.* Чтобы призвать на помощь соседей, друзей, знакомых, односельчан или скооперировать элементарный человеческий труд, не требуется особых затрат ума. Зато умственные усилия становятся необходимыми тогда, когда возможности подобного кооперирования нет или когда этой элементарной кооперации недостаточно для решения сложных и неординарных проблем. В этом последнем случае мы сталкиваемся с еще одним существенно важным водоразделом социативного и индивидуативного способов. Речь идет о предельно обобщенных противоположных характеристиках того и другого — об *определенности* социации и *неопределенности* индивидуации. Столь необычные

* В 1980 г., выступая на организованном редакцией журнала «Вопросы философии» Круглом столе «Производительные силы как философская категория», И.Н.Сиземская высказала верное, на мой взгляд, суждение: «Если на производство общественного богатства оказывает непосредственное влияние, скажем, рост нравственного сознания, то это свидетельствует о включенности его в состав производительных сил, хотим мы этого или не хотим. И в построении модели производительных сил этот факт должен найти отражение» [22, с. 105]. Рост нравственного сознания в данном случае не обязательно происходит из тех производственных отношений, в рамках которых функционируют эти производительные силы. Он может быть вызван традициями, сложившимся типом духовной культуры как суммарным продуктом действия производственных отношений минувших эпох.

на первый взгляд характеристики, разумеется, требуют обстоятельных комментариев и пояснений.

Определенность как характеристика социативного способа означает ряд близких по смыслу и значению таких его особенностей, как системная замкнутость; ограниченность; неподвижность (циркулятивное движение); постоянство; консервативность, или рутинность, а также тоталитарность, конформность, экстенсивность деятельности. В свою очередь свойство неопределенности, присущее индивидуативному способу, означает системную открытость; нестабильность; подвижность (релятивность), инновационность, свободу выбора и интенсивность деятельности. Определенность как преданность и подчинение сложившимся нормам и ценностям, как идеократия и стремление людей к ограничению, консервации и постоянству своего миропорядка проистекает из того очевидного обстоятельства, что взятый людьми на вооружение, по доброй воле или в силу необходимости, социативный способ материального производства принципиально и технологически ограничен в своих продуктивных возможностях, особенно там и тогда, где и когда орудия труда, техника и организация производства развиваются медленно и тяготеют естественным образом к примитивным схемам кооперированной деятельности. Проще выражаясь, производство, осуществляемое по таким схемам, движется по определенному замкнутому (почти замкнутому!) кругу. Неопределенность, напротив, возникает вследствие непрерывных изменений вещественного фактора производства, когда последнее не только долго «не засиживается» на достигнутых технико-технологических и организационных преобразованиях, но и все более убыстряет свой бег до бешеного аллюра с целью умножения богатства и благ его инициаторов. И подобно тому, как рутинность общественной жизни при гипертрофии социативного способа материально-производственной деятельности повергает эту жизнь в состояние упадка и застоя, неудержимое и безостановочное галопирование производства, а значит и всей общественной жизни, заставляет задыхаться людей от непрестанного ненужного бега и вызывает в них состояние психопатического страха и шока, лишая их прочной, *определен-*

ной психологической основы своего бытия, — так рождается феномен неопределенности. И он заслуживает особого рассмотрения.

Понятие неопределенности в последние годы все чаще употребляется в индивидуализированном обществе западными философами, социологами, экономистами, психологами и кибернетиками. Каждый из представителей различных наук вкладывает в него специфический смысл, вместе с тем оставляя в нем место более абстрактному смыслу и значению для последующей его генерализации. Из словаря науки это понятие перешло в словарь политики. Экс-президент США Джордж Буш-старший после распада «советской империи», долгое время носившей ярлык «врага номер один», счел за необходимое навесить этот ярлык на более страшного, анонимного врага, коим, по его словам, является «неопределенность, непредсказуемость и нестабильность» [цит. по: 19, с. 104]. *Неопределенность*, о которой говорил экс-президент, в самом общем определении может быть названа как *социальный иррационализм индивидуального рационализма* в его высшей фазе или как рассыпавшийся на дробные частицы «исчезающий» мир, который, даже будучи собран воедино, лишь усугубляет хаос и стохастичность враждебных нравственному (незаинтересованному) единению гипертрофированных «эго»*. Индикатором неопределенности общества и личности становится скоротечность идентичностей и «протеевская множественность» идентификаций*, а также жизнь по принципу *hic et nunc* — *здесь и сейчас* (активно навязываемого образу жизни современных «постсоветских» лю-

* Ульрих Бек, автор известной книги «Общество риска», в одном из своих очерков пишет: «Из постепенно исчезающих социальных норм проступает о б -
наженное, перепуганное, агрессивное «эго», ищущее любви и помощи. В поисках самого себя и любящей общности оно легко теряется в джунглях собственного Я... И каждый, кто блуждает в тумане собственного Я, более не способен замечать, что это изолирование, эта «одиночная камера для эго» отражает приговор, вынесенный всем» [цит. по: 19, с. 63]. Это высказывание можно продолжить словами З.Баумана: «В результате «личное» и «общественное» позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом. В каждом из этих миров действует своя логика, практически непонятная в другом мире» [19, с. LIII].

дей, особенно молодежи и напоминающего древний принцип *carpe diem*). Доклад Пьера Бурдьё на международной конференции в Гренобле (декабрь 1997) назван весьма характерно: «Неопределенность присутствует сегодня повсюду». По словам ученого, неопределенность — это широко распространенная и наиболее болезненная черта современных социальных условий, о которой французские теоретики все чаще говорят как о *precarite*, немецкие — как о *Unserheit* и *Risikoge-sellshaft*, итальянские — об *incertezza*, английские — об *insecurity*». Глубоко не вникая в сущность и генезис этого явления, П.Бурдьё прежде всего обращает внимание на его социально-этические последствия: «Лишая будущее предсказуемости, чувство неопределенности налагает запрет на любое рациональное ожидание и особенно на тот минимум надежды, который необходим для проявления протеста, особенно коллективного, против реальности, пусть даже самой нетерпимой» [цит. по: 19, с. 187]. Предъявляют свой счет феномену неопределенности и политэкономы, вводя в обиход понятие *политической экономики неопределенности* и трактуя ее как набор «правил, отменяющих всякие правила» [там же, с. 150]. Но чем же, в конце концов, вызван этот феномен?

На мой взгляд, тем уровнем развития производительных сил и прежде всего их субъективного компонента — научных знаний, который, будучи адекватным индивидуативному способу производственной деятельности, подошел к критической черте познавательных *человеческих возможностей*, реализующих себя в край-

* Об этой последней Стив Дэвис написал: «Овидиевский Протей, который мог по первому своему желанию превратиться из юноши во льва, в дикого медведя или змею, в камень или дерево, и Хамелеон, этот великий магистр мгновенных реинкарнаций, стали символами новой человеческой добродетели саморазвития и самоутверждения» [там же, с. 179]. Эрик Хобсбаум дал скептическую оценку надежности идентификаций: «Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать устойчиво и долго, в мире, где все движется и перемещается и ничто не является надежным», а Джек Янг придумал остроумную и язвительную этому выводу: «Как только сообщества распадаются, избораются идентичность» [там же, с. 190].

не индивидуалистической форме. Наука, становясь непосредственной производительной силой и приближаясь к обозначенной критической черте, подводит к ней и человеческую личность, и все человечество со всеми их материальными и духовными богатствами, с их образом жизни. Эта критическая черта, детище «научно-технического прогресса», явилась как следствием развития науки *вширь* и *вглубь*, эскалирующего и наваливающего на человека непосильным грузом все новые и неотложные проблемы, так и индивидуалистическим способом их решения. Этот последний означает капиталистическую борьбу за первенство, за превосходство и преобладание. А поскольку все это дается путем конкуренции, бешеной товарной и «процентной» гонки, то ускорение бега и создает в образе и стиле жизни конкурирующих людей состояние и ощущение *неопределенности*. Для понимания такой ситуации можно сослаться на простой пример: вы как участник ралли мчитесь на гоночном автомобиле, и пока вы едете на малой и средней скорости, все встречные предметы различимы и четко вами воспринимаются; но вот вы набираете скорость, доводите ее до предела — и ранее различимые предметы в одно мгновение сливаются в единообразную серую полосу *неопределенности*, о которую вы в любой момент можете разбиться и которая повергает вас в «гибельный восторг»! Таково состояние экономического гонщика. Выход здесь один: *индивидуальность* должна освободиться от *индивидуализма*, радикально изменить парадигму своего существования*. Только при этом условии неопределенность может уступить место определенности, прекратив на какое-то время стремительный бег и дав человеку спокойно

* Сколь нелепыми и безрассудными выглядят подчас американские кинобоевики — эти продолжатели либерализированных «вестернов» и комиксов, — когда герои-одиночки вступают в смертельную схватку с целыми отрядами врагов-бандитов или врагов-мафиози. Стереотипный сюжет этих примелькавшихся кинобоевиков с мордобоями и смертями можно охарактеризовать известной поговоркой: «Одним махом семерых побивахом». И хочется крикнуть изнемогающему от сверхусилий герою-одиночке: «Что же ты надрываешься, когда можно призвать на помощь друзей или обратиться в полицию!»

отдохнуть на ценностях нравственно-эстетической жизни и «деятельности общения». Именно такая парадигма бытия автоматически снимает все или большинство проблем ли-бо делает их решение необязательным. Если З.Бауман считает, что неопределенность наших дней является могущественной *индивидуализирующей* силой [19, с. 30], то в равной мере можно утверждать, что господство индивидуативного способа решения проблем усиливает и закрепляет в жизни общества и личности состояние неопределенности.

Состояния определенности и неопределенности нуждаются, наконец, в морально-психологической оценке. Социативный способ, если он поддерживает и воспроизводит средний уровень жизни (или, по крайней мере, сносный), рождает уверенность, спокойствие и оптимизм, даже если они имеют мифический или иллюзорный характер, тогда как индивидуативный – беспокойство и страх: у бедных и затравленных – страх перед неизвестностью и обездоленностью, у богатых – страх перед возмездием за непомерно роскошную жизнь и лишением своих преимуществ и благ. Неопределенность обесмысливает человеческую жизнь, делает хрупким и неустойчивым бытие личности, определенность наполняет ее устойчивым внутренним содержанием*. Похоже, большинству из ныне живущих людей приходится выбирать между «пагубной самонадеянностью» коммунистов (Ф.Хайек) и «неврастеническим страхом» индивидуалов (У.Бек, З.Бауман) либо, наконец, смело и решительно идти навстречу вызовам времени.

Наиболее существенными и заметными проявлениями определенности социативного и неопределенности индивидуативного способов материально-производственной деятельности людей являются *консервационность* первого и *изменчивость* (инновационность) второго*. Консервационность как постоянство общественных укладов и образа жизни в условиях господства социативного

* И как тут не вспомнить высказывание Василия Шукшина: «Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть ...» [23].

способа производственной деятельности вызывается не только простотой и рутинностью самого этого способа, но и готовностью людей к его приятию и пользованию им, то есть их установками на коллективистскую взаимоподдержку и взаимопомощь. Последние могут исчезать, разрушаться с появлением тех орудий труда, которые наглядно демонстрируют производительное превосходство техники над кооперацией, но могут и оставаться как в силу инерции традиции, так и понимания нежелательных индивидуалистических последствий применения технических устройств и угрозы коллективистским ценностям. Преимущество индивидуации перед социативным способом трудовой деятельности состоит в том, что если последний останавливается перед ситуацией неопределенности, где требуются принципиально новые технологии и подходы и где элементарное сложение индивидуальных усилий ничего не дает, то первая по большей части имеет дело с неопределенностью, то есть ориентирована на творчество. Иными словами, *социации изначально чужд дух новаторства и творчества*, являющихся прерогативой индивидуации. Инновационный дух этой последней, отмеченный в свое время К.Марксом применительно к капиталистическому способу производства («капитализм не может существовать, не производя постоянных переворотов в своем техническом базисе»), воплощаясь в практику современного бизнеса, только усиливает релятивистскую неопределенность в экономической жизни, ибо крупный бизнес намеренно усиливает гонку товарного производства при помощи индустрии НИОКР (институтов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок) для *разовой* эксплуатации инновационных идей (единственного, что еще способно принести прибыль), тиражирование которых в условиях сверхпроизводства теряет всякий смысл.

* Автор намеренно ушел от такого термина, как «консерватизм», поскольку за ним закрепился смысл чего-то негативного и общественно осуждаемого, в то время как «консервационность» — более нейтральный термин, допускающий как положительную, так и отрицательную оценку обозначаемого им явления.

Наконец, говоря об определенности социативного и неопределенности индивидуативного способов материально-производственной деятельности, следует коснуться и таких их модификаций, как *экстенсивный* и *интенсивный* методы хозяйствования. *Социации свойственен прежде всего экстенсивный метод, индивидуации — интенсивный.* Экстенсивный рассчитан на увеличение выпуска тех или иных товаров путем объемного (пространственного) наращивания производственных мощностей одного и того же технико-технологического и организационного качества. Применение этого метода предполагает увеличение рабочих мест (а значит, и количества работающих) без повышения их технического и квалификационного уровня. В отличие от него интенсификация рассчитана на увеличение производительности труда или получение его конечного результата при уменьшении затрат и ресурсов, что достигается благодаря внедрению организационно-технических и технологических новшеств. Именно первый, экстенсивный метод производственной деятельности легко вписывается в социацию, ибо только наращивание затрат физического труда при одном и том же уровне технической и энергетической вооруженности (и при всем своем карикатурном виде!) способно увеличивать объем выпускаемой продукции. Интенсивный же метод полностью совпадает с индивидуацией, ибо допуская различного вида комбинации кооперативных усилий он, тем не менее, ориентирован на их сокращение и на эффективность живого индивидуального труда за счет применения прошлого овеществленного (техники и научной организации).

Экстенсивный метод хозяйствования характерен для феодального общества, государственно-общинных образований. Тягловая сила, энергия воды и ветра, ручной физический труд, оснащенный элементарными техническими устройствами и примитивными орудиями труда (мотыга, плуг, ворот, рычаг и т.д.) — такие производительные силы регенеративного, самовоспроизводящегося характера веками оставались неизменными, и увеличение общественного богатства в этом случае только и могло осуществляться за счет расширения территорий и производственных ареалов, что в древние века было возможным и являлось един-

ственным источником такого увеличения. По этой причине массовые войны в период общинно-племенных империй и раннего Средневековья представляли собой своеобразный *милитарный* способ производства. Пришло время мировой технической цивилизации, и экстенсивный метод хозяйствования в условиях раннесоциалистических, коллективистских обществ предстал в новом облике. На сей раз — смехотворном (гигантомания типа «самая крупная в Европе домна»).

В 1980-е годы в СССР со всех трибун звучали призывы к переходу на новые, интенсивные методы хозяйствования. Красной нитью положения о необходимости такого перехода пронизывали Материалы XXVI съезда КПСС, где на различных его страницах то и дело выделялись курсивом слова об «обеспечении ускорения научно-технического прогресса и переводе экономики на интенсивный путь развития», о том, что необходимо «настойчиво повышать эффективность общественного производства на основе его всесторонней интенсификации», что «развитие науки и техники должно быть в еще большей мере подчинено решению экономических и социальных задач советского общества» [24, с. 139, 141, 143]. Пять лет спустя, на XXVII съезде прозвучали те же призывы-заклинания: «осуществлять крутой поворот к интенсификации производства» [25, с. 141], «повышение темпов должно достигаться на принципиально новой основе — на основе всесторонней и последовательной интенсификации» [там же, с. 289]. «Наша экономика, — заверялось в Материалах съезда, — вышла на такой рубеж, когда она может развиваться, и развиваться быстро не за счет все большего наращивания ресурсов, как это было раньше, а путем всесторонней интенсификации производства — интенсификации по всему фронту» [там же].

«Крутой поворот» и «интенсификация по всему фронту», однако, не состоялась. Не позволил основной принцип социализма: «Все — для человека, все — во имя человека». Широко разрекламированный к тому времени «щекинский метод» (попытка на Щекинском химическом комбинате Тульской области выполнять запланированный объем работ «меньшим количеством людей» остался на уровне очередного помпезного призыва). Социативный

способ решения проблем, обросший бюрократическими партийно-государственными институтами, продолжал свою рутинную работу по умножению всесоюзной кооперации труда: вместо увольнения избыточных рабочих с предприятий промышленности, чего жестко требовал рациональный метод индивидуации, на базе прежней, устаревшей техники и технологии в Союзе там и сям строились новые предприятия, призванные раскрыть объятия далеко не лучшей части рабочего класса*. Сигналом бедствия подобного рода, начиная с 1960-х годов, послужил вопиющий разрыв между количеством поданных и количеством принятых рационализаторских предложений («рацпредложений») и еще больший разрыв между количеством принятых и количеством реализованных. Причина, уже по тем временам, была ясна: всякое внедрение новшеств, во-первых, угрожало выполнению плана (месячного, квартального, годового) из-за временной приостановки предприятия или отдельных цехов (реконструкции, модернизации) и, во-вторых, было чревато сокращением штатов, особенно рабочих, чего никак нельзя было допустить, ибо «безработицы у нас не может быть». Ложно трактуемый гуманизм стал тормозом научно-технического прогресса и надежным прикрытием для бездельников и разгильдяев. Консервационный позитив социативного способа хозяйствования на базе техники и технологии вчерашнего дня оказался несостоятельным. Советский Союз как раннесоциалистическое образование рухнул. Рухнул не потому, как считает Дэвид Лейн, что «бюрократии не доставало предпринимательских стимулов» и что возникла «тенденция к застою, к воспроизводству системы без инноваций» [26, с. 118], а по той причине, что основанный на раннесоциалистических коллективистских началах функциональный алгоритм советского общества толь-

* В первой половине 1980-х годов во время запланированного похода сотрудников Института философии АН УССР на Киевский комбинат строительных материалов на неуклюжий и наивный вопрос одного из моих коллег: «Как вы осуществляете отбор поступающих к вам на работу?» – руководитель предприятия с иронией ответил: «Очень просто: берем всех подряд, даже дебилов».

ко и мог предполагать экстенсивный метод хозяйствования, никак не приемлемый в пору научно-технического прогресса.

Социативный и индивидуативный способы материально-производственной деятельности были рассмотрены мной в отвлечении от их функционирования в системе тех или иных обществ, их конкретно-исторических форм. Выше коротко отмечалось, что социация и индивидуация существуют не в «чистом» виде, а как доминирующие способы хозяйствования и трудовой деятельности. Более пространная их характеристика может быть продолжена в плане выяснения того, в каких конкретно-исторических формах они существовали (существуют) и как взаимодействуют друг с другом в пределах того или иного общественного строя.

Социативный способ в ходе своего исторического развития выступал преимущественно в двух формах – в форме добровольного единения, *взаимного согласия* и в форме социального, *внеэкономического принуждения*. Первая была характерна для первобытно-общинного строя, низкий уровень производительных сил которого понуждал людей к коллективному способу их существования, а также для тех стран и народов, которые на основе технически возвысившихся производительных сил вплотную подошли к экономическому (капиталистическому) способу жизнедеятельности, и менталитет, исторические традиции которых продолжали удерживать их в рамках привычной для них социации. Вторая была присуща государственно-племенным и феодально-крепостническим обществам, в которых социация приобрела принудительный характер и сословное разделение на привилегированных и подневольных людей кооперативного труда. Рациональный исторический смысл этой формы заключался в том, что рассечение общественного труда по принципу «функций головы и рук» (К.Маркс) способствовало духовно-эстетическому и научно-познавательному развитию общества. Различие между добровольной и принудительной формами социации не нуждается в пространных объяснениях: первая предполагает «щадающий режим», а в некоторых ситуациях – трудовой энтузиазм и самоизнурение,

что же касается второй формы, то она, по большей части, означала принудительный непосильный, каторжный труд.

В индивидуативном способе труда и производства также можно выделить две исторические формы – *трудовую* и *эксплуаторскую*. Трудовая существует там и тогда, где и когда в производственном процессе доминируют его вещественные и организационные факторы, приводимые в движение трудом самого индивида. Эта форма существует с давних времен, при всех общественных строях, то преобладая в них, то играя второстепенную, вспомогательную роль. Эксплуаторская форма индивидуации возникает с появлением частной собственности на средства производства на том уровне развития, когда ее субъект-индивид перестает принимать непосредственное участие в процессе производства товаров или услуг и вся его умственная деятельность сводится к организационно-расчетным и планирующим операциям. Во всех случаях индивид при этом работает прежде всего головой.

Рассматриваемые способы материально-производственной деятельности не разведены по «разным углам». Превалируя в разных ситуациях, они вместе с тем взаимодействуют друг с другом в пределах того или иного общественного строя. Возникнув на основе гregarных связей (стадности), социативный способ существования первобытных людей обусловил, по существу, орудийную деятельность человека. Силового (физического) доминирования отдельных особей, сколь бы ни было оно развито в первобытном стаде, становилось уже недостаточно даже для их выживания и воспроизводства в условиях изменившейся аутоэкологии. Органическая эволюция гоминидов переросла в неорганическую эволюцию первобытных людей, компенсировавших недостатки отправления своих важнейших физиологических функций созданием искусственных экзотерических органов – примитивных орудий труда. Бремя эволюционных изменений легло, таким образом, не на органику человека, а на систему созданных им внешних, экзотеризированных «органов» его тела (вначале палки, камни, а затем – скребки, топоры и копья). Возникает вопрос: *кто* из особей гоминидного стада стал первым человеком,

кто первым *создал* орудие труда? История уже давно ответила на этот вопрос [27; 28; 29]: органически *слабые* особи стада. Имитируя спорадически возникающие ситуации в охоте на крупных зверей, они воссоздавали образные картины вначале использования, а затем и случайного изготовления орудий труда. Усваивая эту образную информацию (кинестические жесты), сильные особи стада постепенно научились изготавливать орудия, оптимально приспособленные к стандартным ситуациям охоты. И на основе соотношений этих стереотипных ситуаций охоты со свойствами адекватных им «веществ природы» (К.Маркс) формировалось сознание первобытного человека. Уже, как видим, в самом генезисе человеческого общества появляются «интеллигенты» (органически *слабые* особи) и «рабочие физического труда» (органически *сильные* особи). Первые на чисто *индивидуальном* уровне выполняли *умственные* функции, вторые преимущественно на *социальном* (грегарном, стадном) уровне — *физические*. *Слабость силы* уступила место *силе слабости* — таковым был первый прорыв из животного царства в человеческую историю. Индивидуативный и социативный способы первобытной деятельности равным образом были присущи жизни орды и общины*. Лишь когда первые, примитивные орудия труда нашли широкое применение и на их основе социогенерирующая роль первобытной коллективности стала главной, на долгий период человеческой истории доминировать в ней начал социативный способ трудовой деятельности.

Этот способ был подрван с появлением лука и стрелы, в связи с чем стала возможной индивидуальная охота. Даже в облавной охоте на крупных зверей дикари впервые начали прибегать к долевному распределению добычи: по свидетельству Р.Эспинаса,

* Немецкий исследователь Ф.Кликс, тщательно изучавший орудия труда времен палеолита, писал: «Различия качества орудий не могли не выступать на первый план по мере увеличения их сложности. Это находило выражение в возникновении дифференцированной социальной оценки индивидуальных достижений, которая определяла как авторитет производителя орудий, так и его самооценку» [28, с. 53–54].

во многих общинах и родах дележ туши убитых зверей касался только тех, чьи стрелы были обнаружены в тушах. Повышение роли индивидуативного способа трудовой деятельности вызывалось еще и тем обстоятельством, что переход от малых контактных групп к большим общностям (племенам, родоплеменным объединениям) ограничил на их уровне возможности и необходимость кооперирования индивидуальных действий. Пожалуй, единственной социацией, где эти действия приобретали массовую форму, силу и эффективность, были набеги и военные походы. Переход к сельскому хозяйству, промыслам, ремесленничеству требовал, с одной стороны, усовершенствованных орудий труда, индивидуации, с другой — дробления племен, в связи с расширением ареалов, на малые контактные группы, которые не могли обойтись без социации. Гармонический строй сельских общин с их натуральным хозяйством на долгие века запрограммировал консервативность и рутинность образа жизни, их «удивительную живучесть» (К.Маркс). Превалирующий в них простой физический труд высвободил духовную энергию как для «деятельности общения», так и для «праздного любопытства», стимулирующего работу познающего разума и рождающего не только мифы и утопии, но и вполне реальные проекты. Индивидуация в таких условиях нередко приобретала латентную, невидимую форму: волевая энергия и разум индивидуалов устремились к поиску и созданию универсальных средств производства, при помощи которых можно было бы решать самые сложные производственные проблемы. Созданием таких универсальных средств, осуществленных самым легким путем, явилось превращение одушевленного человека в неодушевленный предмет — в «говорящее орудие» или «умную машину»*. Речь, разумеется, идет о классическом рабстве. В отличие от домашних рабов купленный раб

* Древнеримское *servus* (раб) и древнеславянское *рабъ* были неодушевленными существительными («вижю рабъ», как написано в одной из старославянских рукописей).

превращался в орудие труда и вещную собственность, что делает проблематичным решение вопроса о том, имеем ли мы здесь дело с социацией (в варианте внеэкономического принуждения) или индивидуацией в самом жестоком, изошренном виде.

От более «мягкого» и гуманного домашнего рабства нити исторической эволюции протянулись к государственно-общинному строю, сливаясь с деятельностью сельских общин, где явно преобладали и консервировались социативные начала. Это не означало, однако, что формирующийся феодальный строй предполагал исключительно социативный способ хозяйствования. В орбиту функционирования этого строя, где уже стали заметными и общественное разделение труда, и усиливающийся товарный обмен, все более активно втягивалась деятельность городских ремесленников, купцов, ростовщиков со всеми ее атрибутами индивидуации. Социация, как и усиливающаяся индивидуация, имели сословно-классовый характер, и первая подчиняла себе вторую на основе господствующих отношений внеэкономического принуждения. Когда индивидуативный способ деятельности, подчинявшийся этим отношениям, приобрел характер критической массы, капиталистический индивидуализм подорвал существующий порядок вещей и, проложив дорогу буржуазной свободе и демократии, покончил с внеэкономическим принуждением. Исторический процесс был подчинен капиталистическому алгоритму экономической максимизации.

Можно было бы продолжать исторический обзор функционирования и развития в человеческом обществе двух основных способов материально-производственной деятельности людей, но уже сказанного вполне достаточно, чтобы сделать некоторые выводы и обобщения.

Предложенные мной понятия социативного и индивидуативного способов производственно-трудовой деятельности призваны отразить социально-групповые и личностные эффекты (результаты) человеческих взаимодействий в процессе общественного труда и производства. Такие эффекты-результаты проявляются двояким образом: во-первых, как востребованность индивидуальным

или групповым (коллективным) способами действия вполне определенных, специфических для каждого из них человеческих (личностных, поведенческих, психологических) качеств и, во-вторых, как общественно-групповые и личностные поведенческие последствия реального применения (функционирования) этих способов. Методологическая роль понятий социации и индивидуации этим, однако, не ограничивается. В этих понятиях, как мне представляется, сращиваются воедино действие объективных законов с их механизмами, что, с одной стороны, объясняет востребованность определенных свойств человеческих взаимодействий условиями (ситуациями) материально-производственной деятельности, с другой — позволяет рассматривать объективные законы как результат действия (взаимодействия) человеческих сил и функционирования различных форм поведения людей и, наконец, с третьей стороны, — дает основания считать, что во взаимодействии этих двух способов в историческом процессе прослеживается последовательная гомеостазирующая сменяемость одного другим.

Социативный способ ориентирован на практическую эффективность человеческой солидарности и единства; предполагает стандартные и рутинные (устоявшиеся) операции и приемы, основанные главным образом на сложении индивидуальных трудовых усилий с применением минимума орудий труда и в связи с этим определенный, консервативный стиль жизни; культивирует аксиологическое отношение к действительности, нравственные и художественные ценности, поскольку непосредственно связан с «деятельностью общения» и, наконец, ограничивается примитивными и вместе с тем устойчивыми во времени орудиями труда. В отличие от него индивидуативный способ ориентирован на разработку и применение сложных орудий труда, технических устройств и рациональной организации производства, руководствуясь принципом «максимум результата при минимуме затрат»; предполагает постоянное обновление и усовершенствование техники и технологии, в соответствии с чем утверждает инновационный стиль жизни; культивирует научно-познавательное и познава-

тельно-практическое отношение к действительности, инструментальные ценности, так как ставит во главу угла решение производственных задач по удовлетворению материальных интересов людей и довольствуется различными суррогатами коллективности. Таким образом, социативный способ деятельности реализует *социальные* интересы людей, индивидуативный — *экономические*. Социация создает и воспроизводит духовно-нравственные начала их жизни, индивидуация — утилитарно-практические. Первая олицетворяет постоянство и воспроизводство, вторая — изменчивость и движение.

В практической жизни эти способы взаимопроникают, перемешиваются, создавая и поддерживая в людях определенные, соразмерные с требованиями истории пропорции, всякий раз нарушаемое и всякий раз восстанавливаемое равновесие между экономикой и социальной жизнью людей. Есть основания полагать, что социация и индивидуация как противоположные и взаимопологающие алгоритмы человеческой истории лежат в основе ее циклического характера: в период доминирующей социации, когда общественное движение замедляется и общественная жизнь как бы замирает, идет процесс накопления тех духовных начал, которые, тренируя и возвышая свободную от непосредственного производства мыслительную деятельность, создают внутренние предпосылки для их стремительной практической материализации формирующимся для этого индивидуативным способом; в период доминирования последнего общество приходит в состояние быстрого обновления и движения (восходящий виток спирали), и чем больше накоплено в нем интеллектуальных и эвристических потенциалов, тем более стремительными темпами оно развивается, доводя общественную жизнь до изнеможения и социальной астении, синдром которой взывает к необходимости отдыха и остановки, то есть социации в ее новом, более высоком историческом качестве.

1.4. Недосказанный Маркс: тайна

органического строения капитала

Единство объективных законов общественного движения с субъектными механизмами проявления этих законов составляют ту «основательность исторического процесса», которая далеко не всегда обнаруживается в этом процессе и отсутствие которой заставляет лихорадить объективные законы, принимать форму неопределенных в своем стохастическом разбросе тенденций, доходящих нередко до альтернатив общественного развития. Абстрактная логика многих марксистских формул в связи с их нестыковкой с реальным ходом исторических событий заставила в свое время концептуализировать связку понятий «логическое и историческое», оправдывая эту нестыковку «богатством исторического». В связи со всем изложенным в предыдущих параграфах есть основания думать, что немалая доля этого «богатства» сосредоточена в *пригодности (соответствии) человеческих качеств субъектов деятельности к реализации объективных требований со стороны условий и ситуаций, сложившихся в обществе*. Проще говоря, эти «богатства» состоят прежде всего в адекватности деятельностного механизма объективной общественной закономерности. Под этим углом зрения есть необходимость более пристально и внимательно взглянуть на некоторые стороны и моменты тех положений К.Маркса, которые до этого воспринимались в их половинчатом, или недосказанном виде.

Для всякого мало-мальски диалектически мыслящего ученого или политика, не равнодушного к судьбе человечества, нет вопроса: ошибся ли Маркс или «ошиблась» история? Сформулированная таким образом дилемма является ложной. «Ошибочность» или «несостоятельность» всех или отдельных положений теории Маркса часто обосновывают той исторической практикой, тем объективным ходом общественного развития, которые осуществлялись «не по Марксу», не подтвердили истинности его положений и прогнозов. Но при этом не принимают во внимание *факта неопределенности исторического времени*, в пределах которого могла бы быть подтверждена или опровергнута марксистская доктрина. Кто может дать гарантии, кто способен доказать, что челове-

ство вышло за пределы этого времени и история теперь всецело движется в «немарксовом» направлении? Что, «постиндустриальное» или «информационное» общество перестало быть капиталистическим? Исчезли присвоение прибавочной стоимости и эксплуатация человека человеком? И что, в современном обществе нет классов, нет социального антагонизма, проистекающего из этого присвоения и эксплуатации? Да, это общество изменилось, изменилась социальная структура «пролетариата» (отнюдь уже не только «рабочего класса!»), но не настолько, чтобы ликвидировать в себе имманентные им социально-исторические пороки, которые также, безусловно, претерпели изменения, обретая новый уровень и новые формы. Капиталистический прогресс сопровождается «прогрессом» основных негативов буржуазного миропорядка.

Маркса, как и Ленина, справедливо можно упрекать в попытках «подстегивания» исторического процесса, в опрометчивом или несостоятельном определении сроков, способов и механизмов революционных преобразований и путей построения нового общества, но это именно те частности марксизма, которые совершенно не опрокидывают в нем главного — логики неизбежного перехода от капиталистической (экономической) формации к коммунистической (бесклассовой, постэкономической), историческое содержание и время которого никем не может быть детально определено и просчитано. Все сказанное, и особенно события последних лет, дают основания для вывода, что *исторический контекст практической проверки истинности или ложности (ограниченности) марксизма оказался намного шире во времени, чем это изначально предполагалось. И*

* Этот вопрос, как и последующие, поставлен не для риторики. Ученые, далекие от марксизма, с момента появления понятия «постиндустриальное общество», запущенного в обиход Даниэлом Беллом в начале 70-х годов прошлого столетия, весьма настороженно и недоверчиво встретили этот неологизм. Питер Бергер, к примеру, резонно отметил: «...Этот термин меня не устраивает, ибо он уводит наше внимание от все еще существующей необходимости иметь эффективную индустриальную базу... Есть какая-то ирония в том, что книга Белла (имеется в виду «The Coming of Post-Industrial Society», N.Y., 1973. — E.C.) увидела свет накануне энергетического кризиса, который слишком отчетливо продемонстрировал уязвимость индустриальной цивилизации» [30, с. 293].

здесь уместно вспомнить, что в свое время Бертран Рассел в книге «Практика и теория большевизма» оказался намного мудрее и прозорливее иных «марксистов», скороспешно перекарасившихся в конце 1980-х годов в «демократов». В 1920 году он писал: «Возможно, что российский коммунизм потерпит неудачу и погибнет, но коммунизм как таковой не умрет» [31, с. 106].

Итак, Маркс ошибался, но только не в генеральном теоретическом прогнозе и не в методологии. Истории же самой ее стохастической природой дано «право на ошибку», ибо ее процесс утяжелен открытостью системы человеческого общества и массой привходящих случайностей, многие из которых, набрав энергию и получив беспрепятственный простор для своего действия, пытаются увлечь в свое русло весь мировой процесс, вследствие чего логическое часто теряется в тумане исторического. Но не исключено, что сегодняшняя картина логического все больше проясняется в связи с творческим привнесением в марксизм положений о деятельностном механизме общественной закономерности. Очевидно, этим объясняется усилившийся на Западе интерес к «обновленному» Марксу, признание его экспертами ЮНЕСКО самой выдающейся среди обществоведов фигурой ушедшего тысячелетия, возникновение в США и Канаде исследовательского направления *Rethinking Marxism*, а в России – отделения марксизма в структуре РАН, увеличившееся количество посвященных Марксу и марксизму публикаций, о чем уже говорилось выше*.

«Переосмысление марксизма» идет по разным направлениям. Одно из них – логическое продолжение тех положений Маркса,

* В предисловии к сборнику «Марксизм: прошлое, настоящее, будущее», выпущенному Институтом философии РАН в 2003 году, под характерным названием «Прощания с марксизмом, марксизмом-ленинизмом и советским социализмом не произошло», его ответственный редактор проф. Д.В.Джохадзе отметил, что «судя по выходящей отечественной и зарубежной обществоведческой литературе (в том числе предвзято-критической «марксологической» и «неомарксистской»), а также общественно-политическим процессам в мире, интерес к марксизму в постсоветское время не только не угас, как это предсказывали «демократические» эксперты, но находится на подъеме, о чем, например, свидетельствуют...» – и далее следует длинный, на целую страницу, перечень международных конференций, посвященных марксизму, за период с 1998 по 2002 год [32, с. 9].

которые, возможно, по причине своей невостребованности выпали из поля зрения продолжателей его дела и не были доведены до уровня концептуальной завершенности. Речь в данном случае идет о социологическом прочтении положения Маркса об органическом строении капитала, о возможных обобщающих выводах и вытекающих из него долгосрочных прогнозах, положения о том, что на самом деле является главным противоречием капитализма, и, наконец, важным для нас — о приоритетной роли «человеческого фактора» в разрешении этого главного противоречия.

Есть смысл кратко напомнить суть этого положения. В главе XXIII первого тома «Капитала», посвященной рассмотрению всеобщего закона накопления капитала, Маркс дает четкое определение целого ряда категорий и понятий, характеризующих его (капитала) строение. Он пишет: «Строение капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемое со стороны стоимости, строение определяется тем отношением, в котором капитал делится на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, то есть общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле строение капитала определяется отношением между массой промышленных средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения, — с другой. Первое я называю стоимостным строением капитала, второе — техническим строением капитала. Между тем и другим существует тесная взаимозависимость. Чтобы выразить эту взаимозависимость, я называю стоимостное строение капитала, — поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, — органическим строением капитала. В тех случаях, где говорится о строении капитала, всегда следует подразумевать его органическое строение» [33, с. 572]. К этому следует добавить, что органическое строение капитала можно выразить как отношение величины *постоянного капитала* (С) к величине *переменного капитала* (V). Формула C:V, согласно Марксу, означает: для того, чтобы одну часть

капитала увеличить посредством ее превращения в рабочую силу, другую ее часть необходимо превратить в средства производства; для того, чтобы переменный капитал функционировал, необходимо в известных пропорциях, соответствующих определенному техническому характеру процесса труда, авансировать постоянный капитал [там же, с. 204].

Соотносительность постоянного и переменного капиталов, со всей гаммой ее близких и дальних последствий, является одним из открытий Маркса, ибо органическое строение капитала никто из выдающихся экономистов и социологов до Маркса и после него не признавал в качестве алгоритма функционирования всей системы социально-экономических отношений капитализма. А.Смит и Д.Рикардо склонны были «растворять» это строение в иной соотносительности – основного и оборотного капиталов, при которой затушевывалось кардинальное различие между переменным и постоянным капиталом, оборотный капитал смешивался с переменным, вследствие чего последний выступал не как источник увеличения (самовозрастания) стоимости, а как одна из составляющих процесса обращения. То, чего «не заметила» (или не хотела замечать!) классическая политэкономия, заключается, по Марксу, в способности переменного капитала как данной суммы стоимости обмениваться на силу, создающую новую стоимость, – «на рабочую силу, которая не только воспроизводит свою собственную оплаченную капиталистом стоимость, но в то же время производит прибавочную стоимость, стоимость, не существовавшую ранее и не оплаченную никаким эквивалентом» [34, с. 217]. Таким образом, переменный капитал служит источником создания прибавочной стоимости, самовозрастания капитала.

Сказанным не ограничиваются особенности взаимосвязи постоянного капитала с переменным. В процессе развития науки и техники, обеспечивающих рост и совершенствование средств производства, доля постоянного капитала непрерывно возрастает, и, соответственно, уменьшается доля переменного капитала (при одних и тех же капитальных затратах), что может быть выражено формулой:

$$\frac{C_1}{V_1} < \frac{C_2}{V_2},$$

где C_1 – стоимость менее развитых в техническом отношении средств производства, а C_2 – стоимость более развитых в техническом отношении средств производства; V_1 и V_2 – соответствующие им капитальные затраты на рабочую силу; при этом: $C_1 + V_1 = C_2 + V_2$. Таким образом, в процессе движения капиталистического способа производства имеет место рост органического строения капитала, то есть увеличение стоимости его технической (постоянной) части и уменьшение части живого труда (переменной части) при одних и тех же размерах всего затрачиваемого на производство товаров и услуг капитала.

Внимательно всмотревшись в открытое Марксом органическое строение капитала, невозможно пройти мимо двух связанных с ним крайне важных в теоретико-методологическом отношении моментов, к сожалению, не доведенных самим Марксом до полной логической завершенности.

Во-первых, в органическом строении капитала просматривается логика объективной связи двух сторон способа производства – производительных сил и производственных отношений. Когда Маркс пишет о двухстороннем характере этого строения – техническом и стоимостном, то из последующего анализа этих ипостасей капитала – во всех трех томах его классического произведения – нетрудно заметить, что техническое строение есть не что иное, как производительные силы капиталистического общества, а стоимостное строение – концентрированное выражение его производственных отношений. И когда, далее, он подчеркивает, что стоимостное строение капитала по существу является органическим его строением, то тем самым он повторяет логику определяющей роли в способе производства ведущей, главной его стороны – производственных отношений.

Этот момент фактически не был четко обозначен и подчеркнут ни в марксистской политической экономии, ни в историческом материализме. Пожалуй, первым, если не единственным, кто обратил на него внимание, был известный советский комментатор «Капитала» Д.И.Розенберг, который еще в 40-е годы прошло-

го столетия писал, что в изменениях органического строения капитала «как в фокусе, отражаются изменения производительных сил буржуазного общества и соответствующие им изменения производственных отношений и – что особенно важно – обострение противоречия между производительными силами и производственными отношениями» [35, с. 252]. Далее этого признания Д.И. Розенберг, однако, не пошел, и принципиальная схема взаимодействия двух сторон капиталистического способа производства, его исторического финала, эскизно обозначенного в органическом строении капитала, никем из последующих толкователей Маркса не была взята на вооружение.

Во-вторых, помимо общей схемы, воспроизводящей в органическом строении капитала логику конституирования, функционирования и развития способа производства, в соотносительности постоянного и переменного капитала открывается все особое многообразие движения капиталистического общества от первоначального накопления капитала до завершающей его (общества) фазы трагического и одновременно комического по своему характеру производства избыточной стоимости и «социального исключения» целых стран и народов из системы общественной жизни, о чем речь пойдет несколько позже. По большому счету, смысловая формула органического строения капитала представляет собой схематично сжатый протокол смертного приговора капиталистическому общественному строю.

Два отмеченных момента хотя и обнаруживают определенную незавершенность марксова анализа капиталистического способа производства, однако еще не составляют тайны органического строения капитала. То, что в последнем прослеживается теоретическая канва развития способа производства, заметно, как говорится, и невооруженным взглядом. И осмысление того, что в итоговых формулах Маркса заключена рефлексия нарастания и кульминации противоречия между трудом и капиталом, также не составляет большого труда. В чем же тогда тайна? В том, что *формула органического строения долгое время хранила молчание о главном противоречии капитализма, практически заявившем о себе лишь во второй половине XX века*. Смысл и содержание

этого противоречия станут понятными, если до конца прояснится содержательная логика действия известного Марксова закона соответствия производственных отношений состоянию производительных сил общества.

Действие закона соответствия, как известно, четко, последовательно и убедительно сформулировано Марксом во Введении к «Критике политической экономии». Диалектика этого действия такова: возникнув при определенных производительных силах общества, объединяющих в себе средства производства и живой труд производителей, производственные отношения выступают активной формой их функционирования и развития, то есть соответствуют им, благодаря чему общество осуществляет свою жизнедеятельность и прогрессивно развивается до тех пор, пока существует это соответствие. Но на определенной стадии непрерывного развития производительных сил производственные отношения как более консервативная сторона способа производства перестают отвечать новым требованиям изменившихся производительных сил, из активной формы превращаются в тормоз их развития и, в конце концов, вступают с ними в неразрешимое (в рамках данного способа производства) противоречие. Обострение этого противоречия приводит к тому, что новые производительные силы революционным путем сбрасывают прежнюю форму своего развития — устаревшие производственные отношения, и под действием закона соответствия происходит замена их новыми отношениями.

Анализ и систематизация высказываний Маркса относительно диалектики способа производства позволили его последователям дополнить формулировку закона соответствия такими новыми понятиями, как *характер* и *уровень* развития производительных сил*. Тем не менее данные привнесения остались механическим довеском к категории производительных сил и фак-

* Похоже, что сам Маркс не употреблял этих понятий. По крайней мере в Предметном указателе ко второму изданию сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса (Часть вторая (Н-Я). — М., 1978) под рубриками «Производительные силы» и «Способ производства» подобные понятия нигде не обозначены.

тически так и не «заработали» в марксистской литературе*. Причиной подобного рода пробуксовки является — как это ни странно, — во-первых, сам Маркс, его некоторая односторонность в анализе возрастания органического строения капитала, неполнота выводов из этого анализа, и, во-вторых, интеллектуальная порабощенность авторитетом Маркса тех его последователей, которые не могли довести до теоретической завершенности исследование тенденции сокращения переменного капитала в эпоху «второй промышленной революции».

Результатом одностороннего приложения закона соответствия к функционированию и развитию капиталистического способа производства стала формулировка основного противоречия капитализма как противоречия между *общественным характером* производства и *частнособственнической формой* присвоения его результатов. В основу этого положения легли многие высказывания Маркса, в том числе касавшиеся возрастания органического строения капитала. Из формулы последнего, как известно, вытекал ряд производных. Прежде всего положение о том, что централи-

* В большинстве учебных пособий и монографий по историческому материализму 1960–1990-х годов говорится о «законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил» [см., например, один из последних учебников «Введение в философию». Часть 2. — М., 1989, с. 480] без всякого определения этих понятий, тем более без всякого прослеживания влияния характера и уровня на процессы вызревания и разрешения связанных с ними противоречий. В ряде учебников понятие уровня производительных сил подводится под понятие количественных, а понятие их характера — под понятие качественных изменений этих сил, что только вульгаризирует и запутывает реальную картину действия закона соответствия [см.: Исторический материализм. — М.: МГУ, 1973. — С. 54]. Наконец, пространственной и наиболее убедительной, на мой взгляд, является точка зрения, согласно которой понятие характера отражает состояние человеческого, социального фактора в структуре производительных сил, а понятие уровня — состояние технико-технологических, вещественных его элементов и функций (в том числе субъективных). Тем не менее влияние этих характеристик производительных сил на протекание и разрешение противоречий способа производства, их различие и взаимосвязь, последовательность влияния на способ производства никто детально и основательно не исследовал, боясь, очевидно, выходить за пределы сказанного К.Марксом.

зация в форме акционирования «расширяет и ускоряет те переводы в техническом строении капитала, которые увеличивают его постоянную часть за счет его переменной части и тем самым относительно уменьшает спрос на труд» [33, с. 586]. Обобществление труда (концентрация и централизация производства) за счет увеличения постоянной части капитала, ведущей к разорению технически отсталых или недееспособных предприятий и к поглощению их технически оснащенными, одновременно сопровождается сокращением переменной части со всеми вытекающими из этого последствиями (безработица, относительное перенаселение, пауперизация), что и свидетельствует о неразрешимости в рамках капитализма противоречия между общественным характером производства (возросшими масштабами обобществления живого труда и производства) и частнокапиталистической формой присвоения, доводящей размер прибавочной стоимости и эксплуатацию рабочей силы до критической черты. Таковы, по Марксу, суть и результаты «всеобщего закона капиталистического накопления».

По мнению многих ученых — не только противников, но и сторонников марксизма — названный закон представляет собой ахиллесову пяту всего Марксова учения, поскольку зрелые фазы развития капитализма не обнаружили (или якобы не обнаружили) в себе его действия. Во-первых, ставится под сомнение положение об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса. Во-вторых, исторический опыт засвидетельствовал разрешимость противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения в пределах самого капиталистического общественного строя. С такими мнениями можно согласиться, но можно и оспаривать их, ссылаясь на то многообразие исторического, которое существенным образом ослабило действие этого закона за счет его внутренних трансформаций (появление национального, а затем транснационального корпоративного капитала), а также такого «внешнего» по отношению к нему фактора, как влияние системы социализма, в результате которого произошел известный в социологии «Эффект

Эдипа» (исследование буржуазными учеными марксистского знания—прогноза с целью адаптации к «неприятному» для буржуазии объективному закону). В отношении сомнительности положения о «производстве массового пауперизма» можно ответить словами самого Маркса, писавшего о том, что закон капиталистического накопления, «подобно всем другим законам, в своем осуществлении модифицируется многочисленными обстоятельствами» [33, с. 60—602]. Вполне возможно, что одной из таких исторических модификаций является возникновение своеобразных классовоподобных образований, *национал-метрополий*, стран «золотого миллиарда», неимущее или малоимущее население которых вкупе со «своими» правящими верхами нередко эксплуатирует трудящееся население *национал-колоний*, создавая своим положением в обществе иллюзию «всеобщего благоденствия».

Что же касается вопроса об основном противоречии капиталистического способа производства, то действительно полагание такового в качестве противоречия между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения не может не вызывать сомнения*. Щепетильность ситуации состоит в том, что Маркс заслуживает здесь упрека в односторонности и преувеличении места и роли обозначенного противоречия в движении капиталистического способа производства, но отнюдь не тех упреков, с которыми на него обрушились новоявленные критики, вчерашние ретивые «марксисты».

Один из таковых, небезызвестный российский экономист Н.Я.Петраков, к примеру, пишет: «Маркс и Энгельс *внутренне чувствовали* (?! — *Е.С.*) слабость своей позиции в центральном

* В одном из интервью журналу «Narg» (Критик) 2 июня 1998 года английский ученый И.Мессарош, известный своими работами по марксизму, не случайно в качестве слабого места Маркса-социолога назвал отождествление понятия «персонификации капитала» с понятием «капиталиста-частника» [36, с. 128—129]. Именно эта форма персонификации, показавшаяся Марксу единственно возможной для капитализма, очевидно, послужила основанием для конструирования им рассматриваемого противоречия в условиях усиливавшегося обобществления труда и производства.

пункте обоснования необходимости грядущих социалистических революций. Действительно, ими было выдвинуто положение о том, что основное противоречие буржуазного способа производства — это противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов труда. Но данная формула беспомощна в научном отношении и ничего не разъясняет по существу вопроса. Общественный характер производства — вечный его признак. Любой индивидуальный производитель: фермер, ювелир, мойщик стекол, ученый — является лишь звеном в общественном разделении труда, поскольку пользуется сырьем и полуфабрикатами, орудиями труда и знаниями, созданными другими. И так было всегда. Огромные масштабы современного производства не повод для социальных революций. Размер предприятия не характеризует глубину общественного разделения труда» [37, с. 37].

Странно все это слышать из уст известного ученого-экономиста. Неужели почтенный академик не видит различия между социально-философским, социологическим понятием «общественное производство» и сугубо экономическим понятием «общественный характер производства»? Что касается первого понятия, спора нет: все верно, и незачем воинственно ломиться в открытую дверь. Но вот что касается второго понятия, здесь-то и нужен язык политэкономии: «обобществление труда», «обобществление производства», «концентрация производства», «централизация капитала» и целый ряд других понятий и категорий, имеющих мало общего со «звеньями в общественном разделении труда», «огромными масштабами производства» и «размером предприятия». И уж совсем вызывающе безграмотным, если не приторным, выглядит отождествление Н.Я.Петраковым частнокапиталистической формы присвоения с «удовлетворением потребностей», которое-де «за малым исключением (характерная оговорка! — *Е.С.*) в конечном счете индивидуально» [там же]. Не вступая в дальнейшую полемику с автором, хочу только напомнить, что в споре с Марксом (марксизмом) не мешало бы вспомнить и о таких понятиях, как «опосредованно общественный характер» и «непосредственно общественный характер» труда и про-

изводства применительно к стоимостным категориям политэкономии капитализма.

И тем не менее предмет для критики здесь все же есть. И для нас суть вопроса не в том, имеет ли место рассматриваемое противоречие в действительности или его вообще не существует, как утверждает Н.Петраков, а в том, какое место занимает оно в капиталистическом обществе и какую роль выполняет. Рассмотрим кратко этот вопрос.

Капиталистическое накопление, достигнув высокого уровня концентрации и централизации капитала, создало необходимость государственно-монополитического регулирования не только хозяйственного процесса, но и социальной жизнедеятельности общества. Ленин назвал этот уровень империализмом, преддверием социализма, кануном пролетарской революции. И революция действительно произошла в начале XX столетия. Но произошла не во всемирном масштабе, как ожидали классики марксизма, а в ряде слабо- и среднеразвитых стран, к тому же, как выяснилось на исходе XX века, с откатной волной перманентных контрреволюций. Можно в связи с этим предположить, что противоречие между общественным характером производства (усиливаемым коллективистско-общинными традициями и сохранившимися остатками общинного уклада) и частнособственнической формой присвоения разрешилось на практике двумя способами, двумя путями: возникновением в общественно-историческом процессе дивергенции, своеобразного ответвления от этого процесса раннего, дивергентного социализма, о чем речь будет идти в последующих разделах книги, и распространением регулятивных функций буржуазного государства на частнокапиталистическую практику и взятием им на себя патронажных и арбитражных функций. Исчерпало ли на этом свои революционные возможности данное противоречие, ответить трудно. Скорее всего, как можно предположить, уступив свою революционизирующую роль *иному* противоречию (о чем будет сказано ниже), оно сохранило за собой функцию того социального антагонизма, который способен дополнять действие и разрешение этого *иного* противоречия капитализма как основного. Но прежде чем говорить об этом *ином*

противоречия как основном, следует заметить, что капитализм, порождая противоречие между общественным трудом и частной собственностью на средства производства, не только адаптировался к этому противоречию, но и повлиял на процесс его протекания и разрешения, создав такие «просоциалистические» его (разрешения) модификации, как корпоративизм (традиционный и новый)*, транскорпоративизм, «экономика участия», рабочие корпорации (ESOP) и др. Кроме этого, нельзя не обратить внимания и на особенности изменения производительных сил в ходе их развития. Они за последнее тридцатилетие подверглись не только дальнейшему обобществлению, но и заметному дроблению и фрагментации, тенденции «третьей волны». Диверсификация производства и расширение малого бизнеса, индивидуализация труда («самозанятость») и «кастомизация» производства в настоящее время стали следствием не только резкого снижения переменной части капитала, но и структурного изменения техники производства — появления минитехники, микропроцессорной техники, компьютеров, локальных замкнутых технологий по производству конечного продукта и т.д. Происходит своеобразный процесс индивидуализации машинного производства, средств труда, что в определенном отношении не вписывается в контекст усиления общественного характера производительных сил. По крайней мере он, этот характер, попадает во все большую зависимость от уровня производительных сил**.

При этом возникает еще один, довольно сложный, вопрос: является ли наблюдаемое в опыте развитых стран дробление (индивидуализация) средств труда, производительных сил следствием имманентных им законов самодвижения или это явление

* Небезынтересно в этом плане высказывание Й.Шумпетера: «...Современная корпорация, хотя она и является продуктом капиталистического процесса, социализирует буржуазную психологию, неумолимо суживает границы капиталистической мотивации; более того, в конце концов разрушает ее корни» [3 8 , с. 201].

** Характерно, что сам Маркс усматривал в акционировании капитала зародыш «преодоления капитализма в рамках капитализма».

представляет собой следствие определенного деформирующего, если не деструктивного на них (сил) воздействия производственных отношений?

Так или иначе, но во всех случаях похоже, что «основное» противоречие капитализма не оказалось таковым: оно заявило о себе не как противоречие *сущности*, а как противоречие *развития* одного и того же общественно-исторического качества*. Заявляя об этом, нелишне напомнить, что противоречия общественного движения включают в себя противоречия *функционирования*, *развития* и *сущности*. Противоречия функционирования объясняют «рабочий механизм» жизнедеятельности и воспроизводства капиталистического строя (конкуренция на всех ее уровнях: внутриклассовые, межклассовые и межгосударственные конфликты и антагонизмы). Противоречия развития – это те конфликты между производительными силами и производственными отношениями (наблюдаемые чаще всего в «промышленных» и «технологических» революциях), разрешение которых возносит капиталистический способ производства на новые уровни или фазы развития (например, с домонополистической на монополистическую фазу). И, наконец, противоречие сущности – это то противоречие, разрешение которого сопряжено с упразднением капиталистическо-

* Естественно, здесь может быть высказано сомнение со стороны противников марксизма: а присуще ли вообще капитализму противоречие его сущности, может ли оно возникнуть в нем? Единство человеческого общества, как и единство человеческой истории, – еще не свидетельство того, что общество представляет собой вечно адаптирующийся к изменениям один и тот же социальный организм. Здесь никакими аргументами невозможно откеститься от марксистской теории общественно-экономических формаций, четко и логически построенной на «Монблане фактов» (идет ли речь о «правильной» трактовке Марковского определения формаций как «пятичленки» или как «триады» длительных исторических периодов). Ступенчатый, прерывный характер исторического процесса (назовем ли мы его ступени формациями, способами производства, строями, порядками, цивилизациями, – везде будет прослеживаться качественная определенность последовательно сменяющихся друг друга «алгоритмов истории») сам по себе предписывает капитализму его неминуемый упадок, гибель и, наконец, переход к чему-то новому, что и станет результатом разрешения основного его противоречия (противоречия сущности).

го способа производства как такового и означает переход общества к новому социально-историческому качеству.

Если конфликт между ставшими общественными по своему характеру производительными силами и капиталистическими частнособственническими отношениями не обнаруживает этого *последнего* противоречия, то есть противоречия сущности, тогда в чем же оно? *В том, что обусловлено границами повышения органического строения капитала и вытекает из него, — в противоречии между предельно высоким научно-техническим, возвысившимся до гуманоцентризма уровнем производительных сил и ставшей его оковами товарно-денежной формой производственных отношений.*

Что же представляет собой этот *предельно высокий уровень* развития производительных сил и почему именно ему принадлежит детерминирующая роль в разрешении основного противоречия капиталистического способа производства? Отвечая на этот вопрос, сразу же необходимо отметить, что в оценке роли производительных сил как таковых в литературе нашего недавнего прошлого им отводилась роль преимущественно «опосредующего» фактора в разрешении основного противоречия способа производства так такового, капиталистического — в частности. Игнорировался момент единства двух сторон способа производства во влиянии его на жизнь общества и личности, чему в немалой степени способствовало идеологическое неприятие концепций индустриалистов, методологической базой которых был объявлен «технологический детерминизм», и в связи с чем понятие производственных отношений фактически получило статус категориальной независимости от производительных сил. Абсолютизация роли производственных отношений привела к тому, что с их сменой предполагался автоматический переход человеческой личности из отчужденного, социально и культурно кастрированного состояния, в состоянии «всесторонне и гармонически развитой» или, во всяком случае, близкой к этому состоянию личности. Уже по прошествии длительного времени, в пору «развитого социализма» стало понятным, что такой переход невозможен и что станет он возможным лишь тогда, когда в человеке будут сформированы необходимые для этого *высокоразвитые* («разум-

ные») *потребности*. К сожалению, осознание этого важнейшего момента пришло в головы наших «марксистов» в изуродованном виде: ведь было принято считать возможным формирование таких потребностей путем «идейно-воспитательной работы», идеологическими средствами, тогда как главным «воспитателем» в этом процессе могло быть только поступательное развитие производительных сил — технических систем, технологий, организации труда с соответствующими им объективными требованиями к личности человека как работника. Ведь *каков человек как работник, таковы и его потребности*. Ставка исключительно на фактор роста «свободного времени» (безотносительно к содержанию труда) как условия роста человеческой культуры и развития самой личности лишь усугубляла допущенные просчеты и усиливала в головах ученых теоретическую неразбериху (сам К.Маркс, по существу, свел проблему формирования нового человека к «освобождению личности» и к позитивному влиянию на нее фактора «свободного времени»; этим, кстати, грешил в 30–60 годы прошлого века и корифей советской экономической науки, академик С.Г.Струмилин). Лишь *предельно высокий* уровень развития производительных сил, не только увеличивающий свободное от необходимого труда время, но и содержательно обогащающий труд, интеллектуализирующий и онаучивающий его, объективно повышает человеческие потребности до подлинно человеческих ценностных установок и ориентаций. Разумеется, удовлетворение таких потребностей не приходит автоматически — для этого понадобятся адекватные ему производственные отношения, отрицающие саму парадигму прежнего человеческого существования — мотивы и установки либо на самовыживание, либо на гипертрофированный социальный престиж (деньги и сила властного положения).

Одной из особенностей производительных сил *предельно высокого* уровня их развития является то, что они представляют собой одну из сторон не только посткапиталистического, но и *постэкономического* способа производства, знаменующего переход человечества к его «подлинной истории»*. Но это означает переход

производительных сил общества в новое качественное состояние (бесклассовое, без частнособственнического присвоения, с приоритетом установок на терминальные ценности человеческой жизни). Производительные силы *утрачивают тем самым одностроннюю роль средств материального производства и становятся производительными силами «самой формы общения», смысложизненных человеческих ценностей.* Центральным их звеном становятся не самодовлеющие сложные машинные системы, а освободившийся от их «технологического» рабства человек, жизнедеятельность которого уже не может осуществляться в прежних рамках экономоцентрических отношений (отношений товарного производства).

Наконец, решая вопрос о *предельно высоком* уровне производительных сил как возбудителя основного противоречия капитализма, мы не можем уйти от анализа одной из особенностей этого противоречия, кажущейся, на первый взгляд, довольно парадоксальной. В смысле этого основного противоречия надлежит основательно разобраться, чтобы исключить сразу же возникающий при его констатации алогизм: если капиталистические производственные отношения по самой своей сути являются постоянным катализатором повышения производительности общественного труда (производительных сил)**, то могут ли они вследствие одного этого превратиться когда-либо в тормоз их развития? При рассмотрении противоречия первого рода (*общественный* характер производства и *частнокапиталистический* способ присвоения) подобный вопрос не возникает. При рассмотрении противоречия второго рода он уместен. Сама постановка вопроса о превращении капиталистических отношений в оковы производительных сил при достижении этими последними *предельно высокого* уровня развития вполне может показаться абсурдной: не противоре-

* Похоже, что триада исторического процесса – доэкономическая, экономическая и постэкономическая формации – все более находит признание не только в современной марксистской науке, но и за ее пределами, например, в теоретической разработке постиндустриализма.

** Достаточно вспомнить положение Маркса о том, что капитализм не может существовать, не производя постоянных переворотов в своем техническом базисе.

чит ли имманентное логике органического строения капитала положение о нескончаемо возможном повышении уровня производительных сил благодаря именно капиталистическим рыночным (товарным) отношениям ранее сформулированному Марксом тезису о превращении производственных отношений из активной формы в тормоз их развития? Кажущаяся алогичной и абсурдной, ситуация становится закономерной и логичной, если переступить тот порог, за которым начинается «подлинно человеческая история». Именно в рамках *антагонистических* обществ, особенно при капиталистическом способе производства, когда история активно «работала» на формирование материальной основы своей человеческой «подлинности», *уровень развития производительных сил определялся в первую очередь мерой прошлого, овеществленного труда*. Доминирование, если не абсолютом, вещественного, технико-технологического фактора при *низком или сравнительно низком его уровне* (в интенсивном и экстенсивном аспектах) означало, по существу, *превращение человеческого фактора производства в модифицированную форму вещественного* (в деятельности плане — в отчуждение труда и в превращение производителя в «придаток машины», в отношенческом — в товарный фетишизм). Увеличение объема прошлого труда, эскалация этого процесса в условиях научно-технического прогресса существенно не отразились на состоянии живого труда. И, таким образом, даже в пору зрелого, развитого капитализма измеряемый критерием «производительности» предельно высокий уровень развития производительных сил отражал лишь господствующую роль в структуре этих последних вещественного, технического их компонента и порабощенность живого труда. Этот уровень еще способен был удерживать «соответствие» с производственными отношениями капитализма. Но ситуация радикально изменилась, когда, проделав мучительную и сложную эволюцию, человеческие и вещественные факторы производства, в соответствии с глубокой по мысли четырехчленной формулой Норберта Винера: *«человек — человек; человек — машина; машина — человек; машина — машина»*, переструктурировались таким образом, что человек перестал быть вещественным компонентом производства —

«выпал» из системы машин, став управляющим, наладчиком, оператором, информатором и контролером. Возник тот *новый, предельно высокий уровень развития производительных сил, в котором четко обозначились исторические метаморфозы подчиненного машине работника в господствующего над машиной человека*. Таким образом, *предельно высокий уровень развития производительных сил означает переход человеческого их компонента из состояния зависимости и подчиненности техническому компоненту в суверенное и господствующее положение*. *Предельно высокий уровень — это уровень антропоцентризма производительных сил*. *Развитию этих сил, достигших человекоцентричного, гуманистического уровня, не дают и не могут дать простора капиталистические частнособственнические производственные отношения, товарные отношения как таковые**.

Характерно, что к пониманию такого состояния производительных сил в 1970–1980 годы пришли многие советские философы и экономисты, довольно активно включившихся в решение вопроса о производительных силах современного общества, но так и не продвинувшиеся в решении этого вопроса дальше известных пророчеств К.Маркса. Особо хотелось обратить внимание на суждения В.М.Межуева в его систематизации и глубокой интерпретации ряда положений К.Маркса: «Труд при капитализме производителен лишь в той мере, в какой он производит капитал — общественную связь в овеществленной, абстрактной форме прибавочной стоимости. Соответственно и производительными силами труда служат здесь только те силы, которые способны производить капитал, — производительные силы капитала. Адекватным капиталу средством производства является система машин — ре-

* Именно этому уровню соответствует то, что принято называть «разумными» («нормальными», «естественными») потребностями людей. И, коль так, исчезает необходимость в гипертрофии производительности труда, в сверхизбыточном расходовании интеллектуальной и физической энергии человечества. Осознание этого состояния приходит в головы многих людей Запада, где с некоторых пор находит признание необходимость перехода к «обществу меньшего труда» (Society of less work).

зультат применения естествознания к производству, — обладающая способностью сокращать необходимое рабочее время и тем самым удешевлять продукт. В результате создается избыточное рабочее время, которое служит капиталу источником его дальнейшего развития. Возникает противоречивая ситуация, при которой капитал, сокращая с помощью машин труд, необходимый для производства полезных продуктов, вынужден одновременно увеличивать его с целью собственного роста. Капитал как бы гонит освобождающуюся рабочую силу назад в материальное производство, создавая тем самым избыточный продукт. Что означает данная ситуация? Только то, что силы человека, постепенно освобождаясь под воздействием науки и техники от функции производства вещей, должны быть освобождены и от функции производства отношений в их социально-ограниченной, овеществленной форме — в форме капитала. Человек должен быть свободен от производства вещей для того, чтобы свободно производить свои общественные отношения, само общество, в котором он живет» [22, с. 99–100].

В приведенных суждениях превосходный интерпретатор К.Маркса остановился на том, на чем остановился анализируемый им «Маркс», — на высоком уровне развития производительных сил, и не пошел дальше к тому, чтобы дать ответ на главный вопрос: какого рода противоречие сущности возникает между производительными силами и производственными отношениями капитализма, ибо определенное ранее К.Марксом в качестве главного противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения не позволяло говорить о каком-то ином, более важном и существенном противоречии.

Приходится удивляться, почему Маркс в главе «Капитала», посвященной закону капиталистического накопления и органическому строению капитала, ограничил анализ «избыточной рабочей силы», «резервной армии труда» лишь *капиталистической их формой* (искусственной пауперизацией пролетариата и производством избыточного продукта) и не пошел дальше — к анализу логически вытекающего из этой формы противоречия между на-

учно организованными, автоматизированными, системно-технологизированными и, вследствие этого, гуманизированными производительными силами и потерявшими всякий здравый смысл и целерациональную мотивацию товарными отношениями как таковыми. Ведь производство резервной армии «избыточных» рабочих при гигантских научно-технических масштабах постоянного капитала, способного поддерживать высокий уровень всеобщего богатства, есть прямое свидетельство того, что пауперизация резервной армии рабочих является при таких условиях алогичным и противоестественным состоянием общества и что, значит, пробил час товарного производства как такового. Если до этого, рассматривая движение производительных сил и обращая внимание преимущественно на их *характер*, Маркс ограничился анализом капиталистической частной собственности, вскрыв как главное противоречие между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения, то при рассмотрении движения производительных сил в направлении повышения их человекоцентричного *уровня* ему надлежало бы выявить не менее важное (если не главное!) противоречие — между высокопродуктивным, рационализированным и, вместе с этим, гуманизированным уровнем производительных сил и переставшими их удовлетворять товарными отношениями, в рамках которых они до сих пор функционировали. Это тем более важно отметить, что для подобного вывода у Маркса были все теоретические предпосылки, заложенные в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», «Немецкой идеологии» и «Экономических рукописях 1857–1859 годов» (первоначальном варианте «Капитала»), где речь шла об «исчезновении труда» (его «определенной исторической формы») и о превращении рабочего в условиях «производства *основного капитала*» (коим является сам человек) в «иного субъекта», занятого свободной, экономически немотивированной деятельностью [39, с. 221–222]. В этой связи, очевидно, есть смысл еще раз обратиться к анализу многоаспектной и содержательной формулы органического строения капитала.

Итак, стремление капиталистов к повышению производительности труда с целью повышения нормы прибавочной стоимости

приводит их к увеличению постоянной и уменьшению переменной части капитала. Уменьшение совокупных затрат живого труда означает сокращение совокупных затрат рабочего времени. В нормальных человеческих условиях это означало бы сокращение продолжительности рабочего дня для *всех занятых* в производстве как прямое следствие сокращения необходимого рабочего времени. Если, скажем, на каком-то участке цеха (предприятия) производство необходимой продукции требовало, по дневным техническим нормам, затрат 80 человеко-часов, то есть труда 10 рабочих-станочников с восьмичасовым рабочим днем, то с усовершенствованием техники и технологии производства, делающих возможными выполнение дневной нормы уже не за счет 80, а за счет 40 человеко-часов, при *сохраняющемся количестве рабочих* выполнение этой нормы требовало бы четырехчасового рабочего дня. Тем самым в рамках активного суточного времени увеличилась бы доля времени не только потребительской деятельности, но и свободного самостоятельного труда как способа и формы всестороннего, содержательного и полного жизненного проявления личности работника.

В условиях стоимостных отношений картина выглядит по-иному. Капиталиста не интересует *человек* с его многосторонними потребностями и возможностями наиболее полного жизнепроявления. Его интересует *человек как рабочая сила*, как *источник прибавочной стоимости*, а также все то, что может содействовать повышению этой стоимости (в том числе система «человеческих отношений»). Отсюда — и иной расклад технического строения капитала, и иные последствия сокращения его переменной стоимостной части. Капиталиста никак не могут устраивать те пропорции в продолжительности рабочего дня и в количестве занятых, которые продиктованы *нормальными, человеческими* условиями, возникающими вследствие сокращения необходимого рабочего времени. Во-первых, минимизация продолжительности рабочего дня при непрерывности производственно-технологического процесса и при сменном режиме работы сопряжена с неизбежными стоимостными издержками и нежелательными для капиталиста затратами. Во-вторых, сохраняя «лишних» людей на предприя-

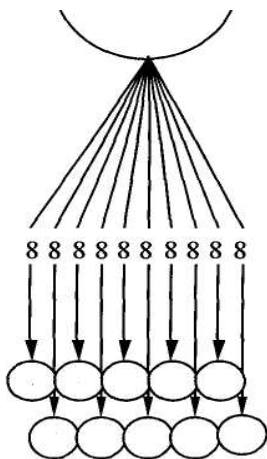
тии, его владелец, при одной и той же норме прибавочной стоимости должен был бы считаться с необходимостью воспроизводства совокупной рабочей силы «избыточных» рабочих, то есть снижать эту норму и вступать в противоестественное для него противоречие с тенденцией понижения переменной части капитала. В-третьих, сбережение «избыточных» рабочих отрицательно сказалось бы на оборотах капитала, сделав фактически невозможным эффективное использование авансированной стоимости рабочей силы в условиях резко меняющейся и колеблющейся конъюнктуры рынка. По этим и другим причинам расклад количества времени и рабочих при резком возрастании постоянного капитала выглядит совершенно по-иному по сравнению с нормальным, «естественным» их раскладом [см. рис. 1.2].

При внестоимостных отношениях трудовая деятельность работников состоит из необходимого труда, сколь бы ни уменьшалась его доля, и свободного, самостоятельного труда как самопотребности личности и как производительной силы, направленной на производство самоценных отношений. Обе составляющие этой деятельности, в каких бы пропорциях они ни сочетались, охватывают всех работников (в нашем случае — 10) в силу направленности трудовой деятельности в целом на удовлетворение материальных и духовных потребностей личности.

По-иному выглядит ситуация при стоимостных, частнокапиталистических отношениях. В интересах возрастания прибавочной стоимости владелец переменного капитала при повышении производительности труда и, стало быть, уменьшении необходимого рабочего времени, не изменяя продолжительности рабочего дня (8 час.), кардинально меняет его структуру таким образом, что, во-первых, уменьшает в ней необходимое рабочее время (с 6 до 4 час.) и, во-вторых, увеличивает прибавочное рабочее время (с 2 до 4 час.). В результате сокращается количество занятых (с 10 до 5) и усиливается эксплуатация каждого из наемных работников. А куда же деваются 5 высвобожденных работников? Они пополняют тот совокупный резерв общества, который позволяет капиталистам использовать его в качестве избыточной рабочей силы, производящей избыточный в рамках всего общественного

При вневстоимостных отношениях

I

[8 часов = 6 часов необх. раб. вр. + 2 часа приб. раб. вр.]

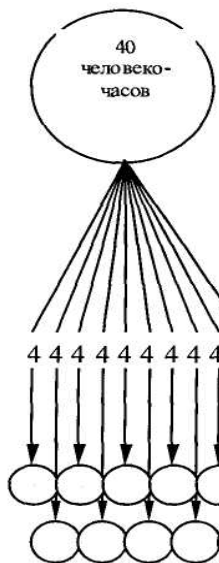
II

При стоимостных, частно-капиталистических отношениях

I

[8 часов = 4 часа необх. раб. вр. + 4 часа приб. раб. вр.]

И ВНЕСТОИМОСТНЫХ И СТОИМОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

производства продукт и, соответственно, сверхприбыли для собственников. Таким образом тенденция сокращения рабочего времени, действующая в рамках капиталистического производства, обуславливает увеличение резервной армии рабочих и позволяет использовать ее в качестве избыточной рабочей силы для получения избыточного продукта. Иными словами проблема свободного времени как условия «свободного развития всех» при сохраняющихся капиталистических частнособственнических отношениях решается путем искусственного превращения его в «рабочее время», создающее необходимый капиталисту избыточный продукт с целью увеличения капитала*.

Такова природа органического строения капитала, порождающего в себе самом неразрешимое для него противоречие.

Сокращение переменной части органического строения капитала в свете происшедших изменений в современной «новой экономике», по мнению многих ее теоретиков, уже не влечет за собой удлинения рабочего дня и роста безработицы с целью увеличения прибавочной стоимости и резервной армии рабочих**. Возможно, это не лишено оснований для тех стран, виртуальная экономика которых позволяет владельцам капиталов получать высокие дивиденды за счет необеспеченных реальным товарным эквивалентом бумаг фондовых рынков: в таких условиях позволительно проявлять «щедрость» в отношении своих наемных работников, давая им возможность увеличивать объем деятельности в свободное время (*leisure activity*). Но, во-первых, продол-

* В учебном пособии по политэкономии, считавшемся в свое время одним из лучших, отмечалось: «Если сократится количество эксплуатируемых рабочих, то уменьшится и масса прибавочной стоимости, производимой капиталом. Это противоречие капиталистического применения машин побуждает капиталистов усиливать эксплуатацию рабочих» [40, с. 99].

** Человечество, по У.Беку, стремительно приближается к «капитализму без труда» почти во всех постиндустриальных странах мира (характерные уточнения относительно постиндустриальных стран. — *Е.С.*). В Великобритании полным рабочим днем занята лишь треть трудоспособного населения, в Германии — 60%. Еще двадцать лет назад этот показатель составлял 80% [41, с. 109].

жительность рабочего времени в развитых странах Европы не столь уж существенно и заметно сокращается: она составляет две тысячи часов в год, по расчетам Г.Глассера, что означает примерно 7 час. 30 мин. в сутки [42, с. 176]. И, во-вторых, не следует забывать, что блага «свободной деятельности» в элитарных (потребляющих) странах зарабатываются ценой удлинения рабочего дня в производящих странах третьего мира. В целом капитализму не уйти от тех внутренних социально-экономических противоречий, которые он сам же порождает на критической фазе своего развития. Увеличение постоянной доли капитала с целью сокращения затрат на производство необходимого продукта (и тем самым увеличения прибыли) в итоге приводит к уменьшению переменной доли капитала, то есть к сокращению рабочей силы, создающей посредством прибавочной стоимости эту прибыль. Компенсирующий эффект увеличения производительности труда, таким образом, значительно уменьшается, что в перспективе, по мере увеличения постоянной части капитала, приведет — и уже постоянно приводит — к снижению совокупной прибавочной стоимости. Предсказанное К.Марксом снижение средней нормы прибыли означает парадокс и нелепость капиталистического способа производства: кризис накопления капитала возникает... вследствие повышения производительности общественного труда! Отсюда понятно, что уменьшение переменного капитала имеет свой *предел*, за которым начинается полная деградация капитализма и возникновение тех «посткапиталистических» («постиндустриальных», «постэкономических») образований, накопление которых либо перманентным путем, либо путем глобального революционного взрыва способно возродить человечество к новой жизни, к приобретению нового алгоритма истории. Таким пределом является *превращение избыточной стоимости в символическую (фиктивную), делающую ее производство бессмысленным: стоимость перестает существовать как стоимость*. Этот предел обнаруживается как в сверхпроизводительном труде наемных рабочих, так и в релятивизме инновационного бизнеса, доводящего кругообороты капиталов до сумасшедших, нелепых, никак не согласующихся со здра-

выми и нормальными человеческими потребностями темпов. Достижение самовозрастанием капитала отмеченного предела порождает, с одной стороны, распад и деградацию общества, с другой стороны, такие отношения и социальные формы жизнедеятельности, которые стремятся приобрести новое историческое качество и выйти за пределы деградирующего общества.

Современный период истории капитализма показал, что в анализе его деградации и неминуемого краха уже недостаточно делать акценты на такие вызванные им беды, как усиление эксплуатации, структурная безработица, пауперизация трудящегося большинства стран «третьего мира». Даже если прибавить к этому поправки типа «усилившаяся эксплуатация людей интеллектуального труда и высококвалифицированных рабочих» или «социальное исключение» (вместо «массовой безработицы») и т.д., то вряд ли это способно будет охарактеризовать надлежащим образом истинное положение вещей и вывести нас за пределы господствующей в марксистской теории односторонней формулировки основного противоречия капитализма как противоречия между «общественным характером» и «частнособственнической формой» к более адекватной и точной его формулировке. Лишь выход к пониманию основного противоречия капитализма как несоответствия частнособственнических товарно-денежных отношений предельно высокому и возвысившемуся до гуманоцентризма уровню развития производительных сил способен адекватным образом объяснить истоки и смысл ожидаемого кризиса современного глобального капитализма, необходимость превращения его в качественно новый общественный строй. Именно в анализе движения и разрешения этого противоречия находят объяснение три важных исторических обстоятельства, на которые обратил внимание К.Маркс. Во-первых, только предельно высокий уровень развития производительных сил, дающий эффект предельно высокой производительности общественного труда, способен привести к *положительному* упразднению частной собственности как неперемennого условия перехода к *высшей* (более производительной, а не просто «справедливой») фазе общественного развития.

Во-вторых, именно это противоречие касается не только движения капиталистического способа производства, но и частнособственнической (экономической) формации в целом, поскольку речь идет об уничтожении не *капиталистической* формы товарно-денежных отношений, а товарно-денежных отношений *как таковых*. В-третьих, именно в разрешении этого противоречия обнаруживается «основательность исторического действия» объективной общественной закономерности, при которой сути и направленности этой последней адекватно соответствует деятельностный механизм ее осуществления.

В заключение есть смысл выделить основные положения, вытекающие из марксовой теории органического строения капитала.

- В сжатом виде — это теория, почти с математической строгостью характеризующая историческую неизбежность и причины краха капитализма.

- Логически развертываемое органическое строение капитала обнаруживает двуединое влияние движения производительных сил на состояние производственных отношений — со стороны *характера* и со стороны *уровня* развития этих сил.

- В нахождении и трактовке основного противоречия капиталистического способа производства внимание Маркса было сконцентрировано преимущественно на конфликте общественных по своему характеру производительных сил с капиталистической частнособственнической формой присвоения (средств производства, его продуктов и рабочей силы), и тем самым из поля зрения фактически выпало другое итоговое, финальное противоречие капитализма, схематично схваченное в формуле органического строения капитала, — противоречие между возвысившимися до гуманистического уровня производительными силами и ориентированными на бессмысленную, общественно нецелесообразную гонку получения сверхприбыли товарно-денежными отношениями.

- Противоречие между «*общественным характером*» и «*частнособственнической формой*» явилось движущей силой развития капитализма на первоначальных фазах его развития, когда его разрешение, с одной стороны, породило незрелый, ранний социа-

лизм, выросший на конфронтационной, отрицательной основе, а с другой — позволило капитализму продвинуться в финальную фазу его развития — государственно-монополистический, этатистско-корпоративный капитализм. Это противоречие нельзя считать основным, поскольку общественно-историческая практика показала, что оно является противоречием *развития*, а не противоречием *сущности*, то есть способно разрешаться в рамках капиталистического способа производства, продвигая его на новые ступени развития, но не уничтожая его. Разрешение отмеченного противоречия не означает решения главной задачи, стоящей уже не перед *отдельным* классом, «в руках которого будущее», а перед *всем* человечеством и каждой личностью, — способности новых отношений (раннего социализма) обеспечить высокий уровень потребления и качества жизни, то есть способности решать «за капитализм» нерешенные им *экономические* проблемы, «предначертанные» ему историей, отвечающие его прагматическому духу и смыслу.

Революционизирующее значение и суть главного противоречия, лишь в самых общих и схематичных чертах схваченные Марксом и недосказанные им в теоретически завершенном виде, составляют, в известном смысле, тайну органического строения капитала. Маркс, разумеется, не мог предвидеть конкретно-исторического финала капиталистического способа производства, в частности — адаптационных возможностей капитализма и того противоречия его сущности, которое обнаружилось в завершающей фазе его развития и смутный образ которого просматривается в тенденции понижения переменного капитала в его органическом строении. Тем не менее из логической схемы этого строения и самой исторической практики, в которой она обнаруживается, вытекает вывод о противоречии между принципиально новым, подготовленным целым рядом научно-технических и технологических революций уровнем современных производительных сил и товарными отношениями *как противоречии сущности капитализма*. Исторические обстоятельства принуждают современный капитализм быть человеческим, но поскольку

это противно его природе, то выход один — упразднить частно-собственнический способ производства, заменив его адекватным новым производительным силам интегрировавшегося человечества способом.

Обращение К.Маркса к человеку как «иному субъекту» высокопроизводительного, содержательного и свободного труда в предварительных фрагментах его рукописей и постскриптуме к анализу органического строения капитала неслучайно. Ведь во всех случаях логика истории, чтобы стать жизненной реальностью, требует *адекватного ей человеческого фактора*. Очевидно, закон разрешения общественно-исторического противоречия способен действовать лишь тогда, когда он распространяется на действие самого механизма этого разрешения — на человеческий фактор. Охарактеризованное в этом разделе основное противоречие капитализма способно разрешиться именно в соответствии с этим законом.

ГЛАВА 2

Капитализм: начало и конец истории

2.1. Капитализм в современной концептуальной картине общественно-исторического процесса

Когда Фернан Бродель как-то заметил, что понятие капитализма «обладает существенным недостатком: за ним тянется целый шлейф споров и ссор» [1, с. 51], то тем самым он признал не только сложность познавательных коллизий в толковании этого понятия, но и сопряженную с ней идеологическую остроту, делающую сомнительными всякие попытки «научной беспристрастности» в выяснении *общественно-исторической* или *человеческой* природы капитализма. Нечто похожее, правда, осторожней и деликатней, высказал и Питер Бергер в «Капиталистической революции», заявив, что «не так-то просто вычленишь капиталистический феномен и, как бы держа пинцетом под увеличительным стеклом, изучать его в «чистом» виде» [2, с. 20]. Признания довольно характерные: трудно освободиться от оценочных суждений о той внутренне противоречивой социальной среде, которая создает и обеспечивает свое собственное существование. Ведь исследовательский пинцет находится в *чьей-то* руке, а у ее владельца всегда может возникнуть соблазн повернуть этот пинцет в *удобную* для него сторону!

«Капиталистический феномен», о котором пишет П. Бергер, в теоретической его рефлексии далеко неоднозначен по названию. В позднемарксистской его трактовке — это «капитализм», «капиталистическое общество», «капиталистической строй», «капиталистический способ производства» и, наконец, «капиталистическая формация»*. Подобные понятия мы находим в научном обиходе как многих за-

падных обществоведов-немарксистов, так и известных банкиров и предпринимателей (М.Вебера, Р.Арона, Ф.Броделя, П.Бергера, Дж.Гелбрейта, Э.Фромма, Ч.Хэнди, Л.Туроу, Г.Форда, Д.Сороса и многих других). В то же время немало и таких ученых, которые различным образом фиксируя сущность и важнейшие признаки этого общественного строя или состояния общества, предпочитают пользоваться иными понятиями: «экономическое общество», «рыночная экономика», «общество рыночных отношений», «либеральная экономика», «экономический либерализм», «общество модернизма», «модернити» и т.д. Такое обилие определений порождено не только соображениями идеологического порядка, но и разнообразием научного толкования рассматриваемого феномена в меру его доступности и выраженности в каждом конкретном индивидуальном случае теоретической рефлексии. Разделяя позиции творческого марксизма в решении вопроса экспликации того состояния развития общества или той его исторической стадии, когда капитал и труд становятся антагонистами и этот антагонизм между ними создает эффект экономического и научно-технического прогресса, вполне правомерно рассматривать его как существование и развитие *капитализма*, или *капиталистического строя*.

Капитализм является предметом обстоятельных научных исследований по меньшей мере полтора-два столетия, и уровень его изученности зависит прежде всего от двух факторов: во-первых, от его собственного развития, каждая новая ступень которого верифицирует его теоретический образ и вносит в него неизбежные коррективы, и, во-вторых, от развития самой науки — генерализации ее теоретико-методологического арсенала и все большего совершен-

* Ф.Бродель утверждает, что К.Маркс не употреблял понятия «капитализм» [1, с. 51]. Похоже, что он формально прав, так как действительно ни в одном из предметных указателей к произведениям К.Маркса, как и в самих его произведениях, мы не встретим этого понятия. Зато сплошь и рядом мы находим у Маркса понятие «капиталистический способ производства», что, будучи распространено на всю систему общественной жизни в рамках этого способа, получило у последователей К.Маркса название «капиталистический строй», а затем и «капитализм».

ствования познавательного инструментария. И тот и другой факторы не перечеркивают интегральной роли диалектико-материалистической методологии в познании общества в целом и капитализма в частности, но одновременно требуют от нее возвышения на новый, более высокий познавательный уровень. Исторический материализм – как уже неоднократно отмечалось – был и остается наиболее «вместительной» общественнонаучной методологией, и критика в его адрес является справедливой лишь тогда, когда заклиниваясь на определенной социально-исторической конкретике и приспособляясь к ней, этот метод выхолащивает собственное предметно-диалектическое содержание. Этому выхолащиванию способствуют и другие обстоятельства, в частности эффект идеологического отката отечественной теоретической мысли не только от принципов и постулатов марксизма, но и его устоявшейся терминологии. Сейчас, однако, для нас важнее не вникать в терминологические тонкости, а решить ключевой вопрос настоящей главы: что следует понимать под капитализмом с учетом отмеченных двух факторов его изменений в реальном процессе и теоретическом образе?

Решение этого вопроса означает прежде всего выяснение *сущности* капитализма, то есть нахождение главной внутренней связи общественного миропорядка, из которой прорастают все другие его связи, признаки и свойства – как устойчивые, так и преходящие. Далее это означает определение места и роли капитализма в истории человечества: почему он появился и зачем «понадобился» обществу? Методологических подходов к решению этих и других вопросов, касающихся капитализма, более чем достаточно, но в современной социологической науке преобладают технократический (технологический «детерминизм»); культурологический (цивилизационный); системный (со всеми его вариациями – системно-структурным, структурно-функциональным и т.д. подходами); акционистский (деятельностный) и находящийся «в оппозиции» к ним исторический материализм в его «традиционном» и «современном» вариантах. Последний из перечисленных подходов требует особого рассмотрения. Что касается остальных, в том числе некоторых неординарных (К.Поланьи, к примеру), то каждый из них обнаружива-

ет неперменные преимущества в теоретическом объяснении *отдельных* граней сложного и многообразного предмета исследования, каковым является капитализм. Перечисленные и другие подходы, разумеется, не ограничивают всего диапазона существующих методологий этого исследования. Более того, и среди названных нет методологически «чистых»: они, как правило, пересекаются в анализе тех или иных сторон капитализма, зачастую способны дополнять друг друга, временами вызывая нарекания в «непоследовательности» или, наоборот — одобрение за удивительную сочетаемость. В последнем случае мы сталкиваемся с многофакторным, или поликаузальным подходом, свойственным как технолого-детерминистской, так и культурологической методологиям, использование которых дает два варианта видения общественно-исторического процесса: во-первых, как совокупности эффектов векторного характера, как чего-то среднесуммарного, порождаемого взаимодействием множества причин, и, во-вторых, как сочетания отдельных, независимых друг от друга эффектов, каждый из которых имеет свою особую причину. Первый вариант тяготеет к системному анализу (системологическая парадигма), а также к тем подходам, в которых обнаруживается определенный монизм в трактовке интегральной причины сложных исторических явлений типа капитализма (целерациональность М.Вебера, творческое разрушение Й.Шумптера). Второй — к феноменологическому мышлению (Д.Белл, П.Бергер, Ф.Бродель, П.Друкер). Так, Д.Белл рассматривает технологической детерминизм не как универсальную, «далеко простирающуюся» причинную связь, а как ограниченный сферой материального производства узкоконкретный детерминизм, соседствующий со множеством других причинных связей, каждая из которых суверенна и не связана с другими причинами, относящимися к разнородным и «независимым» сферам человеческой деятельности («осевой принцип»). Этот последний вариант социологической методологии пронизывает большинство *индустриалистских* концепций, апеллирующих к технико-технологической основе производственной жизнедеятельности общества и потому нередко рождающих иллюзии их близости к марксизму*.

Вследствие своего скрытого феноменологизма (а по существу индетерминизма)** индустриалистские и постиндустриалистские концепции не способны дать однозначного и вразумительного ответа на сакраментальный и в то же время столь важный сейчас вопрос: что же такое капитализм? Попытки его решения «индустриалистами» либо сразу обнаруживают принципиальную слабость их методологической базы, либо вынуждают их вступить в «союз» с марксизмом или культурологическим подходом. Даже последовательный сторонник постиндустриализма В.Иноземцев вынужден признать, что в определении этого общественного состояния «отсутствует четкое обозначение его фундаментального признака» [3, с. 27]. Иначе не могло и быть, ведь чтобы дать определение постиндустриализму, нужно иметь хотя бы минимум четких представлений о том, что такое индустриализм. «Осевой принцип», отражающий научную значимость детерминистского подхода к определению общественного строя как целостного или системного явления, позволяет легко уйти от выяснения сущности индустриального общества.

* К примеру, известный сегодня российский «постиндустриалист» Владислав Иноземцев усматривает близость между марксизмом и постиндустриализмом в том, что и тот, и другой отводят решающую роль в жизнедеятельности общества материальному производству (капитализм не был бы капитализмом, если бы не признавал этого. — *Е.С.*); признают троичность периодов (этапов) исторического процесса: первый — взаимодействие человека с природой; второй — взаимодействие с преобразованной природой; третий — взаимодействие между людьми (в абстрактом приближении — да, но за этим формальным сходством кроется существенное различие в трактовке различных типов взаимодействия. — *Е.С.*); признают революционный характер переходов (революция революции рознь: одно дело промышленная революция и другое — социальная. — *Е.С.*); обнаруживают сходство в трактовке посткапиталистического общества — коммунистическая формация и постиндустриальное (постэкономическое) общество (но коммунизм, в трактовке марксизма, — это противоположность капитализма, тогда как постиндустриализм — его продолжение. — *Е.С.*) [3, с. 31–32].

** По этой причине ранее обозначенный мной в качестве методологического подхода технологический «детерминизм» взят в кавычки. Здесь я просто вынужден был отдать дань установившемуся и привычному для наших читателей словосочетанию, которое вернее было бы заменить другим понятием — феноменологический подход.

Примерно на такой же позиции оказался в свое время Р.Арон, заявив, что «легко дать абстрактное определение каждой формы социума, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество архаическим или индустриальным» [4, р. 26]. Чуть позже Р.Арон, а вслед за ним и П.Бергер, при всем своем антимарксизме вынуждены были обратить свои взоры к Марксу: Р.Арон признал его несомненную научную заслугу в разработке концепции способа производства и лежащей в ее основе историко-материалистической методологии, а П.Бергер, ссылаясь на «исторические заслуги» Маркса, по существу, сблизился с его трактовкой капитализма, когда в «Капиталистической революции» вынужден был признать: «И все-таки наиболее целесообразное определение капитализма концентрирует внимание на том, что подразумевает большинство людей, пользуясь этим термином, — на производстве для рынка индивидуальными предпринимателями или объединениями с целью извлечения прибыли» [2, с. 24]. В этом случае сразу же возникает вопрос: почему вхождение общества в индустриальную фазу его развития вызывает подобные цели и возможно ли из факта появления индустриального производства делать вывод о его непосредственной связи с получением прибыли? Без признания опосредствующей роли производственных отношений как формы функционирования и развития производительных сил в качестве содержания самого производства здесь не обойтись. Но П.Бергер уходит от ответа на этот вопрос.

Сложней и запутанней выглядит концептуальная картина капитализма у Т.Веблена. С одной стороны, он связывает возникновение и существование этого общественного строя с машинным (индустриальным) производством — и с товарно-денежной фазой его развития — и в этом отношении принципиально сближается с К.Марксом. Но с другой, — существование этого строя он объясняет неразвитостью социальных институтов общества, когда еще в слабом, зачаточном виде пребывают механизмы государственного регулирования частнопредпринимательской деятельности и наблюдается тенденция «опережающего» развития корпоративного машинного производства по сравнению с развитием социальных институтов общества. В соответствии с «машинной» тенденцией в условиях

фактической неподконтрольности частнопредпринимательской практики в обществе господствует капиталистический бизнес, который по мере усиления контроля со стороны социальных институтов уступает место доминированию технократии. Бизнес и технократия, согласно Т.Веблену, суть социальные антиподы. Появление последней означает(?) по существу(?) переход к новому общественному состоянию. Это состояние, как известно, какое-то время спустя Д.Гэлбрейт назвал новым индустриальным обществом, в котором бизнесовый, эксплуататорский капитализм сменяется властью техноструктуры. Понятие техноструктуры – продукт чистой воды технологического детерминизма, поскольку именно она, техноструктура, по Гэлбрейту, определяет экономические успехи общества, будь то капитализм или социализм [5, с. 144]. Исходя из концепции технократии, Д.Гэлбрейт видит будущее нового индустриального общества на пути конвергентного синтеза жизнеспособных элементов капитализма и социализма, признавая приоритетную роль при этом капиталистической техноструктуры.

Технократические концепции, если ограничиваться их анализом в теоретических разработках вышеприведенных авторов, наверняка покажутся концепциями вчерашнего дня. Поэтому, прослеживая поступательный ход их современного развития, вполне резонно наравне со «старыми» индустриалистами и постиндустриалистами (Р.Арон, Д.Белл, П.Беккер, Д.Гэлбрейт, П.Друкер, Р.Дарендорф) выделить плеяду «новых» (Р.Ингледарт, Л.Эдвинсон, М.Мелоун, Р.Райх, Т.Сакайя, Ф.Фукуяма и др). Теоретические взгляды и подходы этих последних заметно отличаются от научных интересов и концептуальных наработок патриархов индустриализма и постиндустриализма. Если «старые» в разработке теоретических представлений о капитализме и социализме главным образом использовали опыт сосуществования и взаимодействия двух противоположных систем, то «новые» осмысливают общественные реалии в условиях поверженного социализма и однополюсного мира. Если «старые» индустриалисты пытались разобраться в сущности капитализма, социализма и строили лишь приближенные прогнозы в отношении постиндустриального общества, то «новые» сконцентрировали свое внимание на тех фактических изменениях, которые происходят или уже про-

изошли в капиталистическом обществе, и всецело обращены к *свершающемуся* будущему. Наконец, если «старые» склонны были оценивать общественные события и изменения под углом зрения решающей роли материального, технико-технологического фактора, внешней, макроуровневой детерминации, то «новые» трактуют современный человеческий мир как освободившийся от пут внешней зависимости, как апофеоз субъективности и индивидуальной свободы, креативный аспект которой обуславливает установку на постоянно обновляющиеся постмодернистские техноструктуры.

«Новые» индустриалисты – а точнее, постиндустриалисты – дают определения капитализму как пройденному передовым человечеством этапу в порядке его сравнения с ныне существующим «посткапитализмом» («постмодернизмом»). Отдавая должное «традиционной» науке, различным толкованиям общества модернисти, они в качестве исходной категории социально-экономического мироустройства общества берут на вооружение понятие *капитала*, насыщая его новейшим, творческим содержанием, подбирая для этого наиболее «эссенциальные» феномены социальной и экономической жизнедеятельности людей: так появляются понятия *человеческого капитала*, *социального капитала*, *интеллектуального капитала*, *информационной и/или виртуальной экономики* (А.Эдвинссон, М.Мелонун, П.Пильцер, Т.Сакайя, Т.Стюарт), долженствующие обозначить водораздел между обществом модернисти и постмодернисти [6, с. 337–371, 372–400, 401–428]. Расширяя при этом свой смысловой диапазон, понятие капитала позволяет, с одной стороны, наращивать социологические аспекты познавательных возможностей и социологическую семантику, согласуясь, таким образом, с прогрессирующим «очеловечением» производства, и, с другой, – преданно служить укоренившимся теоретическим канонам материалистического индустриализма, все еще пользующегося непреходящим авторитетом, и отдавать дань уважения «старикам» в науке.

Суммируя все определения, данные индустриалистами капиталистическому общественному строю, можно констатировать их концептуальную суть. Во-первых, согласно индустриалистским концепциям, промышленные общества по основным формам функционирования и развития могут быть и были в прошлом либо

капиталистическими, либо социалистическими. Капиталистическая его форма, или разновидность более продуктивна и экономически эффективна по сравнению с социалистической, но последняя выигрывает по целому ряду социальных признаков. В соответствии с этим, учитывая единую основу существования капитализма и социализма — индустриализм, техноструктуру, — по версии «старых», следует ожидать в будущем их плодотворной конвергенции, по версии же «новых» — деградации и исчезновения социализма как несостоятельной разновидности индустриального общества. Во-вторых, сущность капитализма как формы или стадии индустриального общества в ее технократических трактовках выглядит по-разному. В одних случаях — это отделение труда от капитала (собственности) и в соответствии с этим — отчуждение работника от продукта его деятельности. В других — доминирование мотива получения прибыли, господство в обществе homo economicus. В третьих — вовлечение в орбиту рыночных отношений всех остальных нерыночных, прежде всего социальных отношений и сторон жизнедеятельности общества. В четвертых — постоянно нарушаемый баланс таких противоположностей, как рынок и демократия. Во всех случаях появление всех этих, фактически взаимодополняющих, социально-экономических и институциональных сущностных характеристик капитализма связывается с развитием их индустриальной основы, появившейся в результате промышленной революции в середине XIX столетия. Хотя Ф.Бродель и не принадлежал к школе индустриалистов, данное им определение капитализма более других передает дух и смысл этого общественно-исторического явления под индустриалистским углом зрения: капитализм — это в общих чертах тот способ, которым проводится бесконечная игра включения капитала в непрерывный процесс производства [1, с. 53]. Условность «технологического детерминизма» при этом состоит в неоднозначности трактовки причин промышленных революций и технических переворотов: в одних случаях авторы видят в них естественно-историческую и спонтанную кумуляцию технических средств, которая завершается «прорывом» в область машинного производства, другие — причины ментально-культурного порядка или «праздное любопытство», вследствие чего само понятие технологического детерминизма становится

ся крайне сомнительным. Неслучайно поэтому методология технократизма (индустриализма) довольно часто переплетается с культурологическим или цивилизационным подходами.

Концепции капитализма, произрастающие на культурологической или цивилизационной почве, по многим своим составляющим действительно сближаются с технократическими, индустриалистскими концепциями, поскольку исходят из единого методологического базиса в оценке капитализма — из взаимодействия людей (этносов, народов) с окружающей их природной и социальной средой. Производимые этим взаимодействием общественно-исторические эффекты крайне сложно анализировать и оценивать в детерминистском плане: какие из взаимодействующих факторов изначально являются определяющими и какие производными? Те же «технократы» нередко объясняют появление определенных типов орудий труда, средств производства фактором развития духовной культуры людей, субъективным фактором исторического процесса, тогда как сторонники культурологических концепций столь же часто объясняют появление различных социокультурных феноменов развитием (появлением) техники или исторической необходимостью определенного типа производства. По этой причине одни и те же персоналии в науке можно увидеть то среди убежденных технократов-индустриалистов, то среди столь же убежденных социокультурологов или сторонников цивилизационного подхода. Последний чаще всего замыкается на признании эволюционирующей кумуляции инструментальных ценностей, прежде всего ценностей экономической рациональности, в определенных геопространствах человеческих социумов.

Речь идет в первую очередь о европейской цивилизации — колыбели классического капитализма, «дух» которого, как известно, впервые был четко определен и скрупулезно описан М.Вебером. Протестантская этика, кальвинизм, трудолюбие, самоограничение, бережливость и аскеза — анализ этих и других нравственно-религиозных ценностей стран Европы дали М.Веберу основание для вывода о том, что в основе капиталистического образа жизни людей лежит принцип *целерациональности*. Капитализм появляется тогда, когда дух экономической рациональности — стремление при минимуме затрат трудовых усилий и ресурсов достичь максимума успеха — распространяется на всю систему жизнедеятельности общества и выра-

батывает институциональные механизмы своего функционирования. Целерациональность, связана ли она с творческой предприимчивостью или исключительно с «алчностью и стремлением к наживе», в итоге всегда играет продуктивную и конструктивную историческую роль — и в этом состоит «оправдание» всей сопутствующей капитализму жестокости. *Экономическая* эффективность при неизбежных *социальных* издержках — такова, по М.Веберу, сущность капитализма. Механизмом продуцирования как эффективности, так и издержек является экономический отбор. М.Вебер писал: «Современный капиталистический хозяйственный строй — это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в которой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант, долгое время нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним. Таким образом, капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов предпринимателей и рабочих — посредством экономического отбора» [7, с. 75–76]. Эта яркая цитата характеризует не столько капиталистический способ производства с его акцентом на причинно-следственных связях, сколько деятельностный механизм их осуществления. «Человеческий» аспект в анализе капитализма довольно часто является смысловым (один циничный афоризм Бенджамина Франклина: «Из скота добывают сало, из человека — деньги» чего стоит!), но даже самая яркая эмпирика не компенсирует логики научного анализа. Поэтому «методологический индивидуализм» М.Вебера, ставший с некоторых пор предметом обстоятельной критики, в лучшем случае позволяет объяснить логику человеческого поведения в качестве механизма действия объективного социально-экономического закона, но не логику самого этого закона.

Не выходят за рамки механизменной трактовки общественно-исторической сущности капитализма и концепции таких известных в науке фигур, как Г.Зиммель, Ф.Тённис, А.Тойнби. Хотя большин-

ство сторонников цивилизационной или культурологической версий капитализма и пытались дистанцироваться от «методологического индивидуализма» М.Вебера, однако уйти от признания доминанты экономического эгоизма в качестве конституирующей основы капиталистической цивилизации им не удалось. Поставив на место веберовского целерационального «духа капитализма» эмпирический «закон вызова и ответа» в его западном варианте, А.Тойнби при всей привлекательности многоцветных трактовок «культурно-исторических монад» и циклического характера возвышения и падения различных «типов» цивилизаций не смог дать структурной характеристики капитализма как общественного строя, ограничившись весьма расплывчатым и абстрактным толкованием его сущности как «абсолютизации материалистических ценностей».

Если некоторые из версий индустриалистских и цивилизационных трактовок сущности и природы капитализма приближаются к рассмотрению его как общественно-экономического или общественно-политического строя, как определенного периода исторического развития общества, то системный, структурно-функциональный, деятельностный и, тем более, феноменологический подходы не предполагают его в качестве некоей интегрированной целостности, обладающей единой логикой (закономерностью) и единым механизмом функционирования и развития.

Особенно заметно полиморфистские трактовки капиталистического общества прослеживаются в рамках системного и структурно-функционального подходов. Достоинство этих подходов состоит в том, что в них акцентируется момент целостности, единства, взаимной подчиненности и соподчиненности элементов системы и одновременно – принципиальная нередуцируемость, разнокачественность составляющих ее подсистем и элементов. Такое положение бьет по механистическим вульгаризациям в трактовках общественных явлений (в частности, по узкоклассовому подходу и редукции социальных и социокультурных явлений к экономике), но одновременно обнаруживает свою беспомощность в тщетных попытках сведения пестрой динамики общественных изменений к адаптивному процессу и восстановлению равновесия. Согласно родоначальнику теории действия и системно-функциональной школы в социологии Т.Парсонсу и его последователям система действия включает в себя форма-

лизованный, «инвариантный набор» — адаптивность, целедостигаемость, интегративность, структурную воспроизводимость и возможность снятия напряжений. Этот набор функционирующих разно-сторонних системных качеств действия обеспечивается различными подсистемами (социальными инсти-тутами): функция адаптации — экономической подсистемой, функция целедостижения — политической подсистемой, функция интеграции — правовыми институ-тами и обычаями и, наконец, функция воспроизводства — моралью, верованиями и институтом социализации. Для сторонников сис-темно-функционального подхода не свойственно рассмотрение не-ких устойчивых конкретно-исторических формообразований типа капитализма или социализма: послед-ние рассматриваются как от-дельные (автономные) или преходящие состояния единой челове-ческой системы (социальной системы), и если вести речь о «капита-лизме», то он представляет собой наиболее эффективный и мобиль-ный способ адаптации системы к происходящим изменениям (эффективную экономическую функцию), дискретный, «атомизи-рованный» или эгоистический характер которого уравнивается «социальным порядком», достигаемым благодаря политическим, правовым и моральным институтам. Разделяя позиции Т.Парсонса в отношении качественных различий и суверенности подсистем общества, Н.Смелзер в пределах экономической подсистемы наря-ду с другими ее историческими типами выделяет капитализм, кото-рый, по его мнению, является «экономической системой, утвержда-ющей право владеть частной собственностью, вкладывать ее в каче-стве капитала в производственные предприятия и получать прибыль от этих капиталовложений» [8, с. 495]. Здесь он отдает определен-ную дань как марксизму, так и индустриализму, с той лишь разли-цей, что в большей мере, нежели, скажем П.Бергер, подчеркивает «уравнивающую» роль в системе общества государственных институтов, умеряющих капиталистическую эксплуатацию и пагуб-ные последствия неконтролируемого рынка.

По существу, сходные позиции можно наблюдать и в структур-ном функционализме, согласно которому «капитализм» является инновационной формой индивидуального приспособления. Р.Мертон по этому поводу писал: «Эта форма приспособления вызывает-ся значительным культурным акцентированием цели—успеха и зак-

лючается в использовании запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств достижения богатства и власти или хотя бы их подобия» [9, с. 90]. Стремление к достижению — цели—успеха, по Р.Мертону, является обычным и нормальным явлением, но доступ к общепризнанным и законным средствам, обеспечивающим этот успех, далеко не всегда возможен и достаточен. Одним из препятствий на пути к успеху является классовая структура общества, которая является «не полностью открытой на всех уровнях для способных людей» [там же, с. 95]. Отсюда неизменный спутник такого положения — девиантное поведение. Культурное акцентирование денежного успеха как доминирующей цели при таком социальном порядке, который накладывает классовые ограничения на его доступность, — такова, по мнению Р.Мертон, сущность «капитализма». С подобного рода определением вряд ли можно согласиться, не выяснив предварительно причин существования классовой структуры и вытекающих из нее ограничений в достижении экономического успеха. Разъяснений по этому поводу Р.Мертон не оставил.

Если в системной теории действия и структурном функционализме их методологической основой являются формализованные функции и роли, «наполняемые» действиями реальных индивидов, то в акционистском (деятельностном) подходе на первый план выходит социальная, созидательно-разрушительная энергия «человека действующего». Не будучи большим знатоком истории социологии, с риском ошибиться, я бы все же отнес к категории «акционистов» первой волны Йозефа Шумпетера. Именно ему принадлежит термин «созидательное разрушение» («творческое разрушение») как эссенциональная характеристика капитализма. «Капитализм по своей природе, — писал Шумпетер, — является формой или методом изменения экономики и не только никогда не бывает, но и не может быть неизменным... Открытие новых рынков, внешних или внутренних, и организационное развитие от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов, как «US-steel», иллюстрируют тот процесс промышленной мутации, который непрерывно революционизирует экономическую структуру *изнутри*, непрерывно разрушая старую структуру и непрерывно созидая новую. Этот процесс творческого разрушения является существенным фактом в отношении капитализма. Это то, из чего состоит капитализм и чем должен

жить каждый капиталистический концерн» [10, с. 110–111]. Капитализм как непрерывная эскалация товаров и услуг, как непрерывная рационализация экономики существует до тех пор, пока он инновационен. Бюрократизация организационных структур и прекращение инвестиций в непосредственное производство в результате предпринимательского самоистощения капитализма означает его смерть.

Фактическим оппонентом Й.Шумпетера, хотя и без упоминания имени и мрачных его прогнозов, можно считать нашего современника Алена Турена, автора книги «Возвращение человека действующего» (1984 г.). Название книги, безусловно, имеет полемический подтекст. А.Турен становится в оппозицию по отношению к современной социологии и ее классикам, когда в духе марксистской материалистической диалектики заявляет, что «индивидуальное действующее лицо одновременно и обусловлено ситуацией и участвует в ее производстве» [11, с. 22]. В отличие от П.Бергера он считает, что следует отказаться от «попыток объединить между собой анализ систем и анализ исторических изменений» [там же, с. 115], что дистанция между концепциями Э.Дюркгейма, М.Вебера и А.Токвиля, несмотря на все старания Т.Парсонса объединить их, так велика, что они не поддаются каким-либо попыткам интеграции [там же, с. 192]. Критикует он и методологию технологического детерминизма, полагая, что водораздел между индустриальным и пост-индустриальным обществами проходит не в сфере чистой технологии, а в самой экономической системе, составляющей объект интервенции общества в отношении самого себя*. Считаая ограниченным и «неработающим» в обществе постмодерна веберовский принцип экономической рациональности, А.Турен утверждает, — очевидно, не без влияния О.Тоффлера, — что никакое действующее лицо не может считаться носителем *рациональности* и что вследствие насту-

* А.Турен по этому поводу замечает, что «постиндустриальное общество — как и индустриальное — не может быть охарактеризовано ссылкой на определенную технологию. Так же поверхностно было бы говорить об обществе вычислительной машины или об обществе плутония как об обществе паровой машины или электрического двигателя» [11, с. 129–130].

пивших постмодернистских перемен, усиления тенденций индивидуализма («развитие домашней промышленности», по О.Тоффлеру) общество рассматривается теперь скорее как совокупность правил, обычаев, привилегий, против которых направлены индивидуальные и коллективные творческие усилия [там же, с. 56].

Таким образом, акционистский подход к интерпретации различных фаз исторического процесса, в том числе капитализма, состоит, во-первых, в признании самодетерминирующей роли деятельности субъектов этого процесса («наша роль заключается не в объяснении поведения с помощью обстоятельств, а напротив, в объяснении обстоятельств с помощью поведения») и, во-вторых, в зависимости творческих, самодеятельных начал человека от способа комбинирования главных элементов общественной жизни. Этот второй момент, характеризующий акционистский подход, нуждается в некоторых пояснениях. По А.Турену, существует три способа комбинирования главных элементов общественной жизни: *эпический* (акцент на историческую необходимость комбинирования); *драматический* (ориентация на конфликт между социальными и политическими силами) и *романтический* (опора на действие социальных субъектов). При доминировании роли в обществе двух первых способов человек *представляет*, но не *действует* свободно. Он всецело подчинен принципу классической социологии – замене действующих лиц общества статистическими ансамблями, которые определяются уровнем или формой социального участия и знаками внутренней логики функционирования общественной системы [там же, с. 14]. И только романтический способ обеспечивает свободное, творческое самовыражение субъекта и его подлинную суверенность. Эпический способ находит свое выражение в социализме, драматический – в капитализме (при всей «индустриальной» общности того и другого), романтический – за пределами капитализма и социализма (в условиях постиндустриального, или *программированного* общества). Переход к постиндустриальному обществу, по мнению А.Турена, осуществляется тогда, когда инвестиции производят в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления. Индустриальное общество изменяло средства производства, постиндустриальное изменяет цели производства, то есть куль-

туру [там же, с. 129]. Согласно акционистской методологии капитализм ставит представителей различных классов в жесткую зависимость от вещественных факторов общества: капиталистов — от капитала, необходимости инвестирования производства и конкуренции; рабочих — от необходимости борьбы за существование. Эта его *внутренняя несвобода* (А.Турен почему-то избегает понятия взаимоотнождения) *на пути к свободе действия* и представляет собой, по логике акционистов, методологический ключ к определению природы капиталистического общества.

Рассмотренные подходы и определения далеки от претензий на систематизированную характеристику капитализма в концептуальной картине социального мира. Помимо отмеченных существует множество других, оригинальных и трудно определяемых по своему методологическому базису, точек зрения на этот противоречивый и сложный феномен человеческой истории. Условно их можно объединить в категорию *эссенциональных* концепций, заметив при этом, что множество из ранее проанализированных также могут быть включены в эту категорию. *Целерациональность* М.Вебера, *инновационность* Й.Шумпетера, *научность* (Knowledge society) П.Друкера, *эффективность* Ч.Хэнди, *искусственное культивирование ценностей* Л.Туроу и Т.Сакайя — это лишь немногие примеры извлечения социальной эссенции из всей системы капиталистических отношений, как она видится тем или иным авторам, идет ли речь о «природе человека» или «природе социума». В этом плане — плане эссенциалистского подхода — хотелось бы остановиться на концепции капитализма Карла Поланьи, одного из наиболее ярких и самобытных по уму и научному анализу ученых первой половины XX века.

Автор книги «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени» Карл Поланьи соединил в стиле своего мышления философскую глубину неожиданных интерпретаций, казалось бы, давно известных и тривиальных фактов с богатейшим знанием фактов и событий иного рода — малоизвестных в истории, экономике и юриспруденции. Логика его доказательств усиливается эмпирией, доступной лишь добросовестному и дотошному историку. В его работе читатель не найдет привычных понятий «капитализм» или «капиталистическое общество» (если они и встречаются, то крайне редко). Вместо них — четко и глубоко выведе-

ренное понятие *экономического либерализма*. Этот последний возник в той полосе исторического времени, когда, по выражению одного из редакторов книги, новая экономика в ее «идеальном варианте» потребовала безжалостно отвергнуть представление о том, что человек есть существо социальное [12, с. 7]. В целом концептуальная схема сущности и развития экономического либерализма имеет у К.Поланьи следующий вид.

Рыночная экономика, возникнув в древнейшие времена, органически вписывалась в социальную жизнь людей до тех пор, пока не возникла утопическая попытка экономического либерализма создать саморегулирующуюся рыночную экономику. Идея такого создания привела к тому, что экономический либерализм начал оценивать любые социальные процессы с экономической точки зрения («Сатанинская мельница» не желала знать ни о каких человеческих потребностях, кроме одной-единственной, с тупой беспощадностью принялась перемалывать на атомы само человеческое общество») [там же, с. 7]. Таким образом, если в прошлые времена экономическая система являлась лишь простой функцией социальной организации*, то в рыночной экономике все переворачивается с ног на голову: социальная жизнь подчиняется безжалостной одномерной экономике. Имеет ли это рациональный смысл в историческом процессе? К.Поланьи не дает однозначного ответа на этот вопрос, но в данном им ответе все же содержится большой *диалектический* смысл: сущность экономического прогресса (а стало быть, и капитализма) состоит в усовершенствовании общества ценой социальных бедствий (там же, с. 46). Если до XIX века общество подчиняло себе рынок, то с появлением экономического либерализма, исповедывающего принцип *laissez-faire* (невмешательства со

* Полагая человека в качестве социального существа, К.Поланьи ставит один очень важный акцент: экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей; человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, он стремится гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества; материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат этой цели [12, с. 58].

стороны), общество становится придатком рынка. И в соответствии с этим: если до экономического либерализма рынок подчинялся производству, то с появлением этого либерализма производство стало подчиняться рынку. Рыночная система, по концепции К.Поланьи, становится противоестественной, асоциальной тогда, когда рынок распространяется не только на товары и услуги, но и на «запретные» ранее для него зоны (предметы) — на *труд* (рабочую силу), *землю* и *деньги*, цены которых, соответственно, именуются: заработная плата, рента и проценты. Превращение труда, земли и денег в товар означает полнейшую фикцию, которая приводит ко всем последующим трагедиям человеческого общества. Приговор К.Поланьи звучит категорично и жестко: позволить рыночному механизму быть единственным вершителем судеб людей и их природного окружения или даже единственным судьей надлежащего объема и методов использования покупательной способности значило бы в конечном счете уничтожить человеческое общество [там же, с. 87]. К.Поланьи глубоко прав, заявляя это, но — увы — не оригинален, ибо задолго до него, почти 100 лет назад, нечто похожее было написано К.Марксом и Ф.Энгельсом, уподобившим капиталистического дельца мифологическому царю Мидасу, прикосновение которого к земным вещам тут же превращало их в мертвое и уже никому не нужное золото. К.Поланьи лишь четко очертил тот предел, за которым реальная стоимость превращалась в фиктивную. Распоряжаясь «рабочей силой» человека (а для этого необходимо превратить рабочих в пролетариев, отделить их от средств производства, что соответствует духу и смыслу капитализма. — *Е.С.*), рыночная система в то же самое время распоряжается неотделимым от этого ярлыка существом, именуемым «человек»*. Превращая землю в товар, эта система лишает человека естественной среды его существования, то есть обрекает его на постепенное вырождение и смерть. Отказыва-

* «Крайности» рыночной экспансии, которые столь резко осуждает К.Поланьи, неизбежны в развитии всей системы человеческого общества. К.Маркс, не менее резко осуждавший внутренние пороки капитализма, понимал эту неизбежность (эту бесчеловечность) как диалектическую ступеньку к «освобождению человечества», к «подлинной» его истории.

ясь от «золотого стандарта» и запуская в обиход бумажные деньги, рыночная система обрекает на гибель общество, в том числе и самое себя*.

Именно появление фиктивных товаров, по глубокому убеждению К.Поланьи, вызвало в обществе мощное контрдвижение в форме интервенционной политики национальных государств. Фактически произошло столкновение двух принципов: принципа экономического либерализма, стремившегося к созданию саморегулирующегося рынка, опиравшегося на поддержку торгово-промышленных слоев и в качестве своих методов широко использовавшего *laissez-faire* и свободную торговлю, и принципа социальной защиты, необходимости государственного вмешательства в экономику. На действие этого последнего, считает К.Поланья, общество должно возложить все свои надежды независимо от расслоения на классы, групповых целей и мотивов составляющих его людей. Сам характер контрдвижения, обладающего всеми признаками спонтанной реакции, свидетельствует о возможности обуздания рыночной экспансии и прежде всего уничтожения товарных фикций (характерно, что даже радикальные приверженцы экономического либерализма нередко требуют государственного вмешательства в защиту себя от монополистического сговора). *Абсолют эгоистического рыночного экспансионизма* – такова природа, или такова сущность того общества, которое мы называем капиталистическим, а К.Поланья – обществом саморегулирующегося рынка. Предупреждением звучат его слова в заключительной главе книги: если мы не хотим, чтобы индустриализм совершенно уничтожил *homo sapiens*, мы должны подчинить его требованиям человеческой природы [там же, с. 269].

* Центральные банки и управление денежной системой нужны были для того, чтобы обезопасить заводы и другие производственные предприятия от губительного влияния товарной фикции применительно к деньгам. Сложилась парадоксальная ситуация: от разрушительного воздействия саморегулирующегося рынка приходилось спасать не только человека и природу, но и само капиталистическое производство [12, с. 145].

К сожалению, радикальному критицизму К.Поланьи не хватает конструктивных материалистических выводов.

Но прежде чем переходить к этим последним, есть смысл обратиться к ранее упомянутому понятию *капиталистической революции*. Ей посвящена книга под этим названием П.Бергера, вышедшая в свет в 1986 году и убеждающая читателя в том, что подлинное социальное освобождение человечества от пут несправедливости и рабства несет в себе только экономически продуктивное капиталистическое общество и что «часто обсуждаемый вопрос «смешанных систем» и «третьего пути» лишь вносит путаницу в эмпирически доступные альтернативы» [2, с. 279]. П.Бергер в данном случае повторяет высказанные в конце 1950-х годов идеи американских ученых Луиса Келсо и Мортимера Адлера в их книге «Капиталистический манифест», в котором утверждается: «Индустриальная мощь и накопленное богатство в сочетании с нашими институтами политической свободы и справедливости — вот что делает Америку той страной, в которой впервые должна быть осуществлена капиталистическая революция, с тем чтобы утвердилась экономическая свобода и справедливость для всех» [13, с. 12]. Авторы заверяют, что «слово «капитализм» вполне подходит для обозначения идеально справедливой организации индустриальной экономики» [там же, с. 13]. Когда идеи «Капиталистического манифеста» в начале 1950-х годов еще не были продекларированы, но уже витали в воздухе и проникали на страницы газет и журналов, человек философского склада ума, всемирно известный писатель-фантаст Курт Воннегут в знаменитых романах-«антиутопиях», в частности в «Утопии-14» представил идеально справедливую организацию индустриальной экономики как самый антигуманный способ социального порабощения и отчуждения личности. Капиталистическая «революция» в своих материальных основах явно не дотягивала до освободительной миссии.

Одним из обстоятельных и устойчивых во времени (что может истолковываться и как достоинство научной истины, и как устойчивый догматизм или консерватизм) является историко-материалистический подход к трактовке капитализма. Между марксизмом и историческим материализмом нет знака равенства при всем их ге-

нетическом родстве. Первый обозначен именами Маркса и его ближайших сподвижников, второй менее связан с персоналиями собственно марксизма. Первый представлен в виде известных «трех составных» частей, второй является прежде всего социальной философией, теоретико-методологической базой социологической науки. Таким образом, в предметном отношении он уже марксизма, по уровню методологических компетенций – шире и выше. Исторический материализм, если не принимать во внимание вульгаризаторских крайностей и односторонностей привнесений, вобрал в себя научные истины социального материализма домарковского, марксистского, неомарксистского периодов его развития, а также целый ряд положений немарксистской социальной философии и «буржуазной» теоретической социологии.

Если из всех школ, течений, направлений историко-материалистического толкования природы и сущности капиталистического общественного строя собрать воедино внутренне согласованные их концептуальные позиции и на этой основе составить некий общий для всех теоретический образ, то он будет иметь примерно следующий вид:

– Капитализм как основная и решающая фаза экономической формации является закономерно возникшим способом появления и ускорения научно-технического и социально-организационного прогресса человеческого общества в целом, материального производства в частности;

– Этот способ форсирования хода истории человечества характеризуется внутренне присущим ему социальным антагонизмом, охватывающим все сферы и уровни жизнедеятельности общества и создающим внутриклассовые, межклассовые, межэтнические, межгосударственные и межблоковые противоречия и конфликты;

– Определяющим, центральным моментом этого всеобщего антагонизма является противоречие между трудом и капиталом, возникшее вследствие отделения труженика от средств производства и конституирования отношений капиталистической частной собственности на эти средства, при которых труженик вынужден продавать капиталисту свою рабочую силу и становиться для него источником

получения прибавочной стоимости (эксплуатация неимущих имущими в различных исторических формах);

– Как способ ускорения научно-технического и социально-организационного развития общества капитализм выступает лишь на фазе соответствия его производственных отношений уровню производительных сил, при котором активное инвестирование производства в качестве центрального звена экономики становится главным, после чего он входит в фазу диссонанса этих отношений с производительными силами, возвысившимися до уровня гуманизма и человекоцентризма, в результате чего капитал все больше принимает фиктивную форму, утрачивает свой продуктивный характер и превращается в тормоз общественного развития;

– Диссонанс человекоцентричного уровня развития производительных сил с товарно-денежными отношениями заключается не только (и не столько) в несоответствии общественного по своему характеру глобализированного производства частнокапиталистической форме присвоения, сколько в несоответствии разносторонних качеств и потребностей вышедшего за пределы технологического способа производства человека навязываемой ему стоимостными отношениями экономической одномерностью*;

* Есть смысл прислушаться к одному из высказываний Г.Зюганова относительно этой одномерности: «...Вся атмосфера бешеной гонки по прямой неблагоприятна для поиска иных направлений развития производительных сил. И тому есть глубокие причины в природе капитала. Капитал есть «предмет» бескачественный. Количество – это и есть его единственное качество. Поэтому капитал не знает никакой иной формы своего развития, кроме линейного количественного возрастания... Капитализм, доминирующий сегодня на большей части земного шара, внешне неузнаваемо изменился за пять веков существования, но сохранил, тем не менее, в неприкосновенности свои главные, сущностные определения. «Производство вообще» как вечная и естественная предпосылка человеческой жизни по-прежнему выступает в конкретно-исторической форме производства стоимости и прибавочной стоимости – капитала. А коренная особенность последнего состоит в том, что он не имеет никакой внутренней качественной меры и стремится лишь к бесконечному количественному возрастанию» [14, с. 63–64].

– Разрешение возникшего противоречия может происходить различными революционно-эволюционными путями и иметь перманентный и длительный характер, но во всех случаях оно означает или будет означать коренную, качественную ломку – замену капитализма новым общественным строем, адекватным «вызовам времени» (в марксистской интерпретации этот новый строй называется «коммунистическим», в более осторожной и осмотрительной – «посткапитализмом»).

Тезисно и сжато охарактеризованный теоретический образ капитализма в его историческом движении нуждается в ряде теоретико-методологических комментариев.

Во-первых, в отличие от распространенного в социологической науке *эссенционального* подхода* к выяснению сущности капитализма, исторический материализм пользуется *структурным* подходом, охватывающим свой предмет (капитализм) во всей совокупности его внутренних и внешних связей и причинно-следственных зависимостей. Эссенциональный подход направлен на поиски некоего «универсального» для капитализма всепронизывающего *одного* его свойства. В отличие от этого диалектический материализм ставит во главу угла *структурное* представление о сущности капитализма, когда не только определяется его главная, необходимая, наиболее общая, устойчивая, повторяющаяся связь, но и все остальные истекающие из нее причинно-следственные связи и зависимости, благодаря чему эта главная связь постоянно пребывает в движении и различных превращениях, сохраняясь при этом. Структурный подход основан на принципах материалистической диалектики: *всеобщей связи, развитии, противоречия*. Эссенциональный, игнорируя эти

* Эссенциональный подход представляет собой ту атрибутивную «вытяжку» из класса однотипных явлений как некоей целостности, которая («вытяжка») является научной абстракцией, характеризующей особый, специфический статус этой целостности. «Эссенция» как родовой, всепронизывающий универсальный признак, свойство или качество определенного класса явлений и считается при таком подходе сущностью.

принципы, часто вынужден «вылавливать» какое-нибудь одно свойство, один признак, чтобы нередко искусственно привязывать к нему всю систему или определенные ее части (сферы, подсистемы), имея их капитализмом или демократическим рынком и ставя в один ряд его объективные и субъективные составляющие как равнозначные, вне всяких причинно-следственных зависимостей. Структурный подход учитывает эти зависимости и поэтому способен дать развернутую характеристику сущности капитализма: первоначальное накопление капитала закономерно ведет к отделению производителей от средств производства и к воссоединению их уже на новой, частнособственнической основе, порождающей все виды отчуждения, задающей пролетариям установку на самовывживание и протест, а собственникам — на получение прибавочной стоимости и, соответственно, на увеличение доли постоянного и сокращение доли переменного капитала, что в итоге стимулирует научно-технический прогресс, ускоренное развитие производительных сил всего общества. В этой логике взаимозависимости социально-экономических элементов четко прослеживается движение сущности капитала — от сущности *первого* порядка к сущности *второго* порядка. Сущность первого порядка вскрывает *внутренний* алгоритм образования и функционирования капитализма как общественного строя. Она состоит в *частной собственности на средства производства, позволяющей их владельцам получать прибыль и тем самым стимулировать процесс производства*. Сущность второго порядка выводит капитализм на уровень исторической ступени общественного развития, когда в расчет принимаются не только внутренние, но и внешние, а точнее — более общие, обширные социально-экономические связи мирового масштаба, и здесь он предстает как *способность капитала к самовозрастанию его стоимости в качестве субстанции научно-технического и социокультурного прогресса*, или то, что К.Маркс назвал «производством капитала капиталом, или методами его ускоренного накопления» [15, с. 583]. Поскольку эта сущность предполагает множество связей системного и исторического масштабов, ее можно охарактеризовать словами представителей Межд

у н а р о д н о й

логико-исторической школы А.В.Харламенко и Е.Н.Харламенко: «Капитализм вырастает не из капитала, а из мировой истории» [16, с. 61]. Структурный подход позволяет не только выявить сущность капитализма в причинно-следственных связях составляющих его элементов, но и произвести развертку этой сущности в социальном пространстве и социальном времени, эмпирически наблюдая и логически прослеживая в них различные признаки, свойства, составляющие капитализма, его экономическую основу и социально-классовую структуру, государственные институты, разные конкретно-исторические и национальные формы и стадии развития. Эссенциальный подход лишен этой многопорядковой каузальной логики, чего он, кстати, и не скрывает. Более того, не только не скрывает, но и переносит способ своего мышления на оппонента, полагая, что и тому должен быть присущ эссенциальный подход к трактовке общественных явлений. Иными словами, большинство противников материализма обвиняют его в том, что вытекает из их собственной эссенциалистской манеры мышления, — в одностороннем экономизме, в приписывании марксизму абсолютизации экономического детерминизма и т.д. Это ставшее расхожим обвинение в «панэкономизме» проистекает из тех выводов об исторической судьбе капитализма, которые сделал К.Маркс на основании анализа экономических процессов в современном ему обществе. При этом забывают или сознательно обходят два важнейших момента. Первый: К.Маркс в качестве предмета своего исследования имел дело не с теми сугубо одномерными экономическими процессами и технологиями, которыми так много и так пространно занимается современная «экономикс», а с той *социальной материей*, которая никак не сводится к экономической сфере и которую исследует политэкономия, рефлектирующая в логике категорий «способ производства» и «производственные отношения» все многообразие подчиненных «производству самой жизни» специфических общественных связей. Второй: делая акцент на *решающей роли* экономического фактора в политэкономическом или социально-экономическом его значении, К.Маркс нигде и никогда не утверждал, что все остальные факторы общественной жизни «сводятся» к нему или «не являются существ-

венными»*. Эссенционалистски понятый «экономизм», приписываемый историческому материализму, — это всего лишь фикция.

Проводя принципиальную грань между эссенциональным и историко-материалистическим подходами, следует отметить, что нередко эта грань размывается — особенно в мир-системном анализе — и эссенциальность пытается «подпрыгнуть» до историко-материалистического уровня или даже превзойти его. Примером сказанного является следующее положение Иммануэля Валлерстайна: «Под историческим капитализмом мы понимаем систему, в которой сложившиеся институты позволили капиталистическим ценностям стать приоритетными, направить мир-хозяйство по пути всеобщей коммодификации ради превращающегося в самоцель бесконечного накопления капитала» [19, с. 108]. Мир-системщикам не мешало бы разобраться в субординации структурных элементов той системной целостности, которую они называют мир-системой.

Во-вторых, при выяснении сущности капитализма с историко-материалистических позиций во главу угла ставится единство объек-

* Приходится констатировать, что некоторые из современных марксистов иной раз поддаются на эссенциональную приманку, когда, к примеру, заявляют: «К.Маркс в «Капитале» в неявном виде исходит из того, что экономика — базис для всех общественных явлений, а вот для анализа экономической жизни общества никакие явления вне этой сферы не являются существенными. На самом же деле экономика является важнейшей, но вовсе не самодостаточной общественной системой» [17, с. 142]. На самом же деле автор плохо знает К.Маркса и его социально-философскую методологию. Где, в каком произведении К.Маркса или хотя бы в примитивнейшем учебнике по «истмату» вычитал он, что «экономика — базис для всех общественных явлений»? Даже в худшем вульгаризаторском времени ученые средней руки считали, что общественным базисом являются производственные отношения, что производительные силы (экономика!) лишь опосредованно, через производственные отношения влияют на надстроечные явления (И.В.Сталин). Да и сама категория производительных сил охватывает широкую социальную и социокультурную область человеческих отношений и действий, в связи с чем признанный одним из лучших специалистов теории материального базиса общества В.М.Межуев писал: «Важно помнить, что развитие производительных сил общества охватывает собой все виды человеческой деятельности, коль скоро они являются общественно-производительными, то есть участвующими в производстве самого общества» [18, с. 99]. Видеть за всем сказанным однообразную плоскость экономики для грамотного марксиста непростительно.

тивной закономерности функционирования и развития этого строя и механизма ее действия. Закономерная связь в данном случае и является сущностью. Что касается трактовок капитализма большинством направлений или школ западной социологической мысли, то в массе своей они основаны на механизменном подходе, при котором во внимание принимается главным образом человеческий фактор. Такой подход игнорирует важную или даже существенную роль объективных условий и обстоятельств и учитывает лишь признаки или свойства, заключенные в деятельности (поведении) различного рода их социальных субъектов. Поскольку эти признаки и свойства относятся к механизму, а не к закономерности (сущности), то их исчезновение или утрата создают иллюзию исчезновения самого капитализма, что сплошь и рядом декларируется как давно решенный вопрос. И только историко-материалистическая концепция способна распознать в калейдоскопе появляющихся и исчезающих признаков и связей главный, системообразующий признак — *отношения частной собственности на средства производства, приносящие ее владельцу прибыль*. Пока не исчезают эти отношения, капитализм как общественный строй, сколь бы он ни изменялся или модифицировался, продолжает существовать.

В-третьих, в трактовках эссенционального характера различные сферы или подсистемы жизнедеятельности общества, при всей их взаимосвязи и взаимовлиянии, функционируют и развиваются по собственным, специфическим законам (схемам, принципам, алгоритмам). При таком понимании сути и смысла жизнедеятельности общества оно, это общество, утрачивает свою целостность и распадается на ряд независимо функционирующих областей: экономика развивается по своим законам, социальная жизнь имеет свою особую логику (как утверждает, к примеру, П.Бергер), политика — свою, то же самое — область религии, искусства, морали и т.д. На долю целого в таком случае выпадает некая формально-статистическая «векторная» характеристика, ни о чем не говорящая и ничего не проясняющая в дебрях человеческой гетерогенности. Такое расползание живой ткани человеческого организма по существу приводит к исчезновению единого *общественно-исторического качества* социума, а стало быть, лишает статуса общественного строя такого

устойчивого структурного образования, как капитализм. Эфемерные черты последнего, по логике абсолютизации гетерогенного состояния общественной жизни, позволяют говорить о капитализме лишь как о *частных* проявлениях многогранной жизни общества — прежде всего хозяйственной, экономической сфер, и не позволяют говорить о нем в области политики, религии или морали.

Именно при апеллирующем к «человеческой природе» эссенциальном подходе человеческое общество только и способно дробиться на отдельные части, автономия каждой из которых приобретает абсолютный характер. При историко-материалистическом подходе во главу угла ставится то интегративное, системное качество общества, которое можно назвать *социальной материальностью*. Отношения собственности, то есть объективные обстоятельства, при которых человек является имущим или неимущим, пронизывают все разнородные сферы определенного социума и накладывают на них свой отпечаток. Каждая из сторон или сфер общественной жизни, безусловно, сохраняет изначальную специфику и не может быть редуцирована к социально-классовым отношениям — положению собственника или неимущего. Но это положение, или эти отношения дают о себе знать в специфике функционирования качественно разнородных явлений жизни общества. Олигарх, не брезгающий криминальными способами устранения своих конкурентов, конечно же, может быть прекрасным отцом, семьянином или превосходным знатоком театрального искусства. Политик, защищающий интересы крупного бизнеса, может оставаться совершенно равнодушным к предпринимательской деятельности, а закоренелый преступник способен проявлять сентиментальные чувства к животным или увлекаться выращиванием редких сортов роз. Тем не менее все сказанное не означает, что основной алгоритм жизнедеятельности личности в решающих ситуациях не вытесняет все другие составляющие ее бытия или не подвергает их трагическим деформациям. Функционально-ролевыми диссонансами наполнена человеческая жизнь — особенно тогда, когда общество пребывает в состоянии революционных потрясений или радикальных трансформаций. Логика интимных, брачно-половых отношений уступает место диктату политической логики, а экономическая логика подчиняет себе логику

моральных отношений. Пусть читатель вспомнит героев произведений Б.Лавренева: революционерка-«пролетарка» Марютка влюбляется в своего классового врага, ибо интимно-половая избирательность имеет свои особые законы, не имеющие ничего общего с законами классовой борьбы; Любовь Яровая продолжает любить своего мужа, несмотря на то, что тот находится «по другую сторону баррикад». Но когда дает о себе знать антагонизм ролей, социально-классовый (материалистический) алгоритм становится решающим в принятии решения: Марютка убивает своего любимого «синеглазынького» Отрока-Говоруху, рыдая над его окровавленным телом, а Любовь Яровая расстреливает мужа. Трагедия диссонанса семейно-родственных и социально-классовых ролей пронизывает «Донские рассказы» М.Шолохова, талантливого знатока психологии донского казачества: в исступлении гражданской войны отец убивает сына, брат – брата, муж – жену. И чтобы приведенные сюжеты и образы не показались «коммунистической пропагандой», в качестве подобного рода доказательств можно привести еще более убедительные примеры. Герой романа Марио Пьюзо «Крестный отец» Майкл Корлеоне ради проворачивания своих крутых дел и утверждения экономической власти идет на убийство брата и дяди, выгоняет жену, лишает семейного счастья родную дочь. Ни автор романа, ни его герои не имеют ничего общего с марксизмом, но их образ жизни и поведение, как образ жизни и поведение сотен героев известных произведений классиков мировой литературы, всецело вписываются в теоретическую схему марксистского, историко-материалистического миропонимания, в соответствии с которым социальные интересы людей подминают под себя все остальные человеческие привязанности. Так что говорить о полной или абсолютной *суверенности* логик (законов) функционирования различных сфер и составляющих человеческой жизни не приходится: интегративный, системообразующий ее элемент (социально-экономическое положение) подчиняет себе различным образом и в различной степени все остальные ее элементы – культуру, политику, мораль, религиозные или атеистические воззрения.

К.Поланьи, сделавший понятие человеческого общества ключевым в своих исследованиях, поругивал марксизм и ставил его в один

ряд с экономическим либерализмом, поскольку и тот, и другой, по его мнению, подходили к трактовке общества с примитивных, узкоклассовых позиций. «Гораздо чаще, — писал он, — судьба классов определяется потребностями общества, нежели судьба общества — потребностями классов... Шансы всякого класса на успех в борьбе зависят обычно от его способности обеспечить поддержку со стороны представителя других классов, которая, опять же, зависит от того, выполняет ли данный класс задачи, обусловленные интересами более широкими, чем его собственные. А значит, ни рождение, ни гибель классов, ни их противоборство не могут быть правильно поняты, если рассматривать их вне связи с положением общества в целом» [12, с. 170]. В отношении интересов «общества в целом» К.Поланьи, безусловно, прав, будучи неправым в приписывании узкоклассовых позиций К.Марксу (читай «Немецкую идеологию!»). Не менее радикальный, чем К.Маркс, «узкоклассовый» В.И.Ленин по этому поводу писал: «С точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата» [20, с. 220]. Марксисты не были бы диалектиками, если бы решение узкоклассовых проблем пролетариата не соотносили с интересами общественного развития (интересами «общества в целом») и не подчиняли решение этих проблем интересам общественного целого. Но это еще не главное. Главное состоит в том, что К.Поланьи пытался обеспечить интерес «общества в целом» представить результатом если не координации социальных сил, то взаимных уступок и компромиссов, и, наконец, результатом контрдвижения, государственного вмешательства (политики интервенционализма в качестве «спонтанной реакции» или осознания необходимости со стороны здравомыслящих политиков). В отличие от него К.Маркс обеспечение интересов «общественного развития» (а не абстрактного, застывшего, вечного и неизменного интереса «общества в целом») видел в реальном противоборстве классов и антагонизме самого общественного строя, посредством которого и благодаря которому формируется и удовлетворяется общественный интерес (опять же — читай «Немецкую идеологию!»). И в этом плане исторический материализм (социальный материализм) способен видеть в «контрдвижениях» не гармонию, а противоречия, в *частном* — общее, а в *общем* — движение к нему через частное.

В-четвертых, принципиальным отличием историко-материалистической трактовки капитализма от всех других его трактовок является диалектическая оценка, или диалектическое понимание самого исторического контекста развития этого общественного строя. Если большинство самых различных его трактовок сходятся в том, что капитализм от несовершенных форм и периодов его развития движется в сторону совершенствования, «выравнивания», приобретения все больших гуманистических свойств («капитализм с человеческим лицом»), то в марксистской трактовке траектория этого движения выглядит совсем по-другому: от конструктивной и прогрессивной фазы развития он движется к деструктивной и регрессивной, то есть к самоотрицанию, оставаясь при этом по самой своей сути обществом социальных антагонизмов. Если большинство, условно говоря, западных концепций предсказывают капитализму судьбу плавного и гармоничного вхождения в процветающее общество «посткапитализма» или даже утверждают, что эта благоденственная пора уже наступила для целого ряда «постиндустриальных» стран, то марксизм прогнозирует уничтожение или исчезновение капитализма как исчерпавшего свой исторический ресурс общественного строя. На место кумуляции экономических, социальных, культурных и прочих благ, ожидаемых по самым различным версиям и прогнозам западных теоретиков, марксисты ставят диалектику превращения капитализма из активной (прогрессивной) формы общественного развития в собственную противоположность — в тормоз этого развития. Говоря более конкретно, теоретики-немарксисты в трактовках капитализма ставят во главу угла *инструментальную, инструментально-конструктивную* роль товарного производства, независимо от моральной и социальной его оценки, в то время как марксисты, признавая эту роль лишь на определенных фазах развития капитализма, заостряют внимание на социально-классовых последствиях выполнения его исторической роли — на эксплуатации, отчуждении и социальной несправедливости.

В-пятых, исторический материализм в силу своей «открытости» как в трактовке общества в целом, так и капитализма в частности, с одной стороны, обогащается новыми идеями и подходами под влиянием других школ и направлений современной общественной мыс-

ли, с другой – критикует их или, по меньшей мере, стремится критико-аналитически, неогульно оценивать концепции каждого из этих направлений. Другими словами, универсальность диалектической методологии понуждает его к выполнению функции диалектико-материалистического интегратора.

Под этим углом зрения индустриализм как социологическое направление при всех его «технократических» или технолого-детерминистских издержках обладает теми заслугами, что, в отличие от марксизма, он впервые обратил исключительное внимание на определяющую роль в развитии капитализма, как, впрочем, и общества в целом, не на *характер* производительных сил, а на их *уровень*. Именно на уровне полной автоматизации и информатизации производства роль субъекта производительных сил кардинально меняется, когда он из состояния технического отчуждения и положения технического звена возвышается до роли управляющего, регулирующего и контролирующего процесс производства (в сфере *необходимого* труда) и роли творческой, самодеятельной личности (за пределами *необходимого* труда). Этим, казалось бы, основательно решаются все проблемы классового антагонизма и, в первую очередь, эксплуатации наемного труда. Но, похоже, что индустриалисты, найдя золотую жилу науки, так и не смогли извлечь ее из песчаника аморфных представлений о сущности и исторических судьбах капитализма. На пути к экономической независимости и социальной свободе при всей готовности человека перешагнуть заветный порог и попасть в новую эру истории продолжают оставаться частнособственнические отношения, их инерция, их основа основ – материальные частные интересы крупных собственников. Этого *существенного* препятствия индустриалисты не хотят видеть или видят в них досадное недоразумение. В процессе развития и самоисчерпания капитализма они отвели решающую роль производительным силам, тогда как советские марксисты – производственным отношениям. Истина же, очевидно, состоит в том, что определяющую роль в развитии капитализма играет единство этих двух сторон способа производства. Поэтому правы те составители послесловия ко второму выпуску сборника «История и реальность: уроки теории и практики», которые, резюмируя положение родоначальника логико-

исторической школы В.А.Вазюлина, заявляют: «Нельзя сводить сущность капитализма к капиталистическим производственным отношениям, к капиталу, то есть к одной из ее сторон вне связи с другой. В саму сущность капитализма входят адекватные ему производительные силы (производство машин машинами) в их взаимодействии с капиталистическими производственными отношениями» [21, с. 67]*. Концепции индустриализма в известном смысле способствовали и способствуют пониманию необходимости этого взаимодействия.

С концепцией индустриализма по своей научной значимости сближаются различные культурологические и цивилизационные теории, сближаются в главном — в признании ведущей роли в процессе смены одних цивилизаций или формаций другими эволюционной кумуляции материально-духовных факторов национальных культур, а также необходимости для этого ценностно-нормативной базы и возникающих на ней различных типов поведения. Исторический материализм, ранее ограничивавшийся декларацией двойственного характера развития общества — эволюционного и революционного, сегодня самокритично признает, что он фактически преувеличивал роль революционных изменений и недооценивал роль эволюционных. Если ранее в «классическом» марксизме официально господствовала концепция доминирования *эволюционности* в развитии производительных сил и *революционности* — производственных отношений, то сегодня к трактовке «общественных трансформаций» наблюдается более осторожный, можно сказать, осторожно-гипотетический подход: во-первых, общественная эволюция уже не рассматривается как вспомогательная, или «подготовительная» ступень,

* Чтобы понять важность такого уточнения, процитирую дальше высказывания составителей (М.Дафермоса, М.В.Максимова): «Сведение сущности капитализма к капиталу, представляемому исключительно как отношение между людьми, и отвлечение от рассмотрения производительного отношения человека к природе является наиболее глубоким основанием отрицания за капитализмом всякого исторического прогресса. При капитализме впервые господствующим видом производства становится промышленность, на основе которой формируется общественный характер труда» [там же].

а по своей преобразующей значимости стоит на одном уровне с революционными изменениями и, во-вторых, акцент с революционной ломки как единоразового качественного скачка в новое общественное состояние переносится на множество разных конкретно-исторических и национальных форм и на сопутствующие переходные этапы. Не соглашаясь с Л.А.Гриффеном по целому ряду необоснованных или не вполне обоснованных переосмыслений марксизма, тем не менее нахожу заслуживающим внимания его положение: «Процесс общественного развития должен рассматриваться как единый процесс, имеющий «две стороны медали» — культурологическую и формационную» [17, с. 144]. Все сказанное означает, что не столько авторитет всемирно известных ученых — М.Вебера, А.Тойнби, Ф.Броделя и многих других, — сколько сама общественно-историческая практика последнего столетия заставляют исторический материализм по-иному взглянуть на цивилизационные и культурологические подходы*. В равной мере это относится и к критикуемому мной эссенционализму: при всей его несостоятельности в объяснении природы и сущности капитализма, он все же способствует «достройке» исторического материализма в плане обогащения его знаниями о механизме (механизмах) действия объективных законов этого общественного строя, развертки его сущности в ее «человеческом» аспекте. То же самое можно сказать и в отношении

* Сказанное отнюдь не означает, что формационная концепция общественно-исторического развития может (или должна) быть чисто механически дополнена «цивилизационным подходом». Современный российский марксист Г.Д.Чесноков по этому поводу пишет: «Соединить две вышеназванные философские концепции истории воедино было бы тем самым, как если бы кто-то вознамерился соединить воедино материализм и идеализм на том основании, что взятое по отдельности каждое из двух направлений философской мысли страдает односторонностью. Между тем среди отечественных философов находится немало людей, ратующих за то, чтобы дополнить учение о формациях «цивилизационным подходом». Самое забавное состоит в том, что авторы, выступающие за соединение «формационного» и «цивилизационного» подходов, не просто полагают, что подобный «синтез» вполне возможен, но они убеждены еще и в том, что за счет концепции замкнутых локальных культур можно хоть как-то продлить жизнь теории общественно-экономических формаций» [22, с. 234].

акционистских трактовок капитализма, прибавив при этом, что они стали своевременной и актуальной реакцией теоретической мысли на закономерно повышающуюся роль субъективного фактора в решении крупномасштабных общественных проблем. Деятельностный механизм в результате «возвращения чело-века действующего» стал более заметен и обозрим.

Наконец, значительную роль в приращении новых знаний и новых подходов к трактовке капитализма с историко-материалистических позиций сыграли системно-функциональная и структурно-функциональная концепции. Исторический материализм советских времен грешил прежде всего тем, что поставив во главу угла принцип *развития* предал забвению принцип *бытия* как признания единства изменений и воспроизводства, развития и функционирования, в соответствии с которым каждая система (общество) «стремится» не только к изменению основ и способов своего существования (жизнедеятельности), но и к их сохранению, то есть к стабилизации. С этим связан и другой важнейший аспект, который был четко выражен в системно-функциональной парадигме, но одновременно не нашел применения в отношении капитализма — единство, или целостность системы, в соответствии с чем капитализм, по логике вещей, должно было рассматривать не только как общество непрестанной борьбы труда с капиталом, рабочего класса с буржуазией, но и как единую систему, единый социальный организм, решающий общечеловеческие задачи путем эффективного соединения труда и капитала в их взаимной борьбе (по этой причине заидеологизированная критика «теории равновесия» вряд ли была корректна и необходима). Системно-функциональный, как и структурно-функциональный подходы при всех их известных грехах и недостатках сыграли именно ту положительную роль, что заставили, в конце концов, советских «истматчиков» обратить внимание на положение аутентичного марксизма о приоритете общечеловеческих задач перед классовыми в диалектике их противодействия и единства в зависимости от конкретных исторических периодов и ситуаций их решения. Ценным в структурном функционализме оказалось и то, что он, возможно, в неявной форме, указал на несостоятельность эссенциального подхода в трактовке тех или иных обществ, обратив вни-

мание на структурный характер проявления сущности. Этот подход принципиально отличается от других сведением сущностных свойств человека («природы человека») к набору жестко детерминированных обществом формализованных функций и ролей, что по многим признакам сближает его с историко-материалистическим положением об общественной природе человека и репрезентативным характером человеческой личности. Именно такой подход позволяет сблизить в познании капитализма теоретические представления об общественных закономерностях и механизмах их действия.

Сравнительный анализ существующих концепций капитализма и методологических основ их разработки на общественно-историческом уровне позволяет рассматривать это явление в трех возможных его видах или разнородных состояниях. Это, прежде всего, трактовка капитализма как *формационного* явления. Таковым его мыслят сторонники историко-материалистических концепций и некоторые представители индустриалистских направлений. В широких рамках такой трактовки обычно наблюдается троичный характер периодизации человеческой истории: доэкономическая, экономическая и постэкономическая формации; доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные общества; премодернистское, модернистское и постмодернистское состояния. Капитализм в этих формационных триадах занимает, как правило, промежуточное, второе место. Далее, это *цивилизационная* трактовка капитализма, при которой прежде всего имеются в виду различные типы цивилизаций как устойчивых этносоциальных и культурных образований. В отличие от формационных концепций цивилизационные более тяготеют не к временному аспекту и принципу историчности, а к пространственному, вернее, к пространственно-временному аспекту выделения устойчивых общественных образований. Если, скажем, модели «западной» или «восточной» цивилизаций в большей степени тяготеют к пространственному аспекту их образования, то известные «первая», «вторая» и «третья» волны цивилизации Э.Тюффлера — к временному аспекту. Третья трактовка на общеисторическом уровне — это трактовка капитализма как *транс-исторического* (кроссисторического) образования или *фрагментарного* состояния, когда его существенные признаки или атрибуты появлялись, какое-то время

существовали, а затем исчезали в тех или иных регионах мира, чтобы снова появиться в иное время и в иных регионах, или когда эти признаки и свойства заявляли о себе в различных сторонах и сферах какого-либо общества (в экономической жизни, в промышленном производстве, политике и т.д.). Общественный статус капитализма в этой трактовке приравнивался к какому-либо одному из свойств или состояний многогранной человеческой жизни. Приверженцами такой концепции были или являются Ф.Бродель, Г.Шахназаров, А.Гальчинский, похоже также, что к ней склонялся и П.Бергер.

Главный же водораздел между марксистскими и немарксистскими трактовками капитализма проходит в иной, теоретико-методологической, плоскости его анализа. Если марксизм, а точнее исторический материализм, апеллирует к историческим законам социального, общественного уровня в их общеисторической связке, которая лишь одна способна глубоко и адекватно отразить сущность капиталистического способа производства, капитализма как такового, то остальные так называемые «буржуазные» науки — к *механизмам* действия этих законов, видя в них решение человеческих проблем во всех обществах.

Завершая рассмотрение сущности капитализма, возможно, несколько поверхностное и не столь всестороннее, как того хотелось бы, оставим пока в стороне вопросы об исторических пределах и возможностях капиталистического способа производства, новейших изменениях в его социально-экономической основе, чтобы вернуться к ним после рассмотрения процесса роста и распространения капитализма «вширь», его глобализации и угрозы мирового экологического кризиса.

2.2. Глобализм. Антиглобализм. Альтерглобализм

В продолжение сказанного о капитализме и его сущности нельзя не коснуться и той стороны этого общественного строя, с которой связано распространение его «вширь» с достижением высшей ступени развития, вовлечение в частнособственническую рыночную систему всего мирового, планетарного пространства, а также решение вопроса о пределах его роста и развития. Очевидный и несом-

ненный, происходящий на наших глазах процесс интеграции ставит как перед теоретической мыслью, так и перед судьбами стран и народов ряд мучительных и непростых вопросов: в какой доминирующей социально-исторической форме будет происходить в будущем глобализационный процесс и существует ли сегодня реальная альтернатива капиталистической глобализации мира? Еще более сложным предстает вопрос о том, победит ли (если победит вообще) эта альтернатива в самом процессе противоборства капиталистической и социалистической (посткапиталистической) парадигм организации жизнедеятельности мирового сообщества или она станет реально возможной только *после полного завершения процесса капиталистической глобализации*. И еще один, пожалуй, самый главный вопрос: способны ли будут альтернативные мировому капитализму силы победить его или капиталистическая глобализация принесет смерть всему живому? Отвечая, или пытаясь ответить на эти вопросы, необходимо основательно разобраться в сущности ключевых понятий глобализма, антиглобализма и альтерглобализма.

В современной социологической литературе от первоначального понятия «*глобальный мир*» («*g-world*») постепенно отпочковались и утвердились по меньшей мере три ключевых понятия: *глобализация*, *глобальность*, *глобализм*. За первым из них закрепился смысл реально происходящего процесса интеграции разных сторон и сфер жизнедеятельности стран и народов как в пространственно-временном, так и эссенциональном значении этого процесса. Второе означает возникшее качество или характер интеграционных превращений, третье – совокупность политических мер по приданию определенного качества (характера), определенной направленности процессу глобализации. Следует сразу же отметить, что среди ученых нет единого мнения в отношении интерпретации отмеченной триады понятий. Так, если Г.Терборн рассматривает понятие глобализма как рефлексию совокупных дивергентных культур и типов современности в рамках их рефлексивного единства [23], то У.Бек – как идеологию господства мирового рынка, идеологию нео-либерализма [24, с. 23]. Последний усматривает принципиальное различие между понятием *глобализма* и понятиями *глобализации* и *глобальности*. «Мне

хочется в своей книге, — пишет он, — пустить в ход камнемет различения — различия между *глобализмом*, с одной стороны, и *глобальностью* и *глобализацией* — с другой. Это различие имеет целью разрушить территориальную ортодоксию политического и общественного, сложившуюся в проекте Первого модерна, привязанности к национальному государству и получившую статус категориально-институционального абсолюта» [там же, с. 23]. Весьма оригинальная и бесспорная концепция глобализации (космополитизация) У.Бека заслуживает того, чтобы вернуться к ее рассмотрению ниже. Сейчас же — во избежание нарушения стройности и последовательности изложения — необходимо возвратиться к рассмотрению исходных понятий.

Что касается глобализма, то это прежде всего идеология, политика и социально-экономическая практика наиболее развитых современных капиталистических стран по вовлечению в орбиту мирохозяйственных, производственных связей и рыночных отношений всех остальных стран, обладающих необходимыми ресурсами и дешевой рабочей силой, с целью получения прибыли. В своем реальном претворении глобализм предстает перед нами как процесс глобализации. Последний является *конкретно-исторической* формой закономерного возникающего на высшей стадии развития капитализма процесса интеграции хозяйственных укладов, стран, государств и народов, или то, что на языке классического марксизма означает прелюдию к «обобществившемуся человечеству», а на языке некоторых политиков и государственных лидеров Запада — «интернационализацию» экономики, социальной жизни людей и этнической культуры. Глобализация, таким образом, является, с одной стороны, объективным спонтанным процессом повышения системно-целостного уровня общества и, с другой — политически управляемым и регулируемым процессом заинтересованными в ней господствующими классами наиболее развитых стран мира.

О глобализации за последние пятнадцать лет написаны горы научной и политико-публицистической литературы в разных странах мира*. Тем не менее внимание к выяснению сущности этого феномена не только не убывает, но и с каждым годом возрастает, ибо

сам предмет внимания — прогрессирующее всеобщее социального мира в многообразии его составляющих — с каждым новым движением научной мысли обнаруживает ранее незримые грани и стороны нашего общественного бытия. Процесс глобализации включает в себя интеграционные потоки в сферах экономики, политики, социальной жизни, экологии, культуры, науки, искусства, языка, брачных отношений и т.д., и т.п. При этом одни авторы отождествляют понятие глобализации с понятием интеграции и современный ее процесс связывают преимущественно с капиталистической формой ее (*капиталистическая* глобализация); другие же рассматривают глобализацию как исторический этап или историческую форму капиталистической интеграции. В первом случае это понятие шире, во втором — уже. На мой взгляд, такие различия принципиальной роли не играют: все зависит от контекста, в котором они употребляются. И похоже, что по мере достижения дефинитивного консенсуса в выяснении сущности процесса глобализации или хотя бы его минимума, дальнейшие разработки ее проблем все в большей мере будут дифференцироваться, привязываясь к отдельным аспектам. В этом плане считаю необходимым оговорить, что, во-первых, внимание автора книги сосредоточено преимущественно на исследовании глобализации под социально-экономическим углом зрения и, во-вторых, он уходит от решения столь сложного, фактически непосильного для него вопроса, как систематизация существующих точек зрения на исследуемый предмет. Если что и допустимо в отмеченном плане, то только беглая сравнительная характеристика ряда наиболее заметных позиций, имеющая принципиально важное значение в выявлении уровня их аргументированности и определении основных вариантов ключевого понятия «глобализация».

Характерным для современной общественной науки в трактовке сущности и основных признаков глобализации является удивительное сходство позиций марксистов, неомарксистов и радикально-

* В книге «Четвертый путь. Возрождение социальной демократии» (1998) Э.Гидденс заметил, что почти десять лет назад понятие «глобализация почти не встречалось в словаре науки» [25, р. 28]. Сегодня, в результате анализа мегатрендов мирового развития, суммарное количество определений глобализации приблизилось к четырехзначной цифре [26, с. 12].

критически настроенных ученых Запада. По признанию их большинства, глобализация — это переход капитализма от национально-государственной фазы развития в транснациональную, это прежде всего превращение национально-государственных экономических практик в единую мировую экономику на основе транснационализации производства и рынка, упраздняющих всякого рода границы и препятствия на пути финансовых и информационных потоков. Вслед за этим или одновременно с этим превращением осуществляется политическая, идеологическая и культурная экспансия крупного капитала на страны и регионы планеты как закономерный и неотвратимый процесс единения (обобществления) человечества. Переход капитализма от национально-государственной фазы развития к транснациональной (и в известном смысле — наднациональной) осуществляется отнюдь не в безобидных формах реструктуризации институтов экономики и межгосударственных политических подвижек, а в острой политической борьбе, где во главе центробежных процессов чаще всего оказываются ультраправые националистические партии, а во главе центростремительных — полпреды ТНК и их эмиссары: правые космополиты воюют с правыми националистами («террористами»). В орбиту политических распрей и войн вовлекаются при этом и межнациональные усобицы, немалая часть которых искусственно и умело провоцируется глобализаторами ТНК. Левые силы при такой ситуации либо вынуждены занимать выжидательную позицию, либо, поддаваясь эйфории национал-патриотизма, идти на временный союз с правонационалистическими силами. Таким образом, процесс капиталистической глобализации представляется не мирным и плавным, а внутренне напряженным конфликтным переходом от государственно-национального капитализма к транснациональному. Такова константа большинства имеющихся определений глобализма, за пределами которой наблюдаются различия оценок направленности и возможных последствий этого процесса.

Политологи, государственные и политические деятели, а также представители крупного бизнеса Запада в объективном интеграционном процессе развития современного мира видят прежде всего оправдание экспансионистской стратегии и гегемонических целей

стран «золотого миллиарда» во главе с США. В самой краткой и, возможно, циничной форме процесс *глобализации*, по их понятиям, является процессом *американизации* всех сфер жизнедеятельности человеческого общества.

Центральным звеном и движущей силой глобализационных процессов, считают они, выступает гегемония государств-лидеров, а точнее — гегемония «последней сверхдержавы», по выражению автора широко известной «Великой шахматной доски», — Соединенные Штаты Америки. *«Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти, — пишет З.Бжезинский, — в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии; в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на некоторую ее примитивность (вынужденная оговорка! — Е.С.), Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, — все это обеспечивает Соединенным Штатам влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова»* [27, с. 36].

Обратил ли внимание автор приведенной цитаты, что в ряду названных им преимуществ США перед другими государствами и народами на первое место он поставил превосходство в военной мощи? А между тем *силовой* аргумент — признак *коренной слабости* и моральной несостоятельности утверждаемой позиции по высшему критерию общечеловеческого прогресса. Чего же после этого заслуживают его уверения, что «окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой» [там же, с. 12]?

Силовой аргумент, логически проистекающий из концепции гегемонизма, звучит нелепо и алогично: когда *сильный* угрожает *слабому*, мотивируя это соображениями собственной безопасности, то трудно обнаружить в его позиции какую-либо вразумительную логику. Если гегемон все время бдит о собственной безопасности, то либо он лицемерит с захватнической целью, либо не уверен в проч-

ности того миропорядка, который сообщает ему силу. Именно такие мысли приходят в голову при чтении Документа «Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» («A National Security Strategy For a New Century»), подписанного в 1998 году бывшим президентом США Биллом Клинтонем. Вот выдержки из этого документа:

«В настоящее время Соединенные Штаты призваны играть руководящую роль — быть организатором сил мира и прогресса, направлять стихийные процессы мировой экономики в позитивное русло, способствовать нашему процветанию, укреплять наши демократические идеалы и ценности, создавать гарантии нашей безопасности».

«Наш стратегический подход основан на признании того, что мы должны лидировать в мире, если мы хотим в своей стране чувствовать себя в безопасности, однако мы не сможем лидировать в мире, пока не будем чувствовать себя сильными в своей стране. Мы должны быть готовы к тому, чтобы использовать все необходимые инструменты национальной мощи для оказания влияния на те или иные действия других государств... Мы видим в прошлом, что международное сообщество часто не готово к решительным действиям, если Америка не играет при этом руководящей роли».

«США не позволяет враждебно настроенным странам господствовать в каком-либо районе, имеющем особо важное значение для наших интересов» (! — Е.С.).

«У США есть целый ряд средств, с помощью которых можно формировать международный климат благоприятным для американских интересов и глобальной безопасности образом» [28].

Пространный политологический анализ этих важнейших стратегических положений, которым неукоснительно следовали все остальные вслед за Клинтонем президенты, можно перечеркнуть одним житейским, отнюдь не праздным, вопросом: правомерно ли говорить об усилении национальной безопасности в стране, повергшей «врага номер один» и усилившей свои позиции до абсолютного господства в мире, если не прятать под риторикой усиления безопасности агрессивных намерений или не улавливать политической интуицией приближающегося кризиса первооснов национального благоденствия?

Именно это последнее – политическая интуиция, если не рациональная самооценка – сквозит в лихорадочных теоретических поисках ответа на вопрос: какое будущее сулит финансовому процветанию Америки капризная и трудно прогнозируемая ситуация на глобальном рынке? – в одной из последних книг Джорджа Сороса «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм». Человек, соединивший в себе беспристрастность (или цинизм?) ученого с феноменальными способностями биржевого игрока, пытается найти решение этого мучительного для него вопроса, опираясь не только на научные политэкономические знания, но и на многолетний практический опыт своей финансовой деятельности. Суждения Дж.Сороса в этом плане лишены какой-либо апологетики. В центре его внимания – глобальная капиталистическая система (ГКС), сердцевинной которой является современная экономика. Последняя представляет собой не только свободную торговлю товарами и услугами, но и – даже в большей степени – *свободное движение капиталов* по всему миру. В этом Дж.Сорос видит не только преимущества, но и весьма серьезные недостатки ГКС. «Я утверждаю, – пишет он, – что глобальная капиталистическая система, которая господствует в современном мире, представляет собой искаженную форму открытого общества. Она слишком большое значение отводит конкуренции и погоне за прибылью и не обеспечивает защиты общих интересов через механизмы кооперативного принятия решений» [29, с. 229]. С одной стороны, по мнению Дж.Сороса, ГКС создает благоприятный для финансового капитала климат, поскольку капитал может свободно перемещаться в поисках максимальной нормы прибыли и тем самым способствует росту производственных мощностей, совершенствованию технологии и инновациям. С другой же – экономические и политические структуры ГКС пребывают в состоянии хаоса, ограничивают возможности предоставления национальными государствами благ и социальных услуг своим гражданам, так как транснациональный капитал плохо поддается налогообложению [там же, с. 230]. Нетрудно заметить, что автор книги в весьма деликатной и осторожной форме указывает здесь на прямую эксплуатацию странами «ядра» зависимой от них периферии. «ГКС зачастую

приносит странам периферии больше вреда, чем пользы», — откровенно признает Дж.Сорос [там же, с. 231].

Критику ГКС американский коммерсант осуществляет по двум основным направлениям. Одно из них связано с дефектами рыночного механизма (прежде всего с имманентно присущей международным финансовым рынкам нестабильностью), второе — с недостатками нерыночного сектора, с которым приходится иметь дело финансовому рынку посредством политического механизма национальных государств. Отмеченные недостатки не мешают, тем не менее, появиться и функционировать ГКС, которую Дж.Сорос связывает с «абстрактной империей», олицетворяемой мировой сверхдержавой — США. Вот как он ее характеризует: «Это империя без территории, поскольку она не обладает суверенитетом и присущими ему атрибутами; в действительности суверенитет отдельных государств — основной фактор, ограничивающий ее власть и влияние. Таким образом, мы имеем дело с империей, практически невидимой и не имеющей формальной структуры... Подобно любой другой империи, она имеет центр и периферию, причем первый получает выгоды за счет последней. Самое же главное — глобальный капитализм проявляет склонность к экспансии. Он не ищет равновесия, а одержим идеей завоевания. И пока существуют рынки и ресурсы, не инкорпорированные в его систему, с этой идеей он не расстанется» [там же, с. 234].

Отличительной чертой ГКС, справедливо считает автор, является свободное движение финансового капитала. Эта свобода и мобильность движения обусловлены самой его природой, которая властно заявила о себе с появлением компьютеров и информационных систем, что эмпирически очевидно: земля, природные ресурсы, фабрики или заводы не могут перемещаться в пространстве, в то время как финансовый капитал может. Именно мобильность капитала, информации и предпринимательских «мозгов» составляют сегодня решающие факторы экономической интеграции. И это относительно новое явление, считает Сорос [там же, с. 237]. Прав ли он? — Несомненно. Оригинален ли? — Сомнительно. Еще задолго до возникновения компьютерных сетей и мобильной связи сходные мысли по поводу подвижности денежно-кредитного капитала в 40-е годы

XX столетия были высказаны Карлом Поланьи: «В отличие от людей и товаров деньги оставались свободными от всех стеснений, продолжая развивать свою удивительную способность обеспечивать ведение коммерческих дел на любом расстоянии и в любое время... Стремительно растущая гибкость и универсальность международного финансового механизма до известной степени компенсировала постоянное сужение каналов мировой торговли. Когда же, к началу 1930-х годов, каналы эти пересохли до размеров жидкого ручейка, краткосрочные международные займы приобрели неслыханную прежде мобильность» [12, 227]. Естественно, что со временем, стимулируемые потребностями дальнейшего ускорения оборотов финансового капитала, технические возможности экспансии этого капитала существенно возросли.

Как же это явление оперативной мобильности заявит о себе в будущем? Какова, в итоге историческая судьба ГКС? Дж.Сорос не дает однозначного ответа, и, похоже, что его суждения и прогнозы на этот счет колеблются одновременно с котировкой валют на международных финансовых биржах. Он прекрасно замечает и видит, в чем состоит непрочность и фиктивность капиталистической глобализации — в рыночном фундаментализме. В условиях свободного движения огромных финансовых потоков погоня за сверхприбылью возводится в абсолют, а это таит в себе опасность крушения или потрясения всей финансовой империи. Возникает нестабильность ГКС в виде двоякого рода *асимметрии* — между кредиторами и должниками и между центром и периферией, что чревато глобальным усилением социальной напряженности и экономическим обвалом. Рыночный фундаментализм, то есть неолиберализм времен правления Р.Рейгана и М.Тэтчер, на место поддерживаемой «золотым стандартом» стабильности поставил нестабильность мирового рынка за счет столкновения между собой трех валют: доллара США, евро и японской иены. Создание единой европейской валюты дало мощный толчок консолидации в масштабах континента. В связи с этим реорганизация компаний идет более интенсивно, чем можно было ожидать. Возникают глобальные монополии и олигополии (например, Microsoft и Intel), что усиливает эксплуатацию периферии и усиливает неравенство не только среди населения пери-

ферии, но и центра [29, с. 267, 271]. Вывод Дж.Сороса категоричен: «В любом случае, и это мое твердое убеждение, глобальная капиталистическая система не в этот раз, так в следующий рухнет под грузом собственных недостатков, если мы только не осознаем эти недостатки и не примем соответствующие меры по их устранению» [там же, с. 273]. Было это сказано в момент известного мирового финансового обвала, в августе 1998 года. Но немногим позже, в 2000 году Дж.Сорос объявил кризис 1998 года «лишь кратковременной остановкой на триумфальном пути капитализма» и заявил, что «теперь следует ожидать укрепления позиций рыночного фундаментализма» [там же, с. 274]. Надолго ли? Осторожного финансиста, постоянно прибегающего к оговоркам, одолевают сомнения, поэтому и здесь он верен себе: «Однако <...> усиление рыночной дисциплины, на чем сегодня делается акцент, вряд ли поможет глобальной финансовой системе выдержать следующее испытание» [там же, с. 274]. Остается уповать на мировой «Альянс» политиков и банкиров, который «должен выполнять не только созидательные, но и карательные функции» [там же, с. 420]. Разумеется, речь идет о НАТО.

Более последователен и категоричен в оценке капиталистической глобализации И.Валлерстайн, известный претендент на роль пионера мир-системного анализа*. И.Валлерстайн, как и Ф.Бродель и известный российский ученый В.А.Вазюлин, создатель логико-исторической школы, полагает, что современное общество представляет собой возвысившуюся до глобального уровня мир-систему со всеми признаками, характерными для этого мира. Если мир-система представляет собой самообеспечивающуюся систему, су-

* Кому принадлежит пальма первенства в отношении идеи мир-системы, сказать трудно. Ф.Бродель впервые употребил термин «мир-экономика» в 1947 году в своих исторических трудах, посвященных средневековому Средиземноморью. Анализируя эти работы, он многим позже писал: «Существует своего рода мировое общество, столь же иерархизированное, что и обычное общество, и как бы являющееся его увеличенной, но узнаваемой копией. Микрокосм и макрокосм здесь имеют в конечном счете одинаковое устройство» [1, с. 84]. Сам Ф.Бродель скромно упоминает лишь о том, что его взгляды «в основном совпадают» со взглядами И.Валлерстайна, изложенными в книге «The Modern World-System» в 1974 году, то есть намного позже выхода в свет работ Ф.Броделя.

существующую как определенное, относительно замкнутое социальное пространство наряду с другими мир-системами, то глобальная система — это результат распространения экономических, политических и социокультурных системных связей лидирующих стран на все другие страны — на все другие мир-системы. Но сколь бы ни возвышался мир развитых стран до уровня глобальной системы, основные признаки мир-системы остаются при этом в неизменном виде. Такими признаками являются, во-первых, наличие единого, всемирного рынка, работающего по принципу максимального увеличения прибыли; во-вторых, наличие транснациональной государственности (международных институтов), регулирующей потоки финансов и товаров на международном рынке и предупреждающей возникновение социальных трений и конфликтов на нем; и, наконец, в-третьих, утверждение новой системы эксплуатации, когда она все более смещается с неравенства классов на неравенство составляющих мир-систему ее частей. Таких частей, по И.Валлерстайну, три: высокоразвитое ядро (центр), вечно нищая периферия и буферная полупериферия. Капитализм («Север») только и может существовать как общественный строй («Центр»), произрастающий из этого разделения мира на неравные части (богатый «Север» и бедный «Юг»). То есть он представляет собой продукт отмеченного неравенства. Появившись на свет в качестве локальных «блуждающих» мир-систем в XVI веке, капитализм проделал значительную эволюцию по вовлечению в свою орбиту все существующие другие «миры» и другие «неравенства». Интеграционные процессы осуществлялись при этом как бы «параллельно», в трех неравных мировых зонах — в странах ядра, странах периферии и странах полупериферии. И как бы ни экстенсифицировался этот процесс капитализации стран и народов, неравенство и поляризация мира сохранялись: будучи их продуктом, *капитализм на всем протяжении своей истории воспроизводил существование неравенства как неперемное условие собственного существования*. Согласно И.Валлерстайну, эту функцию воспроизводства диспаритетов современного мира осуществляют страны ядра при помощи всемогущих ТНК. Последние, используя власть финансового капитала, прибирают к рукам при-

родные ресурсы стран периферии, равно как и дешевую рабочую силу, увеличивая национальные богатства стран ядра и усиливая нищету стран периферии. При этом динамика изменений в мировом капиталистическом пространстве – двигались ли некоторые из удачливых стран полупериферии в сторону стран ядра или, наоборот, некоторые из стран ядра в силу каких-либо причин оказывались на обочине исторического прогресса – совершенно не влияет на социальное поле напряженности между богатейшими и беднейшими странами: оно всегда сохраняется за счет бескомпромиссной экс-плуатации последних первыми.

В глобализированном обществе антагонизм классовых отношений претерпевает изменения социально-масштабного порядка: классовые противоречия внутри национальных государств, утрачивая остроту и как бы приобретая законсервированный вид, все более уступают место межстрановым, межгосударственным или межблоковым антагонизмам, когда классическая формула «человек человеку – волк» трансформируется, по выражению одного из западных политологов, в иную формулу: «государство государству – волк». И подобно тому как каждое из национальных государств воспроизводит в своем доме нищету одних и богатство других, глобализированный мир воспроизводит сегодня нищету стран Юга и богатство стран Севера. По этой причине по меньшей мере политической наивностью выглядят надежды отечественных реформаторов на то, что инвестиции ТНК в национальную экономику будут непременно содействовать ее всемерному развитию и «подтягиванию» до уровня экономики стран ядра. Как свидетельствуют многочисленные исследования западных независимых экономистов-экспертов, вмешательство ТНК в экономику постсоветских стран, во-первых, замедляет темпы экономического развития в бедных странах, во-вторых, снижает в них качество жизни, в-третьих, приводит к усилению эксплуатации, особенно детей и женщин, в-четвертых, увеличивает политическую нестабильность в отдельных развивающихся странах [30, с. 34, 48–49].

Относительно перспектив глобализирующегося мира И.Валлерстайн занимает весьма сдержанную и осторожную позицию, что дает

основание Г.Зюганову для вывода: «Вопрос о том, что придет на смену мировой капиталистической системе, Валлерстайн оставляет открытым» [14, с.17]. Недостатки классического капитализма, по мнению последнего, делают неизбежными разрушительные кризисы, потрясающие мир с периодичностью в 50–100 лет, но преодоление этих недостатков возможно лишь за пределами капитализма. Что касается идеи глобализации как универсального этапа мирового развития, то она, по мнению И.Валлерстайна, представляет собой «громадную ошибку современной действительности, обман, навязанный нам властными группировками и нами же самими, часто в отчаянии». И далее он утверждает, что есть все основания думать о переходе к процессу глобализации «как о политической битве между двумя крупными лагерями: тех, кто хочет удержать привилегии существующей неравноправной системы, и лагеря тех, кто хотел бы видеть создание новой системы, которая будет более справедливой» [цит. по: 31, с. 63]. О вероятном исходе этой битвы И.Валлерстайн не высказывает никаких предположений. Вывод за него позволяет себе сделать У.Бек: «Он (И.Валлерстайн. — *Е.С.*) полагает, что в конце концов нас ждет распад мировой системы» [24, с. 65]. Видимо, чувствуя недосказанность своих теоретических оценок и прогнозов относительно судьбы глобализирующегося мира и пытаясь уйти от им же продекларированной «неопределенности исходных положений и выводов», И.Валлерстайн в одной из последних работ счел необходимым отметить: «...Современная миротсистема как система историческая вступила в стадию завершающегося кризиса и вряд ли будет существовать черед пятьдесят лет. Однако поскольку результаты кризиса не могут быть определены заранее, мы не знаем, станет ли пришедшая на смену новая система (или системы) лучше или хуже той, в которой мы живем ныне. Но что мы действительно знаем — это то, что переходный период будет грозным временем потрясений, поскольку цена перехода крайне высока, его перспективы предельно неясны, а потенциал воздействия небольших изменений на итоговый результат исключительно велик» [19, с. 5–6].

Близок по своей реалистической аналитике к позиции И.Валлерстайна британский социолог Л.Склэйр, который усматривает в

процессе глобализации столкновение двух тенденций развития современных стран и народов – тенденции интернационализации мира, глобальной системы как таковой, представляющей собой по большей части активное и сбалансированное взаимодействие «наций-государств», и тенденции капиталистической глобализации, которые блокируют национально-государственные, центробежные тенденции и ставят во главу угла транснационализацию мировой экономики с такими основными механизмами ее развития, как транснациональная экономическая практика (ТЭП), транснациональные корпорации (ТНК), транснациональная политическая практика (ТПП), транснациональный капиталистический класс (ТКК) и транснациональная культурно-идеологическая практика (ТНИП) конъюнктурной направленности [30, с. 35]. Как и И.Валлерстайн, Л.Склэйр считает, что особенностью глобального капитализма является глобальное неравенство – неравенство между центром и периферией, внутри самого центра и внутри капиталистического класса. Концепция мир-системного анализа, в связи со всем сказанным, является важнейшим дополнением к теории капиталистической глобализации, поскольку сущность механизма воспроизводства и развития капиталистической системы она усматривает в напряженности социального поля, то есть в глобальном неравенстве, приводящем в форсмажорное движение современный человеческий мир.

Не фиксируя этого главного в мир-системной концепции И.Валлерстайна, его оппонент, известный социолог, превосходный ученый и стилист Ульрих Бек объявил мир-системный анализ плоским, односторонне грубым и монокаузальным [24, с. 66]. Есть много оснований не согласиться с этой оценкой. Приведу в качестве контрдоказательств два из них. Во-первых, любая система, тем более социальная, при всей внутренней разнородности составляющих ее частей и элементов по производимому ею конечному, суммарному и устойчивому эффекту всегда однозначна, а значит и монистична. Система не была бы системой, и поведение ее при определенных заданных условиях не было бы планируемо, если бы она не обладала векторной одномерностью. В капиталистической глобализации, при ее мир-системной трактовке, такой векторной одномер-

ностью («монокаузальностью») является глобальное неравенство, создающее мир-пространственные поля социальной напряженности. Во-вторых, странно слышать от У.Бека обвинения подобного рода, поскольку в трактовке таких общественных антиподов, как глобальное и локальное, глобализация и индивидуализация, экстернализация и интернализация, космополитическое и национальное, он выступает как определившийся диалектик, превращая дилеммы и «амбивалентности» социальных процессов в известный принцип единства противоположностей*. У.Бек рассматривает «единство противоположностей» как своего рода *принцип взаимного полагания*. И.Валлерстайн рассматривает единство центра и периферии, эксплуататоров и эксплуатируемых в качестве *принципа взаимной обусловленности*. Диалектика имеет место и в первом, и во втором случаях. Но У.Бек замечает только диалектику первого принципа и не видит диалектики второго, как не видит (или не хочет видеть) диалектического характера отношений богатых и бедных, центра и периферии (социального напряжения), отказывая тем самым концепции И.Валлерстайна в ее «нелинейности» и *диалектической* монокаузальности. У.Бек считает, что эта концепция грешит «двумя

* Вот характерный для его диалектических суждений ряд примеров: «Методологический космополитизм отвергает принцип «или—или» и взамен использует принцип «и—и»; примером могут служить «космополитические патриоты» — патриоты двух миров» [там же, с. 26]; «Нет никакой необходимости исследовать глобальное на глобальном уровне. Вместо этого мы можем создать новую целенаправленную, восприимчивую к историческим изменениям эмпирию, привлекающую во внимание амбивалентные последствия глобализации в кросс-национальных и мультилокальных исследовательских сетях» [там же, с. 32]; «В наши дни мы имеем дело с новой диалектикой глобальных и локальных проблем, которая больше не вмещается в рамки национальной политики» [там же, с. 51]. И далее, говоря о «парадоксах глобализации, У.Бек, в который раз, употребляет «внезапно всплывшее слово «диалектический», от которого строгая научная мысль однажды уже отказалась: «Тщательно выверенная аксиома, отделяющая зерна от плевел, гласит: «глобальную культуру» следует рассматривать не статически, а только как случайный и диалектический процесс (несводимый к внешне однозначной логике капитала в рамках экономической науки) — по образу «глобализации», который позволяет воспринимать и расшифровывать противоречивые элементы в их единстве» [там же, с. 92].

признаками: монокаузальностью и сугубо экономическим подходом», что «глобализация понимается исключительно как институционализация мирового рынка» и что против этих положений И. Валлерстайна можно выдвинуть по крайней мере три критических возражения: во-первых, очевидны трудности историко-эмпирического истолкования и верификации этой теории; во-вторых, глобализация начинается у него с открытия Колумбом Америки и покорения Нового Света (и, следовательно, все остальное – лишь историческая спецификация в конце XX века), что не позволяет определить исторически новое в транснациональных отношениях; в-третьих, вопреки всякой логике, И. Валлерстайн пользуется *линейной* аргументацией» [24, с. 66].

В отношении первого возражения можно ответить: теория может быть верифицирована в зависимости от уровня абстракции составляющих ее категорий и понятий. Чем выше этот уровень, тем, соответственно, выше и уровень эмпирического верификатора, который либо вообще невозможен по меркам грубого позитивизма, либо возможен в качестве совокупной общественно-исторической практики (как-то: смена социально-экономического строя; восхождение его на новый уровень совершенствования, эффективного социального, экономического или политического функционирования, либо, наоборот, вхождение в фазу углубляющегося кризиса и деградации, что определяется по совокупности целого ряда фактических показателей). У. Бек в данном случае говорит о «*трудностях* (курсив мой. – Е. С.) историко-эмпирического толкования». Но это не довод, не возражение, ибо согласившись с наличием в мир-системной концепции трудностей ее верификации, мы в то же время не имеем оснований полагать, что она, эта концепция принципиально не верифицируема. В отношении второго возражения – против трактовки глобализации как всего лишь «исторической спецификации в конце XX века» – можно констатировать, что теоретико-идеологические установки и приверженности И. Валлерстайна и У. Бека диаметрально противоположны. И. Валлерстайн строит свою концепцию на качественно однородной социально-экономической основе всех анализируемых им мир-систем, что сближает эту концепцию с

марксистской теорией капиталистического способа производства: сложившись как капитализм на основе частнособственнических отношений капитала и труда, общество в своем последующем развитии действительно лишь обнаруживает «исторические спецификации» заложенного в его основу частнокапиталистического алгоритма (независимо от той конкретно-исторической формы, в которой частнособственнический интерес, «священная частная собственность» дают о себе знать). У.Бек, наоборот, считает, что капитализм существенно видоизменился, что сегодня наблюдается «исторически новое в транснациональных отношениях» и что они, эти отношения, принципиально исключают неолиберальный глобализм как попытку реставрации изжившего себя эксплуататорского строя. О том, насколько эмпирически верифицируема его собственная парадигма и в чем транснациональный корпоративизм выглядит лучше по сравнению с глобальным неолиберализмом, У.Бек умалчивает. Что касается последнего, третьего возражения, то оно противоречит попыткам его автора обрести истину в диалектике связи противоположностей или различий исследуемого им многогранного предмета. Безусловно, только грубый марксизм (вопреки самому К.Марксу, неоднократно заявлявшему об «автономии духа») способен редуцировать жизнедеятельность человеческого общества к определяющей роли экономического фактора и на этой основе сооружать схемы и модели функционирования «зависимых» от него иных составляющих и сфер системы этого общества. С таким плоским и одностронним понимаем *линейности* и ее критикой нельзя не согласиться. Но есть ведь и линейность иного рода — *диалектическая*: необходимость данная через случайности; общее, существующееся через отдельное и специфическое; существенное в несовпадающих с ним явлениях. Линейность как качественная *определенность*, как *единонаправленный* объективный закон ничего общего не имеет с той «линейной аргументацией», которой, по мнению У.Бека, пользуется И.Валлерстайн при описании мир-системных явлений *капитализма*. Линейность как векторность, позволяющая определять доминирующие «линии поведения» составляющих систему ее элементов, — это и есть *диалектическая* линейность, *диалектическая* монокаузаль-

ность. Именно доминанты процесса глобализации, если они адекватно обнаружены и истолкованы, находятся в поле зрения не только марксистов, но и радикально настроенных критиков современного капитализма.

При всех искажениях диалектического метода в анализе глобализационных процессов У.Бек безуспешно пытается обнаружить и вскрыть их противоречивые стороны и механизмы действия («парадоксы глобализации»). Первый и главный из этих парадоксов-противоречий состоит в том, что глобальное не исключает локального и, более того, по неизбежности включает его в себя: «нельзя даже подумать о глобализации не обратившись при этом к вполне конкретным территориям и местам» [24, с. 31]. Второй заключается в наличии в этом процессе «глобализации изнутри», то есть тех связей и взаимодействий, конечным эффектом которых является «космополитизация обществ в национальных государствах», *интернализованное глобальное*, при которых «границы больше не предопределены, их можно выбирать (и интерпретировать)» [там же, с. 27]. Иными словами, считает У.Бек, нивелирующим механизмом (рынок, финансовые сети, товарное производство) в глобализационном процессе является не сама глобализация («нет никакой необходимости исследовать глобальное на глобальном уровне»), а *космополитизация*. И когда этот механизм абсолютизируется и становится политическим инструментом транснационального капитализма, тогда-то и возникает *глобализм* как «идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма» [там же, с. 23], «неолиберальная идеология господства мирового рынка» [там же, с. 156], «всепроницающее, всеизменяющее господство мирового рынка» [там же, с. 20]. У.Бек решительно протестует против практики глобализма, считая, что экономическая интернационализация не должна иметь с ним ничего общего и что глобализм является «мощным противником космополитических обществ» [там же, с. 50]. Он указывает, по меньшей мере, на два его порока: во-первых, виртуализация состоятельных налогоплательщиков, когда свободное перемещение капиталов фактически перестает быть подконтрольным национальным государствам и тем самым обрекает на крах политику налогообло-

жения, лишая государств их финансовой базы; и, во-вторых, — фактический крах модерна, поскольку капитал перестает нуждаться в труде и плодит безработицу*. Говоря о «заблуждениях» глобализма и ставя ему в вину метафизику мирового рынка (концепцию свободной мировой торговли), драматургию риска, фактическое отсутствие политики (диктат экономизма), катастрофизм мышления и протекционизм всех оттенков [там же, с. 202], У.Бек противопоставляет им свои ответы на вызовы глобальности: международное сотрудничество, «инклюзивный суверенитет» транснационального государства, участие в капитале, переориентацию образовательной политики, демократизацию транснациональных предпринимателей, необходимость поддержки гражданского труда, новые культурные и политико-экономические целеполагания, нишевые рынки и общественное самообновление, труд—для—себя, общественный договор против эксклюзии [там же, с. 224]. Насколько рекомендуемые автором меры органичны самому *изменяющемуся* в определенных исторических пределах капитализму, покажет время, но состоятельность всех «десяти ответов на глобальность» не может не вызывать сомнения не только у марксистов, но и у немарксистских радикальных критиков капиталистической глобализации.

* Невозможно не процитировать одно из высказываний У.Бека, которое так и напрашивается в ответ на радостные заявления наших отечественных политиков по поводу национально-государственных прелестей и благостей рынка: «Многие не понимают, что глобализация представляет опасность <...> для государства. Представители разных политических партий, пораженные и восхищенные глобализацией, «размягчающей государственные и общественные институты», только начинают смутно догадываться, что они, по словам старика Маркса, обречены стать своими собственными «могильщиками». Я, по крайней мере, с невольной иронией смотрю на то, как некоторые политики требуют рынка, рынка, как можно больше рынка и явно не замечают, что тем самым они умертвляют свой собственный жизненный нерв, перекрывают кран, из которого текут деньги и властные полномочия. Видели ли вы когда-нибудь подобное безумно-радостное театральное представление публичного самоубийства?» [там же, с. 12–13]. Автор прав в своей иронии, но финальная сцена публичного самоубийства заслуживает оптимистического звучания, ибо от подобного самоубийства прогрессивные силы человечества только выигрывают.

Радикально-критическую оценку процессу капиталистической глобализации все чаще высказывают сегодня политики, ученые, эксперты, руководители стратегических служб разных международных организаций и центров. Для большинства из них не секрет, что процесс экономической интеграции современных стран и блоков политически управляем и что интеграция (интернационализация) стран ядра сопровождается искусственно создаваемой дезинтеграцией стран периферии, их «открытостью» для вмешательства извне стран-лидеров и закрытостью для выгодных внешнеэкономических связей с другими странами. Об этом, к примеру, пишет Мишель Шосудовски, сотрудник Комитета по выплате долгов стран третьего мира (Брюссель): «В то время как в бедных странах внешние экономические границы разрушаются (перед лицом и по отношению к мировому рынку), устанавливаются «внутренние границы», которые сплошь и рядом затрудняют движение товаров и людей между регионами. Развивающиеся страны превращаются в открытые территории (резервы труда и сырьевых материалов) под контролем мировых экономических и финансовых институтов. На Юге и на Востоке экономическая перестройка под надзором МВФ и Всемирного банка способствует политической раздробленности и сепаратизму... С первого взгляда кажется, что эта раздробленность и развал централизованного государства в бедных странах находятся в резком противоречии с процессом «политической интеграции» в Европейском сообществе и Северной Америке. На самом деле «интеграция» на Севере и «политическая раздробленность» на Юге и Востоке представляют собой часть единого процесса переделки общественных институтов, осуществляемого под юрисдикцией и бюрократическим контролем финансового капитала вопреки интересам широких масс гражданского общества» [32, с. 89].

Радикализм подобных суждений основан на статистических фактах эксплуатации стран периферии странами ядра, зависимости национальных экономик и политических институтов от транснациональных корпораций, их финансово-политических штабов. В диагностическом аспекте примечательным является явно заметное сближение логики мышления и акцентов критического радикализ-

ма с логикой марксизма. Различие, как давно уже известно, состоит в ином — в определении способа преодоления бесчеловечности, несправедливости и парадоксов буржуазного мира: критический радикализм апеллирует к справедливости действий государственных институтов, способных защитить общечеловеческие интересы, марксизм — к принципиальной смене общественного строя (в том числе и всех его государственных институтов) революционным путем (вот только в чем будет заключаться революционный слом этих прежних институтов власти и самого общественного строя, никто сегодня толком сказать не может!).

Солидаризируясь по многим позициям с радикальными критиками происходящей капиталистической глобализации, марксисты вместе с тем небезосновательно упрекают их в претензии представить это явление как нечто новое и, возможно, даже непредвиденное в человеческой истории. На самом же деле, в иных только терминах и понятиях, это явление уже описано и предвидено не только классиками марксизма, но и многими учеными прошлого, радикальными критиками капиталистического строя (например, Дж. Гобсоном, еще задолго до В.И. Ленина отметившим всемирную «опасность западного паразитизма»). Греческий философ Михаэль Савас на международном симпозиуме в Китае (октябрь 1999, г. Вухань) так охарактеризовал нынешнюю ситуацию в мире: глобализация не является феноменом 80–90 годов уходящего столетия, когда этот термин стал модным и когда он превратился в так называемый «основной поток» в мышлении Запада; в действительности глобализация как интернационализация экономической жизни, как установление мирового разделения труда, формирование нового рынка, всемирного характера современных производительных сил стала доминирующей с начала XX века и развивалась на всем его протяжении [33, с. 3–4]. Стала доминирующей — да, но отнюдь не новой как историческое явление. Вот одно из пророческих свидетельств середины XIX столетия: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные нацио-

нальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей мира. И вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [34, с. 427–428].

Этой длинной цитатой начинается один из разделов книги У.Бека, который сопроводил ее (цитату) следующим комментарием: «Эта цитата не из Неолиберального манифеста 1996 года, а из *Коммунистического манифеста* Маркса и Энгельса, опубликованного в феврале 1848 года». Обходя критические уколы в адрес авторов Манифеста по поводу якобы «гимнических выражений» относительно «революционной роли» буржуазии в мировой истории, ограничусь резонным признанием У.Бека, «что дебаты об «эксплуатации всемирного рынка» датируются значительно более давним числом, чем хотели бы считать участники недавних публичных дискуссий» [24, с. 47].

Схожие мысли высказывает и Г.Зюганов: если исходить из очевидного факта неуклонного расширения масштабов человеческой деятельности, то вряд ли правомерно говорить о процессе глобализации как о каком-то качественно новом явлении жизни общества; на самом деле ее начало практически совпало с началом человеческой истории... Процессы глобализации, то есть экономической, политической и культурной интеграции человечества начались очень

давно, протекали и сто, и тысячу лет назад. И протекали они отнюдь не плавно и бесконфликтно, а крайне неравномерно, в острых социально-экономических противоречиях. Глобализация двадцатого века отличается как раз наибольшей неравномерностью развития и наивысшим накалом борьбы и противоречий [14, с. 10–11].

Известную ленинскую концепцию империализма как высшей стадии развития капитализма Г.Зюганов считает теоретической предшественницей современных учений о капиталистической глобализации. В его анализе марксистских представлений об этом явлении заслуживают внимания два момента.

Первый заключается в том, что процесс глобализации как конкретно-историческая, *капиталистическая* форма процесса всемирной интернационализации человеческого общества органически проистекает из самой экспансионистской природы капитализма. Диалектика этого процесса, в соответствии с марксистской методологией, состоит в том, что производя интегративный способ существования человечества, капитализм одновременно работает на себя, на удовлетворение своих узкокорпоративных интересов, которые, все более гипертрофируясь, вступают в противоречие с этим общечеловеческим способом бытия как исторической необходимостью. Чтобы не быть голословным, приведу в более расширенном виде цитату из письма В.И.Ленина к М.Горькому от 3 января 1911 года, к которой в своей работе обращается Г.Зюганов: «Донкихотством и воздыханиями было бы, если бы с.-д. говорили рабочим, что может быть где-либо спасение помимо развития капитализма, не через развитие капитализма. Но мы этого не говорим. Мы говорим: капитал жрет все, сожрет персов, сожрет всех и будет жрать, пока вы его не свергнете. Это правда. И не забываем добавить: *кроме как в росте капитализма нет залога победы над ним* (курсив мой. — Е.С.). Ни одной реакционной *меры* вроде запрещения трестов, ограничения торговли марксисты не защищают» [35, с. 12]. Итак, движение к общечеловеческой, социалистической интеграции через расцвет и самоисчерпание капитализма в фазе его интернационализации (глобализации) — таковой мыслится диалектика исторического процесса с позиций научного марксизма*.

Второй момент в марксистском анализе капиталистической глобализации привлекателен тем, что к нему вполне применима известная формула «Новое как хорошо забытое старое». Речь идет о корреляции известных родовых черт империализма с основными реалиями современного глобализованного капитализма. Сформулированные В.И. Лениным в 1916 году пять главных признаков империализма проходят сегодня испытание на истинность и прогностическую правомерность. Априори, исходя из научно-диалектической методологии, можно полагать, что это испытание фактически (статистически) обоснованных пяти главных признаков, во-первых, обнаружило состоятельность ленинских принципов *в основном*; во-вторых, обогатило наши научные представления о роли и движении этих признаков в системе современного капиталистического общества, и, в-третьих, внесло определенные коррективы и поправки в те выводы и обобщения, которые были сделаны в начале XX века.

* Похоже, что в смысле этой диалектики не разобрался (или не захотел разобраться!) Ульрих Бек, претендующий на «диалектическое» видение процесса глобализации (космополитизации). Сузив понятие диалектики до противоречивого единства космополитизма и национализма, глобализма и локализма, он отказал ей в применимости ее как метода научного анализа к такому более существенно важному предмету исследования, как соотношение общесоциального и классового, коллективистского и индивидуалистического. Но и не это суть главное. Главное — в непонимании диалектики процесса (пусть даже не по Гегелю, а по Канту), диалектики превращения, или перехода от одной необходимости к другой. Это свое непонимание в качестве неприятия марксизма У.Бек воинственно продемонстрировал в комментариях к приведенной выше цитате из К.Маркса и Ф.Энгельса. Усадив на одну скамью марксистов и неолибералов, он объявил их кровными братьями, поскольку-де «по иронии судьбы совпадают основные гипотезы неолиберальной и исконно марксистской позиций» [24, с. 47]. На самом же деле никакого «совпадения», тем более «основных гипотез», в данном случае не было и нет. Для марксистов капитализм изначально несет в себе зерна своей исторической смерти, «свое иное»; для неолибералов — бесконечное перманентное самосовершенствование, самосохранение. Для марксистов «необходимость» либерального (и всех остальных форм) капитализма — временное состояние; для неолибералов — вечное. Что же касается «признания» исторической необходимости капитализма, то только не умеющему мыслить категориями научной диалектики человеку могли пригрезиться в этом «гимнические» мотивы.

Что касается *первого* признака империализма – концентрации производства и роста монополий, – то, по словам Г.Зюганова, «на протяжении XX столетия эта черта современного империализма выступала все более и более выпукло, приобретая поистине грандиозные масштабы. Даже крупнейшие мировые монополии, достигшие, казалось бы, пределов своего роста, тем не менее продолжают расширяться и укрепляться. В качестве наиболее ярких примеров последних лет можно привести слияние двух крупнейших нефтяных гигантов – «Мобила» и «Эксона», а также экспансию автомобильной корпорации «Дженерал Моторс», активно внедряющейся в Японию и Европу, где она практически уже поглотила такие известные фирмы, как «Опель», «Даймлер–Бенц» и «Хонда». *Сегодня 33 крупнейших компании мира, штаб-квартиры которых находятся в США, владеют ни много ни мало 71,8% всех котирующихся на бирже акций.* В абсолютных цифрах это составляет почти пять триллионов долларов. Такая мощь даже не снилась их предшественникам, деятельность которых анализировал Ленин в начале века. А в мировом масштабе на долю пяти стран – США, Японии, Велико-британии, Германии и Франции – приходится девяносто процентов крупнейших корпораций на планете» [14, с. 43–44]. Концентрация производства и глобальный рост монополий в современный период истории породили ряд качественно новых явлений как в международной организации производства и обмена, так и в политической жизни стран и континентов. Если у классиков марксизма прогнозы этих явлений ограничивались преимущественно констатацией усиления процессов интернационализации и усиления государственного аппарата стран-метрополий, то современная практика засвидетельствовала выход ТНК за пределы политического контроля национальных государств и приобретение ими черт наднациональной политической власти и суверенности. На базе ТНК сегодня формируется мировое правительство банкиров и менеджеров.

Наличие *второго* признака империализма – сращивания банковского капитала с промышленным и возникновения на этой основе финансового капитала – в качестве одного из главенствующих признаков полностью подтверждено всем ходом развития глобализирующегося капитализма. Трудно кому-либо оспорить или поставить

под сомнение данный в свое время В.И.Лениным диагноз: «Развитие капитализма дошло до того, что главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок. Банки перерастают из скромной роли посредников во всемогущих монополистов, распоряжающихся почти всем капиталом всей совокупности капиталистов, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство. Получается перерастание банков в учреждения поистине универсального характера» [36, с. 326]. Сбылось, таким образом, и это предсказание В.И.Ленина: финансовый капитал занял центральное место в системе современного глобального капитализма. Если что и может служить здесь дополнением к сказанному, то это, во-первых, оперативность и мобильность распространения финансово-спекулятивного капитала по всему земному шару и, во-вторых, его самодостаточный характер. Как справедливо констатирует Г.Зюганов, деньги начинают воспроизводить сами себя, минуя товарную стадию. Денежная масса, совершенно оторванная от массы потребительных стоимостей, становится виртуальной, символической, жалкой копией настоящих денег.

Третий признак империализма — смена вывоза товаров вывозом капитала — не нуждается в глубоких комментариях. Его повсеместное распространение и утверждение самоочевидны. Об этом в свое время писал К.Поланьи, после него — Дж.Сорос. Такую же оценку капитала на экспорт высказывает Г.Зюганов: «Вывоз капитала с развитием процессов экономической глобализации вырос многократно. Более того, с ростом могущества транснациональных корпораций он стал едва ли не важнейшей основой их финансового благополучия. В новой глобальной финансовой системе переброска огромных капиталов с континента на континент стала минутным делом. Сегодня гигантские капиталы с легкостью перемещаются по всей планете, обретая, благодаря информационным сетям, невиданную мобильность. И оседают эти капиталы зачастую очень далеко от своих хозяев» [14, с. 48]. Поскольку капитал обладает реальной властью — вначале экономической, а затем и политической, — то вывоз капитала означает одновременно и экспорт политической власти. Происходит «бархатная» оккупация странами ядра стран

периферии и полупериферии, в результате чего виртуальные деньги позволяют уплывать материальным ресурсам и дешевой рабочей силе туда, куда выгодно размещать их капиталу. Этим, однако, власть экспансивного капитала не ограничивается. Подчинив себе экономикой зависимых стран, он начинает затем прибирать к рукам и политическую власть над ними с помощью насаждаемых «новых», «демократических» (якобы национальных, но на деле марионеточных) политических структур. Экономическая глобализация превращается в политическую.

Четвертый признак империализма, обозначенный В.И. Лениным как раздел и передел мира, заставляет задуматься в отношении определенных к нему поправок. Г. Зюганов, считая, что и этот признак «нисколько не утратил своего значения», склонен все же к внесению мягких коррекций к данному ленинскому тезису, поскольку «набирающая скорость глобализация всех областей человеческой деятельности <...> наложила свой неизбежный отпечаток на нынешний этап борьбы за передел поделенного» [там же, с. 55]. Этот «отпечаток» он усматривает в возникновении «однополюсного мира» после падения СССР и демонтажа восточно-европейских социалистических стран, когда «дележ» коснулся именно их, а затем подконтрольных СССР ряда периферийных стран. Этого *нового* В.И. Ленин действительно не предвидел и не мог предвидеть, хотя и не исключал, как и И.В. Сталин многим позже, возможности поражения Советской власти. Но суть дела не в этом. Главное в определении этого четвертого признака В.И. Лениным заключалось в признании им неизбежности межимпериалистической конкуренции, «драчки между империалистами» за передел мира, о чем Г. Зюганов умалчивает. Да, в начале XX века такая конкуренция между «капиталистическими акулами» была и «драчка между империалистами» состоялась (Первая и Вторая мировые войны). Однако после 1945 года при всей насыщенности последующего исторического процесса локальными войнами крупномасштабной «драчки между империалистами» не произошло. Не было мировых войн ни в период существования СССР в 1945–1991 годы, ни после его падения, ибо откровенный и наглый милитаризм уступил место «холодной войне» и экономической экспансии со стороны международной финансовой элиты договоривших-

ся между собой и противопоставивших себя всему остальному миру стран «золотого миллиарда». Поэтому важно сейчас не оглядываться бесконечно на В.И.Ленина и копаться в его работах, а с учетом проделанной империализмом эволюции, насыщенной конфликтами и междоусобицами, зафиксировать факт исторической победы тех узких интернациональных кругов *суперимпериалистов*, которые, подмяв под себя, разорив своих недругов-конкурентов и оставшись затем в меньшинстве, сочли за необходимое объединить свои усилия против всего остального, враждебного им мира.

Консенсус и согласие на суперэлитарном уровне общества пришли на смену междоусобным войнам «за передел мира» (да и делить-то стало нечего, когда почти весь глобализированный мир лежит у их ног!). Долговременны, долговечны ли они? Формально-теоретически — нет, ибо беспокойный дух капитализма взламывает всяческие долговременные союзы и договоренности, появление которых предрекал К.Каутский в своей теории «ультраимпериализма». «Не подлежит сомнению, — писал по этому поводу В.И.Ленин, — что развитие идет к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства» [37, с. 98]. «Один единственный трест» — это, конечно же, формальная возможность, ибо фактически перекрывает ее реализацию иная, более осуществимая, о которой В.И.Ленин далее писал: «Но развитие идет к этому (*установлению «одного единственного треста»*). — Е.С.) при таких противоречиях, конфликтах и политических, и национальных и пр., и пр., — что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистического» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» [там же]. Исторический опыт говорит о том, что если капитализму и суждено будет лопнуть до возникновения «одного единственного треста», то не вследствие межгосударственной или межблоковой борьбы или конкуренции, что маловероятно в *глобализированном* мире, а вследствие противоречий и конфликтов *иного* плана, возможно, — *общечеловеческого*, планетарно-масштабного, когда вопрос будет стоять: не *кто-кого*, а *быть или не быть человечеству*.

Пятый признак империализма — паразитизм и загнивание капитализма, — на первый взгляд не менее уязвим, чем предыдущий. В его адрес в настоящее время, как и в прошлом, запущено немало саркастических стрел: уж что-то долго он «загнивает»! Оспаривать этот пятый тезис можно до бесконечности, приводя множество примеров цивилизационных успехов и совершенствующегося образа жизни людей «гниющего» Запада. Равным образом немало фактических оснований для разоблачения духовной опустошенности и культа вещизма, пронизывающих этот образ жизни и демонстрирующих его пустоту и обывательский характер. Паразитизм и загнивание, при всем их различии, суть деструктивные явления, когда разрушительные силы общества направлены не на ликвидацию изживших себя, но все еще сохраняющихся в нем устоев и элементов, не на расчищение дороги новому, а на подрыв основ существования всей общественной системы (чего стоят, к примеру, известные три принципа «Бизнес, спорт и секс!»). Именно таким в глазах здоровых сил общества видится современный капитализм. Главное, что необходимо для адекватного осмысления его «паразитизма и загнивания», заключается в *факторе времени*, характеризующем эти процессы. Сам же фактор времени обусловлен той формационной особенностью, которая, согласно К.Марксу, заключается в способности капитализма перманентно производить революционные перевороты в своем техническом базисе. Именно это обстоятельство обусловило его историческую живучесть — даже в стадии загнивания. Поэтому ретивым критикам ленинизма по части известного положения об империализме как «загнивающим капитализме» можно ответить словами самого же В.И.Ленина, который, характеризуя «оболочку» этого общественного строя, писал, что она «может оставаться в гниющем состоянии *сравнительно долгое время*» [36, с. 425]. Современный глобальный капитализм напоминает безнадежно больного старика, который с помощью консилиума первоклассных и опытных врачей и новейших лекарств (спекулятивной финансовой экспансии!) еще способен на какое-то время продлевать свое исторически дряхлое существование.

Ленинская концепция империализма, при всех издержках ее деталей, предопределила теоретический образ современного глобаль-

ного капитализма, сколь бы ни обстреливали ее со всех сторон науподобное фиглярство или высокомерие резонеров от науки. Если что и не укладывается в жесткую схему «последней стадии» — а это, прежде всего, фактор исторического времени, — то оно никак не разрушает ленинской концепции: она может обогащаться, корректироваться, дополняться, но быть отброшенной как несостоятельная не может. Затянувшийся период паразитизма и гниения — лишь свидетельство парадоксальности (если не абсурдности) того положения, когда рационализм науки вынужден подчиняться иррациональным целям. И еще: диалектика всегда проводит границу между непреходящей истиной и застывшей догмой.

Современная марксистская мысль в анализе интегративных процессов в капиталистическом обществе, разумеется, не ограничивается сказанным. Это вполне объяснимо, так как в реалиях истории всегда обнаруживается нечто иное, нежели прогнозируемое, и генерализация научного знания заставляет нас по-новому осмысливать и переосмысливать те или иные теоретические положения. Кратко и акцентированно характеризует нынешнее видение марксизмом сущности процесса глобализации Г.Зюганов: «На наш взгляд, есть основания говорить о том, что империализм вступил в новую стадию — стадию глобализма. Его основные признаки можно сформулировать так:

1. Окончательное подчинение капитала производственного, промышленного капиталу финансовому, спекулятивному, ставшему самодостаточным и получившему возможность воспроизводства, минуя товарную стадию.

2. Превращение рыночных отношений в искусственно насаждаемый механизм неэквивалентного обмена — в ширму, за которой скрываются внеэкономическое принуждение, ограбление целых стран и народов.

3. Закрепление новой модели «международного разделения труда», многократно усугубляющей несправедливость, вопиющее социальное неравенство в планетарных масштабах.

4. Бурный рост влияния транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп, претендующих на неограниченные

суверенность и правосубъектность в системе международных отношений.

5. Утрата национальными правительствами контроля над процессами, происходящими в мировой экономике.

6. Ревизия основополагающих норм международного права, направленная на ликвидацию государственного суверенитета и создание структур глобальной власти, — пресловутого мирового правительства.

7. Информационно-культурная экспансия как форма агрессии и разрушения традиционных ценностей. Духовная унификация на самом низком, примитивном уровне.

8. Паразитарный характер. Основные выгоды от внедрения высоких технологий и объединения ресурсов транснациональные корпорации используют лишь в своих интересах, обрекая остальной мир на нищету и деградацию.

9. Загнивание и *качественное* (курсив мой. — *Е.С.*) торможение технического прогресса» [38].

Свои мысли автор резюмирует следующим образом: «Глобализация тормозит общественное развитие трояким способом. Во-первых, культивирует и воплощает на практике теории «пределов роста», «нулевого роста» и т.д. Конечно, для «периферии», а не для себя. Во-вторых, искусственно консервирует рыночную стихию, насильственно навязывая ее эксплуатируемым странам как средство сдерживания их развития. В-третьих, капитализм по-прежнему подчиняет производство вещей производству прибавочной стоимости и тем самым удерживает его в прежних качественных границах, то есть в рамках линейного количественного роста. А это явный тупик с точки зрения не только социальной, но и экономической» [там же].

Ленинский анализ империализма и современные комментарии к нему, конечно же, не исчерпывают всей картины научного видения творческим марксизмом капиталистической глобализации. В частности, марксистская наука не может обойти стороной мир-системного аспекта при исследовании капиталистической глобализации. И, как оказалось, в этом отношении среди ученых марксистской ориентации выявились существенные разногласия. Одни из них, прежде всего ученые правосоциалистического толка, полагают, что капитал как вся совокупность товарно-денежных отношений в ито-

ге породил такую мировую систему, в которой капитализм, будучи доминирующим ее элементом, тем не менее не означает смысла и сути самой этой системы и не может, вследствие этого, притязать на мировую экспансию в форме глобализации. Известный британский политолог И. Мессарош в одном из интервью сказал: «То, что в XX столетии система капитала не смогла реализоваться в форме своей *капиталистической* разновидности, основанной на экономическом регулировании извлечения прибавочного труда, является фактом всемирно-исторического значения. Например, сегодня примерно половина населения земли от Китая и Индии до значительных частей Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки *не принадлежит миру собственно капитализма* (курсив мой. — Е.С.). Она живет при некоторой *гибридной* разновидности системы капитала или из-за хронически слаборазвитого состояния экономики, или из-за крупномасштабного вовлечения государства в регулирование социально-экономического метаболизма, или из-за сочетания этих двух условий... Понятно: истинное значение этого всемирно-исторического факта заключается в несостоятельности капитализма навязать себя всем, несмотря на самодовольные разговоры о «глобализации» [39, с. 124].

На противоположной позиции стоят российские марксисты—ученые «логико-исторической школы» А.В.Харламенко и Е.Н.Харламенко. В отличие от И.Мессароша, полагающего, что примерно половина стран и народов земли «не принадлежит миру собственно капитализма», они утверждают, что «носителями капиталистических отношений вполне могут быть не только буржуа-предприниматели, но и идальгос-конкистадоры, помещики-крепостники, плантаторы-рабовладельцы, работорговцы и их поставщики из африканских вождей». И далее: «Это же относится к разнообразным формам «внеэкономического принуждения», которые обычно списывают на докапиталистические пережитки. На деле же они вполне органичны капитализму (именно капитализму, а не капиталу «в чистом виде»), а некоторые из этих форм принуждения, например, зависимость крестьян от землевладельцев, стали «внеэкономическими» именно при капитализме» ... И, наконец, как заключительный аккорд: «Отличие развития капитализма на периферии глобальной

системы от форм этого же развития в центрах объясняется не «отсталостью» периферии и не «деформирующим» влиянием центров на докапиталистические отношения, а различием мест этих регионов в глобальной системе. Поэтому нельзя измерять уровень капиталистического развития мерой сходства с «классическим» образцом. Степень приближенности к формам метрополии — это показатель близости к положению метрополии, а вовсе не уровень развития капитализма. Можно сказать, что экономика метрополии более развита, чем экономика колонии, с точки зрения производительных сил, но нельзя сказать, что в метрополии выше уровень развития капитализма с точки зрения производственных отношений. Производственные отношения развиваются в масштабах системы, в масштабах эйкумены; поэтому уровень развития капитализма тоже можно измерять только в масштабах системы» [16, с. 60–62]. В другой работе один из этих авторов передал смысл сказанного более лапидарным языком: «Капитализм, особенно в наше время, делится не на «цивилизованный» и «дикий», а на метропольный и зависимо-периферийный, причем они невозможны друг без друга» [40, с. 8].

В столкновении позиций полиформности капитала (И.Месса-рош) и капитализма как мир-системы (представители логико-исторической школы В.А.Вазюлина) прорисовываются те проблемные зоны процесса капиталистической глобализации, которые оказываются за пределами самих этих позиций. В самом деле, ни с той, ни с другой невозможно практически ни доказать, ни опровергнуть единственно реальной исторической возможности альтернативного капиталистического пути развития человечества. В равной мере невозможно доказать, что такая, единственно реальная, альтернатива отсутствует. Нерешаемым при этом остается главный, ранее поставленный вопрос: победит ли единственно реальная альтернатива капитализму, если таковая вообще существует, после завершения капиталистической глобализации или в самом ее процессе, не позволив ему свершиться? Трудности теоретического решения всех этих проблем и вопросов вытекают из методологических недостатков обеих позиций, ибо первая тяготеет к принципу многостороннего (разнокачественного) развития и, в известной степени, к синергетизму, а вторая — к системным представлениям, структурно-функциональ-

ному анализу. По-видимому, все эти подходы можно синтезировать в принцип диалектического единства многообразия, но как применить к анализу конкретных социальных явлений (процессов) этот абстрактно-философский принцип – задача не из легких. Таким образом, и в концептуальном, и в методологическом плане принцип многостороннего развития, как и принцип системности, не позволяют выйти на решение стратегических вопросов дальнейшего развития человеческого общества, осуществить в этом плане какие-либо научные прогнозы.

В то же время обе рассмотренные контрпозиции, каждая по-своему, допускают множество вариантов некапиталистического пути интеграции мира в целостную систему: первая – исходя из признания *гибридных* разновидностей системы капитала, многие из которых способны в определенных исторических условиях заявить о себе как об альтернативе капитализму; вторая – исходя из принципа «единства, основанного на разнообразии», из признания возможности тех модификаций капитализма, которые перманентно перерождаются в собственные противоположности и тем самым дают начало новой мир-системе. Так или иначе, но обе эти позиции, подобно некоторым другим, с неизбежностью предполагают альтернативные капиталистической глобализации пути и способы организации человеческого общества, что нашло отражение в понятии *антиглобализма*.

Антиглобализм как социально-политическое и социологическое понятие имеет, на мой взгляд, три значения. *Во-первых*, противоположный любым интеграционным процессам смысл, когда глобальному, всеобщему противопоставляется локальное, интернациональному – национальное, космополитизму – национал-патриотизм, коллективному – индивидуальное, универсальному – партикулярное, централизации – децентрализация. В этом смысле антиглобализм чаще всего интерпретируется под культурно-цивилизационным углом зрения и акцентирует момент своеобразия, специфики развития и жизнедеятельности различных регионов мира. Еще в 1957 году на международной философской конференции в Руайомоне (Франция), где речь зашла о нивелирующем характере научно-технического прогресса, большинство ученых высказались в пользу

необходимости сохранения в мире «пестрой мозаики культур» в качестве противовеса «неумолимому процессу нивелирования», то есть процессу глобализации. Известная «третья волна» О.Тоффлера также явилась своеобразной теоретической реакцией на происходящие в мире интеграционные процессы; и, следует отметить, эта концепция родилась не только из идеологических побуждений отстаивать ценности индивидуализма — она явилась отражением неизбежно сопутствующего глобализации процесса экономической и социокультурной фрагментации (индивидуализации) производительных сил и образа жизни людей лидирующих стран Запада. Чем более усиливаются в мире процессы и тенденции интеграции (глобализации, космополитизации, интернационализации), тем решительнее заявляют о себе противоположные ей процессы и тенденции дробления-локализации, фрагментации, партикуляризации, ибо именно эти противоположности придают системе общества динамическое равновесие, позволяют ей функционировать и развиваться и, наконец, несут в себе зерна грядущих качественно новых образований. Признание столь очевидной диалектики современного исторического процесса пришло почти одновременно с понятием глобализации, когда вслед за ней появилось более гибкое и диалектичное понятие «глокализация», производное от корней двух слов-антонимов — «глобализации» и «локализации». Авторство этого неологизма принадлежит Роланду Робертсону, который в ряде своих работ заявил, что «локальное и глобальное не исключают друг друга» и что «локальное следует рассматривать как аспект глобального» [цит. по: 24, с. 91]. В соответствии с таким толкованием глобализации родилась известная практико-политологическая максима: «Мыслить глобально, действовать локально». Таким образом, антиглобализм в данном случае означает всего лишь диалектически-двойственное отношение к процессу глобализации, неотделимой от своей противоположности и совместимой с ней. Умо-зрительно, абстрактно такой точки зрения придерживаются многие ученые-теоретики, представители общественных наук, главным образом — социологи и культурологи. Одни из них рассматривают глобализацию и локализацию в единой связке и отрицают глобализацию «в чистом виде» (отсюда и антиглобализм). Другие, не вникая в тонкости диалекти-

ки, полагают, что национально-культурные границы были и останутся навсегда, и, стало быть, нечего морочить головы людей изобретанием глобалистских терминов*.

Во-вторых, в качестве стратегического ориентира активной политической деятельности антиглобализм означает всякого рода противодействие капиталистической экспансии правящих держав в сферах мировой экономики, социальной и культурной жизни наций, образа жизни и межгосударственных отношений. Антиглобализм этого рода имеет под собой наиболее массовую социальную базу в лице представителей различных классов и слоев стран периферии и полупериферии, а также определенных слоев стран «золотого миллиарда». Большинство этих представителей выступает прежде всего против *капиталистической* глобализации, чаще всего не задумываясь над тем, существуют и могут ли существовать иные, некапиталистические формы общественной интеграции. Под знаменами антиглобализма сегодня оказываются и правые и левые, и националисты и интернационалисты, и представители богатых классов, национальной элиты и неимущие бедняки, изгои. При широком спектре побудительных мотивов и политических установок антиглобалистские движения имеют размытый, деконцентрированный характер: их участников скорее объединяет неприятие империалистической экспансии, но только не общность конструктивных планов и программ. Иными словами, они четко знают *против* кого и чего восстают, но нечетко себе представляют или вообще не представляют *за что* борются (если это «за что» не является обычной тавтологией «против чего»). В первую очередь это касается люмпенизированной молодежи, анархически настроенного студенчества, громящих «макдональдсы» и шопы, беспрограммных объединений «зеленых», нигилистически ориентированных ультраправых нацио-

* Дж.Фридман, скептически встретивший «новый мировой беспорядок» в лице глобализации, к примеру, писал, что в нашем глобализирующемся мире «если чего и не происходит, так это исчезновения границ; напротив, они, похоже, возводятся на каждом углу и в каждом квартале исчезающего в нашем мире единого жизненного пространства» [цит. по: 41, с. 191].

нал-патриотов, а также некоторых представителей трудящихся классов, мелких собственников. На языке классического марксизма антиглобализм такого рода является той разрушительной социальной стихией, которая либо порождает в конечном счете здоровые силы революционного обновления общества, либо, чаще всего, самоистощается в реакционных и бесперспективных действиях. Вследствие всего этого то, *против* чего борются антиглобалисты, часто оказывается фикцией, а то, *за что* они борются, — перевернутым в своем значении *против*, то есть, как это ни парадоксально, они борются против того, что тут же реабилитируют и восстанавливают. Так, учрежденная МОТ Всемирная комиссия по социальному измерению глобализации в составленном ею Докладе в мае 2004 года сетует на то, что «большинство людей во всем мире... остаются исключенными из непосредственного участия в рынках и глобализации на справедливой и равной основе», что они не обладают «возможностями и активами, необходимыми для вступления в производительные экономические сделки», что «выгоды глобализации неравноценно распределены и в пределах стран и между странами» [цит. по: 42]. Все было бы так, если бы капитализм допускал саму возможность участия бедных в дележе прибылей от ТНК. Но капитализм потому и капитализм, что он исключает такую возможность, ибо, как уже было отмечено, зиждется на неравенстве стран и народов, на существовании имущих и неимущих, бедных и богатых. Требовать от него иного — «добра» и «справедливости» — это все равно, что требовать от волка прекратить поедание овец и заставлять его щипать травку. Доклад комиссии выглядит попрошайничеством, а не подлинной антиглобалистской акцией.

В-третьих, антиглобализм как теория и практика активной борьбы с капиталистической глобализацией означает противопоставление империалистической экспансии тех принципиально отличающихся от нее форм и способов организации общества, которые, по мнению их инициаторов, способны стать реальной альтернативой капиталистической глобализации. Эту разновидность антиглобализма можно назвать *контрглобализмом*. Контрглобализм — конструктивная или, по меньшей мере, притязающая на конструктивную роль форма антиглобализма. Понятие контрглобализма встречается го-

раздо реже, чем иное, близкое к нему понятие – *альтерглобализм*. Думается, что А.Бузгалин прав, когда в логической субординации этих понятий отводит подчиненное место *альтерглобализму* как разновидности *контрглобализма*, в свою очередь являющегося одной из форм *антиглобализма*. Другая разновидность контрглобализма – *изоляциялизм*, попытки «ухода от глобализации, стремление замкнуться на «своих» национально-государственных ценностях» [43, с. 15]. Что касается *альтерглобализма*, то он представляет собой конструктивную альтернативу капиталистической глобализации, *иную* форму общемировой интеграции. Неслучайно общим для *альтерглобалистов* лозунгом является: «Мир – не товар. Иной мир возможен». Этот «иной мир» мыслится различными группировками и сообществами *альтерглобалистов* по-разному. Одни противопоставляют глобальному капитализму интеграцию стран и народов на принципиально иной социально-экономической и политической основе – на основе социалистического (коммунистического) мироустройства, другие – реанимированные и модернизированные остатки аграрно-общинных образований, третьи – не вполне прояснившуюся теоретическую модель посткапитализма (постэкономизма). При всем своем многообразии *альтерглобализм* обладает общим стержнем позитивного плана – ориентацией на общечеловеческую перспективу и социальный прогресс, устремленностью в будущее, в отличие от *изоляциялизма*, который в идейном отношении более размыт и неоднороден, поскольку его сторонники либо ориентируются на ретроспективу, занимают реакционные, регрессивные позиции, либо не совсем убедительно декларируют ценности и жизнеспособность обновленного национал-патриотизма (национальной государственности), явно преувеличивая возможности политики государственного протекционизма.

Антиглобализм, и прежде всего составляющие его контрглобализм и в частности *альтерглобализм*, сочетает антикапиталистическую хозяйственную практику лишенных частной собственности людей труда («глобализацию снизу») и крупномасштабные антиглобалистские политические акции. Традиционно существующий или, по меньшей мере, продекларированный «пролетарский интернационализм» в ходе своего развития претерпел ряд трансформаций: во-

первых, его политическая и социальная конфронтационность (опозиционность) дополнилась и частично оказалась размытой целым рядом модификаций положительных приобретений капиталистического способа производства и буржуазной цивилизации и, во-вторых, в его теорию и практику все более настоятельно входит сегодня альтернативная производственно-экономическая деятельность рабочих корпораций (то, чего раньше не было и что исключалось ортодоксальным марксизмом).

Что касается первого из отмеченных моментов, то конец XX и начало XXI веков являются периодом политически насыщенных антиглобалистских акций, объединивших под свои знамена профсоюзы и экологические организации, американские политические партии и женщин-крестьянок «третьего мира», альянсы из представителей стран «Большой семерки» и представителей стран «третьего мира» [44, с. 10–11]. События в Сиэтле (США, штат Вашингтон) в декабре 1999 года, когда число антиглобалистов составило около 50 тысяч и когда фактически были сорваны планы ВТО и неолибералов осуществить свой диктат в отношении установления «новых правил торговли», задали мощный импульс всем последующим антиглобалистским акциям (блокирование проведения встречи МВФ/ВБ в Вашингтоне 16–17 апреля 2000 года, блокирование конференции в Праге и т.д.). Превентивными мерами антиглобалистского характера стали четыре форума представителей Межпарламентской Ассамблеи. Элитный британский еженедельник «Экономист» так прокомментировал некоторые из этих событий: «Сражение в Сиэтле – лишь последняя, самая заметная победа в ряду недавних побед НПО (неправительственных организаций. – *Е.С.*). Переломной была конференция в Рио-де-Жанейро в 1992 году («Саммит Земли»). В 1994 году юбилейная конференция Всемирного банка прошла под знаком кампании протеста под лозунгом «Пятидесяти лет уже достаточно!», и это заставило Банк заново пересмотреть свои цели и методы. В 1998 году сформировавшаяся специально для этой цели коалиция активистов-защитников прав потребителей и экологистов способствовала тому, чтобы «пото-пить» Многостороннее соглашение по инвестициям (МАИ) – проект договора по гармонизации норм, регулирующих иностранные инвестиции, под эги-

дой Организации экономического сотрудничества и развития» [45]. Характерно, что авторы этого комментария в качестве одной из причин организованности и оперативности действий антиглобалистов считают появление мобильной связи и электронной почты («Теперь информация может распространяться быстро, в интерактивном режиме»). Наконец, характеризуя программы и деятельность штабов антиглобализма, необходимо отметить основательность пронизывающей всю его практику методологии, концептуальную чувствительность на всякого рода опасности слева и справа. В Заключительной Декларации четвертого Всемирного парламентского форума подчеркивается: «...Мы осознаем потребность в оппозиции не только правительствам, но также и силам фундаментализма, мракобесия и сектанства, которые разрушают единство людей. Мы осуждаем все формы терроризма, включая индивидуальный и государственный терроризм» [46].

В отношении второго момента – появления в практике интернациональной солидарности людей труда альтернативной производственно-экономической их деятельности, рабочих корпораций – можно ограничиться констатацией того, что речь идет о коллективной, в зародыше общественной собственности, казалось бы, подчиненной частнособственническому (товарно-денежному) алгоритму их функционирования и одновременно выходящей из подчинения ему. Многолетний и в целом успешный опыт деятельности предприятий «Мондрагонской группы» (с 1956 года по настоящее время; Испания, Баскская область); рабочих корпораций в США (с 1971 года по настоящее время), входящих в систему ESOP и охватывающих более 11 тысяч фирм; рабочих групп ряда ведущих европейских стран (Англия, Франция, Германия), действующих по принципу «экономики участия» и т.д., свидетельствует о нарастающем дисбалансе между трудом и капиталом в пользу первого, о кардинальных изменениях в структуре мотивов экономической деятельности, о фактическом упразднении рынка труда в пределах коллективной собственности и, главное, о неделимости этой собственности и переориентации ее субъекта с императива роста (обогащения, накопления) на императив потребления и творчества. Микроуровень отношений общественной собственности (рабочие корпорации) еще

не позволяет судить об их социалистическом характере, но глобализация «снизу», перерастая этот уровень и возвышаясь до интернационального, не исключено, способна вызвать переворот во всей системе социально-экономических отношений на их макроуровне. Альтерглобализм такого порядка заслуживает самого пристального внимания.

Глубже и основательнее других сторонников альтерглобализации взрывают почву общественной науки, на мой взгляд, те представители творческого марксизма, которые в соответствии с *аутентичной* марксистской методологией (да, аутентичной, изначально определенной классиками марксизма, хотя этот термин многим не нравится), все более обогащаемой нынешним уровнем развития общественных наук, реалистически, беспристрастно оценивают процесс становления социализма в диалектической его связи с историческим развитием капиталистического способа производства. Они прекрасно понимают, что капиталистический прогресс является фактором приближения социализма и что, в связи с этим, попытки притормозить или опрокинуть его являются реакционными, не приемлемыми для них мерами (здесь необходимо обратить внимание читателей на приведенную выше цитату из письма В.И.Ленина М.Горькому). Одновременно они понимают и другое: сам этот прогресс возможен через столкновение антагонистических сил капитализма — труда и капитала, то есть через борьбу в различных ее формах между имущими и неимущими и зависимыми нациями (странами), а также через войны и конкуренцию. Результаты этой борьбы — выход из кризиса или усиление кризиса капитализма без обнадеживающих для него перспектив — является итоговым показателем степени его жизнеспособности. Нельзя искусственными мерами, залихватскими атаками одержать победу над капиталом и заложить сколь-нибудь прочный фундамент социализма, пока капитализм не обнаружит хронических сбоев в своем функционировании, пока он не исчерпает своего исторического ресурса. Требовать «упразднения» или «уничтожения» капитализма при таких условиях значит обнаруживать утопизм и реакционность. В то же время априори полагать капитализм все еще пребывающим в фазе выполнения своей прогрессивной исторической миссии означает становиться на путь

беспросветного соглашательства и фатализма. Тонкость диалектического подхода к диагностике состояния капиталистического способа производства состоит в нахождении адекватной сложившейся в обществе ситуации *меры протестного действия*, что, конечно же, зависит от всестороннего научного осмысления этой ситуации, и если такая мера не учтена, то даже в случае революционной победы над капиталом происходит «возвращение» к нему, как свидетельствует исторический опыт. В нынешних глобальных международных условиях такая ситуация не в последнюю очередь определяется содержанием, направленностью и степенью капиталистической глобализации человечества.

В свете всего сказанного предстоит ответить на главный, мучительный для ученых марксистской ориентации ранее поставленный вопрос: победит ли социалистическая альтернатива в *самом процессе* капиталистической глобализации или она станет возможной *после его полного завершения*? Диалектический метод мышления именно так обязывает поставить этот главный вопрос, ибо в соответствии с его постулатами «все существующее смерти достойно» и «высшая точка развития означает начало падения» (сродни банальным истинам «ничто в мире не вечно» и «все течет, все изменяется») любой общественный строй, сколь бы долговечен он ни был, проходит стадии становления, подъема, расцвета (возможно, самая устойчивая фаза) и неизбежного упадка и гибели. Каждый из нас знает, что он неизбежно состарится и когда-нибудь умрет. Но если это очевидно по отношению к конкретному человеку, то не всегда очевидно по отношению к историческим формам бытия человечества, ибо приверженцы каждой из этих форм идеологически не приемлют идеи неизбежного конца. Далее. Неотвратимость индивидуальной смерти – лишь общая закономерность, предписанная всему живущему. Но эта общая закономерность облекается туманом тогда, когда возникает вопрос, в каком конкретном возрасте умрет своей «естественной смертью» тот или иной человек: в 50, 80 или в 100 лет? Прогнозы в данном случае могут основываться на конкретных медико-биологических, генетических, экологических и социально-статусных знаниях и имеют статистически усредненный характер. Еще большую сложность обретают прогнозы тогда, когда речь заходит об

исторических сроках существования тех или иных конкретных государств, обществ, формаций. Дедукция, столь успешно работающая на уровне *общих* прогнозов, здесь уступает место индуктивному методу, предопределяя при этом генеральное направление поиска фактов и способы их осмысления.

Каковы же возможности дедукции в решении вопроса о путях и перипетиях современного глобализационного процесса? Может ли появиться социализм на земном шаре прежде, чем исчезнет капитализм, или он появится после капиталистической глобализации? Закон перехода количественных изменений в качественные, а в более точной формулировке — закон взаимного перехода количественных изменений в качественные, — говорит о том, что процесс развития (процесс изменений) представляет собой бесконечную череду переходов от одних качественных состояний к другим и что механизм таких переходов является накопление в недрах прежнего качества количества новых, появившихся элементов (признаков), которые по достижении меры «терпимости» к ним со стороны старого качества производят эффект «скачка» — переход к новому качественному состоянию. Обычно содержание этого закона ограничивалось сказанным. Но суть закона взаимного перехода количественных изменений в качественные означает нечто большее. Возникшее в результате «скачка» новое качество, чтобы стать устойчивым и основательным, должно «перейти в количество», то есть достигнуть того уровня, при котором оно обретает эти свои важнейшие свойства. Происходит своеобразная экспансия качества на те территории, области и ниши, которые оно способно подчинить себе и довести тем самым самое себя до уровня полноты и совершенства. Лишь достигнув этого уровня (экстенсивной фазы развития), временно притихшие и замершие в этом качестве его инородные элементы приходят в активное движение и совершают подрыв прежнего качественного состояния. Фрагмент этого закона — «переход качества в количество» — содержательно напоминает положение К.Маркса о необходимости самоисчерпания способа производства в качестве необходимой предпосылки нового. Доктор философии Элизабет Боуман (США), очевидно, имея в виду этот фрагмент применительно к современным интеграционным процессам, в одной

из своих работ осторожно замечает: «Если мы обратимся к дальнейшей перспективе, то тут, возможно, был прав Маркс, сказав, что ни один способ производства не уступает места своему преемнику до тех пор, пока не реализован полностью весь его потенциал. Транснациональные компании (ТНК) распространяются по всему свету, залезая в каждую щель, в каждый уголок. Может быть, капитализм действительно должен стать глобальным, прежде чем он исчерпает себя и уступит дорогу социализму?» [47, с. 63].

Дедуктивный метод анализа современного глобализационного процесса предрасполагает, таким образом, к выводу о необходимости «доведения до конца» капиталистической глобализации в качестве неперемного условия перехода к коммунистическому («пост-экономическому») способу производства. Трудно судить о строгости дедуктивистского прогноза, но вероятность его не исключена. Не исключена хотя бы потому, что целый ряд иных аргументов отнюдь не дедуктивного, а индуктивного и эмпирического свойства свидетельствуют о том, как в процессе успешно претворяемой капиталистической глобализации рельефно и однозначно вырисовываются контуры ее антиподов — грядущих «могильщиков капитализма». Это и исчезновение национальных государств, оплота буржуазного порядка (безгосударственность); это и виртуализация экономики, силовыми, политическими мерами искусственно поддерживаемый курс доллара; это и «социальное исключение» из мирового сообщества целых стран и народов вследствие резкого падения производства в условиях громадного накопления денежных масс (их распределения и перераспределения). Если производство и занятость еще существуют, то благодаря неосвоенным ресурсам и дешевой рабочей силе в слаборазвитых странах, на краю эйкумены, которые капиталистическая глобализация постепенно прибирает к рукам, приближая тем самым собственный конец. Михаэль Савас, анализируя эти сопутствующие капиталистической глобализации явления, уверенно прогнозирует: «Ликвидация капиталистического национального государства внутри мировой капиталистической системы национальных государств представляет простую фазу перехода к новой форме общества — мировому коммунизму... Как докажет

история, глобализация будет повивальной бабкой Мирового Социализма XXI века!» [33, с. 15–16].

Дедуктивистским, формально-логическим обоснованиям необходимости, или неизбежности полного самоисчерпания капитализма посредством его экспансии противостоит индуктивный, историко-эмпирический анализ процесса капиталистической глобализации. Факт появления в его системе раннесоциалистических стран, а затем и попытки выхода за пределы этой системы (Варшавский договор), как и продолжающие свое существование «островки социализма», ставят под сомнение дедуктивный прогноз *полной* капиталистической глобализации или, по крайней мере, дают основание для внесения в него определенных поправок или оговорок. В этом плане, на мой взгляд, заслуживают особого внимания положения и аргументы в их пользу, высказанные ранее упоминавшимися авторами Е.Н.Харламенко и А.В.Харламенко в их довольно интересной статье «Многополюсный мир» или империалистическая глобализация: реальна ли альтернатива?» [48]. В несколько пространном пересказе их положения и аргументы заключаются в следующем.

После контрреволюции в большинстве раннесоциалистических стран на мировой арене не осталось реальной силы, способной противостоять транснациональному капиталу, и создать ее в национальных масштабах не представляется возможным. Исключения из этого правила мыслимы лишь в одном случае — когда *региональное противодействие «однополюсности» совпадает с классовым*. Если бы Китаю удалось сохранить социалистическую направленность развития, он мог бы в исторически короткие сроки вырасти до экономической и военной «сверхдержавы», так как под эту роль был бы подведен базис, качественно отличный от глобализирующегося монополистического капитализма. Тогда мир принял бы не «многополюсный», а двупольный вид. Вокруг социалистического полюса могли бы объединиться географически и социально близкие ему КНДР, Вьетнам, Лаос и, возможно, Монголия. Надежным союзником новой социалистической сверхдержавы стала бы далекая от него Куба. Вокруг нового социалистического блока мог бы сложиться пояс дружественных стран, что помогло бы им избежать поглощения капиталистической глобализацией (важнейшее место среди них

могла бы занять Россия). Судя по всему, рассуждают далее авторы, в Вашингтоне и в штаб-квартире транснациональных банков разглядели эту единственную серьезную угрозу своим притязаниям, почему и последовала финансовая бомбардировка Юаня — ответный удар на возвращение КНР Сянган — с целью дестабилизировать китайскую экономику. Бомбардировка не возымела успеха: китайская экономика выстояла, ибо она не была привязана к транснациональной финансовой системе подобно восточноазиатским «драконам». Однополюсная система мира зашаталась, особенно после уничтожения в китайском воздушном пространстве американского самолета и вызывающего визита на Кубу Цзян Цземиня по случаю 40-летия разгрома американских войск на Плайя-Хирон.

Конечно же, продолжают авторы, США и ТНК стремятся, чтобы КНР постигла участь Советского Союза — внутреннее капиталистическое перерождение, катализируемое массивным давлением извне. Такие расчеты не лишены оснований. Они опираются на высокий уровень глобального обобществления капитала, развитие капиталистического уклада в самой экономике Китая, наличие сильного китайского капитала за границами КНР, гораздо больший, чем во время СССР, разрыв между империализмом и ранним социализмом. Как показал исторический опыт СССР, бремя «второго полюса» непомерно тяжело, и не удивительно, что правящие круги КНР изо всех сил стремятся его избежать. Политика лавирования между Сциллой контрреволюции и Харибдой непосильного противостояния может в определенный момент оказаться не менее опасной — это тоже один из уроков СССР. Не повторит ли «новый курс» в Китае нашей отечественной «перестройки»? По мнению авторов, есть ряд факторов, противодействующих такой возможности. Это прежде всего — тяжелейшие для народных масс последствия неолиберальной глобализации, фактически равнозначные геноциду и неизбежно вызывающие отпор везде, где нет иллюзий скорого приобщения к «обществу выбрасывания». А в азиатских странах, в отличие от СССР и особенно Центральной Европы, такие иллюзии вряд ли возможны в силу социальной памяти о колониализме и недавних американских интервенциях, а также слабости так называемых демократических традиций. По всем этим причинам во времена «де-

мократической» эйфории 1980-х–1990-х годов в Восточной Азии не получилось «бархатных революций»; теперь же печальный пример СССР стал дополнительным фактором антиимпериалистического воспитания и народных масс, и значительной части верхов.

Поскольку ставка на внутреннее перерождение КНР все более сомнительна, остается единственный способ – агрессия, провоцирование войны. Но, опять же, как показывает исторический опыт, США, привыкшие таскать каштаны из огня чужими руками, в подобных случаях делают ставку на «стратегическое партнерство». В качестве стратегических партнеров в предполагаемой войне против возвышающегося Китая администрация Буша видит не только Индию и некоторые среднеазиатские страны (Узбекистан и Таджикистан), но и Россию в лице ассимилированных Западом «новых русских». Таким образом, умозаключают авторы, налицо предпосылки большой «субимпериалистической» войны, которая по разрушительности и числу жертв может приблизиться к двум мировым войнам, если не превзойти их. В свое время Ф.Энгельс с полным основанием опасался повторения Тридцатилетней войны в более страшном виде в Европе XX века. Европу и мир от такой перспективы спасли ранне-социалистические революции, прервавшие перманентные мировые войны. После их поражения та же опасность стала грозить Евразии XXI века. Если социализм в Восточной Азии все же падет жертвой капиталистического перерождения, человечество ожидает тягостный период глобальной реакции. Ранний социализм на какое-то время уйдет не только с европейской, но и мировой арены. Глобализация получит дополнительный импульс и сделает мир фактически *бесплодным*, хотя вначале, вероятно, при *видимости* американской гегемонии. Но этот мир неограниченного господства транснационального капитала будет не «концом истории», а ареной ускоренного созревания предпосылок ее качественно нового этапа. Понятно, что таковым представляется мир социализма [48, с. 30–32].

Привлекательна и другая версия альтерглобализма. Обобщая высказывания и смысл конкретных действий (достижений) ее сторонников, Александр Казинцев в весьма интересной по своей поисково-конструктивной направленности статье «Симулякр, или Стекольное царство» [49] проводит мысль о том, что стимулируемая

либералистской идеологией и практикой социальная активность современных простолюдинов начинает работать в сторону, противоположную буржуазным ценностям и бизнесовым расчетам, — в сторону социализма. Если погубившей ранний социализм причиной был патернализм в качестве изнанки тоталитарного начала («культ личности»), то в современном мире эта причина отходит на задний план, уступая место личностной инициативе и самостоятельности, этого невольного детища либерального капитализма. Отсюда — «инициатива снизу», «глобализация снизу», региональное самоуправление и оппозиционная буржуазному режиму «социальная демократия». Автор приводит множество примеров из опыта и практики альтерглобалистского движения в латиноамериканских и южноамериканских странах (в частности, лозунг «Um outro mundo e possível — «Иной мир возможен» — родился именно здесь, в бразильском городе Порту Алегри), а также альтерглобалистских движений в странах Европы (Франции, Италии, Германии) и Северной Америки (Канады), отмечая не только массовость этих движений, но и их конкретные достижения: «открытый бюджет» в Бразилии, самоуправляющиеся общины и рабочие корпорации в ряде американских стран, в том числе и в США, а также многочисленные созданные профсоюзами кооперативы и коллективы с неделимой групповой собственностью*.

Названные и многие другие примеры еще не являются прямым свидетельством возникновения «островков социализма», ибо все эти кооперативы и рабочие корпорации подчиняются, в конечном счете, правилам рыночной игры. Но не идет ли при этом интенсивный процесс «количественных» накоплений, чреватый «качественным» скачком!? Вполне вероятен и такой ход событий. Поэтому заключительные слова статьи А.Казинцева заставляют призадуматься и над этой версией: «В отличие от утопий, деспотически определивших

* В одной только Бразилии такие кооперативы в последние годы вырабатывают продукции на 12 млрд долларов. В Германии Центральный КООП стал второй по величине торговой группой. В США действуют 30 тыс. кооперативов и еще 10 тыс. фирм, чьи акции выкуплены работниками (только на этих последних трудятся 12 млн рабочих — больше, чем охвачено профсоюзами в частном секторе) [49, с. 39].

течение минувшего века, «другой мир» не выдуман из головы. Он прорастает сквозь старый, доставшийся от прошлого. Нет смысла гадать, каким он будет, — достаточно пристально взглянуть в явления на границах западной цивилизации» [49, с. 40].

Приведенные варианты развития глобализационных событий, разумеется, не исключают других, но каковыми бы они ни были, альтерглобалистские концепции сходятся в главном — в предрекаемом капитализму конце его истории и неизбежности появления иных общественно-исторических форм существования человечества.

2.3. Эсхатология экологического кризиса

Экономическая активность стран и народов мира, принявшая взрывной характер после первой и второй промышленных революций, вследствие все более очевидного повышения масштабов вмешательства человечества в природный мир и его естественные циклы, вызвала планетарный экологический кризис. Анализируя этот кризис и прогнозируя его возможные последствия, ученые, при всей обнаженности и очевидности детерминирующих его антропогенных, техногенных и социогенных факторов, к сожалению, далеко не всегда обращают внимание на два сокрывшихся от привычного внимания момента.

Во-первых, *непредсказуемость системного эффекта экологической катастрофы*. Она может произойти совершенно непредвиденным и необъяснимым образом, подобно тому как совсем недавно, во второй половине 90-х годов прошлого столетия, большая часть малолетних блондинов ряда областей западных областей Украины вдруг неожиданно и катастрофически начала лысеть, в августе–сентябре 2004 года в Запорожской области произошло массовое заболевание аллергией (даже со смертельным исходом), что по мнению врачей-аллергологов было вызвано отнюдь не привычной для всех амброзией, а таинственным сочетанием «обычный смог + неизвестный ингредиент», а в 2005 году в г. Червонозаводском Полтавской области у малолетних детей из организма интенсивно начал выделяться ацетон, что дало основание врачам области назвать новое и необъяснимое заболевание «ацетонурией». Непредсказуемым является эффект

«Энниньо» (необычная слагаемая региональных потеплений земли, воды, воздушного пространства) — разрушительное буйство стихий со штормовыми дождями, шквалами, ветрами, смерчами, селевыми потоками и наводнениями, учащающееся год от года и возрастающее по своей мощи и силе. Кто из ученых США мог предсказать разрушительный и убийственный эффект «Катрины» и «Риты» в сентябре 2005 года? От пугающих абстракций-страшилок типа «потепление атмосферы» природа перешла к разрушительным действиям, стирая с лица земли целые города и предавая смерти их население. Американский журналист Дж.Рифкин в английском «The Gardian» пишет: «Все больше людей задается вопросом: что же творится с климатом, и весь официальный Вашингтон словно в рот воды набрал, чтобы, не дай Бог, не выдать неприглядную тайну: «Катрина» и «Рита» — это счет, который предъявила нам планета за рост выбросов углекислого газа и глобальное потепление. Ученые уже много лет предостерегают нас об этом. Они говорили: следите за Карибским бассейном — именно там драматические последствия климатических изменений скорее всего обернутся более мощными, а то и катастрофическими ураганами» [50]. Опустошительные ураганы, ударившие по мощной цитадели человеческой цивилизации, — это уже не «звоночек», а громыхание набатного колокола, возвещающее человечество о непосредственно нависшей над ним эсхатологической угрозе.

Атмосфера, вода, земля (а, стало быть, и пища) с каждым годом неведомыми нам путями и способами присовокупляют к уже существующим разнородным химическим соединением такие неизвестные нам вещества в никем не просчитанных комбинациях, что массовый летальный исход контактирующих с ними людей вполне может стать вероятным *в любую минуту*. Наверное, биологи обратили внимание на то, что природа утратила способность биоценозной саморегуляции: в лесах обильно начали расти ядовитые сорные растения, исчезли редкие породы трав, изменилась речная микрофлора, а заодно в реках исчезли чистоводные рыбы — пескари, маринки, верховодки. Экологический кризис, усиливаясь и усугубляясь, способен вызвать эффект самораспада (автодеструкции) окружаю-

щей жизненной среды человечества: непростительно и преступно забывать здесь о закономерном характере диалектического скачка, когда *медленные, постепенные* и *незаметные* количественные изменения вызывают *мгновенный* или относительно кратковременный переход в новое качественное состояние (в нашем случае — увы — ведут к смерти всего живущего).

Во-вторых, *существование предела перегруза экосистемы, необратимости возникших в ней деструктивных процессов*. Речь идет о том, что при достижении определенного уровня перегруза, даже если этот уровень удастся законсервировать и начнутся активные реабилитационные процессы, будет поздно приостановить деградацию и распад экосистемы: выпущенный из бутылки джин продолжит свою разрушительную работу, пресечь которую человечество уже не сможет, даже при всех предпринимаемых радикальных мерах. В этом плане следует прислушаться к утверждению Э.Гиденса: «Долговременный, *необратимый* (курсив мой. — *Е.С.*) ущерб окружающей среде уже мог быть нанесен, — и возможно, мы просто не ощущаем его видимых последствий» [51, с. 118]. Пока еще природа *сопротивляется* этому разрушению, *противодействует* ему, но близится конец ее витальному потенциалу и, как в случае тяжелого заболевания организма, никакие радикальные меры не смогут излечить ее или хотя бы купировать разрушительные процессы в ней. В последние годы биологи с тревогой пишут о мутациях в генах многих видов растений как о свершившемся факте (что же тогда говорить об аналогичных мутациях в генах животных и человека!). Мы уже сейчас переживаем время, когда *экологический* кризис превращается в кризис *биологический* (его еще можно назвать *витальным* — кризисом всего живого на земном шаре). О первом написаны горы литературы и приведены ужасающие факты деградации природной среды — от потепления атмосферы, загрязнения водных и воздушных пространств до нарушения термальных циклов и появления «магнитного смога». О втором только начинают с тревогой писать и говорить журналисты, медики и политики, все более понимая, что утешительная концепция линейной, градуированной во времени и пространстве, кумуляции экологического кризиса как просчитываемо-

го и измеряемого явления должна уступить место концепции неопределенности и внезапности глобальной катастрофы.

О том, что современный рынок приобретает «рисковый» и «проблемный» характер, с беспокойством пишет У.Бек [24, с. 250–251], делая акцент на «модифицированной методами генной инженерии пище» [52, с. 27]. Описываемые им апокалиптические картины не могут не ужасать: «Безобидные продукты – вино, чай, лапша и т.д. – оказываются опасными. Удобрения оборачиваются ядами продолжительного действия с далеко идущими последствиями. Хваленые некогда источники богатства (атом, химия, генная технология) превращаются в источники непредсказуемых опасностей... Разрушение природы происходит уже не в недоступной собственному опыту людей сфере химических, физических и биологических цепей вредного воздействия, а прямо-таки бросается в глаза, бьет в нос и лезет в уши. Вот только самые очевидные феномены: стремительно прогрессирующее умирание лесов, покрытые грязной пеной внутренние водоемы и моря, измазанные нефтью трупы животных, смог, эрозия зданий и памятников искусства, вызванная действием вредных веществ, цепь аварий с выбросом ядов, скандалы и катастрофы, связанные с ядовитыми веществами, и сообщения средств массовой информации об этом. Колонки цифр при подсчетах содержания вредных и ядовитых веществ в продуктах питания и предметах обихода становятся все длиннее» [53, с. 62, 66]. Поразительными в этом перечне экологических бед являются не побочные, ненамеренно производимые эффекты и издержки мировой технической цивилизации, а нечто иное – то, о чем речь пойдет ниже, – *сознательно* и *намеренно* вносимые во *внутреннюю* экологию людей (самими людьми!) заведомо вредные, деструктивные эффекты. Суммарный эффект, то есть самоистребление человечества, представляет собой прежде всего действие ставших привычными и производимых в громаднейших количествах вредных веществ, добавляемых в естественную пищу человека с исключительно *экономической* целью. Сегодня мы едим вместо *нормальной человеческой пищи* ее *вредные суррогаты*, а так называемый «экологически чистый продукт» – всего лишь утешительный миф для состоятельных

граждан. Итак, что же мы едим? Сгустители, смесители, уплотнители, наполнители, растворители, эмульгаторы, консерванты, заменители, красители, ароматизаторы, белковые добавки — пестрый букет, насчитывающий по неполным и скромным подсчетам европейских биохимиков от 35 до 40 вредоносных веществ. И каждый из этих «ингредиентов» способен внести такой сумбур и дисгармонию в физиологию человеческого организма, что бедному homo sapiens придется предельно напрягаться, чтобы выжить в новых для него условиях *внутренней* экологии. Что касается «экологически чистого продукта», не запятнанного никакими химическими добавками, то с этой иллюзией следует расстаться. Вот одно из сообщений печати: «Генетически модифицированные растения вызывают необратимые изменения в природе. К такому сенсационному выводу пришли американские ученые. По их мнению, больше половины продуктов питания уже содержат измененные цепочки ДНК: модифицированные гены путем опыления или через еду проникают в живые организмы, вызывая мутации. Поэтому через несколько лет нормальных, немодифицированных животных и растений просто не останется» [54].

Чтобы излечить болезнь, нужно знать ее истинные причины. Чтобы предотвратить надвигающуюся экологическую катастрофу, нужно также знать ее основную, главную причину. Но если в случае медицины постановка правильного диагноза связана с чисто техническими, объективными этимологическими факторами и совершенно не связана с симпатиями или антипатиями врача к пациенту, то в случае экологического кризиса такими факторами являются идеологические, социально-политические пристрастия людей, крайне усложняющие адекватную постановку диагноза. И тем не менее попытки такой постановки все время предпринимаются, как и попытки соответствующего «лечения». Первой из них была парадигма *пределов роста* (*пределов росту*, по другой редакции), у истоков которой стоял Римский клуб во главе с Аурелио Печчеи, и привлеченные к его деятельности ученые Дж.-У.Форрестер, Д.Х.Мидоуз, Д.П.Мидоуз, Й.Рандерс [55, с. 114–133; 56, с. 120]. Исходя из этой самоговорящей парадигмы, ученые и политики-экологи со време-

нем пришли к выводу о необходимости *устойчивого развития* (sustainable development)*. Согласно этой концепции преодоление экологического кризиса возможно лишь на путях радикального *изменения ценностного сознания*, отказа от близорукого, эгоцентричного поведения, осознания грозящих всем опасностей как собственного интереса [56, с. 44]. Устойчивое развитие предполагает: смену нынешних технологий более чистыми и лишь энерго- и ресурсоемкими; постепенную замену невозобновляемого сырья возобновляемым (регенеративным); снижение темпов прироста численности человечества; увеличение производительности труда; смещение центра тяжести от частных (в основном эгоистических) интересов к общественным [58, с. 6].

Мондиалистская концепция устойчивого развития как конгломерация технологического детерминизма, смягченного модернизированного социал-дарвинизма и этической утопии в плане ее практической реализации оказалась обычным в таких случаях паллиативом. Полумеры способствовали экологическому «очищению» природы и климата стран-лидеров, но фактически не только не коснулись решения экопроблем стран периферии, но и усугубили их. К тому же известная открытость и принципиальная нерезервацируемость глобального географического пространства стали для мировой элиты непреодолимым препятствием на пути к «очищению» подобного рода. Многие здравомыслящие политики и ученые начала 1990-х годов, понимая все это, осторожно и вместе с тем все более настойчиво стали поговаривать о «социалистической альтернативе» как радикальном способе преодоления глобального экологического кризиса.

Пожалуй, впервые *концепция социально-экономической альтернативы* была открыто и решительно озвучена на известной Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию под названием «Повестка дня на XXI век» в 1992 году в Рио-де-Жанейро,

* Комментируя это определение, Александр Вебер пишет о том, что русский перевод («устойчивое развитие») не передает адекватно смысл исходного английского термина, означающего «развитие, которое может поддерживаться неопределенно долгое время» или как «постоянно поддерживаемое», «допустимое», «сбалансированное» или «приемлемое» развитие [57, с. 42].

когда в итоговой речи ее Генеральный секретарь Морис Стронг заявил: «Модель развития, используемая богатыми странами, исчерпала себя, и ее повторение может привести нашу цивилизацию к краху» [цит. по: 59, с. 26]. Хотя на этой конференции прозвучали две концептуально противоборствующие позиции — доктрина «устойчивого развития» и позиция «социалистической альтернативы» (или «новых ценностей»), большинство участников проголосовало за последнюю [там же]. Со временем это противоборство привело к тому, что под ударами веских аргументов противной стороны приверженцы доктрины устойчивого развития, долженствующие четко и внятно сформулировать, какими же мерами, в конце концов, можно добиться подобного развития, вынуждены были апеллировать, с одной стороны, к тому, из чего, собственно говоря, зачиналась доктрина устойчивого развития, — к положению о *необходимости ограничения масштабов производства*, а с другой — к императивам *биоэтики*, довольно привлекательной в философском плане и фактически нереализуемой в конкретно-практическом*.

У.Кэттон и П.Данлэп в 1980 году вынуждены были признать: «Хотя принято считать, что траектория истории человечества все

* Философский аспект решения экологической проблемы возвышается на уровень решения вопроса о том, совместимо ли преобразование человеческой природы с необходимостью ее сохранения и способен ли человек существовать вне органически данной ему природы. Не собираясь решать столь сложный вопрос, отмечу только то обстоятельство, что социалистическая (коммунистическая, коллективистская) парадигма человеческого бытия более склонна к сохранению, сбережению природного (естественного) мира, тогда как капиталистическая (индивидуалистическая, частнопредпринимательская) — к преобразованию, модификации естественной среды. В традиции диалектического материализма поставленный вопрос решается путем примирения в синтезе активистской парадигмы с парадигмой «сохранения», но в условиях обострившегося экологического кризиса его решение все чаще упирается в дихотомию «или-или»: или утилитарный, американизированный Запад, или художественно-созерцательный Восток. Представитель последнего, российский философ, публицист, эколог В.Хотюшин пишет: «Борьба с природой — все равно что борьба с самим собой. Борьба эта — на взаимоуничтожение. А какой народ, какое живое — природное — существо желает самоуничтожения?» [60, с. 5]. Вторжение человека в святая святых природы — в мир атома, — считает В.Хотюшин, разрушает всю мировую стройную гармонию природы, вызывая процесс ее гибели и самоубийство человека [там же].

еще ползет вверх, уже надвигается сознание того, что темпы этого продвижения снижаются, экономический рост становится умеренным, наступает век экологических ограничений» [61, р. 27]. Донелла Мидоуз, Дженнис Мидоуз и Йорген Рандерс, технократический оптимизм которых то-и-дело сменяется пессимистическими прогнозами, в 1992 году вынуждены повторить то же самое: «Человечество преступило допустимую грань. Дальше так жить нельзя. Для того, чтобы выжить, нужно замедлить бег, расслабиться и подлечить раны, нанесенные окружающей средой. Мы пишем эту книгу в надежде, что мир сделает выбор в пользу разумного самоограничения» [62, с. 578, 580]*. Им вторит цитированный выше автор Дж.Рифкин: «Нам чуть ли не тридцать лет твердят о потенциальных разрушительных последствиях глобального потепления, а мы по-прежнему жмем на газ, словно говоря: «Наплевать» ...Как же мы объясним нашим детям, что Америка, чье население составляет 5% жителей планеты, потребляет четверть добываемого в мире ископаемого топлива? Сможем ли мы, глядя в глаза скорбящим родным жертв «Катрины», признать, что из-за собственного эгоизма не позволяем увеличить налог на бензин даже на 5 центов за галлон, чтобы способствовать экономии топлива?» [56]. Но «разумное самоограничение», умеренность в большей мере присущи социалистической парадигме устройства человеческой жизни, нежели предпринимательскому активизму как атрибуту капитализма. По этой причине «социалистическая альтернатива» у противников капитализма возвысилась сегодня до уровня альтерглобализма, массовых лозунгов: «Иной мир возможен!», с чем не могут не считаться даже принципиальные противники социализма. Техногенные оценки и подходы к решению экологических проблем, похоже, все более уступают место социогенным, точнее — социально-экономическим оценкам и подходам, что все более признаваемый Западом императив «смены ценностей», необходимости «новых ценностей» при непредвзятом и строго научном его анализе заставляет думать и говорить о принципиаль-

* Концепция «разумного самоограничения» ранее носила у этих авторов название концепции «нулевого роста».

ной социально-исторической альтернативе глобальному капитализму. Попытки же создать эти ценности в пределах рыночной, капиталистической системы никак не реальны. Только плодovitый в научных писаниях и очарованный достижениями западной цивилизации известный ныне российский экономист В.Л.Иноземцев способен утверждать, что «технологическая революция и продуманная внутренняя политика предотвратили ухудшение экологической обстановки в развитых странах, прежде всего в Европе, и сделали разработку и использование природоохранительных технологий одной из наиболее привлекательных сфер инвестирования капитала и знаний» [63, с. 51].

В отличие от этого сами ученые и политические деятели Запада проявляют сдержанное или даже скептическое отношение к перспективам и возможностям использования глобальных природоохранительных технологий. И если некоторые из них (Д.Х.Мидоуз, Д.П.Мидоуз, Й.Рандерс) иной раз пытаются выдавить из себя вымученный оптимизм, для которого якобы «были и есть веские основания» [62, с. 576], то он тут же погашается их признаниями такого рода: «Несмотря на совершенствование промышленного оборудования, растущее понимание необходимости защиты окружающей среды и все более жесткие меры, применяемые по ее охране, темпы истощения природных ресурсов и уровень загрязнения среды обитания вышли за допустимые пределы» [там же, с. 578]. И отнюдь не в «технологической революции», а в «отказе от прежней системы хозяйствования» видят эти авторы выход из экологического кризиса [там же, с. 581]. Более того, отступая от нарочито оптимистических прогнозов экореконструкции, авторы вынуждены со всей ответственностью констатировать «признание того, что социально-экономическая система (западная капиталистическая. — *Е.С.*) в ее нынешнем виде неуправляема, что она превысила допустимые пределы экологической устойчивости, что ей грозит катастрофа и что, следовательно, она нуждается в *изменении структуры*», которое, по их же словам, «имеет несколько расплывчатых оттенков, в том числе и зловещих», как то «низвержение власть имущих» [там же, с. 592].

Малоубеждающим и малоутешительным паллиативом звучат предложения известных европейских и американских ученых-экологов

Э.Вайцзеккера, Э.-Б.Ловинса и Л.-Х.Ловинса по рациональному использованию уже имеющихся «производительных ресурсов». Даже если это и возможно в условиях появления новых технологий, решение проблемы все равно будет выглядеть как *продление экологической агонии*. «Болезнь, связанная с бессмысленным расходом средств, вполне излечима, — утверждают авторы. — В основе лечения находится точная наука, хорошая экономика и здравый смысл, а заключается оно в эффективном использовании ресурсов, в стремлении добиваться большего, а тратить меньше» [64, с. 603]. Вот, оказывается, как все просто! Авторы даже подсчитали, что при разумном использовании одних и тех же ресурсов их результативность можно повысить в четырехкратном размере (фактор «четыре»). Но и они вынуждены признать, что «некоторые элементы того, что сегодня принято считать ростом, не имеют ничего общего с благосостоянием, а сводятся лишь к увеличению экономической активности» и что современное общество нуждается в алгоритме «новых ценностей» [там же, с. 619, 622]. Что касается рекомендаций других ученых, то они обычно связаны с решением частных или локальных проблем ограничения (ослабления) экологического кризиса: введение экологического налогообложения, стандартов природопользования (У.Бек); уменьшение материалоемкости и нахождение экологически безвредных заменителей, создание транснациональных систем контроля над экологическими процессами (П.Друкер) и т.д.

Итак, исходя из «пределов роста», современные ученые Запада, вполне лояльно относящиеся к капиталистическому мироустройству общества, стали сначала апеллировать к «ограничению роста», «устойчивому», или «нулевому развитию», а затем — к необходимости «смены системы ценностей» и «человеческой революции», сближаясь тем самым с позицией марксистов.

Основной причиной экологического кризиса, считают последние, является *капиталистический способ производства* со всеми его атрибутами (и не потому, что «Карфаген должен быть разрушен!», а потому, что все перипетии этого кризиса неизбежно приводят и врагов, и друзей капитализма к его изначальному истоку — к активному характеру товарно-денежного производства). Экологический кризис стал сегодня тем оселком, на котором столь успешно прове-

ряется жизненность марксистских идей. Далекие от них уже упоминавшиеся авторы — Эрнст фон Вайцзеккер, Эймори Б.Ловинс, Л.Хантер Ловинс — высказывают, по существу, марксистские мысли, когда заявляют: «В конце концов, экономическая эффективность — это всего лишь средство, а не самоцель. Рынки должны быть эффективными, а не самодостаточными; им свойственна алчность, им чуждо понятие справедливости. Перед ними никогда не ставилась задача обеспечения общности, целостности, красоты, справедливости, устойчивости, не говоря уже о святости; да они и не могут быть такими. Если рынки приносят какую-то пользу китам или дикой природе, Богу или нашим внукам, то только по чистой случайности» [там же, с. 629], а Дж.Рифкин разгневанно пишет: «Позор Соединенным Штатам Америки и народам других стран (увы, мы в этом не одиноки) — ведь мы поставили свои эгоистические, сиюминутные интересы, желания и удовольствия выше благосостояния всей планеты!» И, уже обращаясь к Первому лидеру страны: «Президент Буш, избавьте нас от проповедей о решимости американцев «выстоять и победить». Скажите нам правду о причинах, вызвавших к жизни «Катрину» и «Риту». Попросите нас изменить наш расточительный образ жизни, прекратить безумное потребление энергии» [50]. Если марксисты что-либо и могут здесь добавить, так это то, что бремя экологического кризиса, по выражению Ф.Кастро, в первую очередь ложится на плечи бедняков, у которых нет ни автомобилей, ни кондиционеров и которые прежде всех других слоев общества принимают на себя крупные выбросы углекислого газа [65, с. 59], а также на долю тех стран и регионов, в которые современные страны-метрополии перемещают со своих территорий «грязные» производства*.

* По этому поводу Е.П.Феденко пишет: «А так как предприятия в этих (зависимых. — Е.С.) странах концентрируются на малой территории, порождая громадные промышленные центры, то последствия этого спасения прибылей ужасны. Так, бразильский курортный город Кубатан был превращен, по мнению ЮНЕСКО, в «самый экологически грязный город мира», который бразильцы прозвали «долиной смерти»... В Мехико, по мнению врачей, дышать так же вредно, как курить сигарету. Немногим лучше остальные города в странах Юга. Закон «цивилизованного капитализма» гласит: чтобы воздух стал менее грязным в Нью-Йорке, он должен стать до невозможности грязным в Сантьяго или Джакарте» [66, с. 17].

Но не только об этих «частностях» говорят и пишут современные марксисты. Тот же Фидель Кастро видит и осмысливает усугубляющийся ныне глобальный экологический кризис философски глубоко и дальновидно: «Род человеческий, в том числе и каждый народ, переживает решающий момент истории: или мы изменим курс, или не сможем выжить. Нет другой планеты, куда можно было бы эмигрировать. Или мы спасем ту, что у нас есть, или должны будут пройти миллионы лет, чтобы возник новый вид разумных существ, который заново начнет путь, пройденный нами» [65, с. 60].

Связывая проблему преодоления глобального экологического кризиса с необходимостью изменения самой системы человеческих ценностей, а по большому счету — с необходимостью кардинального изменения капиталистического способа производства на социалистический, нам предстоит, во-первых, решить главный вопрос: почему *природа* и *товар* являются, в конечном счете, непримиримыми антагонистами и эсхатология экологической катастрофы может быть преодолена только за пределами товарного производства, и, во-вторых, какие же конкретно грани, стороны, составляющие этого производства ущербно воздействуют на природу и вызывают неотвратимый экологический кризис. Постараемся разобраться в этих вопросах.

Мотив прибыли (дух и смысл товарного производства). В этом интегральном моменте сфокусированы все исторически-итоговые пороки капиталистического способа производства, в том числе его деструктивная роль в отношении природной среды. Товарное производство, как и многие другие сущностные феномены человеческой истории, проходит диалектический цикл своего развития — от фазы становления, интенсивного роста и позитивного по своей общественной значимости развития к фазе устойчивого, равновесного состояния и от этого последнего к нисходящему развитию и превращению в собственную противоположность — в разрушительную, негативную силу. Мотивом товарного производства изначально является не удовлетворение человеческих потребностей, а получение прибыли. В этом мотиве нашла отражение объективная историческая необходимость форсированного режима накопления социокультурных атрибутов и предпосылок системно организованной и тех-

нически оснащенной цивилизации (начала «собственно человеческой истории»). Смысл алгоритма товарного производства таков: благодаря мотиву прибыли оно не прекращается и, наоборот, все более возрастает даже тогда, когда непосредственные человеческие потребности (через необходимый продукт), казалось бы, способны быть удовлетворены полностью. Иными словами, оно работает на созидание прибавочного продукта и прибавочной стоимости, косвенным и опосредованным результатом чего становится кумуляция материальных и духовных ценностей и усиление социальных связей. Экономическая продуктивность товарного производства осуществляется двояким образом — за счет постоянного обновления технического базиса производства и за счет увеличения оборота товаров. Оба эти пути приводят к колоссальному и все более возрастающему вовлечению в производство природных ресурсов. Однако этот процесс закономерен и терпим лишь до тех пор, пока, во-первых, объем производимых товаров в натуральном выражении не обеспечивает в рациональных пределах удовлетворения материальных и культурных потребностей общества (или, вернее, пока уровень производительных сил не допускает удовлетворения постепенно растущих и качественно меняющихся потребностей), во-вторых, пока частнособственнические отношения и гипертрофия мотива прибыли не приводят к таким парадоксальным и противоестественным явлениям, как уничтожение товарной массы ради сохранения монополюсво высоких цен на товары и, в-третьих, пока масштабы возрастающего вмешательства человеческого общества в природный мир и естественные циклы его движения не создают опасности подрыва, разрушения самой среды обитания человека. Иными словами, переступив допустимую черту, мотив прибыли (как товарное производство в его субъективно-человеческом измерении) становится, а по существу — уже стал анахронизмом.

Невозможно не процитировать в этом плане ряд высказываний видного деятеля Демократической партии США (и несостоявшегося президента Соединенных Штатов Америки) Альберта Гора из его книги «Земля на чаше весов»: «Горькая правда в том, что наша экономическая система частично слепа. Многое она видит, но многого и не замечает. Она тщательно просчитывает то, что представляет

наибольшую ценность для покупателей и продавцов, все, что касается продуктов питания, одежды, промышленных товаров, труда и, уж конечно, денег. Но в ее расчетах часто не учитывается ценность того, что гораздо труднее купить или продать: чистой воды и свежего воздуха, красоты гор, лесов с разнообразной флорой и фауной и так далее. Именно частичная слепота нынешней экономической системы и есть могущественная сила, стоящая за иррациональными решениями, касающимися экологии нашей планеты» [67, с. 560]. При всем при том, что милый Ал здесь явно лукавит, дважды делая ударение на «частичной слепоте», он прекрасно понимает, что не в ней дело, а в том, что товаропроизводители, одержимые погоней за прибылью, вовсе не желают быть «зрячими». Да и сам А.Гор в конце концов перестает деликатничать в своих выражениях, говоря, к примеру, о том, что «так же, как глаз воспринимает лишь узкую полосу светового спектра, экономическая наука не видит, а тем более не может оценить все то, из чего состоит наш мир» или — уже без всяких ограничений и церемоний! — такие слова: «Наша неспособность оценивать экологическую сторону производства есть проявление экономической слепоты, грозящей чудовищными последствиями» [там же, с. 561, 566]. За этой «слепотой» стоит нечто другое: «источником разрушения природы является царящая сегодня в обществе логика прибыли». Это уже слова социалиста Б.Кагарлицкого, который следующим образом продолжает свою мысль: «Все готовы защитить бедных пушистых зверьков (которые почему-то все равно вымирают), но никто не хочет менять систему, разрушающую среду обитания не только животных, но и человека» [68, с. 21].

Пантоварный характер отношения современного человечества к природной среде достиг апогея: подобно мифическому царю Медею, оно превращает в золото все, к чему ни прикоснется. Товаром сегодня становятся органы человеческого тела и сама человеческая жизнь, лунная поверхность и этические принципы, человеческий талант и научные знания, женская красота и мужское достоинство, наконец, то, что раньше естественным образом принадлежало всем, — свежий воздух, свежая вода, красивый ландшафт и прелесть ночи на берегу южного моря. Товар владычествует над природой, и эта его власть над ней кажется экономическому человеку безграничной.

Вещистские квазипотребности. Поскольку товарное производство ориентировано на потребительский спрос и его увеличение, оно заинтересовано как в том, чтобы человеческие потребности совпадали со стоимостным содержанием потребляемой продукции и услуг, так и в том, чтобы эти потребности увеличивались и расширялись. Материалистический дух капитализма направлен на то, чтобы всю человеческую жизнь загромоздить стоимостными, потребительскими ее формами. Прибыль исчисляется в деньгах, и поскольку деньги представляют собой всеобщий эквивалент товаров, то общество, движимое мотивом прибыли, не может не быть вещистским по своему характеру. «Товарный фетишизм» капиталистического мира перевернул человеческую жизнь с ног на голову, превратив ее самоценность в нечто отчужденное и уродливое, а материальное средство существования — в самоцель. В капиталистическом обществе не спрос рождает или стимулирует производство, а производство рождает спрос, управляет им и культивирует те потребности, которые нужны товаропроизводителю и которые он искусственно создает. Производитель при этом менее всего заботится о *потребительских свойствах* товара, а продавец заботится лишь о том, чтобы придать произведенному продукту *товарный вид*. Параллельно снижению потребительских качеств товарной массы растут и увеличиваются квазипотребности. О последних хорошо написал один из наших соотечественников В.Д.Пихорович: «В случае, когда производство носит товарный характер, оно начинает генерировать все новые и новые, все более извращенные потребности, в сущности своей не выходящие за пределы животных потребностей, но нуждающиеся в удовлетворении все более изощренными способами. Ни о каком развитии человека в таких условиях речи быть не может. Чем больше человек потребляет вещей, тем менее развитым оказывается он сам. И будь у вас хоть трижды социалистическое государство, но если оно пошло по пути такого рода планирования, социализм в таких условиях обречен. Пока целью жизни остается потребление, будет воспроизводиться капитализм. Даже если при этом не будет воспроизводиться жизнь» [69].

Именно товарный фетишизм отработал механизм манипулирования человеком и его потребностями, создал разветвленную сеть

маркетинговых служб и катализаторов искусственно культивируемых потребностей (квазипотребностей) — и все это с единственной целью жертвоприношения вещества природы молоху капиталистического товарного производства. Вот, кстати, один из образцов такого культивирования. Совсем недавно телереклама порадовала граждан многих стран мира сообщением о том, что в продажу поступают паховые микровибраторы, искусственно повышающие сексуальную активность мужчин. То, без чего человек с его разумными и нормальными потребностями мог бы легко обойтись, требует громадных затрат природного сырья, причем самого дорогого и экологически ценного — растительной, цветочной и животной массы. США расходуют ежегодно 14 млрд долларов на производство новейших и все более изощренных видов косметики для мировой социальной элиты, и парфюмерную индустрию при этом нисколько не беспокоит то, что создаваемая и поощряемая ею человеческая прихоть приближает экологическую катастрофу. Ален Турен сказал: «Природа электричества не определяет социального способа его использования» [11, с. 133]. Запах цветка не делает неизбежной парфюмерную индустрию. Эсхатология мирового экологического кризиса вызывает к тому, чтобы люди самым рациональным способом для себя и для своих потомков использовали те или иные вещества природы.

Потребительский релятивизм. Продолжением безрассудства вещицизма и квазипотребностей является потребительский релятивизм — детище современного инновационного производства, в огромных размерах пожирающий вещество природы. Известно, что классический (спонтанно развертывающийся) экономический цикл движения товара с момента его производства до потребления проходит фазы разработки новой модели товара (услуг), его рекламного обеспечения и рыночной апробации, после чего начинаются фазы первоначального тиражирования, активной продажи и товарного бума, переходящего в фазу массового тиражирования этого товара и диффузии его производства; последняя перерастает в стабильную неценовую конкуренцию, и, наконец, движение завершается угасанием спроса на товар. В условиях современного инновационного производства, когда олигополии оттеснили на задворки хозяйственной жизни чистую конкуренцию и в качестве стимулирующего рынок

товаров механизма поставили вместо нее НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), классический цикл движения товара приобрел усеченную форму и из спонтанного превратился в управляемый. Дело в том, что новейшим инновационными корпорациям нет нужды «продвигать» производимые товары (новинки) через все фазы экономического цикла. Сняв «сливки» с фазы бума и активной распродажи, они отсекают как ненужные все остальные фазы, отдавая товар на откуп second hand и мелкому торговому бизнесу с тем, чтобы тут же приниматься за разработку и реализацию новых моделей. Тем самым увеличивается оборотный капитал, приносящий прибыль его владельцам. И тем самым срок потребления (пригодности) товара сведен к минимуму независимо от того, утратил он свои потребительские свойства или нет. Но ведь все это означает нелепое, не сообразующееся со здравым смыслом расточительство природных ресурсов, не говоря уже о калечении и гипертрофии человеческих потребностей. Французский журналист и социолог М.Боскэ в свое время писал в журнале «*Novel Observateur*»: «С точки зрения технических возможностей сейчас нет проблем, чтобы производить ткани, практически не знающие износа, обувь, которую можно носить годами, автомобили, которые легко ремонтируются и способны служить человеку в течение всей его жизни... Однако эта проблема не может быть решена в условиях, когда каждое предприятие ориентируется на рынок, на максимализацию своей прибыли, что заставляет их работать как раз в обратном направлении — в направлении производства вещей с коротким сроком жизни, чтобы строить все новые фабрики и заводы — для удовлетворения рыночного спроса» [цит. по: 70, с. 232]. Дополнением к сказанному может служить такой факт. Одна из канадских обувных компаний заключила негласный договор с фирмой по дорожному строительству, в соответствии с которым эта последняя за определенную плату добавляла в цементно-песочные плиты для строительства пешеходных дорожек и улиц... стеклянный порошок с целью быстрого стирания обувной подошвы. Увы, рыночный спрос, как и потребительский релятивизм, проистекает не из глубинных человеческих потребностей, а из сущности товарного производства, которое изначально выискивало и, более того, провоцировало способы

ускорения реализации товаров и услуг. Стал классическим в политической экономии капитализма пример того, как стекольщик заинтересован, чтобы град разбивал как можно больше окон в домах, пожарник – чтобы как можно чаще совершались поджоги, лекарь – чтобы люди почаще заболели и т.д. В плутовском романе Анри Лесажа «Хромой бес» (XVIII век) среди характерных для буржуазной публики Мадрида историй и авантур есть одна, повествующая о том, как некий фельдшер «в течение десяти лет прибегал к довольно своеобразному способу добывать себе пациентов»: нанося по ночам прохожим раны штыком и незнанным скрываясь, он затем лечил им раны «той же рукой, которой нанес рану» [71, с. 74].

Удивительные по интуитивному пророчеству мифы древних греков оставили нам легенду о царе Эрисихтоне, который за бездумную рубку деревьев в священных лесах Деметры был наказан ею неистовством неутолимого голода, «свирепым желудком» и стал художественным символом вещистой ненасытности худших представителей рода человеческого. Будучи персонажем стихотворных произведений Каллимаха и Овидия, он обрел сегодня новое символическое звучание в одной из интереснейших и глубоких по философскому смыслу статей известного русского академика Ю.А.Жданова «Роковой комплекс Эрисихтона», посвященной экологическим трагедиям века. Подхлестываемый ненасытностью и прожорливостью, потребительский релятивизм капиталистического товарного производства воистину стал «роковым комплексом Эрисихтона» – патологическим экспансионистским пожиранием всего окружающего, закончившегося самопожиранием обезумевшего человека [72, с. 121–126]. Безумие же, как известно, нельзя ни остановить, ни образумить.

Социальный антагонизм: богатые и бедные. Несмотря на «социализацию» товарного производства и «гуманизацию» порождаемых им конфликтов, социальный антагонизм как закономерное следствие частнособственнических отношений и как движущая сила развития классовых обществ и в современном «цивилизованном» мире продолжает существовать, меняя лишь свои конкретно-исторические и национальные оболочки. Современный класс капиталистов-собственников, конечно же, «подобрел» к «своему», национальному рабочему классу, но эта «доброта» – всего лишь следствие

перемещения эпицентра эксплуататорской практики в развивающиеся страны, страны-маргиналы, страны-неоколонии. Классическая формула «Человек человеку – волк» трансформировалась, как известно, в иную, более адекватную происшедшим в мире изменениям формулу «Государство государству – волк». Внутринациональное деление общества на богатых и бедных в качестве исторического приоритета уступило место делению человеческого общества на богатые и бедные страны. В результате такого деления, в основе которого лежит глобальный уровень товарного производства, в богатых странах промышленное производство стало более «чистым», а в бедных – более «грязным». Но дело даже не в этом. В условиях классовой поляризации общества природа все более испытывает *двойной* перегруз: с одной стороны, на нее посредством расширяющегося и технологически углубляющегося производства воздействуют праздность и прихоти богатых, с другой – усиливающийся голод и нищета бедных. Молох товарного производства все более становится двуликим. *Неистовство праздного обогащения*, приращения роскоши богатых сопровождается *неистовством вынужденного самовывживания* бедных – отсюда двойной перегруз природы под прессом сверхпотребления ее ресурсов. Комиссия Брундланд, учрежденная ООН еще в конце 1980-х годов, пришла к выводу, что разрушение окружающей среды – не столько следствие развивающегося модерна, сколько следствие усиливающейся бедности развивающихся стран [24, с. 76]. Многим позже, в 1995 году, немецкий исследователь М.Цюрн отметил, что «между разрушением окружающей среды в результате роста благосостояния и разрушением окружающей среды в результате распространения бедности есть существенная разница: если многие экологические угрозы, вызванные стремлением к обогащению, являются результатом экстернализации издержек производства, то применительно к разрушению окружающей среды, обусловленному бедностью, речь идет о саморазрушении бедных с побочными последствиями для богатых» [73, s. 51]. Примеров неистовства самовывживания бедных экология современности знает немало: вырубка лесов в странах Амазонии (ежегодно вырубают около 17 млн гектаров джунглей); хищнический лов редчайших сортов рыбы в устье Волги и в северных реках России; однополюсная система эко-

номически выгодного землепользования, приводящая к истощению почвы, и т.д. В одной Украине за последние годы на 12–15% сократилась площадь лесных массивов, а в Закарпатье повальная вырубка смерек уже привела к экологической катастрофе этого региона. Интенсивная вырубка леса идет в Киевской области – в Боярском, Новобелическом, Ирпенском, Клавдиевском и других лесных хозяйствах (особенно близ села Бабинцы), и самое страшное в этих рубках – их варварский характер. Еще более удручающей в этом плане выглядит картина в Российской Федерации. «В северной части Архангельской области в 2004 году, – пишет журналист Сергей Обухов, – леса истреблялись с интенсивностью ежегодного прироста вырубок в 70%. Более 60% изъятых лесных ресурсов отправляется за границу» [74]. Рубка леса – закономерное, издавна наблюдаемое явление. Но если в прежние времена, скажем, в годы Советской власти, она сопровождалась корчеванием и посевами новых генераций деревьев, то в современный период необузданного разгула «рыночной экономики» эта рубка оставляет после себя пни и пустыню. Бедность стран и народов приводит к тому, что на их территориях находят применение ядохимикаты (ранее перепроизведенные и не находящие сбыта в развитых странах), захоронения ядовитых отходов, применение устаревших технологий, строительство крайне опасных атомных и химических промышленных объектов.

Анализируя эти и подобные им процессы, Владислав Иноземцев в пространной монографии «Расколота цивилизация» констатирует: «...Складывается ситуация, в которой страны «четвертого мира» неэффективно распоряжаются средствами, направляемыми как на обеспечение их хозяйственного развития, так и на осуществление природоохранных мероприятий. Это во многом объясняется тем, что если в развитых государствах последние в целом экономически выгодны и затраты на их проведение через определенный срок окупаются, то в остальных регионах мира они не способны принести в обозримом будущем никакого экономического эффекта. Поэтому перспектива зависит от того, способны ли постиндустриальные общества решительно действовать в мировом масштабе во имя поддержания устойчивости планетарной экосистемы, а следовательно, и своего собственного развития» [75, с. 440]. Что понимает автор

под «решительным действием» стран-лидеров? Со всей категоричностью он предлагает проведение политики «неоколониализма» вплоть до военного вмешательства во внутренние дела стран «четвертого мира», то есть бедных: «Эти страны должны быть лишены своего суверенитета в течение ближайших десяти лет посредством вмешательства международных сил на основе мандата ООН или иного подобного нормативного акта» [там же, с. 445]. Дальше, как говорится, некуда! Автору и в голову не приходит то, о чем вопиет сегодня возмущенный, встревоженный и протестующий «зеленый» мир Запада: «Иной мир возможен!».

Социальный антагонизм: милитаризация экономики. Частнособственническим отношениям имманентны военные конфликты, которые, по мнению многих ученых, включая марксистов, являются антагонистической формой общественно-исторической интеграции стран и народов. Прогрессивная роль подобных антагонистических конфликтов, тем не менее, имеет исторический рубеж, за которым инерция их действия становится пагубной и разрушительной. В настоящее время существуют, по меньшей мере, две причины войн: присущая капитализму конкуренция за источники дешевого сырья, дешевой рабочей силы, территорий для «грязных» производств и рынки сбыта*, а также искусственное провоцирование межгосударственных конфликтов с экономической целью – продажей дорогостоящего оружия. Причины первого рода, с одной стороны, вызывают сопротивление народа угнетаемых стран-маргиналов, внутренние войны против марионеточных режимов (или за передел власти), нередко перерастающие в межгосударственные войны, а с другой – политическую борьбу патриотических национальных элит против неформальных метрополий, заставляющую эти последние время от времени бряцать оружием и проводить крупномасштабные показательные военные учения.

* По свидетельству Э.Вайцзеккера, Э.-Б.Ловинс, Л.-Х.Ловинс, от одной шестой до одной четвертой военного бюджета США уходит на те силы, главной задачей которых является получение или поддержание доступа к природным ресурсам, находящимся на территории иностранных государств [64, с. 606].

Вследствие всего этого повышаются масштабы противостояний и конфликтов между государствами, регионами и блоками, и военные столкновения все более приобретают катастрофически опасный характер. Так или иначе, но происходящая и усиливающаяся милитаризация общества дает о себе знать и в экологическом отношении. В отличие от милитаризма прошлого современный характеризуется двумя особенностями: во-первых, он более экологически опасен, поскольку усиливается его деструктивный потенциал, увеличиваются масштабы и качественно меняются технологии воздействия на окружающую среду новых видов оружия (ядерных, химических, бактериологических, термических, геофизических (плазموидных), психотропных и т.д.), и, во-вторых, он способен разрушать экосферу не только в активной, но и в пассивной форме («холодная война»). К этому можно добавить и то обстоятельство, что применение новейших видов оружия все более выходит из-под контроля государств и правительств. У.Бек пишет: «Опасность регионального или глобального самоуничтожения ядерным, химическим и биологическим оружием не устранена и после конфронтации между Востоком и Западом, скорее, она вырвалась из-под контроля сверхдержав, попавших в «патовую атомную ситуацию» [24, с. 78].

Каналы и способы разрушения экосреды милитаристскими средствами сегодня таковы: перманентно возникающие локальные войны, в которых к традиционно применяемым видам оружия добавляются новые: напалмовые бомбы во Вьетнаме, американские «сигареты» и снаряды с «облегченной» ядерной начинкой в Ираке и Косово и т.д.; захоронение ядерных отходов, физически и морально устаревших боеприпасов (химических, бактериологических) в разных точках земного шара в результате периодического перевооружения; загрязнение атмосферы и акваторий различного рода выбросами военной техники и другие ее вредные воздействия на природную среду (выхлопные газы, сжигание кислорода в атмосфере, образование «дыр» в озоновом экране и т.д.) при систематически проводимых испытаниях, штабных и прочих учениях и маневрах; крупномасштабные эксперименты по изобретению и применению секретного сверхоружия (с непредсказуемо опасными планетарными последствиями!) и, наконец, само производство новейшего оружия и военной техники в качестве материалоемкого и дорогостоящего товара.

Из всех перечисленных слагаемых экологической вредности современной милитаризации экономики имеет смысл рассмотреть одну — крупномасштабные эксперименты по изобретению и применению секретного сверхоружия. В середине 1990-х годов США в соответствии с программой Пентагона (основные идеи которой были разработаны еще в 1960-е годы) начали проводить серию экспериментов по целенаправленному и мощному воздействию на околоземную среду волнами высокой частоты. Официально программа этого эксперимента по своему звучанию довольно миролюбива — «Активная высокочастотная программа исследования авроральной области» (High Frequency Active Auroral Research Program, сокращенно — HAARP). Что на самом деле стоит за этой Программой и ее реализацией, рассказывает председатель Комитета по обороне Госдумы РФ, генерал армии А. Николаев: «...В программе есть военная составляющая, и она — главная. США поставили себе цель — в ходе этих работ создать геофизическое оружие. Они уже близки к этой цели. Околоземное пространство — атмосфера, ионосфера и магнитосфера Земли — в ближайшее время, через год-два, может быть модифицировано, то есть изменено. Созданы и действуют пять излучателей различных мощностей для целенаправленного воздействия на среду обитания людей радиоволнами высокой частоты. Три из них находятся на Скандинавском полуострове, в Тромсё. Один, самый мощный, — на Аляске. В ближайшее время планируется строительство еще одного излучателя — на острове Гренландия. Этот будет мощнее аляскинского в три раза» [76]. Характеризуя разрушительные способности этих излучателей, А. Николаев далее отмечает: «Их мощность трудно себе вообразить. Когда их включают, равновесие околоземной среды нарушается. Разогревается ионосфера. Американцам уже удастся получать искусственные протяженные плазменные образования» [там же]. Ведущий российский специалист в области изучения взаимодействия высокочастотных электромагнитных излучений с околоземной средой, ученый-радиолог и генеральный конструктор в этой области Ю. Перунов вносит поправку в название геофизического оружия, называя его плазмоидным, поскольку механизмом воздействия на околоземную среду является сверхгигантская шаровая молния. «Излучение американ-

ской установки HAARP на Аляске превышает мощность естественного излучения Солнца в диапазоне 10 мегагерц на пять-шесть порядков. То есть в 100.000–1.000.000 раз (!)» [77].

Последствия проводимых экспериментов уже дают о себе знать: «HAARP может разрушать в полете самолеты и ракеты. Способно воздействовать на атмосферу, вызывая климатические изменения — засуху, наводнения, землетрясения. Нынешние климатические аномалии в Европе и России напрямую связаны с испытаниями HAARP. Кроме того, система способна излучать инфразвуковые волны, угнетающе действующие на психику человека. В депрессию могут быть ввергнуты целые города» [78, с. 32]. Вот еще одно свидетельство А. Николаева: «Эксперты по проблеме «Хаарп», с которыми я общаюсь почти год, убеждены: катастрофические наводнения в Германии, Франции, Чехии, на юге России — это и есть последствия первых испытаний геофизического оружия. Владельцы этого оружия могут запрограммировать наводнение в произвольно выбранном районе Земли. Или полностью парализовать связь в масштабе любой страны. Возможности геофизического оружия весьма обширны» [там же]. В другой статье-интервью он отмечает: «...Дальнейшие работы по программе HAARP дадут американцам реальную и скорую возможность получить в свои руки не только геофизическое и климатическое, но и психотропное оружие... То, что может дать военным HAARP, следует называть многофункциональным физическим оружием» [77]. Многих ученых мира, как и общественность разных стран, беспокоит сегодня не столько само применение HAARP в военных целях, сколько непредсказуемость проводимых экспериментов: «Современная наука не может ответить на вопрос: что произойдет с околоземным пространством (в результате испытаний более мощных излучателей. — Е.С.). Испытания могут закончиться всепланетной экологической катастрофой» [79] или «...Что случится с околоземной средой, если включить на полную мощность излучатель HAARP на Аляске, современная физика сказать не берется» [77].

Антиглобалистские движения сегодня все активнее требуют прекращения экспериментов HAARP, а Госдума РФ предприняла ряд мер по их предупреждению или, по крайней мере, рассекречиванию

и ограничению (официальные письма-обращения к Д.Бушу и В.Путину, парламентам ряда стран и т.д. — [см.: 76, 78, 79]). Участвовавшие и резкие колебания атмосферного давления, так называемые магнитные бури, связываемые нашими СМИ с «солнечной активностью», и другие ответные удары природы по современному человечеству имеют под собой не естественную, и даже не техногенную, а явно выраженную политическую основу.

Транскорпоративизм. Речь идет об одной из наименее заметных причин глобального экологического кризиса — о планетарных масштабах специализации производства и разделения труда. Транскорпоративность есть самая развитая (и, очевидно, последняя наряду с государственно-корпоративной) и, вместе с тем, самая уродливая форма капиталистических частнособственнических отношений, поскольку доводит гипертрофию товарного производства до абсурда и колоссальных размеров его специализации (разве не абсурдным, к примеру, является тот факт, что в Украину, заполненную добротными отечественными яблоками, в массовых объемах завозят яблоки откуда-то из Испании или Португалии?). Там, где иерархически и многозвенно разветвленная производственная специализация уже сегодня способна привести себя в системно упорядоченный, целостный вид благодаря централизованному планированию, управлению и контролю, все еще продолжают действовать грубо скоординированный и эфемерно консолидированный транскорпорациями частный интерес и товарный монополизм. Именно частный интерес в транскорпоративной форме расчленяет человеческий мир, а заодно и природу на одномерные островки узкой специализации — узкоспециализированного производства, узкоспециализированных представлений о мире, узконаправленных забот об извлечении из своей «ниши» все новых и новых источников прибыли. Для одних корпораций мир — это нефть, для других — олово, для третьих — хлопок, для четвертых — овцеводство и т.д., и т.п. И поскольку эти отдельные мирки в сознании транскорпоративных прагматиков никак не ассоциируются с миром в целом, с возможностью его уничтожения, то и эксплуатация этих мирков связана у них с исключительной заботой о рациональном (выгодном), никому и ничему не угрожающем использовании их в качестве обычных ресурсов. Так

по частям, по кускам уничтожается планета — рубится с разных сторон сук, на котором сидит человечество.

Итак, в рамках товарного производства разрешение глобального экологического кризиса принципиально невозможно: возможны лишь частичные меры, не решающие проблемы по существу. Эко-система — наиболее открытая из всех других известных систем, и вследствие этой ее открытости создание локальной искусственной здоровой экосреды в «изолировавшихся» от остального мира элитных странах представляется весьма сомнительным. Было бы неразумным и наивным видеть выход в том, чтобы посадить ненасытного товарного монстра на голодную диету, как предлагают в своей концепции «экономических ограничений» У.Кэттон и П.Данлэп. Поэтому выход приходится искать в социально-экономической альтернативе капиталистическому товарному производству — в создании общества «новых ценностей», будет ли таковым социалистическое, коммунистическое, постмодернистское, постэкономическое или какое-либо другое «пост»-общество, которое так или иначе будет связано, по словам Альберта Гора, с «разрушением устоявшейся модели жизни» и преодолением «экономической слепоты, грозящей чудовищными последствиями».

Видение главных причин экологического кризиса в господстве капиталистических частнособственнических, товарных отношений наверняка способно вызвать и вызывает множество контрпредставлений и возражений: а разве социалистическое общество станет (и способно ли будет) ограничивать себя в потребностях, порожденных научно-техническим прогрессом и благами сложившейся цивилизации? разве человечество перестанет есть, пить, красиво одеваться и пользоваться всеми созданными им богатствами, включая такие блага цивилизации, как телевидение, телефонная сотовая связь и сверхскоростные коммуникации? и разве, наконец, прекратится развитие науки, техники, искусства, всех сфер жизнедеятельности общества, а значит и его потребностей, названных в свое время коммунистами «постоянно растущими»? Иными словами, решение экологической проблемы планетарного уровня упирается в вопрос о том, какими должны быть (и способны сложиться) «новые ценности», чтобы их функционирование и развитие не только приостано-

вило, но и свело на нет уже разразившийся экологический кризис. По словам американского философа Карстена Штруля, социализму еще предстоит доказать преимущества перед капитализмом в решении проблем экологического кризиса [80, с. 20]. Да, экологические преимущества системы «новых ценностей» требуют своих доказательств. И в круг этих доказательств можно включить следующие наиболее очевидные и, в известной мере, выверенные на практике аргументы.

Планомерный характер социалистической производственно-экономической жизнедеятельности общества. Планомерность планомерности, конечно же, рознь. Есть планомерность, осуществляемая в рамках отдельных корпораций или в государственном секторе капиталистической экономики, и есть планомерность социалистическая, неизбежно и системно действующая в рамках общественной собственности. В первой не затухает мотив собственности и индивидуализма, лишь в критические минуты поступающие частным интересам и делающие половинчатой любую общественную планомерность; во второй доминирует общий (общественный) интерес, благодаря чему любая производственно-экономическая акция вписывается в контекст целого — общественной, человеческой целесообразности производства. Именно эта последняя позволяет взять под контроль любую производственную акцию с точки зрения допустимой меры ее природно-деструктивных последствий, чего нет и не может быть в рамках частнособственнической производственной деятельности, и — далее — позволяет оптимальным образом регулировать взаимодействие между обществом и природой, создавать их разумный баланс. Современная институциональная экономика как свидетельство того, что планомерность хозяйственной жизни (социализм) действительно «стучится в дверь», оказывается экологически гуманной лишь в отношении элитных стран Европы и Америки: выхолощенные и причесанные заповедные леса Швейцарии, Германии, Италии, Испании, центральных и северных штатов США, Канады, чистые и не замутненные отбросами технической цивилизации альпийские озера, заповедные водоемы США и Канады и т.д. Что касается «второсортных» стран, то здесь с экологией богатые граждане элитных стран не считаются: идет сплошная вырубка ле-

сов Амазонии и Буковины, а на берегах рек и озер в странах Южной Америки и Восточной Европы сооружаются химкомбинаты и предприятия обрабатывающей промышленности.

Опыт раннего социализма, о котором речь пойдет в следующем разделе, с одной стороны, показал благоговейное и во многих отношениях бережливое отношение к природе (практика полевых лесонасаждений, внедрение безвредных технологий, обязательная система отстойников), с другой — ее варварское и бездумное уничтожение. Но характерно здесь то, что это последнее стало происходить во времена перерождения социализма, когда хрущевская «оттепель» обернулась ползучей капитализацией СССР, а лозунг «Догоним и перегоним Америку!» фактически означал пагубное для природы и человеческой личности возрождение частнособственных инстинктов. Борьба плановости с товарностью в научных умах 60–70-х годов прошлого столетия не могла не отразиться на практике природопользования.

Упразднение алогизма «избыточности». Именно по той причине, что при социализме производство подчиняется императиву человеческих потребностей, а не мотиву прибыли, всякое перепроизводство продуктов теряет здесь смысл. Парадокс «избыточности», разрушающий природу своей непомерной товарной алчностью, упраздняется и дает возможность планомерной и системной регенерации природной среды, умеренного и экономного использования ее ресурсов. Если при капитализме, на ранних и средних фазах его развития, алчущий дух товарного производства был скрытым объективно необходимым механизмом развития науки и техники, порождения новых, социокультурных потребностей людей и создания надлежащего уровня производительных сил, то с достижением этого уровня всякая «избыточность» пресекается, уступая место удовлетворению лишь «разумных потребностей». Но чтобы освободиться от исторической инерции частнособственного способа жизнедеятельности, необходимо упразднить основу, которая до сих пор питает товарную односторонность производителей, — капиталистическую частную собственность.

Производство вещей и предметов длительного пользования. Поскольку социализм предполагает производство продуктов для их потреб-

ления, а не для продажи (получения прибыли), исчезает необходимость увеличения товарооборота, его искусственного форсирования путем запрограммированного придания товару краткосрочности его потребительских свойств и культивирования скоропреходящих квазипотребностей. Вместе с этим становится ненужной вся громоздкая и многозвенная система катализации потребительского спроса — маркетинговые службы, рекламный бизнес, идеологические штабы и СМИ по стимулированию спроса и, наконец, царящие в мозгах людей какофония моды и товарная зомбированность. Исчезнут главные в современных условиях антагонисты природы — роскошь и расточительство. Ставшая эталоном современной благо-получной мешанской жизни и благосостояния роскошь еще долго будет пребывать в ореоле социокультурной привлекательности. Но вставшая сегодня жесткая дилемма: роскошь и последующая за ней экологическая катастрофа или умеренный образ жизни и связанная с ним реабилитация природной среды — решится не путем произвольного предпочтения, а путем диктата нового образа жизни и мышления, которые произрастут из новых социально-экономических отношений. Этот новый образ жизни, благодаря которому произойдет сдвиг материального потребления на второй план, по сравнению с потребностями духовными, сделает предметы человеческого обихода долговременными и ресурсоэкономными: исчезнет квазипотребление и значительно сократится «потребление вещества природы».

Рефлексивный характер деятельности и потребления: приоритет духовности. Этот природосберегающий фактор, пожалуй, является главным в решении проблемы глобального экологического кризиса. В известном смысле он представляет собой логическое продолжение и завершение предыдущего. Коммунизм, в любых его исторических формах, зиждется на коллективистских началах, прямо противоположных частнособственническому, индивидуалистическому. Философско-методологический аспект коренного различия и единства (взаимодействия и взаимодополнения) индивидуальных и коллективных начал уже был рассмотрен выше. Развивая и продолжая его применительно к предмету анализа данного раздела — состоянию современной экосферы — целесообразно кратчайшим образом охарактеризовать цепочку логически связанных понятий, а именно:

коллективизм как континуальное состояние духовен, идеален («деятельность общения», интерактивность, интересубъектность), тогда как индивидуализм — вещественен, материален; конституированные на коллективистских началах общества социальные отношения в качестве своей внутренней смысловой доминанты предполагают духовность, рефлексивный характер связей, подчиняющих себе материальную деятельность (религия, мораль, искусство), в то время как конституированные на индивидуалистических началах общества эти отношения предполагают прежде всего вещистское потребительство и материалистическую прагматичность, подчиняющих себе духовную деятельность людей (наука, изобретательская деятельность, рациональность). При всей своей *внутренней* напряженности и эвристичности коллективизм тяготеет к *экстернально* пассивному состоянию, а прагматичный и материалистический индивидуализм — к реальной активности. Первый сохраняет природу, благоговееет перед ней; второй преобразует и уничтожает ее. Именно по этой причине социализм (коммунизм) способен возродить и продвинуть на новый уровень технических и организационных достижений человеческую духовность как главную ценность постиндустриального общества, рефлексивно-идеальная («бестелесная») и коммуникативная природа которой способна выполнять, без особых материальных затрат и усилий, природосберегающую функцию в планетарных масштабах, то есть экономить материальные ресурсы и вновь превратить природу из запыленной и гремящей «мастерской» в спокойный, чистый и красивый «храм».

Лучшие и возвышенные умы Запада, остерегающиеся напрямую связывать преодоление экологического кризиса с коммунистическими ценностями, тем не менее, по существу имеют их в виду, когда акцентируют внимание на панацее духовности, рефлексивности и этическом принципе благоговения перед жизнью (А.Швейцер). Вот характерное в этом плане высказывание Э.Гидденса, посвятившего социальным функциям рефлексивности целый параграф в своей книге «Последствия модернити» (The Consequences of Modernity): «Ущерб, наносимый окружающей среде, ныне стал предметом глубокой озабоченности и находится в центре внимания правительств во всем мире. Во избежание серьезного и необратимого вреда сле-

дует противостоять не только внешнему, неконтролируемому воздействию на окружающую среду, но также логике ничем не сдерживаемого научного и технологического прогресса. Гуманизация технологии будет сопряжена, скорее всего, с усилением моральных аспектов в нынешних, по большей части, «инструментальных» отношениях между людьми и преобразуемой внешней средой» [51, с. 116–117]. Спасение экосреды, – а значит, и человечества, – Э.Гидденс видит в переходе от *накопительской* парадигмы человеческой жизнедеятельности к *умеренно потребительской*, не связывая, разумеется, эту последнюю с социализмом или коммунизмом [там же, с. 118]. Похоже, что подобную позицию занимает А.Гор, противопоставляющий информационным технологиям живое человеческое мышление и человеческую мудрость, принципиально не поддающиеся никаким технологизациям [67, с. 566]. Дистанцируясь от неприемлемых для них понятий социализма и коммунизма, Э.Вайцеккер, Э.-Б.Ловинс, Л.-Х.Ловинс апеллируют все же к некоей новой, «кажущейся более привлекательной» цивилизации, критикуя ценности капитализма («Некоторые элементы того, что сегодня принято называть ростом, не имеют ничего общего с благосостоянием, а сводятся лишь к увеличению экономической активности») и противопоставляя им «более глубокое понимание неэкономических и нематериальных ценностей, являющихся неотъемлемыми элементами удовлетворения потребностей человека» [64, с. 619], то есть неявно признаваемые ценности коммунистической формации. Правда, У.Бек усиление духовности и обусловленное им ослабление эксплуатации природных ресурсов связывает с появлением в индивидуализированной социальной среде «жизненных эстетов» – художников, поэтов, деятелей и любителей искусства (или, по иной терминологии, «детей свободы»), что свидетельствует о возникновении «*культурных источников радости от рисков и креативности*» [24, с. 254–255]. Автору надлежало бы быть последовательным до конца, то есть объяснить социально-экономические, материальные основы возникновения этих «источников» (что, кстати, в отношении антихудожественной, меркантильной сущности капитализма представляется крайне сложным или даже невозможным), но У.Бек уклоняется от этого рискованного предприятия. Давление челове-

ческого духа, и в частности морали на производственно-экономический процесс, конечно же, в последние годы довольно ощутимо, но было бы сверхнаивностью ожидать от этого давления победы человеческого духа над вещиизмом в рамках капиталистических производственных отношений. Поэтому замечательную мысль И.Сосуновой: «когда говорила экономика, мораль по отношению к природе молчала» [50, с. 134], следовало бы переместить из контекста прошедшего времени в настоящее.

Смена исторического алгоритма жизнедеятельности людей. Этот интегральный фактор предотвращения мировой экологической катастрофы представляет собой сумму всех тех атрибутов социалистического (коммунистического) общества, которые означают революционный, принципиальный разрыв с прошлым и приходят на смену атрибутам и признакам капиталистического общества. Речь идет о сумме признаков, способных задать новый алгоритм образу жизни и способу природопользования: о мотиве *самоосуществления* (мотиве «быть»), приходящему на смену уродливо экспансионистскому мотиву *владения* (мотиву «иметь»); разумных потребностях; планомерности и контроле; самоограничении (мораториях и табу); гармонизации природы и культуры; коммунализации тех сторон быта, техническая индивидуализация которых приводит к перенапряжению его инфраструктуры (особенно транспортных коммуникаций) и крайней степени урбанизации; смещение общественных интересов на стандарты духовного производства, а не на стандарты вещистского потребления и на соперничество личностного, а не статусного порядка и т.д.

Практически решая вопрос о спасении экосреды, следует обратить внимание на вполне резонные высказывания и логико-исторические схемы философов. Отечественный специалист в этой области профессор, Ф.И.Прокофьев, анализируя взаимодействие субъект-объектных факторов в историческом процессе (взаимодействие человека и природы), констатирует: «Здесь просматривается такой процесс. 1. Стадия отчуждения в форме подавленности субъекта объектом. 2. Стадия первоначального освоения – освобождение, при котором субъект как антипод объекта, его антагонист, преодолевая собственное подавление, подавляет сам. 3. Стадия доминирования

субъекта над объектом, его свободы, но в качестве подавляющего. Здесь отчуждение приобретает другую направленность. Это необходимый этап как выход субъекта из антагонизма отчуждения первой стадии. 4. Стадия перехода от свободы господствующего субъекта к отношениям соответствия между субъектом и объектом. 5. Стадия соответствия между ними в форме полного освоения, родственности, гармонии» [81, с. 80–81]. Очевидно, третья стадия – как стадия «свободы» – и есть то, что принято называть капитализмом.

Обобщающий аккорд относительно эсхатологии глобального экологического кризиса может звучать следующим образом. Когда экологическая проблема для всех и каждого станет очевидной повседневной угрожающей реальностью, когда дилемма «быть или не быть» обострится до критического предела, тогда человечество либо вынуждено будет отказаться от планетарных масштабов производства, резко сократить его во имя самоспасения, либо приспособить механизм науки и технико-технологических завоеваний к реабилитации и сохранению, хотя бы частичному, природной среды. Вероятней всего последний путь – реабилитационно-репродуктивный (если он только станет возможным!). Но переориентация всего научно-технического, научно-производственного механизма с производства товаров и его (производства) эскалации на реабилитационные меры может осуществиться только при изменении самого алгоритма, самой парадигмы человеческого бытия, ибо массивное товарное производство как неизбежная негация природного мира и реабилитация природной среды – «две вещи несовместные». Дело в том, что создание локальных эффектов экологической чистоты в элитных странах путем эвакуации за их пределы вредоносных веществ, искусственного блокирования ядовитых аэродинамических и гидродинамических потоков, а также различного рода профилактических мер в условиях системной открытости мира практически неосуществимо и невозможно. Может показаться, что под международным контролем предохранительные и реабилитационные меры подобного рода способны будут осуществиться во всех странах мира на основе договоренностей и помощи со стороны развитых государств. Но вряд ли эти меры окажутся осуществимыми. Во-первых, блокирование воздушных и водных зараженных потоков в плане-

тарном масштабе принципиально невозможно (ибо на *какие* территории их направлять и «списывать»!). Во-вторых, дорогостоящие профилактические и реабилитационные экозащитные меры противоречат нормам и канонам капиталистического товарного производства, которое только и способно развиваться на основе воспроизводства социально-экономического неравенства стран и народов. Иными словами, эсхатология экологического кризиса никак не устранима в рамках неизбежных для капитализма дифференциации материального положения классов (групп) и господствующего в обществе принципа индивидуалистического соперничества. Она означает «конец истории». И тогда, подчеркиваю – во имя сохранения человеческого рода и всего земного – человечество, поворачиваясь лицом к реабилитационным мерам, просто *вынуждено* будет обратиться к ... коммунизму, к отказу от частнособственнической практики по той уясненной, в конце концов, причине, что товарное производство не только терпит индивидуализм, но и культивирует его сверх всякого предела, то есть создает социально-экономическую стратификацию общества, неравенство потребления и неравенство пользования, тогда как *реабилитационные меры в качестве необходимого способа существования людей могут быть рассчитаны только на равенство всех в пользовании экологическими благами*, на коллективистские, социальные формы существования, ибо *товар может производиться только для индивидуального или группового потребления, для отдельных, избранных групп или классов, а экологические блага как необходимое условие существования всех и каждого невозможно создавать для отдельных индивидов или групп – они могут быть только достоянием всех.*

2.4. Социализм как дивергенция и самоотрицание капитализма

Присвоив себе статус «развивающегося общества», капитализм в лице своих вчерашних и нынешних защитников, похоже, посягает на *монополию развития*. Отказать ему в этом невозможно: динамика выражает его суть, его мотив, его жизненное содержание. Начав с экстенсивного развития в пору преуспевающего либерального рынка (*с концепции роста*), капитализм к 1960-м годам вступил в полосу

интенсивного развития – период НТР, одним из последствий которого стал исподволь назревающий глобальный экологический кризис. Фаза экстенсивного развития споткнулась о «пределы роста» (Д.Мидоуз, А.Печчеи), а *принцип* (интенсивного) *развития* довольно быстро обнаружил неспособность их эффективного преодоления. Тогда-то, в 1980-е годы, в обиход была запущена мондиалистская концепция «устойчивого развития» (Л.Браун, Дж.Ньераре), радикальный вариант которой потребовал экстренного демонтажа «нерациональной», «неэкономной» и «неразвивающейся» социалистической системы. Демонтаж ее произошел для многих совершенно неожиданно и быстро, оставив после себя вереницу вопросов и прежде всего вопрос о том, *что было и что же, в конце концов, произошло.*

Ответы на эти вопросы, разумеется, не могли и не могут быть однозначны. Систематизируя их, в постсоветской обществоведческой литературе можно выделить по меньшей мере пять позиций, из которых три последние имеют общую парадигмальную основу.

Первая – позиция последовательных противников социализма. Согласно ей социализм в теории – это наукообразная утопия, на практике – неудавшийся эксперимент или «тупиковая ветвь развития». Вторая позиция, объединяющая ученых социал-демократической, правосоциалистической и неотроцкистской ориентаций, полагает «реальный социализм» либо несостоявшимся, либо состоявшимся в качестве исторической мутации (хилое дитя с аномалиями вследствие преждевременных родов) и исходит из посылки возможности лишь *посткапиталистического социализма.* Эту позицию занимает и социалист А.А.Мороз, заявивший в своем выступлении на совещании-семинаре блока СПУ-СелПУ в январе 1998 г.: «В СССР социализма не было, как и не было свободы гражданского выбора» [82]. Третья позиция замешана на политических эмоциях левизны и последовательно отстаивает версию империалистического «заговора» или «предательства» переродившейся комверхушки*. Ее сторонники упо-

* Вот образчик этой версии: «Сознательное, целенаправленное разрушение социалистического строя представителями всех мастей – вот главная причина кризиса в экономике и развале СССР» [Нина Тураева. «В единстве – наша сила», статья в «Голосе коммуниста» № 7 (11), 1994].

вают при этом на революционную энергию масс, способную в сжатые сроки возродить СССР. Сторонники четвертой и пятой позиций, соглашаясь с версией «заговора», тем не менее, делают акцент на внутренних причинах падения социализма: одни из них уверены, что социализм потерпел временное поражение во многом благодаря роковым случайностям и усилиями трудящихся масс способен самовосстановиться; другие считают, что он основательно, из-за своей исторической слабости (ранний социализм) подорван и дело его возрождения – в более совершенном или трансформированном виде – потребует длительного времени. Многие из разделяющих эту последнюю позицию определяющую причину падения СССР видят в политике глобализации стран «золотого миллиарда», и прежде всего США.

Сторонники первой из пяти названных позиций особо не утруждают себя доказательствами своей правоты. Для них важен сам факт «падения монстра», а противоречия развития социализма, способные к адекватному (конструктивному) разрешению в его собственных пределах, постфактум легко подтасовываются под причины распада. Проще всего, объявив социализм «тупиковой ветвью развития», капризом истории или ее досадным недоразумением, вообще закрыть эту тему. Социализм при таком поверхностном подходе рассматривается не как предмет научного исследования, а как идеология, застрявшая в мозгах уходящего поколения советских людей, главным образом пенсионеров, и потому не заслуживающая серьезного внимания. А между тем этот общественный строй, во-первых, существовал – и не на краю ойкумены, а в эпицентре мировой истории, добившись при этом авторитета и признания даже со стороны своих противников; во-вторых, на постсоветском пространстве он не исчез полностью, ибо остались многие из его хозяйственных форм, обнаружившие эффективность и живучесть даже в условиях массивного давления на них со стороны частнособственнических структур, осталась идеология, образ жизни и сознание людей, не приемлющих ценностей буржуазного мира; в-третьих, социализм продолжает существовать в суверенных государственных формах (Куба, Китай, Вьетнам, КНДР); в-четвертых, его новые начала, поразному вызревшие в недрах как развитых капиталистических стран

(Швеция, Испания, Италия, Франция), так и стран периферии (Венесуэла, Боливия), приобретают все больший вес и значение в экономической и социальной жизни их граждан. Делать вид при таком положении вещей, что «проблемы не существует», либо легкомысленно, либо нечестно. Что касается сторонников остальных позиций, то для них теоретические и практические проблемы социализма не сняты с повестки дня.

Ученые социал-демократической и правосоциалистической ориентаций рассматривают социализм как продукт эволюционного развития, который постепенно, по «частям» и «кускам» вызревает в недрах капитализма, и одновременно полностью отменяют возможность появления подобных его «фрагментов» на революционных путях развития. Их точка зрения «несостоявшегося социализма» представляется парадоксальной в том смысле, что, претендуя на реализм в оценках советского социализма, они в то же время лишены всякого реализма в оценке социализма как такового. Для них последний мыслится как некий совершенный, идеальный тип общества, по максималистским меркам которого советский строй никак нельзя назвать социалистическим. Но кто, где и когда с математической строгостью определил, во-первых, способы, методы, последовательность фаз и ступенек становления (созидания) социализма и, во-вторых, его экономические, социальные и политические атрибуты? Социалистическое общество — не данность, а *процесс*, диалектика которого предполагает в его структуре свои позитивы и негативы, приливы и отливы. И если иные из негативов стали вдруг гипертрофироваться и создавать угрожающие дисфункции, то это не может быть основанием для того, чтобы объявить такое общество «несуществующим». Иное дело — дать ему надлежащую оценку: насколько «хорошим» или насколько «плохим» оказался в *данном* обществе и в *данное* историческое время социализм и что за этим должно последовать.

Социал-демократическое, как и правосоциалистическое видение «реального» социализма, в свою очередь, имеет две версии. Первая, рассмотренная выше, представляет собой концепцию «социализации капитализма», эволюционистскую теорию нового общественного строя в качестве постепенной гуманизации «негативных сто-

рон» капитализма или, если иметь ввиду близкие нам реалии, — в качестве «социально ориентированной рыночной экономики». «Социализированный капитализм» — чудесная находка лояльных режиму ученых от политики, которая, ставя во главу угла «рыночную экономику», то бишь либеральный капитализм, одновременно разбавляет его некоторыми социалистическими ценностями и атрибутами. Далее этих приемлемых для капитализма атрибутов дело не идет: «подобревший» капитализм как общественный строй необходим и пригоден на все века. Именно такую точку зрения разделяют или разделяли нынешние ученые, они же и политики, А.Гальчинский и М.Павловский. По другой версии социализм — это благополучный финал развития капиталистического общества, или, если говорить проще, социализм — это посткапитализм. Тот посткапитализм, накопленные социалистические предпосылки и ресурсы которого, наконец-то из научного проекта превратятся в реальность без всяких промежуточных «переходов» и «фрагментаций». На подобных позициях стоят известный польский философ А.Шафф, а также многие российские и западные ученые, сгруппировавшиеся вокруг международного общественно-политического и аналитического журнала «Альтернативы (Alternatives)». Разъединяет эти две версии то, что, согласно первой, социализм как *самостоятельный* общественный строй невозможен, а согласно второй — возможен. Объединяет — признание того, что не только социализма, но и каких-либо его заметных ростков в прошлом историческом опыте человечества еще не было.

В отличие от крайних суждений ученых социал-демократических и правосоциалистических ориентаций умеренное крыло социалистов-обществоведов выдвигает и обосновывает прежде всего мутантную версию «того, что было». Согласно этой версии первый прорыв социализма в историческую реальность породил причудливую смесь деформированных свойств уходящего и нарождающегося нового общественного строя и потому быстро иссяк. Один из авторов концепции «мутантного социализма» А.Бузгалин утверждает, что «собственно социалистическая тенденция существовала лишь в мутантном, а именно бюрократически-тоталитарном виде» [83, с. 9]. «В конце концов, — резюмирует он, — эта неорганическая смесь,

скрепленная лишь бетоном тоталитаризма, не могла не рухнуть и рухнула» [там же]. После такого определения остается недоумевать: как подобного рода «неорганическая смесь» смогла побудить автора к выводу о порождении ею «качественно новых (по сравнению с буржуазными и добуржуазными обществами) отношений и тенденций», как и, надо полагать, к главному выводу: «Мы должны сохранить ростки социализма» [там же, с. 11]. Что сохранять, остается неясным.

Невозможно согласиться с концепцией «мутантного социализма»*, как и с *методологией* критики А.В.Бузгалиным (во многом справедливой) советского социализма. Доводы японского профессора экономики Юдзо Танака, адресованные в связи с этим А.Бузгалину, выглядят более убедительными: «Если следовать словарному определению, то «мутант» — это какой-то организм, который отличается от его исходного типа каким-либо наследственным отклонением. Если это так, то выходит, что говорить о чем-то мутантном имеет смысл лишь тогда, когда до него существовал «исходный тип», то есть что-то первоначальное, оригинальное, собственное, неискаженное. Но можем ли мы говорить, что когда-то, где-то реально существовал «нормальный социализм» как общественный строй? По моему мнению, очень трудно дать положительный ответ на такой вопрос» [84, с. 112].

Понятием «мутация социализма», «реальность» которого А.В.Бузгалин пытается свести к «объективной необходимости созидания, сотворения снизу ... общества, более свободного, более демократичного, более эффективного, чем капитализм» [85, с. 122], автор демонстрирует свое полнейшее непонимание диалектики про-

* А.В.Бузгалин пространно и невразумительно прокомментировал это свое понятие: «Категория «мутантный социализм» используется в книге для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков — «гено (депо) мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «гено мутаций», для выделения нового вида)» [85, с. 123].

цесса (ибо социализм в исторических реалиях — это прежде всего *процесс*) со всеми его *многоплановыми* противоречиями. По этой-то причине он рассматривает «тоталитарно-бюрократическую систему» не как определенный (и неизбежный) этап процесса, а как «раковую опухоль», которая «*всегда* (курсив мой. — Е.С.) паразитировала» на «ростках будущего» [там же], не задумываясь над тем, что именно благодаря этой «системе» был совершен грандиозный бросок в сторону социализма (в решении как экономических, так и социальных проблем) и что лишь на последующем этапе, после этого броска, когда произошло «обобществление на деле» труда и производства, политический его инструмент постепенно, выполнив свою историческую роль, превратился в собственную противоположность — в тормоз и предел движения. Концепция «мутации», не способная объяснить диалектику этого процесса, вряд ли может быть признана состоятельной*.

Наконец, критично и самокритично мыслящая часть ученых марксистской ориентации, дистанцируясь от известной версии «кануна» социалистической революции и концепции построения социализма «в отдельно взятой стране», все больше обращает внимание, во-первых, на историческую природу и характер внутренних конституирующих основ нового общественного строя и, во-вторых, на мировой контекст диалектики его формирования. Методологически «удобной» и по существу примиряющей все позиции марксистов оказалась при этом концепция социализма как *переходного общества* в безгранично широком его понимании, практически не дающем возможности определения интегрального критерия «социальности». Формально таким критерием выступает сама «*переходность*», но он, как нетрудно заметить, лишен единомерной качественной определенности. Идея переходности заложена в основу исследований представителей логико-исторической школы В.А.-Вазюлина, для которой характерна попытка сочетания принципа

* Кстати, А.В.Бузгалина справедливо можно упрекнуть в чисто методологическом плане: с каких это пор сложные проблемы общественно-исторического развития безапелляционно стали решаться с помощью медико-биологических аналогов?

историзма с системно-целостным подходом. Греческий марксист М.Дафермос, представитель этой школы, следующим образом пытается разобраться в сущности «переходного общества»: «Сама внутренняя структура социализма имеет смешанный и противоречивый характер: она, с одной стороны, включает ростки нового общества, а, следовательно, тенденцию преобразования старых производственных отношений и переход к новому типу общественного развития (к коммунистическому человечеству). С другой стороны, во внутреннюю структуру социализма включаются отношения, унаследованные от предшествующих стадий общественного развития (в первую очередь от капитализма) и, следовательно, сохраняется возможность возвращения к старому обществу. Социалистическое общество развивается по восходящей линии, когда ведущую, доминирующую роль играет первая тенденция. Превращение второй тенденции в господствующую приводит к разрушению сущности нового общества и реставрации старых, изживших себя исторически социальных форм» [86, с. 92]. Концепция переходности, как нетрудно убедиться, отводит значительную роль случайно-вероятностному, стохастическому фактору исторического процесса, позволяя тем самым проследить все его сложные перипетии (и не улавливая при этом *главной* тенденции). В этом одновременно ее преимущества и недостатки.

В отличие от концепции *разнородности (переходности) социализма* В.А.Ацюковский и Б.Л.Ермилов предлагают иную теоретическую версию, рассматривая социализм как самостоятельную общественно-экономическую формацию. Формационная парадигма сама по себе не нова. Однако до последнего времени по своим эссенциальным характеристикам она представляла собой вынесенную за пределы коммунистической формации его «первую фазу». Поскольку реальная модель этой «фазы» исторически обнаружила свою слабость или даже несостоятельность, формационная версия социализма подверглась существенному переосмыслению, что наблюдается в настойчивой попытке названных авторов по-новому проинтерпретировать формационнообразующие признаки в целом, формационные признаки социализма — в частности. Согласно их концепции, развернутой в стройную «периодическую систему мар-

ксистских законов», общественно-исторические формации отличаются друг от друга формами собственности (личной, частной, общенародной) на основные элементы общественного производства (трудящихся и их рабочую силу, средства производства, предметы потребления). Различные комбинации форм собственности на те или иные элементы общественного производства и составляют специфические признаки конкретных формаций. Так, рабовладельческая формация характеризуется частной собственностью на раба и его жизнь, частной собственностью на средства производства и личной собственностью на предмет потребления. Феодално-крепостническая формация есть частная собственность на крепостного и его рабочую силу (но не жизнь), частная собственность на средства производства и личная собственность на предметы потребления. Капиталистическая формация, соответственно, — это частная собственность на рабочую силу, частная собственность на средства производства и личная, а также частная собственность на предметы потребления. Наконец, социалистическая формация характеризуется общенародной собственностью на трудящихся и их рабочую силу, общенародной собственностью на средства производства и личной собственностью на предметы потребления. Что касается прогнозируемой коммунистической формации, то в ней, по мнению авторов, будет безраздельно господствовать общенародная собственность, распространяющаяся и на предметы потребления.

Таким образом, единственное, что отличает социализм от коммунизма, — это наличие в нем личной собственности на предметы потребления, тогда как при коммунизме таковая перерастает в общенародную путем «коммунистической революции» (разумеется, при этом уровень и качество общенародной собственности на средства производства и на трудящихся при социализме существенно ниже, чем при коммунизме). Казалось бы, столь неприметное до последнего времени понятие личной собственности как личного присвоения становится водоразделом между теоретическими моделями социализма и коммунизма. Именно личное присвоение как важнейший элемент социалистических производственных отношений является тем троянским конем, который не только незаметно создает социальное неравенство, возможность частного присвоения со-

вокупного прибавочного продукта, но и таит в себе опасность пере-рождения социализма в несправедливое, эксплуататорское общество и, по большому счету, приводит к исчерпанию исторических ресурсов социалистической формации. «По мере накопления объемов личной собственности, — утверждают авторы, — когда государство оказывается уже не в состоянии ограничить ее дальнейший рост, в социалистическом обществе наступает кризисная ситуация. У богатого меньшинства личная собственность все больше превращается в предметы роскоши и престижности, в золото, валюту, капитал и частную собственность — средства эксплуатации трудящихся. Все это создает экономические, политические и идеологические условия для контрреволюции и реставрации капитализма» [87, с. 10]. И далее: «Отношения общенародной и личной собственности — это основные экономические противоположности социализма. Борьба этих противоположностей как проявление основного противоречия социализма в форме классовой борьбы определяет все эволюционное развитие социализма от подъема до полного самоисчерпания его производственных отношений и разложения общества изнутри» [там же, с. 11].

Таким образом, резюмируют В.А.Ацюковский и Б.Л.Ермилов, история развития социалистических стран показала, что упразднение наемного труда и частной собственности на средства производства не уничтожают в обществе всех форм порабощения и эксплуатации человека человеком. Социализм является столь же классово-антагонистической формацией, как и все предыдущие. Превращение личной собственности (личного присвоения) в частную привело его к глубокому кризису. Этот кризис способен разрешиться либо в пользу господства частной собственности — и тогда это контрреволюция, либо в пользу обобществления личной собственности на предметы потребления — и тогда это коммунистическая революция. Реальные события предопределили первую, контрреволюционную альтернативу. Но поскольку коммунистическая формация неизбежна («Ничто не может превратить устаревшие производственные отношения снова в молодые и прогрессивные, в главный источник развития. Это невозможно точно так же, как невозможно превратить старый биологический организм в молодой или повернуть ис-

торию вспять» [там же, с. 16]), то реставрация капитализма не может пустить глубокие корни в «постсоветский» образ жизни и поражение ее неминуемо.

Находя концепцию В.А.Ащюковского и Б.Л.Ермилова оригинальной и заслуживающей глубокой проработки, вместе с тем нельзя не обратить внимания на ее уязвимые места. Во-первых, социализм как уже состоявшаяся формация, по логике авторов, переживает (или способен переживать) довольно странные метаморфозы. Согласно этой логике, события разворачиваются в такой последовательности: *капитализм — социализм — капитализм — социализм — коммунизм*. Трудно уловить в приведенной схеме закономерность событий. История в ней переживает как бы «двойной» ход: от капитализма к социализму, затем следует возвращение к капитализму — и история вновь повторяется. Как понимать это? Подобные метаморфозы имели бы смысл, если бы социализм рассматривался авторами как процесс, как становление и развитие, когда низшие его формы (фазы, этапы) под напором внутренних и внешних сил все еще мощного капитализма могли отступать, терпеть поражение, распадаться, чтобы, подобно сказочному Фениксу, восставать из пепла в более высоком своем историческом качестве. Но ведь речь-то у авторов идет о социализме как *исчерпавшей* себя формации! Что же получается? Омоложение того «старого биологического организма», о противоестественности чего авторы столь решительно только что заявили. Во-вторых, парадоксальным выглядит само положение об исчерпанности социалистической формации в столь короткие исторические сроки. Не успел социалистический птенец вылупиться из яйца, как тут же состарился и «исчерпал» свои жизненные ресурсы*. Вряд ли можно всерьез говорить о подобного рода недолговременном социализме как общественно-экономической формации. Иное дело, если недолговечность существования мы бы связывали

* В схожей по существу версии социализма, выдвинутой современным украинским автором Л.А.Гриффеном, мысль об исчерпанности социализма выглядит еще более абсурдной, когда он пытается доказать, что советский социализм уже в 1930-е годы, то есть просуществовав всего 15–20 лет ... «как система вступил в стадию загнивания» (курсив Л.А.Гриффена. — *Е.С.* [88, с. 24].

не с формацией, а с определенной исторической формой, фрагментом социализма — в этом случае она (недолговечность) имела бы смысл и логику. И уж конечно, «коммунистическая революция» как продукт исчерпанности социализма никак не допускает возможности реставрации капитализма на пути своего закономерного осуществления.

Более убедительной и диалектической в этом плане является позиция известного политического деятеля и ученого (к сожалению, рано ушедшего) Б.П.Курашвили. Социализм как *процесс* обозначен им такими вехами, как *авторитарно-утопический* социализм в годы гражданской войны и военного коммунизма; *авторитарно-многоукладный* — в годы НЭПа, *авторитарно-мобилизационный* в предвоенные (1941 г.), военные и послевоенные годы; *авторитарно-бюрократический* социализм хрущевско-брежневских времен, переставший соответствовать «духу времени» и вконец дискредитировавший новый общественный строй [89, с. 27]. В ряду обозначенных вех «перестройка» в качестве камуфляжа реставрации капиталистического строя, по мнению Б.П.Курашвили, вписывается в диалектически сложный и длительный процесс революционных преобразований капитализма в социализм как момент временного отката. Вот что он пишет по этому поводу: «Нужно задуматься над той отмеченной в марксизме объективной закономерностью революционного процесса, что он складывается из трех фаз или проходит три этапа: тотального сокрушения старого, большого отката и перехода к эволюционному развитию. Революция, если структурировать ее во времени, — это три следующие друг за другом волны изменений, из которых первая, накатная волна вздымается наиболее высоко, как цунами, вторая, откатная — несколько ниже, а третья, опять накатная, уже низкая — обещает скорое успокоение океана общественной жизни» [там же, с. 28]. О краткосрочной «реставрации» далее говорится: «*Большой откат* дает возможность жизнеспособным элементам старого экономического и в целом общественного строя вернуться к жизни, «всплыть на поверхность», существовать и при новых формах собственности» [там же]. Откатная волна как «возвращение» к капитализму — при всех ее перехлестах и издержках — означает, очевидно, установление на необходимое время условий

для продуктивного «усвоения» социализмом дополняющих (гомеостазирующих) его жизнеспособных и конструктивных элементов капитализма. Другими словами, опять же происходит закономерный процесс «снятия», чреватый кризисными потрясениями обновляющегося общества, когда «возвратившийся» капитализм всячески противится этому «снятию» и приходит в бешенство в предчувствии своей системной гибели, пытаясь «капитализировать» все и вся.

В связи со сказанным следует коснуться еще одной версии социализма, вызвавшей резкие полемические возражения со стороны Б.П.Курашвили. Эта версия означает изначальную, на старте, историческую необходимость очищения нового общественного строя от оставшихся и воспроизводящихся в нем, а также непрерывно проникающих в него извне чужеродных частнособственнических начал. Одним из авторов и наиболее последовательных сторонников этой версии является известный как в советский, так и в постсоветский период истории марксист-теоретик и видный политический и общественный деятель Р.И.Косолапов. Еще в 1960–1970-х годах он активно выступал против теории и практики товарных отношений в условиях социализма, полагая, что отказ от них ускорит построение социалистического общества и переход к коммунизму. Псевдоперестройку и откат к капитализму он однозначно оценивает сегодня как закономерный результат уступок «товарникам», как капитуляцию перед частнособственнической рыночной стихией. В ряде своих последних работ, в частности в брошюре «Обращение к разуму. Человеческий манифест» (в соавторстве с И.Хлебниковым) и книге «Идеи разума и сердца», он систематизирует свои теоретические положения о нетоварности социализма, противопоставляя категории стоимости и товара как атрибутов капиталистического способа производства понятия «условная стоимость» («формальная стоимость») и «условный товар» («формальный товар») в качестве специфического механизма функционирования социалистической экономики. Вот как объясняет смысл этих последних понятий сам автор: «Содержание капиталистической стоимости – проявление в товарном обмене общественного характера труда частных производителей – радикально меняется (*при переходе к социализму.* – Е.С.):

во-первых, труд не частных, а обобществленных производителей приобретает непосредственно общественный характер и уже не нуждается в рыночной оценке своей общественной значимости; во-вторых, исчезает обмен товарами, так как отсутствуют противостоящие друг другу независимые собственники продуктов. *Содержание стоимости испаряется.* Единственное, что можно в данном случае поставить на *его* место, — это непосредственно общественный труд, затраченный на изготовление данной вещи, но это нечто, прямо противоположное стоимостному отношению.

Что же остается от стоимости? *Остается форма*, то есть определение затрат общественно необходимого рабочего времени косвенным путем, через золото, пока новое общество не имеет возможности измерять эти затраты непосредственно в рабочих часах... Итак, стоимость получила свое новое содержание — непосредственно общественный труд — и перестала быть стоимостью. Та форма, внешняя оболочка, которая от нее осталась и сводится к количественному определению рабочего времени путем сравнения продуктов с золотом, может быть названа *условной* или *формальной* стоимостью. Сохранение этой формальной стоимости и предвидел Маркс для грядущего социалистического общества *при условии полного обобществления средств производства* (последний курсив мой. — Е.С.)... Выступая формально как носитель стоимости и выражая заключенное в нем рабочее время в золоте, продукт социалистического производства облекается в товарную форму, становится условным, или формальным товаром. Его нетоварное содержание сочетается с товарной формой, которая сводится к соединению потребительной стоимости продукта со стоимостью формальной» [90, с. 109–110].

В появлении условной стоимости и условного товара Р.И.Косолапов видит разрешение известной антиномии Маркса, полагавшего, что при социализме *товара и стоимости не будет*, и одновременно считавшего, что *они должны существовать*. В приведенной цитате мной выделены курсивом слова, касающиеся формального характера социалистической товарности, — *«при условии полного обобществления средств производства»*. Выделены неслучайно. Очевидно, Р.И.Косолапов, где-то, возможно, засомневавшись в истинности приводимых им доказательств (убедительных и безукоризненных

в отношении теоретически видимого им социализма), счел необходимым внести эту существенную оговорку. Но она не спасает и не вносит ясности, порождая вопросы такого рода: обязательно ли социализм предполагает «полное» обобществление средств производства? а если неполное, то это уже не социализм? и где та черта — и возможна ли она в принципе, — которая четко отделяет «эмпирический» социализм от неосоциализма? и какой необходим уровень обобщественности труда и производства, чтобы можно было говорить об обществе как о социалистическом? Иными словами, живая, реальная диалектика процесса трудно стыкуется с теоретическими императивами рафинированного социализма.

Понимая все сложности и коллизии этой диалектики, Р.И.Косолапов вычленяет в «переходном периоде» три группы обмена материальными ценностями: обмен между частными производителями, имеющий товарный характер; обмен между пролетарским государством и частными производителями, тоже имеющий товарный характер, но отличающийся тем, что в нем участвуют коллективный производитель и товаровладелец; обмен внутри социалистического сектора между предприятиями, между государством и предприятиями, между рабочими и государством. Только в последнем случае мы имеем дело с формальным товаром [там же, с. 113]. Пусть все это так и есть, но опять же здесь не обойтись без вопросов: где, как и когда заканчивается переходный период? И самое главное — не влияют ли две первые группы обмена (собственно товарный обмен) на третью его группу (условный товар)? Вопрос о границах переходности Р.И.Косолапов решает, ссылаясь на марксово положение о господстве *общественной собственности* на средства производства в структуре производственных отношений социализма. «Именно она, сплачивая людей воедино, — пишет он, — исключает товарные отношения между государством, то есть классом, коллективом, с одной стороны, и отдельным тружеником, с другой стороны. Исключает, потому что делает невозможным противопоставление друг другу как самостоятельных собственников коллектива и личности. Может ли повлиять на эти отношения тружеников и социалистического коллектива наличие товарных отношений в других секторах народного хозяйства или между секторами? Нет, не может, так как товар-

ные отношения остаются чем-то *внешним*, они не определяются особенностями социалистической собственности и потому не влияют на характер связи рабочего и коллектива *внутри* государственного сектора» [там же, с. 114].

Положение о «внешнем» характере товарных отношений и их неспособности влиять на отношения социалистической собственности, обмена и распределения — ахиллесова пята концепции Р.И.Косолапова. Во-первых, нетоварные отношения социалистической общественной собственности и порожденные ими надстроечные явления не могут обитать в вакууме по той причине, что сравнительно *низкий уровень* развития производительных сил в форме советского социализма постепенно притормаживает энтузиазно-экстенсифицированный «размах» движения к социализму, прибирает к рукам нетоварные отношения, ставит их на свое место, создает препоны и препятствия их развитию, то и дело сталкивая их в сферу ограниченных институтами пролетарской власти товарных отношений. Во-вторых, если в условиях зарождающейся общественной собственности и появляются формальная стоимость и формальный товар, то их блокирование «внешними» факторами, «внешними» капиталистическими частнособственническими отношениями приводит к превращению — зачастую латентному, скрытому — *внешнего во внутреннее*, когда отношения социалистической общественной собственности, в свою очередь, становятся *формальными*. Примеров тому масса: и постепенное отчуждение ассоциированных работников от средств производства, и превращение условной стоимости в источник завуалированной прибавочной стоимости, присваиваемой государственно-партийными структурами, и, наконец, возникновение повального взяточничества и теневой экономики на почве деформированных нетоварных отношений. Сваливая все перечисленные и другие явления на «перерождение» партноменклатуры, «непонимание» или «предательство интересов...» и т.д., трудно внятно и по-научному ответить на тут же возникающий вопрос: вследствие каких *объективных* причин стали возможными «перерождение» и «предательство»? Да и в целом интересно, как ответил бы Ричард Иванович на такой деликатный «философский» (в марксистском понимании!) вопрос: явился ли распад (развал) социализма в его

советской форме *случайностью* или, в конечном счете, *необходимостью*, если процесс его деструкции начался задолго до «перестройки» и имел место не только в СССР, но и в Венгрии, Чехословакии, Польше? Логическая безупречность *нетоварности* «теоретического» социализма не означает его исторической необходимости в специфических условиях постфеодальной России. Наконец, в-третьих, историческая слабость, незрелость условий возникновения и развития социализма обусловили слабость и незрелость самих механизмов формирования и функционирования в экономической жизни общества условной стоимости и условного товара. Как только схлынула волна революционного энтузиазма и романтизма, мир высоких идей, кристальной честности и преданности «делу революции» исподволь начал подтачиваться мелкобуржуазной стихией, ловко и расчетливо сыгравшей на ее псевдопролетарской апологетической акустике. Субъектом массового исторического действия на ключевых постах и решающих партийно-государственных позициях вскоре стали явные или потенциальные могильщики социализма. Но этот субъект не с неба упал. Он был подготовлен всем предшествующим периодом социально-исторической, социально-культурной, психологической, наконец, цивилизационной незрелости «человеческого фактора» в условиях полуфеодального российского капитализма. «Великое не может быть обманом, но люди его могут обмануть». Так писал замечательный поэт Евгений Евтушенко, имея в виду социализм. И поэтому, решая вопрос о возможности или невозможности развития и победного шествия нетоварных отношений в системе социализма нашего недалекого прошлого, нельзя абстрагироваться от человеческого фактора в качестве деятельностного механизма исторического процесса. В «Обращении к разуму» Ричард Косолапов и Игорь Хлебников смело заявляют: «Настал период, когда общество должно смело отказаться от «политической экономии стоимости» и перейти к «политической экономии потребительной стоимости» [91, с. 21]. Требование справедливое. Но если разум общества и воспримет его, то воспримет ли его разум людей, населяющих общество?

Полемизируя с Р.И.Косолаповым и испытывая при этом к его «идеям сердца» привязанность и симпатии, Б.П.Курашвили писал

по поводу его последней книги: «В работе много глубоких соображений, она имеет перспективную ценность. Но если уж говорить о причине «погубления ленинского дела», то ею была неспособность использовать до конца «экономику стоимости» в качестве единственного исторически адекватного средства реализации «экономики потребительной стоимости». Отсюда прекраснородушное отрицание реально существующих неизжитых «узкокорыстных мотивов» и нереалистическое упование на постоянную «самоотверженность». Эти мотивы «преждевременных людей» чисты и благородны, но они невольно соучаствовали в погублении социализма блокированием рынка» [89, с. 31]. По поводу «соучастия» с автором можно поспорить в том плане, всегда ли и во всех ли случаях оно губило социализм, но вот что касается «узкокорыстных мотивов», то их изживание путем незамедлительного перехода к экономике потребительной стоимости действительно весьма проблематично.

Один из последних авторов, затронувших тему «нетоварности» социализма, Д.В.Якушев писал по этому поводу: «Так существовали ли в СССР товарно-денежные отношения? Сказать, что их не было совсем, что они никак себя не проявляли, было бы, конечно, неправильно. Безусловно, при желании можно найти примеры, когда отдельное предприятие в отдельных случаях выступало как мировое хозяйство. Подобные рецидивы товарности есть неотъемлемая черта переходного периода. Но это скорее было исключением, чем правилом. Народное хозяйство в СССР в целом было нетоварным. Не закон стоимости, а закон планомерного развития являлся определяющим в советском обществе. Не погоня за прибылью, а удовлетворение потребностей общества ставилось во главу угла» [92, с. 31]. Если все это так, то приходится удивляться: как же при «определяющей» роли в советском обществе закона планомерного развития в нем возобладали законы и механизмы рыночных стоимостных отношений и почему вследствие этого рухнул Союз?

Рассматривая и решая вопросы о причинах падения социализма в его советской форме, ученые так или иначе выходят на решение иных, более значимых для человечества вопросов: имеет ли социализм свое историческое продолжение и, в связи с этим, какое будущее ожидает капитализм, к чему приведет его борьба (взаимодей-

ствие) с нынешним и возможным будущим социализмом? Для ученых либерально-капиталистической ориентации, уверенных в прочности своих позиций, этот вопрос либо вообще не возникал, либо давно уже решен в пользу капитализма*. Для современных ответственных ученых прокапиталистической ориентации вопрос о социализме (коммунизме) с некоторых пор снят с повестки дня. Но при этом и для первых и для вторых не исчезает вопрос о постиндустриальном, или постэкономическом, или, наконец, посткапиталистическом обществе, ибо уйти от его решения они уже не могут. Что касается радикально-критически настроенных умов Запада (при том возвышенных и лучших, на уровне нобелевских лауреатов!), то у них наблюдается крайняя осторожность в определении социалистической перспективы (альтернативы). И только творческий марксизм, стряхнувший с себя пыль апологетики и догматизма, пытается диалектически осмыслить эти перспективы.

Традиционно решаемый марксистами вопрос о путях и формах перехода от капитализма к социализму в свете объявившихся новых исторических реалий нуждается в переосмыслении. Дело в том, что до последнего времени — а в некоторых научных сообществах и по сей день — этот вопрос и способы его решения пребывали в плоскости линейного восхождения от низшей к высшей, от менее развитой к более развитой ступени его развития. Но, как показала и доказала историческая практика, такая линейная модель себя дискредитировала, и сегодня этот сложный процесс требует для своего осмысления нетрадиционного, нелинейного подхода. На мой взгляд, этот последний заключается в следующем.

Во-первых, процесс перехода от капитализма к социализму имеет *нелинейный, стохастически противоречивый* характер, предполагающий наряду с прорывами нового общественного строя в будущее его неровности и виражи, отклонения в сторону и различного рода

* Многие из западных представителей теории «новой индустриальной волны», индустриализма и постиндустриализма склонны рассматривать капитализм и социализм как две рядоположенные формы единого индустриального общества и полагать отсутствие принципиального различия между ними, хотя пальму первенства в этом историческом «дуэте» они в конечном счете все же отдают капитализму.

попятные движения или отступления, наконец, такие взаимодействия со старым обществом, в которых происходят как процессы взаимного отрицания, так и процессы взаимного дополнения и диалектического синтеза. Подобного рода нелинейность и противоречивость движения относятся к самой *сущности* общественных строев, их исторических алгоритмов, то есть присущи *эссенциальному* подходу и *эссенциальной* теории. Здесь речь идет о взаимодействии различных исторических форм капитализма и социализма, уровнях их развития, степени наличия в них тех или иных признаков и атрибутов. Имеются в виду либеральный, неолиберальный, государственный капитализм, государственный и демократический социализм, рыночная частнокапиталистическая и плановая социалистическая экономика, индивидуальная, корпоративная и государственная формы капиталистической собственности и т.д.

Во-вторых, динамика этого перехода имеет *мультиплицированный* и *ансамблевый* характер. Это означает, что в реальном эмпирическом движении пребывает не капитализм как некая тотальная данность, а различные государства и страны с населяющими их народами, в которых в различной мере растворен или рассредоточен капитализм. Состояние капиталистического способа производства определяется в данном случае как некий вектор исторического движения или как взаимодействие между различными мир-системами. Понятие капиталистической интеграции, глобализации и альтерглобализации, колонизации (неоколонизации) империализма, развитых и развивающихся стран, стран ядра (центра), периферии и полупериферии и т.д. характеризуют капитализм в плане его экстенсификации и системности, а в более узком смысле – в плане конкретно-исторических, конкретно-территориальных, конкретно-национальных его проявлений и перспектив развития. Этот аспект мультиплицированности ансамблевого характера более всего импонирует феноменологическому подходу и мир-системному анализу.

В-третьих, модели прямолинейного «восхождения от низшего к высшему» противостоит *модель спиралевидности исторического процесса*. Закон отрицания отрицания, или принцип диалектического отрицания, что в логико-структурном отношении одно и то же, положенный в основу этой модели, представляет собой единство унич-

тожения (отрицания, отбрасывания) старого, создания или появления принципиально нового и сохранения в синтезе с новым преобразованных жизнеспособных элементов старого. «Удержание положительного» в диалектическом отрицании может иметь две формы: первая — сохранение жизнеспособных элементов старого в самом единовременном акте отрицания; вторая — это «якобы возврат» к старому имевшему место в предшествующей отрицаемой фазе развития. В первом случае синхронизированы моменты отбрасывания старого и удержания его позитивных сторон или свойств, во втором — они разведены во времени по разным способам производства или формациям. Применительно к процессу отрицания капиталистического способа производства мы наблюдаем как первый, так и второй моменты «удержания старого». В первом случае, помимо уже использованного в практике реального социализма превращения частнособственнических отношений в формальные, или условные, — это отношения трудового соревнования в качестве снятой формы экономической конкуренции, индивидуальные формы предпринимательства и общественной собственности, дополняющие и творчески активизирующие малоповоротливую общенародную собственность и плановую регуляцию общественного производства, наконец, индивидуальная самодостаточность, приходящая на смену алчному и односторонне прагматичному индивидуализму. Во втором случае мы имеем дело с «якобы возвратом» в докапиталистическое, феодальное прошлое — с модифицированными и обогащенными культурными достижениями и личностной самодостаточностью общинно-коллективистскими отношениями. При этом нельзя не отметить то важное обстоятельство, что во всех этих процессах отрицания не должно иметь место не только «голое», «зряшное» отрицание в качестве вульгаризации диалектики, но и механическое перенесение старого в новое под видом диалектического «снятия». А между тем попытки такого перенесения в теоретическом плане имеют место в советском прошлом, когда некоторые авторы самонадеянно полагали, что многие из слаборазвитых стран могли *проскочить* в социализм, «минуя стадию капитализма», не прикоснувшись к нему. Имелись в виду прежде всего те страны с докапиталистическим уровнем развития, государственно-общинные, кол-

лективистские и редистрибутивные, ментальные традиции которых тяготели к социализму. На практике этот «полуфеодальный социализм» ни к чему хорошему не привел, ибо со всей жестокой исторической необходимостью на его пути оказался востребованным капитализм, сквозь исторические фильтры и модификаторы которого должны были пройти коллективистские и редистрибутивные начала, прежде чем приобрести свои синтезообразующие возможности. Если два первых способа диалектического перехода от капитализма к социализму адекватны эссенциальному и феноменологическому, а также мир-системному подходам, то третий способ предполагает диалектико-материалистический подход и некоторые варианты конвергентных теорий.

Все перечисленные способы не предполагают выбора — они суть едины, дополняют друг друга, перекрещиваются друг с другом. С их помощью можно эскизно представить процесс формирования социализма, процесс перехода к нему во всей его диалектической сложности.

Панорамное видение многообразия современного общественно-го развития позволяет утверждать, что социализм рождается из синтеза социально-экономических, политических и идеологических предпосылок и элементов, которые, с одной стороны, появились и во все большей степени появляются и будут возрастать в недрах индустриально развитых капиталистических обществ, и, с другой стороны, сложились и ограниченным образом структурировались в раннесоциалистических обществах с ярко выраженными коллективистско-общинными, государственническими традициями и тенденциями социального (внеэкономического) регулирования хозяйственного процесса. В первом случае мы имеем дело с *предпосылками* социализма, во втором — с его *элементами*. Иными словами, мировая система социализма способна сформироваться — и, вероятно, будет формироваться — путем «сложения» (синтеза, взаимодействия, взаимодополнения) раннего социализма как дивергентной ветви исторического процесса и формирующихся в недрах развитого капиталистического общества предпосылок и, очевидно, некоторых элементов посткапиталистического социализма. Таким образом, мы имеем своеобразную триаду формирования мирового социализма: появление раннего, «дивергентного» социализма — диффузное фор-

мирование предпосылок социализма в недрах капиталистического общества как процесс его самоотрицания — появление посткапиталистического, структурно сформировавшегося социализма на основе диалектического синтеза позитивных приобретений дивергентного социализма и «постиндустриального» капитализма. В теоретическом мышлении представителей различных школ и течений науки о социализме эта триада, как правило, разрывается на отдельные фрагменты — и тогда либо абсолютизируется роль и значение дивергентного социализма, перманентных революционных скачков в качестве механизма его появления и развития, либо становление социалистического общества усматривается исключительно в процессе «социализации капитализма», длительного накопления внутри капиталистической системы его предпосылок и элементов, либо, наконец, долгожданный социализм предполагается как посткапитализм, как закономерный и мгновенный финал вконец исчерпавшего себя капитализма и одновременно как антипод несостоятельного, «мутантного» социализма. Последовательный марксизм, по логике методологических требований к социальному познанию, уходит от соблазна навязываемой «духом времени» фрагментации исторического процесса и, признавая неизбежность «односторонностей» в нем, пытается связать воедино революционные скачки (дивергенцию), постепенность вызревания социалистических начал в недрах капитализма и, наконец, синтез этих последних с приобретениями дивергентного социализма и определить логику этой связи. Постараемся последовательно охарактеризовать составляющие этого сложного процесса — *социализм как дивергентную ветвь общественного развития и социализм как самоотрицание капитализма.*

Дивергентный социализм — раннесоциалистическое образование. Характеризуя его, необходимо провести принципиальное различие между пониманием социализма как дивергентной ветви развития и пониманием его как социально-исторической мутации, о чем говорилось выше. «Мутация» в данном случае является случайным выбросом или преходяще-закономерным (локально-закономерным) явлением, не изменяющим по существу породившего ее общественного строя, и не может содержать конструктивных и жизнеобеспечивающих механизмов «нормального» развития общества. Иными слова-

ми, она изначально обрекает общество на гибель. В рассматриваемом случае «мутация» — всего лишь неудачное и некорректное наименование того, что действительно было первым и не очень добротным всходом социализма, имеющим слабые и сильные стороны, свой негатив и позитив. Характерно, что авторы концепции «небытия» или «мутантности» социализма в СССР перед лицом неоспоримых фактов то и дело вынуждены признавать «исторические заслуги социализма (!)». На признании этих заслуг спотыкается А.В.-Бузгалин. Запутывается в противоречиях с самим собой А.А.Мороз, то заявляя, что «социализма не было», то воздавая должное «новым социалистическим формам» и «социалистической экономике» бывшего Советского Союза [82]. Логика мутации непостижима. Логика дивергенции очевидна и убедительна. Здесь, вполне естественно, возникает вопрос: что же понимает автор под *дивергентным социализмом*?

Переход общества от феодально-общинного строя к капиталистическому, наглядно прослеживаемый в течение пяти столетий (XV—XIX), включил в себя и дивергенцию, смысл которой уже передан в приводимой в первой главе схеме. Окончательная победа капитализма, с одной стороны, похоронила классический феодализм, сохранив на задворках истории его модифицированные остатки, с другой — стимулировала жизнеспособные элементы прежней системы к историческому самовоспроизводству и развитию, что и привело к уже известной дивергенции — появлению «промежуточного» общества, раннесоциалистического образования.

Здесь уместно вспомнить как известные предположения К.Маркса и Ф.Энгельса о близости к социализму стран и народов, сохранивших в себе «общинные традиции», так и цивилизационные подходы к трактовке восточной ментальности как «коллективистской» и западной — как «индивидуалистической». Восприимчивость стран с общинными традициями к *социалистическому мировосприятию* неоспорима. Предполагая грядущее революционное движение в России, Ф.Энгельс в письме к М.Н.Горбуновой от 5 августа 1880 г. писал: «...Можно ожидать, что это движение вовремя окажется достаточно сильным, чтобы опереться на тысячелетнее стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть»

[93, с. 360]. Еще четче близость коллективистской «общинности» к социализму подчеркнута им в другой работе: «...Те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу» [94, с. 445–446].

Нечто подобное, но более расцветенное диалектикой исторических перипетий, еще задолго до Энгельса было высказано Герценом. Некоторые из этих высказываний заслуживают того, чтобы их процитировать.

«Община спасла русский народ от монгольского варварства и от имперской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти, она благополучно дожила *до развития социализма в Европе*» [95, с. 323].

«Что ж тут удивительного, что видя народ общинный, артельный, со своим понятием о праве на землю и о круговой поруке, живущего в каком-то чужестранном государственном неустройстве, которое ничему не удовлетворяет, ни, наконец, даже защите границ, нашлись люди, которые предположили, что этот народ ближе к осуществлению экономического, то есть социального переворота, чем римско-феодалная, мещанско-индустриальная Европа?» [96, с. 14]

«Что же нелепого в предположении, что новые общественные формы, новые экономические основы прозябнут и разовьются в других странах, мало имущих с бродящими и неустроенными силами, с несложившимися складками, — пока пышный цвет прежней жизни будет доцветать до утраты последнего яркого лепестка?» [там же, с. 145].

В последнем высказывании прослеживается в зародыше идея *дивергентного* социализма. Версия этого социализма по существу прозвучала и из уст К.Маркса, признававшего особый путь России к социализму: «...В России, вследствие исключительного стечения обстоятельств, сельская община, которая еще существует в нацио-

нальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно потому, что она является современницей капиталистического производства, она *может уловить его положительные достижения* (курсив мой. — *Е.С.*), не проходя через все его ужасные перипетии» [97, с. 387]. Прочитированное положение полностью вписывается в ранее предложенную мной схему. Если детализировать фрагмент этой схемы, характеризующий процесс дивергенции, он будет выглядеть

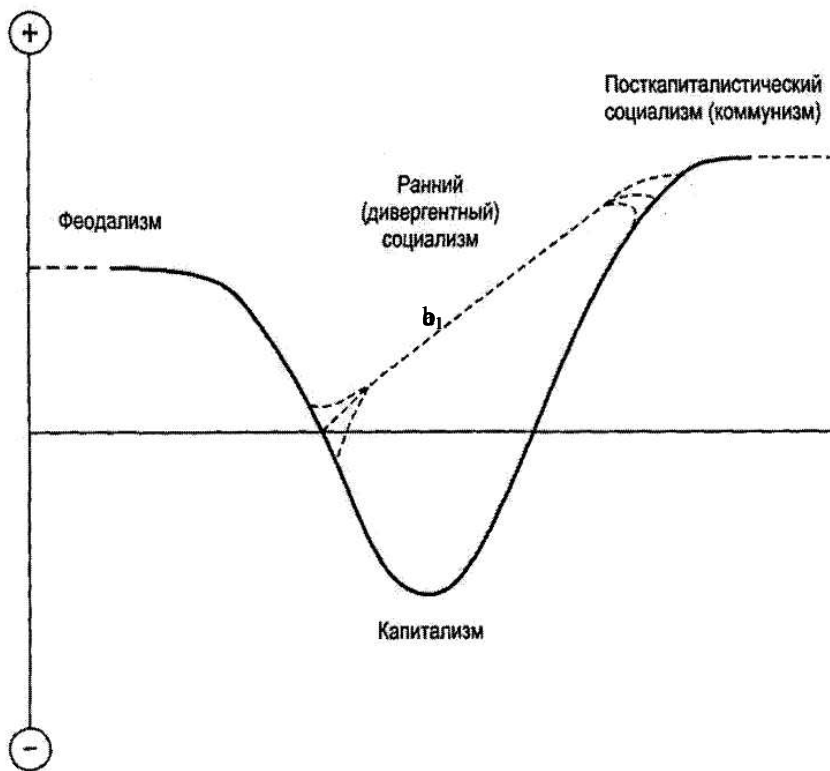

Рис. 2.1. Место дивергентного социализма в историческом процессе

Предложенная схема, можно надеяться, характеризует лишь *общую* историческую тенденцию и не претендует на безукоризненность ее деталей (так, может случиться, что последующие за дивергентными конвергентные ветви в точках схождения с основной линией развития окажутся способными менять последовательность «стыковки», то есть иметь вид «дуги вверх» и «дуги вниз»). Это вполне естественно и объяснимо, ибо — опять же — историческое всегда богаче логического. Можно лишь предполагать, что точки бифуркации, которые реально обозначились в схеме исторического процесса в момент «ухода» феодализма и «прихода» капитализма (a , b) и стали началом дивергентных процессов, ведущих к «воссоединению» с основной линией исторического процесса в точках (a_1 , b_1), окажутся на порядок ниже точки (c_1), в которую группа стран, дивергирующая в более поздний период формационного времени (из точки c), может придти гораздо быстрее, обогатившись приобретениями более развитого (экономически, технически, технологически) капитализма.

Приведенная гипотетическая схема, если только она имеет научный смысл, предрасполагает к поискам ответов на те вопросы, которые вытекают из логики и содержания ее построения. Являются ли дивергентные процессы наиболее важными и ответственными фазами становления нового общественного строя или такой определяющей фазой является глобальный «посткапитализм»? Исчерпываются ли революционные фазы превращения капитализма в социализм дивергентными «прорывами» (a , b , c) или они возможны (необходимы) и при интенсивной «стыковке», конвергенции в качестве «второго издания социалистической революции», превращающей эволюционно-революционным путем развитой капитализм в посткапиталистический социализм (a_1 , b_1 , c_1)? И, наконец, самое главное — как «поведет» себя изживающий исторические сроки капитализм: произойдет ли глобальная «посткапиталистическая революция» или острота превращения ограничится бурным вхождением все более набирающих интенсивности и сил дивергентных процессов (в том числе новых) в готовый к этому превращению, исчерпав-

ший себя капитализм? Трудно ответить на все эти вопросы. Поэтому резонно ограничиться попыткой ответа на один, более простой вопрос: какие факторы исторического процесса лежат в основе дивергентного социализма, вызывают необходимость его появления?

Отсчет появления дивергентной ветви развития раннего социализма можно вести с различных точек (a , b , c), в зависимости от того, на какой стадии *перехода* (a , b) от феодально-общинного общества к капиталистическому или на стадии *развития* (c) уже утвердившегося капитализма произошел исторический «всплеск» дивергенции. В перманентном ее процессе историей были «проиграны» все три варианта — a , b , c (историческое богаче логического!), ибо в формировании раннего социализма были вовлечены как страны, уже вступившие в капитализм (c) — Россия, ГДР, Чехословакия и др., так и страны, лишь подошедшие к нему (a), — Китай, КНДР, Монголия, Вьетнам, или оказавшиеся на «пограничной полосе» (b) — Куба.

В периоды перманентных обострений внутреннего кризиса капитализма, когда его экономические, социальные и экзистенциальные пороки встречают резкое противодействие со стороны угнетенных классов, наций и народов, уклад жизни, быт и историческая память которых сохранили коллективистско-общинные начала и ценности их предшествующей истории, происходит отталкивание (отторжение, отделение) новых общественных образований от «генерального курса» истории, каковым является переход капитализма на новую и высшую фазу своего развития. Известная ленинская версия «слабого звена» здесь не противоречит исторической логике дивергенции с той лишь оговоркой, что «высшая стадия» оказалась более жизнеспособной, допускающей иные этапы и формообразования капитализма, чем это предполагалось. Дивергенции именно и происходят в слабых звеньях империализма, но сомнительным при этом является положение, что революция в России, как и последующие за ней революции в ряде других периферийных стран, явились продуктом исчерпанности капитализма.

Раздвоение хода исторического процесса на конфронтирующие линии развития (в точках a , b , c) содержат скрытый мотив, «провиденциализм» истории, которые придают этому процессу отнюдь не

мутантный, а большой созидательный смысл: развитие в форме взаимостолкновения крайностей, полярный характер взаимодействующих сил понуждают каждую из противоположностей (капитализм—социализм) максимально актуализировать свой исторический потенциал, функциональный алгоритм своего существования. Для капитализма — это выживание и экспансия за счет научно-технического прогресса и уравнивания (регуляции) конкурентных отношений. Для *формирующегося* социализма — наработка своих качественно новых начал, свойств, атрибутов и ценностей функционирования и развития экономики и коллективно-эгалитарного образа жизни, то есть тех начал, появление которых *принципиально невозможно в пределах капиталистического строя и возможно лишь за его пределами*, что, собственно, и явилось причиной дивергенции.

Важным моментом, характеризующим особенности *дивергентного* социализма, является то, что он только и способен сформироваться на основе социально-классовых конфронтаций и закрытости, оберегающей слабые ростки нового общества от более мощного и всесильного, враждебного по отношению к нему буржуазного мира. Этой истины не приемлет и никак не хочет понять демократическая интеллигенция, требующая открытости там, где она преждевременна и непозволительна, и всюю громящая большевизм и сталинизм за их «диктаторскую» сущность. Именно закрытость дивергентного социализма, ставка на собственные силы и ресурсы развития обусловили его многосторонние успехи и исторические завоевания ценой известных издержек.

На крайне важной социально-исторической роли «закрытости», отстраненности раннего социализма от остального, капиталистического мира следует сделать особый акцент. Дивергенция как способ формирования раннего социализма, помимо отмеченных выше причин своей неизбежности («незаглохшие» коллективистско-общинные начала), призвана была выполнить такую основополагающую миссию, как *формирование социалистического способа производства*, которое, по научным прогнозам К.Маркса, не способно осуществиться в рамках капиталистической системы и может быть явлено миру лишь за его пределами. Отношения общественной соб-

ственности в отличие от всех других форм частной собственности (рабовладельческой, феодальной, капиталистической) не могут сформироваться в недрах предшествующих общественных строев. Если все досоциалистические революции, как известно, только приводили в соответствие политические формы государственного правления с уже сложившимися в недрах старых систем производственными отношениями, то социалистические отношения начинают формироваться лишь с захватом политической власти трудящимися классами, использующими свое политическое господство (диктатуру пролетариата) для их создания. Именно по этой причине истории «понадобилась» дивергентная ветвь развития, обещавшая в далекой перспективе втянуть в себя весь мировой исторический процесс.

Однако, создав благодаря конфронтации с капитализмом собственный социально-экономический базис (исходный алгоритм) нового общества еще в неразвитом и крайне несовершенном виде, *раннесоциалистическое* образование («дивергентный социализм») исчерпало свой исторический ресурс, что в итоге привело к появлению новой общественной потребности дальнейшего развития — к необходимости наработки позитивных черт иной, противоположной системы, то есть к необходимости гомеостаза, своеобразного синтеза ценностей и жизнеспособных элементов различных систем. Возникла потребность «возвращения к старому», то есть к капитализму. Конечно, родовое единство человеческого общества не позволяло ему долго пребывать в дивергентном состоянии, и как только ранний социализм спродуцировал в себе новые структурные элементы, способные конструктивно интегрироваться в систему высшего порядка, дивергентный процесс уступил место конвергентному (что отнюдь не означает его «мирного характера!»).

Здесь естественно возникает вопрос: а почему, собственно говоря, происходит и должен был произойти этот «якобы возврат» к старому? Неужели «дивергентный» социализм, набрав историческую силу и энергию и будучи новым, прогрессивным общественным строем, не способен был сокрушить капиталистическую систему и выйти победителем в «холодной войне»? Возможно, и мог бы. Но логика исторического процесса принуждает нас критически от-

нестись к этой возможности. Дело в том, что капитализм по своей мобильной, конкурентной, инновационно-предприимчивой природе *экономически продуктивен*, тогда как социализм, в основе которого лежат отношения общественной собственности и коллективизма, прежде всего *социально эффективен*. Это две противоположности, одна из которых (капитализм) ускоренно и жестко работает на создание *материальных условий* реального гуманизма, а другая (социализм) — на *само функционирование, существование отношений этого гуманизма*. Иными словами, социализм способен появиться тогда, когда капитализм создаст для него надлежащие условия (и тем самым исторически исчерпает себя). Спрашивается, были ли такие условия в начале прошлого века в стране тягловой силы и крестьянской сохи? Условий для его *появления и утверждения* не было. Условия для его *формирования* были. И это формирование, отвечающее логике дивергентного процесса и формуле Маркса о генерировании социалистического способа производства за пределами капиталистического, происходило двумя путями: внеэкономическим, политическим («административно-командные методы») и экономическим (модифицированные методы капиталистического хозяйствования). Первый путь был необходим и эффективен в условиях обострения *внешних* противоречий, трансформировавшихся в механизм мобилизационного режима и командно-административной регуляции; второй — в условиях затухания (или разрешения) внешних противоречий и оживления *внутренней* мелкособственнической стихии, когда социализму приходилось модифицироваться в капитализм в главенствующей сфере общества — хозяйственной жизни. Модификации подобного рода стали прелюдией к реставрации капитализма*.

Социализм отступил, но не погиб. Очевидно, так распорядилась диалектическая логика истории: дальнейшее продвижение человечества к социализму более высокого качества невозможно без до-

* Здесь невозможно не процитировать одно из последних высказываний А.А.Зиновьева: «Коммунизм, улучшая материальные условия людей, тем самым готовил своих собственных могильщиков» [98, с. 11]. Разумеется, речь идет о том «коммунизме», имя которому — советский (ранний, «дивергентный») социализм.

полнения материально-технической и хозяйственной его базы («собственной» основы) той новейшей материальной базой, созданной современным развитым («постэкономическим») капитализмом, без которой более высокая ступень социализма обойтись никак не может. В свою очередь, дивергентный социализм не прошел бесследно для человеческой истории, поскольку влияние его на капиталистический миропорядок неоспоримо. Уже в кейнсианской модели «выживания» ощутимо непосредственное влияние социалистических начал на классический либеральный капитализм (хотя сам Д. Кейнс всячески открещивался от социализма), а после Второй мировой войны, когда фронтально развернулась «социализация» стран Восточной и Центральной Европы и неотвратимой стала потребность в централизованно-плановом регулировании деятельности ВПК и гуманизации социальных отношений в развитых капиталистических странах, конвергентный процесс в последних приобрел заметный и интенсивный характер. В структуру капиталистического общества 1960–1980-х годов все чаще стали проникать элементы планирования, государственного контроля, общественных начал, ценности духовной культуры и коллективистской взаимоподдержки, эгалитарные принципы организации институтов науки и образования и т.д. Среди разнообразных модификаций этих начал следует отметить федеральную контрактную систему в США, социальное планирование во Франции, пятилетнее развитие национальной экономики в Японии и Южной Корее, программы социального инвестирования, пенсионные фонды и фонды содействия, «кружки качества» в Японии, «рабочие группы солидарности» во Франции, «народные дружины» в Англии и т.п. Особую роль в «достройке» гомеостатической основы развитых индустриальных и «постиндустриальных» стран Запада сыграло появление в их хозяйственной жизни коллективно-корпоративных форм собственности, на началах которых ныне функционируют уже упоминавшиеся ранее «экономика участия» и «экономика, управляемая трудом»: деятельность Мондрагонской кооперативной корпорации (МСС) в Испании, рабочих корпораций США (по программе ESOP), японских промышленных общин (своеобразная модификация средневековых общин «иэ»), израильских ки-

буц и многих других хозяйственных организаций. Наконец, — и, возможно, самое главное, — претерпевает противоречивые изменения сама парадигма капиталистического образа жизни — мотивация экономической деятельности, традиционный принцип которой «быть, чтобы *иметь*» уступает место новому принципу «иметь, чтобы *быть*».

Безусловно, нельзя объяснять все происходящие изменения, возникновение отмеченных и других черт-противовесов исключительно влиянием социалистического строя, ибо и сам капитализм на пути своего исторического самоотрицания породил в себе подобные черты и элементы, которые, с одной стороны, подчиняются качеству (алгоритму) его системы, а с другой — вступают с ним в противоречие и расшатывают его основы. Если классическая марксистско-ленинская теория, основанная на революционном опыте дивергентного социализма, делала акцент на отрицание капитализма «внешними» по отношению к нему силами («отстраненным» от него пролетариатом, а затем и возникшими социалистическими государствами), то современное видение дальнейшего процесса предполагает отрицание капитализма его собственными *внутренними* силами, то есть его *самоотрицание* и *самопревращение* в социализм более высокого исторического качества. Современный «постиндустриальный» капитализм полон диалектики *самоотрицания*.

В решении вопроса о путях развития капитализма, как уже отмечалось выше, представляется важным разграничение двух принципиально разных видов присущих ему противоречий — противоречий, *преодолеваемых* капитализмом в ходе своего воспроизводства и развития и возносящих его на новые, более высокие ступени исторического процесса, и противоречий сущности, *способных разрешиться лишь путем революционного перехода к новому общественному строю*. Смешение этих двух видов противоречий затемняет теоретическую картину диалектики капитализма и делает проблематичными диагнозы и прогнозы его состояния и развития. Декларации по поводу наступления эры «посткапитализма», попытки проигнорировать такие критериальные признаки капитализма, как отношения частной собственности на средства производства и прибавочная стоимость в

качестве механизма социально-экономической эксплуатации, и выдать радикальные научно-технологические и «человеческие» изменения в производительных силах общества под вывесками «постиндустриализма», «интеллектуализации собственности» или «информационной революции» за «посткапитализм», прежде всего, паразитируют на этом смещении, ибо формула Маркса о неизбежности разрешения противоречий между общественным характером производства и частнособственнической формой присвоения путем революционного перехода к социализму оказалась более приложимой к характеристике противоречий воспроизводства и развития, нежели к характеристике противоречий сущности.

Разрешение противоречий сущности капитализма в качестве исторической необходимости или как уже свершившегося факта признается сегодня большей частью ученых самой разной идеологической (политической) ориентации, за исключением разве что некоторых рьяных рыночников-неолибералов или правых социалистов, с большим запозданием причаливших к берегу благословенной буржуазной земли и ломающих теперь головы над определением наконец-то обретенного ими «рая»: то ли это «гуманизированное рыночное общество», то ли «социализированный капитализм». Западные же мэтры от науки называют происшедшие (или происходящие) изменения «постэкономизмом» или даже «посткапитализмом», обращаясь при этом к классическим категориям политэкономии (в том числе и к марксистской) — «труд и капитал», «товарное производство», «закон стоимости», «прибавочная стоимость», «эксплуатация», «общественный характер труда» и т.д., разбавляя их такими неологизмами, как «исчезновение труда», «интеллектуальный капитал», «социальный капитал», «индивидуализация труда», «индивидуализация собственности», «единство труда и капитала», «соединение труда и средств производства» и многое другое. Конвергентные идеи прошлого уступили место идее постмодернити западных стран-лидеров и модифицировались в концепции, исключая какой-либо компромисс и тем более синтез ценностей капитализма и социализма (коммунизма).

Не вдаваясь в пространный анализ представлений о «посткапитализме» и путях к нему стран и народов, хочу отметить главное. Нелады с диалектикой перехода капиталистического общества в свою противоположность — в социалистическое общество на основе общественной собственности на средства производства со всеми исторически приемлемыми ее формами (индивидуальной, коллективной, общенародной) — демонстрируют попытку сохранения в «посткапитализме» отношений частной собственности под другими ее наименованиями. Так или иначе, но модифицированный, измененный, превращенный и т.д. капитализм все же остается! Принципиального разрыва с ним не происходит. Половинчатый, расплывчатый, не доведенный до логической завершенности характер решений и выводов из анализа взаимодействия труда и капитала привел к тому, что одни ученые обнаруживают в диалектической их связке конструктивное соединение первого и второго (П.Друкер, Т.Сакайя), при котором работник «работает в компании, но не на компанию» [цит. по: 99, с. 309], а другие — ее деструктивный распад (З.Бауман, У.Бек). В последнем случае, по мнению З.Баумана, распад этой связки заключается в том, что современные богачи, персонифицирующие капитал, перестают нуждаться в бедняках как субъектах труда и что пожизненная зависимость между ними отныне перестает существовать [цит. по: 22, с. 104–106]. Если в первом случае «посткапитализм» представляет собой некую *всеобщую трудовую частную собственность*, объектом «эксплуатации» которой является накопленный в громадных масштабах прошлый овеществленный труд (техника и компьютерные сети), то во втором случае он выступает в виде стратифицированного (индивидуализированного) множества фактически независимых друг от друга людей, одни из которых живут за счет ранее накопленных и искусственно воспроизводимых богатств (процентов и финансовых игр), а другие — за счет самозанятости и личной трудовой собственности.

Последнюю версию, похоже, разделяет и В.Иноземцев, который вслед за другими авторами, склонен полагать, что «сегодня, когда главным производственным ресурсом становится информация, а основные средства подавляющего большинства населения воплощены в принадлежащих человеку предметах личного потребления

(как производительного, так и непроизводительного назначения), настало время признать развертывание активного процесса перехода от *частной собственности* к *собственности личной*, составляющей основу постэкономического общества» [99, с. 271]. По логике В.Иноземцева и авторов, с которыми он солидаризируется, простым (индивидуальным!) нажатием компьютерных кнопок можно будет сооружать высотные дома из крупноблочных панелей и тепловые электростанции, прокладывать железные дороги, производить автомашины и всевозможные комбайны, а также сложную аппаратуру и космические ракеты и, наконец, добывать уголь, нефть и газ. Приходится удивляться, как подобного рода вздор может прийти в голову некоторым именитым ученым. Ведь одно дело — индивидуализация трудовых функций, проистекающая из вещного (техничко-технологического) компонента высокоразвитых производительных сил, и совсем другое — та общественная, социально-экономическая форма, в которой и посредством которой реализует себя эта индивидуализация (разделение труда, обмен деятельностью и ее результатами, распределение произведенного продукта и т.д.)*. Очевидно, в вышеприведенных трактовках «постэкономической (посткапиталистической революции» В.Иноземцев пытается представить читателю «постэкономизм (посткапитализм)» в таком виде, который бы позволял мыслить эти понятия за пределами исторически изжившего и скомпрометировавшего себя капитализма и не уподобляться при этом прогнозируемому марксистами коммунизму. Отсюда и

* В.Иноземцев, анализируя «постэкономическую революцию», выделяет в ней три «составных части», а именно: первая — подрыв рыночных отношений на базе появившегося «нового типа свободы» (материальной раскрепощенности), приходящей на смену «примитивной экономической свободе» [99, с. 268]; вторая — переход от *частной собственности к личной* (не имеющей никакого отношения к обобществлению труда и производства! — Е.С.) на основе хозяйственной «самостоятельности» отдельных производителей [там же, с. 271]; третья — утрата корпорацией ее былой экономической роли, превращение ее в «социализированный институт» [там же, с. 275]. Автор постеснялся, очевидно, назвать *производственный коллектив* своим именем, прибегнув к более «современному» понятию «социализированного института», удобному, между прочим, тем, что оно как-то сглаживает, если не маскирует уж больно заметное противоречие между *индивидуальным и коллективным*.

антидиалектика «соединения труда и капитала», и антидиалектика их распада и разведения по разным углам. Подлинной диалектики сторонники концепцией видеть не желают. И, наконец, самое главное: *постэкономизм* (посткапитализм) — это ничего и ни о чем не говорящее понятие, разве что признающее необходимость выхода человечества за пределы экономической формации, существование его *после* капитализма. Осторожность (или трусливость?) научного мышления, заставляющего избегать определения исторического алгоритма нового общественного строя, возводится в ранг достоинства ученейшего интеллекта, не прибегающего к умозаключениям без достаточных на то оснований.

Но основания эти есть. Они заложены, пусть даже схематично, в теоретической формуле органического строения капитала К.Маркса и в исторической практике современного капитализма, с которой он вошел в третье тысячелетие и демонстрирует свой глобальный расцвет, за которым с неизбежностью следует его падение. К прежним, «классическим» порокам — обнищанию трудящихся, эксплуатации и взаимной вражде, товарному фетишизму и самотчуждению личности — он присовокупляет новые, суть которых состоит в следующем.

Во-первых, избыточная производительная сила капитала создала губительную не только для правящих кругов и классов, но и для люмпенизированных слоев населения высокоразвитых стран, маргинальной части молодежи *роскошь* и доступное для многих *нетрудовое избыточное потребление*. Потребительская деятельность потеснила производительную деятельность, создав в странах «золотого миллиарда» наряду со *злом лишения* еще и *зло пресыщения*. Последнее становится более разрушительным и опасным, ведь лишения и нужда способны стимулировать человеческую активность либо на социальный протест, либо на самовыживание, тогда как пресыщенность парализует человеческую волю, опустошает внутренний мир человека, лишает его жизненных импульсов и толкает на путь девиантного поведения или комфортной деградации. Если раньше, при господстве индивидуальной, мелко- или среднекорпоративной частнособственнической практики капитализм уберегала от застоя и разложения необходимость конкурентной активности, то в услови-

ях господства производственно-финансовых монополий и олигополий глобального уровня (ТНК) такой спасательный механизм естественным образом самоупраздняется, обрекая на роскошную смерть паразитирующие слои и круги общества «массового потребления».

Во-вторых, в развитых странах с некоторых пор наблюдается «исчезновение труда», своеобразная его аннигиляция как вследствие предельного уменьшения переменного капитала, так и вследствие физического уничтожения производимого им «избыточного» (неконкурентоспособного) в условиях монопольной конкуренции продукта*. Производительный труд все чаще напоминает «сизифов труд» в глобальном масштабе. Вместе с тем, приобретающий все большие размеры и изгоняемый за пределы капиталистического авансирования этот труд не может исчезнуть, не вызывая социальных потрясений и катастроф. Государство берет на себя функции оплодотворения его бюджетным финансированием, кредитованием и поддержкой, вследствие чего оторванный от крупного капитала традиционный наемный труд превращается как бы в новый, параллельный ему индивидуально-групповой ненаемный, самодеятельный труд, соединенный непосредственно с собственностью его субъекта (самозанятость, «наемный труд», «рабочие корпорации», «самостоятельные работы», «немонополизированный бизнес», «автономия предпринимательской деятельности» и, наконец, «неформальная экономика»). В этот ряд новых форм труда и производства вписывается и такое явление, которое О.Тоффлер назвал «просью-

* «Избыточная рабочая сила» как следствие тенденции уменьшения переменного капитала дает основание У.Беку для диагноза: «Капитализм не нуждается в рабочей силе и плодит безработицу» [24, с. 21]; подобные мысли высказывает и немецкий ученый Э.Капштейн: «Капитализм уничтожает труд. Безработица уже не периферийное явление, она затрагивает потенциально всех – и демократию как форму жизни в том числе» [там же, с. 109]. У.Бек видит решение возникшей проблемы в появлении нового способа трудовой деятельности, осуществленной в ее некапиталистической форме – в форме формальных рыночных отношений, когда «на месте социальной фигуры наемного рабочего и работодателя как противников капиталиста и работодателя выступает на одной стороне фигура трудящегося – для – себя, а на другой – фигура общественного предпринимателя» [там же, с. 260]. Непонятно только, какие общественные силы персонифицирует при этом фигура последнего.

минг» (от сконструированного им окказионализма *prosumer*, представляющего собой синтез «производителя» (*producer*) и «потребителя» (*consumer*), то есть слова, означающего совмещение в одном лице функции производителя и потребителя материальных благ). *Prosuming*, таким образом, есть нечто, напоминающее натуральное хозяйство, — работу на себя, разумеется, на новой технической основе. И хотя О.Тоффлер уверенно заявил, что труд «просьюмера» — это «ключевой фактор в новой экономике» [100, с. 123], вряд ли «просьюминг» способен привести к полному самообеспечению и обойтись без «традиционной макроэкономики». Скорее как попытку закамуфлировать факт массовой безработицы следует расценить предпринятое властями США создание в 90-е годы истекшего столетия около 20,7 млн рабочих мест на дому (*home based*), что истолковывалось экономистами и социологами как нераздельность рабочего и свободного времени, оплачиваемого, однако, по результатам выполнения принятых заказов [101, р. 331].

Понятно, что в условиях товарно-денежных отношений перечисленные формы труда не могут лишиться системного стоимостного качества и должны подчиняться правилам рыночной игры. Весь вопрос в том, способны ли некоторые из них, разрастаясь и структурируясь, довольно долго следовать этим правилам, или предложат свои правила насильственным путем. Возникает и иной вопрос: не являются ли перечисленные выше формы самостоятельного труда отдаленным прообразом спрогнозированного Марксом труда «ино-го субъекта»? Адам Шафф, полемизируя с теми, кто видит в «исчезновении» традиционного труда всего лишь «возврат к полной занятости», высказывает интересные мысли: «В действительности же эта глава в истории (полная занятость. — *Е.С.*), в традиционном смысле этих слов, уже закончилась, и человечество, во всяком случае в высокоразвитых странах (существенная оговорка! — *Е.С.*), оказывается вовлеченным в цивилизационную мутацию — переход от стадии полной занятости (в смысле наемного труда) к стадии полной обеспеченности занятиями (*full occupation*) вместе со всеми вытекающими усложнениями системы. Эти изменения следует трактовать, по крайней мере частично, как появление коллективистского (и тем

самым в определенной степени социалистического) хозяйства. И никто, и ничто уже не сможет повернуть развитие процесса вспять» [102, с. 51]*. Для вовлечения человечества «в цивилизационную мутацию» — чтобы не выразиться более резко и категорично! — потребуются, по мнению А.Шаффа, «новые левые». Иными словами, живой труд, задыхаясь в тисках все более и более сокращающегося стоимостного переменного капитала, может освободиться от них только одним путем — покончить с самим этим капиталом с помощью «новых левых».

В-третьих, в связи с необходимостью постоянной катализации спроса на рынке товаров с целью получения избыточной прибавочной стоимости капиталисты, прибегая к помощи науки (НИОКР), циклически совершенствуют качество и номенклатуру товаров, что, в конечном счете, не просто приводит к их перепроизводству, а к созданию *квазиэкономики* — искусственному культивированию чуждых человеческой природе извращенных потребностей (квазипотребностей), квазипроизводству и квазипотреблению**. Квазипотребление, как и квазипотребность, с одной стороны, нельзя смешивать с социокультурным потреблением (потребностью), поскольку эти последние хоть и не проистекают из естественной «человеческой природы», тем не менее являются жизнеспособным порождением социального и культурного прогресса, но, с другой стороны, их ни в

* В статье «Срочно требуются новые левые» А.Шафф не проводит различия между понятиями «полная занятость» и «полная обеспеченность занятиями», но и из самого контекста статьи следует, что в первом случае речь идет о занятых в сфере «крупного бизнеса», где работники получают фиксированную зарплату и не являются собственниками (в лучшем случае владеют незначительными акциями); во втором же случае речь идет о «самостоятельной работе» в сфере малого бизнеса, работники которого, по мнению МОТ, «отличаются от работающих по найму главным образом типом вознаграждения», то есть получают не зарплату, а скорее «денежные выплаты от вложенного капитала, инициативы, предпринимательских способностей, рискованных операций, равно как и своего труда» [см.: International Labour Review. — 1991. — № 1]. Таким образом, если определить коротко, «полная занятость» касается категории наемных работников, а «полная обеспеченность занятиями» ненаемных.

** Экономика подобного рода в последнее время получила название виртуальной и подробно охарактеризована в книге российских экономистов-экспертов «Распад мировой долларовой системы» (М., 2001). См., напр., [103, с. 123–163; 237–244].

коей мере нельзя выдавать за подобного рода порождение, когда речь заходит о «высокоиндивидуализированной знаковой ценности» (sing-value), о престижном, статусном или демонстративном потреблении, о чисто символических ценностях (symbolic values), далеко не всегда соответствующих смысложизненным терминальным ценностям. В обществе «массового потребления» вторые потребности и потребление, как правило, выдаются за первые, а их идентификации с нормативными и легитимизированными видами редиистрибутивного поведения трудно оспаривать как по идеологическим, так и по когнитивным причинам (ведь даже среди медиков не смолкают споры по поводу границ между нормой и патологией). В такой ситуации остается принять за аксиому, что определяющим критерием квазипотребности (квазипотребления) является разрушение социальных начал человеческой личности и биологического субстрата человеческого индивида. Именно этим критериям отвечает современное индивидуализированное капиталистическое общество ожиревших людей. «Постоянно растущие» потребности людей должны соответствовать способности конструктивного самопроизводства и самовоспроизводства социума. Капитализм, похоже, утратил эту способность. Что касается столь концептуально «удобного» для признания вечности капитализма понятия, как symbolic value, то оно способно оправдать лишь живучесть капиталистического образа жизни, но не доказать наличия в нем *нормального, конструктивно-функционального человеческого смысла*.

В-четвертых, крайне негативным следствием избыточного производства и квазиэкономики является планетарный экологический кризис, поставивший человечество перед выбором: или отказ от сверхпотребления, бешеной и ненужной гонки товарного производства, или гибель планеты. С учетом уже распространившегося на всю планету и стабилизовавшегося глобального экологического кризиса будущим поколениям людей предстоит большая и трудная задача реанимации экосферы как необходимого условия их выживания. Реанимационная деятельность и ее результаты уже не смогут вписываться в товарно-денежные отношения — они станут осуществимыми только в условиях отношений общественной собственности, ибо, как уже было сказано, речь идет о *всеобщих условиях планетарной жизни*, возможной только в рамках этих отношений.

В-пятых, накопление капитала достигло критического предела, и его продолжение привело к разрыву прямой и продуктивной связи с производством, к абсолютному отделению финансового капитала от производительного, денег — от товара*. Невостробованный производством финансовый капитал сегодня «гуляет» по всему миру в поисках высоких процентов, не подкрепленных стоимостным эквивалентом, ибо объемы торгов, по свидетельству экономистов, при падении котировок акций на фондовых биржах существенно превосходят обороты рынка при их росте [103, с. 127]. Фиктивный капитал при всей кажущейся мощи, подобно колоссу на глиняных ногах, способен в каждое мгновение обрушиться с такой сокрушающей силой, что капиталистической товарно-денежной экономике уже не выбраться из-под его обломков. Одна эта реальная возможность вызывает в высших кругах делового мира состояние хронического «under stress». Она — свидетельство того, что взятие на себя капиталистическим государством и крупнейшими монополиями функций планирования (программирования) и контроля над глобализированной частнособственнической экономикой имеет предел и что этот предел уже наступил. Права Элизабет Боуман, заявив, что «капитализм перестал выполнять свою историческую роль организатора производства» и что «мир финансового капитала вытеснил старомодный мир производственного, промышленного капитала» [47, с. 62].

В-шестых, ускорение динамики экономической жизнедеятельности капиталистического общества, обусловленное непрерывными разработками товарных инноваций с целью наиболее рационального использования уменьшающейся части переменного капитала, создает необходимость быстрых переливов рабочей силы из одной отрасли производства в другую, от одних рабочих мест — к другим, что приводит к «дженерализации» профессиональной деятельности наемных работников, а значит — и к всестороннему, универсальному их развитию. Агонизирующий капитализм, таким образом, отда-

* «В джунглях мирового рынка, — пишет У.Бек, — образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных» [24, с. 38].

ет свои последние жизненные силы на благо человеческой цивилизации, рационализируя и интеллектуально совершенствуя человеческую личность. О перемене труда как «всеобщем законе капиталистического производства» писал в свое время Маркс, связывая этот закон с необходимостью постоянного революционизирования технического базиса капиталистического производства. По мере уменьшения величины живого труда (необходимого рабочего времени) в техническом (натуральном) строении капитала для работника, прошедшего школу перемены труда в капиталистическом производстве, не составит сложности переключение на свободную трудовую деятельность за пределами необходимого рабочего времени, если для этого появятся надлежащие условия. Но в том-то и беда, что такими условиями капиталистическое общество не располагает (за исключением, разве что, стран «золотого миллиарда»), ибо его товарные отношения одним членам этого общества дают возможность получать прибыль, прибавочную стоимость, которая, по Марксу «прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего» [104, с. 206], – и тогда они могут позволить себе заняться разными свободными формами элитарной жизнедеятельности, а другим – продавать свою рабочую силу или пополнить ряды «самозанятых», что во всех случаях до предела сужает возможности свободной трудовой самодеятельности в качестве «иного труда» (К.Маркс). Таким образом, «обучив» работника трудовой универсальности, капитализм в то же

* Повышенный интерес к теории перемены труда возник в 1960-е годы в советской общественной науке в связи с «проблемой всестороннего и гармонического развития личности». На страницах журнала «Вопросы философии» прошли тогда, волна за волной, дискуссии о возможности, направленности, личной и общественной значимости этого явления, о связи перемены труда с его разделением. В числе сторонников идеи перемены труда был и автор (см. написанную совместно с Д.П.Кайдаловым книгу «Актуальные проблемы социологии труда» (М.: Экономика, 1974), в которой ряд разделов касался обоснования экономической, социальной и социокультурной необходимости перемены труда в решении прежде всего экономических проблем социализма). Перемена труда, на мой взгляд, призвана решать проблему перманентного научно-технического обновления производства, а ее отсутствие тормозит этот процесс и делает экономику социализма неповоротливой, застывшей и недееспособной. Эту точку зрения встреченную тогда в штыки нашими экономистами-«товарниками», я и сейчас считаю научно состоятельной.

время не позволяет этой универсальности реализовать себя в свободной, творческой форме саморазвития и самовыражения*.

В-седьмых, суммируя в критическую массу негативы и противоречия капитализма, финальной фазой его существования можно считать кризис смысложизненных ценностей и мотивации жизнедеятельности личности. Речь идет не о простой, обыденной редукции всех составляющих макросистемы общества в понятный каждому душевный строй человека. Не понадобится большого труда, чтобы за категориями прибыли, прибавочной стоимости, эксплуатации человека человеком и экономической конкуренции увидеть алчность, стяжательство и жестокость. Это понимал еще Гоббс, втиснувший квинтэссенцию человека современного ему нарождающегося капиталистического мира в известную формулу «человек человеку — волк» (или: «война всех против всех»). К сожалению, эта формула на долгие времена оставалась перевернутой каузальностью материальной конструкции капитализма: все виделось и мыслилось *наоборот* — капиталистический уклад жизни, алгоритм капиталистического общества рассматривались как неизбежное следствие органической порочности и звериной сущности человека. К.Маркс и Ф.Энгельс устранили эту контрверзу, но самое большее, что удалось унаследовать сторонникам их научных идей, — это понимание обусловленности человеческих пороков социально-экономическими условиями жизни людей. Линейность такой детерминации изначально отталкивала многих искателей истины от ложно и не конца понятого ими марксизма, ибо — как казалось многим — и Маркс, и Ленин, и целые поколения марксистов впадали в преступную наивность, полагая, что достаточно изменить «бесчеловечные» условия

* Подобного рода критику марксизма можно встретить у Э.Фромма, писавшего в одной из своих работ по социализму, что Маркс, «благодаря предположению, что добро в человеке проявится автоматически как только будут достигнуты экономические изменения, не увидел, что лучшее общество не может быть вызвано к жизни людьми, которые сами прежде (!? — *Е.С.*) не изменятся (каким образом? — *Е.С.*) в моральном плане» [105, с. 36].

жизни на «человечные» — и люди тут же станут вдруг добрыми и гуманными*. Внимательное прочтение работ классиков марксизма показывает, однако, нечто иное — многомерный, нелинейный, тысячекратно опосредованный характер внешних воздействий на те гетерогенные свойства человеческой «натуры», при всей неизменности матрицы которой она наполняется, *в конечном счете*, определенным *социальным содержанием* — ценностями и нормами данного общественного строя. Иными словами, все обстоит гораздо сложнее и, одновременно, намного проще: «человечные» условия жизни лишь *постепенно* порождают «человечных» людей, но сами эти «человечные» условия чаще всего создаются «бесчеловечными» людьми.

История общества является продуктом необходимости, а не морали. И действует в ней объективная необходимость, а не моральная целесообразность. Алчность, жадность, жестокость и несправедливость всегда осуждались человеческой добродетелью, и тем не менее именно они оказывались законосообразными и востребованными условиями жизни различных обществ в те или иные периоды их развития*. Так, страсть к стяжательству в сочетании с неумолимой жестокостью, эти страшные и порицаемые человеческой нравственностью пороки, привели к ростовщичеству; ростовщичество открыло дорогу накоплению капитала, который произвел на свет машинную цивилизацию, науку и технику, приведшие человечество от феодальной дикости и спячки к преддверью «подлинно человеческой истории». Таким образом, осуждаемые моралью человеческие пороки находили оправдание в экономической (и политической) практике. В соответствии с этим можно сказать, что порок

* Еще в диалогах Платона говорится о нецелесообразности справедливости и целесообразности несправедливости, о том, что «соблюдающие справедливость соблюдают ее из-за бессилия творить несправедливость, а не по доброй воле» [106, с. 119, 133]. Многим позже Гельвеций писал: «Я начинаю подозревать, что принципы справедливости, принятые среди частных лиц, не применимы к государству» [107, с. 342].

в обществе исчезает не тогда, когда человечество путем индивидуального самосовершенствования «прозревает» и оказывает на него сокрушительное и массивное давление*, а тогда, когда он практически *становится никому не нужным*, утрачивает законосообразный характер, когда отпадает историческая необходимость в его существовании в качестве деятельностного механизма общественной закономерности и общественного прогресса. Если говорить коротко, то *безнравственность исчезает тогда, когда она утрачивает свое функциональное значение в обществе*. Требовать же справедливости там, где несправедливость является исторической необходимостью, и выдавать при этом императивы человеческой морали за нечто законосообразное – значит совершенно не понимать сущности и смысла общественно-исторического прогресса**. Противоречие между должным и сущим в таких условиях (особенно в условиях рационализованного капиталистического миропорядка) находит разрешение чаще всего в сознательном и циничном подчинении моральных императивов противоречащей им экономической необходимости. Смысл разрешения подобного рода хорошо высказал однажды один из американских предпринимателей: «Я не хочу жить по законам насилия, но у меня нет выбора». Глубже и диалектичней эмпи-

* Самодовлеющая сила «нравственного пробуждения» чаще всего является тем способом или орудием, при помощи которых подавляющее большинство современных ученых Запада надеются изменить существующий общественный строй и что, в традиции научного марксизма, принято называть идеалистическим пониманием истории. Чарлз Хэнди, известный своими радикальными идеями, к примеру, пишет: «Капитализм, каких бы успехов ни достиг, никогда сам по себе не сможет дать исчерпывающего ответа на вопрос «зачем мы живем?»... В конечном счете нам необходимо новое понимание жизни, отдающее деньгам должное, но не более того» [108, с. 180]. «Новому пониманию жизни», однако, не под силу реальное преобразование общества: материальная сила, по научной методологии К.Маркса, может быть опрокинута только материальной силой, созревшей для такой исторической миссии.

** Очевидно, среди немногих, кто понимал этот «моральный парадокс», были известный английский писатель Д.Дефо, написавший памфлет под эпатазирующим названием «Милостыня не есть благо, а обеспечение работой неимущих – пагуба для науки» (1704 г.), а также его соотечественник, сатирик Б.Мандевиль, который в «Басне о пчелах» связывал процветание науки с пороками граждан.

рически неуследимые метаморфозы моральных пороков охарактеризовал Гете, вложив в уста Мефисто-феля мудрые слова, послужившие впоследствии для М.Вебера об-основанием исторической рациональности протестантской аскезы [109, с. 198], а многим позже ставшие эпиграфом к «Мастеру и Маргарите» М.Булгакова: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Логика сказанного выше всецело распространяется на эволюцию смысложизненных ценностей капиталистического общества. Известный лейтмотив жизнедеятельности его членов — «*быть*, чтобы *иметь*» — в качестве превращенного в самоцель средства терпит крах не в силу вдруг обнаружившейся его порочности и несостоятельности, а в силу ставшей его функциональной невостребованности и ненужности в условиях решенности имманентных капитализму его исторических задач — создания высокоэффективных производительных сил, техники, технологии и организации производства. Речь в данном случае идет не о том, что на смену «исторически изжившим себя» ценностям и мотивам *иметь* приходят более возвышенные ценности и мотивы *быть*, а о том, что, оставаясь в обществе в качестве деятельностных механизмов его существования, ценности и мотивы *иметь*, тем не менее, утрачивают свою созидательную функцию и конструктивный ресурс и превращаются в разрушительную силу таких масштабов и такого уровня, что человечество оказывается перед дилеммой: либо освободиться от их оков, следуя формуле «*иметь*, чтобы *быть*», либо стать на путь самоистребления. Вот почему некоторые ученые полагают, что «историческим пределом развития стоимости является не формирование нетоварного типа производства, а преодоление материального мотива в качестве основного стимула человеческой деятельности» [110, с. 28]. Реализуемая посредством человеческих пороков общественная целесообразность превращается в *непосредственную общественную нецелесообразность*, как только капитализм завершает «возложенную» на него историей прогрессивную миссию.

Наконец, *в-восьмых*, еще об одном кризисном моменте, приблизившем капитализм к роковой черте. Прошлый овеществленный труд в качестве все более увеличивающегося постоянного капитала благодаря своей стоимостной форме означает то самое отчуждение

труда, о котором столь много написано самим Марксом, марксистами и неомарксистами. Органическое строение капитала вскрывает механизм появления и развития этого явления (товарные отношения) и характеризует тенденцию его усиления до *сверхчеловеческих* пределов, когда живой труд истребляется, вернее, поглощается прошлым. Отождествление живого труда с его стоимостной формой создает в буржуазном сознании иллюзию, что с исчезновением этой формы исчезает и сам живой труд, то есть деятельностная сущность человека, то есть сам человек как чувственное деятельное существо (так недолго договориться и до концепции «постчеловеческого» общества!). Что же остается (если следовать логике этого отождествления)? Киборгиада или, в лучшем случае, общественный суперорганизм, пронизанный капиллярами информационно-компьютерных сетей, которые, возможно, в недалеком будущем обогатятся «нервными интерфейсами, обеспечивающими прямую связь между нервными клетками и компьютером не только физически, но и ментально» [111, с. 115]. Живой, реальный, земной человек должен быть вытолкнут техникой из им же самим созданного социума. Таким представляется больному сознанию еще один из вариантов финала человеческой истории. Правда, существует и другая версия подчинения живого труда прошлому — возникновение синтеза личности и компьютера, интеграция людей в компьютерную сеть («киберпространство», по Дж.Барло), что при сохранении естественной организации человека принципиально изменяет социальный способ его существования — переход от институциональности и сложных программ репрессии со стороны центра, «господства и подчинения» к индивидуально независимому, децентрализованному и одновременно глобально упорядоченному, скоординированному (по этическим правилам Интернет-игры) существованию «граждан мира» («нетизенов»). В этом случае остается неясным, каким образом будет сохраняться и воспроизводиться род людской, если, разумеется, при этом сохранится запрет на клонирование (да и *кто* будет клонировать!).

Эти и иные доводы в отношении исторической исчерпанности экономической формации в целом, и капитализма в частности, можно было бы дополнить новыми убедительными аргументами в пользу

становления бестоварного, бесклассового, демократического общества с принципиально новыми жизненными установками и мотивами его свободных ассоциированных членов. Из всего многообразия предпосылок и императивов социализма можно назвать две, наиболее очевидные и прозрачные. Первый императив — это вытекающее из глобального экологического кризиса требование социально-коллективистских способов реабилитации опасно «поврежденной» планетарной экосферы, о чем уже говорилось в одном из разделов настоящей главы. Второй императив — социально-коммуникативная, *коллективистская* природа потребительной стоимости все более приобретающего приоритетное значение в обществе *информационного продукта*. Информационный продукт может быть товаром *лишь в начальной фазе его производства*, но как только он приобретает характер массового тиражирования, он тут же — в отличие от всех других товаров — теряет свою товарную форму, становясь благом для всего общества. Все попытки превратить его в товар путем придания ему правовых норм владения, как показала многолетняя практика, обречены на неизбежный провал. Чего, к примеру, стоит бесполезная борьба с «кассетным пиратством!» Но наибольшую опасность для судеб финансового капитала, технологических игр с целью его приумножения приобрело в последние годы «хакерство», выросшее на неизбежной открытости компьютерных сетей. Это великолепный образчик того, как капитализм сам себя истребляет. Процесс самоотрицания налицо. К сожалению, этого не понимают (и не хотят понимать!) современные отечественные адепты «рыночной экономики». В свое время в популярной и блистательной украинской газете «Зеркало недели» один из журналистов в весьма пространной статье о компьютерном пиратстве писал о его катастрофических для всей экономики последствиях, приводя пример с историей ИККБ «Донбасс», который внезапно исчез в результате компьютерного ограбления. Приведя множество других примеров, автор справедливо отмечает: «...Сети электронных данных не имеют рубежей. Мошенники используют их без ограничений. Большие денежные средства разворовываются путем их электронного перевоза за фиктивные услуги из международных банков всего мира на текущие счета тех стран, где правительства не особенно утруждают

себя запросами и другими формами проверки... Мы уже начали сталкиваться с явлением, которое имеет потенциал большой разрушительной силы и перспективу дальнейшего нарастания. Предотвратить это зло невозможно. Остается встретить его, как говорится, во всеоружии». Каким образом? И здесь автор, ссылаясь на многолетний (от себя добавлю: но тщетный) опыт западных стран, а также предложения Нацбанка Украины «о создании соответствующей законодательной базы» (на основе «глубоко и детально проанализированной проблемы!»), смело и уверенно апеллирует к силе буржуазного закона. Иного выхода из положения он, разумеется, не видит [112, с. 10].

Существующие позиции и точки зрения на рассматриваемый процесс демонстрируют принадлежность противников капитализма к разным полюсам: марксисты с уверенностью утверждают, что грядущее общество по необходимости и неизбежности будет коммунистическим, радикал-демократы, — что оно будет свободной ассоциацией независимых друг от друга индивидов. Искать истину «посередине» (любимое занятие социал-демократов) — порочный и несостоятельный путь, если эта «средина» означает нечто среднеарифметическое. Правильное решение вопроса предполагает следование логике *диалектического синтеза*. Речь при этом идет не о синтезе *социализма с капитализмом*: такой кентавр смешон и возможен только в больном воображении некоторых социал-демократов. Речь идет о диалектическом «снятии» капитализма социализмом, что предполагает определение исходного (или «снимающего») начала во взаимодействии раннего, дивергентного социализма, с одной стороны, и структурирующихся предпосылок и первичных его элементов в процессе активного самоотрицания капитализма — с другой.

Итак, что играет или призвано сыграть определяющую, то есть «снимающую» роль в появлении посткапиталистического социализма: исторические приобретения дивергентного социализма или порожденные самоотрицанием капитализма основные предпосылки и первичные элементы социалистического общества? Вопрос требует однозначного ответа. Постараюсь дать его по мере своего понимания сложного процесса этого «снятия».

Во-первых, в недрах самого капитализма, сколь бы он ни был развит и сколь бы ни обставлял себя «пост»-атрибутами, диалектический синтез невозможен по одной непреложной причине — из-за отсутствия *общественной собственности на средства производства* в качестве определяющего весь общественный строй социально-экономического алгоритма, а значит, и в качестве определяющего признака, без которого невозможен процесс «снятия»*. Иными словами, продуктивные и жизнеспособные элементы и предпосылки социализма, вызревшие в капиталистической системе (чужеродные по отношению к ней и вместе с тем *подчиняющиеся* ее алгоритму—отношениям частной собственности), попросту говоря, *нечем снимать*, поскольку основной, системообразующий элемент социализма — *отношения общественной собственности* — не может появиться в недрах капитализма и уживаться с ним под одной крышей. Общество «смешанной экономики», о котором много говорят и пишут в последние годы, — не более чем идеологический миф, навеянный настоятельной необходимостью сбалансирования новейших «социализированных» форм государственно-монополистического капитала с конкурентной и оперативной мобильностью мелкого и среднего бизнеса в условиях повышения роли интеллектуализированной трудовой собственности. «Смешанность» подобного рода лишь камуфлирует прежние, неизменные цели, мотивы и ценности капиталистического миропорядка, не меняя его по существу. Как социально-экономическая общественная реальность она есть не более чем сочетание традиционных капиталистических форм хозяйствования с нарождающимися и подчиненными частнособственническим

* Неомарксисты третьей волны («новые структурные марксисты»), весьма взыскательные и осторожные в теоретических суждениях, вдоль и поперек исследовав богатейший исторический опыт капитализма и его новейший опыт, пришли к четкому выводу о необходимости обобществления основных средств производства и распределения в качестве неременной предпосылки перехода к социалистическому обществу. Но вопрос о путях, способах, средствах реализации этой необходимости либо оставлен ими без внимания, либо решается невразумительной скороговоркой относительно усиления в процессе эволюции общества функционально-регулятивной социальной роли государства.

отношениям просоциалистическими формами производства и социальной жизни. Понимая всю условность гибридизации двух противоположных общественных устройств, современные неомарксисты пытаются провести грань между «смешанным обществом» капиталистического типа и «смешанным обществом» социалистического типа, но все полагаемое ими различие сводится к тому, что алгоритм социализма (общественная собственность) вместо того, чтобы «носить маргинальный характер, выступать в роли младшего партнера частного сектора, будет доминировать» [цит. по: 113, с. 79]. Итак, согласно логике цитируемого автора, различие между капитализмом и социализмом имеет чисто количественный характер, определяется мерой «доминирования» в социальной суспензии тех или иных разнородных начал.

Во-вторых, из сказанного следует (что, впрочем, уже отмечалось ранее), что «снятие» возможно лишь за пределами капиталистического способа производства (за пределами господствующей капиталистической частной собственности) и что именно это обстоятельство вызвало дивергентный процесс, исторически долженствующий сформировать принципиально новый, социалистический способ производства в его основных, исходных чертах и признаках. И какого бы рода критика ни звучала в адрес элементарных начал раннего социализма — и то, что они представляли собой «тоталитаризм», «государственный бюрократизм», «авторитарный социализм», «номенклатурный социализм» и т.д., — сам факт существования и функционирования на *внеэкономической* (социальной) основе отношений общественной собственности неоспорим. И здесь важно отметить тот момент, который невозможно не отметить. Любопытная получается картина. Когда речь заходит о развитии капитализма, то все его теневые, негативные стороны и пороки (милитаризм, антагонизм, эксплуатация чужого труда) рассматриваются сторонниками этого общественного строя как «пройденный этап», как неизбежные издержки и трудности на пути к цивилизованному и все более гуманному обществу. В связи с этим резонно поставить два взаимосвязанных вопроса. Первый: если все это так, почему же в таком случае капитализму отпускаются все грехи его преступного прошлого (за многовековую историю!), а раннему социализму, взра-

ценному в более сложных условиях и в короткое историческое время сумевшему дать миру новые ценности и несомненные преимущества, его грехи не прощаются? Второй: почему капитализму при всех сопровождающих его историю кризисах, провалах и преступлениях даны права, основания и моральное благословение на самоисправление и самосовершенствование, на движение к «высшим формам» человеческого общежития, а социализму в этом отказано? Вопросы, безусловно, риторические. Сам социализм, если он «достоин жизни и свободы», должен практическими делами заявить о себе, добиться своей реабилитации.

В-третьих, процесс снятия отношений капиталистической частной собственности отношениями общественной собственности не сводится к роли «пропускника» этих последних, которые будут осуществлять жесткую селекцию в отношении тех или иных протосоциалистических начал социализма, созревших в условиях капитализма. Очевидно, преобразуя, видоизменяя эти начала-предпосылки, социалистические элементы будут испытывать на себе их воздействие, кое в чем уступая им, в результате чего гомеостатическое состояние новой формации как системы будет представлять собой динамическое и противоречивое (и потому длительное и устойчивое) равновесие. Прежнее состояние социально-политического социализма с его устойчивым в отношении внешних воздействий коллективистским монолитом уступит место эластичному и подвижному внутренне устойчивому социальному состоянию такого общественного устройства, в котором коллективизм сильных и самодостаточных людей будет служить основой расцвета человеческой индивидуальности; взаимное согласие превратит конкуренцию в отношения соревнования и стимулирующего соперничества; вещная частная собственность, утратив превращенное смысложизненное содержание, уступит место личной собственности на внутриличностные, творческие и витальные ценности как органические, естественно-социальные и общественно значимые. Решающим, поворотным пунктом при этом в процессе диалектического снятия является революционная смена частной собственности на общественную, которая (смена) в виде «второй волны» утрачивает остроту, приобретая

характер отдельных «точечных ударов» на всех уровнях социально-классового деления общества.

ГЛАВА 3

МОДЕЛИ И РЕАЛИИ «ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО» ОБЩЕСТВА

Современный мировой исторический процесс, трактуемый как процесс взаимодействия дивергентного социализма с самоперерождающимся капитализмом, включает этапы наступления и отступления социализма, этапы деструкции капитализма и яростных всплесков его активного контрнаступления и временных побед. Стараясь разобраться во всех сложных перипетиях этого процесса, общественно-научная мысль Запада в свое время пыталась найти примиренческое, консенсусное объяснение взаимодействию «двух систем». Однако интерес к нему пропал, как только капитализм победил в «холодной войне» и социализм оказался если не уничтоженным до конца, то отброшенным далеко назад.

Дивергентный социализм, оказавшийся слабо структурированным вследствие социально-экономической и политической гомогенности общества, мог успешно существовать и развиваться за счет внутренней напряженности, создаваемой внешними противоречиями с капиталистическим окружением. Но как только эти противоречия приобрели форму уравновешенного противостояния в «холодной войне», продуктивная монолитность раннего социализма обернулась губительным для него тоталитаризмом. Диктат государственного централизма в экономике, столь эффективный в решении крупномасштабных проблем хозяйственной жизни, обнаружил элементарную беспомощность в решении проблем удовлетворения насущных повседневных, бытовых потребностей людей, а плановая

сбалансированность отраслевых производств приобрела статический характер и оказалась тормозом на пути перманентной модернизации их технико-технологической основы и научно-технического прогресса как такового. В итоге – гипертрофия производства средств производства (группы А), губительный характер его экстенсивного метода, неуклюжий и карикатурный гигантизм, произросший на экстенсификационной основе. Скопившиеся на левом борту социалистического корабля эти и другие атрибуты государственной экономики при «перестроечной» попытке повернуть корабль резко вправо привели к роковому крену: огромная машина опрокинулась килем вверх, но, не затонув вследствие сжатия в трюмах огромных масс воздуха и лишившись управления, стала дрейфовать в непонятном и неизвестном направлении, получив новое наименование – «постсоциалистическое общество».

На месте Советского Союза и стран социалистического содружества возник своего рода полигон для проведения социально-экономических экспериментов. Не было и нет недостатка в проектах и моделях «постсоциализма». Они вынашивались и предлагались отовсюду – справа, слева, с центристских позиций. Однако идея испытательного полигона, как и должно было стать, оказалась всего лишь неуклюжей социоинженерной метафорой. В объективном историческом процессе не может быть «конкурса проектов», экспертиз и контроля – отбор и выбор беспрекословно делает победитель. Предлагаемая им модель проходит «вне конкурса», а единственным критерием ее «преимущества» является материальная сила и политическая власть. По этой простой причине экспериментальные идеи, исходящие от экспертов МВФ и МБ, могут варьировать и конкурировать друг с другом только в рамках капиталистического выбора.

Анализ возможных моделей «постсоциалистического» развития стран и народов свидетельствует о существовании двух крайних подходов к определению содержания «постсоциализма» – «мягкие» модели синтеза (конвергенции) основополагающих принципов рыночной (капиталистической) системы с некоторыми социальными принципами коммунистического общества и «жесткие» модели подчинения поверженного социализма капиталистической модели развития. Модель синтеза, предлагающая компромисс и «взаимодопол-

нение», привлекательна для широких слоев среднего класса, интеллигенции, определенной части мелких и средних собственников. Модель подчинения, импонирующая глобализированному капиталу, отражает бескомпромиссную позицию главенствующих сил «золотого миллиарда». Первая модель рассчитана на эволюционные механизмы реализации, вторая — на форсированные темпы и политический диктат.

3.1. Судьба конвергентных теорий и поиски нового синтеза

Сторонниками первой модели в странах бывшего Союза являются прежде всего ученые, политики, общественные деятели социал-демократической, народно-демократической, правосоциалистической (социалистической) и центристской ориентаций; в лидирующих странах (странах «золотого миллиарда») — это радикально-критичная часть интеллигенции, традиционно находящаяся в оппозиции к режимам финансовой олигархии и признающая социально-гуманистические ценности социалистического общества.

Модель эволюционного социально-экономического синтеза функционально эффективных элементов и свойств противоположных общественных устройств имеет давнюю историю и разные наименования — от идеи «третьего пути», сформировавшейся под влиянием кейнсианства в 1930-е годы, до идей «смешанной экономики» и «социально ориентированной рыночной экономики» конца XX столетия. Моральный авторитет этой модели придает то обстоятельство, что в разное время ее разделяли, активно поддерживали и популяризировали такие выдающиеся ученые и мыслители, как А.Эйнштейн, Б.Рассел, А.Сахаров. В современный период оголтелого разгрома и оплевывания не только исторического опыта, но и самой идеи социализма показательным явился факт мгновенной реакции научной общественности на этот «зряшный антисоциализм». Когда подкрепляемая внушительными кредитами идеологическая экспансия правящей капиталистической элиты в лице МВФ, МБ и ЕБРР приобрела характер силового диктата, западные ученые и политики демократических убеждений консолидировались под ан-

тиолигархическими знаменами и организовали ряд институтов и центров по разоблачению экспансионистской политики ТНК и финансовых мо-нополий. В самом начале фронтально развернутых «рыночных реформ» в странах Восточной Европы группа ученых Австрии, Чехии, Германии, Венгрии, Польши, Индии, США и России, усомнившись в их целесообразности, объединились в группу «Аджента» и обстоятельно проанализировали программы и первый опыт неолиберальных преобразований. Вывод, к которому они пришли, таков: всем программам рыночных реформ «присуща общая ошибка: их творцы верят, что простое устранение центрального планирования и введение частной собственности автоматически приведет к формированию рыночной системы, которая считается необходимым и достаточным условием для создания богатств...» [цит. по: 1, с. 81].

Рынок, дополняемый централизованным планированием, или планирование, дополняемое рынком, — в этом видели и видят альтернативу неолиберальной модели и многие ученые, политики Украины центристского толка, в первую очередь А.Гальчинский, М.Павловский, В.Хорошковский и др. «Нам нужен экономический плюрализм, — заявил А.Гальчинский, — сохранение всего того конструктивного, что доказало свою жизнеспособность и перенесено в практику западной системы» [2, с.7]. В этом же духе высказывался М.Павловский: «Сегодня развитые капиталистические страны движутся в направлении общецивилизованного процесса и находят свое место в кругу стран со смешанной экономикой, где господствует или социализированный капитализм, или капитализированный социализм» [3, с. 25].

Идея синтеза заслуживает внимания, но отнюдь не в варианте «смешанной экономики». Позволю себе в связи с этим высказать некоторые теоретико-методологические суждения в дополнение к уже сказанному в предыдущей главе.

Во-первых, как свидетельствует опыт истории и научная диалектика, политические или идейные компромиссы на практике никогда не приводили к образованию «синтетических» обществ или «обществ-гибридов». Синтез никогда не может состояться как гибрид или паритет, или нечто усредненное из противоположных по смыслу, по сути, по социальной направленности конституирующих об-

щественный строй элементов. Он может состояться лишь в процессе диалектического «снятия» капитализма социализмом или социализма капитализмом. Можно согласиться с А.Гальчинским и М.Павловским, когда они говорят о «социализированном капитализме» и «капитализированном социализме», ибо только при таком подходе каждый общественный строй остается самим собой и одновременно обогащает (гомеостезирует) свою внутреннюю структуру «снятыми», то есть подчиненными себе элементами противоположного строя. Но эти авторы тут же допускают путаницу, когда пытаются в «синтез-снятие» притащить за уши идею «общества-гибрида» или модель «смешанной экономики» [там же]. Последняя, при ближайшем ее рассмотрении, представляет собой закамуфлированный или, лучше сказать, смягченный вариант обыкновенной капиталистической частнособственнической экономики.

Во-вторых, «синтезирование», что было отмечено выше, есть по существу тот диалектический процесс, в котором «снятие» происходит эволюционно-революционным способом, а не односторонне эволюционным, «спокойно-любезным путем». И здесь следует обратить внимание на одно заблуждение, с давних времен и по недоразумению утвердившееся в «истматовской» социологии и социальной философии. Почему-то было принято считать, что эволюционные изменения в историческом процессе происходят мирным, плавным, бесконфликтным путем, не изменяя по существу сложившегося социального порядка в обществе, в отличие от революционных изменений, которые происходят путем борьбы и конфликтов между антагонистическими классами и завершаются появлением качественно нового общественного строя. Революция действительно представляет собой «качественный скачок», в отличие от эволюции, которая способна лишь подготовить его. Но во избежание вульгаризации этого важнейшего методологического положения следует учитывать три момента. Первое: революция – это скорее не разовый и кратковременный скачок, а серия последовательных и долговременных скачкообразных изменений, не всегда сопряженных с острыми социальными конфликтами и насильственными действиями (не зря ведь К.Маркс писал об «эпохе социальных революций»). Второе: в обществе зачастую происходят такие существенные изме-

нения, каждый конкретный акт которых трудно или даже невозможно квалифицировать как эволюцию или революцию (очевидно, понятием, фиксирующим их относительное единство, является широко употребляемый в последнее время термин «трансформация»). Третье: в отношении процесса изменений в обществе неправомерно рассматривать эволюцию, в отличие от революции, как *мирный* способ общественных перемен. Эволюция, тем более в капиталистическом обществе, антагонизм в котором не исчерпывается классово-вой борьбой, а составляет основу его существования (о чем писал еще Т.Гоббс в XVII веке), столь же *антагонистична*, как и революция. Это важно понимать, ибо у некоторых наивных людей складываются представления об эволюционных изменениях в капиталистическом обществе как о некоей эскалации социального благоденствия, когда разбогатевшие капиталисты щедро начинают одаривать трудящиеся массы жизненными благами и добрым к ним отношением. На самом же деле тот, кто изучает историю капитализма по фактам и объективным свидетельствам, а не по идиллическим сказкам, знает, что все существенные изменения в нем — от технологических переворотов до выполнения крупномасштабных социальных программ — происходили и происходят под влиянием повседневной, кропотливой, не всегда масштабной, но тем не менее острой социальной борьбы между трудом и капиталом, под влиянием решительных и массовых протестных движений.

В свете изложенных положений можно утверждать, что в процессе взаимодействия противоположных систем происходит *не синтез-примирение, а синтез-снятие* и что этот последний достигим на путях борьбы и преодоления различного рода противоречий и антагонизмов. Безусловно, не всякое взаимодействие и не всегда заканчивается подобным синтезом. Здесь много неисследованного и неясного, хотя долгое время социологи и политологи пытались решать проблему мирового синтеза в рамках конвергентных теорий, интерес к которым перманентно то возникал, то затухал. И когда сегодня речь заходит о «социально ориентированной рыночной экономике», «смешанном типе общества» или «третьем пути» человеческой цивилизации, нетрудно заметить, что под несколько иным углом зрения во всех случаях речь продолжает идти все о той же

теории конвергенции, акцентирующей на динамическом аспекте идеи «великого синтеза».

Именно из идеи синтеза взаимодополняющих начал в 1960-е и последующие годы на Западе появились различные конвергентные теории, у истоков которых стояли Дж.Адамс, П.Сорокин, Д.Гэлбрейт, Р.Арон.

Многовариантность «теории конвергенции» отразила сложный и противоречиво-двойственный характер взаимодействия капитализма с социализмом, когда каждый из партнеров по взаимодействию, с одной стороны, стремился к системообразующей роли репрезентируемой им социальной системы в интеграционном процессе, а с другой, опасаясь за историческую судьбу своего отечества, был готов идти на компромиссы и серьезные уступки и предпочитал хрупкий паритет. Вследствие такой двойственности позиций и многообразия способов взаимодействия социальных систем конвергентные концепции сформировались в следующих основных наиболее характерных вариантах.

Конвергенция как становление «интегрального» или «синтетического» типа общества («общества-гибрида»). Этот теоретический вариант, о несостоятельности которого было сказано выше, был выдвинут в конце 1950-х — начале 1960-х годов П.Сорокиным. Он наиболее компромиссен и преследовал цель решения проблемы «примирения» социализма с капитализмом на паритетных началах. Интегральный тип общества, по мнению П.Сорокина, «будет представлять собой нечто среднее между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни. Он будет объединять наиболее позитивные ценности того и другого типов и будет свободен от их важнейших недостатков» [4, р. 4–5]. В радикальном варианте эта позиция была поддержана и развита французским экономистом и социологом Ф.Перру, считавшим, что интегрирование двух экономик в единую произойдет за счет обоюдных трансформаций противостоящих друг другу форм собственности — частной и общественной.

Конвергенция как движение к принципиально новому обществу (не похожему ни на капитализм, ни на социализм) на базе ожидаемых и вероятных технико-технологических изменений в капиталистическом

и социалистическом производстве. Этот вариант в 1962 году активно декларировался группой американских социологов — К. Керром, Д. Дэнлапом, Ч. Майерсом, Ф. Хербисоном, — полагавших, что прогресс «индустриализма» в своем победоносном шествии сметет все социально-экономические и политические различия между странами и народами: «Гигант индустриализации гордо шагает по земле, преобразуя почти все черты старых и традиционных обществ... Мир вступает в новую эпоху — эпоху тотальной индустриализации... К ней идет Восток и Запад» [5, р. 19, 28]. Более отчетливо эта позиция была представлена в высказывании П. Друкера, заявившего в свое время, что «свободное индустриальное общество значительно отличается от того, что традиционно принято называть «капитализмом». «Оно, — утверждал П. Друкер, — также очень отличается от общества, традиционно именуемого «социализмом». Индустриальное общество выше капитализма и социализма. Это новое общество, превосходящее их обоих» [6, р. 351]. Аналогичные высказывания встречаются и в работах Д. Гэлбрейта. Рассматриваемый вариант конвергентной теории близок к сорокинской концепции «интегрального типа», но в то же время существенно от нее отличается: если П. Сорокин проецирует на будущее некий социальный гибрид, усреднение положительных черт *реально существующих* типов общества (капитализма и социализма), то П. Друкер и Д. Гэлбрейт вообще выводят новое индустриальное общество за исторические рамки капитализма и социализма и связывают судьбу нового общества с предстоящими изменениями в техническом базисе того и другого.

Конвергенция как ассимиляция одного типа общества другим. В отличие от компромиссно-паритетных подходов к трактовке перспектив взаимодействия противоположных общественных систем существовала довольно распространенная версия конвергенции как такого сближения или схождения этих систем, при котором одна «поглощала» другую: паритет уступал место диспаритету. При таком подходе конвергентный процесс предполагал два возможных варианта — либо капиталистический, либо социалистический. В середине 1960-х годов З. Бжезинский и С. Хантингтон по этому поводу писали: «Большинство теорий так называемой конвергенции в действительности постулируют не конвергенцию, а поглощение противо-

положной системы» [7, р. 7]. *Капиталистический* вариант конвергенции, ставший своего рода классическим, был выдвинут У.Ростом в рамках его широко известной в свое время концепции «The states of economic growth», согласно которой с возникновением общества массового потребления коммунизм отомрет, а его остатки растворятся в этом обществе.

Иной, *социалистический* вариант ассимиляционной версии конвергенции в меньшей мере был предполагаем на Западе, а что касается его оценок в прошлом советскими учеными, то эти оценки либо страдали заидеологизованной категоричностью («Все дороги ведут к коммунизму»), либо звучали осторожно и невнятно. В большей мере этот вариант нашел признание в «еврокоммунизме» и среди марксистских ученых южноамериканских стран, а также в отдельных высказываниях радикально настроенных ученых и публицистов стран Западной Европы. Так, французский социолог М.Дюверже в 1960-е годы утверждал, что в результате неизбежных процессов либерализации (на Востоке) и социализации (на Западе) эволюция существующих противоположных систем приведет к демократическому социализму [цит. по: 8, с. 116]. В новейший период времени ассимилятивный вариант теории конвергенции находит признание в концепциях «социализации капитализма» и «капитализации социализма».

Конвергенция как плодотворное сосуществование и взаимодействие капитализма с социализмом. В этом варианте теории отразились реалии продуктивного взаимодействия двух мировых систем в 1960–1970-е годы. Похоже, что он равным образом удовлетворял как трезвомыслящих политиков и идеологов Запада, так и коммунистов, ибо идея принципиальной нередуцируемости капитализма к социализму и социализма к капитализму сочеталась с признанием возможности их взаимовыгодного сотрудничества. В самом кратком определении конвергенция в рассматриваемом варианте представляла собой *бесконечное сближение (схождение)*, но только *не слияние и не интеграцию*. Именно такой концептуальный смысл конвергенции был заложен в тактике «наведения мостов», инициированной в середине 1960-х годов государственным секретарем США Дином Раском и преследовавшей прежде всего цель превращения стран

социалистического содружества в открытую систему, активно взаимодействующую с капиталистической системой. Уже в конце 1960-х годов, признавая необходимость и неизбежность длительного взаимодействия такого рода, один из советских авторов назвал его «непересекающимися параллелями». В частности он писал: «...Обе социальные системы обречены на более или менее широкое экономическое, научное и культурное взаимодействие, на заимствование друг у друга каких-то приемлемых элементов в этих областях, на возрастающее сближение, но лишь до определенной черты, за которой пролегает разделяющая их «запретная зона». Они не могут на нынешнем этапе своего развития ни слиться в некую гибридную систему, ни разойтись в разные стороны» [9, с. 159].

Перечисленные варианты конвергентных процессов вряд ли исчерпывают их многообразное содержание. Под конвергенцией понимается и процесс выработки общих стандартных правил и институтов, регулирующих потоки международного капитала, и распространение зарубежных портфельных инвестиций, о чем, в частности, пишет Дж.Сакс [10, с. 307–310]. В культурно-историческом плане понятие конвергенции употребляется тогда, когда речь заходит о сближении западной и восточной цивилизаций (Запада и Востока).

Есть, наконец, еще одна, весьма любопытная разновидность конвергенции, о которой и в прошлом, и в настоящем редко упоминают. Это — «негативная конвергенция». В свое время, еще при жизни П.Сорокина, Т.Парсонс и некоторые другие его коллеги, скептически оценив его концепцию «блистательного социального порядка в обеих державах (США и СССР. — *Е.С.*), также как и во всей человеческой вселенной», небезосновательно поставили вопрос: почему конвергенция обязательно должна осуществиться в конструктивном («позитивном»), а не деструктивном («негативном») ее варианте, если учесть, что в каждой из систем наблюдаются тенденции упадка и дисфункций различных их сторон? Несколько позже, в 1970–1980-е годы, идея возможности «негативной конвергенции» более четко прозвучала в теоретических разработках Г.Маркузе, Ю.Хабермаса, П.Штомпки, ученых Римского Клуба. Впервые о применимости этой версии конвергенции к объяснению процессов, происходящих на постсоветском пространстве, сказал российский социолог Н.Е.Пок-

ровский в 1993 году [11, с. 36]. Наконец, можно предложить еще один вариант трактовки негативного результата вероятного синтеза противоположных систем: принципиальная несовместимость таких систем – и опыт новейшей истории тому подтверждение – может обнаруживаться в том, что продуктивно функционирующие институты, ценности, отношения в рамках одной системы, попадая или «пытаясь встроиться» в другую, противоположную систему, дают обратный эффект, когда их конструктивная роль превращается в деструктивную, функциональное становится дисфункциональным.

Таким образом, конвергентные процессы по характеру протекания и механизму проявления выступают, согласно разным теоретическим схемам, 1) либо как движение противоположных систем к слиянию, интеграции, обществу гибриду; 2) либо как движение к единому, но принципиально новому, лишенному сходства с конвергируемыми системами, общественному устройству; 3) либо как внутренние трансформации противоположных систем, сближающие их и одновременно оставляющие за ними их качественную определенность; 4) либо, наконец, как эффект взаимной деградации конвергируемых сторон.

В свете происшедших и происходящих в мире перемен в конце XX века, когда ранний социализм потерпел поражение и дал начало существованию «постсоциалистического» («посткоммунистического») общества, естественно, возникает вопрос: что представляет (или может представлять в перспективе) это общество и как отразилось его появление на судьбе конвергентных теорий? Поставленный вопрос принципиально важен, так как, во-первых, появившиеся в научном обиходе понятия «постсоциалистическое», «трансформирующееся» и т.д. общества ни о чем не говорят и нуждаются в теоретико-методологической базе своего уточнения; во-вторых, научные идеи восходящего синтеза систем достаточно авторитетны, чтобы их инвариант можно было проигнорировать на том лишь основании, что «критерий истины», каковым стало крушение раннесоциалистических обществ и первые неуклюжие попытки соорудить взамен что-либо конструктивное, сработал якобы не в его пользу; в-третьих, может показаться, что падение социализма является сбывшимся пророчеством У.Росту и З.Бжезинского и что, возмож-

но, ассимиляционный вариант теории конвергенции оказался наиболее состоятельным среди всех других.

Кризис 1980-х годов, неудавшаяся «перестройка», все большее проникновение в хозяйственную жизнь Советского Союза частно-собственнических основ и рыночных регуляторов повысили в глазах советской научной общественности авторитет и значение теории конвергенции. В 1970-е годы в ее защиту звучали отдельные робкие голоса. Е.Д.Модржинская, к примеру, писала: «Опыт чуждой нам капиталистической формации в определенных вопросах может быть интересен, полезен и должен быть поставлен нам на службу. Но эти вопросы также надо анализировать конкретно и глубоко, делая серьезные обобщения» [12, с. 172]. Аналогичны в этом плане и высказывания В.Е.Гулиева: «При трезвом, то есть научном, подходе к проблеме не придется отрицать наличия определенных сходных процессов, наблюдающихся как в капиталистическом, так и в социалистическом мире» [13, с. 235]. В конце 1980-х – начале 1990-х годов теория конвергенции в советском обществоведении была поднята на щит. Так, выступая на Съезде народных депутатов СССР со своим проектом Конституции, А.Д.Сахаров считал закономерным и требующим законодательного признания стремление Союза в лице органов власти и граждан к «встречному плюралистическому сближению (конвергенции) социалистической и капиталистической систем как к единственно кардинальному решению глобальных и внутренних проблем» [14, с. 267]. Политическим выражением конвергенции, подчеркнул он, в перспективе должно стать Мировое правительство.

Иная картина наблюдалась на Западе: по мере развала Советского Союза и падения его международного престижа конвергентные идеи все реже стали появляться на страницах научных монографий и общественно-политических журналов. С наступлением периода «постсоциализма» интерес к ним заметно поубавился: поверженному социализму не пристало претендовать на паритет или синтез с победившим его капитализмом! Судьба конвергентных теорий оказалась раздвоенной. С одной стороны, приверженцы социалистической доктрины в разных ее вариантах как на Востоке, так и на Западе оказались перед задачей переосмысления сущности и спосо-

бов возможного в новых условиях синтеза социальных атрибутов и ценностей двух общественных систем. С другой стороны, идейные противники социализма и его умножившиеся критики либо сочли решенными все споры о конвергенции в пользу ее ассимиляционной версии и, таким образом, представили ее (конвергенцию) исторически исчерпавшим себя явлением, либо перешли к новой парадигме развития социального миропорядка, превзошедшей пределы конвергентно-синтетического понимания современного общественно-исторического процесса. В *первом* случае сторонники социалистического выбора пытались и пытаются представить конвергенцию не как далекую перспективу человечества, а как свершившуюся реальность или актуальный процесс, в пользу чего свидетельствует не только вхождение «бывших» социалистических стран в рынок и развитие многоукладности экономики, но и продолжение наращивания капиталистическими странами в новых исторических условиях гармонизирующих их общественный строй таких атрибутов социализма, как плановость, государственные механизмы регуляции экономики, безэквивалентный характер распределения и обмена, повышения уровня социальной защиты (обеспечения) граждан и т.д. [15; 16]. Небезынтересно отметить, что в момент интенсивной деструкции советского социализма, когда последний был объявлен «крушением марксистских иллюзий», на Западе осторожные ученые-аналитики прочили советскому социализму возможность иной судьбы — движение через ломку авторитарно-бюрократических структур к демократическому (рыночному, конкурентному) социализму. Автор концепции конкурентного социализма Стив Рэнкин в качестве движущей силы этой новой формы социализма считает «стремление вновь появившихся фирм к прибыли, возникающей в связи с превышением рыночной цены над издержками производства» [17, с. 94]. По его мнению, государственный (командный) социализм проиграл прежде всего по двум причинам: во-первых, из-за фактического отсутствия заинтересованности предприятий во внедрении новых методов (технологий) производства в условиях неограниченных бюджетных поступлений и, во-вторых, из-за ограничения инновационных идей только высшими уровнями плановой иерархии. «При конкурентном социализме, — пишет С.Рэнкин, — существует доста-

точный механизм, который как раз обеспечивает необходимую скорость выбытия низкопроизводительных заводов и оборудования, чтобы освобождающихся в результате этого рабочих переключать на новые производства» [там же, с. 98]. Подобная возможность признавалась и признается многими «постмарксистскими» социологами и политиками как наиболее реальная и оптимальная в перестроечный период и в первые годы послеперестроечного периода модель «постсоциализма». Более того, хотя некоторые из них в извинительной форме выпрашивают у западных мэтров в науке признания хоть каких-нибудь шансов на сохранение «положительных сторон» социализма, тем не менее находятся и такие, кто пророчит последнему ведущие позиции в поступательном движении общества. Любопытны в этом плане высказывания А.В.Рубцова: «...Западный тип цивилизации уже давно рассматривается не как призванный вытеснить все остальные, менее эффективные культуры, а скорее как тупиковый, неперспективный именно в силу своей однозначной ориентации на беспредельную эффективность преобразования мира. Пока мы примериваемся к прыжку в современную западную цивилизацию, она, напротив занята переоценкой своих основополагающих ценностей; пока мы с восторгом аборигенов пялимся на их побрякушки, они с надеждой и вполне расчетливым интересом всматриваются в культуры, избежавшие испытания богатством, индустриальным взрывом и потенциально неограниченным потреблением» [15, с. 42]. На нынешнем этапе «трансформации» подобные высказывания звучат все реже.

Во *втором* случае, наиболее типичном и характерном, конвергентные идеи объявлены пройденным этапом в развитии социологической мысли. Часть авторов сочла их столь же иллюзорными, как и социальные проекты построения социализма (коммунизма); другая часть попыталась сохранить элемент компромиссного решения исторической судьбы этих идей; третья — представить их в генерализованном, то есть переосмысленном виде на новом витке восходящего развития знаний или как несущественный фрагмент предшествующего периода истории. Последовательные противники социализма (З.Бжезинский, П.Друкер) сегодня празднуют победу своих антикоммунистических доктрин. «...Социализм стал анахро-

низмом, — пишет П.Друкер в одной из своих последних работ. — Утверждали, что капитализм — это переходная стадия на пути к социализму; однако вместо этого, наоборот, все яснее становится, что социализм — это лишь зигзаг на дороге капитализма» [18, с. 253]. Наиболее развернутую и пространную критику теории конвергенции дает П.Штомпка. Из самого факта падения коммунизма, считает он, можно вывести по меньшей мере три урока, которые ставят под сомнение важнейшие принципы теории конвергенции. Во-первых, идея взаимного обмена оказалась просто неверной: вместо дружественного перенимания каждым из партнеров того, чего ему недостает, и возникновения в результате этого «третьей формы» (нового социально-политического режима), мы являемся свидетелями тотального одностороннего процесса, в котором неизменно доминируют западные модели, в конце концов одерживающие победу. Во-вторых, как известно, теория конвергенции включала в себя идею мирного, постепенного смешения компонентов обеих систем и не предусматривала ни неожиданного распада, ни окончательного падения коммунистического мира. В-третьих, наиболее мощным фактором, вызвавшим столь радикальные сдвиги, явился психологический фактор надежды, сформировавшийся благодаря «демонстрационному эффекту» западных стандартов и доказавший инновационные преимущества глобализации конкуренции [19, с. 184–185].

Солидаризируясь с критикой паритета сторон в конвергентном процессе и конвергенции как синтеза, другая часть авторов, преимущественно из числа бывших сторонников марксизма и окончательно не порвавших с ним, пыталась и все чаще пытается сохранить «рациональное зерно» теории конвергенции, модернизируя ее в том или ином духе. Известный советский философ, идейный наставник М.С.Горбачева Г.Х.Шахназаров, с боем сдавая свои идейные позиции, попытался в начале 1990-х годов сберечь эти «рациональные зерна» путем придания феномену конвергенции некоего свойства исторического архетипа или кросс-исторического явления. Во-первых, полагал он, конвергентные пути истории нельзя ограничивать такими конкретными типами общества, как капитализм и социализм, поскольку конвергенция присуща всем другим периодам, формам и образованиям исторического процесса. Во-вторых,

продолжал он, все общества являются по своему характеру смешанными (не существует ни чистого капитализма, ни чистого социализма)*, а значит — перманентно пребывающими в конвергентном состоянии. В-третьих, высшим достижением (проявлением) социального синтеза, по Г.Х.Шахназарову, является «блуждающая гармония», периодически или спонтанно возникающая в результате «редкостного совпадения благоприятных факторов» (Афины времен Перикла или Флоренция при правлении Лоренцо Великолепного). Ближайших по историческому времени аналогов эпохам Перикла или Лоренцо автор почему-то не привел. Сходную с этой позицию заняли в свое время и наши соотечественники А.Гальчинский и М.Павловский. Согласно взглядам первого, «социализм» как социализация экономических отношений носит *кросс-исторический характер* и присущ в разной мере и в различном содержании любой из общественных формаций или человеческих цивилизаций [3, с. 25]. Как уже отмечалось выше, современный этап истории, по М.Павловскому, характеризуется появлением и развитием двух типов конвергенции обществ — «социализованного капитализма» (в направлении к которому «должна» двигаться Украина) и «капитализированного социализма» (Китай, Вьетнам) [там же]. Итак, конвергенция, по рассмотренной версии, имеет общеисторический характер и представляет собой одну из ипостасей интеграционных (синтезирующих) начал в обществе.

Не вдаваясь далее в пространный анализ двух рассмотренных точек зрения на возможности, реалии и перспективы конвергентного процесса, считаю необходимым отметить один немаловажный, эмпирически засвидетельствованный момент. Речь идет о том, что время (объективная закономерность) работает сейчас непосредственно «на капитализм», ибо благодаря своей конкурентной активнос-

* Сегодня эту точку зрения разделяют многие украинские ученые, утверждающие, к примеру, что на Западе «уже давно существует не сугубо рыночная, а смешанная экономика» и что «в СССР тоже существовала не сугубо административная, а смешанная экономика, которая включала товарно-денежные отношения, которые дополняли и определенным образом оформляли директивно-плановые связи» [20, с. 25].

ти, изворотливости и рыночным механизмам *экономически* он оказался более продуктивным, особенно в той области, в которой не смог сработать социализм — в области НТП, развития, применения на практике достижений науки и техники. Поэтому трудящееся население Украины, которое левачи от коммунизма обвиняют в пассивности и бараньей покорности, при всем ужасе их положения не выступают активно за возврат к прошлому; более того, как показывают наши исследования, одобряют приватизацию средних и малых предприятий и возлагают надежды на рыночные реформы. Однако при этом нужно смотреть далеко вперед и глубже оценивать происходящие процессы, связанные с реабилитацией капитализма. Одним из парадоксов диалектики истории является то, что однажды победивший, а затем отступивший социализм уготовляет *новую* почву для социализма более высокого, технически цивилизованного уровня, используя для этого социально-личностные приобретения и наработки капиталистического строя. Таким образом, нынешняя история, непосредственно работая на уходящий капитализм, опосредованно работает на будущий социализм более высокого уровня.

Если прослеживаемая до сих пор критика теории конвергенции или попытки ее переосмысления в целом укладывались и укладываются в интеграционную парадигму развития человечества, то критика ее приверженцами новой (нелинейной, неклассической, полимерной) парадигмы не оставляет для нее никаких шансов на выживание или радикальную модернизацию. Усиление в современном социальном процессе значения и роли гетерогенного фактора (от этноса до экономики), дезинтеграционных тенденций и передислокации доминирующих механизмов и стимулов развития делает по меньшей мере неактуальной, лишенной смысла и практического значения саму постановку вопроса о конвергенции общественных строев, стран и народов. Согласно все еще популярной концепции «третьей волны» О.Тоффлера человечество в своем развитии прошло неизбежный для него этап омасовления (а значит и интеграции) производства и других сфер деятельности, характерный для индустриального технополиса. «Третья волна» несет на своем гребне демассификацию производства, его децентрализацию (деконцентрацию), фрагментацию и уникализацию на базе новейших компь-

ютеризованных микротехнологий и тонких организационных структур, что в корне меняет стиль и образ жизни людей, функции и задачи государства, социальных институтов, саму макросистему общества. Отныне, по О.Тоффлеру, история движется к дроблению, регионализации и партикуляции человеческого мира, уничтожая отношения личной и экономической зависимости и расширяя горизонты свободы и демократии. Указывая на зарождение новых форм общности людей и организации их жизни, О.Тоффлер отмечает: «Независимо от того, назовем ли мы эти единицы «регионами», «нациями» или как-либо иначе, их пути развития скорее дивергентны, чем конвергентны» [21, с. 120]. В отношении дальнейшей судьбы теории конвергенции О.Тоффлер бескомпромиссен: «...Идея, согласно которой Советский Союз и США «конвергентны», основывается на характерном для «второй волны» убеждении, что общества становятся более однородными, а это положение прямо противоположно тому, которое я отстаиваю» [там же, с. 126].

Правота О.Тоффлера в части акцентирования некоторых важных моментов гетерогенизации, уникализации и дробления общества (диверсификации производства и «кастомизации» экономики) в качестве новых социальных доминант отнюдь не означает его правоты в попытках экстраполяции этих тенденций на жизнь общества в целом, на его системную целостность. О.Тоффлер находит в себе смелость говорить о «диалектическом скачке к доиндустриальной, уникальной продукции, но на более высоком технологическом уровне» (буквально в духе гегельянско-марксистского закона отрицания отрицания!), но когда речь заходит о принципе диалектической всеобщей связи (добавим: системной целостности), то в этом важнейшем пункте его «диалектическая методология» прекращает свою работу. А ведь именно здесь никак невозможно уйти от фактов и логики, согласно которым «регионализм» и «демассовизация» общественных связей, социальной жизни людей только и достижимы *на базе и в рамках* стабильной интеграции общества, как и наоборот. Не стал и не станет же автор «Третьей волны» всерьез утверждать, что все эти процессы означают возврат к немым, замкнутым общинам или партикуляризированному натуральному хозяйству! А коль так, то остается в силе (хотя и на «более высоком уровне») необхо-

димось в регулировании и управлении «единицами» со стороны центра, а значит и необходимость в стандартах, институционализации, единообразии и государственной бюрократии (разумеется, опять же в новом, «более высоком» их качестве). Наконец, если даже проигнорировать необходимость системной целостности общества и стать на точку зрения О.Тоффлера, то разве разнообразие суверенных уникальных образований не допускает конвергентных явлений? Как раз наоборот, конвергенция как схождение принципиально *различных, несходных* или *противоположных* социальных образований больше свидетельствует о *единстве многообразия*, нежели о кристаллизации единообразия и гомогенной направленности общественных процессов. Более того, только синтез «снятых» противоположных социальных начал может сообщить системе и подсистемам общества динамическую напряженность в экономической, социальной и культурной жизни его граждан. «Третья волна» общественно-исторического процесса, таким образом, не только не противоречит возможности или необходимости конвергенций, но имманентно предполагает их.

Резкое и вполне объяснимое снижение интереса к теории конвергенции привело к своего рода «постконвергентному» периоду развития общественных наук. Место «конвергенции» заняла «трансформация». Пожалуй, все согласны с тем, что нынешняя Украина, как и другие бывшие республики СССР, является «трансформирующимся обществом», но только никто не знает, что оно собой представляет. Парадоксальность ситуации может заключаться в том, что теоретически похоронив идею конвергенции, практически мы можем оказаться (или уже оказались) в сложном конвергентном процессе, когда строительство «светлого будущего» — общества с «социально ориентированной рыночной экономикой» обернется в итоге новой неожиданностью. Об эпохе общественных переворотов («перестроек», «трансформаций») нельзя судить по уровню сознания осуществляющих их субъектов. Эта истина известна со времен К.Маркса. Поэтому вопрос о том, по каким моделям или схемам будет развиваться объективная общественная реальность, несмотря на все рыночные декларации и заявления по поводу того, что «процесс пошел» или «реформы набирают силу», никак нельзя считать ре-

шенным. Преимущество побежденных перед победителями заключается в том, что первые стоят перед необходимостью мучительного и беспощадного самоанализа и поиска, выводящих их в итоге на адекватные ситуации решения и действия, тогда как вторые, ослепленные победами, легко становятся жертвой собственной бездумной самонадеянности и волюнтаризма. Мышлению побежденных присущ глубокий и всесторонний анализ, если они действительно стремятся чему-то научиться и извлечь уроки из собственных поражений. Победители, как правило, мыслят односторонне категорично – и проигрывают. Сегодня в программах некоторых левых партий и движений обнаруживается больше попыток всесторонне охватить и учесть ситуацию, синтезировать взаимодополняющие компоненты противоположных общественных устройств, нежели в программах радикально-правых партий и движений, для которых социализм перестал существовать как общественно-историческая реальность, а будущее однозначно определено как общество с «цивилизованной рыночной экономикой» и как «вхождение в Европу».

Многие «постмарксистские» социологи, как и политики, считают, что наука должна освобождаться от архаических «измов», что человеческая история давно перешагнула через конфронтационную фазу деления жизни общества на капитализм и социализм и вошла в полосу спокойной эволюции. Модернизаторы марксизма полагают, что «после достижения экономической общественной формацией своей высшей точки многовариантность общественного развития объективно возрастает» и что вследствие этого «положение о том, что за капитализмом не может следовать ничего, кроме социализма, не является доказанным» [22, с. 38–39]. Если следовать этой логике, то столь же резонно утверждать, что за «исчерпавшим свои возможности» социализмом не обязательно должен следовать капитализм и что постсоциалистическое общество может развиваться по третьему, четвертому, пятому и т.д. пути. Но даже согласившись с этой логикой, мы остаемся перед нерешенным вопросом: о многовариантности *чего* идет речь? Общественно-исторического процесса так такового? Но он всегда имел и имеет свои доминанты, свои «измы», идет ли речь о разных формациях или цивилизациях, когда варьируются вполне устойчивые социально-экономические

определенности (в противном случае плюрализм исторического процесса напоминал бы нечто хаотичное и бесформенное). Применительно к современным общественным реалиям «многовариантность» может означать, во-первых, все еще сохраняющееся многообразие форм капитализма и социализма как доминирующих состояний общества; во-вторых, различные комбинации элементов или атрибутов двух противоположных типов (систем, ценностей) общества в условиях их максимальной открытости и трансформаций в «посткапитализм» и «постсоциализм», когда можно говорить о *многовариантности синтеза*; в-третьих, определенную автономию дезинтеграционных процессов, происходящих в разных социально-экономических системах. Сколь бы безбрежной и раскованной ни казалась вариативность (или плюралистичность) общественно-исторического процесса, она всегда остается привязанной к тем его инвариантам, которые представляют собой доминирующие состояния социальной дискретности (индивидуалистичности, экономической партикулярности) и социальной континуальности (коллективности, экономической обобщественности). И здесь, в решении вопроса о возможности синтеза конструктивных начал капитализма и социализма, его путях и способах, автор снова вынужден обратиться к проиллюстрированному в предыдущем разделе фрагменту схемы конвергентно-дивергентного процесса (см. схему на с. 269).

Возникнув как дивергентная ветвь генерального исторического процесса, ранний социализм, каковым явилась советская его форма, прошел в своем развитии сложный путь наработки принципиально новых элементов, свойств, структур и институтов (плановая регуляция, централизованное распределение, социальная всеобщность труда, безэквивалентный характер экономических связей, приоритет социального над экономическим и т.д.). Нарботка социальных регуляторов и механизмов функционирования нового строя, происходившая в государственных, политизированных формах, находилась в прямой конфронтации с частнособственническими мотивами и рыночным регулированием. Отсюда постоянная конфликтная напряженность во взаимодействии раннего социализма и достигшего своего расцвета капитализма. Продолжительный антагонизм заставил каждую из враждующих систем, с одной стороны, укреплять свою родовую, генетическую основу, оберегать ее от нежела-

тельных для нее мутаций, с другой стороны, в силу неизбежных при этом сосуществования и усиления взаимодействия, «поселять» на своей территории необходимые ей элементы и свойства противоположной системы. Антагонизм все больше и все чаще стал сопрягаться со спонтанным или сознательным взаимообменом социальными конструкциями и механизмами, то есть с конвергентными процессами. Капитализация социализма и социализация капитализма осуществлялись и осуществляются, как показала новейшая история, не в гармоничном и сбалансированном режиме, а с определенными перевесами и крутыми кренами. Один из таких кренов стал роковым для Советского Союза, и не исключено, что этот процесс крутого поворота произошел в обозначенном на нашей схеме варианте (c_1): *инволюционное движение ослабленного от своих односторонностей советского социализма к капитализму, движущемуся, в свою очередь, в глобальном масштабе, к социализму более высокого уровня.* Движения вспять отдельных частей при движении вперед целого — явления нередкие в истории. Но если в едущем в строго заданном направлении поезде двигаться от головы к хвосту, то в конечном счете оказывается, что вы все же движетесь вперед, а не назад. Такова, может стать, переживаемая нами диалектика исторического процесса.

В оставшихся вариантах (a_1) и (b_1), возможно, прорисовывается будущая судьба Китая и Кубы (при благоприятной для них международной обстановке) и судьба запаздывающих в своем развитии КНДР, Монголии и Вьетнама, которым предстоит пройти длительный путь вставания в посткапиталистический социализм.

Поиски нового синтеза — отнюдь не теоретический дискурс относительно социально-экономического развития общества. Это не схоластические упражнения и не досужие выдумки готовых к примирению интеллектуалов. Это процесс исторического движения тех государств, которые в сплетении взаимодействующих потоков экономики, политики и социальной жизни противоположных укладов и строений современного общества пытаются вычлениить и эффективным образом соединить их наиболее жизнеспособные стороны и элементы. Сам же процесс подобного соединения сложен и неоднозначен, ибо диалектический синтез, как уже было сказано, далеко не всегда означает «разумный баланс». В историческом опыте

некоторых государств он прослеживается явно и отчетливо. И вот что говорят и пишут о нем государственные деятели, политики, журналисты и ученые.

Илья Фетисов о «белорусском пути развития»: «Здесь не выбросили то хорошее, что было в СССР, — государственное управление экономикой, и то, что привнесено с началом рыночных преобразований в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Поэтому существующие ныне многочисленные белорусские кооперативы, ООО, ЗАО и СП — чисто коммерческие структуры — обязательно имеют долю государственного капитала или полностью принадлежат государству, принося немалый доход в казну не только в виде налогов, но и чистой прибыли. Пожалуй, именно это во многом является секретом белорусского экономического чуда» [23]. В подтверждение сказанного журналистом можно привести множество статистических данных, характеризующих рост экономики Беларуси и социального благосостояния ее народа. Наиболее убедительными следует, однако, считать факты, приведенные таким незаинтересованным институтом, как Мировой Банк, по опубликованным данным которого Беларусь занимает одно из лидирующих мест среди стран СНГ и первое место по наименьшему количеству бедных (по сравнению с Беларусью в США бедных всего на 9% меньше, а в Великобритании — на 5%, тогда как, по оценкам Мирового Банка, за чертой бедности проживает 41,9% населения Земли, включая страны СНГ, кроме Беларуси [там же]*.

* В прошлом один из рьяных разрушителей и критиков социализма Александр Ципко, побывав в современной Беларуси, пишет: «В Белоруссии, в отличие от России, сохранились многие преимущества бывшего социализма, система бесплатных детских садов и пионерских лагерей. В Белоруссии, в отличие от России, вкладываются громадные деньги в развитие школ, строятся шикарные библиотеки, строятся новые спортивные площадки. В Белоруссии значительно ниже, чем в России, преступность, меньше развита организованная преступность. Меньше на душу населения аборт, самоубийств. По всем основным социальным показателям Белоруссия превосходит Россию, является более здоровым в духовном отношении обществом. Это правда! Правда, о которой почему-то никто не говорит в наших СМИ даже на государственных телеканалах» [24].

Выступая летом 2003 года по телевидению, Александр Лукашенко открыто и прямо подчеркнул, что в Беларуси «взяли все самое лучшее из советского времени, а то, что утеряли, начали возвращать» [25]. Аналогичные оценки, в весьма сдержанных тонах и с оговорками, даются «молдавскому опыту» в стране, где коммунисты при власти не торопятся с переводом экономики исключительно на «социалистические рельсы» и вынуждены считаться с новыми реалиями*. Наконец, опыт Венесуэлы. Ее президент Уго Чавес считает, что в стране идет реализация альтернативной неоллиберализму модели: «Это модель социальной экономики, основанная на совместном управлении со стороны государства, частного сектора и трудящихся, всех вместе. Это новый вид управления экономикой, новая модель: это не классический государственный капитализм» [27].

Что касается исторического опыта такой мощной и экономически преуспевающей державы, как Китай, то его политическую программу в октябре 2003 года озвучил Пленум ЦК КПК 16-го созыва. Суть сформулированного в этой программе основного требования состоит в том, чтобы «превратить акционерную систему в главную форму общественной собственности». В решениях пленума сказано: «...Нужно всемерно развивать и активно направлять негосударственный сектор экономики, разрешать негосударственному капи-

* Не следует забывать, что Молдова является одной из самых отсталых стран среди республик бывшего Союза и что жизненный уровень подавляющего числа ее населения находился за чертой бедности вплоть до 2001 года. Вследствие этого проблемой «номер один» стало для коммунистического правительства Молдовы выполнение социальной программы партии — заметный и форсированный подъем зарплат и пенсий. В номинальном исчислении среднемесячная зарплата в экономике страны за 2000–2004 годы возросла почти в 3 раза и к октябрю 2004 года достигла 1140 лей (94 доллара), тогда как в 2002 году она составляла 408 лей (33 доллара). Параллельно шел процесс преодоления инфляции, в результате чего, начиная с 2001 года, картина реальных доходов как работающего населения, так и пенсионеров стала резко меняться. Среднегодовой показатель реального роста зарплаты в экономике составил 20%, а пенсий по возрасту — 31%. И это при том, что за этот же период (200–2004 гг.) правительству, напрягая расходную часть бюджета, пришлось выплатить по внешнему долгу 103,5 млн долларов, «завещанных» его предшественниками [26].

талу вступать, где это не запрещено законами и предписаниями, в общественные дела, отрасли и сферы» [цит. по: 28]*.

Таким образом, в современном мире налицо поиски нового синтеза. Представляет ли он временную *переходность* или имеет характер становящейся постоянной *субстантивности* — покажет будущее. Но одно представляется в этой перспективе очевидным: схема диалектического синтеза «работает» и отражает историческую необходимость. Если она хотя бы в общих чертах верна, то все сложности растянувшегося в пространстве и времени вероятного синтеза сохранившихся элементов дивергентного социализма с элементами развитого капитализма окажутся в целом адекватными ей. Будет ли этот синтез сопровождаться революционными взрывами при вхождении дивергентных социалистических образований в посткапиталистической социализм или при внутренних трансформациях капиталистических стран, можно только гадать. Но то, что он будет (и уже) сопряжен с попятными движениями, с возникновением разного рода социально-экономических суррогатов, сомневаться не приходится.

* В общественном мнении сложилось представление о том, что поворот в сторону «социальной экономики» произошел в Китае в начале 1980-х годов, во времена Дэн Сяопина, провозгласившего в стране «строительство социализма с китайской спецификой». Между тем эта «специфика» была заложена в программу построения социализма еще в 1940-е годы никем иным, как Мао Цзедунем в его статье «О новой демократии», где речь шла о том, что «новая демократия» не собирается копировать во всем советский опыт и предполагает отказ от главенствующей роли в экономике Китая общенародной собственности. В советской научной и научно-политической литературе это заявление не совсем адекватно трактовалось как требование переходного периода, хотя понятия переходности в самом документе не было. Критикуя «лево»-уклонистский догматизм, Мао Цзедун в речи на 11-м расширенном заседании Верховного государственного совещания в феврале 1957 года сказал: «Противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией — это противоречия между эксплуатируемыми и эксплуататорами, которые сами по себе являются антагонистскими. Однако в конкретных условиях нашей страны, если соответствующим образом регулировать антагонистические противоречия между этими классами, они могут превратиться в неантагонистические, могут разрешаться мирным путем» [29, с. 5]. «Китайская специфика», означая подконтрольный и конструктивно управляемый классовый антагонизм, с ее колебаниями и сложными вариантами прошла и продолжает длительный путь своего развития.

Итак, идея конвергенции, или синтеза допускает множество трактовок и вариантов — от модели социального компромисса и примирения до модели жесткого «снятия» одного строя другим. Но историческая судьба «постсоциализма» практически решается не только в спектре этих возможных вариантов.

3.2. Модели преуспевающего Запада для обанкротившегося Востока

Кризис раннего, дивергентного социализма, приведший к распаду его «мировой системы», породил проблему «постсоциалистического общества», его трансформации в новые социально-экономические и политические реалии. Дух, смысл, направленность этих трансформаций при всей их многовариантности обуславливаются в конечном счете взаимодействием государств, народов, классовых группировок. Векторный результат такого взаимодействия вызывается прежде всего столкновением противоборствующих объективных тенденций социально-экономической интеграции и партикуляризации (фрагментации) обществ, характеризующих состояние современного мира. С учетом этого обстоятельства в отношении решения проблемы «постсоциализма» можно выделить четыре наиболее характерных политических ориентации, сочетающих интересы определенного «социального пространства» с социально-классовыми (социально-статусными) интересами. Эти последние, по мнению автора, являются доминирующими и определяющими, поскольку социально-этнический фактор в конечном счете подчинен классовому, а геополитический интерес представляет собой превращенный социально-классовый интерес, одну из важнейших в новейший период истории его модификаций.

Первый тип политических ориентаций — это ориентация на вхождение, форсированное или медленное, новоявленных «постсоциалистических» стран в буржуазное сообщество; ориентация на интеграцию в капиталистическую систему, которая мелкобуржуазному сознанию постсоветских нуворишей видится заманчивым «приглашением к столу» в качестве «равноправных членов», а на деле представляет собой жалкое положение стран-сателлитов. Этот тип

ориентаций отвечает как интересам современных неформальных метрополий, стран-лидеров, международной буржуазии, так и интересам формирующихся национальных групп компрадоров, а также обслуживающего их государственного чиновничества. Действие внутренних причин и факторов, побуждающих бывших «теневиков» и обогатившуюся партноменклатуру к открытости общества и свободной рыночной, финансово-посреднической деятельности, всецело совпадает по сути и направленности с действием внешних причин и факторов, стимулирующих заинтересованность западных стран во вхождении «постсоциалистического общества» в орбиту «свободного рынка» и частного бизнеса в качестве поставщика дешевой рабочей силы и потребителя залежалых импортных товаров (не говоря о геополитических интересах стран «золотого миллиарда»).

Второй тип представляет собой ориентацию на независимое национально-государственное развитие, на национальный или «патриотический» капитализм. Признание определяющей роли в экономике отношений частной собственности, рыночного механизма регуляции хозяйственной деятельности, ценностей демократии сочетается в этом типе с признанием ограниченной открытости общества, весьма значительной степени вмешательства государства в экономику, приоритетной роли в государственной политике протекционизма, определяющих ценностей «своего», национального менталитета. Интеграционному космополитизму компрадоров с их преимущественной ориентацией на спекуляцию валютой, торгово-посреднические сделки «патриотический» капитализм противопоставляет ориентацию на создание и укрепление национального фондового рынка, развитие и инвестирование конкурентоспособного отечественного производства, ведущие позиции государства в блоке однопольных или сопредельных государств, экспорт инновационных товаров. Национал-патриотический тип ориентаций на трансформацию «постсоциализма» отражает прежде всего интересы «своих», отечественных крупных предпринимателей-бизнесменов, финансово-промышленных групп и естественных монополистов и одновременно импонирует позициям среднего и мелкого «чужого», иностранного бизнеса, заинтересованного во внешнеэкономическом взаимовыгодном деловом партнерстве и сотрудничестве. Спектр

ориентаций этого типа в социальном плане предельно широк: он включает как ориентации левоцентристского толка (социально-державническая ориентация), так и программные установки националистически настроенных ультраправых; отражает интересы могучих олигархов и настроения отчаявшихся люмпенизированных слоев общества. Объединяющим стержнем всех этих ориентаций является идеология державничества. Национал-патриотизм существует как определенная преференция социально-политических слоев и групп постсоветских стран, как тенденция, которая так или иначе подрывается космополитизмом глобализирующегося мира. Иными словами, среди постсоветских стран нет «чистых» национал-патриотических государств. Государства подобного рода существуют как в России, так и в Украине. В России – с бульшим креном в сторону закрытости и ограничения ее интеграции в мировые капиталистические блоки и структуры, в Украине – с явным креном в ЕС и проамериканские экономические структуры.

Третий тип политических ориентаций на ту или иную модель трансформации постсоциализма – это ориентация на построение (воссоздание) социалистического общества национально-патриотического толка. «Национал-коммунизм» исходит из признания первоочередной опасности капиталистической экспансии, угрожающей национальным государствам потерей независимости и аннигиляцией их самобытных культур, традиционных ценностей. Геополитический фактор для него важнее классового характера современных общественных отношений. Вследствие этого союз «национал-коммунистов» со «своей» буржуазией – это для них, скорее, не вопрос тактики (компромисса), а вопрос принципа («конструктивного сотрудничества»), что на языке классического марксизма означает откровенное соглашательство. Одновременно «национал-коммунизм» не порывает с социалистической доктриной и в качестве долговременной (причем весьма туманной) перспективы признает неизбежность произрастания коммунистической формации.

Четвертый тип – ориентация на обновленный социализм с имманентными ему интернационалистскими принципами. Здесь налицо приоритет классового подхода, ставка на межнациональный союз, сотрудничество трудящихся классов и преимущественно сило-

вое решение вопроса о возрождении социализма. Пространственные границы союза и солидарности при этом мыслятся по-разному: для одних партий и движений, в основном леворадикальных, эти границы совпадают с территорией бывшего Советского Союза (с возможным их сужением), для других они предельно широки и связаны с будущей судьбой мирового сообщества (посткапитализма).

Каждый из перечисленных типов ориентаций имеет свою социальную базу, сила или слабость которой определяют шансы на успех. Своеобразие сложившейся в постсоветских государствах ситуации заключается в том, что реальные шансы на воплощение в жизнь той или иной модели трансформации их экономики определяются не степенью адекватности модели внутренним социально-экономическим условиям и предпосылкам в каждом из этих государств, а диктатом западных стран-победителей в «холодной войне». Победа последних ничего иного не может означать, кроме как начала интеграции поверженных социалистических стран в капиталистическую систему в качестве периферийных или полупериферийных. Внутренние причины их поражения при этом не принимаются в расчет, поскольку разрешение противоречий адекватно природе постигшего эти страны глубокого системного кризиса было бы не в пользу капитализма. Вследствие этого вхождение постсоциалистических стран в «рыночную экономику» стало повсеместно осуществляться по моделям и предписаниям преуспевшего Запада — и там, где эти модели отвечали конкретным реалиям ряда восточноевропейских стран (Германия, Польша, Венгрия, Чехия), и там, где они совершенно не отвечали им (Российская Федерация, Беларусь, Украина, Казахстан). Таким образом, из четырех политических ориентаций на конкретные пути трансформации постсоциалистических обществ фактически реализуемыми являются две: ориентация на капиталистическую «интеграцию» в ее ассимилятивном варианте и ориентация на национальную независимость («собственный» курс). И в первом, и во втором случаях предполагается капитализация стран бывшего Союза.

Бархатная капитуляция СССР в «холодной войне» привела к тем своеобразным политическим репарациям, которые означали безоговорочное согласие правительств новообразовавшихся государств

брать за исходное в своей социально-экономической политике явно или неявно предписываемые им «мировым правительством» модели реформ. Репарационный характер последних был откровенно продекларирован в свое время экспертами Мирового Банка: «Быстрая и обширная либерализация возможна и целесообразна при любых условиях» [цит. по: 30]. Иными словами, предложение для использования конкретных моделей реформ носило и носит характер безусловного требования. С какой же целью?

Об этом недвусмысленно говорится в книге Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска». «В краткосрочной перспективе Америка заинтересована укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии. Эта задача предполагает поощрение возможных действий и манипуляций, с тем чтобы предотвратить появление враждебной коалиции, которая попыталась бы бросить вызов ведущей роли Америки...» [31, с. 235]. Далее эту мысль автор развивает так: «...Оказание политической и экономической помощи вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евроазиатской стратегии. Укрепление суверенной Украины, которая в настоящее время стала считать себя государством Центральной Европы и налаживает более тесное сотрудничество с этим регионом, — крайне важный компонент этой политики» [там же, с. 240]. Время подтвердило сказанное: власти США прислушиваются к голосу своих советников. Победа «оранжевой революции» в Украине в 2004–2005 годах произошла не без их помощи. Откровенно и цинично характеризует позицию западных стран-лидеров в отношении «долговременных государств» бывший глава управления по планированию английского «Форин офис» Р.Купер: «Имея дело с более старомодными типами государств (читайте: Югославией, Россией, Украиной. — *Е.С.*), нам нужно прибегать к более грубым методам сравнительно ранней эры — к силе, упреждающей нападение, к обману, к тому, что бы ни потребовалось в отношении тех, кто еще живет в мире XIX века» [цит. по: 30]. Похоже, что эти рекомендуемые методы стали сегодня реальностью.

Вместе с тем диктат международной финансовой олигархии не может не смягчаться по меньшей мере четырьмя обстоятельствами.

Первое из них – стремительно формирующиеся и конституирующиеся на постсоциалистическом пространстве интересы национальной промышленной буржуазии, с которыми западным странам приходится считаться, чтобы не лишиться социальной базы поддержки своей политики. С одной стороны политическая слабость этой буржуазии позволяет мировым олигархам диктовать свою непреклонную волю, но с другой – крупному западному капиталу приходится идти на уступки экономическим интересам своих «братьев по классу» в новообразовавшихся странах для предупреждения опасной для него общенациональной и межнациональной (СНГ) консолидации. Второе обстоятельство – опасность усиления оппозиции и протеста со стороны обездоленных классов и слоев, их политических партий и блоков, опасность поворота к социалистическому пути развития. Третье обстоятельство – противодействие со стороны средних и мелких собственников-предпринимателей западных стран финансовому манипулированию мировым экономическим процессом магнатами крупного международного капитала и ТНК. Ведь в интересах средних и мелких собственников – вступать в деловые партнерские связи с состоятельными предпринимателями постсоциалистических стран и расширять потребительские рынки в этих странах. И, наконец, четвертое обстоятельство – это противоречия между самими олигархами стран «золотого миллиарда» в ситуации очередного, новейшего передела мира. Борьба за сферы влияния заставляет их проявлять известную тактическую гибкость и смягчать свои жесткие требования. При всех вариациях стратегии «освобождения» постсоциалистического пространства суть ее остается единой и неизменной. По тонкому наблюдению российского специалиста по вопросам геополитики С.Г.Кара-Мурзы, она состоит в следующем: «Известно, что во всех «чужих» культурах, в которые Запад имел возможность внедриться за последние 300 лет, он старательно подавлял именно структуры производительного капитализма, способные превратить эти культуры в самостоятельный очаг эффективной рыночной экономики. Напротив, везде формировались вспомогательные хозяйственные структуры, дополняющие хозяйство метрополий, но не обладающие самостоятельной жизнеспособностью» [32, с. 118]. Похоже, что подобного рода «структуры»

начали формироваться в ряде стратегически выгодных для США постсоветских странах (Грузия, Украина, Кыргызстан), политика лавирования между «Западом» и «Востоком» государственных лидеров которых в последние годы вызвала недовольство в правящих кругах США и вынудила их прибегнуть к серии «цветных революций».

Изначально первичным, политическим и идеологическим механизмом превращения «постсоциализма» во вспомогательные, зависимые и дополняющие структуры стали разработанные экспертами и консультантами МВФ и МБ модели трансформации экономики восточноевропейских стран. Общее название этих моделей, воплотившееся в единой «трансмодели», — это модель «*рыночной экономики*»*.

Модель «рыночной экономики» в ее практическом претворении известна в четырех наименованиях — классическая *либеральная*, *неолиберальная*, *монетаристская* и модель «*шоковой терапии*». Ее авторы преднамеренно избежали более адекватного определения предзаданного ей смысла — *капиталистической* экономики. Очевидно, они руководствовались, во-первых, идеологическими и психологическими соображениями, понимая, сколь чужд духу советского менталитета термин «капитализм» и сколь привлекательным может оказаться понятие рынка в условиях его узости и дефицита потребительских товаров. Во-вторых, и в теоретическом, и в идеологическом плане гораздо выгоднее было отождествить благополучную для «постсоциализма» перспективу с «вечным» внеформационным рынком как с общечеловеческим феноменом, нежели с преходящим капитализмом. Критики «рыночной» модели справедливо ука-

* Следует различать модели рыночной экономики, сформировавшиеся в процессе объективного и спонтанного развития различных исторических форм капитализма, и модели, предлагаемые политическими штабами развитых стран в качестве инструмента подчинения своим интересам ставших от них зависимыми «постсоциалистических стран». Первые дают исчерпывающую картину «градаций» и «вариаций», вторые — ограниченную и неполную. К первой группе моделей можно отнести не только модели либеральной или неолиберальной экономики со всеми их разновидностями (американской, немецкой, скандинавской, японской, а также модель новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии), но и кейнсианскую модель, а также модели «смешанной экономики».

зывают на то, что понятие рынка не может характеризовать специфику происходящих трансформаций, ибо функции рынка зависят от конкретно-исторических особенностей того типа экономики, в которой они осуществляются. Применительно к «постсоциализму» речь может идти прежде всего о *капиталистическом* рынке, а не о рынке *как таковом* (который существовал и во времена рабовладения, и в эпоху феодализма, и, наконец, при социализме). Специфика капиталистического рынка состоит в том, что Катрин Самари назвала «рынком, налагающим санкции в виде банкротств и безработицы» [33, с. 45]. Речь идет о триедином рынке товаров, рынке капиталов и рынке рабочей силы. При этом только первая составляющая рынка весьма относительно и проблематично выходит за рамки капиталистической экономики, а две остальные в качестве ее специфических особенностей пребывают в исторических границах капитализма и не могут характеризовать рынок как таковой.

Справедлива критика «рыночной модели» и в том плане, что современные экономические структуры развитых стран давно уже вышли за рамки свободного рынка в сферу государственного ограничения и плановой регуляции. Наконец, сомнительность «рыночного» подхода заключается в главном — в бесосновательной попытке подчинить экономику производства, отношения собственности экономике оборота, отношениям обмена как доминирующим и определяющим. И все же, несмотря на столь убедительную аргументацию, рыночная парадигма продолжает довлеть в умах ученых, политиков и рядовых граждан, камуфлируя истинный смысл происходящих социально-экономических трансформаций.

Характеризуя модель рыночной экономики в тройном значении — как либеральную (неолиберальную), монетаристскую и модель «шоковой терапии», важно отметить, что смысловые различия в этих понятиях не имеют принципиального значения и представляют собой лишь определенные смещения акцентов в рамках единой модели *капиталистической рыночной экономики*. Если понятие либерализма фиксирует здесь момент (этап, характер) индивидуально-групповой свободы частнопредпринимательской практики, свободной конкурирующей торговли (свободы цен) и сведения к минимуму государственного вмешательства в сферу экономики, то понятие

монетаризма абсолютизирует регулятивную роль финансово-денежных потоков в сфере производительного капитала, трактуя ее как определяющую. Понятие же «шоковой терапии» – специфический аспект либерализма и монетаризма, заключающийся в экономически эффективном и сопровождающемся социальными издержками массивном и относительно кратковременном воздействии на хозяйственный процесс свободы частной торговли и предпринимательской деятельности с целью отбора экономически дееспособных предприятий (а значит подавления, уничтожения недееспособных). Экономический эффект при этом предположительно достигается за счет массового банкротства лишенных государственной поддержки нерентабельных предприятий.

Формально декларируемой целью использования этих моделей в экономических реформах «постсоциалистических стран» является создание оптимальных условий для их «догоняющего развития». Логическая схема ее реализации такова: тоталитарные режимы, затормозившие развитие и рост хозяйственной жизни, оказались перед необходимостью форсирования преодоления своей отсталости от передовых стран за счет таких, фактически вынужденных, жестких и непопулярных мер, как «шоковая терапия» или монетаризм, то есть за счет либерализации экономики; лишь добившись путем форсированного броска в росте экономики и выхода на ее «стандартный» уровень, можно затем использовать иные модели своего существования и развития. Казалось бы, все так. Но исторический опыт многих стран, вступивших на путь «догоняющего развития», преподносит нам нечто иное – топтание на месте и сползание в разряд хронически отсталых и зависимых государств, ибо жизненной и реальной оказывается иная логика, логика мир-экономики, полагающая в качестве атрибута капиталистической системы неременность сохранения (воспроизводства) богатства и бедности, стран преуспевающего «ядра» и стран отсталой «периферии». Именно по этой причине в современных условиях глобализованного мира исторические параллели и аналогии оказываются более всего опасными; удачно примененные модели неолиберализма в ситуации послевоенного кризиса (когда весь покачнувшийся мир работал на *восстановление* равновесия) обнаруживают абсолютную беспомощность в новых исторических условиях. Под этим углом зрения есть смысл кратко проанализировать эти модели.

Классический либерализм. Эта модель раннего капитализма, ставящая во главу угла свободный рынок — свободу цен и свободную конкуренцию, — казалось бы, подходит по своим параметрам для развития тех стран, которые начали свой путь в капиталистическую рыночную экономику с «чистого листа». Однако эта модель *национальной* экономики уже никак не способна работать в условиях капиталистической глобализации. Поэтому ее «рекомендации» весьма условны и в «чистом виде» непригодны для развивающихся стран. В аутентичном виде роль государства в ней сводится к роли надзирателя за «порядком» или к роли «ночного сторожа», что также не делает эту модель популярной в условиях институциональной экономики.

Неолиберализм. С этим понятием связаны прежде всего как теоретические доктрины, так и экономическая политика государств. Теоретические основы неолиберализма были заложены в послевоенной Западной Германии в конце 1940-х годов в рамках проекта «социального рыночного хозяйства» А.Мюллера-Армака [34, с. 13], а также в странах тихоокеанского региона. Классический рыночный либерализм, минимизирующий или вообще исключаящий государственное регулирование экономики, в концепции неолиберализма «смягчался» частичным вмешательством государства в частнопредпринимательскую практику. Известный в сегодняшней Германии экономист К.Г.Цинн суть неолиберализма определяет следующим образом: «...Во взаимодействии рыночного механизма и «социально озабоченного» или «ходатайствующего» государства содержится прагматичное начало философии социального рыночного хозяйства» [там же, с. 31]. Таким образом, приставка «нео-» в отношении либерализма означает смягчение его нежелательных для эффективной социальной политики экономических последствий. Позаимствовав многие исходные теоретические положения (зачастую противоречивые и взаимно нестыкующиеся) у своих идейных предшественников — В.Ойкена и В.Репке, А.Мюллер-Аймак попытался выстроить свою концепцию между Сциллой «управляемой экономики» и Харибдой либерализма «свободной конкуренции». Основным инструментом вмешательства в хозяйственные процессы он считал «строго мотивированное инвестирование», при котором эко-

номический прагматизм сочетался бы с решением социальных проблем. В несколько модифицированном варианте эта концепция была использована в реформах Людвига Эрхарда, известного главы Федерального министерства экономики ФРГ в конце 1940-х годов. Она великолепно вписывалась в специфическую ситуацию подорванной войной хозяйственной жизни Западной Германии, но, как показал дальнейший ход событий, не могла быть панацеей во всех других или в большинстве аналогичных ситуаций, поскольку осуществлялась на базе «американской помощи» в рамках известного плана Маршалла. Уже в середине 1960-х годов модель «социального рыночного хозяйства» перестала отвечать требованиям резко возросшего уровня обобществления национального производства ФРГ и, потеряв кредит доверия, уступила место модели неокейнсианского государственного регулирования экономики с помощью денежно-кредитной системы. По большому счету неолиберализм представляет собой попытку сбалансирования *экономических* механизмов хозяйственной деятельности как центробежного процесса с ее *социальными* механизмами как центростремительным процессом, что свойственно в целом рыночной экономике как таковой. Однако функции государства как функции «ночного сторожа», как нормативное признание и охрана частнопредпринимательской деятельности в условиях неолиберализма претерпевают определенные изменения. Особенностью неолиберальной модели рынка, как показал опыт Германии, является, по признанию экономистов, регулирование экономической деятельности посредством кредитно-денежной системы, тогда как в условиях либеральной экономики таким механизмом выступает бюджетно-финансовая система с ее фискальными мерами [20, с. 126]. Однако при этом нельзя экстраполировать позитивный опыт неолиберальной модели Германии конца 1940-х — начала 1950-х годов на хозяйственную ситуацию в постсоветских республиках конца XX века: кредитно-денежная система оправдывает себя при возможности продуктивного и состоятельного инвестирования производства, наличия предпосылок его развития, что наблюдалось в Германии и чего не наблюдалось и не наблюдается в разрушенном «реконструкциями» и «конверсиями» производстве Украины, России, Казахстана и в ряде других бывших советских республик.

Вся последующая история «западного неолиберализма» после денежной реформы удачливого Л.Эрхарда более не принесла сколь-нибудь заметных успехов и достижений ни в развитых, ни в развивающихся странах. Исключение, пожалуй, составляют государства Юго-Восточной Азии – Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Однако, анализируя экономический взлет «тихоокеанских тигров», нетрудно заметить принципиальное отличие «азиатского» неолиберализма от «европейского». В последнем государственная регуляция экономики имела преимущественно *патерналистский* характер, а в «азиатском» варианте неолиберализма государство однозначно выполняло самую активную *протекционистскую* функцию. Иными словами, в неолиберализме европейского типа (ФРГ, Швеция) весьма заметен крен в сторону разработки и выполнения социальных программ, в неолиберализме азиатского типа – в сторону жесткого экономического прагматизма (Южная Корея, Тайвань). Есть немало оснований для вывода, что «азиатский» неолиберализм ближе к классической, жесткой либеральной модели реформирования (это, в частности, подтверждается опытом развития Южной Кореи). Возможно, данное обстоятельство дало повод для некоторых ученых и политиков рассматривать реформы Л.Эрхарда как реализацию неокейнсианской модели [35, с. 70], поскольку по степени социализации они превосходили все остальные известные неолиберальные реформы. На самом же деле, как справедливо отмечает К.Г.Цинн, Л.Эрхард как экономист был более «либерален», нежели «социален» [34, с. 45].

На стыке 1970–1980-х годов, когда позиции социализма резко пошатнулись, а в индустриально развитых странах Запада началось свертывание социальных программ, неолиберализм заметно выродился в консервативный либерализм. Последний стал курсом официальной политики в США (Р.Рейган) и Англии (М.Тэтчер). Что касается стран «третьего мира», развивающихся стран, то применительно к ним «мировым правительством» в лице МБ, МВФ и ЕБРР была разработана особая «стандартная» модель реформирования экономики. Эта модель была адекватна не внутренним потребностям и возможностям «постсоциалистических» стран, а самому механизму реализации стратегических намерений сверхдержав мира под-

чинить своему владычеству эти страны. Дело в том, что заложенный в основу модели неолиберализма экономический *индивидуализм* способен сыграть важнейшую социально-политическую роль диссоциации, *разобщения* стран и народов, подрывающих возможность их сплоченного противодействия. Отсюда — ставка на мнимое ущемление этнической самобытности (национализм), на возрастную психологию индивидуализма молодежных групп и, наконец, на мнимую исключительность и «демократизм» псевдоинтеллигенции. Политическая автаркия оказалась вполне подходящей основой для подрыва сил и мощности постсоветских республик и наций. Цель подъема и развития национального производства была подменена целью колонизации, интересы нации — интересами мирового финансового капитала. Одним из средств реализации последней стал монетаризм.

Монетаризм. Обычно это понятие связывают с «количественной теорией денег» родоначальников Чикагской школы, прежде всего с именами известного американского экономиста Милтона Фридмана, под редакцией которого в 1956 году вышла книга «Исследование в области количественной теории денег», а также его последователь Ф.Кейгена, Р.Седлена, Д.Фэнда и др. Этими учеными разработана концепция, согласно которой основную роль в экономике, в поддержании ее стабильности и развития играет денежная политика, направленная на подавление инфляции путем жесткого ограничения роста денежной массы. Отечественные ученые считают, что «использование монетаристской методологии в решении проблем макроэкономической стабилизации предполагает, прежде всего, учет такого ее основного компонента, как обеспечение устойчивого и продолжительного спроса на деньги путем повышения эффективности производительного капитала, роста реальных доходов населения в течение продолжительного времени» [20, с. 148]. Методология и политика подобного рода стимулируют экономику инноваций, порождают созидательную, продуктивную конкуренцию, но одновременно ограничивают платежеспособный спрос и повышают уровень безработицы. Монетаризм, по большому счету, изначально порочен тем, что экономику обращения ставит над экономикой производства. Более того, он отрывает первую от второй, делая тем

самым деньги «господствующими» над товарной массой. Сторонники монетаризма утверждают, что только рынок (товарно-денежное обращение) способен чутко реагировать на все колебания спроса-предложения и тем самым «управлять» экономикой производства, что эта способность рынка обеспечивается конкуренцией и что, вследствие этого, государственное вмешательство в экономику лишь приводит к усилению хозяйственных дис-пропорций и наносит ей непоправимый вред. Монетаризм в его социальном аспекте, с одной стороны, казалось бы, стимулирует всестороннюю активность людей, способствует росту интеллекта и цивилизованности нации, делает более вертикальной, мобильной и пластичной социальную структуру общества, но, с другой — подрывает основу социальной защиты, создает многочисленные маргинальные слои общества — рассадник преступности и девиации, подрывает моральные устои нации и ее традиционные культурные ценности. Лишь в отдельных «счастливых» случаях, как показывает исторический опыт некоторых стран «третьего мира», монетаристская политика венчается заметным успехом. Но чаще всего она приводит к деградации национальной экономики, к топтанию ее на месте. Но если успехи и благости монетаризма гиперболизированы до размера универсальной и всепоспешительной панацеи, то о негативных последствиях использования его предписаний говорить и писать не принято. Ведь мало кто знает, что «благодетельная» миссия монетаристов в Чили в первые годы режима Пиночета с треском провалилась и сконфуженным реформаторам в спешном порядке пришлось убираться восвояси [36, с. 54].

Монетаризм вновь заявил о себе в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда начался активный демонтаж социалистической системы в Европе и срочно понадобился механизм форсирования этого процесса с явно деструктивной целью. Именно в этот период неолиберализм выступил в своей новой исторической форме — в форме «шоковой терапии».

Шоковая терапия. Принципиально новой программы финансово-экономических преобразований по сравнению с неолиберализмом (либерализмом) в этой модели, на первый взгляд, нет. Однако при углубленном анализе различие между ними выползает наружу.

Если неолиберализм как инструмент или программа реформирования имеет своей целью оживление экономической жизни общества за счет социально регулируемой конкуренции и свободы частного предпринимательства, то модель «шоковой терапии» изначально выступала и выступает политическим оружием неокOLONIALИЗМА — механизмом развала и торможения. Отличие «шока» от всех других моделей, если оно существует, состоит в жесткости и неукоснительности выполнения предъявляемых к странам-кредиторам требований со стороны авторов-разработчиков этой модели — МБ, МВФ, ЕБРР. Суть этих требований такова: переход на свободные цены; неконтролируемый вывоз и ввоз сырья и товаров, то есть открытый рынок; обеспечение свободного валютного курса; сплошная приватизация; предельное сокращение социальных программ, фактическое устранение государства от регулирования социальных процессов; отказ государства от финансирования собственного сектора экономики и сельского хозяйства, прекращение всяческих дотаций, то есть «очищение» экономики от убыточного производства. Одновременный и массированный запуск всех этих мер в экономику в форсированном режиме составляет, по замыслу реформаторов, суть «шоковой терапии»*. Метафорический смысл этого наименования для всех понятен: жесткая рыночная конкуренция и столь же жесткая

* Л.Бальцерович, известный теоретик «шоковой терапии» и реформатор экономики «постсоциалистической» Польши, пишет: «В чистом виде «шоковую терапию», то есть радикальный переход к частной рыночной экономике, мы можем определить как преобразования, в ходе которых отдельные составляющие процесса протекают со свойственной им максимально возможной скоростью <...> Стихийный рост частного сектора должен происходить как можно быстрее, так как он становится движущей силой роста всей экономики. Вот почему радикальное устранение барьеров в создании и развитии частных фирм относится к той группе процессов, которые должны протекать в темпе, возможно близком к максимальному» [37, с. 190, 193]. «Радикальное устранение барьеров», однако, включает в себя не только внутренние факторы и условия форсирования перехода к частному рынку, но и неподвластные реформаторам высшие, глобальные причины. И Л.Бальцерович вынужден это признать: «То, что для западных стран является второстепенным (!? — Е.С.) ограничением доступа на их внутренние рынки, может нанести огромный вред странам, осуществляющим радикальную экономическую реформу, уменьшая ее шансы на успех» [там же, с. 197].

экономическая селекция предприятий по критерию их прибыльности должны вызвать в обществе, апатичном и размагниченном «тоталитарным режимом», настоящий шок, временное оцепенение, за которым последует всплеск хозяйственной активности; а также стимулирующая эту активность социальная дифференциация, появление преуспевающего «среднего класса», переориентация массовой психологии на прагматический успех, инициативность и инновационную предприимчивость. Таким образом, «шок» был призван выполнить величайшую врачевательную роль в подъеме экономики и тонуна общественной жизни в странах Восточной Европы.

Технология экономического «шокирования» в отношении стран бывшего СССР внешне выглядела весьма респектабельно: поскольку реформы, и прежде всего *массовая* приватизация, требовали значительных дополнительных финансовых вливаний (в частности на конверсию ВПК и реструктуризацию промышленности, а также на обеспечение социальных программ), «постсоциалистическим» странам никак нельзя было обойтись без иностранных кредитов; кредитование странами-донорами проведения экономических реформ и их неизбежных издержек преследовали две цели: во-первых, оказание гуманитарной помощи, во-вторых, оказание помощи в подъеме и росте производства и тем самым предотвращение «серьезной угрозы» агрессии со стороны стран, оказавшихся в глубоком экономическом кризисе. Какой в действительности оказалась эта технология, мы рассмотрим ниже. Попутно отметим, что проектантми «шока» были Дж.Сакс, директор Гарвардского института международного развития (1990 г.), С.Фишер, вице-президент МВФ, а также известные ученые и эксперты МБ и МВФ Г.Россер, А.Ослунд, Д.Кауфман и др. В начале 1990-х годов курированием конкретных разработок приватизационных проектов для восточноевропейских стран и анализом их первичного внедрения занимались преимущественно американские экономисты К.Клейг, А.Крюгер, Р.-Д.Купер, Р.-И.Маккиннон, П.Мюррел, Д.-М.Ньюбери, Л.Саммерс, Г.Саймон, С.Томас, М.Олсон, А.Уолтерс и др. под эгидой Центра институциональных реформ и неформального сектора [38]. Реформирование экономики России непосредственно курировал Дж.Сакс, практически осуществляли Е.Гайдар, А.Чубайс и В.Чер-

номырдин; в Украине вплоть до середины 1990-х годов курирование осуществлял Д.Кауфман, а главными исполнителями были В.Пинзеньк, Р.Шпек, Е.Марчук с такими их научными консультантами и «вдохновителями», как В.Черняк и А.Пасхавер. Что же на практике показала модель «шоковой терапии»?

Возможно, в отношении тех стран, экономика которых не претерпела за свою историю сколь-нибудь заметных и существенных *социалистических* преобразований, эта модель могла иметь или возымела определенный реальный смысл. Опыт Польши, в частности реализации плана Бальцеровича (конец 1980-х — начало 1990-х годов), в известном смысле подтверждает это. Наличие частнособственнических отношений в аграрном секторе и сфере обслуживания, частичной свободы рынка и предпринимательской психологии стало благодатной почвой для реализации плана «шоковой терапии», хотя ее позитивные последствия многими небезосновательно ставятся под сомнение. Что касается стран с господствующими в них отношениями общественной собственности, коллективистскими традициями, то пожалуй, только Беларуси удалось избежать «шоковой» судьбы. «Лукашенко последовательно отказывался от навязываемой империализмом «шоковой терапии» и оголтелых капиталистических экспериментов в экономике, — пишет немецкий исследователь Кнут Меллентин. — Многих из перекосов, от которых еще и сегодня страдают Россия и большинство из постсоветских республик, Беларуси, благодаря этой политике, удалось избежать» [39]. Позитивные результаты, вследствие этого, по крайней мере в экономике, всем известны. Для большинства же постсоветских республик «шоковая терапия» явилась *не реформой*, а своеобразной *революцией «сверху»* (или *контрреволюцией* — в зависимости от оценок этого явления слева или справа). Если исходить из чисто формальных оснований, то между «шоком» и «революцией» много общего — мгновенность, массивность энергии, резкая смена парадигмы самого существования. Если же сравнивать эти явления по существу, сразу бросается в глаза кардинальное различие: революция — логическое завершение *внутренних* социально-экономических процессов, «шок» — сознательно экспортированная «революция», извне привнесенный (и весьма сомнительный) способ раз-

решения специфических внутренних противоречий в терпящих глубокий кризис странах. Вследствие всего этого произошло то, что должно было произойти по логике соприкосновения индивидуалистической модели «шоковой терапии» с государственно-централизованным супергигантом народно-хозяйственного комплекса, — «шок» без «терапии».

Либерализм, монетаризм и венчающая их «шоковая терапия» вызвали у народов постсоциалистических стран, да и мировой общности троякого рода реакцию. Одни считают, что «шоковая терапия» произошла (происходит) слишком мягко и деликатно, не дает желаемого эффекта и что поэтому надлежит перейти к более решительному, радикальному «шоку». Морально и политически удобной эту реакцию или позицию делает то, что в ответ на резонную критику несостоятельности «шоковой» модели можно услышать стандартный ответ: радикальных рыночных реформ, в которых были бы отпущены цены, подавлена инфляция, осуществлена «подлинная» (денежная) приватизация и снижены налоги, у нас не было и нет*. Причины отсутствия радикального либерализма в таких случаях приходится искать в злых происках его противников или в некомпетентности реформаторов. Другие, исходя из разрушительных результатов «шока», считают эту модель несостоятельной, «предприданной по ошибочному диагнозу», «неправильно и не вовремя примененной» и потому нуждающейся в существенных коррективах или замене на иную модель. Третьи, делая акцент на геополитическом аспекте проблемы, категорически утверждают, что «шоковая терапия» — это сознательно примененная политическая акция по разрушению экономики постсоциалистических стран с целью их колонизации и установления абсолютного господства государств «золотого миллиарда».

* В апреле 1998 года между автором этих строк и его коллегой М.Д.Мищенко на заседании Круглого стола вспыхнула полемика по поводу того, была ли в Украине попытка осуществления «шоковой терапии». Автор считал, как и считает сейчас, что «шоковая терапия» у нас не состоялась в силу целого ряда причин, но попытка ее применения была, о чем свидетельствуют и заявления многих наших экономистов [20, с. 286].

Оглядываясь в прошлое, я все более убеждаюсь в правоте своих суждений и оценок, высказанных в 1997–1998 годах в отношении засвидетельствованных позиций. Вот эти суждения и оценки.

Несостоятельность первой позиции очевидна. Преобразования экономики шоковым методом во всех случаях предполагают эффект кратковременности. Продолжительный шок — это не лечение, а летальный исход. Доводы того порядка, что «радикального реформирования» не произошло в связи с отсутствием у реформаторов надлежащего «радикализма», логически беспомощны. Чего, например, стоят сегодня, после полного банкротства «шоковых» реформ, сетования (в свое время бывшего вице-премьера, а затем Министра финансов) В.Пинзенька на то, что «деньгам у нас работать просто *не дают* (!?)», что реформы не состоялись по той причине, что богатые «живут одним днем, не думая о будущем» и что «если бы (!) вдруг (!) все стали платить налоги, лучше бы стало всем» [40]. И невдомек украинскому пионеру «шоковой терапии», что если радикализм подобного рода в свое время не дал положительных результатов, а его усиление лишь обострило общественное противодействие, это свидетельствует о том, что он не являлся и не является адекватным способом разрешения стоящей перед ним проблемы.

Реакция второго рода характерна для тех наивных реформаторов, которые рассматривают социально-исторический процесс как полигон для проведения всевозможнейших экспериментов. Плоский рационализм таких людей, беспомощных в решении политических вопросов, заставляет их видеть только «правильное» или «ошибочное» в общественных действиях и не замечать за всем этим столкновения социальных интересов. «Допущенные ошибки», по их мнению, конечно же, следует незамедлительно исправить, а поскольку это под силу только лицам, облеченным верховной властью, то именно к их разуму необходимо обращаться с вескими доводами и логикой убедительных доказательств. Ошибочность приложения модели «шоковой терапии» к специфическим реалиям украинской экономики, таким образом, может быть легко устранена при помощи ... логических силлогизмов! Поэтому достаточно того, чтобы Президент или директор-распорядитель МВФ усвоили их.

Третья реакция заслуживает особого рассмотрения. Характерным для нее является то, что относительно продолжительный для «шока» исторический опыт (1992–1998 годы) подтвердил заключенные в этой реакции смысл и предостережения. Во-первых, многочисленны факты экономической и социальной статистики высветили подлинное содержание и назначение технологии «шока»: кредитование по условиям выгодного для стран-кредиторов импорта их залежалой продукции окончательно подорвало конкурентоспособность стран-получателей и сделало невозможным эффективное инвестирование их производства. Результаты – подрыв национальной экономики производства, неоплачиваемые долги МБ и МВФ; массовое обнищание, маргинализация и депопуляция населения, его грабительская эксплуатация; резкая социальная поляризация общества на малочисленную уголовную верхушку сверхбогачей и многочисленный слой бедняков; в конечном счете, экономическая и политическая зависимость от стран-кредиторов, капитуляция перед их диктатом. Общество с подобного рода обвалившейся экономикой, по выражению аудитора счетной палаты РФ Вениамина Соколова, напоминает семью, которая не работает, бегает по соседям и берет все новые и новые долги, которые неизвестно когда и как будут возвращены. «Оно, это общество, напоминает также наркомана, который живет от дозы до дозы, ни о чем больше не думая» [41]. Во-вторых, опыт «шоковых» реформ показал фактическое отсутствие в них каналов обратной связи. И в канун проведения этих реформ, и в их ходе неоднократно звучала обстоятельная и авторитетная критика предписанной им стандартной модели «шока». Достаточно в этом отношении сослаться на два факта, с давних времен старательно замалчиваемые реформаторами и обслуживающими их СМИ. Первый – совместное заявление в 1992 году уже упоминавшейся научно-исследовательской группы «Адженда», объединившей известных ученых Австрии, Венгрии, Германии, Индии, Польши, России, Чехии, по поводу несостоятельности затеянных реформ методом «шоковой терапии». В заявлении отмечалось, что рыночный механизм, который «на протяжении веков пестовался и развивался сознательным человеческим воздействием» в странах Западной Европы, далеко не всегда и не во всем пригоден для специфических условий

стран Восточной Европы [1, с. 81]. Второй факт – совместное Заявление группы российских и американских ученых относительно разрушительных последствий «шоковой терапии» (1994 год). Вот что написал по этому поводу известный европейский журналист Джульетто Кьеза: «Это заявление, особенно если сравнить его с кучей чепухи, занимающей самые престижные газетные площади, заслуживало бы как минимум первых полос и призвано было привлечь внимание по меньшей мере предпринимательских и правительственных кругов разных стран. Однако, боюсь, что и сегодня немногие знают о нем, хотя за прошедшие три года число подписавших его «диссидентов» расширилось, включив в себя даже пять лауреатов Нобелевской премии по экономике (все – американцы). Это: Лоуренс Кляйн (Пенсильванский университет), Василий Леонтьев (Нью-Йоркский университет), Дуглас Норт (Вашингтонский университет), Кеннет Эрроу (Стэнфордский университет) и Джеймс Тобин (Йельский университет). [*К этой плеяде нобелевских лауреатов можно добавить еще одно имя – Джона Кеннета Гэлбрейта. – Е.С.*] Замалчивание плеяды такого уровня интеллекта и компетентности необъяснимо. Возможно, причину следует искать в том, что документ содержал крайне неудобные оценки и обличал «чрезмерное количество несуразности в постсоциалистическом преобразовании России» (*правомерно добавить: Украины тоже. – Е.С.*). Иными словами, нобелевские лауреаты (как и десятки российских экономистов) доказывали, что «альтернатива радикально-либеральной реформе» существует» [42, с. 149–150].

Ни один из приведенных масштабных эпизодов не оказался конструктивно замеченным экспертами и распорядителями МБ, МВФ, ЕБРР. Обратной связи в реализации модели «шока» с самого начала не было и нет, если не считать реакции МВФ на смелую критику этой модели основателем и директором Института Шиллера в Лисбурге (США) д-ром Линдоном Ларушем. Учрежденный в 1984 году Институт за десятилетие существования сумел создать в 48 странах мира свои филиалы и отделения. Деятельность Института имела антилиберальный характер и заключалась в последовательной критике финансово-экономических рецептов МВФ. Она в итоге не осталась незамеченной олигархами – и «обратной связью» оказался

суд над Линдоном Ларушем и одним из его коллег Денисом Смоллом: по сфабрикованному обвинению первый просидел в тюрьме 5 лет, второй – 2 года. Выступая на парламентском семинаре, организованном Фондом «Украина–США» в апреле 1995 года в Пуше Озерной под Киевом, Д.Смолл так оценил модели МВФ для «посткоммунистического Востока»: «Есть люди, которые считают, что неолиберальная экономическая политика Международного Валютного Фонда является именно тем лекарством, которое выписано для экономики Украины и других постсоветских государств. Находятся и такие, которые доказывают: так называемая «история успеха» Латинской Америки является свидетельством того, как политика МВФ действует на практике... Я предлагаю вам сегодня совершенно противоположную точку зрения. Она состоит в том, что настоящая история не знает ни одного случая успешного экономического развития, которое было бы вызвано МВФ и неолиберальной экономической политикой» [43, с. 44–45]. На богатых и разносторонних материалах результатов экспериментов в Мексике, Чили, Венесуэле Д.Смолл показал, в какой глухой и безнадежный тупик загнали экономику этих стран «советы-требования» МВФ [там же]. И, вполне вероятно, победа левых сил во главе с президентом Уго Чавесом в Венесуэле явилась закономерной реакцией народа на попытку произвольного внедрения в его стране неолиберальной, «шоковой» модели. Вот что по этому поводу говорил в своем выступлении в Институте философии РАН в ноябре 2004 года Уго Чавес: «...МВФ навязал нам так называемую политику шока: ради достижения финансового равновесия снизить зарплату, поднять стоимость жизни, повысить цены, приватизировать государственные предприятия – знаем мы все эти смертоносные рецепты МВФ. Как только было объявлено об этом соглашении, 27 февраля 1989 года произошло народное восстание. Оно оказалось лишь пусковым механизмом первого этапа восстания против неолиберальной модели... Затем (*уже в 2003 году. – Е.С.*) мы вышли на общенациональный референдум, чтобы страна решила, должен ли президент Чавес, ваш покорный слуга, и дальше служить ей на посту президента Венесуэлы. И в результате, несмотря на всю войну в зарубежных и местных СМИ, шестьдесят процентов сказали: «Чавес не должен уходить»... Таким

образом, народ Венесуэлы не просто сказал, чтобы Чавес не уходил — он утвердил не имя, не личность, а проект, решение, выбор, альтернативный неолиберальному проекту глобализации, угрожающему народам» [44, с. 165–166].

И, наконец, в-третьих, опыт неолиберальных «шоковых» реформ проиллюстрировал небывалый цинизм ученых-экспертов и эмиссаров МБ и МВФ: создавая завесу молчания вокруг обстоятельной, расстрельной критики «шоковых» реформ, они совершенно не утруждали себя какой-либо реакцией на нее. Навязывание «стандартной приватизации» и требование неукоснительного продолжения реформ приобрело характер политического диктата, подкрепляемого все большей и большей финансовой зависимостью стран-банкротов от стран-доноров. В этом плане показателен такой факт. 15 июня 1994 года Верховная Рада Украины одобрила политико-юридический документ «Основные начала и направления становления экономики Украины в кризисный период». В Документе подчеркивалась необходимость оптимального сочетания государственных и рыночных регуляторов экономики. Первый этап реализации требований этого явно «антишокового» документа предполагалось осуществить к концу 1995 года. Однако после предпринятых попыток такой реализации, и в частности проведения уже упомянутого нами парламентского семинара в апреле 1995 года последовал стремительный демарш со стороны эмиссаров «мирового правительства»: в июне того же года Фонд Конрада Аденауэра «За свободу и справедливость» совместно с Международным центром приватизации, инвестиций и менеджмента, созданным в 1993 году по Постановлению Кабинета Министров Украины, провел в Киеве свою представительную «контрконференцию». Хотя политическая стратегия Фонда была призвана отстаивать «ценности свободной демократии и правового государства, права человека и гражданские права, рыночное хозяйство с социальной ответственностью», подлинные цели конференции, как и самого Фонда, в крайне циничной и невразумительной форме были озвучены президентом Ассоциации консультационных фирм Украины и внештатным советником Президента Украины по экономическим вопросам А.И.Пасхавером: «Последствия приватизации будут негативными, но отступать некуда, и при-

ватизация должна быть продолжена (!?)» [45, с. 48, 57]. Иными словами: приватизация любой ценой, даже ценой гибели Украины. Таков уровень аргументации и объяснений со стороны послушных воле МВФ руководителей державы и их советников. Характерно, что последовавший за всем этим молчаливый отказ от обанкротившейся практики «шока» незамедлительно, начиная с конца 1992 и особенно в 1998 году привел к улучшению ситуации в обществе, — и не потому, что шоковая терапия «сыграла свою» роль, а потому что дальнейшее ее продолжение означало бы полнейший крах экономики Украины. Удручающим остался факт безнаказанности активных ее приверженцев на высших правительственных постах, включая целый легион и ныне благополучно процветающих «советников».

Декларируемая как социально направленная или «социально ответственная» неолиберальная модель реформирования со всеми ее разновидностями и оттенками фактически является не моделью стабилизации и развития, а моделью *разрушения* экономики, *моделью подчинения или зависимого развития*. Со всякого рода оговорками, в весьма деликатной форме это вынужден был признать даже Джеффри Сакс, говоря о том, что «зарубежные кредиты уже начинают оборачиваться тяжелым бременем выплат по внешней задолженности» [10, с. 287].

В последние годы в числе критиков модели подчинения оказались не только ученые и политики левой и левоцентристской ориентации, но и представители правоцентристских сил. Среди последних можно назвать А.С.Гальчинского и М.А.Павловского. Характерной особенностью критики ими модели неолиберализма явилось то, что она осуществлялась под углом зрения неприятия «российского опыта». «Непредубежденный человек, — писал А.Гальчинский, — со всей очевидностью замечает, насколько неоправданным и даже порочным является слепое копирование российского опыта» [2, с. 152]. Подобная тональность наблюдается и в книге М.Павловского, но с большей акцентацией того немаловажного момента, что Россия взяла на вооружение стратегию развития «по рекомендациям иностранных экспертов» [3, с. 10]. А.С.Гальчинский и М.А.Павловский лომилась в открытую дверь. Дело в том, что «шоковый либерализм»

Гайдара—Чубайса—Черномырдина был отброшен в России одновременно с «антишоковыми» декларациями наших украинских «демократов». Более того. Еще в январе 1995 года, когда отечественные идеологи экономического «шока» строили себе и украинской обществу иллюзии его благотворного «разрушительного созидания», в России председатель Госкомимущества В.Полеванов подверг резкой критике «новый метод» хозяйствования А.Чубайса и премьер-министра В.Черномырдина, опубликовав антиприватизационный документ, в котором, со ссылкой на решение Московской областной думы от 2 ноября 1994 года, утверждалось, что в «программу приватизации заложена ошибочная концепция» и что необходимо «воздержаться от форсированного проведения второго этапа приватизации» [46]. Россияне отнюдь не левого толка с не меньшей решительностью открещивались и открещиваются от идей либерализма, не встраивающихся в менталитет восточнославянской общинно-коллективистской и «естественно-природной» духовности. Вот весьма типичное в этом плане высказывание известного российского мыслителя А.С.Панарина: «Либерализм обнаруживает поразительную бесчувственность к экологической проблеме, потому что она «не предусмотрена» классическими рыночными теориями. Либерализм смешивает «доэкономического» человека, не доспелого до рациональности рыночного поведения, с постэкономическим человеком, переросшим «экономическую» модель поведения и сориентированным на духовные ценности и приоритеты. Свертывая социальные программы, урезая расходы на науку, культуру и образование под предлогом их «нерентабельности», либерализм утверждает, что он тем самым борется с «доэкономическими» установками. На самом деле он разрушает человеческие предпосылки перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Экологическая и социальная безответственность либерализма вписывается в нигилистическую парадигму потребительского сознания, жертвующего будущим ради конъюнктурного и сиюминутного» [47, с. 9].

Модели разрушения и подчинения разрабатываются и «внедряются» мировой финансовой олигархией и ТНК, выражающими интересы спекулятивного и манипулирующего суперкапитализма. За

пределами этих социальных групп и подвластных им структур государственной и интергосударственной власти, как уже отмечалось, находятся те классы и слои собственников, которые заинтересованы в деловых, конструктивных связях с постсоциалистическими странами. Понимая, что продуктивность этих связей зависит или будет зависеть от внутреннего роста и развития экономики этих стран, промышленная буржуазия и средний капитал Запада соответственно заинтересованы и в том, чтобы хозяйственный процесс в постсоциалистических обществах осуществлялся по моделям, способствующим их росту и развитию.

Но не эти слои общества определяют как выбор, так и реализацию существующих моделей социально-политического развития «постсоциалистических» стран. Последнее слово всегда остается за народом как субъектом реализации этих моделей независимо от того, сам ли он выбирает ту или иную модель, или внедряет в практику навязываемые ему, модели. В последнем случае он либо молчаливо игнорирует их, либо внедряет *по-своему* сообразно сложившимся условиям и собственным интересам, таким образом, что результат внедрения либо совершенно расходится с моделью, либо является ее жалким подобием. Небезынтересно в связи со сказанным проследить динамику предпочтений населения Украины моделей (путей) социально-политического развития современной Украины (табл. 3.1).

В приведенной таблице обращают на себя внимание три момента. Первый: отсутствие фактической и заметной динамики изменения предпочтений. В течение 13 лет предпочтения социально-политического устройства Украины, изначально заданные «перестройкой», оказались продолжительными и устойчивыми. Это значит, что за весь этот период в жизнедеятельности общества не произошло существенных перемен, которые бы смогли повлиять на позиции и установки граждан. Второй: заметное преобладание предпочтений социалистического характера. Этот факт можно интерпретировать как угодно, но на что нужно обратить внимание, так это на тот смысл, который вкладывается респондентами социалистической ориентации в понятие социализма. Есть немало фактических оснований полагать (и одно из них – более низкий уровень предпочтений

Таблица 3.1
Предпочтения населения Украины относительно
путей социально-политического развития
современного украинского общества, %

Предпочтения	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
1 – Поддерживают сторонников социализма (как такового), что речь в данном случае идет о социальном, более высоком по уровню развития социализме. Третий значительный перевес «средняков», то есть тех, кто либо занял компромиссную позицию («Поддерживаю тех и других...»), либо предпочитает нечто третье («Не поддерживаю ни того, ни другого»), либо наконец, затрудняются с выбором («Трудно сказать»). За исследуемый период (1994–2006 годы) количество аморфных и, возможно, не определившихся «средняков» варьируется в пределах 20,0–23,8% от общего числа опрошенных. Можно предположить, что значительная доля этих категорий опрошенных интуитивно или осмысленно тяготеет к модели «смещанной экономики» или, по меньшей мере, к кейнсианской модели. Ни та, ни другая не вписываются в навязываемые правительствами мировых сверхдержав модели выхода из кризиса и развития постсоветских стран. Но они	22,1	22,5	20,1	20,9	23,6	23,4	23,8
2 – Поддерживают сторонников капитализма	12,7	13,2	13,3	10,8	11,1	10,9	11,1
3 – Поддерживают тех и других...)	23,7	18,7	17,8	16,9	19,6	20,5	19,6
4 – Не поддерживают ни того, ни другого	20,0	23,8	20,6	20,1	23,5	22,5	22,5
5 – Трудно сказать	1,8	3,8	2,0	3,1	2,9	3,2	3,2
6 – Трудно сказать	19,3	19,1	21,0	23,1	19,4	19,2	19,2

не исключаются радикально-демократическими партиями, представителями среднего и мелкого бизнеса, заинтересованными в деловом партнерстве с бывшими соцстранами. Поэтому есть смысл кратко рассмотреть их.

Неокейнсианство — это прежде всего этатистская модель преодоления современного общественного кризиса и реформирования экономики. Увеличение объема и механизмов государственного вмешательства в частнособственническую (корпоративную) экономику обычно связывают с кейнсианством и именем его создателя Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946). Кейнс был первым среди западных экономистов XX века, кто противопоставил рыночному либерализму доктрину государственного регулирования частно-собственнической экономики. Согласно его теории экономические спады и кризисы, сопровождаемые массовой безработицей и социальным протестом, вызываются снижением платежеспособного спроса, вследствие чего государственная политика в первую очередь должна быть направлена на его повышение за счет полномасштабного инвестирования производства, то есть за счет превышения вложений над сбережениями. Поскольку такое превышение автоматически не возникает в условиях стихийного рынка, государство вынуждено обеспечивать его политическими и правовыми мерами (инвестированной, фискальной, кредитной и т.д. политикой). В самом упрощенном виде кейнсианская схема такова: увеличение благодаря государственному вмешательству инвестиций — рост производства и занятости — повышение потребительского спроса — увеличение ВВП, рост доходов и сокращение безработицы. Эта схема блестяще сработала в знаменитом «Новом курсе» Ф.Д.Рузвельта, благодаря которому была преодолена «великая депрессия» в США 1930-х годов. Оздоровление финансовой системы путем ликвидации свыше 2000 банков, занимавшихся валютными спекуляциями, снижение кредитных ставок до 6%, аккумуляция денежных ресурсов (запрет на вывоз денег) и целенаправленное финансирование всех отраслей производства; введение планирования, регламентация выпуска продукции; введение 35-часовой рабочей недели, установление размера минимальной зарплаты, предоставление рабочим права на коллективный договор и профсоюзы, введение пособий по без-

работице и пенсий — таково в общих чертах содержание «Нового курса», который означал историческую необходимость прихода на смену свободному рынку и предпринимательству государственно регулируемой экономики.

«Новый курс» Рузвельта — это советский НЭП наизнанку. Если в последнем капиталистические рыночные и частнопредпринимательские инструменты были использованы для достижения социалистических целей, то в первом, наоборот, механизмы социалистического хозяйствования были вмонтированы в капитализм с целью его выживания, приспособления к новым историческим условиям.

В оценках модели кейнсианства (некейнсианства) сегодня четко просматриваются две принципиально различающиеся версии. Первая состоит в том, что государственное вмешательство в свободу частного предпринимательства не связано с изменением самой сущности, природы капиталистического общества («рыночной экономики») и, как правило, имеет место только на определенных фазах экономического цикла. Эту версию небезосновательно можно назвать *аутентичным кейнсианством*, ибо Кейнс, как известно, не связывал выявленную им закономерную неизбежность этатизации частнособственнической экономики с социалистическими преобразованиями (превращениями) и всегда выступал против приписываемой ему идеи «социализации капитализма». Вторая версия — это широко распространенные представления об обществе со «смешанной экономикой», в котором «социализированный капитализм» и «капитализированный социализм» уравнивают друг друга или примиряются. В этой версии находит свое продолжение идея В.Рёпке (1937 году) о необходимости «третьего пути развития». «Третий путь» В.Рёпке проходит на одинаковом расстоянии как от тотальной плановой экономики, так и от ортодоксальной либеральной рыночной экономики [34, с. 32].

Концептуальная слабость версии «третьего пути», как и модели «смешанной экономики», состоит в конечном счете в ее алогизме или неоднозначности: конкретное общество конкретных людей не может существовать в двойственном состоянии, как не может всадник на коне одновременно скакать в разные стороны (будь он даже

«тянитолкаем!»). Что-то должно быть структурирующей весь общественный строй единоподчиненной целью (телеономией), а что-то — средством. Либо капитализм «подминает» под себя (под имманентную ему цель) социализм, делая его своим перманентным орудием; либо, наоборот, социализм подчиняет себе капитализм, превращая его, говоря языком гегелевской диалектики, в «свое иное». Третьего не дано! Это вынуждены признать люди, далекие от марксизма и диалектики. Тот же К.Г.Цинн отмечает: «Уже само понятие «социальное рыночное хозяйство» является идеологически гибким: одни предпочитают ставить ударение на прилагательном, другие — на «рыночном хозяйстве» [там же, с. 42]. Поэтому, когда А.Гальчинский утверждает, что отношения между трудом и капиталом сегодня «утрачивают типичный для капиталистического производства антагонизм и приобретают характер симметрии и партнерства» [2, с. 83], а М.Павловский определил кейнсианство как «основанный на системе государственного регулирования переход к социально-ориентированной рыночной системе» [3, с. 27], то ничего от научного понимания сущности исторического процесса в этих романтически-финалистских декларациях нет. Во-первых, далеко не всякое государственное регулирование экономики свидетельствует о его социально направленном характере — и опыт реформирования многих стран, как развитых, так и развивающихся, подтверждает это*. Во-вторых, в подобного рода декларациях легко улавливается логическая непоследовательность их авторов: с одной стороны, вроде бы «симметрия» (баланс, паритет, партнерство), с другой же — явная «асимметрия» и дисбаланс («социализированный капитализм» и «капитализированный социализм», не оставляющие резонансов для идиллической модели «смешанной экономики»).

Некейнсианские рецепты при всей привлекательности их «консенсусного» характера не способны, таким образом, явиться панацеей от тяжелых экономических недугов «постсоциалистических»

* «...Интенсивное вмешательство государства в экономику вовсе не есть свидетельством того, что данное государство не является буржуазным» [33, с. 45].

обществ в целом, украинского – в частности. Если неолиберализм реально деструктивен, то неокейнсианство утопично – при всех благих намерениях его приверженцев. Желание промышленных товаропроизводителей стран Запада взаимовыгодно сотрудничать с нарождающимся классом частных собственников в странах Восточной Европы не может адекватно осуществиться в рамках неокейнсианской модели. По мнению шотландского экономиста Р.Арнота, «неокейнсианский подход к переходному процессу имеет свои недостатки и не подходит для современной России (для Украины также. – Е.С.). Исторические параллели с послевоенными Германией и Японией или новыми развивающимися странами здесь неуместны. Ни внутренняя, ни международная ситуация не благоприятствуют применению корпоративного кейнсианского подхода» [35, с. 70]. Этого не хотели или не смогли понять отечественные сторонники модели «смешанной экономики», когда устами господина М.Павловского в недавнем прошлом уверенно провозглашали: «Нам необходимы действия по образцу «Нового курса» США» [3, с. 29]. Анахронизм подобной аналогии не может не бросаться в глаза: «Новый курс» Рузвельта был своевременной и умной реакцией правительства на глубокий кризис либерального капитализма, остро нуждавшегося в этатических способах своего разрешения; в СССР и последовавшем за ним «постсоциализме» ничего похожего не было и нет, ибо в кризисном состоянии здесь пребывало именно «государственное вмешательство», а не либеральная экономика, каковой вообще не существовало. Предлагать лечение этатических недугов экономики этатическими методами да еще видеть в качестве результата этого лечения «социально ориентированную рыночную экономику» по меньшей мере несерьезно. Карикатурой на кейнсианскую модель экономики выглядела политика «оранжевой» власти в Украине: направленная на административное распределение и перераспределение общественных богатств по принципу: «Богатые должны поделиться с бедными», она, эта политика, совершенно не согласовывалась с требованиями и правилами капиталистической рыночной экономики. Это все равно, что строить капитализм без капиталистов, отвергая святая святых этой системы – ее социаль-

но-экономический алгоритм необходимого превышения цены капитала над ценой затраченного рабочего времени.

Неолиберализм и неокейнсианство во всех их вариантах и разновидностях равнодинаково непригодны для вывода украинского общества из тупика. Какими бы эпитетами ни награждали запущенную в экономику Украины модель – неолиберальная или неокейнсианская, – по существу речь идет о *модели зависимого развития* (зависимого – по своей объективной роли), с умыслом или без умысла инъецированной в нашу хозяйственную жизнь. Пятнадцатилетняя история реформационных попыток воочию доказала это.

3.3. Опыт трансформационных попыток: инволюционная конвергенция и «хреодный эффект»

С 1991 года официальная идеология и политика вновь образовавшегося украинского государства были направлены в сторону активного поддержания и реализации неолиберальной модели рыночных реформ, которая из фактически несостоявшегося «шокового» варианта со временем (с 1995 года) превратилась в монетаристский. При этом с самого начала прослеживались слабо выраженные, а затем все более заметные взаимно противоположные установки реформаторов – установка на решение сугубо экономических задач либерально-шоковыми методами и установка на ограничение полной свободы рынка фискальными мерами с целью социальной защиты подавляющей части населения Украины. Первая установка латентно была задана целью (моделью) *подчинения* интересам капиталистической глобализации мировой хозяйственной жизни и на уровне официальной государственной стратегии Украины камуфлировалась под благие намерения перехода к эффективной «рыночной экономике». Вторая – исходила из реалистической политики учета национальными властями бедственного положения трудящегося большинства страны и предотвращения возможного социального взрыва в условиях жесткого, непривычного для этого положения и психологии советских людей экономического климата либерализации. В связи с этим понятие рыночной экономики в качестве стратегической цели трансформации приобрело уточнение и в За-

коне о приватизации (1992 год) звучало как «многоукладная социально ориентированная рыночная экономика».

Подобная приставка или коррекция дорого обошлась всем последовательно сменявшим друг друга президентам и правительствам Украины. По существу они попали в буферное положение, когда, с одной стороны, заинтересованные в открытости экономики и либерализации цен в Украине зарубежные инициаторы и авторы модели неолиберализма, целенаправленно отпуская кредиты под реализацию этой модели, требовали от Президента и правительства безусловного выполнения пакета жестких политических программ; с другой же стороны, продекларированный принцип демократических свобод заставлял их считаться с жизненными нуждами подавляющего большинства граждан, занятых в бюджетном секторе экономики, чтобы избежать угрозы реставрации социалистических порядков. Попытка двукратного выигрыша — и на экономическом, и на социальном флангах — привела к проигрышу на том и на другом — к стремительному падению экономики и столь же стремительному обнищанию народа. Вряд ли при этом правомерно обвинять все основные ветви власти в том, что в рамках неолиберальной модели они действовали неадекватным ей образом. Именно действуя в соответствии с ней, они завели украинское общество в такой тупик, выбраться из которого через путанные лабиринты экономических и социальных ходов теперь крайне сложно. Будь сделан упор на ничем не ограничиваемую либерализацию экономики, они «освободили» бы страну от народонаселения, а экономику — от внутреннего рынка. Упор же на социализацию рыночных отношений задавил бы вынужденно высокими ставками налогов экономическую активность товаропроизводителей. Иными словами, безысходность ситуации свидетельствует только об одном — о неприемлемости для Украины взятой ею на вооружение (или навязанной ей) модели либеральных рыночных реформ.

В том, что ситуация сложилась безысходная, тупиковая, сегодня вряд ли кто-то сомневается. Достаточно сослаться на такие данные. За десятилетний период (1990—2000 годы) объем обобщающего макроэкономического показателя эффективности экономики — внут-

ренного валового продукта в Украине, по данным официальной статистики, сократился почти в 2,5 раза (см. табл. 3.2).*

Таблица 3.2

Динамика ВВП Украины в 1990–2000 годах

Годы	ВВП в 1990 году (млрд долл. США)	% ВВП к ВВП 1990 г.	% к предшест- вующему году	ВВП промышленного производства к ВВП 1990 года	ВВП с/х производства к ВВП 1990 года
1990	284,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1991	259,3	91,3	91,3	95,2	96,8
1992	223,7	82,3	90,1	89,1	79,6
1993	200,5	70,6	85,8	87,6	80,8
1994	155,0	54,4	77,1	63,7	67,5
1995	135,7	46,8	87,8	56,0	65,0
1996	122,1	43,2	90,0	53,2	58,8
1997	118,4	41,3	97,0	52,5	57,7
1998	112,0	40,0	98,1	50,8	52,1
1999	109,1	39,6	99,5	51,3	48,5
2000	117,8	41,4	105,5	53,9	50,9

Динамика ВВП свидетельствует о значительном и резком снижении продуктивности отечественного производства в период 1990–1995 годов. Вторая половина десятилетия (1996–2000 годы) также прошла с заметным снижением ВВП на фоне относительной стабилизации кризисного состояния экономики (см. процентные распределения ВВП к предшествующему году). Удручающим является при этом не столько сам факт падения показателей ВВП, сколько структурные изменения в производстве в сторону превращения его в сырьевой придаток: если в 1990–1991 годах различные отрасли машиностроения были доминирующими в НХК Украины, то в 2000-м ВВП этих отраслей снизился на 80–85%. Начиная с 2001 года, динамика

* Данные рассчитаны на основании материалов Госкомстата Украины за 1990–2000 годы.

изменений ВВП к предшествующему году выглядела следующим образом: 2001-й – 109,2%; 2002-й – 105,2%; 2003-й – 109,6%; 2004-й – 112,1%. Однако, несмотря на эти, казалось бы, позитивные изменения, *реального* роста ВВП не происходило, так как исчисление его в гривнях в условиях все возрастающей инфляции делает затруднительной саму процедуру сравнения и номинальный рост ВВП не может свидетельствовать о его реальном росте. Украина, которая в советский период своей истории входила в десятку наиболее развитых стран мира, на исходе XX столетия, по оценке международных экспертов, занимала 102 место по уровню жизни ее населения. А по данным международного рейтингового агентства «Мудис» ее рейтинг являлся одним из наихудших в мире: среди 110 стран, вошедших в рейтинг, Украина занимала 108 мес-то, опережая лишь Пакистан и Индонезию. Если материальное положение населения Украины при катастрофическом падении всех основных экономических показателей еще каким-то образом продолжает удерживаться на уровне прожиточного минимума и ниже этого уровня, то заслуга в этом не отечественных товаропроизводителей, а иностранных кредиторов. Безусловно, можно спорить по поводу того, играют ли эти кредиты спасительную роль или служат инструментом целенаправленной колонизации Украины, но если абстрагироваться от политических оценок постигшего ее краха и сосредоточить внимание на решении вопроса о том, в силу каких объективных и субъективных обстоятельств и причин реформы «не идут», то ответ на этот вопрос мы найдем только посредством научного анализа ситуации, сложившейся на социально-экономическом пространстве постсоветской Украины.

Предварительно необходимо отметить, что отнесение Украины к разряду стран «третьего мира» или «развивающихся стран» типа афроазиатского или полинезийского регионов, совершенно обосновательно. Неизвестно, по каким формально-статистическим критериям и индексам рассчитано и определено предпоследнее место Украины среди других стран мира, но ставить ее в один ряд с Пакистаном, Индонезией или Габоном некорректно, поскольку резкое снижение *уровня жизни* ее населения не означает снижения индекса человеческого развития как показателя цивилизованности. До постигшего

Украину общенационального кризиса она была (и по многим параметрам остается) *высокоразвитой индустриальной* страной с высоким уровнем внутренней производственно-экономической интеграции и столь же высоким научно-техническим потенциалом, чего не было и нет в тех исторически отсталых или маргинальных странах, к разряду коих ныне относят Украину западные эксперты. Это довольно специфическое и, можно сказать, странное, если не уникальное обстоятельство: низкий жизненный уровень при высоком уровне технической цивилизованности — должно стать предметом скрупулезного научного анализа. Каким же образом оно сложилось?

Дивергентный социализм, социально-историческая природа которого уже была охарактеризована выше, развиваясь как антипод капитализму на конфронтационной основе, с одной стороны, добился величайших преимуществ перед буржуазным миром, с другой — в силу специфических условий его появления выработал в себе те негативные явления и силы, которые стали предпосылкой глубокого кризиса и последовавшего за ним краха. Конфронтация с окружающим миром, мобилизовавшая государственно-политическими средствами мощный коллективистский потенциал общества на создание индустриально-аграрного комплекса, вывела Советский Союз в число передовых в научно-техническом отношении стран мира. Одновременно такой стремительный взлет породил известные перекосы и диспропорции в развитии производства, когда индустриальный гигантизм все более начал входить в противоречие с потребностью насыщения рынка товарами широкого (народного) потребления и отрицательно отразился на социализации общества и состоянии массовой психологии людей (своеобразный феномен социоцентристского обезличивания и взаимоотчуждения). Необходимый в экстремальных, мобилизационных ситуациях централизованный административный аппарат по мере снижения движущей роли политико-милитаристских конфронтаций, непосредственных внешних угроз все более начал утрачивать свои конструктивные, организационно-регулирующие функции, испытывать необходимость свертывания, ограничения и передачи их нижним звеньям (уровням) общественной иерархии. Однако последнего не произошло, поскольку госпартноменклатура в 1960–1970-х годах

сформировалась в привилегированный класс, перестав быть субъектом подлинной представительной-народной власти и законсервировав в качестве тормоза общественного прогресса изжившие себя, ставшие формально-бюрократическими свои функции. Терпимые в условиях классовых конфронтаций и мобилизационного режима стандарты жизни и соответствовавший им плановый диктат по мере преодоления отсталости и формирования личностных самодовлеющих притязаний все более входили в противоречие с новым уровнем и содержанием человеческих потребностей, а развитие самоценных личностных начал вызвало острую необходимость в социальной состязательности людей в качестве стимула НТР и в качестве реального механизма перехода от экстенсивного метода хозяйствования к интенсивному, то есть перехода от «всеобщей занятости» к профессиональному отбору и экономически продуктивным предпочтениям. Неповоротливый, трудно управляемый и искореженный производственными диспропорциями народнохозяйственный комплекс в сочетании с экономической и социальной апатией граждан оказался непреодолимой преградой на пути выхода советского общества из возникшего кризиса. Становилось все более очевидным, что предотвращение надвигающейся катастрофы могло стать возможным при условии инъектирования в экономику и социальные отношения реально сложившегося социализма недостающих для его динамической устойчивости хозяйственной гибкости, маневренности и подлинной соревновательности. Могло показаться, что положение можно исправить за счет придания представительной власти утраченного ею подлинно народного характера при помощи «твердой руки», централизованной воли, отвечающей чаяниям трудящихся классов. Действительно, такой воли и такого характера власти явно не хватало. Но при ближайшем рассмотрении этого феномена, столь важного в условиях мобилизационного режима, нетрудно обнаружить, что никакими волевыми акциями укрепления позиций власти в экономике (несмотря на, казалось бы, положительные начинания кадровой политики Ю.В.Андропова в первой половине 1980-х годов) добиться было уже невозможно и что только система контроля снизу, демократизация производства способны были выработать вполне надежные механизмы функционирования (подбора, выдви-

жения, ротации управленческих кадров) властных структур, контроля за их деятельностью и социальной профилактики бюрократизма и коррупции. Понадобился механизм «снятия», понадобились *превращенные* методы и технологии, наработанные капиталистической рыночной экономикой.

Явно или неявно в самом начале горбачевской «перестройки» в общественном мнении сформировалось два принципиально различных подхода к общественным преобразованиям: ориентация на совершенствование (демократизацию) социалистических механизмов хозяйствования (с одновременной реконструкцией, усилением централизованной власти) и регулирование экономики и ориентация на частнособственнические, рыночные способы решения проблем. В первом подходе, наметившем такие «перестроечные» меры, как разбюрокрачивание государственной формы собственности, превращение жесткой централизованной планово-распределительной системы в маневренную, индикативную, перевод отношений между государством и предприятиями (объединениями) на госзаказ и хозрасчет, а также демократизация производства (превращение рабочего из «производственника» в «хозяина») и т.д., были заинтересованы «низы». «Верхи», имитируя перестройку «государственного» социализма в «демократический», фактически были заинтересованы в полном его демонтаже как такового, либерализации экономики, которая позволила бы им быстро обогатиться и легитимизировать свое господствующее положение. Они-то во главе с последним генсеком и инициировали второй подход к решению проблемы преобразования государственно-бюрократического социализма. Рычаги используемой ими власти в короткий срок, при поддержке отечественных интеллектуалов и западных политиков и правительств, обеспечили скорую и бескровную победу прокапиталистического курса. Выбор этого курса, однако, не означал его реальной эффективности и адекватности возможным или необходимым переменам. Более того, в ходе экономических реформ он обнаружил полную несостоятельность. Опыт трансформационных попыток подтверждает это, подтверждая заодно и правоту утверждений многих отечественных и зарубежных ученых о неизбежном провале неолибераль-

ных реформ на постсоветском пространстве в целом и в Украине в частности. Вот что показал этот опыт:

– *неадекватность либеральной модели реформ возможностям функционирования производственно-экономического супергиганта.* Будучи сердцевиной союзного народнохозяйственного комплекса, производство Украины с его высокоразвитой инфраструктурой и многоотраслевыми, специализированными и субспециализированными разветвленными связями оказалось неподъемным для либеральной рыночной модели реформ, практически не поддающимся приватизации*. Его легче было сломать, демонтировать, разнести по частям, нежели приспособить к частнособственническим отношениям. Поэтому под видом конверсии и реструктуризации, при помощи приватизации, главным образом вне рыночной (теневой), и открытости экономики для внешнего рынка национальные богатства Украины вместе с ее производственными фондами были легко превращены в иностранную валюту, тут же уплывшую в сейфы зарубежных банков. Этот финансовый дрейф в сторону благополучного Запада во многих отношениях был вынужденным, ибо при всем желании некоторых отечественных предпринимателей «поднимать экономику» Украины путем инвестирования производства риск подобного рода был заведомо неоправданным. Промышленный супергигант оказался не по силам либерально-рыночной модели и в

* Довольно убедительно эта зависимость просматривается на судьбе отечественного судостроения, нормальная работа которого, по свидетельству экономистов, была напрямую связана с общим состоянием производства страны [48]. В период до «незалежности» украинское судостроение на 85–90% обеспечивалось союзными поставками. За десятилетия разрыва экономических связей на основе централизованного планирования стоимость необходимых материалов по отрасли возросла в 4 раза, покупных изделий – в 5,8 раза, а комплектующих поставок – в 6,2, так что статья расходов на материалы и комплектующие фактически стала равна стоимости готового судна. В условиях реструктуризации рынка, его подчиненности мировым монополиям резко сократились государственные и коммерческие заказы на строительство кораблей, что окончательно добило отрасль: за последние 10 лет объем оборонного заказа снизился более чем в 20 раз, гражданского – почти в 5 раз. Загрузка мощностей предприятий судостроения колеблется в пределах 13–29%. Иначе как системным крушением состояние этой отрасли не назовешь [там же].

том плане, что приспособленный к планово-распределительному механизму и не обладающий приватно-рыночной инфраструктурой он сделал нецелесообразными и невозможными частные инвестиции в производство, в результате чего «первоначальное накопление капитала» не приобрело (и не могло приобрести) общественно продуктивного и конструктивного характера;

— *наращивание («накрутка») цен на продукцию предприятиями (отраслями) — монополистами при отсутствии наращивания товарной массы.* Попытка реструктуризации либерально-рыночным способом производства Украины с его высоким технико-технологическим уровнем интеграции и обобществления выявила одну существенную особенность, которую не учли (или, наоборот, учли!) инициаторы реформ при их проведении. Если классическая структура производства, построенная на рыночных, конкурентных началах, в силу своего дискретного (экономически обособленного) характера допускает приостановку деятельности отдельных предприятий (или временное изменение ее режима) по конъюнктурным и иным соображениям с целью перепрофилирования или реконструкции и т.д., то, как известно, это не влияет разрушительным образом на рынок товаров и удовлетворение потребностей общества в целом, так как вместо этих предприятий активизируют свою деятельность другие, то есть предприятия-конкуренты. Совсем другое дело — структура производства, основанная на централизованных планово-распределительных принципах. В таких условиях, когда вся народно-хозяйственная сеть четко «расписана», фактически любое предприятие не может произвольно выпасть из НХК, не вызывая цепной реакции приостановки деятельности других предприятий (смежников) и не отражаясь негативно на общественном производстве в целом. Вследствие этого перевод НХК на рельсы либерально-рыночных отношений, во-первых, привел не к демонополизации «хозяйственных монстров», а к превращению государственной монополии в самый худший вид монополии — монополию частного лица, когда фактическое отсутствие конкурентной среды автоматически превращает каждое крупное предприятие (объединение) в монополиста, и, во-вторых, вызвал цепную реакцию повышения цен этими появившимися монополистами. С одной стороны, не будучи фак-

тически таковыми, то есть подчиняясь все тем же требованиям централизованно-планового ведения хозяйства, предприятия-монополисты при отсутствии рыночной инфраструктуры оказываются совершенно беспомощными и экономически недееспособными. С другой — при отсутствии конкуренции возникает возможность «накручивания» цен, ценового диктата, то есть возможность получения прибыли без наращивания соответствующей товарной массы. Такая практика, как известно, привела к обесцениванию денег, стала одной из причин гиперинфляции в 1992—1994 годах. Последняя, в свою очередь, сделала бессмысленными и невозможными инвестиции в производство, кредитную практику как таковую, без чего финансово обескровленное производство было обречено на вымирание. В результате Украина в короткие сроки фактически превратилась в общество *без производства*, то есть в общество, где каждый может существовать, лишь ограбив или обворовав другого, да и то до тех пор, пока есть что грабить.

Помимо всего сказанного, превращение государственной монополии, которая будучи механизмом планово-распределительной системы, при всех своих недостатках способствовала производству необходимых товаров в необходимых пропорциях, в монополию частную резко разбалансировало экономику производства Украины: в условиях кризиса, бюджетного голода верх над здравым смыслом взяла политика и психология сиюминутной выгоды. Государственный протекционизм и внимание инвесторов сконцентрировались на «выгодных» предприятиях-монополистах. Таковыми прежде всего оказались предприятия теплоэнергетического комплекса (ТЭК), черной металлургии, перерабатывающей промышленности, Агропрома, продукция которых рассчитана на массового потребителя, а производство технологически ограничено в своих связях с другими;

— *камень преткновения рыночной экономики — I: система ТЭК.* Среди «трансформирующихся» составляющих социалистической экономики и социалистического образа жизни есть такие, которые фактически не поддаются рыночной либерализации и явно отторгают ее и которые, вследствие жестко *навязанной* политики либерализации, выглядят одновременно и трагически и комически. Речь прежде всего идет о ТЭК — теплоэнергетическом комплексе страны. Еди-

ная энергетическая система СССР представляла собой бесспорное преимущество социалистической экономики, выполняя в ней роль системообразующего элемента. Вполне понятно, что подобного рода явление могло возникнуть и существовать только в условиях общественной собственности и планового механизма ее функционирования. Резкое и совершенно абсурдное шараханье от гиганта единосвязанной системы народного хозяйства в сторону частнособственнического (либерального) способа его использования в одно мгновение высветило как причины скоротечного дробления этого комплекса, его перевода на коммерческие рельсы, так и далеко идущие негативные последствия его хищнической приватизации. ТЭК стал добычей самых алчных и жестоких акул крупного бизнеса именно потому, что сконцентрировал в себе необозримые возможности сравнительно легкого сверхобогащения. Во-первых, энергоносители – жизненно необходимый и универсальный, пользующийся повсеместным спросом товар. Товар, который всегда можно продать. Если деньги играют роль всеобщего эквивалента товаров, то энергоносители – роль всеобщего эквивалента потребительных стоимостей. Во-вторых, производство этого товара в массе своей (нефтепродукты и газ) осуществляется на рентной основе. Получение горной ренты связано преимущественно с начальным, стартовым капиталом и в дальнейшем не сопряжено с большими издержками. В-третьих, сама специфика производства энергоносителей (непрерывность, крупномасштабность, товарность сырой нефти и газа) способна обеспечивать его высокую прибыльность. Эти три обстоятельства, столь привлекательные для рвущихся в олигархи хищников, вопреки здравому смыслу, всем юридическим и естественным законам привели к разрыву живых тканей общественного производства и его социальной инфраструктуры.

Монопольное положение предприятий ТЭК в условиях рыночного либерализма и разбалансированности межотраслевых связей стало смертным приговором постсоциалистической экономике Украины. Стремясь к обогащению, обрастая массой посреднических организаций, ТЭК начал стремительно повышать свою рентабельность, повергая в бедственное положение и вызывая рост себестоимости продукции предприятий зависимых от него промышленно-

сти и аграрного сектора*. Поскольку энергоресурсы представляют собой своеобразный *всеобщий натуральный эквивалент* всех выпускаемых продуктов, подорожание нефти, газа, электричества автоматически влечет за собой подорожание всех остальных продуктов (эффект «сообщающихся сосудов!»). Так, изделия легкой промышленности Украины, начиная с 1993 года, начали продаваться по ценам, 70% которых составляют цены этого сырья и энергоресурсов. Катастрофическое снижение рентабельности большинства отраслей производства вынуждает предприятия обращаться за кредитами к всесильному ТЭК, его банковской системе, а ТЭК, в свою очередь, вынужден давать эти кредиты, ибо в противном случае он окончательно потерял бы своих покупателей-клиентов на внутреннем рынке и лишился технико-технологической базы своего обновления. В то же время обесценивание долгов в условиях растущей инфляции бьет по ТЭК – сиюминутная выгода от его монопольного положения оборачивается проигрышем и банкротством всей национальной экономики. Круг либерального рынка, таким образом, замыкается.

Экономисты-аналитики Украины на исходе XX века признавали: сегодняшние неплатежи страшны уже не из-за инфляции, а по причине полной бесперспективности получения «живых» денег; ничего не дают и не могут дать угрозы отключения газа и электроэнергии, так как даже при их исполнении это означало бы полную остановку огромных промышленных комплексов** и, следовательно, возникновение массы все новых и новых социальных проблем.

* Так, уже по данным 1996 года рентабельность на предприятиях газовой промышленности составила 222,7%, нефтяной – 171,8%, тогда как по всем остальным отраслям промышленности и с/х она составила мизерные проценты: от 15% в с/х и пищевой промышленности до 2,4% в станкостроении, а по целому ряду предприятий машиностроительной отрасли – ниже нулевого значения (от – 16% до – 61,6%) [49].

** Отключение электроэнергии в связи с неплатежами из-за высоких тарифов от «КРАЗа» всего лишь за 2 дня! – привело к потере 1 млн долларов. Это общегосударственная потеря, удар по всей экономике страны и, в конечном счете, по самим облэнерго и РАО: никто не оказался в выигрыше – все в проигрыше, что противоречит законам капиталистического рынка. Один этот факт высвечивает абсурдность, исторический алогизм отношений частной собственности (приватизации) в условиях системно-интегрированного характера производства. Она, эта собственность, означает лишь одно – необходимость ее самоупразднения.

Сами социально-экономические способы деятельности ТЭК в приватизированном, раздробленном виде, несмотря на попытки правительств России и Украины создать некую новую «единую энергосистему», являются экономически несостоятельными, а в социальном отношении явно преступными. Во-первых, завышение и накрутка цен на нефтепродукты и газ, политика повышения цен на энергоносители приводят к массовому банкротству предприятий промышленности и АПК. Целенаправленность такой политики подтверждается уже тем фактом, что энергокомпании, в частности «Газпром», как показала практика, предпочитают иметь дело с неплатежеспособными предприятиями: их легче прибрать к рукам. Сама по себе привязка предприятий промышленности к единому энергетическому монопольному стержню — явление прогрессивное, если иметь в виду широкие возможности энергомонополий реконструировать и запустить эффективным образом эти предприятия в производство. Однако ничего похожего не наблюдается. Нефтяным и газовым королям во имя сиюминутной выгоды не хочется жертвовать своими капиталами. Гораздо выгодней продать имущество приобретенных за долги предприятий, чем принимать на себя «головную боль» их инвестирования, реструктуризации или переоборудования. Во-вторых, использование валютных и рыночных цен на нефть (когда последние превышают первые в 4–5 раз и более), предполагающих широкомасштабные бартерные сделки, резко снижает ставки налогов от продажи энергоносителей, что усиливает теневой характер ТЭК и обкрадывает госбюджет. Дефицит бюджета возникает также вследствие того, что в налогообложение нефтяных и газовых компаний не заложен рентный принцип (а это поощряет, между прочим, хищнически-варварскую эксплуатацию недр), что, опять же, позволяет олигархам безнаказанно обворовывать нацию. В-третьих, фактически неконтролируемое государством создание офшорных компаний, когда организующие их монополии под видом экспортных сделок сами у себя «покупают» нефть по низким внутрикорпоративным ценам, чтобы продать за рубежом по мировым, не только создает теневой капитал крупных размеров, но и использует его в интересах других государств. Понятно, что подобного рода антинациональная практика является одним из способов превращения отечества в обычную колонию.

Таким образом, ТЭК в Украине, как и в России, является универсальным средством уничтожения производства, экономики, а значит, и самого общества. Могучий гигант, способный в иных условиях — в условиях общественной собственности на средства производства и централизованного планирования — быть надежным оплотом народного благосостояния, став добычей частного собственника, превратился в злого, всеразрушающего монстра. Фактор «экономической целесообразности» такого превращения трагически нелеп.

Современные либеральные экономисты любят охаивать методы государственной ценовой политики, имея в виду в первую очередь регулирование цен в нефтегазовом комплексе: эти цены на внутреннем рынке, дескать, не отвечали мировым стандартным ценам. Но мудрость централизованно-планового распоряжения регулировала расчетные цены на энергоресурсы таким образом, что в интересах НХК они всегда оставались несравнимо ниже мировых рыночных цен и поэтому позволяли в нормальном режиме функционировать всей союзной экономике (при Советской власти, к примеру, энергоресурсы в структуре себестоимости и цены тканей составляли всего-навсего от 2 до 8%!). Распределение и использование энергоносителей здесь можно сравнить с распределением и использованием семейного бюджета в нормальной, живущей в добром согласии семье: если значительная часть заработка работающих членов семьи расходуется на младших, учащихся, на неработающих или временно неработающих, то в нарушение всяких «рыночных норм» это не только не приводит семейную ячейку к ее «стагнации» или разрушению, а наоборот, является неременным условием воспроизводства и продуктивного осуществления всех функций семьи как ячейки общества; если необходимый капитальный ремонт в доме «дотируется» за счет ужимания расходов на все другие нужды, то тем самым создается основа для удовлетворения в конечном счете всех других нужд. Главное — чтобы был нормальный дом. Но так бывает, повторяем, только в дружной, слаженной семье («семье народов»). Частнособственническая же рыночная либерализация, покончив с «плановым диктатом», обогащая горстку новых энергомонополистов, разрушает важнейшие отрасли промышленности, создает нищету, безработицу и социальную незащищенность трудящегося населения, лишает их единого, всех согревающего дома;

— *камень преткновения рыночной экономики — 2: жилищно-коммунальное хозяйство*. Помимо ТЭК, другой слагаемой социалистического общества, фактически не разрушаемой и не встраивающейся в систему частнособственнических отношений, является жилищно-коммунальный сегмент его социальной сферы. Именно тут наиболее ярко и выпукло обнаруживается вся бессмысленность и явная преступность приватизации ТЭК. Дело в том, что характер и структура этого обслуживания в странах СНГ принципиально отличаются от западных стандартов бытовых услуг. Отличаются не только тем, на чем чаще всего заостряют внимание наши экономисты, — большим объемом расхода теплоэнергии (у нас зимы суровей, чем на Западе), а, главным образом, тем, что этот расход приобрел системно-целостный, коммунальный характер, ибо подавляющая часть нашего населения живет не в отдельных коттеджах, как это имеет место на Западе, а в многоквартирных домах, что делает практически невозможным отключение отдельных квартир («неплательщиков») от общих источников тепла и энергии. Невозможность или крайне сложный характер избирательного отключения зачастую приводят к тому, что не получая надлежащей прибыли, частные или государственные компании вынуждены отключать не только жилые дома или микрорайоны, но и целые города, а то и регионы. Попытки решения проблемы неплатежей повышением тарифов (в расчете на платежеспособных квартиросъемщиков или владельцев) не только ничего не дают, но и приводят к противоположному эффекту: чем выше тарифы, тем ниже суммарный уровень оплаты коммунальных услуг. Опять же, ТЭК и здесь выступает камнем преткновения рынка и в экономическом, и в социальном его аспектах*. Попытка его приватизации лишила жизнеобеспечения миллионы людей, обогатив при этом кучку олигархов.

Переход к частнособственническим отношениям самым болезненным образом ударил прежде всего по городскому ЖКК. Если в годы советской власти, в пору социализма расходы населения на

* Достаточно сослаться на один факт: только по Киеву система городского ЖКХ задолжала в 2006 году 100 млн грн за расходование энергоносителей.

получаемые ими коммунальные услуги были по существу мизерными и составляли 10–12% их реальной стоимости, то с приходом частной собственности, а, стало быть, и исчезновением общественных фондов потребления, сжатием госбюджета, ЖКХ стал никому не нужным и «ничейным» сектором хозяйственной жизни*. Возникло острое и неразрешимое в рамках капиталистических отношений противоречие между неистребимым по своему социалистическому характеру ЖКХ и приватизированными коммунальными услугами. Трагизм и безысходность этого противоречия заключается, во-первых, в том, что ЖКХ никак не вписывается в «рыночную экономику»: коммунальные услуги в его системе не способны дифференцировать жильцов по принципу «покупатель–продавец» (отключение неплательщиков фактически невозможно), вследствие чего, во-вторых, отключать приходится целые агломерации в нарушение всех норм эквивалентности отношений купли-продажи (отключенными оказываются добросовестные и состоятельные плательщики), и, в-третьих, субъекты-собственники коммунальных услуг вынуждены либо терпеть убытки, либо брать на себя моральный груз жестоких и бессердечных людей. ЖКХ, воспринимаемое в прошлые времена как не замечаемый нами воздух, как нечто само собой разумеющееся, стало сегодня болевым центром социальной жизни нашего населения. Если квартплата в 1980-е годы за двухкомнатную квартиру составляла примерно от 2,5 до 3% от среднего бюджета семьи, то в современных малообеспеченных семьях она составляет от 25 до 30% и более. Отсюда колоссальные задолженности по платежам. Когда в 2003 году они достигли астрономической цифры (в январе 2003 года задолженность составила 7 млрд 530,1 млн грн), государство было вынуждено с 1 июля 2003 года ввести Закон «О реструктуризации задолженности по квартплате, оплате коммунальных услуг и потребленных газа и электроэнергии». Согласно этому

* «Тех денег, которые платит нищее население за жилищно-коммунальные услуги, даже с учетом новых поступлений от должников, все равно не хватает для поддержания коммунальных предприятий в работоспособном состоянии. Без серьезных государственных капвложений эта отрасль обречена» [50].

Закону каждый жилец помимо текущей жилищно-коммунальной платы должен выплачивать ежемесячно $1/60$ части своего долга, причем общая сумма выплаты не должна превышать 25% семейного дохода. Предложенная в качестве решения проблемы «помаранчевой» властью мера расчетов за коммунальные неплатежи перевода «замороженных» средств со счетов сберегательных книжек налогоплательщиков лишь в лучшем случае является слабо компенсирующей задолженности полумерой. Вряд ли подобные послабления могут означать кардинальное решение проблемы;

— *гипертрофия посредничества и губительный рост спекулятивного капитала*. Либерализация рынка резко активизировала торгово-посредническую деятельность, поощряемую кредитами и займами. Посредничество, особенно в условиях монопольного положения производственных предприятий и отдельных отраслей, является самым надежным и ограниченным в риске способом получения денег, а вернее сказать — обогащения. Эта деятельность имеет общественный смысл и необходима при международных сделках и связях, при значительном территориальном рассредоточении отраслевых производств и, естественно, при оптовой продаже-закупке крупных партий (объемов) товаров. В остальных случаях она ограничена. В Украине, как показал опыт, посредничество в сфере ТЭК, Агропрома, пищевой, обрабатывающей и легкой промышленности приобрело невероятные размеры. Посредническая деятельность превзошла здесь все разумные и допустимые рамки. Фактически посредник, став монополистом, не пускает непосредственного товаропроизводителя на рынок. В частности, в сфере ТЭК и Агропрома «накрутка» цен на их продукцию при конечной продаже потребителю приводит к повышению отпускной цены в 7–8 раз. Гипертрофия посредничества в интересах спекулятивного капитала является свидетельством криминализации посреднической деятельности и создает блокирование рынка для непосредственного производителя, служит способом «вымывания» денежной массы из производства и, в конечном счете, душает его. «Интересный рынок у нас получается, — пишет, к примеру, М.Панова. — Обычно главные действующие лица в любой торговле — производитель и покупатель — на нашем рынке люди бесправные и ненужные. Такое впечатление,

что рынок у нас существует только ради посредника. Именно он, и только он чувствует себя хозяином положения, защищенным и всевластным» [51, с. 23].

Под вывеской «смешанной экономики» именно благодаря спекулятивному, паразитическому посредничеству идет процесс грабительской эксплуатации товаропроизводителей. Технология этого грабежа элементарна: предприятие производит продукцию, которая через приватные посреднические фирмы и организации поступает мелким оптовикам, а затем идет в розничную частную торговлю, вследствие чего происходит «накрутка» цен, истощающая кошельки бюджетников; в результате львиная доля реализованной подобным образом государственной продукции обогащает частника (бизнесменов, перекупщиков), а государственная торговля, ограниченная в своих масштабах и возможностях, не восполняет и не пополняет приходную часть бюджета; поскольку налогообложение частной торговли наталкивается на лабиринты махинаций и различных лазеек сокрытия, лишь мизерная часть от облагаемого дохода попадает в казну, остальная же, большая часть присваивается посредниками и коррумпированным чиновничеством. В итоге бедные (бюджетники) беднеют, а богатые (посредники) богатеют грабительским образом. Технология частного присвоения ВВП дополнилась в последние годы *фиктивным посредничеством* — созданием руководителями производственных предприятий уже упомянутых выше оффшорных фирм и компаний, покупающих продукцию тяжелой промышленности, машиностроения по заведомо заниженным ценам и перепродающих ее потребителю по высоким ценам с присвоением «навара» учредителями этих фирм и компаний. Наиболее прибыльным при этом является создание оффшорных компаний за рубежом.

Особо криминальный, жульнический характер приобрела в середине 90-х годов прошлого века посредническая деятельность в сфере сертификатной приватизации. Только в 1996 году трастами, доверительными компаниями было незаконно присвоено 15 млрд 370 млн гривен. Сфальсифицировав в своей практике Декрет Кабинета Министров о доверительных обществах от 6 июня 1995 года таким образом, что деятельность с приватизационными бумагами была

подменена деятельностью с деньгами, трасты ограбили тогда 4 млн вкладчиков (не без помощи и покровительства со стороны Фонда государственного имущества Украины). Из обозначенной выше суммы после изобличения трастов в жульничестве ими (их в 1996 году насчитывалось 48601) было возвращено вкладчикам лишь 10 млн гривен. Один этот факт свидетельствует не только о масштабах присвоения совокупного национального богатства, не только об экономической, но и о социально-политической силе посреднического капитала, перед которым бессильны государственные властные органы, время от времени декларирующие лозунги борьбы с коррупцией и устраивающие показательные суды. Наконец, разрушительную роль в экономике Украины сыграло финансовое посредничество, превратившееся в грабительское квазипосредничество, когда под видом протекционистской политики Нацбанк отпускал кредиты коммерческим банкам, а те на деньги государства покупали государственное имущество и тут же продавали его по спекулятивным ценам, присваивая себе «прибыль». Правительство В.Ющенко, как известно, объявило подобной практике «войну». Но эта «война» оказалась бесперспективной: комаров можно уничтожать, убивая их по одному, но чтобы уничтожить весь рой, нужно уничтожить болото. Таким болотом для постсоветской Украины стала частнокапиталистическая собственность;

— рефинансирование долгов как следствие неработающих кредитов и как механизм углубления экономической и политической зависимости Украины от Запада.

Осуществление либеральных рыночных реформ невозможно без заинтересованного в них массового социального субъекта. Последний был уже сформирован к их началу в лице активных теневиков-предпринимателей и значительной части госпартноменклатуры, готовой променять партийную, государственную и административную власть на собственность. Вместе с тем социальная база по многим признакам и параметрам была недостаточной для успешного проведения реформ и помимо этого не способствовала реализации идеологемы-концепции «среднего класса». Понадобился более массовый и более «цивилизованный» субъект рыночных реформ, ориентированный на предпринимательский успех, демократические

ценности и обладающий (или способный обладать) комплексом «ноу-хау». Однако одних «человеческих» качеств для «внедрения» рынка оказалось недостаточно. Необходимы были еще капиталы, которые незамедлительно объявились в виде внутренних и внешних кредитов. Кроме повышения предпринимательской активности и создания социальной базы либерального рынка внешние кредиты понадобились также для проведения конверсии, реструктуризации производства, целенаправленных инвестиций и, в первую очередь, создания финансово-банковской инфраструктуры.

С момента появления Украины на карте суверенных государств МБ, МВФ и ЕБРР ежегодно, на диктуемых ими условиях, отпускали ей несвязанные кредиты, которые правительство могло использовать по своему усмотрению (на покрытие дефицита бюджета); товарные и экспортные кредиты; инвестиционные займы; кредиты на пополнение валютных резервов Национального Банка. При этом в адрес стран, пользующихся кредитами, МВФ были выдвинуты жесткие требования: переход на свободные цены; переход к открытому рынку (неконтролируемый ввоз и вывоз товаров, сырья); обеспечение свободного валютного курса; устранение государства от регулирования социальных процессов, сокращение социальных программ; отмена государственной поддержки государственного сектора экономики и сельского хозяйства; всеобщая приватизация (в скобках можно заметить, что многие из перечисленных требований МВФ никак не вписываются в нормы международного права). В ходе преобразований, продемонстрировавших неподъемность хозяйственного комплекса для частного капитала, подпитываемого западными кредитами, резко сократилась доля несвязанных кредитов, призванных на первом этапе реформ играть амортизирующую роль в нейтрализации негативных социальных последствий «шока»; несколько увеличилась доля товарных кредитов как прямое свидетельство вхождения экономики Украины в фазу колониальной зависимости и роста компрадорского капитала (достаточно отметить, что в конце 1990-х на нашем внутреннем рынке продавалось лишь 12% товаров отечественного производства, остальное – импорт); не сработали и стали ограничиваться инвестиционные займы и кредиты на пополнение валютных резервов Национального Банка.

В 1998 году, к примеру, общая стоимость инвестиционных проектов одного из самых мощных индустриальных регионов Украины – Приднепровья составила 5 млрд долларов, а реальные вложения в эти проекты оказались гораздо скромнее: 29 млн – США, 26,2 млн – Кипр, 16 млн – Великобритания, 11,5 млн – Германия. Внешние кредитные вливания, как и ограниченные внутренние, *прошли мимо производства* и попали в сферу теневой экономики финансов, расширив и укрепив власть криминального капитала. По предположительным данным Комитета по экономическим вопросам ВР Украины, в 1998 году, нелегальное валютное обращение в стране колебалось в пределах 12–15 млрд долларов США, вне системы банковского учета находилось 45–60% национальной валюты, оседающей в конечном счете на рынках Польши, Турции и других стран. Начала угрожать национальной безопасности Украины практика «отмывания» и перекачки денег в фиктивные, подставные фирмы за рубежом. Один только «Дамиана-Банк» имел в конце 1990-х годов 18 таких фирм. Минимальная сумма свободно конвертируемой валюты, незаконно вывезенной за пределы Украины и положенной на счета в иностранных банках, к концу XX века оценивалась экспертами в 20 млрд долларов [52].

Присвоение иностранных кредитов теневой финансовой инфраструктурой означало, что вся тяжесть государственного долга ложилась на плечи трудящихся, товаропроизводителей и налогоплательщиков, поскольку долги и проценты по долгам не возвращались непосредственными должниками. Возникла парадоксальная, экономически нелепая ситуация: за неуплаченные долги, то есть разворованные нуворишами финансовые кредиты с иностранными кредиторами рассчитывалось государство, точнее, масса ограбленных налогоплательщиков. Где, в какой другой стране налогоплательщики оплачивают долги собственников! Только в 1998 году около 6000 отечественных и зарубежных субъектов внешнеэкономической деятельности имели просроченную задолженность на сумму 1,6 млрд долларов США, тогда как возврат от валютной выручки составил всего лишь 36 млн долларов [53]. Метафорическая формула, нередко употребляемая современными экономистами, «Деньги – Бандит – Деньги», очевидно, не лишена оснований. Пожирание кредитов и

займов теневиками-финансистами до того обескровили отечественное производство, что учетные ставки НБУ к концу 1998 года возросли с 37% до 90%, то есть кредитные ресурсы стали фактически недоступными для товаропроизводства. Общая сумма займа в 1999 году составила 22,4 млрд грн, или 94,4% доходной части бюджета. Без прироста ВВП, производства, налоговых поступлений она превратилась в *финансовую пирамиду на государственном уровне*, в источник обогащения финансовой олигархии. Одни затраты на обслуживание займов, по расчетам экономистов, составили к концу 1990-х годов около 18% расходной части бюджета. В таких условиях для Украины не было иного выхода, как обращаться к рефинансированию долга, то есть получению новых кредитов с исключительной целью погашения долгов по процентам за долги. Финансовая жизнь Украины начала осуществляться, таким образом, по формуле долговой кабалы: рост долгов при отсутствии поступлений денег в государственную казну. Лишь с 2001 года в экономике Украины стали обнаруживаться признаки «оживления», когда власти, чувствуя угрозу политического краха и недовольство со стороны благословенного Запада, ослабили свои «хватательные» рефлексы и повернулись лицом к реальной экономике: впервые за много лет очевиден и нагляден стал рост ВВП, а вместе с ним и повышение социального самочувствия населения, о чем свидетельствуют данные мониторинга Института социологии НАН Украины и Фонда «Демократические инициативы». Если до 2000 года включительно средний балл оценки экономической ситуации в Украине топтался в пределах 1,3–1,7 (по 11-балльной шкале оценок), то, начиная с 2001 года он стал неуклонно повышаться: в 2001-м – 1,9; 2002-м – 2,2; 2003-м – 2,3; 2004-м – 2,6 [54, с. 10]. Однако «оживление» подобного рода было вызвано скорее финансовыми конвульсиями, а не реальным прорывом к всестороннему росту экономики. Фаза рефинансирования переросла в фазу полнейшей политической зависимости от США и их финансовых штабов: частичное списание долгов окончательно поставило Украину на колени зависимости, а новые кредиты и «частные поступления» сегодня выглядят как откровенное и безапелляционное вмешательство США во внутренние дела «суверенной» и «незави-

симой» державы. Как стало известно из печати, в январе 2005 года Президент США Дж.Буш обратился к Конгрессу США с просьбой выделить *еще* 60 миллионов долларов на поддержку новоизбранного Президента Украины Виктора Ющенко. Характерно, что по объемам американской финансовой помощи на 2006 год Украина стоит на первом месте среди стран СНГ. В следующем го-ду Дж.Буш просил выделить для Украины 105 миллионов долларов по трем важнейшим программам, включая экономическую помощь, обучение военных кадров и финансирование оборонных поставок и услуг из США. Программы самоговорящие: понятно, с какой целью это делается;

– *непродуктивность и социальная деструктивность приватизации (в результате прежде всего внеэкономического, нерыночного способа ее проведения)*. Обстоятельный анализ столь уникального и беспрецедентного явления, как приватизация социалистической собственности, будет дан ниже. Здесь достаточно ограничиться обобщенной характеристикой тех разрушительных для украинского общества последствий, которые со всей очевидностью обнаружили себя в сфере экономики и сфере социальных отношений. С самого начала было очевидно, что проведение приватизации, «разгосударствление экономики» с благородной целью «сделать всех собственниками» — не что иное как неуклюжий камуфляж частно-индивидуалистического присвоения общенародной собственности субъектами политической власти и теневого предпринимательства не с целью подъема производства, активизации промышленного капитала (что потребовало бы несколько десятилетий), а с целью мгновенного грабительского обогащения. Вся последующая практика приватизации подтвердила это. Ее деструктивный характер проявился дважды — на этапе приобретения собственности, использования отвечающих целям мгновенного обогащения форм и способов приватизации и на этапе использования уже приобретенного имущества. В первом случае речь идет о блокировании властными структурами и теневым капиталом доступа номинальных («ваучерных») собственников к приватизируемой собственности. Такое блокирование проявилось, с одной стороны, в создании посреднических доверительных компаний, преграждающих путь к реальному превращению именных сертифи-

катов в акции, а с другой — в скупке по дешевым ценам ваучеров на черном рынке с последующим приобретением за них целых предприятий. Известно, например, что в южных и восточных регионах Украины осуществилась массовая скупка сертификатов по 8–10 гривен за каждый и что за 300–350 приобретенных таким образом сертификатов приватизировались заводы и фабрики. Во втором случае речь идет либо о выгодной собственнику распродаже имущества приватизированного за бесценок предприятия, то есть его фактическом демонтаже, либо о перераспределении (перепродаже) приватизированной собственности путем доведения рентабельных предприятий до искусственного банкротства. Во всех случаях мы имеем дело, во-первых, с внеэкономическим (нерыночным, неэквивалентным) способом приватизации и незаконным ее характером, во-вторых, с заведомо деструктивными, губительными для товаропроизводства ее последствиями и, в-третьих, с негативным, разрушительным ее воздействием на социальную структуру общества, систему социальных ценностей и человеческую личность. В последнем случае речь, по существу, идет о депопуляции (геноциде) нации, когда бедные погибают от нищеты, а богатые уничтожают друг друга в антагонизме нескончаемых криминальных разборок (конкуренции); социально-классовой поляризации общества; деклассировании и люмпенизации не только и не столько его маргинальных слоев, сколько профессионально дееспособной, квалифицированной части; массовой безработице и морально ущербных и девиантных формах самовывживания; духовной деградации и десоциализации личности. Главный итог до сих пор проводимой (и осуществимой ли в принципе?) приватизации состоит в том, на что рассчитывали реформаторы, — не в повышении уровня производства товаров, не в эффективной его реструктуризации, а в фискальном ее характере — в жалком пополнении госбюджета денежными средствами за счет дешевой распродажи государственного имущества.

Оптимизм реформаторов по поводу роста ВВП в 2001–2002 годах, призванный хоть как-то поднять падающий рейтинг первых лиц государства, вовсе не означал, что приватизированное производство наконец-то «заработало». Заработали, хоть кое-как и вынужденно, механизмы государственного финансово-экономическо-

го контроля в ситуации обострения конкурентной борьбы между олигархическими кланами, когда многие скрывающиеся до этого показатели производства выползли наружу и стали учитываться налоговыми службами. Однако все эти меры не устранили грабительского характера проводимой в Украине приватизации, или того, что некоторыми политиками названо клептократией. Непродуктивность осуществленных приватизационных мер крайне ограничила, фактически свела к нулю инвестиции внутренние и внешние. Вследствие всего этого объявленная «помаранчевой» властью борьба с клептократией возымела своей целью облагородить отечественный бизнес с помощью реприватизации «незаконно присвоенного». Однако подобная попытка облагородить частный бизнес, с одной стороны, не допускала экспроприационных мер, а с другой – была сопряжена с такими возвратными выплатами, которые не под силу государственной казне, тем более в условиях вяло работающего производства. Подлинной революционной мерой могла бы стать не реприватизация, а национализация. Но для мелкобуржуазных властей, надумавших строить капитализм без капиталистов, такая мера, конечно же, непозволительна. Идеологический рупор «помаранчевых», газета «Народне слово», в осторожных выражениях в апреле 2005 года вынуждена была признать неэффективность или даже пагубность реприватизационной политики оберегаемой ею власти: «Нужно отдать должное политикам из провластного лагеря, которые уже сейчас переубеждают всех в том, что в вопросе о реприватизации настало время поставить точку путем введения моратория на пересмотр реприватизационных соглашений» [55]. Похоже, что «помаранчевая революция» захлебнулась уже полгода спустя.

Итак, опыт трансформационных попыток показал, что ни «шоковый» вариант либерально-рыночных преобразований, ни «аргентинская» модель, ни последовавший за ней монетаристский «южнокорейский» вариант с целью обуздания гиперинфляции и создания инвестиционного климата, ни жесткие «революционные» меры реприватизации со стороны режима В.Ющенко не содействовали превращению первоначального грабительского накопления капитала в эффективно работающий производительный капитал. Если опыт подобных или похожих преобразований в других странах, как прави-

ло, приводил либо к двустороннему (экономическому и социальному — «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта), либо хотя бы к одностороннему (к экономическому — Южная Корея — или к социальному — денежная реформа Л.Эрхарда или весьма непродолжительные, или даже сомнительные по эффективности программы Д.Ковальо) эффекту, то в Украине попытка либерализации социалистической системно-интегрированной экономики дала *двойной отрицательный эффект* — падение экономики и глубокий кризис социальной жизни общества.

Систематизируя рассмотренные выше коллизии социально-экономического процесса в Украине, прослеживая составляющие их причинно-следственные связи и, наконец, сопоставляя эти последние с логико-исторической схемой дивергентно-конвергентного характера развития человеческого общества, можно, в конце концов, составить гипотетическую картину современного состояния Украины, определив его как *инволюционную конвергенцию*. Что это за феномен?

Выше уже говорилось о том, что плодотворность заимствования одной системой у другой экономических или социальных преимуществ зависит от условий и степени готовности (предрасположенности) первой к жизнеспособному синтезу с необходимыми для нее элементами второй. Принято было считать, что если таких условий, такой предрасположенности нет, то синтез-конвергенция попросту не может состояться. Однако в середине 1970-х годов в работах Р.Хейлбронера, Г.Маркузе, Ю.Хабермаса, П.Штомпки, представителей Римского Клуба появились идеи о возможности *негативной конвергенции*, предполагающей синтез «кризисных элементов» индустриального общества. Похоже, что в 1980—1990-е годы подобный негативный синтез начал обнаруживаться в реальном социально-историческом процессе, чему пример — отечественный опыт.

Исследуя сложные технологии социоинженерной комбинаторики или имплантации системных элементов, я пришел к выводу, что разработчики различного рода социальных проектов (реформаторы) при попытке их реализации нередко попадают (непроизвольно, неосмысленно) в ситуацию сочленения не позитивных по своей объективной значимости элементов (сторон), а системно связанных с ними негативных явлений, представляющих собой «невидимую

часть Луны» и ведущих к нежелательным последствиям. Последние были названы мной «эффектом Бернарда Шоу»*. В этом плане заслуживают также внимания высказывания упомянутого ранее российского социолога Н.Е.Покровского на юбилейной сессии Общества американской философии весной 1993 года в Вандербилтском университете (штат Теннесси, США). В докладе «Теория конвергенции: классические основы и современные проблемы» он, опираясь на отдельные высказывания П. Штомпки и Личблау, изложил суть своей концепции, которая состоит в следующем: 1) в исторической практике стран и народов наблюдаются как *функциональные* явления, обеспечивающие их адаптивные возможности, так и *дисфункциональные* явления, препятствующие адаптации и нормальному их движению; 2) в процессе взаимодействия тех и других может осуществляться синтез не только функциональных (рациональных, конструктивных), но и дисфункциональных (иррациональных, деструктивных) начал; 3) в первом случае (соединение функциональных начал) мы имеем конструктивную, рациональную конвергенцию, во втором (соединение дисфункциональных начал) – деструктивную, иррациональную; 4) в постсоциалистических странах по большей части наблюдается деструктивная, иррациональная конвергенция [11].

В анализе форм и последствий конвергентных процессов Н.Е.Покровский не выходит за рамки функционалистской парадигмы, но и в ее рамках блестяще поставлен диагноз состоянию «постсоциалистического» общества: «...Свойственный современным западным структурам экономической релятивизм (*имеется в виду безудержная гонка товарного производства ради получения прибыли. — Е.С.*), принципиальный отказ от долговременного планирования и широкоохватного социального прогноза, устойчивая «одномерность» соци-

* В основе этого «эффекта» лежит фабула известного исторического анекдота. На предложение одной из великосветских красавиц: «Дорогой Бернард! Давайте сочетаемся брачными узами. Вы представляете, какие будут у нас великолепные дети: они будут такими умными, как вы, и такими красивыми, как я», – Шоу, не блиставший привлекательной внешностью, ответил: «Дорогая, вы не учли иной вероятной возможности: а что если наши дети будут такими умными, как вы, и такими красивыми, как я». Подробнее об «эффекте Бернарда Шоу» см.: [56, с. 188–191].

ального мышления, уклонение от многофункционального исследования сложных процессов, ограниченность горизонта политического анализа, корпоративный антиинтеллектуализм (*мышление, деформированное узкокорпоративным интересом*. — Е.С.), моральный и исторический мифологизм массового сознания на Западе прекрасно сочетаются с наиболее иррациональными структурами дегенерирующего бывшего социалистического общества, в котором по-прежнему процветают бюрократически-тоталитарное мышление, аппаратное безрассудство, оголтелый эгоизм социальных и политических групп и группировок. Неспособность западного социального и политического мышления рационально осмыслить и проконтролировать трансформацию коммунистических структур и очевидное бессилие посткоммунистического интеллекта произвести самореформирование свидетельствуют о явной бесперспективности» [там же, с. 36]. К слову, нечто перекликающееся со сказанным было присуще и рассуждениям П.Сорокина [57, с. 16–17].

Феномен «иррациональной конвергенции», однако, не может быть адекватно осмыслен, если ограничиться функционалистским подходом и сосредоточить внимание на его субъективном аспекте. Только через анализ социально-экономических основ противоречий движения общественных систем можно прийти к научному пониманию «иррациональности» происходящего на постсоциалистическом пространстве конвергентного процесса. В нормально живущем (функционирующем) обществе составляющие его движение противоположности взаимодополняют и взаимно оживотворяют одна другую — так осуществляется нормальный жизненный процесс. Именно в этом случае противоположности имеют *функциональное* значение. В обществе социальных дисгармонии и дисфункций противоположности либо стремятся к взаимному уничтожению, чтобы стать, в случае абсолютного доминирования, основой новой общественного строя или режима, либо, в конце концов, «примираются» в деструктивном течении процесса. То, что при функционалистском или системном подходе предстает как дисфункция и де-струкция, в теории развития выступает в качестве *инволюции* — попятного, обратного, «свертывающегося» движения, и, наоборот, то, что при первом подходе предстает как продуктивное функционирование, при вто-

ром — выступает в качестве *эволюции*. Инволюционные тенденции имеют место там и тогда, где и когда вызревшие противоречия развития разрешаются неадекватным их природе путем, вследствие неадекватного («ошибочного») *выбора*. Такие тенденции обнаруживаются в процессе развития современных капиталистических обществ (неоконсерватизм), а также — социалистических (постсоциалистических), в которых наблюдается своеобразная модернизация некоторых важнейших элементов, казалось бы, безвозвратно ушедшего в небытие феодализма. Поскольку современный человеческий мир в своем историческом движении достиг высокого уровня взаимодействия и интеграции, инволюционные процессы в нем легко находят друг друга и, будучи единоплавленными, столь же легко конвергируют.

Основой для подобного рода конвергентных процессов является кризис, постигший как капиталистическую систему, так и ранний дивергентный социализм. Но в первом случае мы имеем дело с *кризисом истощенности исторических ресурсов либерального капитализма*, а во втором — с *кризисом исторической незрелости нового общества*. Если последний преходящ и преодолим, то первый безысходно смертелен. Кризис дивергентного социализма как необходимо-случайное явление (необходимость по существу ранней, незрелой формы социализма, случайное — по исходу кризиса) наглядно прослеживается в практике экономических реформ и «перестройки» в СССР на всем протяжении 1980-х.

В начале 1980-х вопрос стоял так: социализм обладает могучим социально-экономическим потенциалом, и задача состоит в нахождении тех рычагов и механизмов, при помощи которых можно было бы реализовать этот потенциал. В середине 1980-х годов этот вопрос был конкретизирован и уточнен в том отношении, что необходимым стало решение задачи демонтажа прежнего негодного механизма хозяйствования, замены его новым в рамках социалистического строя. В конце 1980-х встал вопрос более принципиального порядка: обладает ли социализм вообще каким-либо потенциалом или представляет тупиковую ветвь развития человеческого общества и не следует ли его заменить «цивилизованным рыночным обществом». Горбачевская «перестройка» оказалась непонятной и дву-

смысленной, как и ее инициатор. Первоначально ее сущность усматривали в том, чтобы придать системе социализма гибкость и подвижность с помощью некоторых превращенных механизмов рыночной, то есть капиталистической, экономики. И такой замысел, такая политическая ориентация повсеместно были встречены с пониманием и готовностью людей поддержать «перестройку».

Но именно здесь сторонников горбачевских реформ подстерегало утонченное коварство диалектики перестроечного процесса. Дело в том, что во взаимодействии капиталистических и социалистических начал может появиться — и, как показывает историческая практика, очень часто появляется — обманчивое сходство двух существенно разных явлений — *включение в себя* (или сохранение в себе) старого в *измененном, превращенном виде* и возрождение этого старого в *предшествующем, первоначальном* его состоянии, то есть *фактическое возвращение к старому*.

Сколько раз это коварное сходство вводило людей в обман! В середине 1920-х годов российская белоэмигрантская интеллигенция, сгруппировавшаяся вокруг журнала «Смена веков», восприняла использование большевиками «капиталистических инструментов» построения социализма как постепенную реставрацию капитализма. Идеолог сменовеховцев кадет М.В.Устрялов, провозгласив НЭП «не тактикой, а эволюцией большевизма к капитализму», вернулся в Советскую Республику, чтобы помочь этой эволюции, за что жестоко поплатился в 1935 году. В конце 1980-х активный процесс возрождения в СССР элементов капитализма многими коммунистами был воспринят как «перестройка» плохого, то есть «тоталитарного» социализма в социализм хороший, то есть «демократический». Также поплатились в 1991 году. Когда в этот период четко обозначи-

* Имеются в виду преобразования как на макро-, так и на микроуровнях общества: реконструкция хозяйственного механизма — гибкое соединение централизма с относительной самостоятельностью регионов и отраслей; ориентация на конечный продукт; изменение оценочных экономических показателей; сочетание планирования с рыночными (хозрасчетными) отношениями; повсеместное распространение коллективного хозрасчета (бригадно-строительного подряда, единонарядной системы в промышленности, безнарядных звеньев в сельском хозяйстве и т.д.).

лись контуры необходимых общественных преобразований*, когда вместе с многообразными формами хозрасчета в жизнь производственных коллективов начала входить хозяйственная демократия в виде советов производственных коллективов, непосредственного самоуправления, когда, казалось бы, все *логично* и *закономерно* было подготовлено для перехода экономики и общественной жизни на принципиально новую ступень социализма, госпартноменклатура, почувствовав смертельную для себя угрозу в этом переходе, сумела дьявольски хитро *переориентировать недовольство масс партократическим режимом на отрицание социалистического строя как такового*. Таким образом, «перестройка», начатая как попытка продвинуть социализм на верхние ступени его развития, превратилась в спокойную и мирную реставрацию капитализма в самом худшем его варианте. Из двух возможностей выхода советского общества из кризисного состояния – возможности самосовершенствования первоначального социализма за счет демократизации экономики и возможности «возвращения» к либеральному капитализму – победила последняя. «Постсоциализм», тем не менее, не превратился в одночасье в либеральный капитализм. То обстоятельство, что никакие последовавшие за развалом Советского Союза меры капитализации в течение длительного времени не вели и не привели к панацее «рыночной экономики», – убедительное свидетельство неадекватности осуществленного контрреволюционного переворота объективным внутренним потребностям самообновления сложившегося общественного строя. «Постсоциализм» оказался режимом реакционной этатической власти, декларативно ориентированной на капиталистические способы хозяйствования, но реально использующие для укрепления своего господства внеэкономические механизмы перераспределения общественных богатств, то есть механизмы модернизированного феодализма. Этого оказалось вполне достаточным, чтобы спровоцировать встречное движение на постсоветское пространство время от времени пробуждающихся на Западе реликтов либерального капитализма.

Таким образом, феномен *инволюционной конвергенции* представляет собой «гармоничное» соединение дисфункциональных и деструктивных элементов противоположных систем, переживающих

исторический период своего упадка и кризиса. Если обратить внимание на тот фрагмент рис. 2.1. (стр. 269), который представляет нисходящую ветвь развития дивергентного социализма ($c-c_1$), то он может быть развернут в новую, относительно самостоятельную схему (см. рис. 3.1).

Из приведенной схемы видно, что *эволюционная конвергенция* представляет собой образование своеобразного вектора взаимодействия в процессе развития прогрессивных и жизнеспособных элементов капиталистической и социалистической систем и проявляется в двух вариантах в зависимости от приоритетной роли в этом процессе противоположных системообразующих начал (*социализированный капитализм* или *капитализированный социализм*). Что касается *инволюционной конвергенции*, то она также проявляется в двухвариантном виде, когда в одном случае системообразующую роль выполняет *либеральный неоконсерватизм*, а в другом — *модернизированный феодализм*. В инволюционной конвергенции, таким образом, сходятся худшие черты капитализма, как бы реконструирующие нонэтатистский период его «дикой свободы», с худшими чертами социализма, воспроизводящими феодально-бюрократические отношения внеэкономического принуждения. В инволюционной конвергенции, очевидно, как и в эволюционной, вряд ли может обнаружиться некий усредненный синтез определенных свойств того и другого общественно-экономического строя. Подобный синтез фактически нигде еще о себе не заявил и существует, или может существовать, всего лишь как гипотетическая модель. Близки к этой модели те исторические реалии, которые за последние тридцать лет наблюдаются в родном отечестве (вначале — в Союзе до 1991 г., затем в Украине). Политический и идеологический факторы (диктатура пролетариата и идеократия), долгое время успешно игравшие роль хозяйственного механизма, исчерпали свой потенциал за пределами либерализационного периода истории и привели к перерождению госпартноменклатуры в модернизированных феодалов и теневиков-собственников. Легитимация их подлинной собственности в конце 1980-х — начале 1990-х годов, казалось бы, создала предпосылки для формирования либерализированного капитализма, но неподъемная для последнего системно-интегриро-

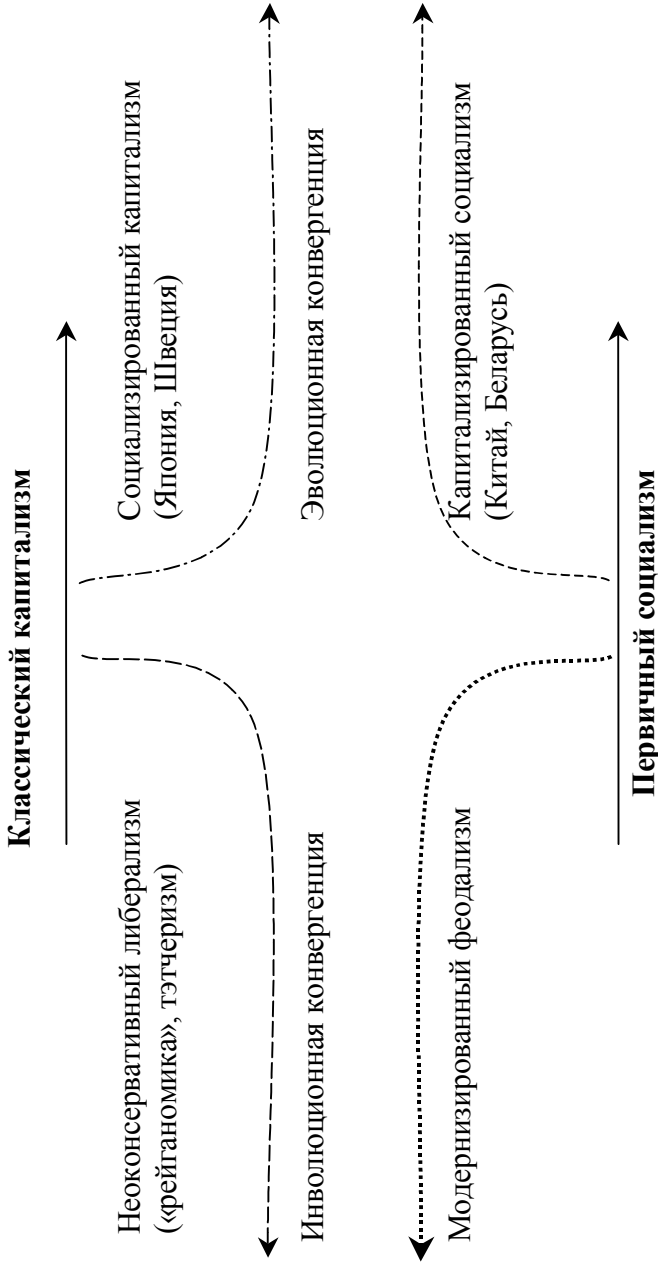

Рис. 3.1. Конвергентные процессы в современном мире

ванная индустриальная экономика Союза стала камнем преткновения на пути к «рыночной экономике». Возник сложный волнообразный процесс: первая волна — «создание собственника» (увы, неэффективного!) и крупного олигархического капитала; вторая волна — попытка придать образовавшемуся, но «неработающему» капиталу рыночный, «работающий» характер с помощью западных кредитов и различных мер протекционизма; третья волна — крах этой последней попытки и продолжение обогащения «неэффективных» собственников и властных лиц («кучмовской бандократии»); четвертая волна — новая, более решительная попытка создания «эффективного» собственника «революционно»-репрессивными перераспределительными мерами. Происходит, таким образом, попеременная смена капитализированного феодализма с имманентной ему формулой «власть—деньги—власть» и феодализированного капитализма по формуле «деньги—власть—деньги». В переплетении и набегании этих волн друг на друга «трансформировались» как элементы либерализма, так и неофеодализма, причем последний, воплотивший в себе худшие черты переродившегося рыночного социализма, стал в большей мере доминировать в инволюционно-конвергентном процессе. Этот последний вариант инволюционной конвергенции характерен для современной Украины и с известной долей условности может быть назван *феодалным капитализмом*, или,

* В социологической, в том числе марксистской литературе, продолжают спорить относительно того, можно ли считать нынешний общественный строй в Украине капиталистическим. Характерно, что некоторые «левые» приходят к тем же выводам, что и «правые», полагая, что «существующее в Украине общество нельзя назвать капиталистическим». Об этом многократно говорится в книге А.П.Гоша и С.И.Дорогунцова «Советский социализм» [58, с. 195–196, 198, 199]. От прочитанного остается впечатление, что авторам видится «настоящий» капитализм как общество добропорядочных предпринимателей и товаропроизводителей, строго соблюдающих «человеческие традиции, право и мораль» и, поскольку нынешняя ситуация в украинском обществе никак не вписывается в эту идиллическую картинку, естественно, ни о каком «настоящем», полноценном капитализме речи быть не может. А по-чему, собственно говоря, капитализм в нашем постсоциалистическом обществе должен начинать с нуля? Почему в пору высокого уровня обобществления средств производства и монополизации рынка не возможен иной, самый дикий, самый разбойничий олигархический, наконец, особый, необычный, но все же капитализм?

может быть, точнее – *феодализированным капитализмом* *. Если экономической основой его появления стала неадекватность разрешения противоречия между потребностью инновационной технологии общественного производства и попыткой частнособственнического (рыночного) способа ее удовлетворения, то в качестве социальной его основы можно считать нежелание «верхов» брать на вооружение социалистические инструменты хозяйствования и нежелание «низов» погружаться в стихию конкурентной рыночной экономики, то есть расставаться с надежным и безотказным для социализма механизмом социальной защищенности. Столкновение двух взаимопротивоположных негативных по значению социально-ценностных ориентаций и произвело эффект инволюционной конвергенции в варианте феодализированного капитализма.

Прежде чем говорить о сущности и содержании последнего следует отметить два связанных с ним момента.

Во-первых, конвергенция (синтез) противоположных, или взаимодополняющих элементов деградирующих систем, как показывает современный опыт, зачастую осуществляется на основе несостоятельных концепций или проектов, произвольным, насильственным путем. Органический синтез может состояться только в том случае, когда каждая из конвергируемых сторон внутренне готова к этому, созрела для этого, то есть накопила в себе в достаточной мере предпосылок для того, чтобы «внести» в свою структуру недостающие для динамического равновесия системы элементы другой, противоположной ей системы. Если этого нет, то происходит искусственная или насильственная «конвергенция», приводящая к неожиданному и нежелаемому результату. Э.Баталов отмечает: «Воссоздать волевым путем системное целое, сложившееся в результате многовековой социально-исторической эволюции, не дано никому» [59, с. 82]. И далее продолжает: «Если кто-то из наших политиков полагает, что, потерпев неудачу с экспериментом коммунистическим, можно наверстать упущенное, вталкивая Россию силой в либеральное русло, то он совершает грубую ошибку» [там же]. Сказанное в полной мере можно адресовать и тем нашим соотечествен-

никам, кто столь же нахраписто и грубо пытается втолкнуть Украину в либеральную экономику.

Во-вторых, парадокс инволюционной конвергенции, «эффект Бернарда Шоу», не исчерпывается субъективным содержанием свободной «игры случая» или силового произвола («ожидали одного — получили нечто противоположное»). Глубинный и объективный его смысл состоит в другом: состояние деградации или деструкции организма при попытках имплантации в него жизнеспособных элементов или органов другого организма с целью компенсации (или дополнения) недостающих ему свойств или функций приводит не к его санации, не к оживлению, а лишь к усилению процесса деградации и распада. Казалось бы, жизнетворные силы взаимодополняющих конструктивных начал, соединившись, должны дать положительный результат. На деле же происходит противоположное. Взаимосоприкосновение, взаимодействие этих позитивных начал в условиях инволюции приводит их к обоюдному извращению и превращению в источник экономически, социально и политически негативных явлений. В таких условиях коллективизм как социально-гуманистическая ценность, соприкоснувшись с экономической обособленностью и предпринимательским индивидуализмом, перерождается в криминальную корпоративность и мафиозную клановость; свободная демократия, войдя в контакт с государственно-бюрократической регуляцией, превращается в произвол, свободу грабежа и насилия; индивидуальное инновационное предпринимательство, войдя в сферу всеобщей социальной защищенности и потребительской усредненности, становится жульничеством и раздраженным хищничеством, а продуктивная в экономическом и социальном отношении конкуренция, оказавшись в объятиях государственного монополизма, — кровавыми разборками и враждой различных по социальным масштабам преступных группировок.

Два охарактеризованных обстоятельства в полной мере прослеживаются в ходе так называемых экономических реформ в Украине, опыт которых позволяет рассматривать все происходящее как феодализированный капитализм. Именно в этом последнем «гармонически» соединились воедино модернизированные отношения *внеэкономического принуждения, неэквивалентных связей* как призна-

ков-атрибутов феодальной, государственно-общинной системы с *экономической межиндивидуальной и межкорпоративной конкуренцией и свободным, неуправляемым рынком* как признаками-атрибутами классического, либерального капитализма. Произошло сложение двух сил – силы милитарного принуждения и силы финансового капитала. Феодал с мечом и вооруженной дружиной протянул руку ростовщику Гобсеку с банковским сейфом. Сложилось содружество, ясней которого ничего не придумаешь*.

Из истории известно, что именно в период формирования феодальных государств между отдельными княжествами (уделами) происходила борьба, вследствие чего со временем сложилась система внеэкономического принуждения как механизма хозяйствования на примитивно-аграрном уровне развития производительных сил. С падением Советского Союза, когда общественная собственность по своему правовому статусу неожиданно стала «ничейной» или «полуничейной», а производительные силы по их современным меркам оказались отброшенными на уровень научно-технической примитивности (главным образом вследствие застоявшейся экстенсификации производства), партноменклатурные феодалы, используя каждый в своей иерархии рычаги административной власти, вначале прибрали собственность к своим рукам, а затем вступили в полосу теневых междоусобиц за ее перераспределение и создание политической власти, легитимной и нелегитимной, каждый в «своей зоне». Поскольку такая борьба велась и до сих пор ведется в условиях дробления, дезинтеграции производства, здесь, кстати, оказался нужным и классический либеральный рынок: ведь в новых условиях предметом дележки («завоевания») выступает уже не земля, как это было во времена государственно-племенных образований, а капиталы, целые массивы произведенных и производимых товаров и накоп-

* Это определение было дано автором в 1998 г. [56, с. 191–192]. Годы спустя сходные мысли об общественном устройстве постсоветской России высказал А.А.Зиновьев. Россия, по его словам, «формируется как некий гибрид по трем направлениям: регенерация разрушительного советизма, имитация западной (так я называю реальный социальный строй современных стран Запада) и реанимация дореволюционного феодализма» [60].

ленных богатств, которые благодаря теневому рынку легко можно было превратить в большие деньги. Именно таким способом сила административной власти соединилась с либерально-рыночными отношениями. В полушутливом тоне характеризуя эту связку формулой «власть – собственность – власть», ее неизвестный автор не столь уж далек от истины. Но вряд ли он, как и многие другие, обратил внимание на то немаловажное обстоятельство, что первая часть формулы «власть – собственность» является выражением *сущности феодализма* и не имеет прямого отношения к капиталистическому способу производства. Именно феодалы изначально приобретали собственность (землю, крестьян) силой, принуждением, властью, в то время как становление и конституирование капиталистического строя осуществлялось по формуле «собственность – власть». Вначале партноменклатурные феодалы, пользуясь советской государственно-партийной властью, претворили ее в капиталистическую собственность. Потом, с изменением общественного строя, начался и продолжается по сей день процесс «вхождения во власть» (но уже новую, буржуазную!) с целью последующего превращения ее в собственность. Всему этому способствуют демократические механизмы «вхождения» (политическая конкуренция, борьба за влияние на электорат, изощренные формы социальной демагогии, научно разработанные политехнологии и т.д.). Если типичной для развитых или постиндустриальных обществ мотивацией проникновения в государственно-политическую элиту состоятельных бизнесменов, супербогачей являются честолюбие, тщеславие, наконец, стремление к самоактуализации личности, то типичной для новоявленных политиков Украины мотивацией «вхождения во власть» является *стремление с ее помощью разбогатеть**. Государственно-политическая власть как способ и средство обогащения в современном украинском обществе выполняет, таким образом, роль утверждения отношений модернизированного феодализма (внеэко-

* А.П.Гош и С.И.Дорогунцов недалеко от истины, заявляя, что современное украинское общество «лишь по некоторым внешним признакам похожее на капитализм. Мы определяем его как чиклакоку – чиновничье–клановый коррумпо–капитализм»

номическое присвоение и структурирование социальной иерархии политико-силовыми средствами).

Признаками феодализованного капитализма в сфере *социально-экономической жизни* общества стали: неэквивалентный, властно-силовой характер распределения и обмена национального продукта (когда текстильный комбинат в Сумах во времена «кучмизма» был продан за 32 тыс. гривен, то это типичный образец подобной неэквивалентности); внеэкономический механизм приватизации государственной собственности на нелегитимных началах административной власти и коррупции; натурализация и бартеризация обмена в условиях, когда банковско-финансовая система оторвана от производства и выполняет лишь функцию переливания денег в твердой валюте в необлагаемые налогами иностранные финансовые структуры, вследствие чего рушится вся бюджетная сфера хозяйственной деятельности*; усиление налогового давления на непосредственных товаропроизводителей, особенно на крестьян, кабальные налоги на продукцию которых к началу XXI столетия начали достигать 85–92 коп. с каждой вырученной гривни; фактически неоплачиваемый («добровольно-принудительный») труд подавляющей части работников бюджетной сферы (а сегодня уже и частнособственнической); внеэкономический, нерыночный характер конкуренции, которая осуществляется не путем производства продукции высокого качества, а криминальными или административно-властными способами; наконец, такой экономический реликт, как торговля «живым товаром», в частности — детьми и женщинами, в основном теневым путем.

В условиях феодализованной капиталистической экономики наиболее выпукло предстают все пороки частнособственнического товарного производства, утратившего свою *опосредованно* позитивную (продуктивную) и прогрессивную роль. Рыночное общество

* Натурализация обмена все более приобретает законный характер, в отличие от бартера, выходящего из-под контроля фискальных служб и потому преследуемого «по закону». И снова на смену трагедии приходит фарс: вспомните, как пенсионерам в недалеком прошлом вместо денег выдавали мыльный порошок, кастрюли или наволочки, а кое-где умудрились выдавать даже... гробы!

становится *пантоварным* — обществом, где все, мыслимое и немислимое, является товаром в обход сдерживающей силы человеческой морали и государственных институтов. Товаром становятся люди (не только в качестве производителей стоимости, но и в качестве носителей органов человеческого тела), дети, женщины, любовь, красота, таланты и способности, творческие мысли и изобретения (их авторство), наконец сама человеческая жизнь (очевидно, у профессиональных киллеров есть такса на убийства, начиная от государственного деятеля и кончая неугодной женой). Товарное производство дошло до такого предела, за которым начинается его распад и гибель. Трагедия нетоварности былого феодально-сословного общества возвращается в виде фарса — общества-паразита, питающегося собственным телом: распродажей, разграблением, растаскиванием того, что создавалось веками и что никак не воспроизводится или воспроизводится в худших образцах натурально-ремесленного хозяйства и реликтовой, хуторянской культуры.

В сфере *социальных отношений и в социальной структуре* общества признаками феодализованного капитализма можно считать: возникновение полутеневого («серого») по своему характеру вассалитета, отношений личной зависимости одних людей от других, в том числе и собственников; личную зависимость наемного работника от работодателя, его фактическое бесправие и незащищенность (в селе — своеобразные отношения вынужденного полукрепостничества); превращение председателей коллективно-хозяйственных предприятий, арендаторов в помещиков-латифундистов на основе приватно-арендных предприятий, которые пришли на смену КХП и руководители которых якобы «арендуют» земельные пай крестьян (а по сути вынуждают их к этому); полицентричность «абсолютных монархий» администраций (директората) крупных промышленных предприятий, когда функции бесконтрольного администрирования авторитарным способом соединяются с функциями владения, пользования и распоряжения собственностью; милитаризация социальных структур крупного капитала.

Мафиозность милитаризованных социальных структур крупного капитала — наиболее показательная примета нашего феодально-капиталистического времени. К сожалению, масштабы, существен-

ные особенности, организационные формы, динамика структурирования этого явления фактически мало исследованы в нашей социологической науке. Так называемая борьба с олигархами, столь громко продекларированная с Майдана, закончилась «ничьей» и не выявила никаких ее перспектив. Более трезвый и реалистический подход к оценке мафиозных структур наблюдается в России. В работах О. Крыштановской, в частности в статье «Нелегальные структуры в России», в свое время говорилось о многообразной сети силовых группировок, управляющих не только экономическим криминалитетом, но и легализованным или легальным бизнесом. «Мелкие группы сливаются в более крупные, которые устанавливают контроль над целыми регионами или сферами экономики. По данным МВД, несколько тысяч преступных группировок, действующих в стране, объединились в 150 ассоциаций и фактически поделили страну на сферы влияния» [61, с. 97]. К сожалению, мы не располагаем сведениями о количестве и масштабах деятельности подобных группировок в Украине, разве что кроме названной весной 2005 года властями цифры о 19 тысячах уголовных дел, возбужденных против разоблаченных коррумпированных чиновников и мафиози «среднего звена».

Что касается признаков феодализованного капитализма в *государственно-политической сфере* общества, то здесь бросаются в глаза прежде всего гипертрофированный бюрократизм и отношения патримониальной власти. Известно, что эти явления берут свое начало со времен феодального государства как инструмента внеэкономически-принудительного регулирования всех сфер общественной жизни и личной зависимости. Бюрократизм в постсоветский период соединил в себе худшие черты унаследованного от партократических времен государственного тоталитаризма с бюро-кратическо-охранительными функциями либерального этатизма. Похоже, что все худшие госпартноменклатурные структуры с их имитацией «ответственной деятельности», привилегиями, готовыми на все случаи жизни бюрократическими стереотипами «реагирования» благополучно трансформировались в модернизированные, подкрашенные в демократические цвета, но по существу остающиеся прежними бюрократические структуры. Более того, произвольно и противозаконно

внедряя в деятельность государственных служб коммерческие начала в виде законодательно не обусловленных платных услуг, чиновники сплошь и рядом плодят материально выгодную для них практику всевозможных процедур и бумаготворчества (переаттестации, перекомиссии, бесосновательные свидетельства и т.д.). Рядом с бюрократизмом — такой признак феодализации государственной власти, как непомерное разбухание ее аппарата. Чем больше в обществе нерешенных проблем и задач, тем более усложняется иерархия государственных учреждений, тем многочисленней армия чиновников, призванных решать эти задачи и проблемы. Аппарат бывшего ЦК КПУ — ничто по сравнению с нынешними, во сто крат разбухшими со времен Леонида Кучмы «президентскими структурами». Если внимательно присмотреться к ним, то нетрудно заметить, что президент в Украине — это бывший «генеральный», или «первый» в республиканском ЦК; госадминистрации на местах — это обкомы, горкомы, райкомы партии; организация, стиль, методы работы — по существу дуближ печально известного «партстроительства», но только разбавленного тем либеральным этатизмом, который, обслуживая интересы собственников, позволяет безнаказанно плодиться коррупции на поле частнопредпринимательского бизнеса.

Наконец, наряду с официально-бюрократическими структурами политической власти существует полицентричность по-своему бюрократических (суббюрократических) мафиозных и полукриминальных олигархий как структур реальной теневой власти, которая превратила Украину в своеобразную «лоскутную империю» (по образцу средневековой феодальной Пруссии). Речь идет о власти *административно-экономических групп* (АЭГ), сформировавшихся по территориально-отраслевым признакам — центральные, региональные, отраслевые [62]. Именно в этих группах, как и во всевозможных теневых кланах, формируется абсолютная авторитарная власть первых лиц — карикатурное подобие веберовского классического патримониализма, в котором место благочестивого «патера» (отца) занимает зловещая фигура «хозяина» или «пахана».

Перечисленные выше признаки феодализованного капитализма, в тупике которого пребывает сегодняшняя Украина, разумеется, не исчерпывают всей картины ее сложного состояния. Инволюци-

онная конвергенция, рассматривается ли она как явление закономерной деградации конкретного общества или как случайно-произвольное, преходящее явление, не может быть продолжительной. Предсказывать со всей определенностью ее ближайший или отдаленный исход можно было бы только в том случае, если бы состояние обозначившегося «иррационального синтеза» зависело, исключительно или главным образом, от внутренних причин, внутренних процессов, замыкающихся на национальной экономике и относительной изолированности (закрытости) социальной и политической жизни украинского общества от общемирового процесса. Но в век открытости, усилившейся интеграции, системного характера человеческого общества такой изолированности, как уже отмечалось выше, быть не может. Процесс глобализации создает слишком много непросчитываемых и неизмеряемых слагаемых развития, чтобы можно было определять какие-то однозначные прогнозы. Такие прогнозы могут быть только поливариантными или довольно абстрактными. Не вдаваясь в обстоятельный анализ поливариантности, приведем лишь два гипотетических решения рассматриваемого вопроса, одно из которых — увы — не оставляет места оптимизму для постсоциалистических стран. Российский ученый-аналитик А.И. Неклесса в одной из своих работ следующим образом схематизирует возможный ход событий: «Возникнет опасность того, что в будущем веке на планете могут активно проявиться тенденции неоарханизации, поскольку во многих регионах окажется невозможным поддержание даже нынешнего уровня индустриального производства. (Так, ряд промышленных районов бывшего советского пространства находится сейчас на пороге перехода, но не в постиндустриальное, а в *деиндустриальное общество*.) В конечном счете, реализовав все эти деструктивные тенденции антиразвития, пост-индустриальный мир рискует оказаться миром, так сказать, и *постсоциальным*» [63, с. 42].

Приведенный мрачный прогноз, вернее, его основание, заключающееся в деструкции производства и деиндустриализации целого ряда стран, опровергается марксизмом, трактующим кризис производительных сил общества как предпосылку для революционного сбрасывания «старых одежд» — изживших себя капиталистических

производственных отношений — и замены их новыми, дающими простор «постиндустриализму». Поэтому прогноз марксиста Р.О-винникова звучит более оптимистически: «Нынешний регрессивный цикл в истории человечества займет скорее всего жизнь целого поколения. Это порядка трех десятилетий. И, считая с 1989 года — обвала социализма в Восточной Европе, — мир не прошел еще самую низкую точку этой откатной волны. Следовательно, на ближайшее будущее весьма вероятны продолжение отступления перед оголтелым империализмом, реколонизация им определенной части планеты и лишь затем пойдет медленная перегруппировка сил, возникновение миролюбивых коалиций. Только где-то к 2016–2020 годам Китай выйдет по ВВП на первое место в мире, обогнав США, а Индия — на четвертое или даже третье, обойдя Японию. И это будет знаменитым переломом» [64].

Если прогнозы подобного рода имеют дедуктивное происхождение и основаны на историческом оптимизме марксистского мировидения, то синергетический подход к трактовке причин и возможных последствий инволюционной конвергенции более взвешен, нейтрален и многовариантен. Одной из его версий является положение о возможности «хреодного эффекта». Согласно синергетическому подходу, в исходные принципы которого вписываются селекционная парадигма «спонтанного порядка» Ф.Хайека и «кумулятивная причинность» Т.Веблена (по сути «самопричинность», исключая внешние детерминанты), точки бифуркации могут быть отправным моментом движения общественных явлений либо по оптимальному («правильному»), либо по неоптимальному («ложному») пути в зависимости от вектора предпочтений и выборов. Выбор пути, оказавшийся неоптимальным, и создает «хреодный

* Российский ученый А.Н.Нестеренко дает следующее определение этому понятию: «Хреодный эффект означает, что в силу случайных причин то или иное явление может начать развитие по неоптимальному пути, причем чем дальше продолжается такое развитие, тем труднее «свернуть» с выбранной траектории. Селекционный отбор, таким образом, не действует или его результаты становятся заметны лишь в исторически отдаленной перспективе. Явление продолжает развиваться по первоначальной траектории, даже если она в конечном счете тупиковая» [65, с. 83].

эффект» (от греч. *chre* – предопределенный, обреченный и *ados* – путь)*. Помимо фактора случайности (ошибки выбора), хреодный эффект характеризуется двумя специфическими для него моментами: во-первых, латентным и кажущимся оптимальным по своему характеру развитием явления на первоначальных его этапах; во-вторых, трудностью выхода из той исторической «колеи» развития, в которую попало это явление уже на позднем этапе очевидной несостоятельности избранного пути.

Эта синергетическая версия, разумеется, не исчерпывает всего богатства развития или социальных изменений в человеческом обществе – много в ней, по меньшей мере, спорного или даже несостоятельного, в чем сейчас неуместно разбираться, – но наверняка феномен изначальной «обреченности» существует в человеческой истории, и в данном случае он характеризует смысл и содержание бесперспективности инволюционной конвергенции. Есть немало оснований считать, что понятие инволюционной конвергенции характеризует структурную динамику процесса, а понятие хреодного эффекта – его состояние и конечный результат. В этом их взаимосвязь. Важным же в познавательном отношении в данной синергетической версии является, на мой взгляд, признание наличия в поворотных периодах истории точек бифуркации и выбора «траекторий» пути. В нашем случае такими точками являются критические фазы возможного обновления социализма, продвижение его на новый уровень («совершенствование хозяйственного механизма») и возможности дальнейшего произрастания внутри социалистического общества капиталистических начал («перестройка») и их победы. Соответственно в каждой из этих образовавшихся точек выявились в зародыше два противоположных по своей направленности пути: от *первой* («социалистической») точки развития советское общество могло двигаться либо к более совершенному социализму, берущему на свое вооружение цивилизационные завоевания капитализма в их превращенной форме, либо к прошлому социализму в его жестком, мобилизационном виде (к «настоящему» социализму сталинских времен); от *второй* («капиталистической») точки развития оно могло двигаться либо к развитому капитализму с высоким уровнем государственной регуляции экономики и ориентацией на решение

социальных проблем, либо к изначальному, классическому капитализму с его стимулирующими человеческую активность конкуренцией, жестоким антагонизмом и продуктивным рынком. По обозначенной выше терминологии такими альтернативными путями были: *капитализированный социализм — модернизированный феодализм; социализированный капитализм — неоконсервативный либерализм.*

В политической борьбе 1980–1990 годов перевес оказался на стороне капиталистического выбора. Причем эффект инволюционной конвергенции смешал все карты «хреодного эффекта», совершенно не предусматривавшего возможности негативного синтеза точек бифуркации. Выбор социализма с «железной рукой» в условиях кризиса аппаратно-командной экономики обернулся грабительским либерализмом, по существу диким капитализмом олигархов, а выбор «социально ориентированной рыночной экономики», то есть капитализма в условиях отношений общественной собственности — модернизированными феодальными порядками. При всей взаимосвязи с инволюционной конвергенцией хреодный эффект не исчерпывает ее вероятных последствий и не обрекает на безысходность исторический путь «неоптимального» развития, ибо не исключено, что феодализм властей и либерализм собственников в силу своей обоюдной непродуктивности придут, в конце концов, к взаиморазрушению, к порождению того тектонического удара, от социального сотрясения которого Украина, как и многие другие постсоветские страны, выйдет из хреодной колеи на путь иного развития — капитализированного развития по образцу Китая, Белоруссии, Венесуэлы со своей «украинской спецификой».

Для большинства украинских обществоведов правоцентристского или социал-демократического толка наиболее приемлемым является путь *к социализированному капитализму.* Многие из ученых левой ориентации в качестве такового признают *капитализированный социализм.* Но если последний имеет под собой убедительные и реальные основания, то первый не подкреплен никаким фактическим подспорьем. Более того, он лишен исторической логики, ибо прежде чем иметь в своем доме «социализированный капитализм», необходимо иметь в качестве предшествующих ему ступеней просто ка-

питализм, затем, как результат длительной эволюции, — развитой, цивилизованный капитализм, и только после этого общество может претендовать на социализированный капитализм (если в этом будет какой-то резон!).

Говоря о реальных основаниях капитализированного социализма, следует иметь ввиду прежде всего исторический опыт Китая, воплотившийся в модели «социализма с китайской спецификой» и частично описанный мною выше. Английский эксперт по Китаю Нолан определил эту специфику следующим образом: «Во-первых, планирование экономического роста с помощью использования рынков. Во-вторых, комбинирование стимулов для отдельных лиц при предотвращении возникновения господствующего класса капиталистов с большими концентрациями личного богатства и, наоборот, предоставление возможностей для тех, кто находится в менее благоприятном положении в социально-экономическом плане» [цит. по: 66]. Известный идеолог «социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопин в конце 70-х гг. напутствовал своих сограждан: «Рискуйте, не бойтесь использовать плюсы капитализма. Какой прок в ярлыках «капиталистический», «социалистический»? Главное — эффективное развитие производительных сил, повышение экономического уровня» [цит. по: 67].

Тут есть над чем призадуматься. Если механизмы администрирования не срабатывают, а ориентация на гуманизм, духовность, коллективизм в условиях крайне слабых темпов роста экономики способна лишь привести к застою и «равенству бедных», то, вполне очевидно, что возвысить человеческую духовность на уровень «реального гуманизма» возможно лишь путем временного отступления от принципов человечности, духовности и коллективизма в сторону конкуренции и рынка. Само это отступление исторически призвано лишить последние (конкуренцию и рынок) свойств жестокости и цинизма, присущих их капиталистическим (частнособственническим) формам. Такова, может быть, не совсем привлекательная, но реальная диалектика «соединения противоположностей». Посетивший Китай и тщательно изучивший опыт проводимых в нем реформ президент Российской акционерной агростроительно-промышленной корпорации В.М.Видьманов писал, что понятие «китайской

специфики» предполагает «широкое внедрение в народное хозяйство товарно-денежных отношений и конкуренции, постепенную демократизацию общественной жизни, без посягательств на ключевые приоритеты общественной собственности, на решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии в обеспечении неуклонного роста уровня и качества жизни народа» [67]. Конкретизируя эти механизмы «капитализации», он продолжает: «Целевыми посылками преобразований были: ограничение чрезмерной централизации и администрирования, «делеги-рование прав вниз» путем расширения хозяйственной самостоятельности территорий и предприятий; стимулирование развития коллективных и индивидуальных мелких предприятий; плановое расширение сферы рыночных отношений и сокращение сферы директивного планирования и распределения; снятие строгих ограничений на рост заработной платы. Все это имелось ввиду производить без кардинальных изменений в системе собственности» [там же].

При сопоставлении этих стратегических программных установок и удавшегося опыта их реализации* с опытом горбачевской «перестройки» не составляет особого труда заметить, что «капитализация» по-китайски, при всех ее издержках, осуществлялась и осуществляется в рамках социалистических алгоритмов, основ и способов хозяйствования и политики, в то время как «горбостройка» нарушила зыбкую грань, отделявшую «рыночный социализм» от частно-

* После 3-го Пленума ЦК КПСС в 1978 г. правительством Китая была разработана долгосрочная программа построения социализма с китайской спецификой: на первом этапе (1981-1990 гг.) намечалось удвоить валовый национальный продукт и на этой основе решить проблемы питания и одежды. Второй этап (1991-2000 гг.) ставил задачу добиться четырехкратного увеличения ВВП по сравнению с 1980 г., с тем чтобы привести Китай к «относительному процветанию», а благосостояние народа вывести на уровень среднего достатка. Третий этап (2001-2050 гг.) нацелен на достижение уровня развитых стран и реализацию основных задач модернизации экономики. Цели первого этапа в основном были достигнуты к концу 1980-х годов, второго — выполнены досрочно в 1995 году. В связи с этим потребовалось уточнить ориентиры последующего развития (составлена, новая программа — «Программа-2010», предполагающая не только создание «сравнительно современной рыночной экономики», но и ее интернационализацию).

собственнического рынка, и превратилась в уродливо-феодализированный капитализм. Похоже, что из всех республик в бывшем Союзе только Белоруссии удалось избежать участи феодально-капиталистического монстра. Неслучайно между Китаем и Беларусью постоянно развиваются и крепнут экономические и политические связи*.

Закономерен вопрос: почему политики и теоретики партий власти настырно стараются протащить в реформаторскую практику модель «социализированного капитализма» и всячески обходят вниманием модель «капитализированного социализма» со всеми ее несомненными преимуществами? Вокруг этого вопроса в течение долгих

* Вот некоторые подтверждения сказанному. На сегодняшний день между Беларусью и Китаем подписано около пятидесяти документов, заложивших основы тесного сотрудничества двух стран во всех сферах жизни. Главным из них является декларация о стратегическом партнерстве двух стран. За пять лет (1997-2001 годы) ежегодный белорусско-китайский товарооборот возрос в пятикратном размере и приблизился к двумстам миллионам долларов. Во время последнего визита Цзян Цземина в Беларусь обсуждался вопрос о резком, до пятисот миллионов долларов, увеличении ежегодного товарооборота. В Беларуси зарегистрировано 46 совместных предприятий с участием китайского капитала. Единый подход к важнейшим событиям и проблемам мировой политики зафиксирован в Совместном информационном коммюнике (июль 2001 г.). По признанию бывшего руководителя администрации президента Л.Синицина (отноюдь не питающего симпатий к президенту), А.Лукашенко «буквально очаровал» китайского лидера, с которым у него «много общих взглядов» по принципиальным вопросам [68].

лет существует заговор молчания. Очевидно, нашим реформаторам небезразлично, какого цвета кошка будет ловить им мышей.

ГЛАВА 4

УКРАИНА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

4.1. Эффект идеологического отката и метаморфозы рыночной политики

Идеи экономической либерализации общества зародились еще в недрах «развитого социализма», когда все более зримыми становились его противоречия между настоящей потребностью ускорения экономического развития за счет НТП и неприспособленными для их удовлетворения сложившимися хозяйственными структурами. Плановый диктат и порожденный им монополизм предприятий, централизованно-бюрократические механизмы регулирования экономической деятельности, попытки добиться эффективности производства экстенсивными методами, примитивный эгалитаризм социальной политики обернулись утратой советским обществом внутренних импульсов к кардинальному самообновлению, что, в свою очередь, привело к появлению теневой экономики, с одной стороны, и усилению социальной апатии трудящихся классов — с другой. Такое положение способствовало превращению ценностей социалистического общества в очевидные абсурды, когда коллективизм, помноженный на советский патриотизм, исподволь превращался в обезличенный социоцентризм, исполнительская дисциплина — в беспрекословное послушание и безынициативность, авторитет идей и моральных принципов — в авторитарность и помпезную апологетику, социальные гарантии — в уравниловку и иждивенчество. Ко-

варная диалектика подобных превращений подвела общество к той критической черте, за которой гипертрофия социальных ценностей начала бросаться в глаза, провоцировать двойную мораль и массовое лицемерие и когда, в конце концов, произошел *идеологический откат* от социалистических ценностей к ценностям капиталистическим, от социалистической идеологии к идеологии буржуазной.

Идеологический откат (или отталкивание) от обесцененных ценностей как социальное и социально-психологическое явление, нередко наблюдаемое в истории, в определенной степени отражает своеобразный «закон экстремизма»: чем в большей мере люди теряют доверие к тем идеалам, нормам или принципам, которые они разделяли или исповедовали, тем с большим чувством разочарования и с большей энергией обозленности шарахаются они в иные крайности, усваивая вместо одних псевдоценностей другие. В конце 1970-х — начале 1980-х годов в Советском Союзе все чаще стали давать о себе знать явления идеологического отката, в полной мере проявившиеся во времена горбачевской «перестройки». Именно тогда определенные слои населения, и прежде всего молодежь заметно метнулись от социоцентризма и уравнительного коллективизма к грубейшим формам социального эгоизма; от конформистского послушания и безынициативности — к делячеству всех видов и масштабов, теневому предпринимательству и звериной конкуренции; от идеологии эгалитаризма и социально-личностного нивелирования — к идеологии элитаризма и снобистского стремления «выйти в свет» по меркам преуспевающего «цивилизованного» Запада; от извращенного пресловутого «коммунистического мировоззрения» — к худшим образцам социал-дарвинизма и философии ковбойского либерализма; от идеологического единомыслия — к безбрежному «плюрализму мнений». Было бы ошибкой, однако, видеть в откатных идеологических явлениях только специфику общественной психологии, массового сознания. Очевидно, в подобных явлениях в нашем случае обнаруживается действие тех объективных закономерностей, смысл которых заключается в необходимости компенсирующей роли интеллектуально-волевой самодостаточности (а, стало быть, и эгоизма), столь недостающей советским людям в условиях коллективистской самоуспокоенности и беззаботного патер-

нализма. Ведь никакими другими мотивами и причинами невозможно объяснить появление в сознании немалой части людей тяги к предпринимательскому индивидуализму и частнособственническим отношениям в конце 1980-х и начале 1990-х годов, что повсеместно засвидетельствовано социологическими исследованиями. Думается, что у этого явления еще более глубокие социально-исторические основания. Суть их в следующем. Прежде чем человек осмыслит второстепенность, призрачность, псевдоценность богатства, материальных благ, он должен *переболеть* обладанием вещей. Только после этого у него вырабатывается иммунитет к вещизму и он способен возвыситься до того социокультурного уровня, который предначертан ему мировой историей. Всякие попытки выйти на этот уровень «досрочно», минуя фазу вещизма, обречены на провал, что и произошло с нашим советским обществом с его исключительными установками на идеократические ценности и идеологическое бессребреничество. Порицать и тем более цинично осмеивать эти установки («Дубиной в рай!») сегодня никак не гоже, ибо их преждевременность вовсе не означала их ненужность. Они нужны в качестве той духовной основы, на которой, переболев вещизмом, грядущее человечество способно будет перейти к созиданию новых, высших гуманистических ценностей. Неровности же и откаты, попятные движения — лишь свидетельство того, сколь сложен и подчас иррационален путь к новым ценностям.

Феномен происшедшего у нас идеологического отката вызывает ассоциации с литературной метафорой, употребленной еще в 1960-е годы известным певцом и артистом Леонидом Утесовым в его статье, посвященной проблемам музыкальной жизни советского общества. В 1950-е годы жанр легкой музыки не пользовался особой популярностью у «ответственных за идеологию» партийных руководителей и цензоров. Хрущевская «оттепель» сняла запреты на этот жанр — и легкая музыка вмиг заполонила эстраду, вытеснив с подмостков «серьезную», классическую музыку. И тогда патриарх отечественной эстрады, народный артист Советского Союза Л.О.Утесов счел необходимым выступить против опасного крена в сторону музыкальной легковесности. В своей статье под необычным названием «Тургенев» и легкая музыка» он описал сцену, которую ему в моло-

дости довелось наблюдать в одесской городской акватории. Между центральной пристанью и загородным пляжем курсировало угловое суденышко под названием «Тургенев». Отъезжающие на пляж, прощаясь с берегом, скапливались на правом борту – и пароходишко делал такой опасный крен, что капитан вынужден был в рупор предупредить пассажиров об угрожающей опасности и просил их перейти на левый борт. Пассажиры в панике бросались к противоположному борту – «Тургенев» делал опасный крен влево. Разумеется, пассажиры тут же бросались к правому борту. И, таким образом, резюмировал автор, в продолжение всего рейса на раскачивающемся пароходишке пассажиры металась то вправо, то влево. Этот пример-метафора может характеризовать если не весь исторический путь российской (в том числе и украинской) истории, то, по крайней мере, наиболее известные ее периоды – от преобразований Петра Великого и до наших дней.

Движение общества в постоянных шараханьях от одной крайности к другой – свидетельство отсутствия надежных и прочных его основ в хозяйстве, социальных институтах, политике, праве, духовной жизни людей, наконец в самой их ментальности. Заключаются ли причины этого явления в этническом характере населяющих (населявших) Россию народов и наций, в их менталитете, или кроются они в противоречивом сочетании географических условий, исторических обстоятельств и экономического развития общественной жизни – вопрос крайне сложный и нерешенный. С поразительной точностью, хотя и не без утрирования, особенности восточнославянского менталитета определил П.Я.Чаадаев в известных «Философических письмах». Имеет смысл напомнить некоторые из его высказываний. У нас, писал мыслитель, «нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свой стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам <...> Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мер-

твого застоя <...> Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда <...> Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас <...> В нашей стране нет исторической памяти, потому что мы начинаем каждый день с чистого листа, а потому обречены на то, чтобы повторять одни и те же ошибки» [1, с. 41, 42–44, 47]. Приведенные характеристики восточнославянской ментальности, высказанные в первой половине XIX века, вполне приложимы к нашей современности. Расстоптав, отбросив ценности социалистического общества, *ничего положительного от них не оставив*, адепты и трубадуры новых, «подлинно человеческих» ценностей призывают сегодня российский и украинский народы начинать «с чистого листа» или «с нуля».

«Нулевая концепция», столь популярная в начале и середине 90-х годов истекшего столетия, несостоятельна и одновременно крайне противоречива по своей функциональной роли. С одной стороны, она обладает притягательной силой, поскольку дает возможность честолюбивым национальным политикам и реформаторам претендовать на роль первооткрывателей и героев, призванных — наконец-то! — раз и навсегда поставить точку в бесконечных метаниях и поисках стабильного общественного порядка (и как тут не отметить широко озвучившую эту концепцию песню «Новая Россия», претендующую на государственный гимн, в исполнении Екатерины Шавриной, с нарочитой торжественностью провозглашающую: «Хватит нам жить в залог, все с нуля начиная», смысл которой напоминает призыв некрасовского персонажа из поэмы «Современники»: «встрепенуться и Русь полюбить!»). С другой стороны, девиз «Начнем с начала, начнем с нуля» приобретает жалкий и комический вид в нескончаемой череде широко известных амбициозных и бесплодных начинаний и не может не отвращать от себя глубоко и реалистически мыслящих политиков. Похоже, однако, что украинских идеологов «нулевая концепция» больше привлекает, нежели отталкивает. В теоретических изысканиях отечественных ученых она про-

должает служить исходным базисом для постановки диагноза, построения прогнозов и определения путей и способов движения Украины в загадочный «цивилизованный» западный мир. В.Хорошковский, например, во времена своего кратковременного взлета уверенно постулировал: «Украине приходится закладывать основы государственного устройства, функционирования новой экономической системы, правового режима, военной доктрины, определять свое место в Европе и современном сложном мире если не с нуля, то с азов» [2, с. 17]. Созвучная процитированному концепция «чистого листа» продекларирована в книге Анатолия Гальчинского «Обраним шляхом»: «Вполне понятно, что весь комплекс наисложнейших проблем системных преобразований приходилось и поныне приходится решать, как говорится, на марше с чистого листа, без надлежащего научного и экспериментального обеспечения» [3, с. 8]. «Без надлежащего научного и экспериментального обеспечения» концепция «чистого листа» априори провозглашает существующий режим, обслуживающую его идеологию и скороиспеченные модели «системных преобразований» бесспорным и однозначным велением времени. Еще более резко и категорично продекларировал в одном из своих выступлений (февраль 1993 года) необходимость «нулевого» (и даже сверх того!) подхода председатель Центра рыночных реформ в Украине В.Лановой, заявивший, что Украина начинает свой исторический путь в будущее «с уродливой, безобразной, ненормальной экономики, которую десятилетиями мордовали вожди и монолитная партия». Мы начинаем, продолжал он далее, «с безнравственного, духовно убогого и зажатога запретами общества, если говорить серьезно, даже не с нуля, а с минуса». Начинать «с нуля», «с азов», «с чистого листа» (и тем более с «минуса») в плане научной методологии — значит становиться на путь известного зрящего отрицания, полнейшего разрыва с прошлым, нарушения связи преемственности, выпадения из целостного, взаимосвязанного ис-

* Дело здесь вовсе не в марксистской философии с ее принципами «повторяемости», «якобы возврата к старому» или «связи преемственности». Современные институционалисты США и Западной Европы и те понимают всю несостоятельность «нулевой концепции», противопоставляя ей принцип path dependence — принцип зависимости от прошлого.

торического процесса, нравится он вам или нет*. А поскольку выпадение подобного рода абсолютно невозможно, то «нулевая» концепция при первой же попытке ее реализации обнаруживает свою абсурдность и беспомощность, а ее приверженцам ничего другого не остается, как испачкать чистый лист теми тонами и красками, которые бы представляли собой полную противоположность прежним. Так возникает логика черно-белого мышления: если предмет деятельности (или исследования) оказался не белым, то он обязательно должен быть черным (не красным, не синим, не зеленым, не в полосочку, а именно черным!). Если «государственная собственность» (вернее было бы говорить о *государственной форме общественной собственности*) обнаружила свою несостоятельность (как таковая или на определенном этапе своего развития, в определенных условиях?), то, стало быть, необходимо ее похоронить раз и навсегда, прибегнув к панацее тотального «разгосударствления». Если социализм в определенных исторических эпизодах своего формирования допустил (или допускал) массовые репрессии, то, стало быть, он плох от начала и до конца, плох по самой своей сути, и поэтому — долой его и да здравствует его противоположность — капитализм. Если одна шестая земного шара воспринималась или считалась «империей», унитарной супердержавой, то все ее изъяны, стало быть, могут быть устранены только мельчайшим ее дроблением, безграничной суверенизацией. Эксплуатируя черно-белую логику, антитезы подобного рода можно продолжать и продолжать. Таким образом, «нулевая» концепция — продукт релятивистской псевдометодологии, начисто лишенной внутренней логики, — находит свое спасение в логике антитезы, логике черно-белого мышления, которая легко выводит ее в разряд далеко не новой концепции крайнего антикоммунизма.

Эффект идеологического отката, о котором идет речь, вызван, однако, не силлогическими, а в конечном счете конкретно-историческими причинами. Одной из таких причин является охарактеризованная выше инволюционная конвергенция, представляющая собой социально-экономический откат общества к ранее пройденным фазам или этапам своего развития в видоизмененных, модернизированных формах. В связи с этим уместно привести высказывание

одного из российских журналистов-аналитиков: «...Начало XX века принесло с собой мощные контртенденции. Вначале победа Октября сломала безраздельное до этого господство капитализма и создала ему социальную альтернативу. В дальнейшем с укреплением социализма был надежно перекрыт путь к развязыванию мировых войн. Еще одно: перед лицом социалистической альтернативы капитализм после Второй мировой войны был вынужден изображать «человеческое лицо» — пойти на значительные уступки трудящимся. Наконец, рухнула вековая позорная система колониализма. На этом парадокс века, однако, не закончился. С разрушением Советского Союза пошло попятное движение. Было взорвано величайшее препятствие для военного решения проблем империализмом. Соответственно, им был взят курс на реколонизацию планеты, постановку ее вновь под западный контроль. Пошла вразнос социальная защита на Западе. В целом современный империализм регенерировал все свои «первобытные» черты начала XX века с неизбежными резко отрицательными последствиями для подавляющей части человечества» [4].

С приведенным высказыванием можно соглашаться или нет, но что здесь вряд ли способно вызвать сомнение, так это утверждение о попятном движении, откатной волне истории. Она очевидна. И ее рефлектирует откатная волна в идейно-политической, идеологической жизни постсоветского общества. Рефлектирует, разумеется, не зеркально и синхронно, а с присущей ей особой амплитудой колебания, с возвратными волнами на фоне общественно-исторического долговременного отката. Это видно хотя бы из того, как граждане Украины выражали свое отношение к прежнему, советскому обществу и к нынешнему, «постсоциалистическому» на разных этапах его «реформирования». В 1990–1994 годах идеологический откат был явно заметен буквально во всех сферах общественной жизни. В 1990 году 60% киевлян считали, что «идеи коммунизма окончательно себя исчерпали», в 1991-м таких граждан было уже 65%; 76% опрошенных разделяли точку зрения относительно необходимости вхождения Украины в лоно экономически развитых «цивилизованных» стран [5, с. 105–106]. Пожалуй, это было самой крайней точкой идеологического отката вправо, в сторону антикоммунизма и либерализма. Подобные «откатные» тенденции наблюдались, в частности, в от-

ношении граждан к роли государства в регулировании экономики (почти забытая сегодня панацея «разгосударствления»), к формам государственного устройства (безбрежная суверенизация), к духовной жизни общества («плюрализм мнений»). В этот период (1990–1994 годы) доходило даже до смешного, когда откатные волны относили общество ко временам дремучего архаизма — воскрешению наименований улиц столетней давности, написанию «еров» и «ятей» в названиях ресторанов и магазинов, ношению старомодной одежды и обуви, не говоря уже о карикатурных попытках реставрации монархии.

Когда абсурдность всех этих и других крайностей стала очевидной и понятной, *откат* по логике здравого смысла и, видимо, в соответствии с логикой или законами равновесия (функционирования) систем, на определенной фазе своего затухания стал *накатом*, то есть возникло новое попятное движение в обратную сторону — к недавно попорченным социальным институтам и отброшенным ценностям. Если образные аналогии имеют научный смысл, то анализируемую ситуацию уместно сравнить с «поведением» пушки или гаубицы во время выстрела. По известному закону механики ствол пушки после выстрела «летит» в противоположную от снаряда сторону: происходит откат. Чтобы «полет» ствола не разорвал пушку, конструкторская мысль изобрела тормоз отката (сжатие специальной жидкости в цилиндрах), который переводит энергию отката в энергию наката. Вследствие этого происходит как бы новый взрыв, но вперед летит уже не свободный снаряд, а неотделимый от пушки ствол. Чтобы не позволить стволу «вылететь», создается тормоз наката (накатник) и, таким образом, энергично движущийся ствол оказывается как бы зажатым с двух сторон тормозами и, постепенно «усмиряясь», приходит в нормальное, исходное положение. Очевидно, в человеческом обществе также происходит нечто подобное, поскольку здоровые, конструктивно работающие его политические силы — будь то левые или правые — всегда осуждают экстремизм. В самом общем виде методология реалистического и конструктивного политического мышления обычно сдвигает левых слегка вправо (Ленин и НЭП), а правых — слегка влево (сторонники «смешанной экономики»). Единственное, что принципиально отличает при этом левых (марксистов) от правых (буржуазных и буржуазно-демокра-

тических политиков), заключается в том, что правые видят в этом сдвиге гармоничный синтез жизнеспособных элементов социальных полярностей, тогда как левые – снятие отрицающей стороной процесса отрицаемой его стороны («с удержанием всего положительного» последней).

Целый ряд эмпирических исследований, прежде всего мониторинговых, проведенных за последние годы в Украине Институтом социологии НАН Украины в рамках проекта «Украина на рубеже XXI столетия», Центром «Демократические инициативы», Центром информационных технологий «Социальные перспективы», показывают, что после интенсивного идеологического отката, пик которого приходится на 1990–1992 годы, в массовом сознании граждан Украины произошло постепенное его затухание, после чего образовалась обратная волна в их настроениях, социальном самочувствии и политических оценках. Так, по нашим данным, на вопрос «Вспомните, каким было Ваше отношение к самой идее приватизации накануне ее проведения (в 1990–1991 гг.)» ответы в категорической форме были такими: «положительным» – 23,3%, «отрицательным» – 9,1%. На последующий вопрос «Как Вы относитесь к этой идее сейчас?» ответы оказались совершенно иными: 13,9% и 20,0%. В сфере регулирования национальной экономики также наблюдается тенденция «наката» [6, с. 18; 7, с. 306; 8, с. 571]. Небезынтересна в этом плане следующая динамика показателей (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Отношение населения к различным ситуациям

Какой экономической ситуации в стране Вы отдаете предпочтение?	удовлетворения потребительского спроса							
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Низкие цены, но существует дефицит товаров	26,7	31,0	34,6	32,3	31,6	37,0	35,9	34,3
Высокие цены при отсутствии дефицита и очередей	29,2	27,8	24,9	24,9	23,7	20,0	20,6	23,8
Трудно ответить	42,3	39,8	40,6	42,6	42,4	40,7	41,5	40,4

При устойчиво сохраняющемся большинстве колеблющихся или равнодушных нетрудно заметить откат от признания приоритетной роли рыночного механизма по сравнению с ролью государственного регулирования в 1994 году (29,2% против 26,7%) к совершенно противоположной позиции, начиная с 1995 года. В соответствии с этим прослеживается и тенденция падения доверия к рынку и роста желания граждан вернуться к экономике доперестроечного периода, что видно из таблицы 4.2.

Таблица 4.2

Отношение населения к экономическим

преобразованиям в Украине

Как Вы относитесь к экономическим преобразованиям в Украине?	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
<i>Нужен полный переход к рынку</i>	29,6	27,8	23,9	20,3	20,0	20,7	22,5	20,8
<i>Необходимы некоторые изменения</i>	21,4	19,0	23,6	24,1	23,8	23,0	28,3	28,8
<i>Необходимо вернуть экономику в то состояние, в котором она находилась до начала перестройки</i>	30,9	34,8	33,6	38,0	39,0	38,5	30,4	33,2
<i>Другое</i>	2,5	2,5	2,4	14,9	13,6	3,6	2,8	3,1
<i>Трудно ответить</i>	15,1	15,9	16,5	14,9	13,6	13,4	15,5	13,4

Примечание: в последующих опросах, начиная с 2002 года, этот вопрос был снят.

В приведенных данных прослеживается не только усиление «ностальгических» тенденций, но и устойчивая установка граждан на поиск некоторых иных, нестандартных методов и способов реформирования экономики, в отличие от тех, которые были заложены в первоначальных его моделях (вторая позиция). С 1997 года замечен определенный скачкообразный рост признания необходимости иных методов и способов реформирования (позиция «Другое»). В сочетании с некоторым усилением второй позиции это признание может свидетельствовать о том, что параллельно новой откатной волне

«возвращения к социализму» движется волна признания правомерности поиска «третьего пути» развития экономики, выросшего из столкновения двух схлестнувшихся, противоборствующих волн. Эта позиция становится все более заметной. На вопрос *«Каким, по Вашему мнению, должен быть общественно-экономический строй в Украине?»* в 1998 году было получено следующее распределение ответов:

<i>Социалистический строй, как в СССР</i>	25,3%
<i>Капиталистический строй, как в США</i>	19,8%
<i>Как в Венгрии или Польше в 1970-е годы</i>	5,5%
<i>Рыночный социализм, как в Китае</i>	2,0%
<i>Как в Швеции, где государство регулирует отношения распределения</i>	35,9%
<i>Затрудняюсь ответить</i>	8,3%
<i>Иные высказывания</i>	2,5%

(Нельзя при этом не отметить, что в наиболее промышленно развитых регионах распределение ответов на аналогичный вопрос выглядит несколько по-иному, как, например, в Луганской области: хотели бы жить при общественном строе, как в СССР, 42,5%; как в США — 4,6%; как в Швеции — 15,9% [7, с. 84]. Хотя «треугольник» держав «СССР—США—Швеция» остается доминирующим во всех случаях, тем не менее в восточных регионах предпочтение отдается «возвращению к социализму».)

Зафиксированным умонастроениям граждан соответствуют и научные оценки отечественных ученых, прежде всего экономистов, сложившейся в настоящее время идеологической, политико-экономической ситуации в Украине. Если в солидных научных журналах 1990—1992 годов наиболее расхожим понятием было «разгосударствление экономики», то начиная с 1997 года оно фактически исчезло в этих журналах. Откат идеологической волны в сторону «свободного рынка», дерегуляции экономики, подмявшей под себя почти всю академическую науку, закончился накатной волной к концепции регулирующей роли государства.

К чести многих экономистов шараханий в их позициях не наблюдалось ни раньше, ни сегодня. Не принял идеи «разгосударствления» академик И.Лукинов, заявивший, что «нет оснований утверждать, будто бы с переходом к рыночной экономике государственное регулирование вообще не нужно» [8, с. 8]. А последовательный сторонник рыночной экономики академик Ю.Пахомов вынужден был взять под защиту идею регулятивной роли государства в этой экономике: «Государство в переходных условиях берет на себя не только то, что вообще не может регулировать рынок, но и то, что он пока что не может взять на себя из-за неразвитости или же неадекватности действий рыночных регуляторов... В условиях, когда и государство, и рыночные (самонастроенные) регуляторы ограничены в своих возможностях, единственно эффективным вариантом регулирования экономики является соединенная, взаимодополняющая сила государства и капитала (то есть частного бизнеса)» [9, с. 76–77]. Функции государства при этом заключаются в «прокладывании рельсов» посредством разработки долгосрочных проектов, в видении всей панорамы народного хозяйства, позволяющего вовремя делать быстрые маневры и предотвращать опасность падения. Рыночный же механизм является более инерционным, зато действенным в отношении критериев движущей силы интересов и мотиваций [там же]. Высказываний подобного рода компетентных и авторитетных ученых (причем ученых-«рыночников»!) можно привести множество.

В отличие от последовательных «государственников» немало и таких ученых, в ком заговорил здравый смысл (или конъюнктурные соображения) лишь в самое последнее время и кто готов сегодня призадуматься над целесообразностью и состоятельностью связки государства и частного бизнеса. «На фоне шарахания от всеохватывающего огосударствления к всестороннему дерегулированию экономики необходимы научные исследования, направленные на выяснение того, каким должен быть государственный сектор в условиях смешанной экономики», — такими заявлениями реабилитирует, к примеру, Е.Ставровский экономическую роль государства в развитии постсоциалистического общества. Возвратная волна после отката 1990–1992 годов наблюдается в позициях докторов экономических наук Д.Богини и Г.Волынского, которые пишут: «На наш

взгляд, этап «либерализации» (то есть сокращения экономических функций государства) в Украине (как и в России) чрезмерно затянулся без объективных на то оснований, а поэтому привел к ряду негативных последствий, усилив стихийный характер многих переходных процессов. Вполне очевидно, что на современном этапе рыночных реформ экономическая роль государства должна существенно возрасти» [10, с. 12]. Бывший председатель Фонда государственного имущества Украины М.Чечетов и директор департамента ФГНУ Н.Жадан со знанием дела заявили: «Политика трансформации собственности путем резкого тотального ограничения роли государства в экономическом регулировании, производстве товаров и предоставлении услуг, финансовой поддержке предприятий при условии неразвитости рыночных регулирующих механизмов привела к резкому обвалу экономики Украины в начале 90-х годов прошлого века... Не секрет, что такая политика была в значительной мере спровоцирована влиянием извне, не последняя роль относительно которого принадлежала МВФ» [11, с. 4].

Точка зрения на государство как инструмент не только экономической политики, но и самой экономики разделяется сегодня большинством ученых Украины. Остановка за малым: решить вопрос о том, каким должно быть это государство. Должно ли оно по-прежнему выполнять роль «ночного сторожа», обеспечивать неприкосновенность частной собственности, составлять правила игры на традиционных конкурентно-предпринимательских, либеральных началах и следить за их соблюдением? Или оно призвано ограничивать либерализм, пресекать его индивидуалистическую алчность и ставить во главу угла «экономику участия», приоритет социальных программ и «всеобщее благоденствие»? Или, наконец, оно призвано покончить с либерализмом, поставить его в подчиненное положение, отдав преимущество общественной и/или коллективной формам собственности, то есть стать продвинутым на новый политико-организационный уровень социалистическим государством? Классическая триада налицо. Аналогично социально-экономическим началам, конституирующим тот или иной общественный строй, политическая организация общества также предстает сегодня в альтернативах социалистического, либерально-классического и социально-демок-

ратического государства. Качнувшись в сторону либеральной государственности, научно-политическая правящая элита украинского общества с началом XXI века переживает обратный откат от идеологии и политики либерал-демократизма к идеологии и политике социальной демократии. Даже косный Л.Д.Кучма, еще будучи Президентом, выступая 29 марта 2001 года на съезде УСПП, вынужден был признать: «Украине необходим переход от неолиберальной к институциональной модели развития с сильным государственным регулированием» [цит. по: 12]. Поначалу абстрактные декларации «социально ориентированной» экономики без определения строгих и четких ее критериев и механизмов реализации социальных программ начали уступать место попыткам решать проблемы «благополучия каждого человека» методами демократического этатизма [13, с. 4]. Эти последние легли тогда в основу проекта программы «Украина–2010», подготовленного правительственными органами совместно с учеными НАН Украины. На конференции в Киеве (3–4 марта 1999 года), посвященной обсуждению этого проекта, сквозной линией проходила идея «объективной необходимости государственного регулирования инновационного развития рыночной экономики» [там же]. Резче стала звучать критика монетаристской блокады гиперинфляции как несостоятельного шараханья от либеральной «шоковой терапии» к грубому волюнтаристскому способу подавления процесса обесценивания денег: «...из одной крайности в другую — искусственное стеснение денежной массы, без реальной сбалансированности ее с объемом товарной массы» [8, с. 10]. Логика «общенационального интереса» в монетаристской модели, на первый взгляд, безупречна: казалось бы, подавление инфляции за счет деинфляции денег и других мер создавало возможность и предпосылку обращения финансовых потоков, прежде всего инвестиций, на сферу непосредственного производства, роста (а затем и удешевления) товарной массы, повышения зарплаты, социальных льгот и т.д., в чем было заинтересовано все общество. Однако повернуть эти потоки на производственную сферу в ее полуразрушенном состоянии для финансового капитала, доставшегося нуворишам легкой ценой, означало большой риск потерять деньги (особенно в условиях неплатежеспособности подавляющей части населения). Вот

почему монетаристская версия выхода из экономического тупика оказалась несостоятельной в государственной политике.

Идеология рынка все более становилась духовным камуфляжем грабительской практики как крупного бизнеса, так и паразитирующего на нем государственного чиновничества — эта спевка двух социальных сил получила у нас название «кучмизма». Именно этот последний поставил во главу угла политическую доктрину «государственного регулирования», как того действительно требовали исторические условия, но поставил не ради выхода из не в меру затянувшегося кризиса, а ради обоюдного обогащения и взаимной легитимации преступного бизнеса и преступной власти. Накопившаяся обозленность людей этим преступным альянсом произвела революционный всплеск, который пришелся по нраву тем, кто в свое время был отторгнут от денежной кормушки и уже давно вынашивал реваншистские планы. «Оранжевая революция», происшедшая в осенне-зимний период 2004 года, — явление сложное и неоднозначное. С одной стороны, в ней участвовали и активно заявили о себе последовательные противники преступного олигархического капитала и государственной коррупции, мелкобуржуазные и пролетарские слои населения, приверженцы политики социальной демократии, «честной» и «справедливой» буржуазной власти. С другой стороны, к ней потянулись массы реваншистски настроенных предпринимателей и государственных политиков, о которых речь шла выше. Интересы тех и других совпадали в ниспровержении кучмовского режима, то есть в негативной фазе «оранжевой революции», но они постепенно начали расходиться на той фазе действий нового режима власти, которая по меркам революционных требований должна была бы иметь конструктивный характер. Два провозглашенных лидерами «революции» лозунга: «Бізнес повинен бути відокремленим від влади» (В.Ющенко) и «Багаті повинні поділитися з бідними» (Ю.Тимошенко) обозначили идейно-политические контуры деятельности новой власти — сплав этатической утопии с принципами перераспределения произведенных ранее богатств. По существу все это оказалось далеко не новым! Ведь и во времена правления Л.Кучмы то и дело звучали лозунги и призывы к тому, чтобы *принудить* финансовых олигархов... возратить народу наgrab-

ленные капиталы. Если у одних эта «конструктивная» мысль проводилась довольно осторожно и завуалированно («Следует искать собственный путь выхода из кризиса не за счет интересов людей, а за счет включения всех резервов и источников, способных поднять национальную экономику и обеспечить ее развитие. Такие резервы в Украине есть, и большинство из них известны (по крайней мере, в средствах массовой информации и с высоких трибун о них неоднократно говорилось), но использовать их на практике пока что не удалось») [14, с. 20], то другие напрямую говорили о смысле этих до сих пор не использованных «резервов»: «Правительство должно на легитимной основе заставить представителей новой буржуазии поделиться с государством той частью дохода, которая идет на удовлетворение их личных (и в том числе – паразитических) потребностей. Это позволит регулярно выплачивать заработную плату бюджетникам и существенно повысить помощь незащищенным слоям населения» [10, с. 14].

Ничего принципиально нового в лозунгах и принципах новой власти, как видим, не появилось. Разве что вместо ученых мужей эти лозунги и принципы стала провозглашать новая власть. Резонно поставить вопрос – и перед учеными-экономистами, решительно призывавшими прежнюю власть «заставить представителей буржуазии поделиться с государством», и перед уже новой властью, требующей того же: как, какими конкретно способами, приемами, действиями можно заставить богатых поделиться с бедными? Как, каким образом государственную политику можно отделить от бизнеса и наоборот? Фактически вразумительно ответить на все эти вопросы невозможно, как невозможно сослаться на факты «дележа» или «отделения». Идейный рупор «оранжевых», газета «Народне слово» в одном из своих выпусков поместила статью И.Туровского «Триумф слабости». В ней говорилось: «На Майдане украинцам обещали, что будет положен конец объединению бизнеса и власти в одном лице, то есть чиновники перестанут быть бизнесменами, а бизнесмены покинут правительственные кабинеты. Однако, глядя на некоторых министров, читая их выступления в прессе, создается впечатление, что до «расставания» власти с бизнесом в нашей стране еще очень далеко. Даже наоборот, после победы революции не-

мало оранжевых и оппозиционных предпринимателей перестали прикрывать свои богатства» [15]. «Покинувшие» бизнес чиновники, конечно же, не роздали свои богатства неимущим: есть много проверенных способов того, как припрятать свое дело. Что же касается «дележа», то здесь возможны два ответа. Во-первых, богатые могут поделиться с бедными посредством тех или иных государственных институтов, но только тогда, когда видят в этом резон, выгоду для себя. Если «отстегнутый» капитал способен увеличить обороты, расширить сферу деятельности, сделать выгодные вложения, создать дополнительный спрос на рынке товаров, усилить позиции государства, нации и, наконец, создать положительный имидж в общественном мнении, то почему бы и не поделиться! Но, и это важно подчеркнуть, подобный «дележ» возможен только в условиях процветающей конъюнктуры, в условиях экономического роста и успеха, чего в Украине нет. Во-вторых, требование «заставить поделиться», как предлагают некоторые авторы социал-демократического толка, звучит смешно, ибо «экспроприация экспроприаторов» не может осуществиться на легитимной, то есть «законной» основе в буржуазном государстве. Понимание необходимости подобной экспроприации сочетается у таких авторов с полнейшим непониманием невозможности легитимных способов ее проведения (да еще с использованием при этом механизма *буржуазной* государственности!). Поэтому, оставаясь на позициях эволюционного синтеза атрибутов и ценностей капитализма и социализма, ученые традиционной социал-демократической ориентации со своими отвлеченными теоретическими построениями выглядят более последовательными, нежели те «радикалы» из их числа, которые требуют от буржуазного правительства применения революционных мер.

В этом плане господа А.Гальчинский и М.Павловский, продекларировавшие в свое время необходимость соединения позитивных начал капитализма и социализма, не допускали и мысли о принуждении разжиревшей верхушки «поделиться» нагребленным с государством. Капиталистическая собственность для А.Гальчинского священна и неприкосновенна, однако нуждается в дополнении ее конструктивными приобретениями социалистической системы: «Движение к социализированному капитализму менее болезненно. Здесь не нужно осуществлять политику «выжженного поля» — разрушать

все «до основания». Большевизм в экономике в данном случае ни к чему. Напротив, здесь необходим экономический плюрализм, сохранение всего того конструктивного, которое доказало свою жизнеспособность и перенесено на практику западной системы». И в конце концов с горечью констатирует: «Мы уничтожаем и это» [16, с. 7]. В унисон сказанному звучали и призывы М.Павловского к кейнсианскому пути выхода Украины из тупика — к построению общества «социализированного капитализма», о чем уже говорилось выше. Попутно заметим, что при всей непримиримости к коммунизму известный украинский философ М.Попович также близок к идее «социализированного капитализма», когда в своей книге «Европа — Украина. Правые и левые» счел необходимым заявить: «Нужно быть справедливым: социалистическое движение щедро отдавало даже своим противникам присущие ему идеи и цели, и если бы не его гуманистические ценности, образ Запада, образ Европы был бы сегодня существенно иным» [17, с. 10].

Критикуя концепцию «социализированного капитализма» и ее авторов, необходимо отдать им должное в том отношении, что в их теоретических построениях отсутствует умозрительная схема «третьего пути», конструкт формального усреднения «положительных свойств» противоположностей: здесь все остается на своих местах — есть *капитализм* с вмонтированными в его структуру видоизмененными социалистическими началами, и есть *социализм*, включающий или долженствующий включить в себя жизнеспособные (и также претерпевшие существенные изменения) атрибуты капитали-

* Находятся, правда, ученые и политики, которые подразумевают под «третьим путем» фашистскую (коричневую, красную, красно-коричневую) диктатуру. Так, согласно В.Шляпентоху, диктаторский режим «с сильной национал-социалистической тональностью» — вариант «третьего пути», который угрожает современному российскому обществу [18]. Однако нацизм, по строгим научным меркам, никак не может вписываться в социализм или «соединять частную собственность с социализмом и агрессивным национализмом», как это представляется В.Шляпентоху, ибо речь идет о вещах принципиально несоединимых (частный и общественный типы собственности, крайний национализм и интернационализм). Нацизм как «третий путь» оказывается всего-навсего властью крупного финансового капитала, способного «купить нацию».

стического общества. Пресловутый «третий путь» при такой реальной исторической дихотомии — это *либо* социализированный капитализм, *либо* капитализированный социализм. Альтернатива поставлена жестко, и третьего не дано*. А.Гальчинский, М.Павловский и, очевидно, М.Попович последовательно отстаивали и отстаивают идею социализированного капитализма — в этом содержательность и полноценность их концепции, которую можно *либо* разделять *либо* оспаривать, противопоставляя ей не версию «третьего пути», а концепцию «капитализированного» социализма или социализма как такового. Максима о находящейся «посередине» истине далеко не всегда состоятельна.

На вопрос корреспондента телевидения о том, к чему ближе нынешний режим власти — к социализму или капитализму, Юлия Тимошенко, еще будучи премьером, ответила выпендренно и не совсем внятно: дескать, капитализм и социализм — это «лабораторные понятия», в действительности же нет ни того, ни другого, а существуют различного рода их соединения в зависимости от исторических обстоятельств и времени. Иными словами, опять же «третий путь» и модель «смешанной экономики». Если внимательно присмотреться к режиму «оранжевой» власти, то скорее всего это смесь *мелкобуржуазного* (крестьянского, «эсеровского») *социализма* и *этического капитализма* в качестве конкретной формы, вернее, попытки реализации модели «смешанной экономики».

Ограничиваясь констатацией своей приверженности идее обновленного (или обновляемого) социализма, в заключение подчеркну главное, что вытекает из проделанного анализа.

Во-первых, за весь период существования «независимой» Украины так называемый «курс реформ» со всеми его зигзагами и шараханьем, его содержание и направленность обусловлены не столько объективными потребностями преобразования экономической жизни общества, производственных отношений, сколько экстремизмом идеологического отката, политическим экстремизмом, подмявшим под себя жизнеспособные элементы и ценности социалистического общества и возродившим худшие архаические черты раннего капитализма в самой уродливой их форме.

Идеологический откат, обусловивший принципы и основания государственной политики, по-разному происходил в массовом сознании тех или иных групп и слоев общества. Для коррумпированного госпартчиновничества и закамуфлированных под хозяйственных руководителей полукриминальных предпринимателей он сводился лишь к завершающей фазе легализации уже сформировавшейся в их среде рыночной (буржуазной) идеологии. Для большинства трудящихся слоев, недовольных господствующим положением бывлой партократической и хозяйственно-управленческой верхушки, этот откат двигался главным образом от обанкротившейся псевдоколлективистской (к тому же предельно заидеологизированной) уравниловки и морали бессребреничества к «желудку» каждого и материально осязаемому групповому эгоизму. Что касается интеллигенции, включая студенческую молодежь, то именно в ее среде проявилась наибольшая амплитуда отката от идеологии очищенного от капиталистических привнесений социализма к идее либерализации экономики, конституированной на началах свободы самоопределения и независимости личности. При всем расхождении и разнообразии путей и способов отталкивания от социалистической идеологии разные слои общества так или иначе двигались в сторону рыночной идеологии, подогревая и усиливая ее экстремизмом этого отталкивания.

Идеология свободного рынка, которая в процессе своего формирования так и не приобрела целостного характера и при общности некоторых своих существенных черт фактически осталась конгломератом, держалась преимущественно на единстве негативного отношения большинства общества к «командно-административной системе». Таким образом, ее консолидирующим основанием изначально был *негативизм*, при отсутствии или эфемерности конструктивных (позитивных) начал означавший внутреннюю слабость и недееспособность этой идеологии.

Во-вторых, в массовом сознании после первой волны *отката* наблюдается, начиная с 1995–1996 годов, волна *наката*, своего рода ностальгическая реабилитация социалистической (коммунистической) идеологии. Происходит интенсивный процесс обратного, контрреформационного идеологического и социально-психологического движения в сторону бездумно проигнорированных ценностей и кон-

структивных начал социалистического общества (то, до чего не додумались ретивые реформаторы, задним числом осмыслил народ), после чего с 1999 года фиксируется ослабление накатной волны и усиление синтезирующих («примиряющих») начал в восприятии людьми современного социального мира. Традиционная острота идеологической конфронтации социализма с капитализмом заметно уступает место их противоречиво-продуктивному взаимодействию, переосмыслению исторического опыта советской формы социализма и активных, индивидуалистических начал капитализма, что, в конечном итоге, не исключает новых и более мощных накатных волн.

В-третьих, проводимые «реформы», даже сама смена общественного строя осуществились бы более продуктивно (насколько позволяют его возможности и рамки!) и с меньшими человеческими издержками, если бы реформаторы и их идеологические наставники не пошли путем тотального отрицания ценностей, гуманистических завоеваний прошлого, наконец, «правомерности» самой реальной истории Советского Союза. Не будучи сторонником капитализации украинского общества (как и всех других постсоветских республик), автор тем не менее считает, что этот процесс был бы более продуктивен, если бы политические лидеры «перестройки», своевременно использовав опыт экономических реформ в Венгрии (как это сделал Китай), предотвратили партноменклатурную контрреволюцию в СССР или если бы постсоветские реформаторы вовремя приостановили полный демонтаж социализма и огульный разгром социалистических ценностей, признав непреходящую значимость *хотя бы отдельных* их сторон и элементов и проявив при этом мудрость диалектического подхода к историческому процессу (отрицание—удержание—снятие).

Возможно, несколько утрируя дух и смысл всех этих явлений на постсоветском пространстве, российский писатель и журналист Юрий Поляков высказал мысли и предположения, над которыми нельзя не задуматься: «Я уверен, постепенное, косное такое, противоречивое развитие будет идти таким образом, что мы будем оглядываться и говорить: о, еще одна часть социализма вернулась! И еще, и еще!... Ведь уже сейчас стало заметно: немало из того, что в 1991-м

почти однозначно подвергалось осмеянию и улюлюканию, теперь воспринимается, в общем-то, вполне нормально... Так что в моем представлении социализм будет возвращаться к нам постепенно» [19].

Схожую мысль, но более обстоятельно и аргументированно, высказывает Михаил Антонов: «Если первая половина XX столетия прошла под лозунгом социализма и коллективизма в разных его формах, то во второй — взяли верх настроения индивидуализма. Но теперь наступает его закат, и маятник снова качнулся в сторону обобществления производства... Ведущие страны мира вступили в эпоху постиндустриального, информационного общества, когда в сфере услуг создается большая доля валового национального продукта, чем в сфере производства товаров. Коллективизм был разрушен появлением персонального компьютера, индивидуализму положат конец мощные сетевые серверы» [20]. Наконец, еще одно мнение — академика РАН С.Пронина, раздвигающего исторический контекст «возвращения социализма» до глобального масштаба: «...Во многих странах мира продолжается движение к социализму, обретающему «второе дыхание» посредством модернизации социал-демократических моделей общественного прогресса в западноевропейских странах, синтетической монопартийной и моноукладной модели социализма в Китае и ряда других модификаций. Между тем наши доморожденные антисоциалисты опираются либо на устаревшее, либо фальсифицированное видение ряда глобальных тенденций. Им представляется необратимым влияние неоконсервативной волны в обществоведении и социально-экономической политике ведущих стран Запада 1960—1980-х годов, известное, в частности, под лозунгами «рейганомика», «тэтчеризм» и т.п. При этом замалчивается, что «экстремистские» идеи безусловного приоритета повышения эффективности производства (роста капитала) над приоритетами социального развития теперь используются в основном не для внутреннего пользования, а как экспортный продукт, то есть, например, в качестве рекомендаций МВФ для развивающихся стран, а также и для «стран с переходной экономикой» [21].

«Возвращение к социализму» как накатная волна истории — это не реставрация партноменклатурных бурбонов (и тем более не возврат к репрессиям, ГУЛАГам и голодоморам, чем любят страшить обывателей антисоциалистические СМИ). Войти дважды в одну и ту

же реку невозможно. Но и невозможно при этом обойтись без того, что Гегель однажды назвал «якобы возвратом к старому». Со старым (дивергентным) социализмом — в худших его чертах и ограниченностях — покончено. Социализм нового уровня, обогащенный завоеваниями и приобретениями капиталистической цивилизации, с трудом и упорством, с муками и отступлениями прокладывает себе дорогу.

4.2. Панацея предпринимательской активности

Не в последнюю очередь идеологический откат, о котором шла речь выше, коснулся оценки такого явления, как предпринимательская активность. В партийных документах 1980-х годов уже витал призрак этой активности, получивший тогда название «социалистическая предприимчивость». Реакция на безынициативность и слепое исполнительство, обусловленные в первую голову догматическим планированием, экстенсивными методами хозяйствования, безусловно, не ограничивалась возрастанием популярности идей предприимчивости и индивидуальной экономической активности: на практике она вылилась в быстрый рост теневого бизнеса и нелегального предпринимательства («делячества») партийно-государственного управленческого сословия. Но сам факт резкого идеологического отката в сторону либерально-буржуазной предпринимательской активности уже к началу 1990-х годов свидетельствовал о том, что одиозная фигура дельца была не только полностью реабилитирована в моральном и политическом отношении, но даже героизирована. О смене идеологических стереотипов того времени в 1992 году с иронией писал Юрий Манн: «И уже складывается новый канон: предприниматель, чье сердце источает потоки альтруизма. Этот канон приходит на смену прежнему: капиталист непременно как изверг и кровопивец. Поскольку мы ничего не делаем вполсилы, то легко предвидеть появление на экзаменах на аттестат зрелости новых тем: «Капиталист как подлинный положительный герой в русской литературе» (вариант: «...в прогрессивной зарубежной»). Или: «Предприниматель как борец за народное счастье». Присмотритесь к нравственным понятиям и общественному мнению капиталистических стран: там есть свои противоречия, которые сегодня мы стараемся не замечать; свои сложности и болезни, которые мы усердно

приукрашиваем. Но в чем надо отдать им должное, так это в том, что вещи называются своими именами. Предприниматель там приобретает, а не служит идеалу. Капиталист делает деньги, а не повышает духовность. Если он и помогает общему делу, то, как говорил публицист «Вех», в качестве «бессознательного орудия Божьего дела на земле». Но ближайшие цели у него при этом вполне прозаичные, «свои» [22].

Пониманию этих очевидных истин изначально был чужд национальный менталитет народов России и Украины. Идеологический откат, усиливаемый СМИ, довел до такой степени героизацию фигуры предпринимателя, что даже сами отечественные деловые люди, при всем грубом прагматизме мотивации своей не очень-то легитимной деятельности, уверовали в собственную высочайшую благодетельную миссию (или, подыгрывая общему либерально-идеологическому настрою, ловко разыграли таковую). Выступая на I Всеукраинском съезде предпринимателей в марте 1993 года, президент акционерного товарищества «Украинская финансовая группа» Валерий Бабиц в своем докладе заявил: «Нас, предпринимателей, привела на этот съезд глубокая боль за судьбу талантливого, трудолюбивого народа, который может оказаться не в состоянии себя накормить, одеть, обогреть» [23]. Стремясь ко «всемирному благу», независимые предприниматели курсивом выделили в своей «Программе Союза независимых предпринимателей» слова: *«Невозможно построить богатое государство с бедным народом. Богатые нации — это, прежде всего, богатство ее граждан, всех тех, кто своей целенаправленной и активной деятельностью создает национальное богатство и обеспечивает своими действиями удовлетворение потребностей производства и населения»* [24]. Подобного рода декларации — а их было немало — вместе с тем сопровождалась тревогой и сетованиями тех же «независимых предпринимателей» на то, что народ их не понимает и не приемлет. Валерий Бабиц, воздав хвалу «талантливому народу», тут же не преминул упрекнуть его в превратном понимании «альтруистической» сущности предпринимательства: *«...Мы с горечью наблюдаем, что у населения все еще сохраняется образ предпринимателя как бездельника или спекулянта, делающего деньги за счет эксплуатации людей»* [23]. В 1995 году мы в своих исследованиях (массовый опрос населения по всеукраинской выборке) решили проверить, что в действительности думает население о предприни-

мателе и, в частности, как люди оценивают приписываемую им версию Валерия Бабича об образе предпринимателя «как бездельника и спекулянта». В результате была получена следующая картина:

«Предприниматель — это прежде всего собственник, который стремится с помощью своего труда и способностей использовать принадлежащую ему собственность для получения прибыли». Согласны с этим суждением 69,0% опрошенных, не согласны — 17,0%;

«Предприниматель — это ловкий спекулянт и делец, умением и хитростью присваивающий себе результаты чужого труда». Согласны — 31,0%, не согласны — 54,0%;

«Предприниматель — это скорее не собственник и не спекулянт, а талантливый человек, умеющий выдвигать новые идеи и решать сложные экономические проблемы с пользой для себя и для общества». Согласны — 61,9%, не согласны — 13,4%;

«Предприниматель — это прежде всего хороший организатор и руководитель, способный управлять людьми и добиваться экономического успеха». Согласны — 68,2%, не согласны — 13,4%*.

Данные красноречиво свидетельствуют, что в перечне возможных представлений о предпринимателе «образ бездельника и спекулянта» стоит на последнем месте. Более того, народ не только отдаст должное продуктивным и творческим достоинствам предпринимательства, но, экстраполируя свои прежние представления о государстве-патроне на новоявленных благодетелей в облике предпринимателей, ожидает от них той же заботливости и попечительства, которые были присущи социальным институтам Советской власти. Выходит, что упреки в адрес населения по поводу его превратных представлений о предпринимательстве совершенно беспочвенны. Исследования далее показали, что на вопрос *«Как население Украины относится к предпринимательской деятельности?»* респонденты, то есть само население, в гораздо меньшей мере (47,7%), чем предприниматели (65,0%), отметили негативный вариант ответа («без одобрения» и «скорее без одобрения»). По результатам другого на-

* Процентные распределения даны по каждому из вариантов (100% = согласны с данным мнением + не согласны + затрудняются ответить).

шего исследования (1997 года) 74,2% населения «одобряют в принципе развитие частного предпринимательства» и только 18,6% «не одобряют».

Таким образом, взаимоотношения предпринимателей и большей части населения Украины на первых этапах развития предпринимательства характеризовались неадекватностью взаимного восприятия: население, преимущественно наемные работники, студенты и учащиеся в большинстве своем питали иллюзии относительно спасительной миссии предпринимательства, тогда как сами предприниматели, явно или неявно исповедующие принципы «войны всех против всех», несправедливо навешивали на положительно настроенных по отношению к ним людей ярлык врагов и недоброжелателей. Но, может быть, такие стереотипы характерны только для вчерашнего дня? Ничего подобного. Молодой предприниматель из Киева, глава компании «Финансы и кредиты» (он же – заместитель председателя Святошинской райадминистрации по вопросам экономики промышленности и предпринимательства) Александр Пабат, позже (2002 год), сетовал и заверял: «Я буду все делать, чтобы изменить менталитет людей, большинство которых считает, что к власти рвутся, чтобы набить карманы. Лично я работал в бизнесе 9 лет, не голодный и не босый, к власти пришел, чтобы помочь району и городу использовать ум и опыт для быстрого преодоления экономического кризиса» [25]. Психологически такая ситуация вполне объяснима: на воре шапка горит! Зная самих себя лучше, чем кто-либо другой, зная все о действительных мотивах своего поведения и подлинных неблагоприятных и отнюдь не очень-то гуманных стремлениях, предприниматели-натуровики не питают иллюзий в отношении чистоты своих помыслов, и эту свою циничную, недекларируемую самооценку экстраполируют на умонастроения других, доверяющих им людей.

В связи со сказанным возникает ряд вопросов: что же, в таком случае, представляет собой предпринимательство как таковое? Какие наблюдались и наблюдаются в истории типы, разновидности, модели предпринимательской деятельности? Что представляет собой предпринимательство в современной Украине (и является ли оно вообще таковым)? И, наконец, способны ли отечественные пред-

приниматели выполнить ожидаемую от них миссию «спасения народа Украины»?

В отношении первого вопроса в современной социологической литературе существуют определенность и ясность. Предпринимательство — это прагматически мотивированная деятельность по экономическим нововведениям. По общепризнанному мнению ученых, наиболее всестороннюю и глубокую характеристику этому явлению дал австро-американский экономист и социолог Й.Шумпетер. Согласно его классическому определению, быть предпринимателем — «значит делать не то, что делают другие» и «делать не так, как делают другие» [26, с. 199]. «...Функция предпринимателя, — писал он позже, — заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать структуру производства посредством использования изобретений, или, в более широком смысле, посредством реализации неиспытанных технологических возможностей для производства новых товаров широкого потребления или производства старых товаров новым способом, посредством открытия новых источников снабжения материалами или новых рынков сбыта, или посредством реорганизации промышленности и т.д.» [27, с. 171].

Из приведенного определения следует, что предпринимательство концентрирует в себе пять основных инновационных функций: 1) производство новых (или улучшение качества существующих) товаров; 2) внедрение новых методов производства; 3) открытие и освоение новых рынков, в частности для продвижения экспорта на новые территории; 4) завоевание новых источников поставок сырьевых материалов или полуфабрикатов; 5) создание промышленных организаций нового типа, в том числе трестов (концернов) или других видов монополий. Во всех случаях квинтэссенцией предпринимательства является нововведение (инновация), что и составляет его специфику как экономической деятельности. При этом важно отметить, что инновация не является изобретением, а представляет собой всего лишь нововведение. Если суть изобретения состоит в *создании* нового, то суть инновации — в *применении* нового. Сказанное отнюдь не означает, что нововведения — это сугубо репродуктивная деятельность: наоборот, предпринимательство как инновация всегда связано с творчеством и риском, ибо сам «внедренчес-

кий» процесс требует известной финансово-экономической и организационно-управленческой изобретательности [там же].

Предпринимательская деятельность, будучи инновационной по своей природе, не исчерпывается экономическими и организационными нововведениями. Степень, или мера ее инновационности зависит от того, на какой фазе технологической цепочки она (инновационность) осуществляется, в какой «точке» экономического цикла пребывает. Технологически предпринимательскую деятельность можно расчленить на: 1) поиск изобретения, его стимулирование; 2) поисковые, пробные нововведения; 3) монопольное, или первичное тиражирование нововведения; 4) его диффузию; 5) рутинизацию (стандартизацию) нововведения*. В этой технологической цепочке только первые три фазы представляют собой классическую инновационную деятельность, четвертая и пятая это фазы, в которых предприниматель-инноватор превращается в предпринимателя-хозяина (или уступает ему место). Фигура предпринимателя-инноватора наиболее типична для динамичных периодов развития капиталистического общества, его обновления, крутых исторических поворотов, тогда как предприниматель — «просто хозяин» — более заметен в периоды статичного кругооборота. Первый «строит дорогу», идет «против течения»; второй идет по проторенному пути, «плывет по течению». И все же это ипостаси одного и того же делового человека, который может существовать во множестве лиц, но может существовать и в одном лице.

Поскольку изначальная функция предпринимательства состоит в комбинировании множества сил и средств, субъективных и объективных факторов экономики и производства, многоликость предпринимателя закономерна и неизбежна. Предприниматель может быть собственником, но может и не быть им. Тем не менее ни одно инновационное или рутинное предприятие не обходится без капи-

* Согласно Шумпетеру, технология предпринимательства представляет собой «триаду» (изобретение—нововведение—диффузия, или распространение). В современных условиях, когда индустрия изобретений возвысилась до системы НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), эта «триада» модифицировалась в более сложную технологию: НИОКР—изобретение—инновация—экономический рост и развитие [28, с. 76–94].

тала — кредитов, инвестиций и финансового риска. Единым для предпринимателей является и главный мотив их деятельности — получение прибыли, идет ли речь о личном обогащении, увеличении основного, «работающего» капитала или создании благотворительных и прочих фондов.

Оставляя в стороне вопрос о типологизации предпринимательской деятельности, остановимся на рассмотрении двух, как мне представляется, наиболее важных в современный период ее аспектах — на предпринимательстве в зависимости от уровня его институционализации и на приоритетной роли в предпринимательской деятельности ее экономической или социальной значимости.

В институциональном уровне предпринимательства можно выделить такие его типы, как свободное (независимое) предпринимательство, осуществляемое, как правило, индивидуальным способом; корпоративное предпринимательство и государственное предпринимательство. Уровневый признак предпринимательской деятельности фиксирует как степень интегрированности (обобщественности) экономической жизни общества, так и определенные фазы экономических циклов. В период мелкоукладности, элементарных технологий и слабой структурной интеграции производства, когда степень хозяйственной автономии отдельных предприятий достаточно высока, свободное и независимое предпринимательство обладает широчайшими возможностями развития и преуспевания. В стабильных же экономических системах с высоким уровнем технологического и организационного обеспечения, с четко отрегулированными хозяйственными связями и налаженной инфраструктурой свободное предпринимательство все более уступает место корпоративному и государственному, направленному на решение стратегических задач и постановку крупномасштабных целей, имеющему дело с рутинизацией экономических функций и стандартизированным менеджментом, с информационно и технологически обеспеченными пакетами *ноу-хау* и разветвленными службами НИОКР. Таким образом, инновационная функция предпринимательства по мере ее восхождения на новые ступени производственно-технического и экономического прогресса, с одной стороны, уступает место репродуктивным функциям менеджмента и воспроизводства, с другой — переходит на новый, более сложный и более масштабный

уровень своего проявления. Как только процесс развития экономических связей утяжеляется стандартами и четкой организацией, беспокойный дух свободного предпринимательства ищет применения за пределами упорядочения систем, в которых ему делать нечего, и обычно находит его в слабо развитых хозяйствах периферийных стран или разбалансированных социумах, ставших жертвами войн, неожиданных потрясений или внутренних кризисов. Речь идет, разумеется, не об экспансии крупного капитала, ТНК, а о «вечном духе предпринимательства», который, исчезая в благополучных странах решенных экономических проблем (в смысле обладания *ноу-хау*), появляется в неблагополучных — на зов человеческих потребностей. Однако и в благополучных странах, исчезая в форме индивидуального экономического творчества, он появляется в модификации корпоративно-государственного предпринимательства, но — увы — в худшем, как правило, социально-экономическом качестве. Если у первопроходцев либерального капитализма, «баронов-грабителей» предпринимательский дух довольно часто воплощался в откровенно грубые и жесткие формы прагматизма, то современный «цивилизованный» корпоративно-государственный дух предпринимательства всего лишь удачно маскирует свою жестокость и грубость, которые по мировым масштабам и последствиям не идут ни в какое сравнение с цинизмом первопроходцев. Если классический предприниматель-индивидуал чутко улавливал существующие или зарождающиеся человеческие, общественные потребности и, стремясь к выгоде, оперативно их удовлетворял, то предпринимательство на уровне государственного бизнеса и ТНК, используя технологии и разработки служб НИОКР, теперь само создает искусственные квазипотребности людей при помощи паблик-рилейшнз, «законодателей мод», навязчивой рекламы и других консьюмерных катализаторов. Современная индустрия инноваций не столько *ищет*, не столько изыскивает, сколько *диктует* людям, что, когда, сколько и как им потреблять (покупать). Схема современного корпоративного инновационного бизнеса такова: создается модель нового или усовершенствованного (по меркам квазипотребностей) товара → искусственно провоцируется массовый спрос на этот товар → происходит его мгновенный выброс на рынок в относительно короткий по конъюнктурному критерию отрезок времени → «снимаются сливки» с его продажи, после чего происходит уже никому

не нужная, вялая и малоприбыльная диффузия, а ТНК тем временем запускает в оборот очередную «инновацию». Как бы то ни было, но свободное, корпоративное и государственное предпринимательство, конкурируя между собой, тесня друг друга в разных фазах экономического цикла, одновременно дополняют друг друга, как бы деля между собой экономическое пространство на «зоны влияния».

Другим наиболее важным аспектом развития предпринимательской деятельности является типологизация по ее общественной, экономической и социальной значимости. По одной из существующих типологий — это *экономическая* и *социально-экономическая* модели предпринимательства, по другой — *экономическая*, *социально-экономическая* и *социальная*. Принимая в качестве основной первую из названных типологий, мы в свое время охарактеризовали ее следующим образом [29, с. 94–95]: *экономическая* модель предпринимательства ставит во главу угла развитие производства, эксплуатацию ресурсов, индивидуальные интересы, минимизацию роли правительства в бизнесе и рассматривает последний как замкнутую систему; своими корнями она уходит в кальвинистскую, или протестантскую этику, исходящую из примата идеологии свободного предпринимательства и максимизации прибыли на основе функционирования бизнеса (ее можно также назвать либеральной моделью); если верить американским ученым Ф.Кэсту и Дж.Розенцвейгу, она безраздельно господствовала в США с 1620 по 1930 год [30, р. 158–159]; *социально-экономическая* модель, в отличие от экономической, делает особое ударение на качество трудовой жизни, консервацию ресурсов, сбалансированность общественных и личных интересов, вовлечение государства в решение социальных проблем и рассматривает бизнес как открытую систему; генетически она связана с иудейско-христианской этикой предпринимательства, основывающейся на признании того, что деловая организация не может ограничиваться решением сугубо экономических задач и должна играть в обществе большую социальную роль, в частности в повышении уровня жизни; *экономическая* модель отражает «жесткие» стороны капиталистического общества и соответствует периоду его формирования, фазам интенсивного развития и роста; *социально-экономическая* — стабильным фазам функционирования капитализма, периоду его зрелости и предполагает последовательность

таких принципов предпринимательства, как «социальная обязанность», «социальная ответственность» и «социальная отзывчивость»; «социальная обязанность» означает заботу корпораций об удовлетворении интересов «своих акционеров»; «социальная ответственность» заключается в создании и поддержании корпоративного поведения, учитывающего интересы своей клиентуры и партнеров по бизнесу; для «социальной отзывчивости» характерно целенаправленное и непосредственно-опосредованное влияние деятельности корпораций на благополучие всего общества [29, с. 95].

Завершая беглый экскурс в теорию предпринимательства, считаем необходимым отметить характерный момент. Обильно цитируя и систематизируя положения Й.Шумпетера о сущности, признаках и функциях предпринимательской деятельности, сторонники рыночных реформ обходят молчанием одно из немаловажных его высказываний об исторических границах предпринимательства как такового. Более того, не только обходят молчанием, но и позволяют себе исказить смысл и суть шумпетеровской трактовки предпринимательства. В известной книге А.Агеева «Предпринимательство: проблемы собственности и культуры» утверждается: «Предпринимательство, по Шумпетеру, универсальная общеэкономическая функция любой общественной формации» [31, с. 7]. Но так ли это на самом деле? Открываем книгу Й.Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» и на странице 170 читаем: «Капитализм, представляя собой по сути эволюционный процесс, атрофируется. Предпринимателям нечего будет делать. Они окажутся почти в такой же

* Имеет смысл указать на различие между понятиями «предприимчивость» и «предпринимательство», о чем автор монографии писал в одной из своих работ: «Если первое является личностным качеством человека, находится в плоскости его социальной психологии, то второе представляет собой его социальный статус и функционирует в экономической среде в условиях конкурентно-рыночных отношений. Предприимчивый человек – это личность как таковая. Предприниматель – это функционер-инноватор, социально-исторический тип или разновидность предприимчивого человека, субъект предпринимательской деятельности» [32, с. 19]. Коротко говоря, если предприимчивость – это общеисторическое явление, то предпринимательство – конкретно историческое, что следовало бы подчеркнуть Й.Шумпетеру при признании им исторической ограниченности предпринимательства.

самой ситуации, как генералы в обществе, которое уверено в прочном мире... Человеческая энергия отвернется от предпринимательства. Внеэкономические дела будут привлекать умы и обеспечивать риск» [27, с. 170]. Можно оспаривать это положение Й.Шумпетера, но нельзя приписывать ему того, чего он никогда не утверждал*.

Характеристика предпринимательства, каковым оно заявило о себе в условиях породившей его капиталистической действительности, не будет полной, если не коснуться ее социально-классового аспекта. В современной социально-экономической литературе в трактовке понятия предпринимательства акцент обычно делают на его функционально-технологической стороне, что сближает фигуру предпринимателя с фигурой предприимчивого человека, по существу стирает различия между ними. Между тем социальный статус и социальные роли предпринимателя имеют те четкие формационные очертания, которые заставляют видеть в нем человека, заинтересованного в успехе, прибыли, победе над конкурентами и не гнушающегося обмана и коварства. К характеристике последних качеств нам еще придется вернуться.

Займемся теперь рассмотрением главного из поставленных выше вопросов: что представляет собой предпринимательство в современной Украине, соответствует ли оно известным в истории классическим образцам и является ли — по большому счету — таковым?

При ответе на этот вопрос не уйти от хотя бы краткого описания поэтапного становления отечественного предпринимательства в его новейшей истории. Начало оно формироваться в эпоху «развитого социализма» в теневой практике «партийно-комсомольского менеджмента» и деятельности подпольных предприятий химической, обрабатывающей, легкой и пищевой промышленности 1970–1980-х годов. Сущность советского *теневого предпринимательства* можно интерпретировать по-разному: как закономерную реакцию на пагубные издержки плановой экономики, хозяйственные диспропорции в производстве групп А и Б, на безынициативность и социальную апатию рядовых работников и руководителей; как продукт распада тяжелой и неповоротливой экономики, ориентированной не на реальные земные потребности людей, а на фетиш валовых показателей; как своеобразное дополнение экономических инноваций к эконо-

мическим стандартам планового ведения хозяйства, как «заделывание» брешей и пустот в гигантском теле народно-хозяйственного комплекса и т.д. Так или иначе, но во всех случаях советское теневое предпринимательство имело единые характерные особенности. Последние заключались не в том, что им обычно приписывалось (теневой способ ведения дела и теневой способ получения прибыли), а в том, что «свободный дух предпринимательства», его инновационный потенциал были главным образом сориентированы не столько на решение экономических вопросов, сколько на совершенствование криминальных приемов и способов превращения основных ипостасей общественной собственности (владения, распоряжения, пользования) в частнособственнические механизмы ведения хозяйства, а также на совершенствование механизма коррупции. Инновационная практика теневого предпринимательства пребывала, таким образом, более в правовом (криминальном) пространстве, нежели в экономическом. В этом вся его ущербность и, в конечном счете, бесперспективность, поскольку организационно-экономическая, то есть главная деятельность теневого предпринимательства паразитировала на теле дремлющего гиганта — социалистического производства, на его сырье и полуфабрикатах, на основных фондах и инфраструктуре.

Второй этап развития отечественного предпринимательства в его новейшей истории — это *полулегитимное предпринимательство* второй половины 1980-х годов. Получив моральную реабилитацию и право на существование, предпринимательская деятельность вместе с тем столкнулась со множеством проблем экономического и нормативно-правового порядка. Сказалась несовместимость ее легитимной формы («свободное предпринимательство») и, как следствие, резкого повышения социально-экономических масштабов с господствующей и конституирующей собой весь строй жизни общества государственной формой общественной собственности. Несовместимость просматривалась и в чисто идеологическом плане — протаскивание капиталистического механизма хозяйствования в социалистическую экономику. Коммунистическая идеократия в лице все еще господствовавших партийно-государственных структур не позволяла теневому предпринимательству полностью себя легализовать и пойти во всемерный рост во всех отраслях экономики на всех

ее уровнях. Такие политико-идеологические ограничители периода «перестройки», как «индивидуальная трудовая деятельность», «индивидуальная трудовая собственность» и т.д., с одной стороны, ужимали каналы развития «цивилизованного», или «демократического» предпринимательства, с другой — в условиях расплывчатых, двусмысленных деклараций по поводу демократизации экономики и моральной реабилитации частного предпринимательства лишь усиливали в небывалых доселе размерах и масштабах алчность теневиков, «первоначальное накопление капитала» и коррумпированность всех эшелонов власти.

Полулегитимное предпринимательство двигалось тремя потоками. Первый — это развитие самостоятельно возникших (за счет личных накоплений и сбережений) «малых форм» бизнеса, ориентированных на совмещение общественной собственности с личной (или индивидуальной) трудовой деятельностью. Предпринимательство этого рода было честным, полностью легитимным, в известной мере романтическим. Оно имело реальную основу, каковой являлась потребность производства в научно-техническом обновлении и его экономической поворотливости. Второй поток — это появление закамуфлированного под деятельность «малых предприятий» предпринимательства, якобы призванного диверсифицировать крупные государственные предприятия и объединения для повышения эффективности их работы. На самом же деле феномен «малых предприятий» был изобретен для превращения безналичных денег в наличные, для перекачки государственных средств в частные полулегитимным путем. Этот путь «предпринимательской деятельности» обогащал директорский корпус и управленческую верхушку. Третий поток — это нелегитимное, теневое растаскивание партийно-хозяйственными номенклатурщиками государственной собственности, ставшей к концу перестройки «ничейной» и поэтому легко присваиваемой. Присвоение государственной собственности происходило в условиях формального беззакония, когда финансово-экономический грабёж можно было оправдать отсутствием новой нормативно-юридической базы или утратившими силу закона «устаревшими» нормами. Правовая нормативная казуистика на различных уровнях партийной и исполнительной власти стала одновременно и полем деятельности, и механизмом предпринимательских «инноваций» новоявленных бизнесменов-нуворишей. В тех же

случаях, когда элементарные правовые нормы обойти не удалось, квазипредпринимательство нуворишей маскировалось в учреждение совместных предприятий или других законных форм отмыwania грязных денег.

Последовавший за этим третий этап развития отечественного предпринимательства — это полностью реабилитированное, обеспеченное правовыми гарантиями и государственной (а также зарубежной) поддержкой легитимное предпринимательство. Появление и развитие последнего связано с проведением либеральных экономических реформ (1991 год), изменением форм собственности и самого общественного строя — социалистического на капиталистический. Поскольку предпринимательская деятельность и ее субъективный потенциал в постсоветское время появились — в довольно специфическом и неординарном виде — раньше, нежели возникли и легитимизировались отношения частной собственности, она, эта деятельность, поначалу либо не имела под собой социально-экономической опоры, либо базировалась на суррогатах общественной, «ничейной» собственности. «Приватизация всей страны» призвана была заменить эти суррогаты на «священную и неприкосновенную» частную собственность, то есть заложить реальный и надежный фундамент полноценного, «экономически продуктивного» предпринимательства. Один из пионеров «независимого предпринимательства» в Украине, известный бизнесмен, политик, а позже Премьер-министр Украины Ю.Ехануров напрямую связывал предпринимательскую деятельность с частной собственностью: «...Основой эффективной экономики является частная собственность. Только предпринимательская сила может возродить Украину» [33].

Постулаты подобного рода можно выдвигать и провозглашать сколько угодно. Вопрос лишь в том, адекватны ли «внедряемые» в общественный организм Украины отношения частной собственности (да еще в их либеральной форме) сложившимся производственным структурам с их гигантской по масштабам технологической замкнутостью, технической оснащенностью, энерговооруженностью и высоким научным и организационным уровнем. Вопрос еще и в том, представители каких групп, слоев общества способны стать «цивилизованными» предпринимателями по меркам и моделям классического, инновационного (столь необходимого для трансформаций

в экономике) предпринимательства. Сегодня, как и вчера, на эту роль претендуют предприниматели первого и второго этапов их не столь уж продолжительной истории. Похоже, что они были и остаются главной, доминирующей силой предпринимательского корпуса. Что же представляет собой эта сила?

Наши исследования 1994–1995 годов показали, что воздав должное должному (нормативному) в предпринимательской деятельности, граждане крайне сдержанно оценили возможности появления и развития в Украине цивилизованного и продуктивного предпринимательства. На вопрос «*Позволяет ли экономическая и политическая обстановка, сложившаяся сегодня в Украине, развиваться предпринимательской деятельности?*», последовали такие ответы (в % к числу ответивших):

– <i>позволяет развиваться цивилизованному предпринимательству лишь в отдельных сферах хозяйственной жизни</i>	51,7
– <i>не позволяет</i>	22,0
– <i>позволяет развиваться только спекуляции и легкому бизнесу</i>	10,4

Возможности развития «цивилизованного» предпринимательства, как видим, оценены респондентами довольно скромно. Когда на заре «независимого предпринимательства» Валерий Бабич сетовал на то, что в сознании народа «все еще сохраняется образ предпринимателя как бездельника и спекулянта», он был бы наверняка прав, если бы к «образу предпринимателя» как такового добавил одно уточнение: «образ современного украинского предпринимателя», ибо одно дело — оценка некоего идеального образца, представляемой нормы (неважно, идет ли речь о реально-должном или мифическом) и совершенно другое дело — оценка конкретно существующего, данного явления.

Вместе с тем отношение населения Украины к предпринимательству, его развитию не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. В этом плане вызывает интерес сравнение отно-

Таблица 4.3

**Отношение населения к развитию частного
предпринимательства, % от числа ответивших**

Варианты ответов	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Полностью одобряют	22,2	20,4	23,7	20,9	24,1	23,2	26,7	25,0	15,2	13,9	13,2
Скорее одобряют, чем нет	21,4	20,5	22,4	21,7	21,2	22,9	25,1	27,3	33,0	36,2	34,0
Трудно сказать однозначно	25,0	26,2	26,6	29,4	27,6	27,5	25,0	24,6	28,7	29,5	29,5
Скорее не одобряют	15,6	15,4	14,2	14,4	13,3	14,8	13,0	12,8	10,6	11,2	10,6
Совершенно не одобряют	15,3	17,3	13,1	13,4	13,6	11,1	9,3	9,7	12,2	9,1	12,7
Не ответили	0,5	0,1	0,0	0,3	0,3	0,5	0,8	0,6	0,3	0,2	0,1

Таблица 4.4

Рейтинг доверия к частным предпринимателям, %

Варианты ответов	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Совершенно не доверяют	24,3	32,3	29,3	30,8	28,2	27,2	23,6	22,7
Скорее не доверяют	21,1	20,2	18,0	19,8	20,6	21,3	22,3	20,7
Трудно сказать, доверяют или нет	36,6	33,4	39,4	37,0	36,3	39,1	36,7	41,3
Скорее доверяют	11,9	10,4	10,4	10,1	12,1	10,1	14,4	12,9
Полностью доверяют	1,9	2,8	2,9	1,9	1,8	1,7	2,2	2,1
Не ответили	4,2	0,9	0,0	0,4	1,0	0,6	0,8	0,2

шения людей к развитию предпринимательства с рейтингом их доверия к нему (см. табл. 4.3, 4.4).

Отношение населения к развитию предпринимательства характеризуется, во-первых, доминирующими среди всех других позиций осторожностью и выжидательностью, во-вторых, преобладанием позитивного отношения над негативным и, в-третьих, устойчивым во времени характером отношения, то есть фактическим отсутствием его динамики. Несколько по-иному выглядит рейтинг доверия населения к частным предпринимателям (табл. 4.4).

Вполне очевидно, что уровень недоверия к частным предпринимателям намного и стабильно (по годам) превышает уровень доверия к ним. Таким образом, преобладание положительного отношения к развитию предпринимательства одновременно сопровождается преобладанием недоверия к его субъектам. О чем это говорит? По всей видимости, о том, что экономическая эффективность, или продуктивность предпринимательской деятельности отнюдь не означает ее моральных достоинств и социальной справедливости создаваемых ею общественных отношений. Таково объективно существующее противоречие, присущее как древнему, так и новейшему периоду истории. Выигрывая в экономике, товарном производстве, общество проигрывает в социальном плане – в защищенности своих граждан, гуманистических принципах организации человеческой жизнедеятельности и человеческих отношений, наконец в духовности. И если большинство опрошенных (см. табл. 4.5) вплоть до 2001 года выражало готовность работать у частного предпринимателя, то оно, очевидно, отдавало себе отчет в том, с кем имеет дело, и не строило иллюзий в отношении честности и добронамеренности «деловых людей».

Варианты ответов	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	Таблица 4.5 Готовность работать у частного предпринимателя («Вы лично согласились бы работать у частного предпринимателя?») %		
Нет	26,7	26,6	26,6	21,9	21,6	23,8	21,1	22,6	23,5	20,3	21,1
Скорее нет, чем да	4,8	7,5	8,4	8,1	10,6	10,0	9,6	9,8	13,3	17,2	19,3
Трудно сказать, да или нет	15,3	14,8	14,5	14,8	13,9	14,4	13,2	13,8	20,7	19,8	19,8
Скорее да, чем нет	14,7	14,5	16,2	16,7	17,0	18,1	16,6	19,8	28,0	32,4	29,6
Да	38,2	36,6	34,4	38,4	36,9	33,5	39,0	34,1	14,2	10,2	10,1

Обращает на себя внимание тот факт, что начиная с 2002 года маятник готовности работать у частного предпринимателя заметно качнулся в сторону «нет». Это может означать только одно: к сомнениям социального и морального толка у респондентов прибави-

лись сомнения экономического характера. Люди стали сомневаться в экономической продуктивности предпринимательства, его возможности «вытащить» Украину из провального кризиса и заработать на этом наемному работнику.

Типы СЭП	Этот тип поведения присущ			
	Сравнительная характеристика типов поведения населения по данным исследований 1999–2002 годов		Таблица 4.6	
	в 1999 году	в 2002 году	в 1999 году	в 2002 году
	Большинство людей	Респондентам	Большинство людей	Респондентам
Предприимчивое	12,2	25,6	47,5	25,8
Приспособленческое	63,4	12,3	54,3	33,1
Протестное	3,0	5,1	4,4	6,1
Партнерское	24,5	45,0	16,3	28,5

Другие наши исследования подтверждают сказанное (табл. 4.6).

В таблице 4.6 заметна динамика идентификаций и самоидентификаций респондентов с разными типами социально-экономического поведения (СЭП), в частности – предприимчивого. Если в 1999 году смещенность самоидентификаций респондентов с предприимчивым типом поведения по сравнению с идентификациями ими с этим типом «большинства людей» свидетельствовала о признании данного типа СЭП образцовым (эталонным), то в 2002-м картина резко изменилась: с предприимчивым типом поведения респонденты в большей степени стали идентифицировать поведение «большинства» («других») и в значительно меньшей – собственное поведение, что свидетельствует только об одном – о заметном снижении социального и экономического престижа этого типа поведения.

Приведенные факты заставляют думать о том, что отечественное предпринимательство не только не подпадает под социальный или социально-экономический его тип, но даже не доросло до либерально-экономического уровня. Дело не только в том, что экономическая эффективность предпринимательства не в первую очередь измеряется стабильностью выплаты заработной платы наемным работникам и относительно высоким ее размером (именно

относительно высоким по сравнению с ничтожно малым в агонизирующем госсекторе экономики), а в том, что измеряемая таким интегральным показателем, как рост ВВП, в современной Украине она представляется сомнительной.

Сторонники рыночной экономики и частнособственнического предпринимательства в качестве причин того, что «реформы не идут», чаще всего видят субъективные или институционально-надстроечные факторы: психологические стереотипы «советской ментальности», традиционную алчность теневиков и коррумпированность власти, несовершенство или отсутствие надлежащих законов, тормозящую процесс вхождения в «цивилизованный рынок» оппозицию левых сил и т.д. Люди, мыслящие экономическими категориями, относят к этим причинам непомерный налоговый пресс, отсутствие инвестиций (ограниченность их источников) и рыночной конкуренции (или неконкурентоспособность производимых товаров и т.д.). Менее всего при этом обращается внимание на истинные, глубинные и определяющие причины экономического провала — несоответствие искусственно создаваемых, насильно навязываемых индивидуализированных отношений частной собственности, частно-предпринимательской практики сложившейся за многие десятилетия системе общественного производства, производительных сил. То, что прежние отношения командного тоталитаризма уже не отвечали потребностям развития этого производства (его научно-технического революционирования), ни у кого из здравомыслящих людей не вызывало и не вызывает сомнения — и в этом плане использование рыночно-конкурентной активности было вполне оправданным. Но то, что подобное противоречие пробуржуазно-настроенные реформаторы, начиная с Горбачева, пытались и до сих пор пытаются разрешить неадекватными природе этого противоречия способами и средствами, также становится все более очевидным. Превратив в незыблемый постулат идею абсолютного совершенства частнособственнической рыночной экономики, идеологи и теоретики проводимых реформ, по существу, вступили на путь оголтелого волюнтаризма, проигнорировав известную, никем не опровергнутую и признаваемую даже противниками К.Маркса объективную закономерность — зависимость производственных отноше-

ний от характера и уровня развития производительных сил. Более того, в воинственно-рыночном угаре они вывернули эту известную формулу наизнанку, полагая, что сложившиеся производственные структуры (субстанцию прошлого, овеществленного труда) можно и должно подчинить желаемым ими социально-экономическим отношениям (вернее, одной из их моделей). Подобных парадоксов история еще не знала. Вместо того, чтобы следовать логическим императивам дальнейшего развития производительных сил, а именно потребностям дополнения единосвязанного высокопродуктивного, но вместе с тем косного и малоподвижного народно-хозяйственного комплекса недостающими ему гибкостью, оперативностью и подвижностью (что имело место в начале «перестройки»), отечественные реформаторы выбрали путь противоестественного, абсурдного втискивания производительных суперструктур в узкие рамки либеральных частнособственнических, частнопредпринимательских отношений.

В первом случае, то есть в варианте начатой «перестройки», предпринимательство имело (и имело бы далее, развивайся «перестройка» по первоначально намеченному пути) *дополнительный* и *подчиненный* характер: оно компенсировало издержки централизованного планирования, заделывало бреши и пустоты в системе народного хозяйства, а главное — стимулировало рост и удовлетворение повседневных потребностей людей. В перспективе это социалистическое (или демократическое) предпринимательство, имея дело с малыми независимыми или подчиненными крупным предприятиям и объединениям объектами, способно было бы стать диффундирующим экономическим творчеством, похожим по своим экономическим функциям на корпоративное или государственное предпринимательство развитых западных стран, заложившим основу для деятельности НИОКР. Так или иначе, но оно становилось или способно было стать *конструктивным* и *производительным* предпринимательством, играющим хоть и подчиненную, но вместе с тем важнейшую роль в социалистической экономике. Созданный официальными СМИ высокий имидж этой предпринимательской деятельности, а также некоторое оживление ее в период «второй волны» сделало ее общественно одобряемым явлением в самых разных социальных слоях и

группах населения, о чем свидетельствуют результаты проведенных в различное время социологических исследований. Однако попытки приписать ей исключительно определяющий характер на основе частнособственнических отношений завели общество в тупик.

Во втором случае, когда массированный поход против социализма привел не только к крайней точке идеологического отката, но и к попытке «переоборудовать» НХК под либерально-рыночную модель, предпринимательство, столкнувшись с неразрешимой для него проблемой подобного «переоборудования», вылилось в различные, чаще всего теневые или нелегитимные, формы *деструктивного псевдопредпринимательства*. На смену известным шумпетеровским пяти типам «новых комбинаций» пришла шестая — комбинация перераспределения и присвоения уже произведенных другими товаропроизводителями благ (продуктов и услуг). Этот своеобразный тип предпринимательства паразитирует на теле поверженного и беспомощного гиганта социалистического производства. Когда попытка реализации идеологии либерального бизнеса натолкнулась на консерватизм (или стабильность?) системно-интегрированного производства, выход для себя из такой ситуации она нашла в придании предпринимательской активности деструктивного характера — в разукрупнении и распылении производственных объединений, крупных предприятий на отдельные куски и части с тем, чтобы каждый из этих фрагментов стал объектом демонтажа, перепрофилирования, распродажи или искусственной диверсификации. Невзирая на то, что Президент Л.Д.Кучма еще на заре приватизации в одном из своих докладов на заседании Верховной Рады продекларировал необходимость «защиты предприятий от разрушения их целостных технологических комплексов», процесс их расклеивания продолжался и продолжается по сей день. Такая судьба в 1995—1996 годах постигла, к примеру, уникальный технологический комплекс Харьковского завода им. Малышева, специализировавшегося на производстве лучших в мире танков, дизелей для тепловозов. Комплекс был расчленен на 32 отдельных звена, непригодных для эффективного производства, но ставших вследствие этого «удобным» для растаскивания и выгодной утилизации полукриминальным бизнесом. Так системность (комплексность) былой советской экономики при помощи хищнического предпринимательства превращается в собственную противоположность — в архипелаг мелких

предприятий и производственных фрагментов, а само предпринимательство — из «созидательного разрушения» (Шумпетер) в абсолютную разрушительную силу.

Весь ход «экономических реформ» засвидетельствовал, что панacea предпринимательской активности в них не сработала. Соревнование между «цивилизованным», созидательным и криминальным, деструктивным предпринимательством закончилось победой последнего. Иллюзии демократов относительно честного, ответственного и одновременно преуспевающего инновационного бизнеса развеялись. Сетования на то, что высокие ставки налогов загоняют благонамеренных предпринимателей в подполье, не дают им развернуться, являются лишь косвенным свидетельством того, что сложившиеся производственные структуры не могут продуктивно функционировать на началах частного предпринимательства в таком режиме, чтобы государство способно было решать социальные проблемы. Непомерность налогового пресса лишь развязывает руки теневикам и махинаторам, заставляя в то же время производительное предпринимательство терпеть страшные убытки. Продавать и перепродавать готовое гораздо легче (и выгоднее!), чем использовать это готовое для расширенного воспроизводства. Очевидно, по этой причине приватизация производственных предприятий, задуманная как подспорье или материальная основа продуктивного предпринимательства, явилась, по существу, подспорьем грабительского бизнеса, основой деструктивного псевдопредпринимательства. Приведем весьма характерные цифры. По результатам нашего исследования 1993 года, «наибольшую выгоду от приватизации получают (и получают уже)*»:

- руководители предприятий	51,0%
- рядовые граждане	47,7%
- криминальные элементы	8,2%
- предприниматели	35,2%
- теневые структуры	39,7%
- никто	59,7%
	1,5%

* Сумма приведенных ниже процентов превышает 100, так как респонденты подчеркивали несколько вариантов ответа. Все ниже приведенные таблицы также построены по этому принципу.

По результатам исследований, проведенных в 1995 году, среди всех других субъектов приватизации предприниматели также занимали далеко не последнее место, хотя и не попали в «лидирующую» тройку представителей власти, руководителей предприятий, теневых структур. В 1997 году картина заметно изменилась. На вопрос

«Кто все равно получает наибольшую выгоду от приватизации предприятий?»	1,4%
последовали ответы:	38,0%
- руководители предприятий	29,8%
- дельцы теневой экономики	36,9%
- предприниматели	9,3%
- работники приватизированных предприятий	5,7%
- никто	2,4%

При заметных расхождениях в величинах распределений, обусловленных разной техникой построения вопросов, несомненным является факт значительного снижения доли голосов, отданных предпринимателям (это видно хотя бы из разницы значений процентов 1993 и 1997 годов). Приватизация в Украине как условие процветания «цивилизованного» предпринимательства не оправдала надежд и ожиданий демократически настроенных граждан, по мнению которых она обогатила только грабительский бизнес, дельцов и коррупционеров. Отсюда следует ответ на ранее поставленный вопрос: способно ли отечественное предпринимательство выполнять ожидаемую от него миссию спасения «талантливого народа»? Ответ однозначен: нет, не способно. Не способно, потому что честные деятельные предприниматели (если таковые вообще существуют) не имеют возможности реализовать свой инновационный и прагматический потенциал, а теневые дельцы и грабители производственных ресурсов стремятся только к самообогащению. Очевидно, последнее обстоятельство и повлияло на оценку населением Украины

- стремление к обогащению, жизненному комфорту	64,4%
- стремление к независимости	37,0%
- желание реализовать свои способности	26,2%
- стремление к легкому труду	21,0%

мотивов предпринимательской деятельности (по данным нашего исследования 1995 года). По мнению респондентов, преобладающими ее мотивами являются:

При всем желании морально приукрасить мотивы своей деятельности сами предприниматели не смогли уйти от признания стремления к богатству одной из движущих сил этой деятельности (наряду с другими мотивами, косвенно совпадающими с мотивом обогащения или дополняющими его). Вот эти доминирующие мотивы:

- возможность действовать самостоятельно	72,9%
- возможность реализации своих способностей	50,3%
- возможность получать высокие доходы	44,7%

Мотив присвоения, как и мотив самоутверждения путем присвоения, — суть одно и то же, особенно если речь идет о предпринимательстве грабительского толка. Наши последующие исследования не добавили ничего нового к социальному портрету предпринимателя Украины, кроме, разве что, усиления падения его престижа в глазах общественности.

4.3. «Реформирование» отношений собственности

Попытки трансформировать социализм в капитализм путем поощрительно-идеологических, политических и правовых мер по стимулированию предпринимательской активности, как мы уже убедились, обнаружили их неэффективность, что привело «реформаторов» к необходимости создания материальной основы предпринимательства — капиталистической частной собственности. Поводом для ее создания послужило то очевидное обстоятельство, что

социалистическое производство, функционирующее на началах общественной собственности, стало давать заметные сбои — кричащие диспропорции между производством средств производства и производством товаров массового потребления; явное доминирование экстенсивных методов хозяйствования над интенсивными, репродукций над инновациями, централизованно-плановых механизмов над гибкими методами определения пропорций и реальным спросом; болезненно воспринимаемые трудящимися нарушения принципа распределения по труду и т.д. Все вместе взятые изъяны и пороки социально-экономических отношений свидетельствовали о главном — о резко обострившихся противоречиях между новыми по своему уровню и характеру производительными силами развивающегося социалистического общества и сковывающими их *производственными отношениями раннего социализма* («командно-административной системой», фактической госпартноменкла-турной собственностью). Приходится повторить неоднократно высказанную мысль о том, что данное противоречие при адекватном разрешении продвинуло бы социалистическое общество на более высокую ступень его развития, а неадекватное — на долгие годы затормозило процесс выхода социалистического (а теперь уже «постсоциалистического» общества) из тупика и провала. В силу случайных или закономерных обстоятельств адекватного природе этих противоречий разрешения не произошло. Вместо революционного прорыва на новую ступень развития социализма под видом «экономических реформ» произошла контрреволюция, закончившаяся реставрацией капитализма (или ее попыткой?), в понимании большинства современных ученых того естественного, «нормального» эволюционного пути развития бывшей царской России, который в силу каких-то непонятных субъективных причин якобы был прерван в двадцатые годы прошлого века.

Отношения собственности были и остаются краеугольным камнем различия между тем или иным общественным строем, между тем или иным типом общества или, наконец, формациями. Социальные революции имеют место только там, где принципиально изменяются отношения собственности; все остальные общественные

преобразования осуществляются либо спонтанным порядком, либо путем реформирования. И когда на Круглом столе в апреле 1998 года возникла полемика между автором этих строк и его коллегой М.Д.Мищенко: является ли проводимая в Украине приватизация экономической реформой или она представляет собой буржуазную контрреволюцию?, — то участница круглого стола И.М.Попова, обращаясь к М.Д.Мищенко, сказала в мою поддержку буквально следующее: «Не могу согласиться с Вами в главном. В том, что у нас не было ни революции, ни контрреволюции. Разве это так? Разве изменение формы или типа собственности не означает революционных изменений? Разве в нашем обществе не появилась вот сейчас, в широком масштабе, закреплённая специальными законами частная собственность? Мне думается, что это настолько очевидно и понятно, что возражать против этого просто неразумно» [34, с. 66]*.

О частной собственности в её социологическом понимании стоит сказать особо, поскольку, во-первых, именно она является определяющим критерием различения одного общественного строя от другого и, во-вторых, не только в обыденном сознании людей, но и, казалось бы, в научном мышлении современных постсоветских политических лидеров и государственных деятелей фактически игнорируется в анализе этих различий.

Существуют, по меньшей мере, четыре точки зрения по вопросу собственности как таковой. Первая отождествляет собственность с частной собственностью, а последнюю — с личной собственностью или с имуществом. Согласно этой точке зрения, частная собственность, «священная и неприкосновенная», является извечным атри-

* В своем выступлении на этом Круглом столе И.М.Попова отметила: «Произошла, с моей точки зрения, номенклатурная контрреволюция с начала 1970-х годов и в 1980-е годы. Произошло сращение мафиозных структур, появился предкапиталистический класс, сформировавшийся из должностных лиц, чиновников и т.д.» [34, с. 44]. Характерно, что последовательный противник марксистской трактовки общественно-исторического процесса А.Пасхавер полагает, что «процесс модернизации в Украине по своей природе ближе к революционному, чем к реформаторскому» [35, с. 85].

бутом человеческой жизни, лишившись которой человек превращается в неполноценного люмпена. Вторая, более грамотная, означает признание различия между частной и личной, общественной и частной собственностью, между собственностью как имуществом (обладанием, в широком смысле) и собственностью как социально-экономическим отношением. Признавая эти нюансы и различия, данная позиция утверждает приоритетную и продуктивную роль в историческом процессе отношений частной собственности, но и не игнорирует полностью роли общественной, способной в ряде случаев дополнять частную. Среди ее сторонников есть два крыла: одни полагают, что между частной и общественной собственностью лежит непроходимая пропасть, другие склонны к компромиссу: при ведущей роли частнособственнических отношений они могут в некоторых случаях либо уступать свои позиции *социальной роли* общественной («государственной») собственности, либо допускать определенное смешение с ней. Третья точка зрения состоит в признании принципиального различия общественной и частной собственности и в историческом плане — в плане исторической перспективы — ведущую роль отводит отношениям общественной (общенародной) собственности.

Наконец, четвертая точка зрения служит как бы продолжением, уточнением третьей и отражает состояние и наметившиеся перспективы развития общества в новейший период истории. Согласно ей, отношения собственности характеризуются или могут быть охарактеризованы по двум признакам — по характеру присвоения и по субъекту собственности. Собственность на средства производства как общественное отношение может выступать как *трудовая*, основанная и приобретенная благодаря труду собственника, и как *нетрудовая*, основанная на присвоении результатов труда других людей, их эксплуатации. Собственность на средства производства в зависимости от ее субъекта-носителя может быть *индивидуальной*, *групповой* и *общественной*. Трудовая собственность, как и нетрудовая, могут выступать во всех этих формах, принципиально отличаться при этом друг от друга. Это отличие важно осмыслить, поскольку

ку, во-первых, часто происходит подмена понятий, когда индивидуальная форма собственности отождествляется с частной, основанной на эксплуатации чужого труда, а общественная — с общественной трудовой собственностью, что в принципе неверно*, и, во-вторых, различие собственности по двум охарактеризованным признакам определяет более широкий спектр ее форм и типов, позволяющих в пределах трудовой собственности как социально справедливых отношений обнаруживать их конструктивное и демократическое многообразие, чего так недоставало общественной собственности «реального» социализма с ее делением на государственную и колхозную (колхозно-кооперативную).

Из всего сказанного об отношениях собственности следует, что смена в обществе трудовой собственности на нетрудовую или наоборот означает революционное изменение существующего общественного строя, тогда как изменения форм собственности по признаку их социального субъекта отнюдь не влекут за собой революционных превращений. Вспомним, сколько было крика и учнейших разговоров в период «перестройки» об «индивидуальной трудовой собственности»! Затем постепенно, по мере того, как положительно стали восприниматься эти крики, появилось понятие «трудовая частная собственность» (этот явно злонамеренный кентавр по тогдашним временам выдавался за невинного ягненка!) и, наконец, когда «процесс пошел» полным ходом, всякий антураж типа «трудовой собственности» был цинично отброшен. Появившееся понятие «приватизация» вошло в обиход: в политическом отношении с социализмом было покончено и частная собственность на средства производства была торжественно узаконена в качестве «священной и неприкосновенной». Произошла противоречащая здравому смыс-

* То обстоятельство, что в специфических условиях становящегося капитализма индивидуальная трудовая собственность закономерно превращалась в индивидуальную нетрудовую, то есть частную собственность, создало во взглядах марксистов устойчивый стереотип представлений об индивидуальной собственности как о всегда и во всех случаях ведущей к ее превращению в частную или даже как о разновидности (незрелой форме) частной собственности. Но в иных макроусловиях (переходная экономика к социализму и, наконец, сам социализм) подобное превращение происходить не может.

лу и историческим закономерностям тотальная приватизация общественной трудовой собственности. Если искать в этой приватизации рациональный смысл, соблюдая научный принцип самокритичности и беспристрастности, то можно полагать (предполагать), что восстановление отношений частной собственности при усилении социально-политического контроля над ними и создании институтов их социализации (гуманизации) способно в относительно короткие сроки сформировать деятельностный механизм, столь необходимый для вывода социалистической экономики из тупика ее экстенсивности, который бы представлял собой рациональный прагматизм, индивидуальную активность и инновационную гибкость в качестве *компенсирующей* недостатки социоцентризма и идеократии меры. Но вся беда в том, что подобная компенсация происходит за пределами социализма, все более отдаляясь от него, хотя деятельностный (личностный) механизм вполне мог бы быть сформирован в результате процесса демократизации отношений бюрократизированной собственности в рамках социализма на более высокой ступени его развития, к чему уже фактически вели коллективно-хозрасчетные отношения (бригадный подряд, единонарядная система и безнарядные звенья). В силу сказанного вряд ли можно найти оправдание реставрации частнособственнических отношений в условиях высокоинтегрированных производительных сил, превзошедших отношения раннего социализма.

Пространное обоснование причин несостоятельности или «торможения» приватизационных процессов в свое время было изложено мной в статье «Приватизация в Україні: шляхи випробування», опубликованной в журнале «Віче» в ноябре 1995 года*. Поскольку в последующее время позиция автора в отношении возможностей и перспектив приватизации не претерпела существенных изменений, есть смысл повторить ее резоны.

1. Системный характер производства (народно-хозяйственный комплекс) в попытках его «перестройки» привел к системному кризису, выйти из которого невозможно, не разрушив самого произ-

* Статья не осталась незамеченной, редколлегия журнала отметила ее первой премией в качестве лучшей публикации за 1995 год.

водства и не доведя его до противоестественного состояния натурального хозяйства. На международной конференции «Социальные аспекты приватизации» (Киев, 15–16 июня 1995 года) внештатный советник Президента Украины А.И.Пасхавер провозгласил, что впереди нас ожидают негативные последствия приватизации, но вместе с тем процесс этот необратим. Подобное признание — путь к самоубийству*.

2. Производственные структуры в конце 1980-х годов состояли из строго определенных пропорций вертикально организованных групп или блоков специализированных предприятий (объединений), каждое из которых в условиях плановой системы хозяйствования занимало монопольное положение. Приступая к демонтажу промышленных «монстров», реформаторы не посчитались с тем важ-

* Прошло 10 лет после сказанного. Ситуация в Украине не обнаружила перелома к лучшему, но А.И.Пасхавер заученно повторяет свой тезис по поводу Карфагена, который «должен быть разрушен». В одной из своих «программных» статей, опубликованной в 2004 году под характерным названием «Украинские реформы, или Приватизацию никто не любит», он сетует на то, что фактически во всех слоях украинского общества сложилось негативное представление о приватизации. Но то, на что так энергично сетует А.И.Пасхавер, свидетельствует лишь об одном — об объективной непредрасположенности постсоветского общества с его хозяйственной структурой, с его сложившейся инфраструктурой и институтами, наконец, с менталитетом подавляющего большинства населения к приватизационным реформам. Автор явно хитрит: он заранее априори выдвигает постулат необходимости, неотвратимости приватизации, а затем уже, сталкиваясь с ее неприглядными реалиями, рассуждает о сложных и трудных путях осуществления приватизации в качестве заведомой неотвратимости. Вместо убедительных доказательств этой неотвратимости, необходимости он занят объяснением ее возникших и непрерывно возникающих негативов: «Не вина приватизации, что параллельно происходит гораздо более болезненный мошеннический процесс изъятия у населения реальных сбережений через финансовые пирамиды» или «Массовая приватизация как ускоритель трансформационных процессов, несомненно, усилила, расширила тот объективно обусловленный негатив, но не была его причиной» [35, с. 80]. Сказками о «хорошей» и «плохой» приватизации многострадаальный народ Украины сыт по горло. А вот А.И.Пасхавер продолжает утверждать, что приватизация — это «одно из зеркал», в котором общество, вынужденное историей к переменам, с неудовлетворением узнает себя и в соответствии с естественным желанием психологической защиты фокусирует недовольство на государстве, представляющей его власти, на политических силах, на отдельных политиках и чиновниках» [там же]. Интересно, какой же она выглядит в других зеркалах?

нейшим обстоятельством, что им приходится иметь дело не с *рыночной* монополией, а с *внерыночной*, то есть такой, которая по своей природе не способна иметь конкурентного окружения. По этой причине приватизация (разгосударствление) предприятий-монополистов привела не к демонополизации, а к превращению государственной монополии в еще худший вид монополии — монополию частника, когда отсутствие (невозможность) при таких условиях конкуренции автоматически превращало частника в монополиста. И если государственная монополия, выступая неотъемлемым механизмом планово-распределительной экономики, несмотря на все свои негативные черты, способна была наращивать товарную массу в необходимых пропорциях, то монополия собственника при отсутствии конкуренции лишила производство каких-либо стимулов к увеличению объема и улучшению качества продукции. Результаты известны: цены на производственные товары монопольно и грабительно растут, а производство самих товаров падает.

Стремление к демонополизации любой ценой разорвало единую технологическую линию НХК и фактически разрушило его, если учесть, что этот комплекс в «доперестроечный» период на 75% состоял из предприятий-монополистов, связанных между собой централизованным плановым управлением. На это, в бытность Президентом Украины, обратил внимание даже Л.Д.Кучма, когда в одной из своих речей подчеркнул, что «нельзя допускать механической замены государственной монополии частной». К сожалению, эти слова были произнесены впустую.

3. Высокий уровень концентрации производства в НХК сделал его фактически неподъемным для частного капитала, зато вполне «пригодным» для грабежа и растаскивания, демонтажа и продажи по «частям» и «кускам», а также его дробление. Путь к дроблению, распылению оказался губительным, потому что потерю технологически взаимосвязанного комплекса никакой «либеральной экономикой» невозможно заменить или компенсировать.

4. Разрыв экономических связей в пределах единого НХК разрушил приспособленный к нему планово-распределительный механизм, что усилило системный кризис общества, поскольку коммерческие договоры при фактическом отсутствии единой валютной ос-

новы, особенно на первых этапах приватизации, никак не могли заменить собой этот системный по своему характеру механизм хозяйствования. В Украине это привело к катастрофическим последствиям, ведь только 19,8% ее производственных предприятий обходились внутривнутриреспубликанскими поставками и связями с партнерами, а бульшая часть — 80% — работала исключительно на связях с другими республиками. Многокомпонентная и утонченная структура этих связей, особенно для отраслей машиностроения, приборостроения, химической промышленности, металлургического оборудования не имеет аналогов даже в самой совершенной инфраструктуре рыночной экономики, не говоря уже об ограниченных и несовершенных коммерческих связях на территории бывших республик СССР. Попытки немедленного создания финансово-промышленных групп, которые бы отражали системно-интегративный характер современного производства и в определенной мере копировали в совокупности бывший НХК в условиях нарушенных связей и ориентации бывших республик-партнеров на отношения с более экономически мощными и деловыми странами Запада, а не с Украиной, лишь симптоматизируют потребность в прототипе НХК в «едином экономическом пространстве».

5. Классическая структура конкурентного, рыночного производства имеет дискретный характер в том смысле, что отдельные предприятия или целые их группы в зависимости от положения на рынке товаров или ценных бумаг могут, или способны на некоторое время приостанавливать свою деятельность, выпасть из системы национального производства, занимаясь переоборудованием или перепрофилированием и т.д., при этом негативно не влияя на рынок товаров и на удовлетворение потребностей общества в целом, ибо вместо них в это время действуют другие предприятия-конкуренты. Совершенно другое дело — структура производства, конституированная на централизованных планово-распределительных началах, в которой почти каждое крупное предприятие должно действовать непрерывно и приостановка которого способна вызвать цепную реакцию прекращения деятельности многих других предприятий. Такую производственную систему проще разрушить, нежели перестроить, поэтому лучше было бы — с целью предотвраще-

ния социальной катастрофы — усовершенствовать плановый механизм хозяйствования, сделать его более гибким и пластичным, дополнить индивидуально-групповым предпринимательством, а не заниматься сомнительной «перестройкой» отношений собственности в качестве основы социально-экономической жизнедеятельности общества [36, с. 48–50].

Таковы основные положения статьи, написанной мной в 1995 году. Приведенные в ней доводы обнаружили свою истинность в ходе последующей приватизации, ее моделей и технологий, а также этапов, каждый из которых продемонстрировал те или иные ставшие очевидными ее слабости и пороки.

В нынешней социально-экономической и социологической литературе нет недостатка в классификации и периодизации приватизационных процессов на постсоветском пространстве. Писали и пишут об эволюционной (градуалистской) и стимуляционной (форсированной) приватизации, о сертификатном (ваучерном) и денежном ее способах, о массовой (народной) и селективной (капиталистической), «большой» и «малой» приватизации, о приватизации «сверху» и «снизу», о предприватизационных, приватизационных и реприватизационных процессах, наконец, о честной, справедливой, социально значимой («цивилизованной») и нечестной, несправедливой, грабительской приватизации и т.д., и т.п. Но при всех разнотолках и аналитических суждениях об этом явлении заметен явный или осторожный скепсис относительно его успешного продвижения на новые и более высокие ступени развития.

Если не принимать во внимание скоропалительный оптимизм идеологов приватизации относительно ее мифических успехов, а сосредоточиться на выводах академической науки, картина приватизационного процесса во всех его вариантах и моделях выглядит довольно мрачно. Беспочвенной и безответственной явилась с самого начала основная формулировка стратегической цели украинского общества, данная в Законе Украины «О приватизации имущества государственных предприятий», в преамбуле которого эта цель обозначена как «создание многоукладной социально ориентированной рыночной экономики Украины». Время показало, во-первых, невозможность одновременного решения задач форсированного

экономического роста и социального обеспечения граждан на фазе приватизации экономики. На поверку оказалось, что стремление к обоюдному выигрышу – и в экономике, и в социальной жизни людей – обернулось фактическим проигрышем и в экономическом, и в социальном отношении*. Во-вторых, не состоялась продекларированная Законом многоукладность экономики. Вектор прилагаемых всеми президентами и правительствами Украины усилий оказался направленным не в сторону сбалансированности форм собственности, многоукладности, а в сторону сплошной наступательной приватизации. Вместо провозглашенной цели создания многоукладной экономики в ходе «реформ» уже в 1994 году, по словам одного из их инициаторов, В.Черняка, в Украине начала закладываться «двухсекторная модель экономики, включающая государственный и частный секторы» (при этом, по его же словам, «государственная собственность должна быть реформирована») [37]. Фактически получалось, что Украина обошла фазу многоукладности и сразу же обрела модель двухсекторной экономики. Это формально соответствовало изначально заложенной в Законе и Программе приватизации цели: частный сектор преимущественно «работает» на *экономику*, государственный – на решение *социальных* задач. Так ли это на самом деле?

По данным исследования, проведенного в 1997 году Украинским центром социологических исследований «Поиск» совместно с отделом экономической социологии Института социологии НАН Укра-

* Подробнее об этом см.: Приватизационные процессы в Украине: оценки и позиции граждан (Материалы заседания Круглого стола, 21 апреля 1998 года). – К., 1999. В фундаментальных исследованиях ученых Института экономики НАН Украины прозвучала такая же оценка: «Исторический ход событий подтвердил, что невозможно одновременно создавать всеохватывающий рынок, согласованное и, тем более, направленное на развитие постиндустриальной материально-технической базы и построение гражданского общества капиталистическое хозяйство в стране, не имеющей соответствующего институционального обеспечения, развитой рыночной инфраструктуры, соответствующих кадров и информационной системы» [36, с. 286]. Еще лучше, можно сказать «философичнее», эту ситуацию определил бывший премьер Ю.Ехануров в кратком выступлении на канале ТВ «Интер» 18 ноября 2005 года: «Развитие за счет сокращения потребления – не согласятся отцы; потребление за счет развития – не простят дети».

ины, суждения респондентов относительно состояния и перспектив приватизации в украинском обществе представляли собой следующую картину (табл. 4.7).

	Дихотомия суждений респондентов	% ко всем опрошенным	% к ответившим
Суждения респондентов о состоянии и перспективах осуществляемой в Украине приватизации			
1.	Приватизация выведет экономику из тупика	45,9	46,3
	Приватизация заведет экономику в тупик	41,3	41,6
	Затрудняются ответить	12,0	12,1
2.	Приватизация не приведет к социальной напряженности	32,6	32,8
	Приватизация неизбежно приведет к социальной напряженности	59,0	59,4
	Затрудняются ответить	7,7	7,7
3.	Приватизация проводится в интересах верхушки общества	66,9	67,2
	Приватизация проводится в интересах каждого гражданина	24,2	24,3
	Затрудняются ответить	8,5	8,6
4.	Приватизация ведет к построению демократического общества	27,5	27,7
	Приватизация приведет к диктатуре крупных собственников	58,9	59,3
	Затрудняются ответить	12,8	12,9
5.	Приватизация способствует искоренению коррупции	17,3	17,4
	Приватизация способствует развитию коррупции	67,8	68,4
	Затрудняются ответить	14,0	14,1

Если в отношении признания ожидаемых *экономических* последствий приватизации заметен, хоть и небольшой, но перевес положи-

тельных оценок над отрицательными, то в отношении всех других суждений, касающихся преимущественно *социальных* последствий приватизации, явно преобладает негатив. Испытав на себе надувательский характер «бумажной» (ваучерной) приватизации, цинизм «трастового» ограбления, граждане Украины в середине 1990-х годов все более начали разочаровываться в капитализме «с человеческим лицом». По данным того же исследования, в 1990–1991 годах идею приватизации, которая к тому времени уже обрела «реформаторский» дух, полностью или частично поддерживали 43,3% граждан, негативно относились к ней 16,1%. В 1997 году эту идею поддерживали 41,0% и отрицательно стали относиться к ней 38,8%. В 1991 году колеблющаяся (неопределившаяся) часть опрошенных составляла 28%, а в 1997-м – 19,5%. Заметна, таким образом, эволюция настроений граждан в сторону разочарования обещанными благами приватизации.

Оценивая отношение населения к приватизации и отмечая при этом перевес, хоть и незначительный, положительных оценок над отрицательными, непременно следует учесть понимание людьми самой сути и смысла приватизации: лишь 10,6% из них оценили ее в *конкурентно-рыночной*, капиталистической роли, считая, что присвоение объектов государственной собственности должно осуществляться путем продажи на аукционах; 28,6% настаивали на том, что приватизация должна осуществляться выкупом предприятий трудовыми коллективами; 28,3% – путем аренды предприятий с последующим их выкупом и 26,9% – путем бесплатной передачи предприятий их трудовым коллективам. Таким образом, в массовом сознании граждан Украины почти на всем протяжении 1990-х годов преобладали иллюзии «социалистического капитализма» в отношении эгалитарно-гуманистических возможностей приватизационных процессов. Весь вопрос, однако, в том, преобладали ли эти иллюзии у тех, кто инициировал и проводил эту приватизацию. Упомянутый выше В.Черняк как один из инициаторов «радикальной перестройки», в 1994 году посетовал на то, что в Украине «происходит скорее коллективизация, чем приватизация» и что «если у нас не будет решен вопрос о стратегическом инвесторе, то приватизация сведется к коллективизации» [37]. Как же, изначально понимая это определяющее обстоятельство, один из столпов отечественных «реформ» отважился на откровенный обман, поддержав в свое время нелепую формулу о «социально ориентированной рыночной эконо-

мике!»! Откуда взяться «стратегическому инвестору» в условиях высокоинтегрированного, системно организованного крупного индустриального производства при отсутствии необходимой рыночной инфраструктуры и прежде всего конкурентной среды, при устаревшем оборудовании, непереобученных кадрах и советской ментальности! Не столь наивными или неграмотными людьми были «реформаторы» типа В.Черняка, чтобы не понимать реальной несостоятельности скороспелого рынка и «шоковой терапии» в одночасье с идиллическими социальными благами. Цинизм этих людей, выдаваемый сегодня за «экономические просчеты», «ошибки» или «некомпетентность властей», очевиден, и приватизация, представшая через какое-то время перед народом Украины во всей своей «коро-

* В экономической и социологической литературе нет недостатка в периодизации приватизационных процессов на постсоветском пространстве в целом, в России и Украине в частности. Так, согласно украинскому экономисту В.Ларцеву, процесс превращения общественной собственности имел предприватизационный (1971–1987), подготовительный (1988–1992), а затем собственно приватизационный этапы, когда последний состоял из трех подэтапов – первый (1993–1995) – смешанный, денежно-сертификатный; второй (1996–1999) – широкомасштабная продажа акций (я бы добавил: и спекуляция собственностью. – Е.С.) и третий (2000 – по настоящее время) – продажа контрольных пакетов акций стратегических предприятий [38, с. 45–50]. В.Черняк свел все этапы приватизации к двум – массовой (сертификатной) и конкурентной (денежной) [37], А.Гальчинский – к трем периодам: неформальной, теневой приватизации, активно начавшейся в период «перестройки»; официально легализованной приватизации преимущественно различными способами перераспределения собственности; виртуальному перераспределению собственности, основанному на «проедании» основных фондов (А.Гальчинский сознательно обходит здесь такие понятия, как «разграбление» и «воровство»!) [39, с. 8]. Обстоятельный анализ преимуществ и пороков разных периодов приватизационного процесса дан В.И.Голиковым в коллективной монографии Института экономики НАН Украины «Трансформація. Моделі економіки», где выделено три его периода: массовая (сертификатная), денежная (точечная) и персоналифицированная, научно обоснованная приватизация. Последняя, по мнению В.И.Голикова, означает (или должна означать!), во-первых, принципиальное изменение ее мотивации: от мотивации присвоения к мотивации продуктивной эффективности и, во-вторых, двустороннюю конструктивную ее результативность – в экономическом и социальном отношении, открывающую дорогу к постиндустриальному обществу [36, с. 294–341]. Троичность периодизации, перекликающуюся с позициями украинских ученых, фиксируют в своих исследованиях и наши российские коллеги О.Крыштановская, Р.М.Нуриев, А.Б.Рунов [40]. На всех «периодах» приватизации так или иначе лежит печать грабежа и заведомого обмана, так что пусть не стараются ученые-экономисты в своих запоздалых нареканиях по поводу «оглушительных просчетов и ошибок», как это в свое время делал профессор В.Ревенко [41, с. 27].

левской» наготе, оказалась политически планомерным его ограблением, имеющим свою периодизацию*.

Первый этап разграбления в постсоветский период (начавшийся, кстати, еще при советской власти) — это разграбление *общественной трудовой* собственности под невинным названием «разгосударствление предприятий». Он, по существу, начался еще до принятия Закона Украины о приватизации (1992) и завершился после вступления его в действие, что было призвано легализовать уже присвоенное теневым способом государственное имущество госпартиноменклатурной и директорской верхушкой. В народе это видели и понимали. По результатам анкетного опроса граждан Украины, проведенного в рамках разработки темы НИР «Социальные механизмы приватизационного процесса в Украине» (1995–1997) наибольшую выгоду извлекли из него, по мнению респондентов, представители власти (38,2%), дельцы теневой экономики (36,7%) и руководители предприятий (29,7%)*.

Уже один факт наличия в отмеченном триумвирате теневиков-уголовников свидетельствует о морально-политическом облике остальных его участников. Именно этот триумвират обогатился на первой волне приватизации и прибрал к рукам не только народное богатство, но и политическую власть, что впоследствии получило название «кучмизм». Характерно здесь не только то, что руководители предприятий оказались в одной упряжке с криминалитетом — теневиками и коррумпированным чиновничеством, но и то, что предпринимательский корпус, на который так рассчитывали «демократы»-реформаторы, видя в нем социально-экономическую основу формирования «среднего класса», оказался фактически отстраненным при дележе дармовой собственности. Если в 1995 году, по оценкам населения Украины, 33,5% ответивших считали предпринимателями тех, кто получил от приватизации выгоду, то два года спустя, в 1997-м, эта цифра снизилась до 9,3%.

* Респонденты могли подчеркнуть несколько вариантов ответов, поэтому сумма всех процентов оказалась больше 100.

Второй этап разграбления – это разграбление *личной* собственности трудящегося большинства, денежных сбережений граждан как путем непосредственной скупки именных сертификатов, так и путем создания доверительных обществ (трастовых компаний). Последние оставили после себя не только удручающую статистику присвоения денежных сбережений трудящихся заведомо обманным путем, но и горький юмор по поводу наивных людей типа Лени Голубкова. Когда обман стал очевиден и закрывать глаза на факт обмана стало невозможно, Верховная Рада Украины в 1996 году создала следственную комиссию (во главе с народным депутатом С.Г.Синченко) для проверки фактов фальсификации некоторых положений Декрета Кабинета Министров о доверительных обществах. Следует отметить, что в тексте Декрета речь шла *исключительно* о сертификатных бумагах как предмете деятельности доверительных обществ, но чиновники из Фонда Госимущества, поощряемые и поддерживаемые тогдашним вице-премьером В.Пинзеньком и министром экономики Р.Шпеком, разрешили трастовым компаниям иметь дело с денежной приватизацией (якобы для поддержки существования самих трастов). О результатах «дополнения» к Декрету С.Г.Синченко докладывал: «Случилось так, что Декрет сыграл роль «троянского коня», когда под вывеской доверительных обществ исполкомами и госадминистрациями направо и налево регистрировались (а затем и не контролировались) тысячи псевдодоверительных компаний, трастов и иных структур, которые жульническими методами выворачивали карманы доверчивых наших граждан» [42]. Деятельность следственной комиссии Верховной Рады позволила обнаружить, что из 21 триллиона рублей (в старых ценах), принятых трастами от граждан, 8,3 триллиона были потрачены не по назначению, противозаконно, на удовлетворение учредителями трастов собственных потребностей. По неполным данным, собранным комиссией, трасты обобрали граждан на сумму 33,5 миллионов долларов, 287 немецких марок и много иной валюты. «Возвращение большей части этих денег, – констатировал С.Г.Синченко, – весьма сомнительно, ибо значительная их часть, особенно в валюте, вывезена за рубеж... Механизм обмана бесстыдно прост: собираются ваучеры, с их помощью покупаются акции приватизированных предприятий, а

затем эти акции продаются кому-либо за деньги. Что дальше? С этими деньгами, переведенными в валюту, их владельцы исчезают в ближнем и дальнем зарубежье» [там же]. О результатах деятельности комиссии и «принятых» мерах В.Дурдинец, уполномоченный Президентом отчитываться о них, докладывал: «Мы выявили виновных в массовом ограблении граждан, полностью определили их вину, многие из них найдены, арестованы, другие разыскиваются. Все они понесут наказание, многие уже осуждены. Суды рассмотрели также 71 тысячу гражданских дел по искам к трастам. По решению судов потерпевшим будет выплачено 15 миллиардов 970 миллионов гривен. Предпринимательские структуры добровольно вернули гражданам более 100 триллионов прежних карбованцев» [43]. Ограбление личных сбережений и наличных денег граждан послужило им хорошим уроком: уже в следующем, 1997 году доля тех граждан, которые в качестве наилучшего способа приватизации считали выкуп предприятий доверительными обществами (трастами), снизилась до 4,1% среди опрошенных, а доля тех, кто собирался участвовать в приватизации через инвестиционный фонд, доверительное общество или другие, подобные им организации, оказалась еще более мизерной – 0,2%.

Третий период приватизационного разграбления хозяйства Украины – это интенсивное *перераспределение уже присвоенных богатств* с колоссальной утечкой их в страны Запада, за пределы национальной экономики. В этом процессе слились воедино денежная приватизация коллективных предприятий, ранее приватизированных безвозмездным способом, реприватизация крупных предприятий, проникновение все в большей степени в приватизационный процесс мощных транснациональных корпораций, то есть фактическая колонизация страны. Главный экономист МБ, профессор экономики Дж.Стиглиц под натиском неумолимых фактов был вынужден признать, что в конкурентной гонке «местные фирмы, скорее всего, окажутся выброшенными на обочину» [44, с. 21]. «Сегодня видно, – продолжал он далее, – что сторонники приватизации, похоже, переоценили издержки, особенно политические, самого процесса и те препятствия, которые ускоренная приватизация создает для дальнейших реформ» [там же, с. 21–22].

Грабительский характер приватизации в третьем периоде ее осуществления заключается в том, что объектами приватизации становятся не нерентабельные, малоэффективные государственные предприятия, которые по законам рыночной экономики должны приватизироваться в первую очередь, а наоборот – рентабельные, выбившиеся «в люди» конкурентоспособные крупные предприятия. В этой коллизии примечательной является попытка соединить интересы обогащающегося бизнеса с интересами бедствующих слоев населения. Если в первом случае выигрыш олигархов налицо, то во втором он драпируется в социальную политику государства, использующего в качестве источника пополнения расходной части бюджета финансовые средства, полученные от фискальной приватизации. Подавляющее большинство населения интуитивно, здравым мышлением улавливает демагогически коварный смысл проводимой государственной верхушкой социальной политики: ведь распродажа крупных рентабельных предприятий зарубежным инвесторам или их ставленникам – это сродни продаже бедствующей семьей своего движимого и недвижимого имущества с перспективой «продания» и неизбежной нищеты. И одно дело, когда продаются мелкие, незначительные предприятия, другое – когда на распродажу идут промышленные супергиганты, что за временным всплеском «процветания» обещает экономический крах. Многолетние мониторинговые исследования однозначно свидетельствуют о негативном отношении большинства граждан Украины к приватизации

Варианты ответов	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Скорее отрицательно	31,6	38,4	45,8	45,5	49,0	54,0	52,4	51,4	51,8	55,1	51,8	56,1	60,9	67,2
Трудно сказать, отрицательно или положительно	41,8	34,2	31,9	31,7	32,3	28,0	29,0	30,0	29,1	26,3	29,1	26,3	25,3	21,8
Скорее положительно	25,1	24,7	21,7	22,8	18,7	17,5	17,7	17,8	18,9	18,3	18,9	17,5	13,3	10,6
Без ответа		2,7	0,7	0,0	0,1	0,5	0,9	0,8	0,2	0,2	0,2	0,1	0,6	0,4

Примечание: Данные за 1993 год отсутствуют

крупных предприятий, что сулит перспективу экономического краха (табл. 4.8).

Таблица 4.8

**Отношение населения Украины
к приватизации крупных предприятий, %**

Длительный процесс приватизации крупных предприятий (1992–2006 годы) сопровождается, во-первых, преобладанием негативного к ней отношения над позитивным и, во-вторых, усилением негативного отношения: если в 1992 году соотношение негативных и позитивных оценок составляло 31,6% : 25,1%, то в 2006-м – 67,2% : 10,6%.

Несколько иначе за этот же период выглядит картина отноше-

Вариант ответа	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Скорее отрицательно	13,6	18,3	19,0	19,3	22,0	20,9	22,7	18,7	18,7	21,4	22,7	25,2	23,3	28,6
Трудно сказать, отрицательно или положительно	28,8	24,4	25,1	27,2	27,5	24,9	27,2	28,6	23,1	27,7	27,7	27,6	32,3	27,3
Скорее положительно	56,2	54,8	5,4	53,4	50,4	53,7	49,2	52,0	57,5	50,5	49,3	47,2	43,7	43,4
Без ответа		2,5	0,6	0,0	0,1	0,4	0,7	0,0	0,7	0,4	0,3	0,0	0,7	

При всех колебаниях процентных распределений по годам несомненным является перевес позитивного отношения к малой приватизации над негативным. Заметно, вместе с тем, и снижение позитивных оценок малой приватизации, особенно в последние годы: в 1992 году соотношение негативного и позитивного отношения было 31,6% : 56,2%, а в 2006 году стало иным – 67,2% : 10,6%.

Такую ситуацию можно объяснить как психологической причиной — экстраполяцией усиления негативного отношения к крупной приватизации на отношение ко всему приватизационному процессу, так и целым рядом объективных причин, прежде всего системным характером хозяйственных связей в условиях рыночной конкуренции. Во всех случаях прослеживается, таким образом, снижение уровня доверия населения Украины к способности решать социальные проблемы общества приватизационными мерами. При констатации такого положения можно было бы обратиться к реалистичной оценке рыночной (капиталистической) экономики, отбросив романтическую версию о возможности ее (экономики) быть «социально ориентированной», и принять как жесткую объективную необходимость версию о «невидимой руке рынка». Согласно последней, разграбление хозяйства, прежде всего промышленного производства, не поддающееся никакому моральному оправданию, можно было бы считать необходимым с точки зрения экономической целесообразности. Но когда подобное разграбление не сулит обществу никакого экономического роста, никакой благодатной «невидимой руки», оно не может быть оправдано ни в моральном, ни в социально-политическом, ни в экономическом отношении. В такой ситуации сторонникам приватизационных способов преобразования остается только хвататься за соломинку ожидания будущих благ частной собственности.

Негативные оценки гражданами приватизационного процесса, всех его периодов и моделей и ранее опубликованные нами данные [34, с. 27–28; 45, с. 129–143], как и множество других засвидетельствованных наукой фактов, остаются без внимания, без надлежащей реакции на них со стороны «реформаторов» разного уровня. Это вполне объяснимо: ведь понятие приватизации обрело у нас статус бесспорной аксиомы, как и иные, смежные с ним понятия демократии, рыночной экономики и т.д. Что ж, социальные интересы верхов всегда возвышались над наукой. И вместе с тем события социально-экономической жизни разворачиваются и происходят по логически выстроенному критически относящимися к приватизации учеными сценарию. Здесь мы подошли к концу, вернее к тому, с чего начали, — к неподъемности высокоинтегрированного, общественного промыш-

ленного производства для частнособственнических отношений на либеральном их уровне. Сегодня со всей очевидностью это продемонстрировала судьба отечественных индустриальных супергигантов — металлургического предприятия «Криворожсталь», Луцкого подшипникового завода, государственного концерна «Антонов»*, Никопольского завода ферросплавов, Северодонецкого объединения «Азот», сотен других крупных рентабельных предприятий, в том числе предприятий-монополистов. Эти предприятия в условиях «свободного рынка» не остались и не могли далее оставаться в секторе государственной собственности, поскольку контрольные пакеты их акций оказались не под силу государственной казне. Единственный способ превращения этих супергигантов в государственную собственность — это те «непопулярные» революционные меры, на которые пробуржуазные правительства и президенты, разумеется, никак не могут пойти. Речь, конечно же, идет об экспроприации ранее проданных за бесценок крупных предприятий и превращение их в общественную собственность на индикативной планово-распределительной основе. Обратиться к таким мерам никто из власть имущих не отважится. Самое большее, на что отважилась «оранжевая революционная» власть, — это реприватизация «Криворожстали» и, возможно, некоторых других промышленных гигантов. Методы и способы частнокапиталистического хозяйствования остались при этом прежними. Единственное, что изменилось, — стали продавать доро-

* Авиапредприятие «Антонов» (Киев), пожалуй, одна из немногих оставшихся в живых гордость отечественного промышленного производства. Стремясь к его сохранению, еще прежде правительство решило объединить его с другими авиазаводами Украины, прежде всего с Харьковским государственным авиационно-производственным предприятием, а также Киевским заводом «Авиант». Просчитав свои возможности, новое правительство с согласия Президента решило привлечь к созданию концерна западных инвесторов, во имя чего вся авиационная промышленность Украины должна, по президентскому указу, перейти из госсектора в негосударственный. Новая ожидаемая сделка сулит еще одну отсрочку от полного провала социальной политики существующей власти ценой грядущей колонизации под вывеской «интеграция».

же. 24,2 млрд грн – это не какие-то там жалкие миллионы! Но как бы ни кичилась этим «оранжевая» власть, от фактов распродажи национального достояния и превращения тем самым Украины в колонию («периферию»), а отечественных предпринимателей – в заурядных компраторов уйти не удалось.

4.4. Социально-классовая структура: миражи субъективного самочувствия и объективные реалии

В марксистской социологии непревзойденным является определение классов, данное В.И.Лениным в работе «Великий почин» и не претерпевшее сколь-нибудь заметных изменений за истекшие десятилетия существования классовых обществ. Хрестоматийными стали вытекающие из этого определения классовообразующие признаки: место людей в исторически определенной системе общественного производства; отношение к средствам производства; определенная роль в общественной организации труда; способ получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают. Обобщающий лейтмотив этого определения: «Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [46, с. 15]. В данном определении, во-первых, четко обозначен социальный уровень трактовки классов; во-вторых, налицо социально-экономическая детерминанта классовых позиций и классового деления общества; наконец, в-третьих, поляризующим фактором этого деления представлены отношения эксплуатации чужого (наемного) труда на основе частной собственности на средства производства. К сказанному следует добавить, что социально-классовая структура общества при всей ее значимости не означает редукции остальных социальных структур к отношениям социально-экономической зависимости и эксплуатации, как это иной раз преподносилось вульгаризированным марксизмом советских времен. Личностно-типологические, возрастные, демографические, этнические, поселенческие, профессиональные и многие другие факторы привносили и привносят в социальную структуру об-

ществ заметный и несомненный колорит, не сводимый к классовой поляризации или социальному антагонизму. Вместе с тем неправомерным было бы рассматривать все подобные социо-структурные образования «на равных» с классовой структурой, роль и значение которой в социально-историческом процессе куда значимей и выше всех остальных. Нельзя, наконец, игнорировать и того обстоятельства, что классовое деление общества накладывает заметный отпечаток на демографическую, этническую, поселенческую, профессиональную и другие структуры, как и эти последние тем или иным образом влияют на классовое деление и межклассовые отношения в обществе.

Характерным в развитии доктрины классового антагонизма является то, что радикально-критическое крыло буржуазной социологической мысли было направлено ранее, как и направлено сегодня, не на опровержение ее марксистского варианта, а на внесение уточнений и поправок с учетом происшедших и происходящих изменений в социально-классовой структуре современного капиталистического общества в частности, и в капиталистическом способе производства в целом*. И хотя эти поправки и уточнения направлены в сторону признания «смягчения» и «подобрения» капитализма, тем не менее никто из представителей этого крыла не посмел поставить под сомнение такие его атрибуты, как социальное неравенство и присвоение доли производимого трудящимися продукта, а также экономическое происхождение классового деления общества. Добросовестно прореферировав «уровни теоретической амбиции понятия класс», положения Э.О.Райта, А.Соренсена, Дж.Голдтропа и других современных американских и английских авторов, С.А.Макеев справедливо резюмирует: «Все они, пожалуй, сходятся на том,

* Рассмотрение этих уточнений и поправок представлено в содержательной статье С.А.Макеева «Классовый анализ в современной социологии» [47], посвященной главным образом состоявшимся в Англии и США дискуссиям во второй половине 1990-х и 2000 годов на страницах «Британского социологического журнала» и «Американского журнала по социологии». Задолго до этого (в 1997 году) подробный и обстоятельный анализ работ английских и американских авторов был проделан О.Д.Куценко и рядом других авторов [48].

что классы всецело принадлежат экономической сфере или, как сказал бы Вебер, классы — это элементы экономического порядка. Таково никем не оспариваемое начало, исходный пункт, вовсе не гарантирующий неоспоримости возможных теоретических и операциональных импликаций из него» [47, с. 15]. Трудно не согласиться с выводами и обобщениями автора относительно проанализированных им материалов дискуссий. Во-первых, в качестве элемента экономического порядка классы предстают как *классовые позиции*, определяемые в надличностных, индивидуальных терминах, то есть безотносительно к качествам и свойствам индивидов, в принципе способных занимать подобные позиции. Особенности таких позиций обуславливаются, прежде всего, отношениями собственности, задающими дифференциацию на собственников и наемных работников, равно как и некоторые промежуточные состояния [47, с. 15]. Во-вторых, социологическая концепция классов как элементов экономического порядка должна быть одновременно концепцией *неравенства классового действия, конфликтов и способов управления ими*. Дискурс о неравенстве в социологии развивается по двум направлениям. В первом внимание сосредоточено на морфологическом (структурном) моменте, когда фиксируется классовая структура и отыскиваются различия (неравенство) по тем или иным параметрам между принадлежащими к разным классам субъектами. Второе направление выявляет неравенство в возможностях получения доступа к иным позициям, с которыми ассоциируется иной уровень и образ жизни [47, с. 15–16]. В-третьих, *концепция класса не может не быть концепцией социального класса*. Вся история классового анализа указывает на невозможность локализовать классы исключительно в рамках экономического порядка или вообще в рамках одного из порядков. Классы социальны постольку, поскольку они находятся в отношениях соответствия с элементами прочих порядков [47, с. 19]. В-четвертых, *концепция классов должна если не содержать объяснение исторического процесса в целом — претензия, которую очень трудно обосновать, — то, по крайней мере, предлагать краткую историю формирования классов и классовой идентичности...* Итак, классовый анализ остается живым направлением в социологической интерпретации социального мира. Нет явственных признаков того, что ситу-

аций, к которым приложимо понятие класса, становится меньше [47, с. 20–21].

Более четкий водораздел между трактовкой классового деления общества и классового подхода марксистской общественной наукой и аналогичной трактовкой современной радикально-критической (неомарксистской) социологией можно представить таким образом. Если марксизм акцентирует внимание на константности противоположных начал в социально-классовых образованиях, то радикально-критическая научная мысль Запада — на их всевозможных градациях и ламинариях. О популярной в начале 90-х годов XX века книге британского экономиста и социолога Дж.Рёмера «Общая теория эксплуатации и класса» один из ее рецензентов писал: «Рёмер выводит пять классовых ступеней, основанных на собственности на средства производства. Ими являются: абсолютный капиталист, малый капиталист, мелкая буржуазия, полупролетариат и пролетариат. Члены первой группы не работают сами, так как их средств достаточно, чтобы нанимать рабочую силу. Вторые не имеют достаточно сил и средств, чтобы полностью использовать рабочую силу, и поэтому частично нанимают ее и частично работают сами. Каждый член третьей группы работает сам на себя. Группа номер четыре работает на себя и продает свой труд. Пятая же не имеет средств и может лишь на кого-то работать» [49, р. 395]. Автор рецензии Б.-Т.Корэм ставит в заслугу Дж.Рёмеру градуалистский подход, который, по его мнению, «дает более четкое разделение населения с точки зрения собственности на средства производства, чем традиционная модель двух классов» (там же). Однако такой градуалистский подход, во-первых, предает забвению известные положения марксизма о неизбежности внутриклассовых расслоений (внутриклассовой дифференциации) и, во-вторых, игнорирует главное в критериальном подходе к классовой биополярности — владение и невладение средствами производства. Если марксизм рассматривает классовую биополярность прежде всего в ее дисфункциональном и деструктивном значении, то радикалы от современной социологии видят в ней механизм экономической и социальной активации, играющей созидательно-конструктивную роль в человеческой истории. Кто же больше прав в последнем случае? Правы те, кто разде-

ляет диалектико-материалистический подход, согласно которому классовое расслоение общества выступает антагонистической формой общественного прогресса, которая лишь до *определенной* фазы истории играет созидательно-конструктивную роль (на языке исторического материализма: до тех пор, пока производственные отношения *в качестве формы* функционирования и развития производительных сил соответствуют этим последним *в качестве содержания* способа производства), после чего оно, то есть классовое расслоение становится общественно деструктивным, исчерпавшим свой созидательный ресурс и диалектически обречено на *смерть*. Вульгаризированный марксизм, не приемлющий классового расслоения лишь в силу его «несправедливости» и «эксплуаторской сущности», и плоский эволюционизм западной радикальной социологии, не желающий вникать в смысл и суть исторической диалектики капиталистической частной собственности, — вот те две, очевидно, непримиримые крайности, само наличие которых объясняет закономерно возникающий при этом парадокс: стремясь к миру и взаимопониманию, они принципиально непримиримы между собой, как непримиримы репрезентируемые ими враждебные классы!

Социологический подход к познанию классов и классового деления обществ в свете современной сложившейся научной традиции предполагает неизбежную эмпирическую измеримость этих общественных явлений. Если ранее субъектно-личностные качества людей, составляющих классовые группы и образования, попросту «утоплялись» в их статусно-ролевых, социально безличных, социальных признаках, то в современный период, во-первых, в связи со смещенностью этих признаков в сторону внутрисубъектных характеристик собственности («интеллектуальная собственность», «информационное общество», «социальный капитал») и, во-вторых, в связи с возникшей вследствие этого необходимостью поиска адекватных ей эмпирических измерителей приходится вовлекать в объяснительные процедуры человеческий, а точнее личностный фактор с таким набором его качеств, как уровень способностей, уровень профессиональной компетентности, уровень силы мотивации и удовлетворенности своим положением и т.д. Проблема операционали-

зации признаков класса стала особо актуальной и острой с появлением понятия «средний класс», которое замельтешило в социологической литературе постсоветского периода. Дело в том, что любое срединное состояние легко определяется в качестве динамической закономерности и очень трудно улавливается при выяснении его статистических границ «справа» и «слева» (между минимумом и максимумом). Кроме всего прочего «середина» («усредненность») в качестве некоего – реального или мнимого – синтеза противоположностей в большинстве случаев оказывается психологически привлекательной, безопасной и безобидной. Об этом, кстати, писал Ю.Левада в статье «Средний человек»: фикция или реальность» [50], дав меткое определение феномену классовой самоидентификации как «притяжение середины», а Дж.Келли и М.Эванс объясняют этот феномен тем, что «люди скорее стремятся достичь согласия, а не конфликтовать между собой» [51, р. 174].

Однако, сколь бы ни был сомнительным критерий самоидентификации людей*, других инструментальных способов выявления их классовой принадлежности найти практически невозможно, если критериальным признаком такой принадлежности считать исключительно размер среднедушевого дохода семьи, позволяющий ей определять свое социальное самочувствие и в соответствии с этим идентифицировать себя с тем или иным уровнем доступа к материальным и иным благам и ценностям. Конечно, критерием классовой принадлежности можно было бы считать индекс, рассчитанный по двум признакам – размеру дохода и наличию (отсутствию) собственности, приносящей доход. Но на пути расчета подобного индекса непреодолимой преградой стоит «коммерческая тайна», и, как справедливо отмечает Е.В.Симончук, «заявлять реальные цифры своих доходов, значительная часть которых имеет теневое проис-

* А для сомнений подобного рода есть веские основания. Е.В.Симончук в своей книге «Средний класс: люди и статусы» (2003) приводит примеры разительных расхождений в самоидентификациях респондентов со средним классом и дает следующее объяснение этому явлению: «Существенное расхождение данных о размерах среднего класса в постсоветских обществах (в России – от 9% до 42%, в Украине – от 12% до 45%) можно объяснить неодинаковым пониманием границ среднего класса, а также различием методических подходов к его изучению» [52, с. 49].

хождение, люди, особенно обеспеченные, отнюдь не склонны» [52, с. 39]. Прежде всего по этой и по многим другим причинам приходится довольствоваться тем, что некоторые современные социологи называют «субъективным подходом к определению класса».

«Субъективный класс», понятие, к которому в последние годы часто прибегают социологи и которое удобно оговаривает условность их поисковых предприятий в исследовании классовой структуры общества, действительно во многих отношениях уязвимо. Во-первых, малейшее движение в сторону улучшения материального положения человека может получить завышенную им оценку и рассматриваться как переход на более высокую ступень в социальной иерархии общества. Во-вторых, в зависимости от социально-поселенческой среды и социально-статусного (профессионального) окружения один и тот же уровень среднедушевого дохода по-разному оценивается респондентами: для квалифицированного специалиста крупного города 600 грн зарплаты – это мизер, для сельского или поселкового жителя – баснословная сумма. В-третьих, среди респондентов всегда находится значительная по количеству категория людей, склонных «прикрывать» свою материальную неустроенность, «стыдиться» ее и поэтому «немножечко» делать приписки к своему реальному статусу. Наверняка есть и другие причины и резоны, по которым «субъективный класс» оказывается расплывчатым и нестрогим по экономическим и социальным параметрам. Но есть и то, что оправдывает его как социологическое понятие. «Субъективный класс» потому и называется субъективным, что он адекватно воспроизводит всю гамму человеческих рефлексий, настроений, самочувствий и переживаний людей по поводу своего социального положения и материального бытия. Поэтому исключать его из словаря науки нецелесообразно.

Что же представляет собой социально-классовая структура постсоветского украинского общества в целом и «субъективная классовая структура» в частности?

Она не укладывается в обычные представления о ней. Это связано как с тем, что Украина пребывает в состоянии хронического кризиса, еще никем до конца не осмысленных «трансформаций», так и тем, что ее экономическая и социальная жизнь определяется

сегодня в значительной степени ее открытостью, втягиванием в систему мирового капитализма. Изменения в социальной структуре нашего общества осуществляются под воздействием не столько внутренних, сколько внешних факторов, их тесной взаимосвязи, что накладывает заметный отпечаток на структуризацию социальной жизни нынешней Украины.

Любая социально-классовая структура прежде всего определяется состоянием хозяйственной жизни общества, а ее изменения — объективным, поступательно-закономерным процессом изменений этой жизни, ее производственных связей и отношений. Вряд ли есть основания считать, что именно с подобного рода процессом мы имеем дело в условиях современной «трансформирующейся» Украины, судьба которой в большей мере зависит от международного политического фактора, нежели от внутренних производственно-экономических причин. Искусственно навязанная нашему обществу мировыми финансовыми штабами приватизация изначально была нацелена на уничтожение крупного промышленного производства Украины, как и других стран СНГ, в ведущих и перспективных его отраслях, в первую очередь — машиностроении, ракетостроении, авиапромышленности и др. Уничтожение мощных промышленных супергигантов автоматически привело к массовому исходу многочисленных квалифицированных групп рабочего класса из социальной структуры общества. Если в 1992 году среднегодовая численность рабочих и служащих промышленности Украины составляла 6 млн 978 тыс. человек, или 13,4% от всего количества населения, то уже в 1997 году (всего пять лет спустя!) она составила 4 млн 586 тыс., или 8,8% от всего населения, а от трудоспособного — 35%. Динамика сокращения занятого населения в последние годы также свидетельствует о его неравномерности в разных сферах экономи-

* Динамика занятости населения в официальных статистических справочниках Украины построена очень хитро: в таблицах приводятся данные занятости, включая все ее виды, в том числе занятость в мелком торговом бизнесе и самозанятость, что создает довольно радужную картину либо ее ползучего увеличения, либо ее стабилизации, а данные занятых в промышленности и ее отраслях нигде не приводятся [53], за исключением текущего года [там же, с. 372].

ки. Если общее количество работающих с 1996 по 1999 год сократилось на 6,0% (с 23 млн 232 тыс. до 21 млн 824 тыс.), а в сфере экономики – на 10,0% (с 20 млн 868 тыс. до 18 млн 789 тыс.), то в промышленном производстве эта динамика более существенна: количество работающих в нем – и прежде всего, конечно же, количество рабочих – сократилось на 18,6%*. Мониторинговые исследования Института социологии НАН Украины засвидетельствовали крайне сложную динамику занятости нашего населения в постсоветской период: если с 1994 года количество неработающего населения прогрессирующим образом возрастало с 39,3% до 52,9% в 2000-м, то начиная с 2001 года доля неработающих начала постепенно уменьшаться и в 2005-м составила 46,8%. Подобная картина может, конечно, объясняться закономерным процессом реструктуризации экономики и периодом хозяйственной ломки, подвергшей деструкции прежнюю профессиональную и квалификационно-должностную «сетку», но устойчивая тенденция сохранения среднего значения доли неработающих на уровне 48% позволяет считать, что Украина с ее социально-классовой структурой все более вписывается в известное понятие «социально исключенных стран» мира (social exclusion) и что будущее ее в этом плане не сулит ей заметных радикальных перемен к лучшему. Об этом свидетельствуют утрата Украиной ключевых промышленных позиций среди других стран мира, повлекшая за собой существенные изменения в социально-профессиональной структуре общества: с 1994 по 2005 год доля специалистов технического профиля с высшим или средним специальным образованием уменьшилась с 7,4 до 5,4%; специалистов в области науки, культуры, охраны здоровья и образования – с 7,4 до 5,8%; квалифицированных рабочих – с 19,3 до 15,8%; работников сельхозпредприятий – с 5,2 до 2,3%; одновременно увеличилось количество служащих из числа вспомогательного персонала – с 6,3 до 7,3%; разнорабочих – с 4,8 до 5,6%; несущественное увеличение

* Данные рассчитаны автором по: «Статистичний щорічник України за 2004 рік». – К., 2005 [53].

наблюдается среди предпринимателей крупного и среднего бизнеса — с 0,5 до 0,8% и малого бизнеса — с 2,5 до 3,3%*.

Здесь могут последовать возражения в том плане, что сокращение числа занятых в промышленном производстве — закономерное явление, наблюдаемое сегодня повсеместно во всех информатизированных, постиндустриальных обществах, в частности в США, и что подобное явление следует только приветствовать в качестве — наконец-то! — первых проблесков научно-технического прогресса в такой ранее отсталой, погрязшей в болоте экстенсификации стране, как Украина. Однако для подобных суждений—аналогий вряд ли есть серьезные и глубокие основания. Во-первых, уровень «постиндустриализма» не достигается путем искусственного сворачивания машинного производства, тем более в его ведущих отраслях. Здесь необходим спокойный, эволюционный ход развития, сопровождаемый пропорциональным ростом материального благосостояния выдвигаемых им в авангард основных социально-профессиональных групп, ростом культуры, науки, техники, повышением качества жизни. Сокращение же численности промышленного рабочего класса на фоне общего падения производственных мощностей и обнищания подавляющей части трудоспособного населения никак невозможно интерпретировать в качестве индикатора общественного прогресса. Во-вторых, пример деиндустриализации рабочего класса США — пример неудачный. Неудачный, поскольку весь «индустриальный мусор», без которого современное «прогрессивное» человечество не может обойтись, давно уже вывезен на периферию цивилизации — в страны «третьего мира». Отсюда — иллюзия, что страны «золотого миллиарда» вообще легко обходятся без тяжелого машинного производства. Украина, как известно, к этим последним не принадлежит.

Важнейшим фактором, повлиявшим на изменение социально-имущественной структуры нашего общества, явилась приватизация государственных предприятий. Разрушив крупный промышленный комплекс с его мощным научно-техническим потенциалом, приватизация умело приспособила средние и малые предприятия к условиям и требованиям капиталистического рынка. Особенно это коснулось обрабатывающей промышленности, металлургии, пищевой и легкой промышленности. Вписался в конъюнктуру рынка всегда

и всем необходимый, беспроектный теплоэнергетический комплекс. Именно на базе этих отраслей производства возникли те приватизированные и частные предприятия, работники которых поначалу оказались в более выгодном положении по сравнению с работниками государственных предприятий. Рабочие и служащие этих предприятий были относительно неплохо обеспечены, дорожили своими рабочими местами, умели ладить с владельцами и руководителями предприятий. Весь строй их жизни заметно контрастировал и все еще контрастирует с образом жизни и настроениями работников государственного сектора экономики, которые получают заработную плату в 1,5–2,5 раза ниже, страдают от ее систематических невыплат и по существу находятся в полубезработном положении.

Возникновение государственного и частного секторов экономики существенно отразилось на социально-классовой структуре общества. В государственном секторе, куда вошли неприватизированные или вообще неприватизируемые предприятия, основу существования и воспроизводства их работников составляет скудный, урезанный бюджет. В частном же секторе такой основой является получаемая прибыль. При подобном положении дел общество оказалось расколотым как бы на два больших *мегакласса* — на *стейт-класс* и *приват-класс*, то есть на «класс» занятых в государственном «бюджетном» секторе экономики и на «класс» занятых в частнособственническом секторе. Каждый из них внутренне дифференцирован, имеет свой «верх» и свой «низ», свои критерии и нормативы материального достатка и социального престижа. И тот, и другой сверхклассы включают в себя людей бедных, людей среднего достатка и людей богатых, но до определенного периода они жили и все еще живут в разных измерениях: то, что представляет собой средний достаток для людей «бюджетного класса», оценивается как бедность представителями «приват-класса». И наоборот, то, что оценивается как бедность в положении представителей приватного сектора экономики, выдается «бюджетниками» не только за средний, но и за высокий уровень материального достатка. У сверхбогатых людей «приват-класса» своя инфраструктура — свои магазины, свои рестораны и игорные дома, свой быт, свои поселения, куда нет до-

стуга «посторонним», у них свои учебные заведения и больницы, а также свой спецназ, своя охрана, свои разведслужбы. Стабильность положения слоев и групп «приват-класса» обеспечивается долларо-вым эквивалентом, хождением иностранной валюты, тогда как нестабильность курса национальной валюты обрекает представителей «стейт-класса» на постоянный риск оказаться за чертой бедности или стать безработными. Безусловно, не все входящие в вожделенный «приват-класс» живут на широкую ногу, но даже разнорабочие приватного сектора, получая до 1999 года 700–1000 грн с ежемесячной выплатой, почувствовали себя элитой по сравнению со своими собратьями из бюджетного сектора экономики.

По нашим исследованиям 1994–1995 и 1997 годов, посвященным процессам приватизации, 80–85% работавших в приватном секторе и на приватизированных предприятиях пищевой, легкой, теплоэнергетической промышленности были довольны своей судьбой и боялись лишиться преимуществ. В то же время следует иметь в виду,

что и благополучный «приват-класс» лишь условно является таковым, поскольку в конечном счете состоит из собственников-распределителей и людей наемного труда, которые в любую минуту могут лишиться своих преимуществ и оказаться за воротами предприятия.	1994	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Работают в государственном секторе, %	31,2	43,4	42,7	39,9	33,3	31,8	30,4	29,7	27,8	26,7	26,8	26,8	26,8	26,8
Обжрепелении позиций приват-класса может свидетельствовать														
Динамическая динамика численности работников в государственном секторе экономики Украины (по отраслям)	1	0,6	0,4	0,4	0,7	1,8	1,5	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2
частном секторе, %	68,8	56,6	57,3	60,1	66,7	68,2	69,6	70,3	72,2	73,3	73,2	73,2	73,2	73,2

Если количество работающих в госсекторе Украины идет на спад, то доля работающих в частном секторе, наоборот, год от года увеличивается.

Возникает вопрос: как повлиял рост частного сектора экономики на конфигурацию социально-классовой структуры общества. Похоже, что ромбовидная, с начала 1990-х годов, социальная структура украинского общества постепенно начала приобретает форму неправильной пирамиды, а точнее — грушевидную форму: крупные собственники «приват-класса», смыкаясь с теневыми собственниками (директорским корпусом) «стейт-класса», образовали вместе с коррумпированным государственным чиновничеством пик социальной пирамиды, а разведенные ранее по разным секторам экономики наемные работники начали активно дифференцироваться на «средний класс» и на бедных, образовавших основание пирамиды. Уподобление социальной структуры украинского общества начала 1990-х годов ромбовидной фигуре, разумеется, условно. Вернее было бы говорить о неправильном, усеченном, деформированном ромбе, но

тенденция «оседания» наиболее массовой середины вниз, к оседанию себя, появление похожей на «грушу» фигуры усеченна.	1	2	3	4	5	6	7	8
Проведенные Институтом социологии НАН Украины мониторин-								
говые исследования самоидентификации граждан Украины с раз-								
личными социальными группами общества высветили такую карти-								
ну динамики этих самоидентификаций (табл. 4.10)	46,9	57,2	57,3	60,0	68,0	68,0	65,0	62,2
к малообеспеченным Идентификация населения с основными классами общества	2,3	0,4	0,2	1,2	0,8	0,6	0,3	0,3
к людям среднего достатка («среднему классу»)	30,6	41,1	42,2	38,7	31,0	30,7	34,4	37,3
к высокообеспеченным людям («высшему классу»)	0,2	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3
Без ответа	2,3	0,4	0,2	1,2	0,8	0,6	0,3	0,3

Таблица 4.10

Примечание: Информация об идентификациях респондентов с различными классами представлена в мониторинговых исследованиях только за период с 1994 по 2001 год.

Большинство занятых как в государственном, так и в частном секторах экономики до 1994 года идентифицировали себя со «средним классом», вследствие чего социальная структура общества походила на неправильный ромб.

Однако с 1995 года активно пошел процесс превращения «ромба» в деформированную «пирамиду», когда все заметней становилась поляризация общества на сверхбогатое меньшинство и малообеспеченное, нищающее большинство. Начиная с 2000 года этот процесс приостановился, и доля людей среднего достатка стала увеличиваться. Время покажет, имеет ли здесь место стохастика случайных колебаний или устойчивая тенденция роста «среднего класса».

В плане перспектив формирования последнего трудно принимать за основание субъективные показатели опроса. «Субъективный средний класс», как уже было оговорено, является индикатором определенных изменений или колебаний («вверх»–«вниз»), но отнюдь не показателем признаков и границ реально существующего класса. За примерами здесь далеко ходить не надо. По мониторинговым данным за 2005 год 52,9% граждан оценили свое материальное положение как «среднее», что, казалось бы, дает основание рассматривать «средний класс» как явно доминирующий на фоне «нищих» и «бедных» (в сумме 46,2%) и «состоятельных», «богатых» (в сумме 0,7%). Однако конкретизация в долларовом эквиваленте положения среднестатистического члена семьи обнаруживает нечто иное: на вопрос анкеты *«Укажите, пожалуйста, каким был совокупный доход на одного члена Вашей семьи в последний месяц»* последовал ответ: 72 доллара (при определении *прожиточного минимума* 130 долларов и при исчислении «нормального» уровня потребления этим среднестатистическим членом семьи 226 долларов). Как же, однако, далеки реально получаемые 72 доллара от прожиточного минимума в размере 130 долларов! И, наконец, на вопрос *«Как Вы считаете, с каким приблизительно уровнем среднемесячного дохода на одного человека семью можно отнести к бедной?»* последовал среднестатистический ответ – 69 долларов. Что же получается? Только 3 доллара ($72 - 69 = 3$) отделяют среднестатистического члена украинской семьи от состояния бедности! И при таком положении дел люди в само-

падающем режиме осмеливаются идентифицировать свои семьи со «средним классом» («средним материальным положением»), создавая иллюзии мизерного благополучия.

Еще более неопределенным «средний класс» в Украине становится тогда, когда он попадает в двухмерное пространство стейт-класса и приват-класса: говорить в рамках этой двухмерности о едином среднем классе не приходится. Гораздо важнее здесь определить, будет ли продолжаться подобное «двоевластие» в социальной структуре общества или два мегакласса сольются в конце концов в единое классово дифференцированное образование; победит ли в процессе их противостояния приват-класс как субъект либерализованной частнособственнической экономики или стейт-класс как субъект институционализированной государственно-групповой, общественной экономики. Вопрос этот предельно сложен.

Решая его, следует иметь в виду, что зависимость от экономической конъюнктуры по мере вхождения частных и приватизированных предприятий в мировой рынок все больше будет сопрягаться с риском, колебаниями и банкротством, что рано или поздно окончательно подорвет благополучие «приват-класса». В случае же успеха владельцы малых и средних частных предприятий будут стремиться к увеличению производства товаров и услуг, что потребует новых вложений и приведет к еще большему снижению заработной платы и усилению социальной дифференциации. В худшем случае им уготовано скромное место «приват-класса» как компрадора в системе глобальной зависимости.

Не обнадеживает перспективами эффективного повышения структурообразующей роли и государственный сектор экономики. Этот сектор, сузившийся в 2004 году до 2,0% от общего количества промышленных предприятий [53, с. 324], давно уже стал добычей альянса директорского корпуса и государственного чиновничества. Они рвут и разносят по частям поверженное гигантское тело крупного промышленного производства, присваивая теневым способом и физически уничтожая его путем распродажи демонтированных частей, оборудования и транспортных средств. Под вывеской государственного предприятия чаще всего скрывается (или вообще не скры-

вается!) узкокорпоративная собственность первых лиц госпредприятий и госадминистраций. В последнем случае мы имеем дело с капитализмом самого худшего толка — грабительским, непродуктивным, грубо эгоистичным. По злой иронии судьбы капиталистами этого худшего толка нередко становятся вчерашние хозяйственные, государственные и партийные номенклатурщики. Всех честных и порядочных руководителей государственных предприятий они умело изгнали с занимаемых мест и должностей. И здесь важно отметить, что именно этот слой современных капиталистов-нуворишей явился главным возбудителем протестных движений, предметом ненависти и народного гнева. Здравый смысл людей труда подсказал им, что пресловутая «государственная собственность», якобы принадлежавшая «всему обществу», стала всего лишь прозрачным камуфляжем корпоративной частной собственности. На вопрос «Кому, по Вашему мнению, принадлежит сегодня собственность Вашего предприятия?» респонденты ответили*:

— дирекции предприятия	23,0%
— государству	22,4%
— трудовому коллективу	16,9%
— правлению акционерного общества	14,5%
— никому (предприятие фактически ничье)	1,0%
— иностранному собственнику	1,0%

Лидирующим субъектом собственности, по мнению опрошенных, как видим, является директорский корпус предприятий, к числу которых в первую очередь относятся государственные предприятия. Альянс директората и государственного чиновничества («государства») персонифицирует в глазах наемных рабочих подлинного владельца государственной собственности.

Фактический демонтаж и стагнация производства, отсутствие внутренних инвестиционных потоков в сфере экономики, теневой

* Опрос проводился в 1996 году, когда доля государственных предприятий в общем их объеме была довольно значительной.

вывоз финансового капитала до основания расшатали социальную структуру общества. Лишенные производства рабочие, обезземеленное и технически разоруженное крестьянство, невостребованная интеллигенция представляют в нынешних условиях тот аморфный человеческий материал, который фактически лишен объективной основы структурирования в определенные устойчивые и внутренне консолидированные классы или социальные группы. Рабочая сила перестала быть товаром. А это, как правило, противоречит всем законам и канонам рыночного общества.

При таком положении дел социальная структура общества выглядит хаотичной, размытой и диффузной. Класс буржуазии, способный эффективно управлять производством и столь же эффективно создавать работающие политические институты, в Украине не сложился и вряд ли может сложиться вообще в ближайшие годы. «Средний класс» пока что остается мечтой или надеждой демократически настроенных сторонников частнособственнических отношений. Класс наемных работников, как уже отмечалось, сокращается, все более превращаясь в «частично занятых», рабочих-поденщиков, «внештатных работников» (outsortings), затем в «самостоятельно занятых», то есть в мелких торговцев, перекупщиков-спекулянтов. Сколько их, этих «самостоятельно занятых», то есть вчерашних рабочих и служащих госсектора? Несложно подсчитать, обращаясь к данным государственной статистики. С 1992-го по 1999 год количество работников промышленности Украины сократилось с 6 млн 978 тыс. до 4 млн 342 тыс. Даже если списать 636 тыс. покинувших свои предприятия на категорию ушедших на пенсию «по достижении пенсионного возраста», остается 2 млн трудоспособных работников индустриального производства, вынужденно подавшихся в сферу мелкого торгового бизнеса и «самозанятости».

С 2000-го по 2005 год процесс «аутсайдерства» несколько замедлился. Из всего занятого населения в 2003 году 44,9% работали в сфере материального производства (20,5% — в промышленности) и 18,6% — в сфере мелкотолевого бизнеса. В 2004 году количество занятых в сфере мелкой торговли увеличилось на один процент (19,5%), а в сфере материального производства в целом и промышленности в частности несколько уменьшилось (соответственно 44,2%

и 20,0%). Более значимыми показателями наполняемости сферы производства и сферы мелкотогровой (мелкобизнесовой) занятости являются показатели трудоустройства незанятых в трудовой сфере общества: если в промышленном производстве в 2002 году было трудоустроено 34,4% от всех трудоустроенных, то в последующие годы этот показатель начал снижаться: в 2003-м — 33,7%, в 2004-м — 31,5%. По-другому выглядит картина с трудоустройством в сфере мелкой торговли и мелкого бизнеса: в 2002 году от общего количества трудоустроенных здесь получило работу 15,3%, в 2003-м — 18,3%, в 2004-м — 20,0%*. Таким образом, наблюдается картина постепенного уменьшения занятых в сфере материального производства и, очевидно, за счет оттока из него работников — увеличения числа занятых в мелкотогровом бизнесе и «самозанятых». Как правило, в сфере мелкого и среднего торгового бизнеса «самостоятельно занятые» ведут свои дела не в одиночку, а объединяясь в небольшие, нередко конкурирующие и враждующие между собой клановые группы, входящие в сложную иерархию полутеневого торгово-посреднического капитала. Вследствие этого структура мегаклассов, особенно приват-класса, становится все более автономизированной и рыхлой. *Наиболее типичным структурообразующим элементом социальной жизни общества становится кланово-корпоративная группа — объединение людей по способу и характеру их специализированной деятельности с целью самовывживания или преуспевания.* Такие корпоративные группы существуют во всех сферах и на всех уровнях общественной жизни. Они действуют либо самостоятельно, автономно, либо «под крышей» различных предприятий, организаций, властных структур или политических партий. Они могут быть легитимными, действующими в рамках закона, или нелегитимными, теневыми. Между ними существует конкуренция (зачастую преступного характера), борьба за «зоны влияния», возможны договоренности, разделы и переделы этих «зон», но почти никогда не существует солидарности и подлинных коллективистс-

* Рассчитано автором по данным Статистического ежегодника Украины за 2004 год [53, с. 388, 389].

ких связей. *Корпоративная разделенность людей, ориентированных на личный или узкогрупповой, клановый интерес, является самым серьезным тормозом в процессе консолидации разных социальных групп общества на общенациональных началах.*

Учитывая эту корпоративную разобщенность, Н.А.Шульга пишет: «Неустойчивость социального положения представителей практически всех социальных групп, кардинальные изменения в обществе, резкое снижение жизненного уровня большинства людей, разрушение мировоззренческих, политических и нравственных ценностей, на которые ориентировалось население в советское время, сформировали специфическое состояние сознания социальных групп. Для него характерны неуверенность, противоречивость, размытость, слабое осознание своих социальных интересов» [54, с. 46].

Справедливости ради следует отметить, что корпоративность рабочих как социальный и психологический феномен появилась не с приходом «рыночной экономики» и частнопредпринимательской практики. Корни этого явления уходят в «перестроечные» и более ранние, доперестроечные времена, когда объективная потребность в производственной демократии на уровне первичных, контактных коллективов не встречала понимания и адекватного удовлетворения, что привело к появлению такого уродливого явления, как «групповой эгоизм»*. Именно последний в период горбачевской «перестройки» стал активно превращаться в корпоративность мелкобуржуазного типа, в островки разобщенных групп и группировок. Сегодня эта разобщенность выдается за естественное явление и считается нормой жизни. К тому же она усиливается и подпитывается теми шансами на самовыживание, которые рыночная система отпускает трудящимся. Всем дано сегодня право спекулировать, заниматься мелкой и крупной торговлей. Всем дано право на подработки, совместительство. И, наконец, каждый при желании и наличии средств может иметь дачно-огородный участок в качестве немаловажного подспорья для выживания. Использование этих шансов для

* См. посвященный анализу этого феномена автореферат кандидатской диссертации А.С.Лобановой «Групповой эгоизм в сфере коллективной и кооперативной форм собственности» [55].

голодных и беззащитных людей куда важней, чем митинги, пикеты и демонстрации. Но экономический потенциал подобных шансов все более и более сходит на нет. Взаимная групповая обособленность, атомизированность людей (да еще на реликтовых началах натурального хозяйства!) в эпоху усиления многоликой инте-грации, обобществления производства, труда, коммуникаций, коммунальных услуг, быта, образования, досуга и т.д. отторгаются всей системой современных общественных отношений. Поэтому удержаться на острие беспомощного и одновременно беспощадного, нелепо озверевшего и жестокого корпоративизма гигантская общественная система долго не сможет.

Из рассмотренных особенностей социальной структуры украинского общества можно сделать, по меньшей мере, три вывода:

– в нем не сформировалась и не формируется характерная для капиталистических стран социальная структура в классическом или современном типичном ее варианте;

– состояние этой социальной структуры можно охарактеризовать как хаотичное, хрупкое, с такими неопределенными и размытыми социально-классовыми образованиями, как *теневые* или *полулегальные группы крупных капиталистов* (олигархов-монополистов, компрадоров, банкиров и альянса директорского корпуса в госсекторе с коррумпированным государственным чиновничеством); *группы маловлиятельных средних и мелких собственников частных и приватизированных предприятий*, стремящихся укрепить свой бизнес правовыми способами; *пролетаризированная полубезработная масса рабочих и служащих предприятий государственного сектора*, пополняющая ряды «социально исключенных граждан»; *материально обеспеченный слой наемных работников частных и приватизированных*

предприятий с перспективой его постоянного обнищания; размытый и социально разнородный слой интеллигенции, работающей в государственном и негосударственном секторах; обезземленное, искусственно разобщенное и технически разоруженное крестьянство.

— большинство из перечисленных социально-классовых образований осуществляет свою деятельность посредством мелких корпоративных групп, что затрудняет их консолидацию по классовому признаку.

Заключение

Эта книга была написана в защиту тех, кто не может, восстав из мертвых и окинув творческим взглядом новые исторические реалии, честно и беспристрастно отделить в своих ранних суждениях истину от заблуждения, отметить меру правоты своих положений в отношении своего времени и в отношении далекого будущего, схематично определенного ими. Эта книга была написана против тех, кто амбициозно и самонадеянно пытаюсь шагать «в ногу со временем» и огульно охаявая все то прошлое, из которого они появились на свет, опровергают сегодня приписываемые другим собственные домыслы. Вырвавшись из идеологических тисков официального марксизма-ленинизма и скреп «последних указаний съезда», ученые-обществоведы, с одной стороны, обрели широкие возможности творческих поисков, неординарных трактовок и независимых позиций, а с другой — оставаясь в плену страха перед властью имущими, прилагают максимум усилий к тому, чтобы обрести новые скрепы, новую идеологическую опеку, боясь отклониться от «правильного курса». Не обходясь без признания научных авторитетов первых и без полемики со вторыми, автор попытался подчинить фактам и логике свои идеологические пристрастия, не особо надеясь при этом, что эти факты и эта логика сумеют переубедить инакомыслящих. Но истина не перестает быть истиной, даже если она не при-

знается большинством. Претендуя на нее, резонно повторить в сжатом и обобщенном виде все изложенное в этой книге.

Из охарактеризованного единства исторической закономерности и механизма ее действия вырисовывается эквивалентность этих двух сторон исторического процесса: определенный порядок функционирования и изменений в социальной жизни людей требует от них таких свойств и качеств, благодаря которым этот порядок осуществляется, а определенные свойства и качества людей сказываются на темпах и направленности непрерывных упорядоченных изменений. Применительно к капитализму, функционирующему и развивающемуся на основе частной собственности на средства производства и наемного труда неимущих работников, закономерности его воспроизводства и изменений требуют от их субъектов-носителей индивидуализма, умственных способностей, активности, самодостаточности и конкурентоспособности, которые он одновременно и культивирует, и использует в качестве упорядочившегося механизма своего исторического движения. В соответствии с теоретической традицией классического марксизма этот механизм («сами люди») формируется двусторонним порядком — под воздействием производительных сил и под воздействием производственных отношений, причем преимущественная роль в этих воздействиях в советские годы все более начала отводиться производственным отношениям. Недооценка социогенерирующей роли производительных сил обнаружила себя в принижении значимости эволюционного пути развития как тех или иных его ступеней (укладов, формаций), так и формирования деятельностного механизма исторических закономерностей, что особо выпукло дало о себе знать в официальном «истмате» советских времен. Отмеченная еще Лениным «непригодность», или «слабая пригодность» деятельностного механизма («человеческого материала») для решения задач формирования нового общественного строя со значительными издержками была компенсирована политико-идеологическими и командно-административными средствами, но как только исторический и субъективный ресурс последних был исчерпан, «непригодность» заявила о себе во весь голос и заставляет сегодня переосмыслить многие положения канонического марксизма. Одним из таких переосмыслений является высказан-

ное в книге положение об определяющей роли в разрешении основного внутреннего противоречия капитализма не противоречия между общественными по своему характеру производительными силами и частнособственнической формой присвоения их результатов, как было принято считать ранее, а противоречия между предельно высоким научно-организационным и техническим уровнем производительных сил, их субъектным компонентом и возможностью их функционирования в узких рамках частнособственнических, товарно-денежных отношений (что имплицитно присуще «недосказанным» положениям Маркса об органическом строении капитала). Говоря о разрешении этого последнего противоречия, следует иметь в виду, что оно касается не только капиталистического способа производства, внутренних основ капиталистического строя, но и более широкого мирового контекста, поскольку производительные силы в их «чистом» виде одного и того же научно-технического уровня способны функционировать в иных, некапиталистических формах. Другими словами, производительные силы капитализма должны выполнить свою общеисторическую, общечеловеческую миссию — подготовить всесторонне развитого работника, всесторонне развитую личность с набором таких ее качеств, которые формируются как капитализмом, так и, особенно, за его пределами. Последнее обстоятельство создает те коллизии и сложности в формировании субъекта мировых производительных сил, которые связаны с «соединением противоположностей», диалектическим синтезом коллективистских и индивидуалистических начал человеческой жизнедеятельности.

Несформированность востребуемых капитализмом личностных качеств людей может свидетельствовать либо о трудностях и своеобразии его становления и развития в тех или иных регионах мира, либо о существовании резкой к нему оппозиции со стороны некоторых стран и народов, о возможности альтернативного пути развития определенного сообщества (страны, государства, блока), что в теоретическом плане может быть истолковано как наличие двух контрпозиций в общеисторической социальной жизнедеятельности людей — континуальности (массового покоящегося, самовоспроиз-

водящегося состояния) и дискретности (атомарного активного, постоянно изменяющегося состояния).

Капитализм как общественный строй, работая «на себя» (эксплуатация чужого труда, конкурентная борьба, создание монополий и институтов буржуазной демократии), одновременно работал на общечеловеческую историю, общечеловеческую культуру — высоко вознес ценности технико-технологической цивилизации, снабдив человеческую духовность материальными средствами ее выражения; создал разветвленный аппарат экспериментальной науки и изобретательской деятельности; развил дух соперничества, деловой созидательности и т.д. Но поскольку все эти общечеловеческие блага зарабатывались и функционировали в пределах капиталистической формы жизнедеятельности и поскольку на них изначально лежала и лежит печать грубо вещистской, прагматической односторонности, история бросила человечеству спасательный круг коллективистской доброты и гуманизма, непрагматичной раскованности («незаинтересованности») глубинного духа и смысложизненных ценностей в виде раннего, дивергентного социализма, резко противопоставившего себя ценностям капиталистического мира. Именно ранний, советский социализм в виде дивергентной ветви единого исторического процесса, во-первых, не дал заглухнуть смысложизненным ценностям бытия, самоценности общинности и коллективизма («деятельности общения»), нравственно-эстетическим устоям жизни человечества и, во-вторых, дал возможность выработать из созданных капитализмом материально-экономических предпосылок и собственных политико-идеократических ресурсов новый, социалистический способ производства (формирование которого, согласно научному прогнозу К.Маркса, действительно оказалось невозможным в рамках прежнего общественного строя).

Просуществовав на коротком дыхании более 70 лет, дивергентный социализм выполнил свою историческую миссию: создал образцы принципиально новой жизнедеятельности людей, новые формы и способы хозяйствования; накопил положительный опыт коллективистского жизнеустройства и его социальных институтов; дал миру духовные ценности человеческой солидарности в таком очевидном жизнотворном ее содержании и в таких масштабах, что встре-

воженный ими капиталистический Запад забеспокоился и тут же заговорил о возможностях конвергенции двух систем. Одновременно с этим пагубными для него стали и историческая незрелость нового общественного строя (и — что немаловажно, если не первоначально — незрелость его «человеческого материала», деятельностного механизма функционирования и развития этого строя), и окружение его со всех сторон капитализмом, далеко не исчерпавшим свой исторический ресурс. Социализм в его советском варианте появился тогда, когда уровень мировых производительных сил не был столь высок, чтобы дать простор для органического, свободного и быстрого развития новых производственных отношений. Сравнительно низкий уровень развития этих сил обнаружил себя, во-первых, в том, что зарождающемуся на его базе социализму пришлось единовременно решать две крайне сложные задачи: достраивать фундамент социализма, то есть решать ту задачу, которую «не успел» выполнить низвергнутый («прежде времени») капиталистический строй, и вместе с этим воздвигать здание нового общественного строя со всеми его атрибутами, и, во-вторых, в том, что механизмом этого воздвижения стали политико-административные меры. Двусторонний характер решения этих задач обусловил, с одной стороны, использование превращенного капиталистического товарного производства и, с другой, — нетоварный способ функционирования новых отношений (вследствие чего спор между «товарниками» и «нетоварниками» не имел и *не мог иметь* однозначного решения). Фигурально выражаясь, воздвигать советский социализм пришлось на недостроенном фундаменте. Двусторонний характер решения указанных задач заключался, далее, в попытке одновременного решения и *экономических*, и *социальных* задач, которое осуществлялось рывками, зигзагами — да и могло ли быть иначе? — на протяжении всей истории советского социализма, но тем не менее осуществлялось.

Достигнутые дивергентным социализмом поразительные успехи в экономике, социальных отношениях, формировании духовно ориентированной личности явились результатом противостояния «нового» «старому», стимулировались конфронтацией двух классовых (формационных) сил и в меньшей мере — потребностью саморазви-

тия, самодвижения человеческой личности, которая, войдя в инерционную полосу исторического времени, по мере затухания внутренних и внешних столкновений лишилась импульсов и побудительных сил этого саморазвития и самодвижения. Начал возникать феномен «гомо советикус» — существа пассивного и ведомого партией в неведомое и загадочное «светлое будущее». Преимущества и достоинства дивергентного социализма в процессе его развития все более стали сочетаться с такими заметно выпирающими его пороками, как обезличивающий всех и вся тоталитаризм, патерналистские настроения и ожидания, выстроенные на апологетике карьеризм и партократическая клановость, — с одной стороны, а с другой — снобистские ориентации на западный образ жизни, пробуждающаяся мелкобуржуазная потребительская алчность и вещизм, теневое предпринимательство и возвышающаяся над всем этим «двойная мораль», а лучше сказать — «двойная идеология».

В возникшей кризисной ситуации у дивергентного социализма было два возможных варианта дальнейшей судьбы — либо выход на принципиально новый уровень его более пластичного, индивидуализированного развития (ибо прежний командно-административный путь себя исчерпал и возвращение к нему утратило историческую необходимость) — и такой путь наметился как «снизу» (бригадный подряд, единопорядная система, безрядные звенья), так и «сверху» (госзаказ, гибкое планирование, оперативный учет и контроль на основе новых информационных технологий), — либо возвращение к «многоукладности», «рыночной экономике», стыдливо прикрывающих капиталистический способ хозяйствования. Из наметившихся «точек бифуркации» перевесила рыночная, что, кстати говоря, не означало необходимости реставрации прежнего, капиталистического порядка. В связи с подобным ходом событий не смог

* В недавно вышедшей книге А.П.Гоша и С.И.Дорогунцова, к примеру, утверждается, что «трактовать сегодняшнее общество в Украине как капиталистическое пока нет достаточных оснований. Но следует признать, что усилиями режима при нынешнем векторе внутренней политики в стране прививаются и множатся черты и признаки, свойственные начальному облику капитализма» [1, с. 199–200].

не возникнуть вопрос: что же поселилось в нашем доме — капитализм или нечто другое?

Весьма характерно, что многие из ученых и левого, и правого толка считают, что на месте славшего свои позиции советского социализма возникло нечто такое, что нельзя назвать капитализмом*. Не вдаваясь в логику и тонкости доказательств «некапитализма» на постсоветском пространстве вообще и в Украине в частности, я как автор однозначно заявляю, что в нашем доме поселился капитализм, ибо основной его признак и системообразующий элемент — отношения частной собственности на средства производства и использование наемного труда — налицо, признан как факт и не подлежит никакому сомнению. Другое дело: что представляет собой этот неординарный капитализм? По моему мнению, мы имеем дело с тем *исторически побочным* или «запоздалым» капитализмом, который, по распоряжению истории, выполняет в большей мере не функцию *экономического* роста и развития, а функцию создания и накопления «человеческого капитала», то есть функцию *социального* порядка. Капитализм возвратился в наш дом с миссией катализатора и жесткого селектора в отношении людей как работников: либо ты собственник, либо ты знающий свое дело и умеющий его выполнять наемный работник, либо ты никто, обыкновенный люмпен. Капитализм, пришедший на смену социализму, достраивает в механизме исторических закономерностей, то есть в дееспособной личности то, что не сумел ей дать ранний, дивергентный социализм: активность, сноровку, предприимчивость и деловую состязательность. Делает он это грубо, неряшливо и жестоко, ибо, во-первых, такова его природа, во-вторых, жестокости и грубости способствует тот конкретный «человеческий материал», с которым ему приходится иметь дело. Важно отметить, что не все бывшие советские республики равнодинаковым образом восприняли пришедший в их дом капитализм: одни впустили его к себе, не преминув при этом напомнить, кто подлинный хозяин в доме (Беларусь); другие, подобострастно кланяясь, безоглядно отдали свой дом в распоряжение капитализма в надежде, что тот наведет в нем достойный порядок (Украина, Грузия); третьи и глазом моргнуть не успели, как в их доме к власти пришли незваные нефтяные короли и газовые маг-

наты (Россия). Наконец, не следует забывать, что попятный ход истории, возвращение к пройденным человечеством этапам, сколь бы подчас это ни было оправданным и необходимым, почти всегда чревато инволюцией, повторением в худших и анахроничных вариантах реликтовых отношений далеких и давно забытых времен. Так к «побочному» капитализму примешиваются элементы внеэкономического принуждения крепостного строя. Возникает феномен *феодалного капитализма*, сопутствующего процессам, связанным с «доработкой» личностного механизма общественно-исторических закономерностей. Не исключено, что в ходе этой «доработки» он может исчезнуть или, по меньшей мере, сойти на нет.

Из трактовки капитализма на постсоветском пространстве как побочного продукта истории сразу же напрашивается вывод о его временном характере, и, коль так, возникает вопрос о том, что ожидает Украину и остальные постсоветские республики в ближайшем будущем. Это ближайшее будущее следует искать уже не во внутренних социально-экономических, социально-политических и иных процессах, происходящих в Украине (да и в других республиках бывшего Союза), а в тех системно-интеграционных процессах, которые при всей их противоречивости и кажущейся разновекторности связывают сегодня страны и народы в единый мировой, глобализационный процесс. Разумеется, при современном раскладе сил этот процесс осуществляется под эгидой и в интересах правящей капиталистической элиты Запада, стран «золотого миллиарда», что не обещает постсоветским республикам ни «догоняющего развития», ни пресловутого «третьего пути». Сказанное, однако, не должно вызывать чувства безнадежности и обреченности, поскольку капиталистическая пандемия на мировой арене — это тот последний клапан, который еще позволяет капитализму удерживать шаткие и ускользающие позиции. Таким последним клапаном является *экстенсификация* высокоразвитых производительных сил (интенсивное, *качественное* ее развитие практически прекратилось с автоматизацией производства, информационной революцией, микропроцессорной техникой и генной инженерией), осуществление которой в капиталистической (товарной) форме широко известно сегодня под названием *глобализация*. Последняя, однако, сопряжена с таким раз-

рушением государственных границ, столкновением ментальностей и культур, которые порождают и усиливают контрглобалистские движения крупномасштабного, блокового порядка. Не исключено, что в этих контрглобалистских движениях, в частности в альтерглобализме проявятся тенденции не только революционных протестных взрывов, но противоречивого и сложного синтезирования тех ценностей и тех начал жизнедеятельности людей, которыми становятся (и частично уже стали) наработанные капитализмом «постэкономические» ценности, нормы и социальные институты; некапиталистические (докапиталистические) общинно-коллективистские («восточные») традиции и, наконец, — самое главное — жизнеспособные элементы хозяйственной практики и образ жизни людей раннего, советского социализма. О последних в своем предсмертном интервью Александр Зиновьев, чье имя не нуждается в аттестации, сказал: «Я думаю, что человечеству еще предстоит в будущем сражаться за те позитивные достижения в коммунистической линии эволюции человечества, которые можно было наблюдать в СССР» [2].

Проведенные отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины исследования, а также мониторинговые исследования Института однозначно засвидетельствовали, что при всем неприятии большинством населения капиталистического общественного строя, его режимов, блоковых образований (в частности НАТО), люди в то же время признают в качестве ценностей и образцов своих действий такие его свойства и элементы, как предпринимательская активность, совпадение частной собственности с трудом ее субъекта, малая приватизация и работа в частном секторе, то есть все то, что, с одной стороны, стимулирует трудовую деятельность, культивирует волевые и интеллектуальные качества людей, а с другой — дает материальные преимущества занятым в частном секторе производства товаров и услуг. Другими словами, отрицание капитализма *как такового* сопровождается одобрительным отношением к его *частностям*. Обычно такое расхождение в оценках интерпретируется как проявление аномии или амбивалентности сознания людей, переживающих кризис переходного периода. Но вполне допустима интерпретация иного рода: устойчивая и

повторяющаяся картина одобрительного отношения к *отдельным*, позитивным и прогрессивным в их общечеловеческом понимании сторонам или элементам капитализма на фоне *непрятия его как общественного строя* является прямым свидетельством «синтетической» ориентации большинства населения Украины в вопросе выбора исторического пути развития. Не исключено, что мы имеем здесь дело с феноменом *общественной интуиции*, а точнее — общественно-исторической интуиции недооцениваемого нами народа.

Вряд ли эта «синтетическая» ориентация трудящегося большинства осмысливается им адекватно — как диалектический синтез — снятие, как вхождение приобретенных позитивных свойств капитализма в формирующуюся структуру нового общественного строя — социализма в их модифицированном качестве. Кому-то этот синтез (идея «третьего пути», «смешанной экономики») видится в туманной усредненности капитализма и социализма, в механической их конгломерации. Но подлинный синтез осуществится лишь с самоисчерпанием капитализма, окончательным его крахом, самоотрицани-

ем, когда безвозмездно отдаваемые социализму черты и создающие их механизмы — активность, рациональность, самодостаточность, прагматизм — столкнутся с коллективистской взаимопомощью, духовно-созерцательным отношением к миру, самоценностью человеческой жизни и когда механизм действия исторических законов наконец-то приобретет гомеостазирующий характер. Произойдет это нескоро. Поэтому в ближайшем будущем Украине придется пройти через ту сложную историческую полосу глобализации, в которой исчерпавший себя капитализм даст возможность осуществиться социализму путем синтеза—снятия, путем «положительного упразднения частной собственности», как выразился когда-то Маркс в пору своей молодости.

Литература

Предисловие, или почему пришлось «отращивать бороду»

1. Браун М. Большой дом: генеральная уборка // Правда. — 1999. — 26 августа.
2. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. — М., 1987.
3. Голуб А. Слово к читателям // Коммунист. — 1987. — 3 января.

Глава 1. Общественно-исторический процесс: методо-логические и теоретические основания нового видения

1. Арон Р. Мнимый марксизм. — М., 1993.
2. Brewer A.A. Minor Post-Ricardian? Marx as an Economist // History of Political Economy. — Spring, 1995.
3. Hollander S. Comment // History of Political Economy. — Spring, 1995.
4. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.
5. Курашвили Б.П. Новый социализм. К возвращению после катастрофы. — М., 1997.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996.
7. Тоффлер Э. Третья волна. — М., 2004.
8. Фромм Э. Человек для себя. — Минск, 1992.

9. *Lukacs H.* Feuer u.a. Individuum und Praxis // Positioner der «Budapesten Shulle». — Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 1975.
10. *Герцен А.И.* Франция или Америка? // Соч. — М., 1958. — Т. XIII.
11. *Сорокин П.* Классификация актов поведения // Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
12. *Кондратьев Д.* Общество и хозяйство // Основные проблемы экономической статистики и динамики. — М., 1991.
13. *Левада Ю.* Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения. — 1999. — № 6(44). — Ноябрь–декабрь, 1999.
14. *Ципко А.С.* Жизнь общества и человека. — М., 1988.
15. *Фейербах Л.* Добавление к своей философской автобиографии // Избранные философские произведения. — М., 1955. — Т.1.
16. *Суименко Е.И.* Диалектика становления и развития отношений коллективизма. — К., 1988.
17. *Савенков Ю.* Европейец срывает восхитивший его цветок, японец любит его, или фестиваль японского кино в России // Известия. — 1997. — 25 ноября.
18. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. — М., 1909.
19. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М., 2002.
20. *Спиноза Б.* Краткий трактат о боге, человеке и его счастье // Избранные произведения. — М., 1957. — Т. 1.
21. *Гегель Г.* Наука логики. — М., 1974. — Т.1.
22. Производительные силы как философская категория. Материалы Круглого стола // Вопросы философии. — 1981. — № 4. — С. 87–105.
23. Его заповеди // Правда. — 1999. — 23–26 июля.
24. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981.
25. Материалы XXVII съезда КПСС. — М., 1986.
26. *Лейн Д.* Подъем и упадок государственного социализма. — К., 2006.
27. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. — М., 1983.
28. *Кликс Ф.* Пробуждающееся сознание. — М., 1982.
29. Методологические и теоретические проблемы исследования антропогенеза. — К., 1990.
30. *Бергер П.* Капиталистическая революция. — М., 1994.
31. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. — М., 1991.
32. Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. — М., 2003.
33. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Т.1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 7.
34. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Т. 2 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 8.
35. *Розенберг Д.И.* Комментарии к «Капиталу» К.Маркса. — М., 1984.
36. Вызовы нашему времени // Альтернативы. — 2000. — № 2. — С. 118–139.

37. *Петраков Н.* Социалистическая идея и экономический крах реального социализма // Свободная мысль. — 1992. — № 13. — С. 35–45.
38. *Шумпетер Й.А.* Капіталізм, соціалізм і демократія. — К., 1995.
39. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Часть вторая / *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — Изд. 2-е. Часть II. — М., 1969. — Т. 46.
40. Политическая экономия. Капиталистический способ производства. — М., 1975.
41. *Бек У.* Что такое глобализация? — М., 2002.
42. *Glaseer H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Changer der neuen Tädigkeitsgesellschaft. — Dusseldorf, 1988.

Глава 2. Капитализм: начало и конец истории

1. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. — Смоленск, 1993.
2. *Бергер П.* Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. — М., 1986.
3. *Иноземцев В.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М., 1999.
4. *Aron R.* The Industrial Society. Three Lectures on Ideology and Development. — N.Y.; Wash., 1967.
5. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. — М., 1969.
6. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М., 1999.
7. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. — М., 1990.
8. *Смелзер Н.* Социология. — М., 1994.
9. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — К., 1996.
10. *Шумпетер Й.А.* Капіталізм, соціалізм і демократія. — К., 1995.
11. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.
12. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. — СПб., 2002.
13. *Келсо Л., Адлер М.* Капиталистический манифест. — К., 2004.
14. *Зюганов Г.* Глобализация: тупик или выход? — М., 2001.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 7.
16. *Харламенко А.В., Харламенко Е.Н.* О становлении капитализма как мировой системы // История и реальность: уроки теории и практики. — Вып. 2. — М., 1995.
17. *Гриффен Л.А.* «Капитал» и капитализм. — К., 2003.
18. Производительные силы как философская категория. Материалы Круглого стола // Вопросы философии. — 1981. — № 4. — С. 87–105.

19. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2005.
20. *Ленин В.И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. – Т. 4.
21. Послесловие составителей // История и реальность: уроки теории и практики. – М., 1995.
22. *Чесноков Г.Д.* По поводу так называемого цивилизационного и формационного подходов к анализу истории // *Бессонов Б.Н., Чесноков Г.Д.* Есть ли будущее у марксизма и социализма? – Омск, 2003.
23. *Therborn G.* At the Birth of Second Century Sociology: Times of Reflexivity, Spaces and Nodes Knowledge // *British Journal of Sociology.* – 2000. – Vol. 51. – № 1. – P. 59–78.
24. *Бек У.* Что такое глобализация? – М., 2001.
25. *Giddens A.* The Third Way. The Renewal of Social Democracy. – Cambridge: Polity Press, 1998.
26. *Арсеенко А.* Социопространственный мир личности в условиях глобализации мирового сообщества // Социология: теория, методы маркетинг. – 2002. – № 2. – С. 11–15.
27. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М., 1998.
28. Сценарии // Независимая газета. – 1999. – № 2(36). – Февраль.
29. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2002.
30. *Арсеенко А.Г.* Глобалізація: основний зміст та соціально-економічні наслідки напередодні XXI століття // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. – К., 1999.
31. *Вежновец Е.Н., Сидорская И.В.* Глобализация // «Что делать?». – 2003. – № 9. – С. 63.
32. *Шосудовски М.* Глобальный мировой экономический кризис // Альтернативы. – 1995. – № 4. – С. 79–107.
33. *Савас М.М.* Глобализация как переход к социализму // Альтернативы. – 2000. – № 3. – С. 2–16.
34. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Изд. 2-е. – М., 1956.
35. *Ленин В. А.М.* Горькому, 3.1.11 // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М., 1975. – Т. 48.
36. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М., 1973. – Т. 27.
37. *Ленин В.И.* Предисловие к брошюре Н.Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 27.
38. *Зюганов Г.* Понять и действовать. Статья третья // Правда. – 2004. – 3 июня.
39. Вызовы нашему времени // Альтернативы. – 2000. – № 2. – С. 118–139.
40. *Харламенко А.В.* Ленинская теория империализма и современность // Марксизм и современность. – 1997. – № 1–2. – С. 8–11.
41. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М., 2002.

42. *Падх М.-К.* Подлинное лицо глобализации // Рабочий класс. — 2004. — № 20(218). — Май.
43. *Бузгалин А.* Контргегемония и контрглобализация. К проблеме выработки стратегии противодействия гегемонии капитализма: взгляд из России // Альтернативы. — 2001. — № 1. — С. 14–21.
44. *Боуман Э.* Глобализация снизу // Альтернативы. — 2001. — № 1. — С. 2–13.
45. *After Seattle. A Global Disaster, The Now-governmentel Order* // *The Economist*. — 1999. — Dec. 11–17. — P. 19–21; www.economist.cjm
46. Заключительная Декларация Четвертого Всемирного парламентского форума // Рабочий класс. — 2004. — № 7. — Февраль.
47. *Боуман Э.* Современный кризис капитализма: проблемы освобождения человека (взгляд Ж.-П. Сартра) // Альтернативы. — 1996. — № 1. — С. 54–69.
48. *Харламенко Е.Н., Харламенко А.В.* «Многополюсный мир» или империалистическая глобализация: реальна ли альтернатива? // Марксизм и современность. — К., 2001. — № 3–4. — С. 21–32.
49. *Казинцев А.* Симулякр, или Стекольное царство // Что делать? — 2004. — № 2. — Февраль. — С. 31–40.
50. *Рифкин Д.* «Извините, г-н Президент, но проповедями ураган не остановишь» («Гардиан», пер. с англ.) // Рабочий класс. — № 36 (283). — 2005. — Сентябрь.
51. *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. — М., 1999. — С. 101–122.
52. *Бек У.* Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — № 1. — С. 24–53.
53. *Бек У.* Общество рынка. На пути к другому модерну. — М., 2000.
54. Немодификованих рослин і тварин не залишитись? // Народне слово. — 2004. — № 8 (177). — Березень.
55. *Печчеи А.* Человеческие качества. — М., 1980.
56. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.* За пределами роста. — М., 1994.
57. *Вебер А.* Возможно ли устойчивое развитие? // Свободная мысль. — 1995. — № 5.
58. *Разумовский О.С.* Бихевиоральные системы. — Новосибирск, 1993.
59. *Тюганов Е.А., Попков Ю.В.* Некапиталистический путь и проблемы устойчивого развития // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 1977. — № 1.
60. *Хотьюшин В.* Черные годы. История нашей борьбы. — М., 2000.
61. *Catton W., Dunlap P.* A New Ecological Paradigm for Post-exuberant Sociology. — N.Y., 1980.
62. *Мидоуз Донелла, Мидоуз Денис, Рандерс Йорген.* За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее? // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999. — С. 572–595.
63. *Иноземцев В.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999. — С. 3–64.

64. *Вайцзеккер Эрнст фон, Ловинс Эймери Б., Ловинс Хантер Л.* Фактор «четыре». В два раза больше богатства из половины ресурсов // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999. — С. 596–629.
65. *Кастро Ф.* Выступление на международной научно-практической конференции «Международное коммунистическое и левое движение в условиях империалистической глобализации». Москва, 29 апреля 2004 года // Марксизм и современность. — 2004. — № 2.
66. *Феденко Е.П.* Капиталистическая действительность и марксистская теория // Марксизм и современность. — 1998. — № 2–3. — С. 14–27.
67. *Гор А.* Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна за Западе. Антология. — М., 1999. — С. 557–571.
68. *Кагарлицкий Б.* Агония социал-демократии // Альтернативы. — 1998. — № 1. — С. 15–24.
69. *Пихорович В.* План плану — рознь // Рабочий класс. — 2003. — № 16(163). — Апрель.
70. *Лисичкин Г.* Люди и вещи // Дружба народов. — 1988. — № 1. — С. 212–239.
71. *Лесаж А.-Р.* Хромой бес // Французский фривольный роман. — М., 1993.
72. *Жданов Ю.А.* Роковой комплекс Эрисихтона // Марксизм и современность. — 2000. — № 2–3. — С. 121–125.
73. *Zurn M.* Globale Gefahrdungen und International Kooperatione / Der Burger im Staat. — 1995. — № 45.
74. *Обухов С.* Тревоги и надежды русского Севера // Правда. — 2004. — 16 декабря.
75. *Иноземцев В.* Расколота цивилизация. — М., 1999.
76. Вашингтон готовит глобальное оружие против всех и глобальный теракт против своего населения // Правда. — 2002. — 6–9 сентября.
77. Ангелы и плазмиды // Правда. — 2002. — 1–2 сентября.
78. Остановите НААРП // Правда. — 2002. — 10–11 сентября.
79. НААРП отбил первую атаку // Правда. — 2002. — 13–16 сентября.
80. *Штруль К.* Марксизм и экологический социализм // Альтернативы. — 1998. — № 2. — С. 19–22.
81. *Прокофьев Ф.И.* Общество: проблемы механизма и направленности движения. — Днепропетровск, 2000.
82. Семінар блоку СПУ—СелПУ // Товариш. — 1998. — № 5(279). — Січень.
83. *Бузгалин А.В.* Социализм: уроки кризиса // Альтернативы. — 1994. — № 2(5). — С. 5–32.
84. *Танака Юдзо.* «Мутантный социализм?» Полемика // Альтернативы. — 1998. — № 2. — С. 112–116.
85. *Бузгалин А.В.* Ответ критикам // Альтернативы. — 1998. — № 2. — С. 117–133.
86. Политическая экономия социализма // История и реальность: уроки теории и практики. — Вып. 2. — М., 1995.

87. *Ацюковский В.А., Ермилов Б.Л.* Социализм и коммунистическая революция. — М., 1991.
88. *Гриффен Л.А.* Диалектика общественного развития (опыт современного марксизма). — К., 1994.
89. *Курашвили Б.* Новый социализм. К возрождению после катастрофы. — М., 1997.
90. *Косолапов Р.* Идеи разума и сердца. — М., 1996.
91. *Косолапов Р., Хлебников И.* Обращение к разуму. Человеческий манифест. — М., 1993.
92. *Якушев Д.В.* О прошлом и будущем социализма. Причины появления «теории» государственного капитализма // Марксизм и современность. — 2000. — № 2–3 (16–17). — С. 23–36.
93. Письмо М.Н.Горбуновой от 5 августа 1880 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. — М., 1971. — Т. 34.
94. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М., 1965. — Т. 23.
95. *Герцен А.И.* Русский народ и социализм. Письмо к И.Мишле // *Герцен А.И.* Собр. соч. : В 30-ти т. — М., 1956. — Т. VII.
96. *Герцен А.И.* Собр. соч. : В 30-ти т. — М., 1960. — Т. XV.
97. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. — М., 1964. — Т. 19.
98. *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. Гибель утопии. — М., 2002.
99. *Иноземцев В.Л.* За десять лет. Концепции постэкономического общества. — М., 1998.
100. *Тоффлер О.* Прогнозы и предпосылки // Социологические исследования. — 1987. — № 5. — С. 118–131.
101. *Naisbin J., Aburdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directioes for the 1990's. — N.Y., 1998.
102. *Шафф А.* Срочно требуются новые «левые» // Альтернативы. — 1995. — № 2. — С. 47–54.
103. Распад мировой долларовой системы. — М., 2001.
104. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения : В 9-ти т. — М., 1987. — Т. 8.
105. *Фромм Э.* Социализм // Коммунист. — 1991. — № 11. — С. 27–43.
106. *Платон.* Государство // Сочинения : В 3-х т. — М., 1971. — Т.3, ч.1.
107. *Гельвеций К.* Об уме // Сочинения : В 2-х т. — М., 1973. — Т. 1.
108. *Хенди Ч.* Алчущий дух за гранью капитализма: поиск цели в современном мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999.
109. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. — М., 1990.
110. *Антипина О.Н., Иноземцев В.Л.* Динамика стоимости в посткапиталистическом обществе // Мировая экономика и международные отношения. — 1998. — № 7.
111. *Щербина В.В.* Сетевые сообщества в ракурсе социологического анализа. Опыт рефлексии становления «киберкоммуникативного континуума». — Бердянск, 2001.
112. *Чепельская Т.* Преступления следующего века. Компьютерное пиратство в Украине: сегодня — «первые ласточки», завтра — возможна угроза основам экономики // Зеркало недели. — 1995. — 5 августа.

113. *Торлопов В.А.* Современные концепции социального государства // Что делать? – 2001. – № 3–4. – С. 71–81.

**Глава 3. Модели и реалии
«постсоциалистического» общества**

1. *Витренко Н.М.* Шок: причины и последствия // Вибір. – 1995. – № 1. – С. 77–81.
2. *Гальчинський А.* Кінець тоталітарного соціалізму. Що далі? – К., 1996.
3. *Павловський М.* Шлях України. – К., 1997.
4. *Sorokin P.A.* Mutual Convergence the United States and the USSR to the Mixed Sociological Type. – Mexico, 1961.
5. *Industrialism and Industrial Man.* – London, 1962.
6. *Drucker P.* The New Society. – N.Y., 1962.
7. *Brzezinski Z., Huntington S.P.* Political Power. USA–USSR. Similarities and Contrasts. Convergence or Evolution. – N.Y., 1964.
8. *Дробан А.Т.* О различных тенденциях внутри теории конвергенции // Современные буржуазные теории о слиянии капитализма с социализмом. – М., 1970.
9. *Шишков Ю.В.* Социализм и призрак «конвергенции» // Драма обновления. – М., 1990.
10. *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. – М., 1994.
11. *Покровский Н., Браунинг Д.* Диалог о конвергенции // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 34–41.
12. *Модржинская Е.Д.* Доктрина «наведения мостов» и теория конвергенции // Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. – М., 1970.
13. *Гулиев В.Е.* Некоторые методологические аспекты изучения и критики теории конвергенции // Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. – М., 1970.
14. *Сахаров А.Д.* Тревога и надежды. – М., 1990.
15. *Рубцов А.* Между капитальным социализмом и социальным капитализмом // Свободная мысль. – 1992. – № 8. – С. 34–43.
16. *Медведев В.* На пороге XXI века: исторический поворот в развитии цивилизации // Коммунист. – 1991. – № 6.
17. *Рэнкин С.* Экономическая эффективность и конкурентный социализм // Коммунист. – 1991. – № 10. – С. 93–99.
18. *Друкер П.Ф.* Новые реальности. – М., 1994.
19. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М., 1996.
20. Трансформація. Моделі економіки України. Ідеологія. Протириччя. Перспективи. – К., 1999.
21. *Тоффлер О.* Прогнозы и предпосылки // Социологические исследования. – 1987. – №5. – С. 118–131.
22. *Иноземцев В.* Капитализм, социализм или постиндустриальное общество? // Коммунист. – 1991. – №4.
23. *Фетисов И.* Реальная Беларусь // Коммунист. – 2005. – Февраль.
24. *Ципко А.* В Белоруссии // Литературная газета. – 2004. – № 43.

25. *Черковец О.* Союзные полномочия рубля // Русский мир. – 2003. – № 4 (17). – Июль–август.
26. *Карпов Г.* Молдавия: экономические успехи последних лет // Рабочий класс. – 2005. – № 11(258). – Март.
27. *Нестеров О.* Что может народный президент // Коммунист. – 2005. –
–
2 февраля.
28. *Нестеров В.* Китай: время больших перемен // Коммунист. – 2004. –
–
26 марта.
29. *Цзедун Мао.* К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. – М., 1957.
30. *Овинников Р.* На обочине прогресса // Правда. – 1996. – 22–29 ноября.
31. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М., 1998.
32. *Кара-Мурза С.* Европоцентризм – скрытая идеология перестройки. – М., 1996.
33. *Самари К.* Капиталистическая реставрация в Восточной Европе – беспрецедентный процесс // Альтернативы. – 1997. – № 3. – С. 42–63.
34. *Цинн К.Г.* Социальное рыночное хозяйство и развитие экономического строя ФРГ. – Минск, 1994.
35. *Арнот Р.* Трансформация в России: каким советам следовать? // Альтернативы. – 1996/1997. – № 4. – С. 63–71.
36. *Колганов А.* Российский либерализм: неудачный опыт самооправдания // Альтернативы. – 1996. – № 2. – С. 51–62.
37. *Бальцерович Л.* Социализм. Капитализм. Трансформация. – М., 1999.
38. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. – М., 1994.
39. *Меллентин К.* Васильковская революция // Рабочий класс. – 2005. – № 28(276). – Июль.
40. Сорок минут с Виктором Пинзеньком, или почему в Украине не пришло время Бальцеровича // Метро. – 1998. – № 40 (47). – 21 сентября.
41. Выступление В.Соколова по каналу РТР–TV, программа «Время» от 23 сентября 1998 года.
42. *Кьеза Дж.* Прощай, Россия! – М., 1998.
43. *Смолл Д.* Як політика МВФ руйнує матеріальну економіку // Вибір. – 1995. – № 2. – С. 44–57.
44. *Чавес Уго.* Выступление в Институте философии РАН // Марксизм и современность. – 2004. – № 3–4 (29–30). – С. 165–169.
45. *Суйменко Є.* Приватизація в Україні: шляхи випробувань // Віче. – 1995. – № 11. – С. 42–57.
46. Технология величайшего обмана. Анализ первого этапа приватизации в документах, цифрах и фактах // Правда. – 1995. – 25 января. – С. 42–57.

47. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. — М., 1998.
48. *Николенко Л.* Судостроение Украины. Разбитое корыто национальной экономики Украины // Рабочий класс. — 2001. — № 17(71).
49. *Шагаева Т.* «Стратегически важные» отрасли продолжают пить кровь экономики // Деловые ведомости. — 1996. — 19 декабря.
50. *Артемчук Л.* И прости нам долги наши... // Рабочий класс. — 2005. — № 11 — Март.
51. *Панова М.* Его величество посредник // Что делать? — 2004. — № 11 /63. — С. 22–24.
52. *Жаловага Л., Ильченко А.* Тайный счет «Домиана-Банка» // Ведомости. — 1998. — 16 октября.
53. Откуда валюта? Из Украины, сударь! // Коммунист. — 1998. — № 52 (49).
54. Українське суспільство. Соціологічний моніторинг / За ред. Н.Паніної. — К., 2004.
55. *Салій Б.* Курс на інвестиції? Проблема українського економічного клімату очима Заходу // Народне слово. — 2005. — 15 квітня.
56. *Суїменко Є.* В якій Україні ми живемо? Ще одна версія сутності «трансформації» // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 6. — С. 176–194.
57. *Согомонов А.Ю.* Судьбы и пророчества Питирима Сорокина // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
58. *Гош А.П., Дорогунцов С.И.* Советский социализм. — К., 2006.
59. *Баталов Э.* «Народный капитализм» как новая утопия // Свободная мысль. — 1998. — № 1.
60. *Зиновьев А.* Идеальных обществ не бывает, за идеалы борются // Коммунист. — 2004. — № 1(628). — 6 января.
61. *Крыштановская О.В.* Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. — 1995. — № 8. — С. 94–106.
62. *Турчинов О.* Тіньова економіка і тіньова політика // Демони миру та боги війни. — К., 1997.
63. *Некlesa А.И.* Постсоветский мир в новой системе координат // Восток. — 1997. — № 2. — С. 34–49.
64. *Овинников Р.* XXI век глазами Запада // Правда. — 1999. — 18 сентября.
65. *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория. — М., 2002.
66. *Овинников Р.* Рынок с человеческим лицом // Правда. — 1998. — 16–21 января.
67. *Видьманов В.М.* Опыт Китая поучителен // Правда. — 2001. — 23–26 ноября.
68. *Степанов О.* Крепнут связи с Китаем. К итогам государственного визита Председателя КПК Цзян Цземина в Белоруссию // Правда. — 2001. — 21–25 июля.

**Глава 4. Україна в постсоветському
пространстві і часі**

1. Чаадаєв Н.Я. Філософічні писемства // Статті і писемства. – М., 1989.
2. Хорошковський В. После СССР: Україна – новий рубіж. – К., 1998.
3. Гальчинський А. Обраним шляхом. – К., 1999.
4. Овинников Р. Імперіалізм встає на дыбы // Правда. – 1999. – 6–7 іюля.
5. Головаха Е.И., Панина Н.В., Чурилов Н.Н. Київ: 1990–1991. Соціологічні дослідження. – К., 1992.
6. Українське суспільство: десять років незалежності. – К., 2001.
7. Кононов И. Адаптаційні і адаптуючі стратегії поведіння міських жителів Луганщини в умовах суспільного кризи (По результатам изучения массового сознания) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1999. – № 2. – С. 70–88.
8. Лукінов І. Методи і засоби державного регулювання економіки перехідного періоду // Економіка України. – 1999. – № 5. – С. 8–11.
9. Пахомов Ю. Філософія української кризи: культ «невидимої руки»? / Віче. – 1995. – № 6. – С. 76–85.
10. Богиня Д., Волинський Г. Державне регулювання перехідних процесів / Економіка України. – 1999. – № 5. – С. 12–21.
11. Четов М., Жадан Н. Соціально-економічний аспект трансформації відносин власності в Україні // Економіка України. – 2004. – № 10. – С. 4–16.
12. Манчук А. Большой слет крупного капитала // Рабочий класс. – 2001. – № 12. – Апрель.
13. До стратегії ефективних перетворень // Економіка України. – 1999. – № 5. – С. 4–7.
14. Долішній М., Козеріг М. Модель державного регулювання в ринковій економіці // Економіка України. – 1999. – № 6. – С. 13–22.
15. Туровський І. Триумф слабкості. Чому зростає розчарування найпопулярніших учасників Помаранчевої революції? // Народне слово. – 2005. – № 24(243). – 25 червня – 2 липня.
16. Гальчинський А. Кінець тоталітарного соціалізму. Що далі? – К., 1996.
17. Попович М. Європа – Україна. Праві і ліві. – К., 1997.
18. Шляпентох В. Політики і соціологія // Незалежна газета. – 1998. – 19 листопада.
19. Інтерв'ю В.Кожемяко с Ю.Поляковым // Правда. – 1999. – 16–17 листопада.
20. Антонов М. Піррова перемога «союзу правих» // Правда. – 1999. – 30 грудня.
21. Пронин С. Соціалізм: друге дихання // Правда. – 1999. – 16–17 березня.
22. Манн Ю. Перехитрим ли мы капитализм? // Известия. – 1992. – 5 лютого.

23. О принципах создания и задачах Всеукраинского объединения предпринимателей. Доклад председателя Восточноевропейского объединения пред-принимателей, президента АТ «Украинской финансовой группы» Валерия Бабича // Киевские новости. Деловой мир. Вып. 1. – 1993. – Март–апрель.
24. Програма спілки незалежних підприємців (короткий проспект). Проект. – К., 1993. – Березень.
25. Вечірній Київ. – 2002. – 21 серпня.
26. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процентов и цикла конъюнктуры. – М., 1982.
27. *Шумпетер Й.* Капіталізм, соціалізм і демократія. – К., 1995.
28. *Арсеенко А.* Инновационный процесс и инвестирование нововведения // Віче. – 1995. – № 7(40). – С. 46–94.
29. Предприниматель Украины. Эскизы к социальному портрету. – К., 1995.
30. *Kast F.-E., Rosenzweig J.E.* Organization and Management: A Systems and Contingency Approach: Fourth Edition. – N.Y., 1985.
31. *Агеев А.И.* Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. – М., 1991.
32. *Суїменко Є.* Підприємливість як поведінкова позиція: вчора і сьогодні // Українське суспільство – 2003. Соціологічний моніторинг. – К., 2003.
33. Интервью с Ю.Ехануровым // Зеркало недели. – 2000. – № 1–2. – 15 января.
34. Приватизационные процессы в Украине: оценки и позиции граждан. – К., 1999.
35. *Пасхавер А.* Украинские реформы, или Приватизацию никто не любит // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2003. – № 4. – С. 61–85.
36. Трансформація. Моделі економіки України. – К., 1999.
37. Миф о приватизации. Доктор экономических наук, профессор Владимир Черняк размышляет о том, какие можно сделать выводы из мирового опыта приватизации и как адаптировать этот опыт к условиям Украины // Бизнес. – 1994. – № 17(72). – 3 мая.
38. *Ларцев В.* Основні особливості етапів приватизації // Економіка України. – 2001. – № 3. – С. 43–50.
39. *Гальчинский А.* Собственность, какая она есть. Сможет ли преодолеть глубокую деформированность? // Зеркало недели. – 2000. – № 13(133). – 6 октября.
40. Общественные науки и современность. – 2002. – № 5.
41. *Ревенко В.* Приватизация: быль и сказки // Посредник. – 1996. – 21 августа.
42. *Сінченко С.* Трасти – щоб красти? Ошукано 4 мільйони громадян. Хто поверне вкрадені гроші? // Комуніст. – 1996. – № 47(140). – Листопад.

43. *Дурдинец В.* По следам пресловутых трастов // Киевские новости. — 1996. — 15 ноября.
44. *Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты, шире цели: движение к Пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. — 1998. — № 8.
45. *Суйменко Є.І.* Приватизаційний процес: діючий сценарій і пошуки альтернативи // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. — К., 1999.
46. *Ленин В.И.* Великий почин // Полн. собр. соч. — Т. 39.
47. *Макеев С.* Классовый анализ в современной социологии // Социология, теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 3. — С. 5–22.
48. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации. — Харьков, 1997.
49. *Coram B.T.* Spoiling the Class Divide: Struggles within the Working Class over Distribution // The British Journal of Sociology. — 1992. — № 3. — September.
50. *Левада Ю.* «Средний человек»: фикция или реальность? // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1998. — № 2.
51. *Kelley J., Evans M.R.* Class and Class Conflict in size Western Nations // American Sociological Review. — 1995. — Vol. 60. — № 2. — April.
52. *Симончук Е.В.* Средний класс: люди и статусы. — К., 2003.
53. Статистичний щорічник України за 2004 рік. — К., 2005.
54. *Шульга Н.А.* Социальная структура украинского общества и проблемы формирования самоидентичности социальных групп // Научное наследие К.Маркса и современные социальные процессы: Материалы международной научной конференции (5–6 мая 2004 г., Киев). — К., 2004.
55. *Лобанова А.С.* Групповой эгоизм в сфере коллективной и кооперативной форм собственности : Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. — К., 1994.

Заклучение

1. *Гош П.А., Дорогунцов С.И.* Советский социализм. — К., 2006.
2. Последнее интервью с Александром Зиновьевым // Экономическая и философская газета. — М., 2006. — № 7.

Наукове видання

Суїменко Євген Іванович

**КАПІТАЛІЗМ У НАШОМУ ДОМІ.
ПОГЛЯД КРІЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРІЇ ТА СОЦІАЛЬНОЇ
ЕМПІРІЇ**
(російською мовою)

Наукові рецензенти:

М.О.Шульга, доктор соціологічних наук
Д.П.Богиня, доктор економічних наук

Відповідальна за випуск: *Т.Загороднюк*
Редактор: *В.Гломозда*
Коректор: *Н.Мельник*
Комп'ютерна верстка: *І.Данилюк*

Підписано до друку 11.06. 2007 р. Формат 60x84/16. Папір офс. № 1.
Друк офсетний. Ум.др.арк. 32. Замов. № . Наклад 300.

Видруковано з оригінал-макета, виготовленого в комп'ютерному комплексі
Інституту соціології НАН України. 01021, Київ-21, вул. Шовковична, 12

Видавництво "Стилос"
04070, Київ-70, Контрактова пл., 7
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 150 від 16.08.2000 р.)

Надруковано ТОВ "Поліграфічний центр "Фоліант".
04176, Київ-76, вул. Електриків, 26.
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.)